

ФИЛАРЕТ МОСКОВСКИЙ

Александр
Сегень

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

Книга посвящена одному из выдающихся деятелей Русской православной церкви митрополиту Московскому и Коломенскому Филарету (Дроздову) (1782–1867). Сорок шесть лет он возглавлял московскую кафедру, и время это вошло в историю как «эпоха Филарета». Духовный наставник Пушкина, Гоголя, Чаадаева, известных славянофилов, и сам — первый славянофил, святитель Филарет оказал огромное влияние на движение русской общественной мысли XIX века в сторону национальной самоидентификации. Главным трудом его жизни считается перевод Библии на современный русский язык; столь же главным было для него постоянное служение Богу, совершение литургий, составление и чтение проповедей, благодаря которым современники нарекли его Московским Златоустом. Святитель Филарет участвовал в важнейших государственных делах, к нему за советом обращались государи и многие замечательные люди России, он стал редактором Манифеста об освобождении крестьян от крепостной зависимости, деятельно руководил Русской церковью, при нем возводились новые храмы и восстанавливались старые, появлялись новые епархии и укреплялись прежде существующие. Именно под его духовным руководством строился в Москве храм Христа Спасителя, в котором ныне пребывают мощи святителя Филарета. По масштабу благих деяний с митрополитом Филаретом (Дроздовым) можно сравнить патриарха Алексея II, при котором святитель был причислен к лику святых.

[Адаптировано для AlReader]

FB2 книгу сделал mefysto

-
- [Александр Сегень](#)
    -
    - [ПРЕДИСЛОВИЕ](#)
    - [Глава первая](#)

ЖИЗНЬ®
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

1525

(1325)

Александр Сегень

ФИЛАРЕТ МОСКОВСКИЙ

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

*

© Сегень А. Ю., 2011

© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2011

ПРЕДИСЛОВИЕ

К Филарету повел меня Пушкин. Это было давно. Будучи в очередной раз гостем в его стихах, я, наконец, дозрел до того, чтобы осмыслить историю трех стихотворений: пушкинского «Дар напрасный, дар случайный...», филаретовского «Не напрасно, не случайно...» и опять пушкинского «В часы забав иль праздной скуки...».

Потом у меня появилась бумажная репродукция иконы работы современного изографа Зенона. Это единственная икона, на которой изображен Пушкин. Разумеется, не в качестве святого, но в пропорциях, равных святому Филарету Московскому. Они изображены сидящими рядом, митрополит — справа, поэт — слева. У митрополита на левом колене — Библия, у поэта на левом колене — лира. Та самая, которой он «вверял изнеженные звуки безумства, лени и страстей». Филарет изображен в церковном облачении и епитрахили, над головой у него нимб святого. Пушкин — в поэтической тоге и вместо нимба у него на голове лавровый венец. Десница Филарета приподнята с указующим перстом. Он только что дал наставление. Десница Пушкина опрокинута ладонью к зрителю, это означает, что, пораженный величавым голосом проповедника, он внезапно прервал «звон струны лукавой».

*И ныне с высоты духовной
Мне руку простираешь ты,
И силой кроткой и любовной
Смиряешь буйные мечты.*

*Твоим огнем душа согрета
Отвергла мрак земных сует,
И внемлет арфе Филарета
В священном ужасе поэт^[1].*

Это бумажное воспроизведение иконы я вставил в рамку и поставил у себя дома на видное место. Оно мне радовало глаз. И я думал: когда-нибудь напишу Пастырь и поэт... Но шли годы, другие сюжеты отвлекали меня. Нужен был кто-то, кто бы подвинул ленивого и грешного писателя на книгу.

И он пришел в лице владыки Климента — митрополита Калужского и Боровского. 6 ноября 2009 года я оказался в московском Манеже на церковно-общественной выставке-форуме «Православная Русь — к Дню народного единства». В большом конференц-зале проходило награждение лауреатов конкурса «Просвещение через книгу», проводимого Издательским советом Московской патриархии. Владыка Климент как председатель этого конкурса вручал награды. Мне присудили первое место в номинации «Художественная литература» за книгу «Поп». В качестве награды достались цветы, красиво выполненный диплом и тяжелый стеклянный куб с закругленным верхом, а внутри него нанесенное с помощью лазерной техники изображение святителя Филарета. Вручая мне все это, митрополит Климент тихо произнес:

— Ну вот, теперь о святителе Филарете напишете.

Трудно было бы расценить это иначе, нежели как напутствие...

Глава первая

ПОПОВИЧ ВАСЯ

1782–1791

Каких только нет объяснений названия подмосковной Коломны!..

В словаре Владимира Ивановича Даля сказано: «*Коломеньж. коломенье* ср. *ряз.* околица, околоток, соседство. Отчего и название города *Коломны*, околица Москвы». Коломенским жителям сия версия не по душе, они спорят, говоря, что это рязанцы свою околицу стали называть в честь города Коломны, лежащего на границе двух соперничающих княжеств — Московского и Рязанского. Коломенцам более по душе другие толкования. Например, что город назван от находившихся неподалеку каменоломен, мол, постепенно имя Каменоломня превратилось в Коломня, а потом — Коломна. Иные говорят, что речка Коломенка, на которой основался город в XII столетии, протекала мимо рынка. Рынок тогда назывался «менок», речку прозвали Околоменка, потом стала Коломенка, и на ней вырос город Коломна. Как Москва на Москве-реке, так и младшая сестра Москвы Коломна — на Коломенке-речке. Кстати, в Москву-реку впадающей.

Есть и такое причудливое объяснение: мол, три русских города происходят от Оки. Там, где Ока через луга протекает, встал город Окалуга — Калуга. Где Ока широкая, там Окашира — Кашира. А там, где Ока петлять начинает, ломаться, Окаломанная — Коломна. Толкование забавное, но не более. Ока через луга течет не только возле Калуги, широкой она становится гораздо дальше, чем Кашира, петлять и ломаться она начинает восточнее Коломны. А главное, город Коломна изначально не на Оке вырос, а при впадении Коломенки в Москву-реку и лишь за несколько веков дорос вширь до берега Оки.

Коломенские озорники изобрели совсем уж несуразные измышления. Будто Сергей Радонежский, побывав в этом городе, вернулся очень обиженный: «Я просил у них пить, а они колом мя!» Или будто явился к ним Мамай, а они его колом — на! Но такое толкование может воодушевить разве что таких же озорников от науки, потому что и Сергей, и Мамай были в истории куда позже, нежели появилось название Коломны.

Сейчас жители города называют себя коломенцами. Слово звонкое, в нем так и звенят бубенцы-колокольцы. А в прежние времена их самоназвание было иное, не такое веселое, но при этом более

величественное, с важной поступью — коломняне.

Коломнянин Михаил Федорович Дроздов был поповичем, то бишь происходил из священнического рода. И в жены ему сосватали поповну — дочку отца Никиты, протоиерея Богоявленской церкви, пятнадцатилетнюю Дуню, которой лишь после свадьбы исполнилось шестнадцать. А венчались они в понедельник 10 января. И год это был 1782-й от Рождества Христова. Жить стали в доме у тестя при храме.

Коломна располагается на глинистых почвах. Глина добрая, и оттого, если взглянуть на карту города той поры, нетрудно заметить, что многие кварталы заштрихованы в косую полосу и сказано, что сим обозначены места проживания гончаров. В гончарном квартале располагался и Богоявленский храм. Он и по сей день величаво возвышается среди деревьев, ныне являясь гарнизонной церковью Коломенского высшего командного артиллерийского училища. Крещенский храм, церковь Иоанна Предтечи, церковь Богоявления в Гончарах — названия разные, а храм один, этот самый. Только тогда, в 1782 году, он еще не был перестроен в стиле классицизма. Воздвигнутый в 1680–1689 годах храм еще сохранял черты той эпохи, нарышкинского барокко. Хотя в конце 1770-х — начале 1780-х годов в Коломне работал титан русского классицизма Матвей Федорович Казаков, перестроил архиерейский дом и Покровскую церковь. Дал толчок развитию нового направления зодчества в Коломне. Но до Богоявленского храма волна классицизма докатится только в первые годы нового столетия.

Вскоре после свадьбы, 6 февраля, Михаил Федорович Дроздов был поставлен диаконом в главном коломенском храме — кафедральном соборе Успения Богородицы, основанном еще Дмитрием Донским. Но жил с женой по-прежнему в доме при храме своего тестя, протоиерея Никиты. В этом доме и появился на свет будущий светоч православия.

Прибавление в семействе диакона Михаила и его супруги Евдокии произошло рано утром 26 декабря 1782 года, на другой день после праздника Рождества Христова, когда Церковь отмечает Собор Пресвятой Богородицы, верующие собираются, чтобы почтить Приснодеву Марию, Иосифа Обручника и его сына Иакова, сопровождавшего Святое семейство при бегстве в Египет.

Любопытно примечание, сделанное при рождении младенца. Было указано, что он появился на свет на две недели раньше положенного срока. Почему это было важно? Для ответа на сей вопрос надо вернуться на девять месяцев назад. Пасха в 1782 году была 27 марта. Если мальчик

родился в положенные сроки, то получается, что зачатие его произошло на Страстной седмице Великого поста. Можно предположить, что диакону Михаилу пришлось держать ответ. Быть может, даже и присягнуть, что они с супругой не допустили греха. Вот почему необходимо было обозначить факт преждевременных родов.

Родившийся на другой день после Рождества Христова первенец четы Дроздовых получил крещение 1 января 1783 года в день обрезания Господня, что тоже примечательно, ведь крещением Христос заменил обрезание. Приняв плотское ветхозаветное обрезание, Спаситель установил для своих последователей обрезание духовное, новозаветное.

Помимо обрезания Христова 1 января Церковь отмечает память святителя Василия Великого. Сей архиепископ Кесарии Каппадокийской, живший в VI веке, прославился тем, что во многих землях успешно проповедовал христианство и многих обратил ко Христу. Он составил особый чин литургии византийского обряда, совершаемой только десять раз в году — в воскресные дни Великого поста, кроме Вербного, в четверг и субботу на Страстной седмице, накануне Рождества и Крещения, а также и 1 января. В честь святителя Василия Великого младенец, получивший крещение в Богоявленской церкви, был наименован Василием. Имя весьма любимое в русском народе. Достаточно сказать, что по частотности русских фамилий в XIX веке на втором месте после Ивановых стояли Васильевы, а Петровы — на третьем.

Крестным отцом будущего святителя стал родной дядя — Петр.

В феврале диакон Михаил стал священником. Его определили к церкви Святой Троицы в Ямской слободе. При церкви — дом. Туда и переехала семья Дроздовых. Но недолго Вася прожил там. У Михаила Федоровича и Евдокии Никитичны рождались другие дети, и Васю взяли обратно в дом бабушки и дедушки. Здесь было просторно, две горницы, мезонин, на стенах красивые бумажные обои, большое зеркало в красивой раме, в горницах голландские печи, украшенные изразцами.

Никита Афанасьевич и Домника Прокопьевна особо прикипели сердцами к внуку, души в нем не чаяли. И он чувствовал ответную привязанность. Дедушка уходил в храм первым, чтобы подготовиться к очередному богослужению. Бабушка заканчивала дела по хозяйству и к началу службы спешила в церковь, прихватив с собой внучонка.

Запахи воска и ладана, пение хора, блеск и дрожание огоньков на фитильках свечей, загадочный свет лампад, лики икон, торжественный чин богослужения, ароматный дым кадила, строгие возгласы священников...

Для человека, в сознательном возрасте начавшего ходить в храм Божий, все это до конца дней будет оставаться чем-то немного в новинку. Для таких, как Вася Дроздов, оно было столь же естественно получаемым от жизни, как еда и питье, умение дышать, ходить... И потерять Церковь равнозначно тому, как внезапно утратить зрение или слух. Молитвы, тропари, кондаки, всё богослужение — ему не приходилось стараться запоминать все это, оно само запоминалось, легко и беспрепятственно почти ежедневно втекало в него, как река впадает в озеро, наполняя его чистой водой. И этой целебной воде уже вовек было не иссохнуть в нем.

Дядя Петя водил крестника в храм, каждое воскресенье Вася причащался.

У него рождались собственные представления о том, что и как происходит в храме. С младенчества начинала сказываться его поэтическая натура, радостно летящая навстречу образности. Когда в конце службы гасили свечи, от которых ввысь устремлялись дымки, Васе казалось, это молитвы отправляются на небеса. Однажды, глядя, как гасят свечи большого паникадила, как бегут и бегут вверх дымные струйки, он сообщил стоящей рядом маме:

— Мама, скоро кончится служба. Молитва к Богу пошла.

Первое, что стал в своей жизни мастерить Вася, — деревянные крестики из лучинок. И первые детские игры его были конечно же в священника. Он набрасывал на плечи платок, что-то там-сям повязывал и начинал «служить». К веревочке прикреплял грузик и помахивал игрушечным кадиллом собственного изготовления. Одно удивление было глядеть на эдакого малолетнего попика.

— Во имя Отца и Сына и Святаго Духа... Господу пом-м-молимся!..

Слух у него изумительный.

— Можно не сомневаться: хороший священник получится! А ну-ка, Васятка, пойдем теперь на гусях играть!

Что за волшебное слово «гусли»! И сами они у дедушки — как некая особая драгоценность. В ящике на ножках. Открывается крышка, под ней — ряды струн, из которых дедушка Никита извлекает разнообразные упоительные звуки. Он подсаживается к гусям на кресле. Внук тоже придвигает поближе свой стульчик.

— Самый церковный музыкальный инструмент, — говорит дедушка. — Царь Давид свои псалмы пел под псалтирю. А «псалтирь» по-гречески и есть гусли. Только наши гусли большие. Переноске не подлежат. Оттого именуются иной раз «лежачая арфа».

Такие гусли появились в России при Елизавете Петровне, а при

Екатерине Великой получили широкое распространение. Славился игрой на них композитор и певец Василий Федорович Трутовский, носивший титул камер-музыканта и придворного гуслиста. В такой «лежачей арфе» диапазон звучания увеличивался до пяти, а то и семи октав. Для них ввели хроматическую настройку. И больше всего их любили именно русские священники, отчего в народе их так и стали называть: «поповские гусли».

Вася во все глаза глядел, бывало, как дедушка перебирает ловкими пальцами струны, слушал, как зачарованный, а вскоре постепенно стал осваивать инструмент, научился сам играть.

Другого своего деда Вася почти не знал. Приходской священник Федор Игнатьевич Дроздов рано овдовел, передал приход сыну Михаилу и жил уединенно, в постах и молитвах, по-монашески, все его пропитание составляли хлеб, капуста и квас.

Совсем не так жилось в доме у дедушки Никиты. Вот и гусли эти, на которых так весело было играть.

— Ай да мальчик! Все на лету схватывает! — радовались родители. — Вот тебе, Васенька, пастила, как ты любишь.

Пастила — знаменитое коломенское угощение. Попович Вася, как и все другие мальчики, поповичи, дети гончаров и плотников, ямщиков и столяров, обожал бегать к фабрике, на которой изготовлялось это яблочное чудо, ловить запахи, исходящие оттуда, где она производится на свет, мечтать: «Эх, дали бы мне целое ведро пастилы, чтобы от пуза!»

От фабрики пастилы — айда к скотобойням! Но там другие впечатления — страшные. Вася никакого удовольствия не испытывал, глядя, как ведут на забой несчастную скотину, слушая, как она негодует и ропщет, предчувствуя близкий ужасный конец.

— Коли так жалеешь, зачем же мясо ешь? Не ешь мяса!

— И не буду.

— Не будешь мясо есть — монахом станешь.

— И стану.

Нет, к скотобойням он с ребятами ходить не стал. Другое дело на ручье играть в войну с Турцией.

— Вы будете грузины. Вы — турками. А мы — русские, будем грузин защищать.

— Не хотим быть турками!

Но кому-то ведь да надо, иначе что же это за игра в войну, ежели все свои? Приходилось соглашаться. Сегодня мы турки, завтра — вы. Сражение под Кинбурном. Взятие Хотина. Взятие Очакова. Победа при Фокшанах. Триумф на Рымнике. Осада и штурм Измаила. Каждому хочется

быть Суворовым.

— Ты?! Да ты, Васька-попович, маловат.

— А Суворов, сказывают, ростом не велик.

— Кто сказывает?

— Папенька. А он все знает. Он газеты читает.

— Попам газеты читать не положено.

Нет, не берут его в Суворовы. Видать, и впрямь придется идти в монахи. Все чаще разговоры о том, что скоро поступать в духовную семинарию. Мальчика отняли у дедушки с бабушкой, переселили в Ямскую слободу к отцу и матери. У отца огромная библиотека. Михаил Федорович слыл в Коломне книгоцеем, любил собирать книги. Эта любовь перешла к сыну-первенцу. Вася, обучившись грамоте, жадно поглощал все, что имелось у отца в книжном собрании. Особенно нравились стихи — оды Державина. Эх, научиться бы тоже так сочинять!

Жизнь, до чего же ты разнообразна и богата! Всем хочется овладеть, всему научиться, все познать. Хочется быть и поэтом, и музыкантом, и Суворовым, и священником, и монахом...

Глава вторая

СЕМИНАРИСТ ВАСИЛИЙ ДРОЗДОВ 1791–1803

Еще одним излюбленным местом игр и прогулок коломенской детворы был, без сомнения, величественный кремль, свидетель того, что в древности Коломна была вторым городом Московского княжества. Наименования башен нарочито подчеркивали преемственность от Московского Кремля: Свиблова, Тайницкая, Грановитая, Спасская. Но были названия башен и на свой лад: Сандыревская, Застеночная, Погорелая, а всех знаменитее — Маринкина, по имени Марины Мнишек.

В самом сердце кремля располагался архиерейский дом — резиденция главы Коломенской епархии, отдельной от Московской.

Епархия ведет свою историю с середины XIV века, и на протяжении четырех столетий она считалась весьма значимой. Потом наступила екатерининская секуляризация 1764 года. Тогда все русские епархии и монастыри распределили на классы, с установлением для каждого класса своих условий содержания. Коломенской епархии присвоили третий, то бишь низший класс. Раньше епархиальный штат и владычный двор содержались с получаемых доходов. Теперь государство платило оклад в 4332 рубля, из них лично епископу причиталось 1800 рублей. Деньги, казалось бы, большие, если учесть, что пуд хлеба стоил от трех до десяти копеек, сотня яиц — шестьдесят копеек, а фунт говядины — пять-шесть копеек. Но при этом купец первой гильдии, а их в Коломне было несколько, имел капитал в десять тысяч рублей, то есть в два с половиной раза больше, чем годовое содержание всей епархии. Государственных денег едва хватало епархии, чтобы сводить концы с концами, и она стала стремительно хиреть. Жизнь священников с каждым годом становилась все более скудной. Ухудшалось и положение духовной семинарии, в которую 20 декабря 1791 года в возрасте неполных девяти лет поступил новый семинарист — Василий Дроздов.

Духовный регламент, составленный епископом Феофаном Прокоповичем после отмены на Руси в 1703 году патриаршества, предписывал при каждой епархии иметь архиерейскую школу «для детей священнических или прочих, в надежде священства определенных». Так и в Коломне появилась в 1723 году семинария. Она разместилась в здании,

построенном прямо рядом с архиерейским домом. В наше время это келейный корпус Свято-Троицкого Ново-Голутвина монастыря. Поначалу в ней обучалось всего тридцать человек, но очень скоро количество возросло до семи сотен. Однако в год поступления туда Василия Дроздова училось уже только три сотни семинаристов.

Жизнь в семинарии строилась по монастырскому подобию. Учащиеся жили здесь вместе со своими учителями, домой погостить их отпускали редко и неохотно. Считалось, что излишнее общение с миром отвлекает от учебы, тогда как «от такового воспитания и учения можно воистину надеяться великой пользы человечеству».

Особенно обидно тем, у кого, как у Василия, родители жили совсем рядом — за пять минут добежать можно и до дома при Богоявленском храме, где дедушка с бабушкой, и до дома при Троицкой церкви, где отец с матерью. Но что поделаться, коли таков устав. И нечего о родных домах думать — вон сколько наук предстоит осилить! Начать с языков, латинского и греческого. Не выучишь их, так в старших классах совсем худо будет, ведь некоторые предметы на сих древних языках преподаются. Трудно, а грызешь.

К тому же отец сам немного преподавал в семинарии, так что доводилось видаться с ним, хоть и изредка.

Ректором Коломенской семинарии являлся тогда игумен Серпуховского Высоцкого монастыря Геннадий. Он преподавал богословие в старшем классе. Префект, то есть заместитель ректора, игумен коломенского Спасского монастыря Иероним обучал философии. Холостые миряне Иван Федулович Козловский, Ипатий Иванович Соболев и Артемий Егорович Зарайский преподавали грамматику, риторику и поэзию. Помимо философии и богословия в семинарии «изъясняли» Евангелие, катехизис, науку «о должностях человека», историю, географию, физику, арифметику и информаторию. Кроме греческого и латинского языков следовало изучать славянский, немецкий и французский.

У Коломенской семинарии своя особенная гордость — митрополит Платон. Не так давно, в 1787 году, он возведен в сан высшего иерарха Русской православной церкви. А ведь начинал свое образование здесь, в Коломне, местным семинаристом.

— Учись прилежно, Дроздов. Глядишь, и ты станешь митрополитом!

И он учился. На полуголодном пайке. В строгости. Но не роптал, в отличие от многих. Не слишком убивался и по поводу своего роста. Однокурсники многие уже на голову выше, а он что-то не очень хорошо растет. Так и суждено ему было остаться на всю жизнь маленького

росточка. Ну и не беда. Маленькому и меньше надобно.

Шли годы, и все тревожнее становилось в мире. Во Франции вспыхнула революция. Императрица Екатерина Алексеевна выпустила манифест с осуждением. Слишком вольного содержания французские книги выбрасывались и сжигались.

— А мы тут французский язык учим!

— На французском не только безбожники сочиняли.

Следом за Францией возбудилась Польша. Заговорили о варшавских инсургентах, о Тадеуше Костюшко. Совсем недавно мы подписали мир с Турцией, так теперь с поляками воевать приходилось. И вновь Суворов — он взял Варшаву, покончил с восстанием. В итоге Речь Посполитая исчезла с театра истории. Русская императрица, некогда переписывавшаяся с Вольтером, не на шутку взялась искоренять лишнюю вольность. В России введена духовная и светская цензура. Книги могли отныне выходить только после их освидетельствования ведомством митрополита Платона.

6 ноября 1796 года Екатерина II скончалась. Завершилось первое из пяти царствований, в которые суждено было прожить Василию Дроздову. Началось недолгое правление императора Павла. Поначалу возмущались — что он делает?! Зачем освободил вольнодумцев Новикова и Радищева? Зачем освободил польских повстанцев? Не приведет ли это к тому, что и у нас будет Франция? Но вскоре стали хвалить нового царя: увеличил жалованье духовенству, по всей стране пошло награждение священников и монахов орденами, наперсными крестами, митрами. Вышел указ, освобождающий духовенство от повинностей по содержанию полиции и отбыванию караулов. Ассигнование на духовные школы увеличилось вдвое, и вскоре Коломенская семинария стала получать подпитку.

Но 16 октября 1799 года Святейший синод представил царю доклад о состоянии дел в Коломенской епархии, из которого следовало, что епархия приведена в полный упадок. Синод отметил недостачу и подмены в ризнице, низкий уровень подготовки священнослужителей, плохую работу консистории и семинарии. Однако более существенными являлись изменение социально-экономического положения города и совмещение границ епархий с границами губерний. Коломна не вписывалась в принятую норму пребывания епископа в губернском городе. К тому же епархия владела частями нескольких губерний, и в этом усмотрели большие неудобства. В итоге Павел I принял решение о ликвидации епархиального центра в Коломне и переводе последнего архиерея Мефодия (Смирнова) в Тулу.

Одновременно с закрытием епархии упразднили и семинарию, а недоучившимся семинаристам разрешили поступать в духовные учебные заведения Московской епархии, из которых более всего славилась семинария в Свято-Троицкой Сергиевой лавре. Да на Москве еще имелась Славяно-греко-латинская академия. Можно было и туда поступить, к тому же дедушкин брат протоиерей Александр служил в Успенском соборе Московского Кремля и мог замолвить словечко. Но Троицкая семинария к тому времени стала лучшей, равнялась по уровню образования Киевской духовной академии.

— Ты — среди первейших учеников и можешь дерзнуть поступать в Троицу, — посоветовал Василию отец.

Так судьба направила его навстречу будущему другу и покровителю, выдающемуся религиозному мыслителю и деятелю Церкви — митрополиту Платону.

По пути в лавру отец и сын Дроздовы побывали в Москве. Дед, затворник Федор Игнатьевич, велел посетить в Новоспасском монастыре известного старца Филарета, выходца из Саровской пустыни. Встреча эта оказалась весьма необычной и знаменательной. Увидев коломенских посетителей, старец воскликнул:

— Милые мои! Да я вас заждался!

А когда отец Михаил подвел сына под благословение, старец благословил, потом внимательно и ласково посмотрел в лицо Васи и произнес:

— А в другой раз ты меня благословишь.

Великим постом 1800 года Дроздов успешно выдержал испытательный экзамен в Троице-Сергиевой духовной семинарии и Пасху уже встречал семинаристом в философском классе. Митрополит Московский и Коломенский Платон, будучи одновременно и преподавателем лаврской семинарии, с самого начала заметил весьма одаренного семнадцатилетнего юношу. На экзамене Дроздову помогло то, что он не ограничивался преподаваемым в Коломне, но много читал книг из отцовской библиотеки. Когда ректор семинарии архимандрит Августин задал ему написать сочинение на тему «*an dantur ideae innatae*» (о врожденных идеях), он вряд ли бы смог что-либо написать толковое, если бы не читал учебник по философии Винклера, имевшийся в собрании отца Михаила. Дав образцовое сочинение, Василий был сразу зачислен в философский класс, тогда как остальных для начала зачисляли в класс риторики.

Поначалу Василия приняли на свой кошт. Он нанял одну квартиру,

потом другую, третью... Казалось бы, снял жилье у священника, хорошо, да тот оказался весьма невоздержанного нрава, жена от него сбежала, и квартировались здесь студенты сомнительного поведения. Пропитание себе они попросту воровали где только можно. Неделю один ворует и кормит остальных, следующую неделю — другой и т. д. Дроздову это не понравилось, он явился к префекту и сам уговорил его о принятии на казенное содержание со взносом денег. Префект оценил его настойчивость и твердость характера. Дроздов был принят и без взноса. Жить стало легче, а главное — больше времени можно было теперь уделять учебе.

Хорошие известия приходили из родной Коломны. Отца Михаила поставили протоиереем и назначили настоятелем главного коломенского храма — кремлевского Успенского собора. Сестра Ольга вышла замуж за диакона Иродиона Сергиевского. 10 июня 1800 года семинарист Дроздов писал домашним: «Ваше Высокоблагословение, милостивейший государь батюшка Михаил Федорович! Я слышал, что у Вас в Коломне много случилось перемен, для Вас не неприятных, что к имени Вашей должности присоединено титло первенства. Я не хочу теперь изображать заслуги, которые сему предшествовали и сделали Вас сего достойным. Я не имею намерения хвалить, не довольно умея ценить истинные достоинства. Я скажу только с чувством сердечной радости: «Поздравляю!» Сплетением множества слов не лучше бы я выразил мои мысли, нежели сим одним». Стиль письма витиеватый. Говоря о нежелании сплести множество слов, автор при этом сплетает-таки их множество. С возрастом он будет писать более лаконично и все только по делу.

В одном из писем 1831 года: «Опасение, что худо напишешь, мирское». Письма «надобны отнюдь не для хорошего слога. Опасение, чтобы написать много или мало, часто бывает того же рода. Надобно опасаться, чтобы не написать больше того, что говорит истина, или меньше того». Здесь же видно, как юноша упивается своим талантом плести словеса.

Заметим и то, как прижилось к началу XIX столетия введенное при Петре обращение на «вы». Дети, даже обращаясь к родителям, пишут «Вы». При чем дети поповские. Хотя в Библии такое в обращении к одному человеку нигде не встречается. И к самому Спасителю мы молимся на «Ты».

В Троице Дроздов увидел, каким посредственным было образование в Коломне. Многие из упущенного приходилось как можно быстрее наверстывать, преодолевая глубины философии, всеобщей истории, древнегреческого и древнееврейского. Но ему страстно хотелось и здесь,

как в Коломне, первенствовать среди семинаристов, нравилось преодолевать горы наук. Захотелось проявить себя и на поэтическом поприще. Семнадцатилетний юноша пишет по-древнегречески приветственные стихи владыке Платону, коим искренне восхищается.

Митрополиту Платону в тот год исполнилось шестьдесят три. Он родился в 1737 году в Подмосковье, в миру звался Петром Георгиевичем Левшиным, учился в Коломенской семинарии, в Славяно-греко-латинской академии, стремительно развивался: уже в двадцать четыре года стал ректором Троицкой семинарии, придворным проповедником и законоучителем будущего императора Павла. Его считали просвещенным иерархом, он любил не только русскую иконописную школу, но слыл знатоком западного искусства, имел у себя картины болонской и римской школ. Он вообще считался одним из утонченных эстетов своего времени, собирал восточные статуэтки, китайский фарфор, ширмы, занавеси. Ввел лавровые венки для певчих в хоре, а когда в лавру приезжали важные государственные чины, в небе над обителью преподобного Сергия впервые стали вспыхивать огни фейерверков. Ревнителей строгости это раздражало, но многие отмечали, что Платон протянул руку светскому обществу и потихоньку перетягивает это общество, возвращая к Церкви.

Московским архиепископом он сделался, еще не имея сорока лет от роду. А в день своего пятидесятилетия Платон взошел на высшую ступень в русской церковной иерархии. Одновременно оставался директором Славяно-греко-латинской академии и архимандритом Троице-Сергиевой лавры, постоянным попечителем Троицкой семинарии, которую считал своим любимейшим детищем. При нем она преобразилась, став самым передовым в те времена православным учебным заведением. Главное, что ввел здесь Платон — соединение православной веры с изучением насущных явлений современной жизни, сие соединение оторвало семинарию от прежней схоластики. И это было весьма согласно с тем, что чувствовал и чего ждал от своей дальнейшей жизнедеятельности Василий Дроздов. Он видел, как отрыв Церкви от забот общества приводит к тому, что общество отходит от Церкви.

Владыка Платон столь сильно любил Троицу, что на московском подворье жил редко, в основном здесь, в обители преподобного Сергия Радонежского и новой Вифанской обители. Василий боготворил своего наставника, восхищался написанной им первой русской церковной историей и горячо желал продолжить начатое Платоном. И радовался, когда получал знаки признания со стороны ректора семинарии. Как в случае с греческим стихотворением, которое вызвало похвалу. О Василии

заговорили как о поэте.

Есть люди, которые все хорошо делают только из-под палки, когда на них строжатся, их ругают. Подлинно талантливый человек чаще всего бывает хорош, когда его замечают, когда его хвалят, а на недостатки намекают тонко. И тогда он становится еще лучше. Дроздов — из таких. Его выделяют среди остальных, а он и рад стараться пуще прежнего! Превзойдя всех в языкознании, философии, истории, устремляется покорять другие науки — риторику, психологию, медицину. Не просто исполняет послушание по надзору за семинарской больницей, но старается освоить все новые открытия в области лечения больных. Священник должен быть не только служителем в храме, но и служителем вне храма, в людях, знать их жизнь, уметь прийти на помощь не только в духовном смысле. Ведь Христос жил среди людей и все Его существо дышало стремлением помогать ближним. А мы должны стремиться к тому, чтобы быть такими же, как Спаситель.

Ловить рыбу, ходить по грибы, косить траву, ухаживать за больными? О нет, я же священник, лицо духовного звания! — Такое он решительно отвергал. И ловил рыбу в окрестных прудах, обихаживал больных, зная, как лечить то или это, какое лекарство и как составить, разбирался в экономике, писал стихи. Даже играл в шахматы со своими друзьями по семинарии. Их сложилось пятеро друзей — Вася Дроздов, Гриша Пономарев, Ваня Пылаев, Вася Розанов да Андрей Саксин. Всегда неразлучные.

Зять Иродион, зная способности Васи к игре на гуслях, подарил ему такие же, как у дедушки Никиты, и теперь Дроздов развлекал своих однокашников, наигрывая им все, что пожелают.

Одним из тяжелых потрясений времен учебы в семинарии, безусловно, стала для Васи Дроздова апрельская буря 1801 года. Тогда снегом занесло лавру так, что Троицкий собор стоял в огромнейшем сугробе по пояс, и были погибшие — шестерых семинаристов побил ветром и покрыло снегом, замерзли насмерть. Вскоре после ненастья резко потеплело, снег быстро растаял, обнаружили тела погибших. Тяжко было хоронить своих юных однокашников.

Среди пострадавших оказался и Андрей Саксин, он и без того был болезненный, вечно кашлял, а тут его не на шутку прихватило, оказался в больнице. В это время ввели как раз обучение медицине, и Дроздов, и тут лучше других освоивший азы науки, применял полученные знания: по книге Буханова сам составлял мази и втирал их в чахлую грудь товарища. Другие семинаристы переписывали для больного лекции. Врачи объявили беднягу безнадежным, но Дроздов не смирился, продолжал лечить друга и

так увлекся медициной, что поселился здесь, в больнице, охотно ухаживал за другими больными. «Я живу в больнице, но не болен или, чтобы точнее отвечать на Ваши вопросы, болен инспекторством над больницею, — писал Василий домашним, — пользуюсь спокойствием уединения и забавами сада. Часто вижу высокопреосвященнейшего, который иногда для того только выезжает из Вифании, чтобы пройти здешним монастырем и посетить больных».

Пастырство и целительство очень близки. Любя людей, жалея их, пастырь добрый лечит их души, но нередко становится и превосходным медиком. Вспомним великомученика целителя Пантелеймона, Косму и Дамиана, вспомним совсем близко отстоящего от нас по времени святителя Луку (Войно-Ясенецкого), архиепископа Симферопольского и Крымского, создателя целого направления в медицине — гнойной хирургии, великого анестезиолога, причисленного к лику святых Русской православной церковью.

Лечебницу, в которой подвизался Дроздов, часто посещал и владыка Платон. Видя старания своего любимца и на здешнем поприще, он еще больше прикипел к нему и вскоре сделал Василия своим иподиаконом, то есть отныне во время богослужений митрополита в лавре Дроздов помогал ему облачаться, носил за ним митрополичий посох.

С 1802 года архимандрита Августина перевели на должность ректора Московской академии, а новым ректором в семинарии сделался тридцатилетний архимандрит Евграф (Музалевский-Платонов). Из его прозвища видно, что он — птенец платоновского гнезда, ибо митрополит Платон, поощряя своих наилучших питомцев, присваивал им свое имя, и они становились через черточку Платоновыми. Довольно примечательная эта черточка! Никто, кажется, кроме Платона, так не делал.

Будучи сам не вполне ученым, архимандрит Евграф тем не менее любил стремящихся к учености и потому особо примечал Дроздова: «Отлично остр, прилежен и успешен». По воспоминаниям самого святителя Филарета, Евграф преподавал по протестантским пособиям — «задавал списывать отмеченные статьи из Голлазия». Уроки в классе сводились к переводу и объяснению этих списанных статей. «Общие нам с протестантами трактаты, как то: о Святой Троице, об Искуплении и т. п., пройдены были порядочно; а другие, напр., о Церкви, совсем не были читаны. Образования Евграф не имел стройного, хотя увидел нужду изучать отцов и изучал их». Евграф любил и увлекался мистическим толкованием Священного Писания — «Царствие Божие не в слове, а в силе заключается». В преподавании он старался переходить на русский язык.

В 1802 году, будучи переведенным в богословский класс, где курс читал архимандрит Евграф, Василий Дроздов получил благословение на ношение стихаря для служения в Трапезной церкви. Стихарь — облачение и для священников, и для мирян, прислуживающих в храме. Одежда, олицетворяющая собой чистоту души и помыслов, и потому бывает только светлых тонов. От греческого слова «στίχος» — строка, стих, прямая линия, поскольку и впрямь кроится прямыми линиями. Для каждого верующего человека первое облачение в стихарь — очень волнующее событие! Отныне ты не такой, как раньше, ты обозначен в светлости и прямоте и должен соответствовать своему новому облачению. Не иметь темных помыслов. Не лукавить.

Как же после этого Дроздов смог бы лукавить даже по просьбе добрейшего Евграфа, когда тот подбивал его и других семинаристов разыграть сценку:

— Приедет владыка Платон, а вы выйдете из аллеи к нему навстречу, будто не замечая его, увлеченные беседой о нем, о его добродетелях...

— Это театральное представление какое-то! Не желаю быть актером, — наотрез отказался Василий.

Честный, правильный, он при этом оставался во всех отношениях задорным и веселым парнем, которого обожали за это сочетание веселости, игривости и — правильности. Он продолжал писать стихи. Причем не только религиозные, возвышенные, но и легкие, забавные, игручие.

*Любезнейшим родным,
И малым и большим,
Всех благ прямых желаю
И также посылаю
Кому — агу! Кому — виват!
Пусть сами меж собой делят...*

В нем стали подмечать дар прозорливости. У некоторых это вызывало недоверие, смешанное с недовольством. Однажды несколько семинаристов сговорились, схватили Дроздова, накрыли одеялом, стали мутузить в спину, и при этом один из озорников, нарочно меняя голос, вопрошал с издевкой по-старославянски:

— Прорцы, Василий, кто тя ударяяй?!

В том же 1802 году его и назначили старшим над семинарской больницей, это дало возможность избегать повторения подобных расправ,

он ухаживал за больными, иной раз видел, как умирали, это давало повод размышлять о зыбкой природе человека, о неотвратимости смерти, о временности нашего земного существования.

Пролетело детство, промелькнуло отрочество... Заканчивалась учеба в семинарии. Ректор, недолгое время обижавшийся на Дроздова за то, что тот отказался участвовать в придуманном им представлении, теперь, подводя итог его учению, докладывал митрополиту Платону о нем и о Матфее Знаменском: «И по прилежанию, и по остроте ума как в других науках, так и преимущественно в поэзии они, без сомнения, лучше всех. Отличаются особенною скромностью».

Глава третья

УЧИТЕЛЬ ВАСИЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ 1803–1808

Рубеж столетий... В России век восемнадцатый закончился смертью Суворова, а век девятнадцатый начался убийством императора Павла. Два знамения, не предвещавших ничего хорошего. Умер не просто полководец, а носитель русского духа — самого что ни на есть. Убит не просто сумасбродный и потому несчастный, весьма верующий и потому счастливый человек по имени Павел Петрович, убит помазанник Божий.

Еще одним нехорошим предзнаменованием сочли землетрясение, случившееся 14 октября 1802 года. Эпицентр его находился на юге империи. Сильнее всего потрянуло Бессарабию, Крым, Новороссию. Херсон едва не стерло с лица земли. Докатилось до Москвы и Санкт-Петербурга. В Северной столице толчки были слабыми, и ощутившие их приняли сие за собственное легкое головокружение после вчерашнего. На Москве и в окрестностях трясло малость посильнее. Землетрясение напугало трехлетнего Пушкина так, что он на всю жизнь запомнил этот страх. Ав Сергиевом Посаде девятнадцатилетний Василий Дроздов писал домашним в Коломну: «Четвертого надесять дня текущего месяца, во втором часу полудни, здесь было чувствуемо землетрясение. Все слышали, как часовые колокола на здешней колокольне издали глухий и беспорядочный звук, чего ни ветер, ни другие причины не могли произвести... Подобно в Семинарии цветочные уборы, повешенные на сводах и железных связях палат, качались, столы колебались и скрипели, двери отворялись. В то же самое время в Вифании слышался звук, похожий на ружейный выстрел, и окна дрожали. Некоторые и поселяне здешние чувствовали столь же необыкновенное...»

Страшновато, будоражит кровь, но скорее лишь весело, нежели ужасно. Точно так же как когда думаешь о происходящем в далеких Европах. Там, во Франции, один из революционных генералов — Наполеон Бонапарт — уже провозгласил себя пожизненным консулом, а на европейском театре ему более не мешала непобедимая и неустрашимая суворовская армия.

Гроза 1812 года еще далеко, и, в соответствии с «Торжественной увертюрой» Чайковского, в 1803 году над Россией пока еще растворялось

благое и тихое «Спаси, Господи, люди Твоя и благослови достояние Твое...».

В марте Дроздов испытал горе. Как он ни старался, что ни изобретал для спасения Саксина, а друг Андрюша все же оказался не жилец, умер от чахотки. Смерть человека, за которым долго ухаживаешь, словно увлекает тебя за собой. Василий, возможно, впервые ясно увидел, что все мы в этом мире в гостях и кто-то отправится из гостей домой рано, как Андрюша, а кому-то придется допоздна засидеться.

В ноябре в Троицкой духовной семинарии — очередной выпуск. Двое лучших, Василий Дроздов и Матфей Знаменский, выдержав особый экзамен, принимавшийся самим митрополитом Платоном, зачислены в штат семинарии в качестве преподавателей. Жалованье — 150 рублей в год.

Отныне наш герой уже не просто Василий Дроздов, а Василий Михайлович — учитель греческого и еврейского языков. Началась его преподавательская деятельность. Разъяснять правила грамматики, учить правильно читать древние тексты, учить разговорной речи на этих труднейших языках, проверять правильность переводов отрывков из Псалтири, из творений Святых Отцов Церкви — Василия Великого, Иоанна Златоуста, Григория Богослова, Григория Паламы... Все это нравилось Василию Михайловичу. Будучи недавно лучшим студентом, он быстро стал лучшим среди преподавателей. И летом 1804 года его наградили поездкой в родную Коломну для участия в торжествах по случаю обновления Успенского собора, в которых принимал участие митрополит Платон. Родителям радостно было видеть свое чадо, выбившееся в люди, рядом с верховным иерархом, видеть, что Платон выделяет его, знает его, смотрит на него с надеждой.

Трехкупольный Успенский кафедральный собор в Коломне был заложен Дмитрием Донским в 1379 году после первой победы русских над ордынцами Мамаем на реке Воже. В росписях принимал участие преподобный Феофан Грек. В 1581–1586 годах в храме служил настоятелем епископ Коломенский Иов — первый патриарх Московский и всея Руси. В 1672 году обветшавший собор разобрали, и зодчий Мелетий Алексеев возвел новый пятикупольный храм. Здесь бережно оберегалась главная святыня — Донская икона Божьей Матери, сопутствовавшая Дмитрию Донскому во время битвы на Куликовом поле. Девятнадцатое столетие Успенский Коломенский собор встречал, имея своим настоятелем протоиерея Михаила Дроздова, при котором-то и состоялось обновление росписей храма. И на освящении новых росписей рядом с митрополитом Платоном находились двое Дроздовых — один из виновников торжества и

его сын, будущий светоч Русской православной церкви.

За трапезой говорили о всемирном упадке христианской веры. Во Франции неслыханное дело: безбожный корсиканец Бонапарт провозгласил себя императором. В Петербурге открыто живет и проповедует свое чудовищное учение основатель секты скопцов Кондрат Селиванов, провозгласивший себя Саваофом, Богом Отцом, а своего любимчика Александра Шилова назначивший Сыном Божиим Иисусом Христом! И это в столице православного государства. Развелось множество мистических сект, вновь подняли голову масоны. Церковь должна быть готова к грядущим тяжким испытаниям.

— А что слышно о саровском отшельнике Серафиме?

— Говорят, он предсказывает много бедствий России нашей.

— Иеромонах Серафим поставил возле своей пустыньки камень и по многу часов ежедневно, стоя на том камне на коленях, молится о спасении народа православного.

— А правда ли, что к нему медведь ходит и старец его кормит хлебом, а тот прямо из рук у него берет хлеб?

— Сколько же ему лет, этому Серафиму?

В 1804 году Серафиму Саровскому исполнилось пятьдесят лет. В сентябре разбойники напали на его отдаленную келью, обухом топора проломил отшельнику голову, сломали несколько ребер и позвонков, искали дураки сокровищ, а нашли только несколько картофелин. Чудом выживший угодник Божий едва дополз до Саровского монастыря, ему явилась Богородица, исцелила раны, он быстро стал выздоравливать, но после того случая до конца жизни ходил сгорбленным.

Пройдет время, и перо Пушкина чудесным образом соединит имена Серафима и Филарета...

Но будущий Филарет пока еще оставался Василием Михайловичем Дроздовым, учителем Троицкой семинарии. Жалованье скудное, особо не разгуляешься, еще хорошо, что дополнительно выдавали хлеб и дрова. Но все равно приходилось получать какие-то дополнительные деньги от отца. Многие молодые люди этим нисколько не тяготятся. Василий Михайлович переживал, что обременяет родителей, мечтал поскорее сделаться достаточно обеспеченным для полной материальной независимости. Но до этого нужно было дождаться августа 1806 года, когда его назначили лаврским проповедником. Причем сия должность была учреждена митрополитом Платоном нарочно для Василия Михайловича, раньше ее не существовало как таковой. Что же послужило поводом?

В сентябре 1805 года, стремясь остановить наполеоновскую

экспансию в Европе и восстановить законную власть во Франции, император Александр Павлович объявил войну французскому императору.

25 сентября в Сергиевой лавре прозвучала первая проповедь будущего святителя — «Слово надень преподобного Сергия». Если сравнивать эту с другими его проповедями, она не производит особо сильного впечатления. Но на слушателей в тот день она впечатление произвела. Прежде всего своим изумительным, поэтичным, почти музыкальным слогом. Каждая составляющая, подобно стихотворению, заканчивалась рефреном, в котором говорилось о том, что такое плоды духовные — «любвы, радость, мир, долготерпение, благодать, милосердие, вера, кротость, воздержание». Тонко намекая на грядущие испытания, Василий Михайлович заверял, что верую все можно одолеть. Сильные, но не верующие в Бога не знают радости душевной, а потому внутри у них пустота и, следовательно, можно их одолеть:

— Видели мы восхищенных победами римлян; но равнодушно смотреть на трупы мертвых, восхищаться, смотря на льющиеся кровавые реки, на царей, колесницы везущих, значит предаваться безчеловечному изступлению, а не радости. Видевшие Иисуса, радующегося радостью великою о том, что ни один погине от врученных Ему, кроме сына погибельного, те только научаются, якоже подобает радоваться. Плод духовный есть радость... Сии чудотворные плоды были единственною, сладчайшею, нетленною пищею сего в райском вертограде ныне торжествующего, а в земнодольных селениях превозносимаго подвижника Божия Сергия. Ведал он, что естественная пища превращается в плоть ядущаго, но манна Божественная сама-го вкушающаго пресуществляет в естество Божеское. Он веровал, поелику вера горы претавляет; любил, яко Бог любви есть; радовался, яко в Боге несть тьмы ни единыя; миролюбив был, яко Христос мир есть нам; долготерпел, поелику видел терпение на главе Божией; милосердствовал, поелику спасен милосердием; кроток был, яко известися, что реки благодати текут низу, а не верху; воздержен был, яко весь Богом обладанный. Се путь, верным подлежащий, се путь — и пойдем по нему. Аминь.

Кампания 1805 года оказалась для России неудачной. Несмотря на первые победы под Кремсом и Шенграбеном, 20 ноября под Аустерлицем в «битве трех императоров» Бонапарт нанес русско-австрийской коалиции сокрушительное поражение. Невесело встречали русские люди новый, 1806 год. Говорили о том, что скоро Наполеон придет в Россию, предчувствовали страшное нашествие, хотя оно и произойдет лишь спустя шесть лет. И вот 12 января 1806 года в Троицкой лавре из уст учителя

Василия Дроздова звучит «Слово на день торжества освобождения обители преподобного Сергия от нашествия врагов»:

— Было несчастное время, когда отечество наше, терзаемое иноплеменными, преданное недостойными сынами, готовилось испустить последнее дыхание... Господь сил венчал нас оружием благоволения, и отчаяние, не нашед места между памятниками благочестия, устремилось на полчища злодеев... Твердость в вере и благочестии есть и всегда первым основанием и единственным залогом благоденствия общественного... Религия в обществе есть пружина, по ослаблении коей все действия машины приходят час от часу в больший беспорядок... О, да не осуществится вечно начертание сие в тебе, любезное отечество! Да царствует в тебе всегда вера...

Слава разлетелась мгновенно. Из Коломны обратились к митрополиту Платону с просьбой рукоположить Василия Михайловича в священника и дать ему приход в родном городе. Платон ответил:

— Он мне самому нужен!

И в письме своему викарию епископу Дмитровскому Августину (Виноградскому) написал: «А у меня появился отличнейший проповедник. Я сообщу его проповедь, и удивитесь».

В феврале владыка предложил Василию Михайловичу по достижении положенного возраста принять монашеское пострижение.

— Позвольте мне хорошенько обдумать сие предложение, — попросил Дроздов.

Вероятно, он находился на перепутье, какую стезю избрать — монашескую или священническую, как его отец. Стать монахом — значит не иметь семьи, детей. Стать священником — значит не возвыситься до руководства епархией, не быть ни епископом, ни архиепископом, ни митрополитом. А он видел, что Платон не просто отмечает его, а именно как своего наследника.

Впрочем, даже если бы он и сразу согласился, ждать нужно было еще целых шесть лет. Как известно, при Петре I в отношении монашества принимались строжайшие меры. Долгое время постричься в монахи не мог здоровый и полный сил молодой человек, поскольку считалось, что в таком возрасте он должен иначе служить Отечеству. Лишь с 1760 года начались послабления, разрешено было постригаться лицам всех сословий и не только больным или вдовым священникам. Но к началу XIX века сохранялся возрастной запрет. Разрешалось постригаться в монахи только по достижении тридцатилетия. Вон и Серафим Саровский был пострижен в тридцать два. Дроздову же в 1806 году исполнялось двадцать четыре. О

каком монашестве можно вести речь? Да и отец писал, что он против, что хочет видеть своего первенца священнослужителем, а с мнением родителя следовало считаться.

Но Платон не на шутку положил глаз на Василия Михайловича как на своего приемника в будущем. Тот продолжал восхищать своими проповедями, и, как сказано, в августе 1806 года Дроздова назначили учителем поэзии и одновременно лаврским проповедником. Жалованья прибавили ровно на столько, что отныне можно было не ждать отцовского вспомоществования, со 150 до 250 рублей в год. Чувствуя поддержку, Дроздов пуще прежнего расправлял крылья. Его «Слово в день Рождества Богородицы» — уже заметная вершина красноречия.

— Ничто так не обыкновенно в мире, как жалобы на жизнь многопопечительную, — вещал он. — Если бы все воздыхания в сию минуту из сердец озабоченных, совокупясь, коснулись ушей наших, какую страшную бурю мы бы услышали!.. Легкомысленный смертный! Ты суетишься, как евангельская Марфа, и насчитываешь тысячу нужд. Сквозь шум попечений, которые, так сказать, роятся в смущенных мыслях твоих, допусти в душу твою голос истины, желающий тебя успокоить: *едино есть на потребу...* Раб воздыхает о том, что не имеет свободы, свободный сокрушается о том, что не имеет рабов; золотых гор мало для любостяжания, престолы низки для честолюбия, чертоги не вмещают человеческих желаний... Глад желаний не утолим, потому что пища не питательна и не свойственна... Мир есть коловратный круг; наша душа есть образ троичного божественного единства. Круг, положенный в треугольник, не может занять всего пространства, так целый мир не наполнит души человеческой... Создатель не мог сотворить глады, не приуготовив соответственной ему пищи; и следовательно, каждый вопль обманутых и неудовлетворенных желаний есть тайное наше поучение: человек не для мира, хотя и мир для человека; все в нем приобретения суть только трата времени... Пышность более бремя, нежели украшение; удовольствия чувств более суть залог будущих болезней или раскаяния...

Когда говорят о рождении нового русского литературного языка XIX века, сами собой возникают два звонких имени — Карамзина и Пушкина. А ведь имен должно быть три — Дроздов, Карамзин и Пушкин. В 1806 году Карамзин, запершись в своем кабинете, создавал первые тома «Истории государства Российского»; Пушкину еще только семь лет, и он даже не лицеист; а в проповедях Василия Дроздова уже звучат звонкие ноты будущего великого и могучего языка нашего!..

Продолжал он упражняться и в поэтическом творчестве. В 1807 году

митрополиту Платону исполнялось семьдесят лет. На день его тезоименитства учитель Дроздов написал стихотворение «Старость».

В это время чаша весов стала склоняться в пользу монашества.

Глава четвертая

ИЕРОДИАКОН ФИЛАРЕТ

1808–1809

«Батюшка! Василья скоро не будет...»

Принятие монашеского подвига — шаг головокружительно страшный. Это как только что оперившемуся птенцу прыгнуть из гнезда и полететь. А вдруг не полетишь?..

Это в определенном смысле — смерть. Прежнего тебя более не будет на свете. Прежний ты умрешь для мира. Появится другой человек. Его и звать будут по-другому. А того тебя, который мог позволить себе быть таким же, как все другие люди, не станет.

Учитель Дроздов осознавал это особенно остро. Скоро не станет ни Василия, ни Михайловича, они исчезнут, останутся в прошлом, а фамилия «Дроздов» хотя и сохранится, но будет отныне писаться в скобках. В скобках мира. А вне скобок мира будет новое имя. Какое — еще неизвестно.

И вот 1 ноября 1808 года он пишет отцу: «Не знаю точно, понравится ли Вам новость, которую скажу теперь; впрочем, если в Ваших письмах говорит Ваше сердце, надеюсь, что я не оскорбил Вас и не поступил против Вашего произволения, сделав один важный шаг по своей воле, по довольном, смею сказать, размышлении. Батюшка! Василья скоро не будет, но Вы не лишитесь сына — сына, который понимает, что Вам обязан более, нежели жизнью, чувствует важность воспитания и знает цену Вашего сердца. Простите меня, я не думал осмелиться хвалить Вас и не знаю, как это вырвалось. Без нетерпения, но с охотою, без радости, но с удовольствием я занимаюсь теперь некоторыми приготовлениями к преобразованию, а высокий благодетель мой отнимает у меня часть сих попечений. Дано приказание изготовить рясу и полукафтаны на его счет... Я прошу Вашего благословения и молитв и надеюсь, что Вы в том и в другом не откажете. Простите...»

Борение юноши Дроздова с молодой и полной соков плотью сказывается и в его проповедях, сочиненных накануне принятия монашества. Он доказывает всем и, вероятно, прежде всего самому себе, как пагубно жить одними устремлениями плоти.

— *Насытишися*: говорит плотоугодие, только не простирай взоров

твоих далее видимости; умственное блаженство есть блаженство вымышленное, существенное принадлежит чувствам. Если мы сотворены для счастья, то должны искать его близ себя. *Почивай, яждь, пей, веселися*: в сем заключается наука быть довольным. Как опасно слушать таковые уроки! — восклицал лаврский проповедник в «Слове надень преподобного Сергия», доказывая далее, что истинное насыщение душе приносит только безоглядное служение Богу.

Решение принять монашеский постриг окончательно созрело в нем летом 1808 года. Он восстал и произнес приговор Василию Дроздову: «Да! Решено. Тебя более не будет!»

На имя митрополита Платона поступило прошение: «Обучаясь, а затем обучая под архипастырским Вашего Высокопреосвященства покровительством, я научился, по крайней мере, находить в учении удовольствие и пользу в уединении. Сие расположило меня к званию монашескому. Я тщательно испытал себя в сем расположении в течение почти пяти лет, проведенных мною в должности учительской. И ныне Ваше Высокопреосвященство, милостивейшего архипастыря и отца, всепокорнейше прошу Вашим архипастырским благословением совершить мое желание, удостоив меня монашеского звания. Июля 7 дня 1808 года. К сему прошению риторики учитель Василий Дроздов руку приложил».

Радости митрополита не было предела. К тому времени уже начались послабления и в возрастном ограничении, но, волнуясь, как бы не возникло препятствий, Платон пошел на лукавство — направляя бумаги в Святейший синод, он взял да и приписал Дроздову лет, мол, тому уже исполняется тридцать. Кто-то сочтет возможным осудить Платона за этакую приписку, но нужно учесть, что здоровье владыки становилось все хуже и хуже, пройдет всего три года, и Платон будет разбит жестоким параличом, от которого уже не оправится. Чувствуя и предвидя близкий свой уход, он торопился оставить себе замену и видел ее именно в Дроздове. В чем-то ведь он ставил лаврского проповедника выше самого себя, когда говорил: «Я пишу по-человечески, а он пишет по-ангельски».

Ответ от Синода пришел положительный, и 16 ноября 1808 года в жизни Дроздова произошло важнейшее событие — Василия Михайловича не стало. Вместо него отныне появился Филарет.

16 ноября православная церковь вспоминает апостола и евангелиста Матфея, но постриженный в сей день монах получил почему-то другое имя, не Матфей, а Филарет, в честь Филарета Милостивого, чья память совершается на полмесяца позже — 1 декабря. Так почему же?..

Святой праведный Филарет Милостивый жил в VIII веке в Византии.

Был он богат, имел семью, детей, но в некоторой степени даже стыдился своего благополучия и старался как можно больше угождать людям. В его доме постоянно кормились нищие, он много жертвовал в пользу обездоленных. Тогда Господь наслал на него испытание: будет ли он столь же милостив, когда богатства его уменьшатся? Благополучие Филарета пошатнулось, но он продолжал свои благодеяния. Нашествие арабов полностью разорило Филарета, но он роздал и то, что у него оставалось, поскольку у соседей и того не было. Теперь он сам возделывал поле, имея для этого двух волов. Потом и вола одного отдал соседу, у которого пал единственный вол. Жена укоряла его, как некогда библейского Иова, но вскоре он и последнего своего вола отдал и все имущество роздал, поскольку душа его уже пребывала в блаженном состоянии. Но Господь не оставил семью Филарета — император Константин Багрянородный влюбился в его старшую внучку, высокую и статную красавицу Марию, и взял ее в жены. Семья, за исключением самого Филарета, переселилась в Константинополь, в царские хоромы. Отныне он мог не беспокоиться о благополучии жены и детей. Получая дорогие царские подарки, бабушка императрицы Марии продолжал все раздавать нищим, и Бог послал ему долгую и счастливую жизнь, девяносто лет от роду блаженный Филарет скончался и был причислен к лику святых. «Отдал бо еси дольная и кратковременная, взыскупа горних и вечных», — поется о Филарете Милостивом в посвященном ему кондаке. Тема, излюбленная Дроздовым, о чем свидетельствуют его проповеди, предшествовавшие принятию монашеского пострига. Здесь и нужно искать ответ на вопрос, почему он стал отныне Филаретом.

Пострижение происходило во время литургии в Трапезной церкви Троице-Сергиевой лавры, в которой он доселе постоянно прислуживал. Перед началом пострига он снял все свое одеяние и предстал перед постригающим в одной длинной рубашке — власянице. Состоялся опрос, призванный получить ответ о том, что постригаемый намерен стать монахом по своей воле и твердому намерению. Зазвучали молитвы о даровании новому иноку благодатной силы для успешного несения его подвига. Начался постриг.

— Брат наш Филарет постригает волосы головы своей в знак отречения от мира и всего, что в мире, и во отвержение своей воли и всех плотских похотей, во имя Отца и Сына и Святого Духа; скажем все о нем: Господи помилуй.

Постригал Василия в Филарета молодой тридцатилетний наместник Троице-Сергиевой лавры, архимандрит Спасо-Вифанского монастыря

Симеон, другой птенец гнезда Платона, тоже носивший через черточку прозвище «Платонов» (Крылов-Платонов). В семинарии он преподавал Дроздову французский язык и поэзию.

А через пять дней, когда праздновалось Введение во храм Пресвятой Богородицы, митрополит Платон рукоположил нового монаха Филарета в первый священный сан иеродиакона.

«Вы желаете ведать обстоятельства моего нового состояния. Но я почти не вижу около себя нового, — писал Филарет отцу 14 декабря 1808 года. — Тот же образ жизни; те же упражнения; та же должность; то же спокойствие, кроме того, что прежде, с некоторого времени, я иногда думал: что-то будет? Что-то выйдет? А теперь и этого не думаю. Его высокопреосвященство удостоивает меня такого благоволения, какого не смел и желать... Я редко видел начальника, чаще отца, наставника». Это — о митрополите Платоне.

Дальнейшая судьба виделась только здесь, в Сергиевом Посаде. Так хотели и Платон, и его любимец, который с восторгом всегда писал о лавре: «Кто покажет мне малый деревянный храм, на котором в первый раз наречено здесь имя Пресвятыя Троицы? Вошел бы я в него на всеночное бдение, когда в нем с треском и дымом горящая лучина светит чтению и пению, но сердца молящихся горят тише и яснее свечи, и пламень их достигает до неба, и ангелы восходят и нисходят в пламени их жертвы духовной. Отворите мне дверь тесной келии, чтобы я мог вздохнуть ее воздухом, который трепетал от гласа молитв и воздыханий преподобного Сергия, который орошен дождем слез его... Дайте мне облобызать порог ее сеней, который истерт ногами святых и через который однажды переступили стопы Царицы Небесной... Ведь это все здесь: только закрыто временем или заключено в сих величественных зданиях, как высокой цены сокровище в великолепном ковчеге. Откройте мне ковчег, покажите сокровище: оно непохитимо и неистоцимо; из него, без ущерба его, можно заимствовать благопотребное — безмолвие молитвы, простоту жизни, смирение мудрования»...

А суждено было совсем иное — жизнь в суетной столице государства Российского, жизнь отнюдь не простая, связанная с великим множеством испытаний и искушений, коими чреват дольний мир.

Получилось, как если бы один рыболов прикармливал рыбку, а другой с противоположного берега взял да и поймал ее. В Петербурге с недавних пор подвизался бывший ректор Лаврской семинарии архимандрит Евграф. Вместе с митрополитом Амвросием он занимался учреждением Петербургской духовной академии, позарез нужны были дельные

преподаватели. Тут Евграф и вспомнил про таланты Дроздова. И вот, в декабре 1808 года в Троицу пришло требование от Комиссии духовных училищ: иеродиакона Филарета и еще двух лучших лаврских учителей Платонова и Александрова прислать в Северную столицу империи.

Платон сильно огорчился. Он потребовал, чтобы Филарет подал прошение не забирать его из лавры. Неожиданно тот отказался:

— Я уже подал одно прошение — о пострижении меня в монашество. Произнеся тогда обет послушания, я отрекся от своей воли и теперь другого прошения подать не могу.

Что это было? Желание отведать петербургской жизни? Возможно. Но скорее, мне кажется, надо говорить о том, что ему могла быть и в тягость излишняя забота о нем со стороны Платона.

Как бы то ни было, а встретив в обители преподобного Сергия Рождество Христово и свой день рождения, иеродиакон Филарет 29 декабря покинул лавру. Через пять дней он прибыл в город на Неве. Та зима была лютая, и на морозе в 30 градусов Филарет столь сильно застудил ноги, что потом всю жизнь его преследовали боли в ногах.

3 января 1809 года он впервые увидел Санкт-Петербург. Город поразил его своим имперским размахом, стремительно убегающими вдаль перспективами проспектов и улиц, множеством каналов. И — совсем другая лавра, Александро-Невская, с иной, почти европейской архитектурой зданий, иначе спланированная. Здесь их встречали. Иеродиакона Филарета архимандрит Евграф поселил в собственных апартаментах. И на другой день Дроздов отправился представляться Амвросию.

Санкт-Петербургскому митрополиту Амвросию (Подобедову) было тогда шестьдесят шесть лет. Образование он тоже получил в Свято-Троицкой семинарии, там же некоторое время был учителем. В 1768 году принял постриг, его перевели в Славяно-греко-латинскую академию, где он вскоре стал известен в широких кругах просвещенного общества своим словом «О пагубных действиях суеверия», произнесенным при погребении убитого московской чернью московского архиепископа Амвросия, а также учебного «Руководства к чтению Священного Писания Ветхого и Нового Завета». Этот учебник в 1779 году был издан Святейшим синодом и долгое время оставался единственным руководством в семинариях.

Амвросий являлся епископом Севским, викарием Московской митрополии, затем стал архиепископом Казанским. Всю свою жизнь заботился об улучшении духовного образования в России, обновлял библиотеки, расширяя их фонды. На рубеже двух столетий Амвросий

возглавил столичную кафедру. 10 марта 1801 года одним из последних высочайших указов государя императора Павла I он был возведен в сан митрополита. По его указаниям в 1805 году составили и преподнесли Александру I проект преобразования духовных училищ. Преосвященный Амвросий являлся членом Комитета об усовершенствовании духовных училищ, учрежденного в 1807 году и преобразованного затем в Комиссию духовных училищ, и от новоучрежденной Санкт-Петербургской духовной академии получил *honoris causa* — почетную ученую степень доктора богословия.

Более всего Амвросия тревожило стремительное распространение в России всевозможных мистических течений и откровенного сектантства. Увы, обер-прокурор Святейшего синода князь Александр Николаевич Голицын, напротив, закрывал на это глаза, если не сказать покровительствовал. В обществе родилась и развивалась идея внеконфессионального христианства и адогматической религиозности. Чтобы бороться с этими тревожными новшествами, необходимо было воспитать армию высокообразованных православных священников и монахов. Вот почему такое значение Амвросий придавал создаваемой в Петербурге духовной академии.

В 1721 году при Александро-Невском монастыре появилась Славянская школа для обучения азбуке, письму, псалтири, арифметике, грамматике и толкованию евангельских блаженств. Через четыре года ее переименовали в Славяно-греко-латинскую семинарию с преподаванием богословия, философии, риторики, красноречия, истории, географии, древних и новых языков. Ученики набирались из разных сословий. Количество их составляло до ста человек. Славяно-греко-латинская семинария в 1736 году объединилась с семинарией, действовавшей в доме епископа Феофана (Прокоповича) на Карповке. В 1761 году Святейший синод предоставил разрешение выпускникам семинарии на обучение медицине за границей с выплатой им двойного жалованья. Они направлялись в Англию — в Кембриджский и Оксфордский университеты, в немецкий Геттинген. В 1788 году учебное заведение было преобразовано в Главную семинарию, куда посылали учиться лучших воспитанников из многих епархиальных семинарий России. Новгородская семинария была также переведена в Александро-Невский монастырь, и число воспитанников в Главной семинарии достигло двухсот человек. В Главной семинарии были введены церковная история, механика, естественная история, а также открыт класс математики и опытной физики. Лучшие из старшекласников, коих уже называли студентами, назначались лекторами

в низших классах.

В 1797 году одновременно с переименованием Свято-Троицкого Александро-Невского монастыря в Александро-Невскую лавру и семинарию преобразовали в Александро-Невскую академию. В высочайшем указе императора Павла I от 18 (29) декабря 1797 года было отмечено:

«Признали Мы за благо следующее распоряжение: как просвещение и благонравие духовного чина способствует просвещению и утверждению добрых нравов и в мирских, повелеваем кроме бывших доньше духовных академий в Москве и Киеве, учредить такие духовные академии в Санкт-Петербурге при Александро-Невском монастыре, и в Казани, вместо находящихся там семинарий, снабдя их всем, соответствующим званию и для преподавания потребным».

В духовных академиях, кроме общих семинарских курсов, постановили преподавать полную систему философии и богословия, высшее красноречие, физику и языки: латинский, древнееврейский, греческий, немецкий и французский.

Выпускники духовной академии распределялись наставниками в духовные семинарии и училища, на церковно-приходское служение, священниками при русских иностранных миссиях и посольствах. Многие продолжали свое обучение в светских учебных заведениях. Лучшие студенты оставались преподавателями академии низших классов. На 1808 год в академии числилось 277 воспитанников.

Согласно всеобщей реформе духовного образования в начале 1809 года Александро-Невская академия была разделена на три учебных заведения, которые продолжали размещаться в Александро-Невской лавре. Высшая школа — Санкт-Петербургская духовная академия; средняя школа — Санкт-Петербургская духовная семинария; низшая школа — Александро-Невское духовное училище.

Вот к каким событиям подоспел в Санкт-Петербург иеродиакон Филарет. После представления его митрополиту Амвросию архимандрит Евграф повез Филарета к одному из знаменитых деятелей Церкви того времени архиепископу Калужскому Феофилакту (Русанову), которого благодаря изысканным светским манерам и превосходному владению французским языком привечали и при дворе. Приятелем Феофилакта был его однокашник по семинарии Михаил Михайлович Сперанский, занимающий пост статс-секретаря. Именно Феофилакт при поддержке Сперанского как фаворита императора Александра создал комиссию по духовному образованию.

Принимая у себя молодого иеродиакона, Феофилакт спросил, чему он, собственно говоря, учился до этого.

— Философии, — ответил Филарет.

— Любопытно было бы тебя проэкзаменовать, — загорелся архиепископ. — Скажи, брат, что есть истина?

— Истина логическая или истина метафизическая? — уточнил Филарет.

— Не логическая и не метафизическая, а истина вообще.

Тут гость задумался и молчал, не зная, что отвечать. На выручку пришел архимандрит Евграф:

— Помилуйте, ваше высокопреосвященство! На сей вопрос не дал ответа даже и Христос Спаситель!

— Это верно, — засмеялся Феофилакт. — А каким языкам обучался наш иеродиакон?

— Древним. Еврейскому, греческому, латинскому.

— Надобно и новые знать. Французский, к примеру, очень советую. На нем пишут или на него переводят все примечательное, что есть в науке. Сейчас нужны образованные монахи, открытые новым идеям. Возможно, митрополит Платон не одобрил бы таких моих слов, но тем не менее это так. Учи французский!

Филарет послушал совета и сразу бросился осваивать французскую речь, живя у архимандрита Евграфа и пользуясь его библиотекой.

17 февраля 1809 года состоялось торжественное открытие Санкт-Петербургской духовной академии. В ней были введены ученые степени доктора, магистра и кандидата богословия. Время обучения определялось пятью годами. Ректором назначили архимандрита Евграфа.

Филарет ожидал получения в академии места учителя высшей риторики, но внезапно оно досталось другому троицкому иноку — иеромонаху Леониду (Зарецкому). Все-таки Феофилакт остался не вполне доволен знакомством с Дроздовым. Во многом, наверное, благодаря и тому, что митрополит Платон в последнее время выступал с критикой в адрес Феофилакta. Вместо должности в академии Филарет получил должность учителя риторики в Санкт-Петербургской духовной семинарии. Впрочем, одновременно он был назначен инспектором семинарии. Еще через пять месяцев иеродиакон Филарет вдобавок получит должность ректора Александро-Невского уездного училища, учрежденного при той же семинарии, с оставлением в прежних должностях в семинарии. Словом, поначалу его малость обидели, а затем забросали должностями!

Он получил отдельную комнату и мог более не обременять

архимандрита Евграфа. Но, как ни странно, жалованье его оказалось меньше, чем прежнее троицкое. «Стола еще не имею, ем по-христиански — хлеб и воду с вином... Хлеба ржаного и пшеничного в день мне надобно копеек на двадцать. Вот мое изобилие!» — писал он отцу в Коломну.

Весной состоялось знакомство Филарета с обер-прокурором Святейшего синода Голицыным, человеком, о котором он уже доселе успел наслушаться много чего нелестного. На вершину служебной карьеры этого легкомысленного вертопраха вознесло то обстоятельство, что в детстве он разделял игры с будущим императором Александром и его братом Константином. Сашка Голицын слыл не просто повесой, а изряднейшим шалуном и безобразником. О его выходках знала вся Россия. То он, переодевшись монахиней, принялся отплясывать при большом стечении знатных особ и духовенства. То совершил пиратское нападение на прогулочное судно графа Салтыкова и перепугал всех так, что был сослан на юг, где несколько месяцев подряд пьянствовал и резался в карты.

А картежник какой, прости господи!.. С картами связан самый безобразный анекдот жизни Александра Николаевича. Однажды он играл по большой ставке с сыном последнего гетмана Украины Львом Кирилловичем Разумовским. Спустил все, что имел в наличии, и, не зная, что бы еще поставить, поставил на кон свою супругу Марию Гавриловну, урожденную Вяземскую. И снова проиграл. Уговор дороже денег, Машенька, насмерть разругавшись с опротивевшим муженьком, переехала к красавцу Разумовскому, полюбила его, а он — ее. Она развелась с Голицыным и вышла замуж за Разумовского, сделав Александра Николаевича всеобщим посмешищем.

И вот, в возрасте всего-то тридцати лет, сей прохвост, над коим потешались все русские люди, стал царским надзирателем над всей Русской православной церковью! Подобное назначение воспринималось тогда с огромным недоумением, ибо Александр Николаевич к религии относился крайне легкомысленно, открыто заявляя, что человек рожден для чувственных наслаждений. Узнав о своем назначении, он простодушно воскликнул:

— Господи! Какой же я обер-прокурор? Ведь я ни во что не верю!

Однако, став обер-прокурором, Голицын вынужден был изображать из себя человека, не чуждого религии, но эта псевдорелигиозность выразилась в покровительстве всевозможным модным мистическим течениям, хлынувшим на Русь после смерти Павла I.

И вот однажды представители петербургского духовенства оказались приглашенными на праздник в Таврический дворец. Митрополит

Амвросий позвал с собой иеродиакона Филарета. Тот впервые в жизни видел суету, блеск и мишуру петербургского света. Все эти люди казались ему вертлявыми, пустыми, напыщенными, глупыми. И среди всех особенно выделялся обер-прокурор Синода, сущий вертопрах. Митрополит представил Филарета Голицыну, тот насмешливо спросил иеродиакона о чем-то по-французски, молодой монах стушевался и молча отошел прочь, подумав о Голицыне: «Какое странное существо!» Позднее он вспоминал: «Каким же неуклюжим дикарем показался тогда я ему! Что он должен был подумать обо мне? И теперь смешно, как придет на память мое неведение светских условий... Смешон был я тогда в глазах членов Синода. Так я и остался чудаком».

Однако ко всему этому нужно было привыкать. Точно так же как приходилось привыкать к климату Северной столицы. Филарета преследовали простуды, с которыми он стойко боролся.

Плохо обстояло дело с архимандритом Евграфом. В Петербурге он заболел чахоткой, чувствовал себя все хуже и хуже. Все сердечно переживали за сорокалетнего ректора академии, особенно иеродиакон Филарет, коему вскоре предстояло стать иеромонахом.

Глава пятая

ИЕРОМОНАХ ФИЛАРЕТ

1809–1811

Великим постом 1809 года Россия возобновила войну со Швецией. Генерал Багратион совершил ледовый поход семнадцатитысячного русского корпуса к Аландским островам, в чем-то сравнимый с переходом Суворова через Альпы. Вскоре русские войска оказались вблизи Стокгольма, а дивизия Барклая де Толли захватила шведский город Умео, после чего шведы капитулировали. При таких радостных событиях православный русский люд встречал 28 марта Пасху. И в сей день иеродиакон Филарет сделался иеромонахом.

Иеромонах — второй по значению монашеский сан. Посвященный в него может совершать таинства, включая главное таинство евхаристии и литургию — основополагающее богослужение христианской церкви. Единственное из семи таинств, которое он не может совершать, это таинство священства.

Итак, 28 марта 1809 года во время пасхальной литургии после пения «Херувимской» и перенесения Святых Даров с жертвенника на престол два диакона подвели Филарета к Царским вратам.

— Повели! — возгласил первый диакон, обращаясь к народу.

— Повелите! — возгласил второй диакон, обращаясь к клиру.

— Повели, преосвященнейший владыко! — возгласил первый диакон, обращаясь к митрополиту Амвросию.

Филарет вошел в алтарь, где его трижды обвели вокруг престола, углы которого он целовал, а также прикладывался к руке Амвросия, восседающего на горнем месте. В это время клирики пропели три гимна: «Святии мученицы, иже добре страдаете и венчавшеся...», «Слава Тебе, Христе Боже, апостолов похвало...» и «Исайе, ликуй...».

По окончании обряда хождения Амвросий встал у правого угла престола, а Филарет преклонил пред ним колена. Митрополит, совершив над главою новопоставляемого знамение креста, возложил на него свою руку и край омофора. Из уст Амвросия потекла тайнодейственная молитва:

— Божественная благодать всегда немощное врачующая и оскудевающее восполняющая, проручествует благоговейнейшего Амвросия во Филарета, помолимся о нем, да приидет на него благодать Всесвятого

Духа.

По прочтении молитв рукоположения Амвросий подал Филарету священнические одежды: епитрахиль, пояс и фелонь и еще Служебник, возглашая при передаче каждой из этих принадлежностей «аксиос» — «достоин». Наконец в знак того, что рукоположение совершилось, Амвросий трижды поцеловал Филарета и литургия продолжилась. После освящения Святых Даров митрополит подал новому иеромонаху частицу Тела Христова:

— Приими залог сей и сохрани его даже до пришествия Господа нашего Иисуса Христа, ибо в нем потребуется у тебя отчет.

Взяв частицу в руки, Филарет встал позади престола и прочел пятидесятый псалом. Пред возгласом «Святая святым!» он возвратил этот залог митрополиту и следом за настоятелем прежде других причастился Святых Тайн. Так по установившемуся с конца XVII века правилу совершилось рукоположение Филарета в иеромонахи.

Необычайные способности помогли его дальнейшему продвижению. 9 августа он стал ректором училища. Архимандрит Евграф не оставлял стараний, желая перевести Филарета в академию. Увы, чахотка неумолимо съедала этого замечательного человека, и в ноябре Евграфа не стало. И года он не пробыл ректором. Новым ректором стал другой Крылов-Платонов — архимандрит Сергей. 8 февраля 1810 года иеромонах Филарет получил должность преподавателя церковной истории Санкт-Петербургской духовной академии в звании бакалавра богословских наук. Новый ректор поселил его рядом со своей кельей, предоставил в распоряжение свою библиотеку, приглашал к себе обедать, любил беседовать с ним. Словом, жизнь приносила радости.

25 марта состоялось важное событие в жизни иеромонаха Филарета — он впервые читал проповедь в Северной столице. Шел Великий пост, настал праздник Благовещения. Он уже прекрасно знал, как живут русские в Санкт-Петербурге, как мало среди них истинно верующих, соблюдающих церковные постановления. Поститься уже считалось чем-то первобытно дикарским. Если и сохранялось что-то подобное религиозности, то в некоем виде, приближенном к протестантскому. Зайти на праздник в храм Божий, послушать проповедь, подумать немного о грехах, вздохнуть легонько о том о сем, может быть, даже всплакнуть чуть-чуть и подумать: «Какой я хороший, что не забыл Бога!» Именно об этом и хотелось говорить молодому проповеднику, обращаясь к столичным аристократам, купцам, мещанам, собравшимся послушать праздничную проповедь. И он смело выступил с обличением:

— Вообразим, например, что Христос внезапно явился бы в сем храме, подобно как некогда в Иерусалимском, и, нашед здесь, как там, продающих и купующих, продающих фарисейское благочестие и покупающих славу ревностных служителей Божества, продающих свою пышность и покупающих удивление легкомысленных, продающих обманчивую лепоту взорам и покупающих обольщение сердцу, приносящих в жертву Богу несколько торжественных минут и хотящих заплатить ими за целую жизнь порочную, — всех сих немедленно, навсегда извергнул бы отсюда, да не творят дома молитвы домом гнусной купли, и, как недостойных, отсекал бы от сообщества истинно верующих!

Это был вызов. Возмутись кто-нибудь из важных персон, находящихся в храме, и молодого проповедника могли бы надолго задвинуть, не давая более права читать проповеди. Но случилось нечто противоположное. Привыкших к тому, что духовенство столичное старалось не слишком-то укорять представителей высшего общества, слушателей внезапно проняло. Их пронзило силой веры, исходившей из этого невысокого худенького монаха. Обличение коснулось сердец, вызвало раскаяние, и многие потом подходили к Филарету, благодарили за пламенную проповедь.

А по Петербургу разнеслась весть: в Александро-Невской лавре появился новый проповедник!

Вскоре в стенах академии разразилась первая битва за чистоту православия. Архиепископ Феофилакт, как уже сказано, пользовался покровительством Сперанского, а тот привечал масонов. В 1810 году в академию впорхнул видный немецкий масон и одновременно протестантский священник Игнатий Фесслер. Ему дали читать восточные языки и философию. Протестант в православной духовной школе — это многие сочли необычным и даже привлекательным, студенты поначалу потянулись к Фесслеру. Но очень скоро стало ясно, что он проповедует весьма сомнительные мистические идеи, близкие к пантеизму, а то и вовсе к атеизму. В стенах академии чуть ли не состоялся антиправославный заговор. Преподаватель немецкого языка Отто Смольяно проповедовал протестантизм, а учитель французского де Бое — католицизм. В июне в масонскую ложу Фесслера вступил сам Сперанский. Но это не устрасило православных людей. Летом иеромонах Филарет, ректор Сергей и митрополит Амвросий подняли восстание. В итоге им удалось добиться увольнения и Фесслера, и де Бое, и Смольяно. Фесслера отправили в Саратовскую губернию, где ему разрешено было отныне лишь заниматься законотворчеством. Его курсы передал Филарету, а иностранные языки отныне преподавали русские учителя. Это был удар по Феофилакту, о

котором позднее Филарет писал: «Какая бы порча была для целой Церкви, если бы такой человек был первым митрополитом!» И еще из позднейших воспоминаний Филарета: «Влияние Фесслера на своих учеников было обширно. Я помню, один студент вышел из академии без веры в Искупителя как Бога. Я ему при окончании курса не посоветовал идти в духовное звание, и он действительно вышел в светское; теперь уже и умер. Это был человек не без ума, но гордый! Фесслер изгнан после того, как подал конспект по древностям Восточной Церкви, где, между прочим, поместил выражение, что богослужение наше слагается из двух элементов: лирического и драматического. Конспект этот, писанный на латинском языке, поручено было ректором Сергием (я жил тогда под его покоем, и он по милости своей кормил меня) перевести мне, тогда инспектору. Впоследствии, при постигшем тогда Сперанского несчастии (который и был причиною вызова Фесслера), нашли у него тетрадь руки Фесслеровой: *de transitu orientalis in occidentalismum*^[2], где он доказывает, что Иисус Христос есть не более как величайший философ. Даже в предисловии к проповеди, говоренной им, когда уже он был суперинтендантом, раскрывал он мысль, что никогда не изменял он своего образа мысли о Иисусе Христе. Вот какого человека взяли для академии».

Суетная жизнь Петербурга по-прежнему оставалась для Филарета чуждой. Душа его общалась с ангелами, а здесь, на земле, приходилось наблюдать нечто такое, что вызывало лишь жалость — чем живут люди?! «К здешней жизни я не довольно привык и едва ли когда привыкну более, — писал он 5 января 1811 года священнику Григорию Пономареву. — Вообрази себе место, где более языков, нежели душ, где надежда по большей части в передних, а опасение повсюду, где множество покорных слуг, а быть доброжелателем почитается неучтивым, где роскошь слишком многого требует, а природа почти во всем отказывает, — ты согласишься, что в такой стихии свободно дышать могут только те, кто в ней или для нее родились».

На Пасху 2 апреля 1811 года Филарета ждал успех в глазах обер-прокурора Голицына. Следует признать, что при всем своем легкомыслии князь Александр Николаевич способен был меняться к лучшему и постепенно от веры в то, что человек должен только ловить наслаждения жизни, переходил к вере в Бога, чему способствовало чтение Библии. Как-никак, а ему, обер-прокурору Святейшего синода, пришлось открыть эту вечную Книгу. И он проникся ею. Читанная в Александро-Невской лавре пасхальная проповедь иеромонаха Филарета, подобная стихотворению,

тронула сердце князя Голицына, он прослезился и, подзвав к себе Дроздова, поздравил его, а заодно высказал пожелание, чтобы ему почаще предоставляли возможность читать проповеди перед высокими собраниями.

А меж тем и в пасхальной той проповеди Филарет не щадил псевдохристиан:

— Что ж, если некоторые из нас ограничивают Пасху сед-мию днями веселия, не помышляя о непрестанном ко Христу приближении? Если *упиваются от тука дому Божия*, но не хотят и капли вкусить от горькой чаши Иисусовой? Если, вместо преимущественного над собою бдения, во дни святые предаются беспечности языческой, седоша людие ясти и питии, воссташа играти? Если среди торжества духовной свободы работают единой плоти; празднуя Пасху новую, остаются ветхими человеками; радуются о воскресении, а пребывают мертвы Богу? — Что будет таковой праздник? Ах, таковой праздник есть тело без души; и для таковых христиан — страшно, а должно сказать, — для таковых нет и воскресения Христова.

Сколько лет прошло, а для нас нынешних звучат сии слова! Взглянем трезвым взором, как и в Европе, и в России нашей празднуются Рождество и Пасха — в большинстве случаев именно так, как описывает Филарет: праздник тела, а не души! Много внешнего, много излишнего, пышного веселья телесного. И мало тех, кто к этим праздникам приходит духовно очищенным, сделавшим еще один шаг к Царству Небесному. Да что там, в большинстве стран Европы эти праздники стали лишь «доброй и веселой традицией», лишившись исконного христианского наполнения.

Следующая знаменитая проповедь Филарета была читана им в Троицын день 13 мая 1811 года в Александро-Невской лавре, и посвятил он ее сошествию Духа Святого на апостолов. Сия благодать наполняет человека истинной мудростью, а не той, которая учит людей «быть изобретательными в способах и ловкими в случаях к снисканию временных выгод и умножать свое достоинство не столько в себе, сколько во мнении других, — но премудрости, духовно востязующей вся, дабы все обратить в средства к единому вечному благу души». Он вновь говорил о ложных ценностях сего века и об истинных ценностях вечности.

В проповеди 10 июня того же года иеромонах Филарет пламенно говорил о грехе, о том, как его перестали бояться, о том, как «греховная болезнь одного может сделаться заразою многих» и как из этого общего греха рождается гибель целого народа. Ровно год оставался до вторжения Наполеона. Видя греховное море, разлившееся по Руси, прозорливцы,

подобные Филарету, предвидели скорое Божье наказание. И жгли сердца слушателей, взывая опомниться, отвергнуть жизнь грешную и тем самым отвратить Господню кару.

Дар проповеди — редкий дар. И слава талантливых проповедников быстро разносится.

Возьмите для примера день сегодняшней. У нас был недавно великий патриарх. От Алексия II излучалось сияние истинной веры и любви к людям, сияние, от которого загорались сердца ответной верой и любовью. Такие святители появляются раз в сто лет.

Зато нынешний патриарх Кирилл обладает бесспорно великолепным даром проповеди. И он пришел не столько чтобы ласкать и согревать, сколько чтобы взывать к совести, обличать грехи, пробуждать души ко спасению.

Подобных проповедников не так много. Еще совсем недавно отзвучали несравненные проповеди архимандрита Иоанна (Крестьянкина). Я бы еще назвал отца Алексея Козливскова, служащего в московском Богоявленском соборе. Еще несколько человек. Все они на виду, известны.

Точно так же было и в начале XIX века. Иеромонах Филарет, прочитав всего несколько великолепных проповедей, стал известен, и 30 июня он был «всемилоостивейше пожалован, за отличие в проповедовании Слова Божия» наперсным крестом с драгоценными камнями.

А еще через восемь дней, в праздник явления Казанской иконы Божьей Матери, иеромонах Филарет исчез, ибо отныне на свете появился архимандрит Филарет.

Глава шестая

АРХИМАНДРИТ ФИЛАРЕТ. ВОЙНА 1811–1814

Еще недавно с тридцати лет можно было только становиться монахом. Филарету не исполнилось двадцати восьми, а он уже получил первый высший монашеский сан. Архимандрит означает по-гречески «главный над овчарней» (αρχι — главный, старший, μάνδρα — загон, овчарня, ограда в значении «монастырь»). Это ниже епископа и в белом духовенстве соответствует митрофорному протоиерею и протопресвитеру. Чин архимандрита появился в Восточной церкви в V веке — так именовались избранные архиереем из игуменов лица для надзора над монастырями епархии, а также заслуженные иеромонахи, занимающие служебное положение при патриархиях, при церковных заграничных миссиях. Позже наименование «архимандрит» перешло к начальникам важнейших мужских монастырей, а затем и к монашествующим лицам, занимающим церковно-административные должности.

В Российской империи по Манифесту 1764 года о секуляризации монастырских земель русские монастыри были распределены по трем классам. Главы монастырей первого и второго классов стали называться архимандритами.

8 июля 1811 года митрополит Амвросий возвел иеромонаха Филарета в сан архимандрита и, возложив руку ему на голову, возгласил:

— Аксиос!

А по окончании литургии он подал новоиспеченному архимандриту жезл со словами:

— Прими сей жезл, им же утверждей паству твою, да правиши яко и слово имаши отдати за ю, нашему Богу, во дни суда.

Тем же летом по назначению Комиссии духовных училищ архимандрит Филарет производил ревизии петербургских духовных семинарий и училищ.

15 сентября 1811 года в Петербурге происходило торжественное освящение величественного Казанского собора. Одним из главных действующих лиц церемонии, безусловно, являлся семидесятивосьмилетний граф Александр Сергеевич Строганов. Последние десять лет своей жизни он посвятил постройке этого нового

столичного храма, который возводился бывшим крепостным графа архитектором Воронихиным.

Подходя под благословение к митрополиту Амвросию, Строганов произнес:

— Ныне отпускаеши раба твоего, владыко, с миром.

Слова оказались пророческими. В тот день дул ледяной ветер, граф простудился, слег и через пару недель скончался. Смерть такого знатного человека была большим событием. Обер-камергер, член Государственного совета, сенатор, президент Императорской академии художеств, директор Публичной библиотеки, первый граф в роде, один из наиболее выдающихся русских меценатов. Его меценатство было столь широко, что к концу жизни несметные богатства Строганова почти иссякли.

3 октября Александра Сергеевича отпевали в Казанском соборе. Собрался весь Петербург. И вот, после отпевания, перед столь огромным количеством народа с прощальным словом выступил архимандрит Филарет. И это стало событием.

Подобно Шекспиру, который в 66-м сонете восклицал «Tired with all these, for restful death I cry...»^[3] и далее перечислял несовершенства мира сего, Филарет сокрушался:

— Зависть враждует против достоинства; любочестие старается подавлять заслугу; корысть сражается с правом; безопасность поддерживается силою, испровергается другою превосмогающею силою; союз, утвержденный на выгодах, разрушается от малейшего их неравновесия; сердца, соединенные состраданием, разлучаются непостоянством... И только смерть освобождает человека от мучительных страданий видеть все несправедливости мира дольного. Смертный одр есть камень испытания прошедшей жизни; человек отлагает на нем то, чем он казался, и остается тем, чем он был...

Государь потребовал прислать ему текст и несколько раз перечитывал.

— Ты спрашивала меня, чем отличается вера католиков и православных, так вот пусть этот монах тебе объяснит, — сказал Александр своей супруге Елизавете Алексеевне.

В прошлом она была принцессой баденской Луизой Августой. Как и положено, выйдя замуж за российского монарха, приняла православие, но так до сих пор не знала, в чем же не внешние, а глубинные отличия двух главных европейских христианских вероисповеданий. Гораздо раньше своего супруга она стала проникаться верой и, в сущности, была более православной, нежели православный русский царь. Удивительная женщина! Не случайно в нее тайно был влюблен юный Пушкин...

И вот архимандриту Филарету поступил заказ, да не от кого-нибудь, а от самой государыни императрицы. Исполняя сей заказ, он сел за свой первый богословский трактат. Так было написано «Изложение разности между восточною и западною церковию в учении веры», получив которое, Елизавета Алексеевна осталась вполне довольна.

— Теперь я знаю, в чем разница между православием и Римом. Однако и удивлена: князь Голицын мне всегда казался человеком пустым, но вот его протеже — весьма толковый богослов.

Так завязался весьма важный узелок, от которого в будущем протянется крепкая нить дружбы этой августейшей семьи с Филаретом. А если история про старца Федора Кузьмича и затворницу Веру Молчальницу не вымысел, то, значит, именно здесь Александр и Елизавета впервые встали на тропинку, которая поведет их в таинственное старчество.

Но не будем забежать вперед. Тем более что описание подошло к одной из важнейших вех отечественной истории. Наступал 1812 год. Архимандрит Филарет встречал его, будучи уже известным проповедником. О нем говорили как о ни с кем не сравнимом носителе слова Божьего. Протоиерей Георгий Флоровский так сказал о его счастливом даровании: «Всегда живое слово и мыслящее слово, вдохновенное размышление вслух. Проповедь у Филарета всегда была благовестием, никогда не бывала только красноречием».

В день Рождества, 25 декабря, в Александро-Невской лавре он читал «Слово на Рождество Христово». Он радовался:

— Новый Адам исходит из девственной земли. Жена, источник проклятия, износит росу благословения.

Он тревожился:

— Доколе мы живем в мире с беспечною граждан и наслаждаемся им с самовластием обладателей, дотоле Христос не может вообразиться в нас.

Он взывал к Богу со страстным молением:

— О Боже, давай нам Сына Твоего!.. Дажь токмо нам ро-дити в себе дух Христов и жити Его жизнью. Тогда пусть и против нас, как некогда против Него, мятется Ирод и весь Иерусалим с ним; пусть неистовствует князь века сего, и весь мир вооружается: Ты покрыеши нас в тайне селения Твоего; на воде покойне воспитаеши нас, и чрез Ангела завета твоего введеши нас в гору святую Твою. Аминь.

Зная, что суждено испытать России в 1812 году, как не видеть в сих словах грозного пророчества? «Ирод и весь Иерусалим с ним» — читай: «Наполеон и вся Европа с ним». Но русские родят в себе дух Христов, а

посему напрасно «неистовствует князь века сего и весь мир вооружается»! Велик Бонапарт, но ничтожно мал в сравнении с Сыном Божиим.

Таковыми словами вдохновенный проповедник встречал зарю и грозу Двенадцатого года.

Причудливо начинался год сей.

1 января государственный секретарь Михаил Михайлович Сперанский, управлявший делами империи, получил в награду орден Святого Александра Невского, а уже в марте попал в опалу, получил отставку и был сослан в Нижний Новгород.

Пруссия и Австрия заключили договоры с Францией об оказании помощи последней в случае войны с Россией, а Пруссия еще и о прохождении войск Наполеона через ее земли на Москву. Люди, разбирающиеся в политике, уже прекрасно понимали, что войны в этом году не миновать. И войны — на своих территориях.

В начале года Филарет исполнял поручение Комиссии духовных училищ образовать для учеников, окончивших Санкт-Петербургскую семинарию, класс чтения Священного Писания и Святых Отцов и руководства к прохождению священнослужительских должностей. Вскоре его ожидало весьма важное назначение. Ректор Санкт-Петербургской духовной академии Сергей (Крылов-Платонов) получил костромскую кафедру, где его рукоположили в епископы. А новым ректором был назначен двадцатидевятилетний архимандрит Филарет. Это означало, что он признан не только как замечательный проповедник, но и как лучший среди преподавателей. За три года в академии он прочел и обработал полный курс богословских наук. Студенты в нем души не чаяли. По их воспоминаниям, Филарет «говорил остро, высоко, премудро; свободно делал изъяснения Священного Писания. Как бы все лилось из уст его. Привлекал учеников так к слушанию себя, что когда часы кончались ему преподавать, всегда оставалось великое усердие слушать его еще более без ястия и пития. Всем казалось истинно приятно, совершенно его учение. Все доказывало, что он много в науках занимался».

Без преувеличения можно сказать, что с его приходом на ректорскую должность начался расцвет академии. Первым делом он переработал академический устав, затем исправил уставы духовных семинарий, уездных и приходских училищ. И на все это у Филарета, не имевшего никаких помощников, ушло шесть недель. Через многие годы он говорил, что так много работать ему не доводилось ни до этой должности, ни после.

Вдобавок, став ректором, Филарет обязан был теперь посещать заседания Санкт-Петербургской духовной консистории — учреждения,

призванного управлять епархией и вершить духовные суды. Это отнимало время, поскольку заседания проходили пять раз в неделю.

Вскоре после назначения ректором, 27 марта 1812 года, архимандрит Филарет получил в свое ведение и монашескую обитель — его определили настоятелем новгородского Юрьева монастыря. Монастырь этот считался одним из знаменитейших на Святой Руси. Основанный Ярославом Мудрым, он носил его крестильное имя, поскольку Ярослав в крещении был назван в честь святого Георгия Победоносца. Главный храм монастыря — Георгиевский собор, в котором покоились Федор Ярославич и Феодосия Мстиславна — брат и мать Александра Невского, по великолепию уступал только Софии новгородской. Впрочем, после секуляризации монастырских вотчин в 1770-х годах Юрьев монастырь потерял значительную часть своих владений и пришел в запустение. А в 1810 году он к тому же пережил сильный пожар, уничтоживший все деревянные постройки. Так что новому настоятелю приходилось решать огромное количество хозяйственных вопросов. Академия, консистория, монастырь — вот сколько всего разом обрушилось на молодого архимандрита!

Утопая в заботах, он встречал Пасху 1812-го. Вместе со всеми ночью вглядывался в небо, в котором висела устрашающая комета. Она появилась еще в прошлом году, но в этом стала ярче, хвост ее, задранный кверху, распушился. Казалось, светящееся гривастое чудовище падает на землю, хотя на самом деле комета уже удалялась от Земли и Солнца, уходя в глубины Вселенной. Небесный предвестник земных бед...

Накануне Пасхи, в Страстную пятницу, Филарет читал проповедь в придворной соборной церкви в присутствии государыни Елизаветы Алексеевны и вдовствующей императрицы Марии Федоровны, а также братьев и сестры государя. Страстная пятница — самый скорбный день, самый строгий пост. Христос распят и погребен, и Его воскрешение будет только завтра.

— Да не будет, христиане, чтобы мы нашего Вождя воображали хотя на минуту побежденным, когда видим Его мучима и бездыханна, — говорил Филарет. — Вчера на вечерней трапезе ясно предначертал Он события настоящего дня — и предложил в снедь свое тело, ныне терзаемое, дал в питье кровь, ныне изливаемую.

Вскоре и России суждено было быть распятой, терзаемой, окровавленной, чтобы воскреснуть и воссиять во славе.

— О, кресте славы! Не буди отныне древом проклятия и ужаса, но древом благословения и мира; повергни к подножию твоему языческие оливы и лавры; взыди на священные венцы державных глав; будучи

свидетелем и орудием подвигов, буди также их воздаянием и украшением...

В День Святого Духа император Франции Наполеон Бонапарт обвинил Россию в нарушении Тильзитского мира и по сути объявил ей войну. А в ночь на 12 июня ведомая им общеевропейская армия переправилась через Неман и вторглась в пределы Отечества нашего. То была среда Пятидесятницы, когда читается из апостольских посланий: «Открывается гнев Божий с неба на всякое нечестие и неправду человеков, подавляющих истину неправдою...» (Рим. 1, 18).

В России эту войну ждали, но многие до последнего дня верили, что она не начнется. В июне 1807 года в Тильзите был заключен мирный договор, Наполеон и Александр I поклялись в вечной дружбе и с того времени всегда обменивались наилюбезнейшими письмами, обращаясь в них друг к другу словами «Государь брат мой...». В мае 1809 года Россия присоединилась к торговой блокаде Англии, чего Бонапарт требовал от всех своих союзников. Царское правительство шло на многие уступки. В случае войны Франции и Австрии русский царь обязался воевать на стороне Наполеона.

А Наполеон тем временем готовился к войне против России. Он привлек на свою сторону Пруссию, а затем и саму разгромленную им под Ваграмом Австрию, разведясь с императрицей Жозефиной и женившись на дочери австрийского императора Марии Луизе. При этом Наполеон продолжал слать Александру весьма дружелюбные послания...

В истории тех времен войны всегда назывались «австро-французская», «франко-прусская», «русско-турецкая» и т. п. И только о войне 1812 года мы никогда не скажем: «франко-русская» или «русско-французская». Почему? Потому что это было противостояние всей Европы и России, новый крестовый поход против Отечества нашего.

Лев Толстой точно и четко обозначил многонациональный характер этой войны как войны Запада против России. Вот какими словами начинается третий том его бессмертного романа «Война и мир»: «С конца 1811-го года началось усиленное вооружение и сосредоточение сил Западной Европы, и в 1812 году силы эти — миллионы людей (считая тех, которые перевозили и кормили армию) двинулись с Запада на Восток, к границам России, к которым точно так же с 1811-го года стягивались силы России. 12 июня силы Западной Европы перешли границы России, и началась война, то есть совершенно противное человеческому разуму и всей человеческой природе событие». Толстой нарочито подчеркивает, что не силы наполеоновской Франции, а именно силы Европы вторглись в

пределы нашей родины. И через несколько страниц еще раз: «Люди Запада двигались на Восток для того, чтобы убивать».

И, как всегда, именно мы, русские, делали все возможное для избежания войны. Даже узнав о вторжении и страшно негодуя на коварство Бонапарта, Александр I тотчас пишет Наполеону письмо: «Государь брат мой, вчера я узнал, что, несмотря на добросовестность, с которой я выполнял мои обязательства по отношению к Вашему Величеству, Ваши войска перешли границы России». Оговорив все разногласия и способы их устранения, Александр заканчивает письмо такими словами: «Если в намерения Вашего Величества не входит проливать кровь наших народов (...) и если Вы согласны вывести свои войска с русской территории, я буду считать, что все происшедшее не имело места и достижение договоренности между нами будет еще возможно. В противном случае Ваше Величество вынудите меня видеть в Вас лишь врага, чьи действия ничем не вызваны с моей стороны. От Вашего Величества зависит избавить человечество от бедствий новой войны».

Но Наполеону не было никакого дела до бедствий человечества, он привык в изобилии проливать кровь, и наш царь прекрасно понимал это. В день начала войны он находился в Вильне (нынешний Вильнюс), а армии Наполеона перешли через Неман в окрестностях Ковно (нынешний Каунас). Между русским и французским императорами лежало расстояние менее чем в 100 верст.

Вторгшиеся в пределы России войска по тем временам имели небывалую численность и не случайно были названы «Великой армией». Свыше шестисот тысяч человек и около полутора тысяч орудий. Собственно французам в «Великой армии» было менее половины. Свыше 50 процентов наполеоновских войск составляли поляки, итальянцы, немцы, австрийцы, голландцы, швейцарцы и далее понемногу — представители самых разных народов Европы. Таким образом, без всякого сомнения, эту войну можно называть не только Отечественной войной 1812 года, но и европейско-русской.

Отправив письмо Наполеону, Александр тотчас направляет «Приказ по Русской армии» — документ, исполненный благородного негодования и уверенности в том, что Господь не оставит Россию и победа будет за нами. Завершали его возвышенные слова: «Французский император нападением на войска наши при Ковно открыл первый войну. И так, видя его никакими средствами непреклонного к миру, не остается нам ничего иного, как, призвав на помощь Свидетеля и Защитника Правды, всемогущего Творца небес, поставить силы наши противу сил неприятельских. Не нужно мне

напоминать вождям, полководцам и воинам нашим о их долге и храбрости. В них издревле течет громкая победами кровь славян. Воины! Вы защищаете веру, отечество и свободу. Я с вами. На начинающего — Бог».

Нужно было свершиться столь устрашающему вторжению, чтобы взоры русского царя обратились ко Господу. Царя, который доселе не заглядывал в Евангелие. Воистину, гром не грянет, мужик не перекрестится!

О том, что Александр впервые стал заглядывать в Евангелие только в 1812 году, написано немало. И, вероятнее всего, это так и есть. Его духовником с юных лет являлся протопоп Андрей Самборский, о котором говорили, что он более агроном, чем богослов, и более англичанин, чем православный священник. Слово Божье он преподавал не по Евангелию, а по краткому катехизису, составленному для народных школ. В молодости Самборский много прожил в Англии, женат был на англичанке, обращенной им же самим в православие. Он, кстати, преподавал детям Павла I не только Закон Божий, но и английский язык. По особому разрешению государя отец Андрей брил усы и бороду, чем, естественно, сильно отличался от остальных русских священников. Но вряд ли стоит говорить, что он был причиной юношеского безбожия Александра. Напротив, скорее нужно предположить, что отец Андрей, человек добросердечный и честный, мягко и ненавязчиво заложил в душу своего августейшего воспитанника то зерно веры, которое разовьется позднее, уже под благодатными лучами Филарета.

Война с Наполеоном для нас стала отступательной, и это сильно огорчало русского императора. Успех сопутствовал нашим армиям лишь в арьергардных боях, и «слава Богу!» наши генералы произносили пока лишь в тех случаях, когда удавалось благополучно отойти. 7 июля император Александр Павлович, оставив армию Барклаю, выехал в Москву. Вероятно, именно в эти дни, потрясенный тем, как мощно наступают враги, он взял в руки изданный на французском языке Новый Завет, предложенный ему для прочтения обер-прокурором Голицыным, старинным другом детства Сашкой.

«Вольнодумец, равнодушный к религии, Александр впервые прочитал Евангелие в 1812 году и был поражен необычностью этой книги. Он был тогда не одинок в этом своем увлечении Новым Заветом. В этой книге для него и для многих его современников звучал какой-то призывный голос, таинственный и внушительный. Официальная церковь не внушала Александру почтения к своей деятельности. Он видел в архиереях, украшенных лентами и орденами, ревнителей все той же пышной

государственности, которая досталась ему как наследие екатерининской империи. Александр и без архиереев задыхался в этом торжественном великолепии. Другой церкви он не замечал. Он не интересовался тем, как она существовала в течение двух тысячелетий. Он слышал, что были христианские апологеты, мученики, отцы церкви... Но всех этих святых заслоняли императоры и патриархи монументальной Византийской империи. Эта огромная и тяжелая декорация не нравилась Александру, утомленному мировой политикой, в коей пришлось ему играть такую ответственную роль. Ему не удалось осуществить своей давней мечты — уединиться в качестве простого гражданина где-нибудь на берегах Рейна. Но он еще не утратил надежды освободиться когда-нибудь от мучительной сложности истории. Ему хотелось сложность заменить глубиной. И вот в этой неожиданно обретенной им книге Александр нашел желанную глубину. И вместе с тем как проста эта книга! Зачем ее читать нараспев среди золота и мрамора соборов? Не лучше ли забыть об официальных истолкователях книги? Не лучше ли самому приникнуть к этому простому повествованию о жизни прекрасного галилеянина и его учеников, этих добрых рыбаков, которые, вовсе не интересуясь кесарем, жили на берегу Тивериадского озера? Вместе с тем как загадочны и мудры изречения, записанные в этой книге».

Странно, что тридцатипятилетнему Александру дал читать Евангелие даже не протопресвитер Павел Криницкий, назначенный духовником императора еще в 1808 году, а именно вертопрах Голицын, про которого до сих пор судачили: «Жену в карты проиграл, а туда же — за Церковью следит!» Неисповедимы пути Господни. В тяжелую годину просвещать русского государя в отношении Христовых заповедей стал именно этот недавний кутила и картежник, а в помощь ему поспел инок Филарет, от молодых ногтей чистый и светлый.

В Российском государственном историческом архиве Санкт-Петербурга в фонде святителя Филарета Московского есть одна толстая папка, в ней хранятся записи о всевозможных чудо-творениях и предсказаниях. И в частности — «Предсказание о войне России с Францией», где неизвестный автор пишет следующее: «В 1812 году, когда французские войска шли на Россию, ехал я из Мангейма в Карлсруе с одним молодым пруссаком по имени К..., который в пророческом духе предсказывал мне все то, что до сего времени случилось. Вначале был он весьма скрытен, но, уверившись, что я люблю Бога и на Него единого уповаю, назвал меня своим другом, и на вопрос мой — как он думает, победят ли французы россиян — отвечал следующее: «Французы победят и

пройдут во внутренность России, даже овладеют Москвою; но при вшествии их сей древний город будет сожжен. Тогда положен будет предел злодеяниям французов, ибо с той минуты щастие отвратится от них за их неверие и холодность к религии. Все французское войско истреблено будет в короткое время, не оружием русских, но силою Божиею; впрочем мне неизвестно, какие Бог употребит к тому средства».

Свидетельства о силе Христовой бывают особенно яркими в такие грозные нашествия. Несокрушимый Тамерлан трижды не мог одержать побед в своих походах, и всякий раз — когда он шел на христиан. Неудачными оказались его походы на Иерусалим, Москву и Пекин, который ненадолго стал христианским в начале XV века. Несокрушимый Наполеон пришел в Россию, и русские вспомнили: «Христиане же мы!» И тогда нечто непонятное произошло с победителем, взявшим столицу Руси. Некая неодолимая сила вышвырнула его вместе с «Великой армией» вон. Несокрушимый Гитлер спустя полтора века явился по следам Бонапарта, и вновь русские вспомнили о вере Александра Невского, Суворова и Ушакова, чтобы вновь великая и страшная сила Господня вышвырнула фашистов, уже смотревших в бинокли на стены древнего Кремля.

Бородинское сражение состоялось 26 августа, в день, когда Россия отмечает спасение Москвы от нашествия Тамерлана 1395 года. На сей раз Москва была спасена, но страшной ценой пожара, гибели многих тысяч людей, разграбления ценностей. Тридцать пять дней она была в руках врага, покуда Наполеон не вынужден был бежать из горящей столицы. Началось изгнание супостата по разоренной им же старой Смоленской дороге.

В Петербурге с мучительным нетерпением ждали хороших вестей из Москвы. Царь был здесь. Положение его становилось шатким. Родная сестра Екатерина Павловна писала ему: «Недовольство дошло до высшей точки, и Вашу особу далеко не щадят. Если это уже до меня доходит, то судите об остальном». Александр оставался в Петербурге. Разочарованный в собственных полководческих дарованиях, он боялся своего присутствия на войне. Его война перешла в область мистическую. Он сильнее, чем когда-либо, раскаивался в своем пассивном участии в умерщвлении отца. Полагал, что и это является причиной обрушившихся на него и на страну бедствий.

1 октября на праздник Покрова в Петербурге архимандрит Филарет по просьбе князя Голицына освящал его новую домовую церковь Святой Троицы и произнес проповедь о том, что храм Божий есть видимый, но он пуст, если мы не имеем в себе храма невидимого. Тем самым он призывал к

духовному деланию, без которого невозможно возвращение гармонии мира.

В тот же день в присутствии Филарета государь произнес свои пророческие слова. Когда зашел разговор о возможности подписания мира с Наполеоном, император разгорячился и воскликнул:

— Я отращу себе бороду и лучше соглашусь питаться картофелем в недрах Сибири, нежели подпишу стыд моего Отечества!

Об этом зароке он вспомнит через семнадцать лет и поймет, что надобно его исполнять. Если только миф о сибирском старце Федоре Кузьмиче — не миф...

Через неделю пришло радостное известие о бегстве Наполеона из Москвы. Молитвами праведников, таких как митрополит Платон, Серафим Саровский и Филарет, русское оружие возобладало над вражеским. Таким духовным оружием, какое ковалось в их молитвах, Наполеон не обладал, а потому обречен был на поражение.

22 октября праздновалась икона Казанской Божьей Матери, вспоминалось избавление Москвы от поляков в 1612 году. В сей день произошло Вяземское сражение, знаменательное тем, что в нем Милорадович явил полное расстройство наполеоновской армии, и далее знамя победы уже не переходило к врагу из рук наших воинов.

На другой день в Петербурге в Троицкой домово́й церкви князя Голицына архимандрит Филарет провел беседу о молитве Господней, по примеру святителя Максима Исповедника, разъясняя смысл семи прошений, воссылаемых ко Господу в главной христианской молитве «Отче наш»: об имени Господнем, о Царствии небесном, о воле Божьей, о хлебе насущном, об оставлении долгов, о не введении во искушение и об избавлении от лукавого. И слушатели по-новому, словно впервые, открывали для себя эти смыслы, заключенные в молитве, которую каждый уже давно произносил, почти не задумываясь.

Все больше оттачивалось слово Филарета. Вот как об этом становлении его собственного стиля написал в книге «Светоч Русской Церкви» Александр Иванович Яковлев: «Филарет был вечный труженик и вечный ученик. Сознывая в себе отпущенный от Бога дар слова, он немало трудился над своими проповедями, определял свои темы, вырабатывал свой стиль.

В первые петербургские годы, начитавшись французских проповедников Жана Батиста Массийона и Франсуа Фенелона, он увлекался замысловатостью выражений и игрой слов. Впрочем, иные слушатели отмечали возрастающее влияние на Филарета знаменитого французского проповедника Жака Боссюэ, который начинал свои

проповеди очень просто и затем достигал высшего пафоса, почти не прибегая к риторическим приемам. Конечно же архимандрит Филарет обращается также к опыту митрополита Платона и Святых Отцов Церкви — Иоанна Златоуста и особенно любимого им Григория Богослова. Он не стесняется заимствовать опыт у маститых проповедников, сказывается его искренняя увлеченность книгой Фомы Кемпийского «О подражании Христу» и пылкими трактатами Якова Беме, но все это он творчески перерабатывает. Долгие размышления и поиски точного слова приносят результаты. Возрастает искренность и сила религиозного убеждения, глубина раскрытия основ христианского учения, тонкий психологический анализ и правдивость выражений. Язык филаретовских проповедей гармонично сочетает ясность и простоту нового стиля с величавой торжественностью церковнославянского языка».

Но не только словом и молитвой поддерживал Филарет паству свою в годину суровых испытаний. Вместе с другими священниками и монахами он постоянно призывал людей имущих жертвовать как можно больше на дело спасения Отечества от нашествия европейских варваров. Все эти месяцы, когда в Петербург одна за другой приходили страшные вести, он сам жертвовал от своего жалованья столько, чтобы оставалось лишь на самое скудное проживание. Да и разве могло быть иначе?..

Тяжелый год принес с собой еще одно скорбное событие — 11 ноября скончался незабвенный митрополит Платон. Он умер в Сергиевом Посаде, в созданном им Спасо-Вифанском монастыре. Там же был и погребен, в Спасо-Преображенском храме...

Со слезами вспоминали доброго пастыря. Как он любил «старую кашу» — гречневую, сваренную несколько дней назад и подзасохшую. Бывало, зная, что он приедет, загодя ее варили. А коль нагрянет внезапно, бросались сразу искать, если не было здесь, шли по соседям. Как он переписывался с императором Павлом, коего в детстве был наставником, и как однажды Павлу насплетничали, будто Платон его письмами окна обклеивает на зиму. Разгневанный император нагрянул к архиерею, проверил все окна и пал на колени, прося прощения за то, что послушал злоязычников. Как Платон съел хлеб, который один монах принес ему, чтобы показать, каким плохим хлебом кормят в монастыре... Многие вспоминали с добром, оплакивая незабвенного митрополита.

30 ноября по просьбе Голицына Филарет прочитал свою беседу о молитве Господней лично императору Александру.

Свершилось! Враг изгнан. В день Светлого Рождества Христова вышел манифест государя об изгнании неприятеля из пределов отечества.

Тем радостнее звучали рождественские проповеди, читаемые во дни избавления от бедствия, которое еще недавно казалось непреодолимым.

— Если же кто с волхвами притек в сокровенный Вифлеем от шумного Иерусалима: да не возвратится тот ко Ироду похвалиться своим обретением; да не соделается тайна Царя славы оружием миродержителя тмы века сего, который *ищет Отрочате, да погубить Е*. Аминь! — взывал архимандрит Филарет к народу православному, вновь обретшему веру и посему победившему.

В 1813 году Россия начала «ответный визит» к Наполеону — Заграничный поход. Против него выступали многие. Продолжение войны с Наполеоном требовало огромных затрат, а от Вильны до Москвы страна была сильно разграблена варварами «двунадесяти языков». В числе противников продолжения войны были главный герой 1812 года фельдмаршал Кутузов и приближенный к императору адмирал Шишков.

Шишков настаивал на том, что Наполеон больше не сунется к нам, а следовательно, его нужно оставить в покое, и пусть Европа сама с ним разбирается. На это Александр I отвечал:

— Господину Бонапарте угодно было явиться к нам без приглашения, и мы его вынуждены были принимать. Теперь пришла пора нам нанести ответный визит в Париж.

Отныне российский император более не отсиживался в Северной столице, а прибыл к своей армии. В январе 1813 года русские войска перешли границу Варшавского герцогства. Ответный визит начался. В конце января доблестный генерал Милорадович вступил в Варшаву, в феврале Чернышов взял Берлин, в марте Бенкендорф захватил Любек, а Винцингероде — Дрезден.

Оканчивался Великий пост, и в Страстную пятницу 11 апреля архимандрит Филарет в Александро-Невской лавре снова поражал слушателей силою своей проповеди:

— О человек, влекомый благодатию Господа твоего на небо, но погрязающий плотию в мире! Виждь образ твой в человеке, погружающемся в водах и противуборствующем потоплению: он непрестанно возобновляет в членах своих образ креста и таким образом преодолевает враждебные волны. Воззри на птицу, когда она желает вознестися от земли: она простирается в крест и взлетает. Ищи и ты в кресте средства изникнуть от мира и вознестися к Богу.

Вскоре после светлого праздника Пасхи пришло скорбное известие о кончине Кутузова. После окончания кампании 1812 года Михаил Илларионович сильно сдал. Он продолжал считаться главнокомандующим,

но силы его с каждым днем покидали. Ему было еще только шестьдесят семь лет, но сказывались тяжелые раны, полученные в походах. Слабеющий Кутузов по-прежнему был против дальнейшего продвижения войск вглубь Европы:

— Самое время идти теперь за Эльбу. Но как воротимся? С рылом в крови!

Дважды раненный в голову, причем второй раз смертельно, он сумел выжить, когда врачи только беспомощно разводили руками. А в последний год жизни он стал одним из немногих полководцев, которые могли выиграть войну тогда, когда всему миру казалось, что война проиграна.

За Бородинское сражение 31 августа 1812 года светлейший князь Голенищев-Кутузов был произведен в звание фельдмаршала, и в этом звании ему суждено было прожить последние восемь месяцев жизни.

Тарутинский маневр Кутузова стал одним из невиданных доселе шедевров мирового полководческого искусства. Покуда Наполеон, сидя в Москве, ждал от русского царя капитуляции, наша армия отдохнула, воспрянула духом и значительно пополнилась. Прекратились споры о том, правильно ли поступил главнокомандующий, теперь все видели гениальность его замысла и выгоду избранной им позиции.

Дальнейшая победа Кутузова над Бонапартом состояла не в генеральном сражении, а в том, что он не дал неприятелю уйти из России через богатые земли Орловщины и Малороссии, заставив незваных гостей отступать по разоренной войной старой Смоленской дороге. Одновременно с этим Михаил Илларионович вынужден был отстаивать свой план медленного истребления «Великой армии», спорить с теми, кто требовал от него окружить остатки французских войск и взять их в плен.

Удивительно и то, что Наполеон, не проиграв Кутузову ни одного сражения, полностью потерял свою могущественную армию и уполз из России, удовольствовавшись лишь награбленным добром. Забавно, но французы, благодаря этому, и по сей день считают войну 1812 года успешной! Они уверяют, что победили в Бородинской битве, взяли Москву, прекрасно поживились — чем тебе не победная кампания! Но как бы то ни было, в действительности полную победу одержал не Наполеон, а более мудрый полководец — Михаил Илларионович Кутузов.

Великолепная лебединая песня!

В декабре 1812 года через Неман из России в Европу вернулись 18 тысяч жалких, оборванных и обмороженных людей, которых уже трудно было назвать солдатами. В русском плену оказалось 130 тысяч, а 350 тысяч европейцев из многочисленных стран навеки остались лежать на

бескрайних и прекрасных российских просторах.

Будучи противником европейского похода, чувствуя, как силы с каждым днем все более покидают его, Кутузов не просил отставки и продолжал командовать армией, вошедшей в Польшу, затем в Силезию и Пруссию. Теперь рядом с ним постоянно находился император Александр. Когда в пограничном силезском городке Штейнау жители поднесли царю лавровый венок, он приказал отдать его Кутузову со словами: «Лавры принадлежат не мне, а ему!» В это время Кутузов уже совсем ослаб, 6 апреля, когда армия двинулась дальше, Михаил Илларионович окончательно слег и остался в городке Бунцлау (ныне это город Болеславец в Западной Польше, неподалеку от границы с Германией). Незадолго до смерти Александр навещал умирающего русского витязя.

— Прости меня, дорогой Михайло Илларионович, что порою был несправедлив к тебе, — просил царь своего фельдмаршала.

— Я прощаю, государь... — еле слышно отвечал Кутузов. — Да простят тебя Бог и Россия!

«Болезненная и великая не для одних Вас, но и для всего Отечества потеря, — извещал Александр княгиню Кутузову о смерти ее мужа. — Не Вы одна проливаете о нем слезы: с Вами плачу я и плачет вся Россия!» Государь приказал забальзамировать тело покойного и отправить его в Петербург, туда, где Михаил Илларионович родился в благословенный сентябрьский день 1745 года^[4]: «Мне кажется приличным положить его в Казанском соборе, украшенном его трофеями».

Целых полтора месяца гроб с телом Кутузова двигался к Петербургу, ибо всюду хотели оказать ему достойные почести. В пяти верстах от Северной столицы гроб сняли с повозки и далее до самого Казанского собора несли на плечах. Прав был Александр — вся Россия оплакивала своего героя, спасшего ее от одного из самых страшных вражеских нашествий.

Погребение светлейшего князя Кутузова-Смоленского состоялось 13 июня. Слово было предоставлено архимандриту Филарету. И слово это летело в самое сердце слушателей:

— Огорчая врагов, он был нашим веселием... Сей ревностный поборник браней Отечества, подвизаясь за его безопасность, не хочет примечать опасностей собственных; и смерть двукратно проходит сквозь его главу... Какие пререкаемые знаменья! Те, которые видели язвы сии, еще открытые, думали, что в последний раз видят сего язвенного... Наконец, приближалась сия мрачная година Отечества, для которой Михаил соблюдаем был, яко светильник для нощи... Какая сила языка

представит ту силу духа, с которой ветхий вождь, принужденный для спасения Отечества принести в жертву его древнюю столицу, приемлет на единые свои рамена все несчастья и жалобы ее жителей, всю скорбь подвизавшихся за нее ратников, все сострадания и опасения Отечества, и наконец тяжкие опустошенной Москвы развалины?.. Как венчаемый Победоносец, он вземлетя среди непрерывных победительных восклицаний предводимого им воинства; как благословляемый защитник Церкви, он сопровождается в своем исходе величайшим торжеством ее, и проходит мрачную дверь смерти среди светлых дней Воскресения... Россияне! вы все единодушно желаете, чтобы дух, данный Смоленскому, не преставал ходить в полках наших и почивать на вождях наших. Нет лучшей сего похвалы для отшедшего; нет лучшего наставления для оставшихся сынов Отечества.

Филарету суждено было стать первым, кто дерзнул осмыслить значение великих и потрясающих событий. В самом начале 1813 года президент Российской академии художеств Алексей Николаевич Оленин обратился к нему с просьбой написать рассуждение о том, почему России удалось сокрушить несокрушимую мышцу Наполеона. Оленин потерял на войне своего девятнадцатилетнего сына Николая, прапорщика лейб-гвардии Семеновского полка, погибшего в Бородинском сражении. В письме Филарету он писал: «Кому же, если не служителю святого алтаря, приличествует доказать происшествиями нынешней войны, что невероятные подвиги народа русского начало и основание свое имеют в беспредельной вере к Богу, в верности к Царю и в любви к Отечеству».

Архимандрит Филарет откликнулся на просьбу Оленина и написал трактат «Рассуждение о нравственных причинах невероятных успехов наших в настоящей войне». По его признанию, он сам робел писать о событиях, «которые сами о себе говорят выразительнее всех языков человеческих и в которых, по исповеданию всех благочестивых и добродетельных людей, даже по признанию некоторых безбожников, сам Господь возглагодал». Он считал, что «рассуждать о таких происшествиях царств, которые, очевидно проходя под Перстом Царя Царствующих, представляются в позор и наставление миру... имеют полномочие токмо те, которым Он Сам изострил и расширил взор, дабы они могли проникать в тайные законы миродержавства Его, и отчасти объимать безмерные соображения судов Его».

В мае 1813 года трактат был зачитан в собрании «Беседы Любителей Русского Слова», в которое Филарета избрали в 1812 году за проповеди, а в первую годовщину Бородинской битвы журнал «Сын Отечества»

опубликовал «Рассуждение» в двух номерах.

«Дано кровопролитнейшее из всех известных в наши времена сражение, в котором чем более победа колебалась между превосходством сил и совершенством искусства, между дерзостью и неустранимостью, между отчаянием и мужеством, между алчностью грабежа и любовью к Отечеству, тем торжественнее увенчана правая сторона», — писал Филарет в своем «Рассуждении».

Обращаясь к Наполеону, он предупреждал его о каре Господней: «Ты не наступил на сердце России, но преткнувшись, оперся на грудь ее, и вскоре будешь отражен и низвержен. Россия не будет унижена, но вознесется к славе доселе невиданной. Война, расположенная по чертежу коварства и злобы, достигла своего предела: начинается брань Господня».

Говоря об участии государств, он подчеркивал, что она «определяется вечным законом истины, который положен на основание их бытия и который, по мере их утверждения на нем или уклонения от него, изрекает на них суд, приводимый потом в исполнение под всеобъемлющим судоблюстительством Провидения». И далее: «Оставив Бога, оно (государство) может быть оставлено самому себе, по закону долготерпения, или в ожидании его исправления, или в орудие наказания для других, или до исполнения меры его беззаконий; но вскоре поражается правосудием, как возмутительная область Божией державы».

29 июня 1813 года в праздник Петра и Павла Филарет был удостоен редкой для архимандрита награды — ордена Святого Владимира 2-й степени Большого креста со звездой при высочайшем рескрипте, в котором значилось, что он «сопричисляется к этому ордену за неусыпные труды по званию ректора и профессора богословских наук в Петербургской духовной академии, деятельности в образовании, достойных служителей алтаря Господня».

А русские войска продолжали громить Наполеона. Под Лейпцигом 4–6 октября состоялось самое мощное сражение всех бонапартовских войн — Битва народов, в котором Наполеон потерял 80 тысяч человек, а союзники — 50 тысяч. Причем из 300 тысяч войск союзников 127 тысяч составили русские войска, почти половину. Сражение под Лейпцигом стало главным ударом по Наполеону, его катастрофой. Стремительно была освобождена Германия, а через пять месяцев после Битвы народов русские войска войдут в Париж и в столице Франции будут праздновать Пасху 1814 года.

Русский император горел жаждой мести за сожженную Москву. Но мстить он собирался совсем не так, как мстили бы европейские вандалы. Он решил наказать французов полным проявлением истинно

православного великодушия.

— Передайте парижанам, — сказал он депутации, — что я не вступаю в их стены в качестве врага и что от них зависит иметь меня другом.

Он действительно прикладывал все старания, стремясь предотвратить насилие победителей над побежденными. Наполеон оказался в окружении вблизи собственной покоренной столицы. Александр не шел ни на какие с ним переговоры, требуя одного — беспрекословной капитуляции. 19 марта (1 апреля) 1814 года в Париж вошли русская и прусская гвардейская пехота, кавалерия и артиллерия, батальоны австрийских гренадер и вюртембергский полк, общей численностью — 35 тысяч человек. Русский император открывал торжественное шествие. Победители вошли в грязное и зловонное Сен-Мартенское предместье. Лишь на Северном бульваре начали попадаться роскошные и богатые дома, улицы вымощенные камнем. Из окон свисали белые простыни и скатерти, заменявшие собой знамена капитуляции.

Прекрасное владение французским языком приводило к тому, что русских офицеров парижане поначалу воспринимали как своих соотечественников-роялистов, до сей поры пребывавших в эмиграции. Парижанки впрыгивали в седла к русским офицерам-красавцам, но, даже узнав, что те русские, не спешили спрыгнуть.

Александр старался никоим образом не проявить своей надменности над побежденными. Даже французский историк Тьер писал: «Он никому не хотел так нравиться, как этим французам, которые побеждали его столько раз, которых он победил, наконец, в свою очередь, и одобрения которых он добивался с такой страстностью. Победить великодушием этот народ — вот к чему он стремился в ту минуту более всего». В доказательство своего великодушия он отпустил на волю всех пленных. Ненавидя Наполеона, Александр при этом приказывал незамедлительно пресекать всякие беспорядки и расправы над бонапартистами. Любопытен случай с Вандомской колонной, на вершине которой красовалась медная фигура Бонапарта. Ее хотели свергнуть, набросили веревки, но посланные Александром семеновцы предотвратили сей, как теперь бы сказали, «акт вандализма». Когда же царь увидел Вандомскую колонну, он усмехнулся: «Если б меня поставили столь высоко, то и у меня бы голова закружилась!»

В это время шел Великий пост, и Александр стремился показать обезбоженной Европе, что он — православный государь. Он постился и в еде, и в чувствах, не давая ненависти к поверженному врагу проявиться хотя бы в чем-либо. Наполеон собирал в Фонтенбло последние силы. Десять лет назад здесь он вырвал из рук папы Пия VII императорскую

корону и сам вознес ее себе на чело. Здесь же ему суждено было произнести слова отречения от престола. У него оставалось 60 тысяч верных штыков, но маршалы и генералы во главе с Неем, Коленкурром и Макдональдом убедили Бонапарта в бесполезности дальнейшего сопротивления.

Акт об отречении Наполеона пришел к Александру на Страстной неделе, когда русский монарх особенно строго постился, готовясь причаститься Святых Тайн. Вместе с ним строго постилась и вся армия. Пасха наступила 10 апреля. В Париже не существовало ни одной православной церкви. На площади Согласия, где был казнен Людовик XVI, воздвигли алтарь, вокруг которого собралась вся русская армия. Семь священников в богатых облачениях совершили богослужение. Многотысячная паства, состоящая из русских воинов, пришедших сюда через всю Европу, грянула: «Христос воскрес! Воистину воскрес!» Французы, в ошеломлении и восторге, выпученными глазами взирали на величайшее религиозное действо.

«Все замолкло, все внимало! — вспоминал потом Александр. — Торжественная это была минута для моего сердца; умиротелен и страшен был для меня момент этот. Вот, думал я, по неисповедимой воле Провидения, из холодной отчизны Севера привел я православное мое русское воинство для того, чтобы в земле иноплеменников, столь недавно еще нагло наступавших в Россию, в их знаменитой столице, на том самом месте, где пала царственная жертва от буйства народного, принести совокупную, очистительную и вместе торжественную молитву Господу».

Все это свидетельствует о том, какая разительная перемена произошла в Александре в сторону христианской веры. И немалая заслуга в том принадлежит архимандриту Филарету, бывшему рядом с государем в тяжелую годину 1812 года.

По окончании войны Филарет написал «Молебное пение об избавлении Церкви и державы Российския от нашествия галлов и с ними двадцати язык». Отныне оно должно было звучать в дни рождественских праздников. Это был первый литургический труд архимандрита Филарета, принятый в употребление Русской церковью.

14 августа 1814 года вышел манифест императора Александра «Об учреждении бронзовых крестов для духовенства», в котором говорилось: «В ознаменование тех взаимных чувствований, на любви, благодарности и благополучии основанных, которые Мы днесь вкушаем, и в сохранение памяти беспримерного единодушия и ревности, увенчанных от руки Всевышнего толь знаменитыми происшествиями, возжелали Мы учредить

и постановить следующее. Священнейшее Духовенство Наше, призывавшее пред Алтарем Всевышнего теплыми молитвами своими благословение Божие на Всероссийское оружие и воинство, и примерами благочестия ободрявшее народ к единодушию и твердости, в знак благоговения к вере и любви к Отечеству, да носит на персях своих, начиная от верховного Пастыря включительно до Священника, нарочно учреждаемый для сего крест с подписью 1812 года».

Одним из первых бронзовым крестом с цифрами «1812» был награжден архимандрит Филарет.

Глава седьмая

НАЧАЛО ПЕРЕВОДА БИБЛИИ

1814–1817

Александр I впервые читал Новый Завет по-французски. Просто русского перевода не существовало, а по-старославянски царь читать не умел, ему требовалось через каждые пять-шесть слов спрашивать, что сие означает. И вдруг возник вопрос, а не нужно ли создать русский перевод Евангелия. И не только Евангелия, а и всей Библии?

Ответ на этот вопрос поначалу напрашивается сам собою: а почему бы и нет? Что плохого в том, чтобы перевести Священное Писание на речь, понятную людям, не знающим иных языков, кроме того, на котором они изъясняются. Однако все далеко не так просто, иначе бы давным-давно утихли споры. Вспомним, с чего начиналась Реформация. Одним из главных вопросов был именно этот. Объяснение противников перевода в двух словах таково: народы, получив доступную Библию и начав читать ее без толкований со стороны образованных пастырей, начнут сами же и толковать по-своему, а в итоге повсюду, как грибы, зародятся всевозможные секты, каждая из которых будет иметь и свои толкования, и своих верховных толкователей.

Получалась палка о двух концах. Переводить — секты плодить, не переводить — люди так и не будут знать евангельских текстов.

Переводы Библии всегда рождали противников. В 1079 году римский папа Григорий VII говорил: «Тем, кто часто над этим размышляет, ясно, что не без причины Всевышнему Богу угодно, чтобы Священное Писание было в некоторых местах тайной, потому что, если бы оно было понятно всем людям, возможно, его бы не ценили и не уважали; или его могли бы неправильно истолковать необразованные люди, и это привело бы к ошибке». Тем не менее находились сторонники перевода. Иначе бы в IV веке Иероним Стридонский не перевел ее с греческого на латынь, а затем не появилась бы готская Библия.

В IX столетии Кирилл и Мефодий перевели Библию на язык, понятный жителям Древней Руси. И у них было огромное множество противников. Но тем не менее они стали первоучителями и просветителями славянскими. Созданная ими азбука положила начало русской письменности. Со временем в переписываемых от руки книгах Библии

накапливались ошибки, пропуски, толкования и вставки с целью ясности, замены болгарских слов русскими аналогами. Некоторые священные книги бесследно исчезли. Наставник Дмитрия Донского митрополит Алексей привез из Константинополя греческие списки Нового Завета и по ним выполнил весь перевод на славянский язык. В XV веке архиепископ Геннадий решил собрать книги Священного Писания в единую Библию на славянском языке. Так появилась Библия, известная как Геннадиевская. Полностью она была напечатана в 1581 году. В 1751 году по указу императрицы Елизаветы ее тщательно исправили, сверили с древним греческим переводом Септуагинтой^[5] церковнославянской Библии и издали. Так появилась Библия «Елизаветинская». Ею в церковном обиходе мы пользуемся до сих пор.

К началу XIX века текст этой Библии стали называть церковнославянским в отличие от современного. И уже всюду шли разговоры о переводе этой Библии на современный русский. В 1683 году появился перевод Псалтири на обиходный язык того времени. Автор перевода — Авраамий Фирсов, дьяк Посольского приказа, что по нынешним понятиям означает министра иностранных дел. Фирсов переводил с польской протестантской Библии, и патриарх Иоаким сие деяние не одобрил. Спустя пару десятилетий по личному указанию Петра I в Лифляндии пастор Глюк переводил Новый Завет на русский язык, но сей перевод был потерян. Или украден теми, кто боялся, что с этого и у нас на Руси начнется реформация. Святитель Тихон Задонский в середине XVIII века говорил о необходимости создания русской Библии, а в 1794 году вышла билингва (то есть книга с параллельными текстами на разных языках) послания апостола Павла к римлянам с истолкованием, параллельно церковнославянскому был представлен русский перевод, выполненный архиепископом Мефодием (Смирновым). Предшественник князя Голицына обер-прокурор Святейшего синода А. А. Яковлев поговаривал, а не начать ли переводить...

И вот теперь, в грозном 1812 году на берегах Невы вновь воскресла идея Петра о создании современной русской Библии. Только осуществление этой идеи разные люди видели по-разному.

Все началось с того, что царь Александр не умел читать Евангелие иначе как по-французски. На языке тогдашнего главного нашего неприятеля! А тут обер-прокурор Голицын познакомился с британским миссионером Джоном Паттерсоном, прибывшим в Петербург в августе 1812 года, и проникся его идеей создания в России Библейского общества на манер английского, которое он представлял и по поручению которого

прибыл к нам делать перевод Библии на финский язык.

В Англии Библейское общество возникло в 1804 году. Ставило оно вполне благородные цели распространения Священного Писания среди народов, не имеющих его в переводе на родной язык. Вот только одно «но» — главным манифестом общества было то, что Библия не нуждается ни в каких толкованиях, что она сама говорит за себя и что любой человек, читая ее, как бы ни понимал, то, что там написано, понимает все равно правильно. Ибо слово Божье неправильно понять невозможно. Известно, куда вымощена дорога благими намерениями. Известно также и то, что под видом лекарства иной раз подают яд. Приезжающие в Россию британцы не просто хотели распространять слово Божье, они были эмиссарами протестантизма и выполняли задачи по его распространению в нашем Отечестве. На одном из собраний Британского библейского общества методист Ватсон в своем докладе говорил: «Только обращение во всем народе Библии может восстановить греческую церковь и исторгнуть ее из состояния упадка, в котором она ныне находится. Распространение Священного Писания дало нам, англичанам, достославное преобразование. В Европе это преобразование стоило великих раздоров и бедствий. В России, напротив, можно ожидать, что столь великое и нужное изменение совершится без малейшего потрясения. Предполагаемая в сей империи Реформация уподобится восходящему солнцу...»

Пасторы Пинкертон и Паттерсон начали свою деятельность на Кавказе и лишь затем переместились на северные берега. Встретившись с Голицыным, они увлекли его своими идеями и состряпали устав для Российского библейского общества. Голицын в свою очередь увлек государя, и 6 декабря 1812 года Александр утвердил проект учреждения пока еще не Российского, а Петербургского библейского общества. Выделена была и денежная сумма. Князь Голицын, член Государственного совета, обер-прокурор Святейшего синода, стал отныне еще и президентом Библейского общества.

Филарет конечно же прекрасно оценивал и все положительные стороны начатого предприятия, и все опасности, таящиеся в этой затее.

Хорошо, что можно будет, имея монаршую поддержку, начать перевод Библии на современный язык и тем самым продолжить дело святителя Алексея и архиепископа Геннадия Новгородского. Мало того, он не мог не понимать, что сейчас рождается новый русский литературный язык и будет превосходно, если текст Священного Писания, понятный современникам, ляжет в основу этого языка, как в основу английского легли произведения Шекспира, в основу итальянского — «Божественная комедия» Данте, а в

основу немецкого — «Сентябрьская Библия» Лютера.

Плохо, что созданием Библейского общества занялся Голицын, который хотя и стал считать себя верующим, а, как ни крути, оставался все тем же вертопрахом. Всевозможные новые идеи кружили ему голову, как шампанское. Дух захватывала мысль объединить все христианские конфессии, чтобы народы, «распри позабыв, в единую семью объединились». А это могло привести к победе протестантизма, к утрате главного, что есть в религии, — веры. К превращению христианства в философское учение, к превращению таинств Церкви в соблюдение традиций.

Поэтому Филарет понимал и то, что нельзя отдать всё на откуп Голицыну и заезжим протестантским «миссионерам», что если уж такое общество создано, следует как можно больше участвовать в его работе, дабы воспрепятствовать всему дурному, что может родиться в недрах нового общественного движения.

Итак, возглавил Библейское общество Голицын. Состав комитета общества оказался весьма разношерстным. Кто в него вошел?

Первым вице-президентом стал граф Виктор Павлович Кочубей, видный дипломат и масон, с 1801 года — член Государственного совета, а с образованием министерств в 1802 году — первый министр внутренних дел России. Еще ранее он вошел в неофициальный совещательный орган при императоре — Негласный комитет, в котором обсуждались либеральные реформы.

Второй вице-президент — Родион Александрович Кошелев, тоже дипломат и тоже масон, председатель комиссии Государственного совета, обер-гофмейстер, действительный тайный советник, камергер. Кошелев доблестно сражался против войск Пугачева, был ранен. До весны 1812 года выполнял дипломатические поручения в качестве доверенного лица российского императора в контактах с неофициальными представителями противостоящих Наполеону Центральной верховной хунты и Регентского совета Испании. 18 апреля 1809 года назначен также обер-гофмейстером — заведующим штатом и финансами императорского двора. Православным он не был, скорее мистиком масонского толка, переписывался с известными мистиками Сен-Мартеном, Эккартсгаузенем, Лафатером, Юнг-Штиллингом.

В 1811 году после яркого выступления обер-прокурора Голицына в Государственном совете в защиту православия Кошелев подошел к нему после заседания и сказал:

— Почтенный князь, вы так превосходно защищали права

христианства, такое раскрыли чистое ревнование вашего сердца, что мне было бы очень приятно покороче с вами познакомиться; мало этого, мне бы даже хотелось заслужить ваши приязнь и дружбу.

Вероятно, именно Кошелев способствовал вовлечению императора Александра и князя Голицына в мистицизм. П. Знаменский пишет: «Ближайшим советником князя Голицына по духовным делам сделался старый масон Кошелев, покровитель всех мистиков, магнетизеров и других темных личностей, постоянно толпившихся в его доме»^[6].

Третьим вице-президентом стал еще один член Государственного совета, сенатор Захар Яковлевич Карнеев. Как и все масоны, он славился своим либерализмом. В бытность минским губернатором с пеной у рта отстаивал права униатов.

Кроме вице-президентов в комитет входили следующие персонажи: сын последнего гетмана Украины, граф Алексей Кириллович Разумовский, сенатор, попечитель Московского университета. В 1810 году Разумовский был назначен министром народного просвещения. В первые два года его управления были открыты семьдесят две приходские школы, двадцать четыре уездных училища, несколько гимназий и других учебных заведений, улучшено преподавание, усилен надзор за воспитателями-иностранцами, открыто несколько ученых обществ, учреждена при Московском университете первая кафедра славянской словесности. При личном содействии Разумовского выработан устав Царскосельского лицея и состоялось его открытие. После 1812 года он значительно охладел к службе и последние два года вовсе не занимался делами. Будучи до назначения в министры членом масонской ложи, Разумовский с 1810 года подпал под влияние иезуитов и главным образом известного графа Жозефа де Местра. Последний «буквально распоряжался им, диктовал, чему должно учить русских и чему не учить»; по его указанию были выкинуты из первоначальной программы лицея греческий язык, археология, естественная история, астрономия, химия и история философских систем, как «не озаряющая ума полезными истинами, а помрачающая заблуждениями и недоумениями». По словам Вигеля, все сыновья гетмана Кирилла Разумовского «были начинены французской литературой, облечены в иностранные формы, почитали себя русскими Монморанси, были любезные при дворе и несносные вне его аристократы». К этому князь А. Васильчиков прибавляет, что старший из них, Алексей, был «гордыни непомерной... и суров в кругу своего семейства».

Известный мистик Александр Федорович Лабзин, масон с пятнадцатилетнего возраста. Свои сочинения подписывал «У. М.», что

означало «ученик мудрости». В 1806–1807 годах Лабзин издавал, под псевдонимом Феопемпта Мисаилова, религиозно-нравственный журнал «Сионский вестник»; в 1806–1815 годах выпустил тридцать книжек под именем «Угроз Световостоков». Успех этих книжек был огромный; они стали любимым чтением в благочестивых семьях; в светских гостиных говорили о помощи ближнему по советам Световостокова, от его имени поступали крупные пожертвования в медико-филантропический комитет. Князь Голицын считал Лабзина своим лучшим другом.

Совсем иного направления был основатель газеты «Северная пчела» писатель Осип Петрович Козодавлев, соредактор «Собеседника любителей русского слова». Как член комиссии об учреждении народных училищ, он принимал участие в составлении проекта устава университетов. При Павле I назначен обер-прокурором Сената, затем — сенатором, при Александре I в 1810 году служил министром внутренних дел. Он являлся одним из главных сотрудников Александра I по вопросу об улучшении быта крестьян и сам слыл образцово гуманным помещиком.

Граф Карл Андреевич Ливен, генерал от инфантерии, один из героев взятия Варшавы в 1794 году, где он «со вверенным полком, выдержав перекрестные выстрелы, скоропостижно перешел ров и, опрокинув неприятеля, овладел валом, нанеся мятежникам великое поражение». Некоторое время служил военным губернатором Астрахани.

Барон Борис Иванович Фитингоф, ботаник, изучал русскую флору, полезные древесные породы России. Кроме того, он составил по карманному лечебнику графа Л. Бертольда изданное в 1805 году в Мангейме «Наставление, каким образом можно предохранить себя от поноса с резом и как поступать одержимым оною болезнью для совершенного от нее освобождения». Фитингоф являлся членом-учредителем и президентом Императорского минералогического общества, президентом Императорского человеколюбивого общества и членом многих других обществ. Словом, натура разносторонняя.

Другой немец, Карл Иванович Таблиц, тоже ботаник, естествоиспытатель, путешественник, много поездивший по Кавказу, Поволжью, по низовьям Дона, был долгое время вице-губернатором Крыма, о природе которого первым собрал более-менее солидные сведения, член-корреспондент Петербургской академии наук, основал первые в России лесные школы в Царском Селе и Козельске.

Швейцарец Николай Иванович Фус — ординарный академик и неперменный секретарь Академии наук, автор великого множества статей по всем областям математики, физики, механики и астрономии. В 1805 году

помимо занимаемых должностей Николай Иванович назначен членом совета военных учебных заведений. Одна из его работ положила начало ссудо-сберегательным кассам и страховому делу в России.

Губернатор Херсона князь Петр Сергеевич Мещерский — камер-юнкер двора, обер-прокурор 2-го отделения 5-го департамента Правительствующего сената.

Пришло время перечислить духовных лиц, которые вошли в комитет Библейского общества. Помимо Санкт-Петербургского митрополита Амвросия (Подобедова) это были такие архиереи, как киевский митрополит Серапион (Александровский), черниговский архиепископ Михаил (Десницкий) и минский архиепископ Серафим (Глаголевский), который вскоре станет сначала тверским архиепископом, а затем митрополитом Московским и Коломенским, предшественником Филарета на этом посту. В комитет вошел и духовник императора протопресвитер Павел Криницкий.

Филарет ввел в комитет общества и своего друга архимандрита Иннокентия (Смирнова). С ним вместе он учился в Троицкой семинарии, потом Иннокентий был игуменом сначала Николо-Угрешского монастыря, затем московского Знаменского. Перебравшись на берега Невы, он вскоре сделался ректором Санкт-Петербургской духовной семинарии и правой рукой Филарета.

Итак, легко видеть, что с самого своего основания общество разделилось на две противоборствующие партии. Первая — так называемые «люди передовых взглядов», то бишь либералы, масоны, от которых следовало ждать лишь улучшения жизни и деятельности в России протестантов; вторая — поборники православия, коим предстояла борьба с религиозным вольнодумством, и они шли в Библейское общество не как в собрание единомышленников, а как на поле брани.

Устройством типографии занялись заезжие пасторы Пинкертон, Патерсон и Гендерсон. Глава Британского библейского общества лорд Теймут прислал солидное денежное пособие, финансово привязывая русскую библейскую колонию к британской метрополии.

Филарет, имея помощником Иннокентия, возглавил переводной комитет и взял в свои руки подбор людей, способных правильно и хорошо переводить. Но в основном перевод ляжет на его плечи. И он стал напряженно работать, готовясь к исполнению этого главного труда жизни. Притом что не оставлял своих обязанностей и в качестве ректора, и в качестве монастырского настоятеля, и в качестве проповедника.

О том, какое впечатление он производил в те годы на студентов,

сохранилось ценное свидетельство в будущем знаменитого архимандрита Фотия (Спасского), который в 1814 году поступил учиться в Петербургскую духовную академию: «Филарет был росту среднего, смугл видом, волосы средние темно-русые, бороду долгую имел, лицом всегда светел, весел быть казался, у него были глаза острые, пронизательные, вид постен, строг и приятен; поступь у него была нескорая, важная. Голос тих, тонок, но ясен; речь внятная, говорил остро, высоко, премудро, но все более к уму, менее же к сердцу. Свободно делал изъяснение священных писаний: как бы все лилось из уст его. Привлекал учеников так к слушанию себя, что когда часы кончались ему преподавать, всегда оставалось великое усердие слушать его еще более без ястия и пития. Оставлял он сильные впечатления от учений своих — всем казалось истинно, приятно, совершенно его учение... Оратор мудрый, красноречивый, писатель искусный. Все доказывало, что он много в науках занимался... Сила, красота, достоинство и слава Духовной Академии был один Филарет».

К тому же времени относится рассказ о том, как студент Михаил Глухарев однажды пришел в кабинет ректора и, сгорая от стыда, попросил того купить за 200 рублей часы одного из его друзей, страшно нуждавшегося в деньгах. Филарет выделял Глухарева в числе своих лучших студентов, часто беседовал с ним, наставлял и потому теперь не рассердился, а, напротив, с улыбкой ответил:

— Хорошо, что на этот час могу уделить на часы деньжонок. Только не по вашей оценке.

— Как знаете, — повесил голову Глухарев.

— Они дороже стоят. Вот, возьмите, — молвил ректор и выдал 500 рублей.

Не прекращалась и проповедническая деятельность архимандрита Филарета. Надобно было дружить с президентом Библейского общества, и он часто читал проповеди в Троицкой домово́й церкви Голицына.

Он говорил о гласе вопиющего в пустыни, о том, что «страсти, свойственные естеству зверей, и пожелания скотские, возобладав человеком, удаляют от него всякую духовную мысль, всякое чистое желание, всякое благое дело» и «что тогда есть душа его как не пустыня дикая?». А Евангелие есть тот глас вопиющего в пустыне, который способен возратить человека-зверя к человеку-подобию Божию. Он взывал: «Можно ли нам исполниться Духом, если плоть, непрестанно враждующая на духа, не находит в нас никакой преграды своему владычеству?» В своих проповедях он все больше опирался на Евангелие, тем самым подавая знак, что христиане должны читать Евангелие, знать

его, разбираться в новозаветных вопросах.

Филарет, обращаясь в основном к представителям так называемого высшего света, не уставал говорить им о том, как они погрязли в мирских делах, в суетной славе. В проповеди, посвященной событию, описанному евангелистом Лукой, когда Христос почувствовал в толпе чье-то прикосновение, Филарет восклицал:

— О, коль близ есть нас Христос повсюду, и наипаче в Церкви своей! Только твари, окружая нас отовсюду и, подобно как в одном приключении евангельском, тесняя между Им и нами, не допускают нас прикоснуться к Нему. Но дерзай, ищущая своего спасения душа! Не уступай сей смятенной толпе, которая сама не знает, куда влечет тебя. Употребляй все усилия проложить себе прямой путь к вожделенному тобой Спасителю...

Подходил к концу 1814 год, принесший Филарету новые успехи. Комиссией духовных училищ было выработано Положение об ученых степенях действительных и почетных, и 13 августа первым действительным доктором богословия в России стал ректор Петербургской академии архимандрит Филарет. Он переделал устав академии 1808 года. 27 августа ему была определена пожизненная пенсия в размере 1500 рублей в год. 30 августа он был назначен членом Комиссии духовных училищ.

15 сентября отмечалось тогда как день торжественного венчания на царство императора Александра I, которое в 1801 году совершил митрополит Платон (Левшин). В 1814 году архимандрит Филарет выступил с торжественным словом, посвященным этому событию.

— Сынове России! Возрадуемся о царе своем...

Слово полностью соответствовало тому девизу, под которым царь Александр закончил войну с Наполеоном и который был выбит на медалях того времени: «Не нам не нам а имени Твоему». Это из 113-го псалма Давида: «Не нам, Господи, не нам, но имени Твоему дай славу...» Филарет смело мог говорить о том, что торжество Александра есть не его личная заслуга, а дар, ниспосланный ему свыше. Потому так часто звучит в этом слове изречение из 20-го псалма: «Господи, силою Твоею возвеселится царь, и о спасении Твоем возрадуется зело».

В ноябре Филарет освящал домовый храм Богородицы у вице-президента Библейского общества Кочубея. И вновь говорил о пустом богатстве мира и истинном богатстве духа:

— Расширяют свои жилища — и производят только более прежнего пустоты. Ходят в дома пира — и возвращаются или с бременем пресыщения или с лютейшим прежнего голодом к сладостям чувств. Велят своей душе почивать на обилии благ земных, но все, что есть плоть,

слишком жестоко и грубо для опочивания духа, и на таком одре, по минутной дремоте, он пробуждается с новым каждый раз беспокойством.

Наступило Рождество. На второй день праздника Филарет читал проповедь в придворной церкви в присутствии вдовствующей императрицы Марии Федоровны и братьев императора. Неожиданно проповедь возымела действие, противоположное ожидаемому. Проще говоря, она не понравилась.

Что же возмутило августейших особ? Филарет сравнивал жизнь человеческую с детской игрой, в которой есть важное научение:

— Горе легкомысленным детям, которые не приемлют учения между играми! Орудия игр непрестанно будут у них отнимаемы, а ненавистное учение останется и будет нападать на них с оружием угроз и наказания. Так, если мы, употребляя блага мира, не поспешим уразуметь в них суету суетствий и суету всяческих, то, между тем, как сии тленные блага ежечасно будут исчезать в руках наших, суета будет оставаться в сердце нашем, как терние после цветов, и разнообразные уязвления будет производить крушение духа.

Но главное, что могло не понравиться, это слова проповедника о любви к миру:

— Не будем говорить о той любви к миру, в которой и самый мир, согласно с Евангелием, признает вражду против Бога. Будучи обличаема сама собою, она не требует посторонних обличений. Есть иная любовь к миру, которая, по-видимому, примиряется с любовью к Богу; которая соглашается приносить жертвы Богу, только чтоб ей не возбранялось принимать жертвы от мира; готова творить дела человеколюбия, только чтобы мир видел и одобрял их; даже любит ходить во храмы богослужения, только чтобы мир за нею последовал. С сей-то лукавой и притворной любви должно снять личину, ее украшающую, и подвергнуть оную под строгий суд, произносимый Евангелием на всякую любовь мира без исключения: *любвы мира сего вражда Богу есть.*

Последние слова взяты были им из соборного послания апостола Иакова, и там сказано еще сильнее и строже, чем произнес это Филарет: «Прелюбодеи и прелюбодейцы, не весте ли, яко любвы мира сего вражда Богу есть; иже бо восхощет друг быти миру, враг Божий бывает» (Иак. IV, 4).

На второй день праздника Рождества вспоминаются гонение со стороны Ирода, избиение младенцев. Ирод видел в Иисусе Того, Кто поведет людей от мира к небесам. Филарет оглушил слушателей совершенно неожиданным откровением, что в Ироде «Евангелие обнажает

совершенно сие глубокое и крайнее зло любви к миру». И одержимый этой любовью к миру, Ирод стремился уничтожить Новорожденного.

Присутствующим оставалось либо пропустить все мимо ушей, либо принять к сердцу и возмутиться. Ведь и они сильно любили мир. Да разве и можно иначе? Ведь они же не монахи! Как это так — отсечь любовь к миру?!

Смелость Филарета на сей раз не восхитила людей, а насторожила их против проповедника. Впредь его уже не приглашали произносить слово в придворной церкви.

В начале нового, 1815 года его позвали принимать экзамены в Царскосельский лицей.

Все мы прекрасно помним картину Репина «Пушкин читает стихи на экзамене 8 января 1815 года». Любой из нас скажет, что на ней изображены юный лицеист, вдохновенно вспорхнувший одним крылом, и старый Державин, радостно приподнявшийся из-за стола и вытянувшийся в сторону молодого дарования, чтобы получше слышать читаемое им. Но не всякий вспомнит сразу, кто еще изображен на этом знаменитом полотне. А между тем справа от Державина Репин изобразил архимандрита Филарета, лицо которого обращено не к Пушкину, а к зрителю, и лицо это выражает некое недоумение — мол, чему так восхищаются Державин и сидящий справа от Филарета министр народного просвещения Разумовский. Алексей Кириллович вместе со Сперанским подал в свое время мысль о создании Царскосельского лицея, и мало того, он официально именовался главой лицея со званием его главнокомандующего.

Репин мастерски работал на контрасте: радуется Разумовский, ликует Державин, вдохновенно читает свои дивные строки Пушкин... А вот зловредному монаху все сие зело не по душе. Внутри он так и скрежещет, вознепщеваху и вознегодоваху. Аж позеленел от злости.

На самом деле, нам остается только гадать о том, что испытывал Филарет, слушая стихи Пушкина.

Лицей был основан три года назад. В нем предусматривалось шестигодичное обучение. Первый курс — три года и второй курс — тоже три года. Лицеисты первого набора сдавали экзамены для перехода на второй курс. В числе прочих дисциплин, само собой разумеется, был Закон Божий. Его преподавал пресвитер Н. В. Музовский, но поскольку императорский лицей являлся привилегированным учебным заведением, то на экзамен по Закону Божьему пригласили ректора духовной академии. Филарет принимал его 4 января, а 8 января он присутствовал на экзамене по российской словесности. Но не в качестве экзаменатора, а в качестве

зрителя. Об этом встречаем свидетельство в письме одного из тогдашних лицейстов Алексея Илличевского своему приятелю Павлу Фуссу: «...в числе зрителей были Державин, Горчаков, Саблуков, Салтыков, Уваров, Филарет и множество профессоров и ученых».

Пушкин читал свои «Воспоминания в Царском Селе». Слушателей не могла не поразить величавость стихов, сочиненных столь юным дарованием. Что могло не нравиться Филарету? Изобилие античного язычества. Тут и наяды плескаются, и Элизиум полнощный, и русская Минерва, и Зевс со своим перуном, и чада Беллоны... Он в своих проповедях говорил о том, что Спаситель вел русские полки на врагов, а у Пушкина «потомки грозные славян перуном Зевсовым победу похищали».

Но его, как поэта, не могло не восхищать все остальное.

*Страшись, о рать иноплеменных!
России двинулись сыны;
Восстал и стар и млад; летят на дерзновенных,
Сердца их мщеньем зажжены.
Вострепещи, тиран! уж близок час паденья!
Ты в каждом ратнике узришь богатыря,
Их цель иль победить, иль пасть в пылу сраженья
За Русь, за святость алтаря.*

Вот и про святой алтарь, слава богу, сказано. А дальше и о небесном Вседержителе:

*Сразились. Русский — победитель!
И вспять бежит надменный галл;
Но сильного в боях небесный Вседержитель
Лучом последним увенчал.*

А каков финал дивного стихотворения! Чудо! Как могло это не нравиться?

*В Париже росс! — где факел мщенья?
Поникни, Галлия, главой.
Но что я вижу? Росс с улыбкой примиренья
Грядет с оливою златой.*

*Еще военный гром грохочет в отдаленье,
Москва в унынии, как степь в полнощной мгле,
А он — несет врагу не гибель, но спасенье
И благотворный мир земле.*

Трудно себе представить, чтобы Филарет, сам вдохновенный, сам пылающий, сам — весь поэзия, невзлюбил стихов гениального лицеиста! Согрешил Илья Ефимыч, показывая его зеленым от злости, как и во многих своих иных полотнах грешил великий русский художник!

Смею предположить, что Филарет тогда взял талантливого юношу на заметку. А что? Вырастет, повзрослеет, сделается мудрее и продолжит дело перевода священных текстов на современный русский язык. Голова кружится от одной только мысли, что если бы Пушкин не погиб в 1837 году, если бы он дожил до преклонных лет и в сии мудрые годы взялся бы за переложение Библии, какой бы перевод мы получили!.. Но, увы...

Подготовка к началу работы продолжалась, в 1815 году даже проповедей Филарет читал куда меньше, чем прежде. По просьбе министра духовных дел князя Голицына он написал и издал «Разговор между испытующим и уверенным о Православии Восточной Греко-российской церкви с присовокуплением выписки из окружного послания Фотия, патриарха Цареградского, к восточным патриаршим престолом».

Летом он проводил ревизию Московской духовной академии и семи семинарий: Новгородской, Тверской, Владимирской, Ярославской, Костромской, Спасо-Вифанской и Московской, а также ряда находящихся на пути его следования уездных и приходских училищ. Московская духовная академия перебралась в Троице-Сергиеву лавру и получила новый устав.

Весь год он наблюдал за приготовлением шрифта и читал корректуру стереотипного издания Нового Завета на церковнославянском языке, предпринятого Библейским обществом.

В Европе бежал с Эльбы и на сто дней воскрес Наполеон Бонапарт, разбил пруссаков в битве при Линьи, но вскоре потерпел сокрушительное поражение при Ватерлоо, вновь отрекся от престола, а русская армия вновь вошла в Париж. В это время русский император уже не расстаётся со Священным Писанием, постоянно читая его и пытаясь как можно глубже вникать. В дни недолгой агонии воскресшего Наполеона в Баварии Александр впервые встречается с баронессой Криденер, завязывается дружба, ведутся долгие разговоры на мистические темы. Удивительно, что

русские священники не могли оказать на Александра такого христианского влияния, как эта женщина! Вот уж, воистину, дух дышит, где хочет!

После Ватерлоо русский, прусский и австрийский императоры образовали Священный союз, установив в Европе новый порядок, основанный на принципах легитимизма и призванный к полному восстановлению всех свергнутых либо пошатнувшихся монархий.

20 декабря 1815 года из Петербурга были изгнаны все иезуиты. Причиной такого решения стало то, что орден иезуитов отказался вступить в Библейское общество, основываясь на постановлении папы римского, который таковые общества осудил как приводящие к протестантизму. Масла в огонь подлило вступление в орден иезуитов родного племянника обер-прокурора Голицына. Иезуитов, а в основном это были поляки, изгнали из Северной столицы, чтобы еще через пять лет выгнать вообще за пределы Российской империи.

В конце 1815 года Александр I вернулся в Россию и ознакомился с издательской деятельностью Библейского общества.

Наступил год 1816-й. В этом году образовался тайный Союз спасения и тем самым зародилось политическое движение, которое после декабря 1825 года станет называться декабризмом; император Александр начал строительство военных поселений; Николай Михайлович Карамзин закончил первые восемь томов «Истории государства Российского»; архимандрит Филарет начал переводить Священное Писание с церковнославянского на русский язык XIX столетия.

Но начинался сей год для Филарета печалью. Зимой тяжело заболел его отец. Сын горячо молился о нем. 18 января протоиерей Михаил Дроздов скончался. Впоследствии сам Филарет признавался, что было знамение — «нечто неведомое» подало ему весть о смерти отца. А вскоре из Коломны пришло подтверждение. Он отправился в родной город проститься. После отпевания хоронили любимого родителя на Петропавловском кладбище. Филарет искал слов утешения для матушки. Но что может лучше утешить в такой горе, нежели мысль о будущей встрече!

«Да будет воля Его во всем! Должно и всем готовиться вслед затем, о ком теперь проливаем слезы. Господь наш, сущий воскресение и Жизнь, да дарует ему и нам благодать узреть друг друга в воскресении жизни!» — писал Филарет в письме Евдокии Никитичне.

28 февраля 1816 года президент Библейского общества доложил на заседании Святейшего синода о желании государя «доставить россиянам способ читать слово Божие на природном своем российском языке, яко

вразумительнейшем для них славянского наречия». В своем докладе Голицын наметил перевод в качестве простого «переложения Нового Завета с древнего славянского на новое российское наречие». Однако Филарет, которому было поручено написать определение Комиссии духовных училищ, поставил дело иначе. Он заявил, что основой перевода станет греческий текст. Руководство переводом осуществлял архимандрит Филарет (Дроздов).

В марте Филарет определен настоятелем московского Новоспасского монастыря, но при этом оставлен ректором Санкт-Петербургской духовной академии. Вскоре он вошел в число вице-президентов Библейского общества как ответственный за перевод Библии на современный русский язык. 16 марта он прочитал свое изложение принципов перевода на заседании Комиссии духовных училищ. «Величие Священного Писания состоит в силе, а не в блеске слов; из сего следует, что не должно слишком привязываться к славянским словам и выражениям ради мнимой их важности... Тщательно наблюдать должно дух речи, дабы разговор перелагать слогом разговорным, повествования — повествовательным и так далее». «Если Бог благословит дело перевода Священного Писания на русское чистое и правильное наречие, и он войдет в домашнее употребление народа, то он может споспешествовать установлению языка и удержанию его от падения, каковое действие перевода Священного Писания и у других народов замечено».

После Пасхи началась непосредственно работа над переводом Нового Завета. Евангелие от Матфея стал переводить бакалавр академии молодой священник Герасим Павский. Евангелие от Луки поручили другому бакалавру, архимандриту Моисею. Евангелие от Марка — архимандриту Поликарпу. Сам Филарет возложил на себя труд по переводу Евангелия от Иоанна.

Следует отметить, что Филарет выбрал высокообразованных переводчиков, прекрасно знающих как греческий, так и еврейский. Герасим Павский не только вскоре станет профессором гебраистики в Петербургском университете, но и составит лучший учебник еврейского языка для духовных училищ. Архимандрит Моисей (Богданов-Платонов-Антипов) и архимандрит Поликарп (Гойтанников) сделаются ректорами духовных семинарий — Киевской и Петербургской.

В том же 1816 году Филаретом написано и издано «Начертание церковно-библейской истории». 2 июня его назначили членом Комитета для решения судебных дел о лицах духовного звания греко-российского исповедания в Финляндии, а 16 июня он утвержден членом совета

Императорского человеколюбивого общества. Это общество было создано императрицей Марией Федоровной для помощи бедным и на протяжении ста лет затем много сделало для улучшения жизни нуждающихся.

Но главное, чем он полностью увлечен в том году, конечно же перевод. «В начале бе Слово, и Слово бе к Богу, и Бог бе Слово» — «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог». Так начинается Евангелие от Иоанна. «И Слово плоть бысть и вселися в ны, и видехом славу Его, славу яко единороднаго от Отца, исполнь благодати и истины» — «И Слово стало плотию и обитало с нами, полное благодати и истины; и мы видели славу Его, славу как единороднаго от Отца».

Слово в данном случае — божественная сущность, воплотившаяся во Христе. Но не будет кощунством сказать, что русское слово нашло свое лучшее воплощение в начале XIX столетия и в величественном труде Карамзина, и в синодальном переводе Нового Завета, осуществленном Филаретом (Дроздовым). «Вряд ли кто решится утверждать, что этот русский текст Евангелия, известный нам под именем Синодального перевода, имел, да и имеет в России меньшее распространение, чем произведения Пушкина. Даже в советское время, и даже классики марксизма сплошь и рядом цитировали эту Великую книгу не в меньшей степени, чем отрывки из стихов нашего прославленного поэта. И русская Библия, ставшая в середине XIX века настольной книгой в каждой семье, ничуть не меньше повлияла на формирование лексических норм современного русского литературного языка», — пишет архимандрит Геннадий (Гоголев).

Работа шла год. Наконец четыре Евангелия были представлены на суд Синода, члены которого ознакомились с переводом, сделали несколько замечаний и высказались за публикацию. Но выход книги Филарет встречал уже не архимандритом, а епископом.

Глава восьмая

ЕПИСКОП ФИЛАРЕТ

1817–1819

5 июля 1817 года в Благовещенский храм Александро-Невской лавры принесли гроб с телом усопшего генерал-лейтенанта Павла Александровича Строганова. Друг детства Александра I, единомышленник по реформам, разделивший с ним горечь разгрома под Аустерлицем. Лихой рубака, бил французов, турок, ходил с Багратионом на Аландские острова, в Бородинском бою сражался, как лев, заменив собой раненого генерала Тучкова, дрался при Тарутине, Малоярославце, Красном, под Лейпцигом, Гамбургом. Вся грудь в орденах. В битве под Краоном Павла Александровича постигло страшное горе — французским ядром снесло голову его девятнадцатилетнему сыну Сашеньке. Оправиться от этого горя он не смог, стал болеть, у него открылась чахотка. И вот безвременно угас в сорок три года...

Сам император и его братья Николай и Михаил пришли проститься с тем, кого любили с детства. Слово перед погребением было предоставлено архимандриту Филарету. Начал он его с долгого обращения к покойному и лишь потом перешел к беседе с собравшимися. Это было красиво и всех тронуло. Расчувствовавшийся император лично благодарил красноречивого проповедника. Затем спросил митрополита, не пора ли повесить Филарета в духовном сане, и через восемнадцать дней по представлению санкт-петербургского митрополита Амвросия (Подобедова) архимандриту Филарету поведено быть епископом Ревельским, викарием Санкт-Петербургской епархии с оставлением за ним должности ректора академии и управляющего Новоспасским монастырем. Старейший Амвросий весьма и весьма рад был получить в свое распоряжение в качестве викария такого замечательного епископа.

По-гречески «епископ» означает просто «надзиратель». Так называли себя апостолы (Деян. 1, 20). От них такое наречение архиерея перешло в обиход всей христианской церкви. В начале XIX века выше епископа были только архиепископ и митрополит. Сейчас, как и в допетровские времена, выше митрополита — патриарх.

5 августа в Троицком соборе Александро-Невской лавры архимандрит Филарет предстал перед митрополитом Амвросием и тот рукоположил его

во епископа. Новопоставленный преклонил колена пред Святым престолом, на его голову возложили Евангелие письменами вниз. Митрополит прочитал тайно-совершительную молитву. Затем, после ектении, совершилось облачение в архиерейские одежды. Присутствующие архипастыри приветствовали епископа Филарета братским целованием. Вблизи мощей святого благоверного князя Александра Невского ему был вручен пастырский жезл.

Нынешний митрополит Таллинский и Эстонский Корнилий (Якобс) — двадцать четвертый по счету первоиерарх Эстонской православной епархии. Незабвенный патриарх Алексей II (Ридигер) был его предшественником на этом посту, двадцать третьим. А первым в 1817 году стал епископ Филарет (Дроздов). Таллин носил шведское название Ревель. Ревельская епархия только что образовалась в качестве подчиненной Санкт-Петербургу, и потому епископ назывался викарным. Викарий — значит наместник. Тридцатипятилетнему Филарету суждено было начать создание новой епархии. Отдыхом для него всегда служило не праздное времяпрепровождение, а какое-нибудь новое дело. Перевод Евангелия закончен, в академии дела идут хорошо, что ж, можно заняться и ревельскими новоустройствами.

Осенью 1817 года вместе с двором Филарет отправился в Москву. Там отмечалась пятилетняя годовщина бегства Наполеона из Первопрестольной. 12 октября вместе с императором епископ Филарет прибыл в Лужники и молился с Александром под сводами храма Тихвинской Божьей Матери. Затем отправились на Москву-реку, где совершили водосвятие. После этого на Воробьевых горах царь заложил первый камень в основу храма Христа Спасителя. Так начал осуществляться план архитектора Витберга, коему не суждено было окончательное воплощение. Филарет не испытывал восторга по поводу замыслов сего зодчего. Швед Карл Магнус Витберг был видным масоном из кружка Лабзина и мечтал воплотить в новом величественном храме свои масонские идеи. Этим он увлек обер-прокурора Голицына, и тот вовсе отстаивал проект Витберга перед государем. Дабы не смущать русские сердца тем, что храм будет строить швед, Витберг в 1817 году принял православное крещение и стал писаться не Карлом Магнусом, а Александром Лаврентьевичем, причем крестным отцом его стал сам государь.

Проект 1817 года восхитителен. Это был бы храм, подобный Исаакиевскому собору Петербурга, но трехкупольный, он стоял бы на Воробьевых горах, возвышаясь над всей Москвой, украшенный

множеством колонн, по тем временам — самое высокое здание в Европе. В некотором отдалении от него по обеим сторонам должны были возвышаться две огромные колонны, первая — построенная из вражеских пушек, захваченных в 1812 году, вторая — из вражеских пушек, взятых во время Заграничного похода 1813–1814 годов. Предполагалось строительство и подземного храма. Собственно в самих проектах храма, выдвинутых Витбергом, трудно найти что-либо предосудительное. Однако сам факт, что архитектор — крупнейший масон и любимец Голицына и что возведение храма по проекту Витберга масоны сравнивали с воссозданием храма Соломона, настораживал архиереев, включая и Филарета.

Была и еще одна важная тема для споров, которую увидел Николай Михайлович Карамзин, первым возразивший Витбергу. Архитектор замыслил создание московского Ватикана, религиозного града внутри Москвы. Таким образом, как в Риме, в Москве должно было образоваться два центра — Кремль как средоточие светской власти и Воробьевы горы как средоточие власти церковной. В масонских кругах, к которым принадлежал и Витберг, давно была любезной мысль о ниспровержении Кремля как древнего символа русского православия. Еще не был забыт головокружительный проект Баженова, подразумевавший снос Кремля и построение на его месте некоего подобия того, что мы имеем в центре Петербурга. Проект Баженова не осуществился. Теперь по проекту Витберга Кремль должен был разделить судьбу римского Латерана, ставшего средоточием христианской церкви при императоре Константине, но ушедшего на второй план после того, как при покровителе идей «Возрождения» папе Юлии II столицей католицизма стал Ватикан. Карамзин первым выступил против такой идеи, в церковных кругах, разумеется, поддержали его, а не Витберга. Но что делать, приходилось мириться с мнениями и пристрастиями государя. Закладку камня основания освятили, строительство началось, а Филарет вместе с императором по окончании московских торжеств отправился назад в Северную столицу.

В конце 1817 года десятитысячным тиражом вышло издание четырех Евангелий с параллельными текстами в переводе священника Герасима Павского, архимандрита Моисея (Богданова-Платонова-Антипова), архимандрита Поликарпа (Гойтанникова) и епископа Филарета (Дроздова).

Вот я держу в своих руках наше домашнее «Святое Евангелие»: Санкт-Петербург, синодальная типография, 1911 год, издание семьдесят пятое. А тогда вышло первое. Библейское общество радостно докладывало: «Евангелие на русском языке, ожидаемое с нетерпением, принято с

чрезвычайным удовольствием и умножило еще более желание читать слово Божие... Нельзя не упомянуть здесь о той радости, с какою приемлются единоплеменниками нашими сии книги словес Господних на природном, вразумительном для всякого языке, ни изъяснить той пользы, какой от того ожидать можно; таковая польза наиболее предвидится для юношества, которое снабжается сими книгами. Поистине можно сказать, что дело перевода есть величайшее благодеяние для российского народа, издревле наклонного к благочестию и всегда жаждущего просвещения духовного, Божественного...»

Но нашлись и весьма рьяные противники нового перевода и прежде всего члены патриотического общества «Беседа любителей русского слова» во главе с вождем консервативной мысли в России — вице-адмиралом Александром Семеновичем Шишковым. Сей «муж отечестволюбивый», бесспорно, является одним из столпов русской культуры XIX века. В молодости бравый моряк, с ранних лет одновременно начавший увлекаться филологией и переводить на русский язык иностранные книги, он был стойким противником засорения русского языка иностранщиной и успешно боролся за сохранение самобытности нашей речи. При императоре Павле он стал не только флотоводцем, но и официальным историком флота. При Александре Шишкова отодвинули молодые реформаторы. Тогда же возникла вражда между ним и Голицыным, которого благопристойный Александр Семенович люто ненавидел как выскочку и фанфарона. В 1803 году Шишков опубликовал свой важнейший труд «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка». В 1805 году вышел в свет его перевод «Слова о полку Игореве». В 1811-м он создал общество «Беседа любителей русского слова».

Все мы помним, как озорники, дурачась над стремлением Шишкова находить русскую замену иностранным словам, придумали такую дразнилку: «Хорошилище идет по гульбищу из позорища на ристалище», что в переводе на иностранные заимствованные слова означало: «Франт идет по бульвару из театра в цирк». Помним и злые эпиграммы Пушкина на Шишкова. Но если внимательно прочитать шишковское «Рассуждение о старом и новом слоге», содержащее обширный словарь русских слов, которые Александр Семенович предлагал воскресить, заменяя ими заморские, нетрудно увидеть, как много этих слов Пушкин использовал в своих произведениях, тем самым проведя в жизнь мечты Шишкова! Так что и Александр Семенович приложил руку к созданию русского литературного языка. И даже очень.

В годы патриотического подъема, связанного с войной против

Наполеона, Шишков пришелся ко двору и в 1812–1814 годах, когда удалили Сперанского, он занимал пост государственного секретаря, второй по значению в Российской империи после государя. В 1814 году его сменил Алексей Николаевич Оленин, но, оставаясь в Государственном совете, Александр Семенович продолжал являться одним из влиятельнейших государственных мужей империи.

Когда в 1817 году родилось Министерство духовных дел и народного просвещения, которое возглавил ненавистный Голицын, Шишков конечно же сразу стал яростным врагом этого учреждения. Не переставал он бороться и с Библейским обществом, открыто называя его членов пособниками мирового протестантизма. Голицына он обвинял в упадке нравственности, в разгуле свободомыслия и антиправославного мистицизма. Шишков говорил: «Кажется, как будто все училища превратились в школы разврата, и кто оттуда ни выйдет, тотчас покажет, что он совращен с истинного пути и голова у него набита пустотой, а сердце самолюбием, первым врагом благоразумия». А о переводах Библии на новый язык Александр Семенович отзывался так:

— Это переводы с языка Церкви на язык театра.

Впрочем, главные битвы Шишкова с Библейским обществом еще предстояли, и пока Александр Семенович лишь ворчал, а новое Евангелие расходилось стремительно. В 1818 году вышло второе издание, а в 1819-м — третье, причем уже с приложением «Деяний святых апостолов».

В начале 1818 года в Казанском соборе Санкт-Петербурга епископ Ревельский произнес проповедь перед приведением к присяге дворянства и граждан для избрания судей. Она примечательна тем, что в ней он говорит о том доверии, которым Господь наделил современного человека. В древности Бог сам судил «растленный первый мир и определил ему казнь потопа; судил гордых вавилонян и наказал смешением языков; развращенных содомлян и, яко прозорливый врач душ и телес, целые грады их, как неисцельные и заразительные струпы на лице земли, выжег огнем и жупелом». Но чем более отходил человек от звероподобия, тем больше Господь вверял суды человеку. И так будет впредь, но лишь при одном условии, что судьи будут помнить о Боге и о Его суде, который страшен, если судьи преступны.

— Видите ли, наконец, что вы творите, избирающие судей и устрояющие суд? — обращался Филарет к собравшимся. — Вы уготовляете орудия самому Богу; для Него устрояете вы святилище. И понеже устроение суда, так же, как и самый суд, Его есть, то и вы сами становитесь орудиями Его; ваше сословие сонм Господень есть...

Недурно бы и сегодняшним судьям время от времени перечитывать сие пламенное и поучительное слово Филарета!

21 мая 1818 года не стало второго из высочайших покровителей Филарета, первым из которых был Платон. Теперь ушел из жизни владыка Амвросий. По состоянию здоровья его перевели на Новгородскую кафедру, там он и покинул бранный мир сей. На место Амвросия пришел другой замечательный пастырь — митрополит Михаил (Десницкий). Весьма образованный, легко говоривший на разных языках, имеющий дар проповеди. Император Павел сделал его пресвитером при дворе. Тяжелое горе ворвалось в жизнь отца Михаила — он разом потерял жену и детей. После этого постригся в монахи. Постриг проходил в Гатчине в присутствии всей императорской фамилии. Долгое время был архиепископом Черниговским. В 1813 году его вызвали в Петербург к присутствованию в Святейшем синоде. 30 августа 1814 года он получил звание члена Синода и члена Комиссии духовных училищ, а затем получил также звание члена Человеколюбивого общества и Российской академии. Вскоре архиепископ Михаил стал и членом Библейского общества, в котором сразу вступил во вражду с Голицыным, считая его вредным распространителем протестантской заразы и мистической чепухи.

1818 год ознаменовался выходом в свет первых восьми томов карамзинской «Истории государства Российского», установлением памятника Минину и Пожарскому на Красной площади Москвы, открытием Варшавского сейма, рождением у государя племянника Александра, будущего императора Александра II, смертью атамана Платова и фельдмаршала Барклая де Толли, а также созданием тайного общества «Союз благоденствия». Будущие декабристы были сторонниками новомодной ланкастерской системы образования, при которой ученики старших классов берут на себя частично обязанности учителей. В этом их устремления совпадали с устремлениями многих членов Библейского общества, таких же сторонников лан-кастерства.

Так причудливым образом в Библейском обществе одновременно уживались Филарет и его переводчики с либералами-западниками, многие из которых являлись масонами, что никак не совмещается с православием! Разумеется, никакого духовного единения с вольнодумцами у Филарета и быть не могло. Он просто всегда, как теперь принято говорить, держал «руку на пульсе», старался читать все, чем увлекался тогдашний петербургский свет, включая мистиков — Франсуа Фенелона, Карла фон Эккартсгаузена, Юнга-Штиллинга, Мейстера Экхарта, и все это охотно обсуждал с мистиками и масонами типа Лабзина или Лопухина. Из

Америки в Петербург нахлынули квакеры, сторонники мистического учения, согласно которому человек должен стремиться к тому, чтобы его душа и плоть содрогались, ощущая силу Господню. От слова «quake» — «содрогаться», собственно, и происходит название самой секты. Филарет и с квакерами охотно общался, чтобы знать, чем дышат они, которых столь любезно привечают и выслушивают в столичных гостиных.

Но «держа руку на пульсе», он оставался Филаретом, не становясь ни мистиком, ни масоном, ни квакером.

Будучи, как считалось, «человеком Голицына», он лишь отдавал должное тому покровительству, которое оказывал ему Александр Николаевич, но никоим образом не становился таким же, как обер-прокурор, а тот так и не стал истинно православным и даже в религии искал для себя спасения от скуки жизни и наибольшего разнообразия. И не могло нравиться Филарету то, как Голицын оказывал покровительство всевозможным проходимцам, летевшим на берега Невы со своими искрометными новоявленными учениями. Сама жажда общества хвататься за эти учения показывала, что есть необходимость в духовном воспитании. Нельзя было просто встать и уйти в сторонку, а там пусть что хотят, то и творят И Филарет пришел к мысли о необходимости написания катехизиса.

Глава девятая

АРХИЕПИСКОП ФИЛАРЕТ

1819–1821

Катехизис (Κατήχησις) в переводе с греческого — поучение, наставление. Человек чаще всего бывает не готов воспринимать христианское учение, если сразу начнет с Евангелия. Для этого необходима подготовка в виде чтения катехизиса, содержащего основные положения христианского вероучения. Часто они бывают изложены в виде вопросов и ответов. Катехизис содержит ответы на наиболее распространенные богословские вопросы и начальное богословское образование перед крещением.

Прежде чем приступить к написанию своего катехизиса, Филарет составил и издал «Таблицы чтений из Священного Писания, церковной и гражданской печати, предназначенные для учебных целей». В них расписывалось, что нужно читать из Священного Писания в каждый день года. Выглядит это так:

В Светлое Христово Воскресение на литургии

Деян. 1, 1–8. Ев. Ин. 1, 1 — 17.

В тот же день на вечерне Ев. Ин. 20, 19–25.

Понедельник Деян. 1, 12–17, 21–26. Ев. Ин. 1, 18–28.

Вторник Деян. 2, 14–21. Ев. Лк. 24, 12–35.

Среда Деян. 2, 22–36. Ев. Ин. 1, 35–51.

Четверг Деян. 2, 38–43. Ев. Ин. 3,1 — 15.

Пятница Деян. 3, 1–8. Флп. 2, 5—11. Ев. Ин. 2, 12–22.

Суббота Деян. 3, 11–16. Ев. Ин. 3, 22–33.

2 неделя, о Фоме

Воскресенье на утрени Ев. Мф. 28, 16–20.

На литургии Деян. 5, 12–20. Ев. Ин. 20, 19–31.

Понедельник Деян. 3, 19–26. Ев. Ин. 2, 1 — 11.

Вторник Деян. 4, 1 — 10. Ев. Ин. 3, 16–21.

Среда Деян. 4, 13–22. Ев. Ин. 5, 17–24.

Четверг Деян. 4, 23–31. Ев. Ин. 5, 24–30.

Пятница Деян. 5, 1 — 11. Ев. Ин. 5, 30 — 6, 2.

Суббота Деян. 5, 21–33. Ев. Ин. 6, 14–27.

3 неделя, о Мироносицах

Воскресенье на утрени Ев. Мк. 16, 9—20.

На литургии Деян. 6, 1–7. Ев. Мк. 15, 43–16, 8.

Понедельник Деян. 6, 8–7, 5, 47–60. Ев. Ин. 4, 46–54.

Вторник Деян. 8, 5—17. Ев. Ин. 6, 27–33.

Среда Деян. 8, 18–25. Ев. Ин. 6, 35–39.

Четверг Деян. 8, 26–39. Ев. Ин. 6, 40–44.

Пятница Деян. 8, 40 — 9, 19. Ев. Ин. 6, 48–54.

Суббота Деян. 9, 20–31. Ев. Ин. 15, 17–16, 2.

И так далее — на каждую неделю годовичного круга. Сокращения здесь: «Деян.» — «Деяния апостолов», «Ев. Ин.» — «Евангелие от Иоанна», «Ев. Мф.» — «Евангелие от Матфея», «Ев. Мк.» — «Евангелие от Марка», «Флп.» — «Послание апостола Филиппа» и т. д., как принято сокращенно писать названия евангельских текстов. Ныне эти таблицы прилагаются на каждый день в ежегодно издаваемом православном церковном календаре.

15 марта 1819 года Филарет вступил на вторую сверху ступень церковной иерархической лестницы — он был возведен в сан архиепископа и получил в свое ведение Тверскую епархию, одну из древнейших на Руси — ее учредили вскоре после возведения на великокняжеский престол тверского князя Ярослава Ярославовича в XIII веке. Ярослава в 1271 году хоронил первый тверской епископ преподобный Симеон Полоцкий. Тверские епископы пользовались огромным влиянием не в одной Твери, их призывали в третейские судьи во время княжеских споров. Филарет (Дроздов) оказался сорок девятым по счету тверским архиереем после преподобного Симеона. Среди его предшественников — составитель Печерского патерика святитель Арсений, чудотворец Казанский святитель Варсонофий, борец с расколом и основатель в Твери духовного училища Феофилакт (Лопатинский). За тридцать пять лет до Филарета Тверскую кафедру возглавлял его покровитель и наставник юности митрополит Платон (Левшин). Сменил же Филарет на этом посту архиепископа Серафима (Глаголевского), коему, увы, суждено будет вскоре стать его противником.

Отныне его жизнь растянулась между Петербургом и Тверью. Большую часть времени он проводил все же в северной столице, но и в подвластную Тверь нужно было постоянно надолго выезжать. Большой объезд своей епархии он смог осуществить только в мае — августе 1820 года. До этого много времени отнимали завершение дел в академии и

работа в Синоде. Освящая соборный храм Рождества Христова в тверском Рождественском монастыре, он произносил проповедь о необходимости понимания прихожанами смысла их присутствия в храмах:

— Дело состоит в том, чтобы каждый тщательно и беспристрастно испытал самого себя, видит ли он духом и ощущает ли, как должно, во храме Божиим присутствие славы Божией.

Эпиграфом к проповеди он взял слова из книги пророка Иезекииля: «Слава же Господня вниде в храм, по пути врат зрящих на восток. И взя мя дух, и введе мя во двор внутренний: и се исполнь славы дом Господень. И страх, и се глас от храма глаголющего ко мне: сыне человекъ, видел ли еси место престола Моего, и место стопы ног Моих, идеже вселится имя Мое среде дому Израилева в век?» (Иез. XLI11. 4–7).

— Но что скажем для тех, которых душевные очи или совсем слепотствуют неверием, или повреждены и омрачены рассеянием и нерадением?

Случайно ли проповедник затронул такую тему? Вероятно, он уже наблюдал, как после всплеска веры, вызванного бедствием 1812 года, сейчас, восемь лет спустя, вновь стали пустеть храмы. Пройдет еще десять лет, и иные храмы, особенно в столицах, даже в великие праздники будут пустовать. Вспомним повесть Гоголя «Нос». Не случайно Николай Васильевич сразу обозначил, что действие разворачивается 25 марта, то есть в один из двенадцатых праздников православной церкви — в Благовещение. Майор Ковалев попадает в один из главных петербургских храмов — в Казанский собор. Дело происходит утром, а значит, в храме идет праздничное богослужение. Народу должно быть столько, что не протолкнуться. Здесь еще всю исповедуются. Здесь уже исповедались и готовы вкушать святое причастие. Но: «Молельщиков внутри церкви было немного; они все стояли только при входе в двери», — пишет Гоголь. А при входе в церковь, когда в храме немного народу, обычно стоят те, кто только зашел поставить свечку, ненадолго задержаться, да и побежать далее по своим делам.

Вот почему проповедник призывает к собравшимся:

— Взирая на священное благолепие храма видимого, будем помышлять о несравненной славе внутренней, таинственно в ней обитающей; и если дух наш не просвещается Божественным видением, если сердце не оживляется небесным ощущением, то, дабы исцелить душу нашу, употребим все тщание сохранить себя от грехов, которые омрачают ее и повергают в духовное нечувствие.

Примерно в то же лето Филарет произнес весьма примечательную

проповедь об одежде, а точнее, о том, как много внимания в последнее время уделяется людьми тому, кто во что одет.

— Излишество в пище и питии в самом начале своем есть источник немощей и болезней; а в своем продолжении может превратиться в медленное самоубийство. Так и вред суетных попечений об одежде простирается от тела до души: это уже не малость! Есть люди, у которых сии попечения составляют не малую долю ежедневных упражнений и похищают великую часть времени, которое все без остатка нужно для приобретения вечности, это никак не малость!

В истории моды на Руси 1820 год можно считать особенным. После войн с Наполеоном надолго установилось модным носить платья, напоминающие старинные русские образцы. Талия исчезла, женщины носили одежды свободного покроя. И вот в 1820 году талия явилась и вступила в бой за свои права. Все словно с ума посходили — жены требовали от мужей все новых и новых платьев, которые выписывались из-за границы, а если не хватало денег, то покупали выкройки, по которым крепостные девки без усталости строчили новомодные платья. Между теми, кто отстаивал в одежде русскость, и теми, кто поддавался искушениям моды, происходили настоящие битвы. Вот почему Филарет уделил особое внимание теме одежды. Непревзойденный мастер слова, он превосходно справляется с этой темой, поражая слушателей неожиданными сравнениями. Стремление щеголять в новых и новых одеждах он сравнивает с болезнью и рабством:

— Что значит сия гордость, с которою имеющий на себе дорогую одежду едва достаивает взора покрытую вретисцем или полураздетую нищету, — сия ненасытимость, с какою некоторые со дня на день умножают сие непостоянство, с которым так часто переменяют уборы? — Не есть ли сие нечто подобное тому, как если бы больной вздумал тщеславиться множеством своих струпов и красотою обязанностей; или если бы раб, принужденный носить оковы, желал иметь их в великом числе и выработанные с разнообразным искусством?.. Для чего нам неприятно, если не на нас прядет шелковый червь, не для нас земля рождает золото, и море — перла? К чему столь детские прихоти?.. Для чего же еще мы не редко желаем, чтобы одежда наша превышала не только требование необходимости, но и приличие нашего состояния? Для чего иногда мы не довольны своими украшениями потому только, что оные не похищены у отдаленнейших братьев наших?

От одежды проповедник переходит к украшениям:

— Не знаю, что может давать золоту на весах разумного человека

такую же тяжесть, как и на весах торжника, если это не тяжесть бед, которыми обременяет оно род человеческий. То, что называют лучшею водою в камнях, не суть ли слезы несчастных жертв, которые вживе глубже мертвых погребаются во мрачном чреве гор для извлечения оттуда сих драгоценных безделиц?

При этом он не провозглашает, что «все должны отвергнуть всякое благолепие и облечься в рубища»:

— Есть род и степень благолепия и даже великолепия в одеянии, который назначает не пристрастие, но благоприличие, не суетность, но состояние, не тщеславие, но долг и обязанность. Но попечения без конца, пышность без меры, расточение без цели, ежедневные перемены уборов только потому, что есть люди, которые имеют низость заниматься изобретениями сего рода, и что слишком много таких, которые имеют рабскую низость подражать сим детским изобретениям — невероятная безрассудность!.. Лучше лишиться тысячи украшений, нежели представить Всевышнему малейшее пятно в душе и совести.

И заканчивает он свое слово дивным напоминанием о той главной одежде, облакаться в которую должен каждый истинный христианин:

— *Елицы во Христа креститесь, во Христа облекостесь.*

Еще более яркую проповедь архиепископ Филарет произнес в том же году на праздник Преображения Господня:

— Высокое зрелище на горе Фаворской. Зрелище, подлинно, достойное того, чтобы и видеть оное с восхищением, как видели апостолы, и вспоминать с торжеством, как мы ныне воспоминаем. Не напрасно и те, которые были свидетелями великих явлений на Синае и Хориве, — не напрасно Моисей и Илия являются на Фаворе. Они увидят здесь более, нежели там. На Синае и Хориве сила и слава Божия открылась человекам сквозь силы видимого естества: на Фаворе не только Божество является человекам, но и человечество является в Божественной славе. Моисей трепетал на Синае, Илия жаловался на Хориве: в апостолах на Фаворе сквозь ужас сияет радость: *добро есть нам zde быти.*

Преображенский собор в Твери являлся главным храмом города, в нем располагалась усыпальница всех Тверских князей. Соответственно, Преображение было здесь храмовым праздником. Вот почему, предвидя свой скорый переход в другую епархию, архиепископ Филарет хотел особенно запомниться тверичам своей проповедью. Он, следуя учению святителя Григория Паламы, говорил о вере в силу молитвы, о том, что и само Преображение Христа на горе Фавор произошло во время сильной молитвы апостолов. Он пытался доказать, что сильная и действенная

молитва не есть, как полагают некоторые, лишь дар избранных:

— Нет человека, которого молитва не могла бы соделаться сильною, если он того твердо и чистосердечно, с верою и упованием на Бога, возжелает; и нет вещи, в которой бы молитва не могла соделаться действительною, если только предмет молитвы не противен премудрости и благости Божией и благу молящегося... Молись, христианин, молитвою крепкою, от всея силы души твоей, молитвою прилежною и неотступною, молитвою благою и чистою, и если сего не обретешь в себе, молись о самой молитве, и ты молитвою сперва приобретешь молитву истинную и действительную, потом сия все победит с тобою, и все тебе приобрящет, возведет тебя на Фавор, или в тебе откроет Фавор; низведет небо в душу твою, и душу твою вознесет на небо. Аминь.

В той же проповеди Филарет мог бы напомнить слушателям и о том, что случилось 12 мая 1820 года в Царском Селе, когда там запылал Знаменский дворец, огонь вот-вот готов был перекинуться на соседние здания. Вынесли чудотворную икону Божьей Матери «Знамение», и, стоя перед нею, император Александр Павлович громко воскликнул:

— Матерь Божия! Спаси мой дом!

Молитва искренняя, вылетевшая из уст государя, возымела чудесное действие. Пламенем той молитвы было погашено пламя пожара — ветер, словно укрощенный конь, повернул в противоположном направлении, и пожарные получили возможность быстро потушить огонь.

24 августа 1820 года Филарет возвращался из Твери в Петербург и в дороге написал стихотворение «Вечерняя песнь путешественника». В нем он выразил те же преображенские чувства — мечту о полете души к Фаворскому свету:

*Явися, Свете вожделенный,
Явися и на сем пути!
Душе моей в тени вечерней
Бродить одной не попусти!
Не ищет око дерзновенно
Лица зреть славу Твоего;
Но сердце ждет окамененно,
Не коснешься ли Ты его. <...>
Даждь, да во правде и святыне
И сквозе мрак во свет зрю Твой;
Да восхвалю Тебя отныне
Во веки чистою хвалою!*

26 сентября 1820 года архиепископа Филарета перевели с Тверской кафедры на Ярославскую. А его место в Твери занял не кто иной, как Симеон (Крылов-Платонов), тот самый, что двенадцать лет назад постригал Филарета в монашество. Перед этим он был епископом Тульским и Белевским, а затем архиепископом Черниговским и Нежинским.

Ярославско-Ростовская епархия — самая древняя на русских землях. В 991 году, за год до учреждения архиерейской кафедры в Великом Новгороде, проповедники православной веры достигли Ростовской земли, населенной язычниками, и учредили здесь епископскую кафедру. В Ярославской и Ростовской епархии подвизались святитель Леонтий Ростовский, святой благоверный князь Александр Невский, преподобный Сергей Радонежский, святитель Димитрий Ростовский, святой праведный воин Феодор Ушаков. В 1314 году здесь была явлена чудотворная икона Толгской Божьей Матери, а на месте явления основан монастырь. В 1437 году на Ростовской земле был чудесно обретен Годеновский крест, прославившийся впоследствии множеством чудотворений. По благословению преподобного Иринарха Затворника и под водительством Минина и Пожарского здесь собиралось ополчение, работало правительство, чеканилась монета.

В 1788 году кафедра правящего архиерея была переведена из Ростова Великого в Ярославль, где уже с 1747 года действовала духовная семинария.

Архиепископ Филарет стал шестьдесят восьмым архиереем Ярославской и Ростовской епархии. Его предшественник Антоний (Знаменский) тяжело заболел и летом подал прошение об увольнении на покой. Примечательно, что Дроздов на здешней кафедре должен был именоваться Филаретом вторым, поскольку первым Филаретом архиепископом Ростовским и Ярославским был не кто иной, как отец первого царя из рода Романовых, Михаила.

— Христиане! Тщитесь быти воистину Христовы, прилепляйтесь ко Христу всем сердцем чрез последование учению и житию, открытому в Евангелии, и чрез усердное приобщение Божественных таинств, которые он оставил Церкви своей, — взывал Филарет в приветственном послании к ярославской пастве.

Состояние дел в епархии было плачевным. Об этом красноречиво свидетельствуют слова Филарета из его письма к настоятелю Толгского

монастыря Гавриилу (Розанову) от 22 апреля 1821 года: «Если Вы, брате, больны от одного монастыря и семинарии, то мне от всей Ярославской епархии давно бы умереть надобно».

Но недолго ему суждено было пробыть ярославским владыкой, еще меньше, чем тверским, чуть более девяти месяцев.

А впереди его ждала Москва.

Глава десятая

АРХИЕПИСКОП ФИЛАРЕТ МОСКОВСКИЙ 1821–1823

— Благодать вам и мир от Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа!
— так словами апостола Павла из послания к римлянам приветствовал архиепископ Филарет свою московскую паству.

Москва! Как ни избито повторять пушкинские строки, а лучше Александра Сергеевича не скажешь: «Сколь много в этом звуке для сердца русского сплелось!»

В начале XIV века святитель Петр, митрополит Киевский и всея Руси, обосновался здесь и первым среди русских архипастырей получил наименование «Московский». Святитель Алексей, воспитатель Дмитрия Донского и друг преподобного Сергия Радонежского, вдохновитель борьбы за независимость от Орды, закончил дело переноса митрополии в богохранимый град Москву и стал последним главой Русской православной церкви, носившим титул митрополита Киевского, а потомки также прозвали его Московским. Хотя официально только через столетие епархия совершенно отделилась от Киевской митрополии, стала именоваться Московской и всея Руси и была поставлена первою в числе епархий Константинопольского престола. Ее митрополиты до учреждения патриаршества избирались и поставлялись независимо от патриарха Константинопольского.

При святителе Ионе Русь отвергла Флорентийскую унию, а Московская церковь стала автокефальной. Под своей епитрахилью Иона спасал юного князя Ивана Васильевича, будущего Ивана III Державного, создавшего мощное государство, в семь раз больше того, которое ему досталось от отца. А святитель Симон во времена правления этого государя многожды созывал церковные соборы, один из которых покончил с так называемой ересью жидовствующих.

Святитель Макарий создал свод «всех чтимых книг на Руси» — Великие Четыи минеи, которые так и вошли в историю под названием Макариевских. При нем началось на Руси книгопечатание, он открыл на Москве типографию Ивана Федорова для печатания священных и

богослужебных книг. Входя в Избранную раду, Макарий имел огромное влияние на молодого Ивана Грозного, в 1547 году он венчал его на царство, способствовал его браку с Анастасией Захарьиной, вдохновлял на завоевание Поволжья и взятие Казани. На Макарьевских соборах канонизированы многие русские святые, включая благоверного князя Александра Невского.

После смерти Макария продолжателем всех его дел митрополит Филипп (Колычев) старался смягчить ожесточившийся нрав государя Грозного: «Повинуюся твоей воле; но умири же совесть мою: да не будет опричнины! да будет только единая Россия! ибо всякое разделенное Царство, по глаголу Всевышнего, запустеет. Не могу благословлять тебя искренно, видя скорбь отечества». И царь смягчился, но, видя измену, вновь начал казни. Филипп не хотел благословить новое ожесточение, подвергся суду, низложению, ссылке и скончался в Успенском Тверском монастыре. В «Житиях святых» Димитрия Ростовского указано на то, что его убил Малюта Скуратов, но нет точных доказательств ни у сторонников версии убийства, ни у тех, кто стремится оградить Ивана Грозного отложных обвинений.

Во времена патриаршества Москва стала стольным градом патриарха, а Московская епархия обращена в патриаршую область, которая после кончины патриарха Адриана по 1742 год управлялась иноепархиальными архиереями. В 1742 году Московская епархия (митрополия) восстановлена. В 1799 году к ней присоединена упраздненная Коломенская епархия в качестве викариатства. Большой Успенский собор был по-прежнему оставлен первопрестольным, верховным собором Московским и Всероссийским.

Митрополит Платон (Левшин) являлся одним из великих московских архипастырей, а ведь Филарет начинал под его омофором. Став митрополитом Московским, Платон первым делом высоко поставил Московскую духовную академию, построил при ней общежитие, называвшееся бурсой, и довел число учеников с трехсот человек до тысячи. Он завел малые школы при монастырях, заботился о развитии в питомцах подлинной веры и церковности, зорко отмечал и выдвигал самых даровитых. Сколько их были даже отмечены прибавлением прозвания «Платонов» к собственной фамилии. Мог бы называться Дроздовым-Платоновым и Филарет, но почему-то не стал.

Будучи почитателем преподобного Сергия, Платон написал ему акафист, а его ученик Филарет вскоре напишет новое житие. Много делал Платон для украшения Троице-Сергиевой лавры. Много было у него и врагов, поскольку он решительно боролся с пороками, коих немало

наблюдалось в среде священников. Яростно ополчался он против атеизма, сквозняком ходившего по России из Европы. Но столь же яростно восставал против церковного ханжества, во все века сильно способствующего распространению атеизма. Боролся он и против излишне витийственного, изощренного слога церковных писаний, провозглашая его неприличным. «Проповедник должен беседовать с людьми различного состояния и понятия, а потому необходимость требует, дабы духовная беседа была всякому удобопонятна», — говорил он. «Витийство полезно, чтобы истину, всеми признаваемую, в краснейшем и лестнейшем представить виде, но где надобно оную, ложью пожираемую, защитить и доказать, там оно не только есть излишне, но и вредно; излишне: ибо правды лицо само по себе прекрасно; вредно: ибо дает подозрение, что защитник побеждает не тем, что истина на его стороне... но тоном слов своих и чародейством красноречия».

Больше всего Платон любил произведения Иоанна Златоуста, и самого его нередко именовали Московским Златоустом. Точно так же вскоре станут называть и его ученика — Филарета.

В 1805 или 1806 году у Платона был первый удар, после которого он стал передавать дела своему викарию епископу Августину. В 1811 году его окончательно парализовало, и он был освобожден от исполнения должности до полного выздоровления, коего так и не дождались. Перед Бородинским сражением он порывался ехать на поле брани, дабы воодушевлять воинство русское, но так и не смог преодолеть телесную слабость. Накануне вступления французов в Москву митрополита Платона привезли из Вифании, чтобы он мог навсегда попрощаться с любимой столицей. Он предчувствовал, что уже никогда не увидит ее. 28 августа 1812 года Платон сидел на главном крыльце Чудова монастыря и горько плакал. 1 сентября он вернулся в Троицу. 11 ноября его не стало.

Когда летом 1811 года митрополита Платона разбил паралич, его сменил викарий Московской епархии епископ Дмитровский Августин (Виноградский). Он так и не успел стать митрополитом. В 1818 году его возвели в сан архиепископа Московского и Коломенского, а спустя год он скончался от чахотки.

Новым московским архипастырем стал Серафим (Глаголевский). Выпускник Московской духовной академии и Московского университета, преподавал в Троицкой семинарии латинский язык, историю и риторiku, потом философию и богословие в академии, с начала нового столетия стал епископом, долгое время возглавлял Смоленскую кафедру. После войны с Наполеоном владыка Серафим был тверским архиепископом. Филарет

дважды последовал ему: сначала сменил Серафима в Твери, затем — в Москве.

Серафим был московским архипастырем с 1819 по 1821 год. Нравом он отличался суровым, боролся с разнообразными вольностями, особенно в среде лиц духовного звания. Среди священников проводил строгие экзамены.

Тем временем из Петербурга приходили слухи о том, как все яростнее разгорается вражда между митрополитом Михаилом (Десницким) и князем Голицыным, который с 1817 года возглавил Министерство духовных дел и народного просвещения, но был освобожден от должности обер-прокурора. Владыка не мог более терпеть распространения протестантских ересей, уводивших православную паству из храмов Божьих. Несметные мистики-шарлатаны внушали пагубную мысль о некоем «внутреннем христианстве», мол, вера должна быть в душе у каждого, а в церковь ходить вовсе и не обязательно. 23 декабря 1820 года Михаил вернулся с заседания Синода до того расстроенный, что его вынуждены были вынести из кареты.

— Какой же я святитель... когда не имею власти разрешать служение самых обыкновенных молебствий? — возмущался он. — Если уж Голицын хочет лишиться меня власти... он мог бы предупредить меня об этом келейно, тогда бы мы двое только знали, что я митрополит лишь по имени, а не по власти; теперь же последний монастырский служка знает об уничтожении моего сана.

Всю зиму он тяжело болел, служил только в домовый церкви. 10 марта 1821 года вновь отправился на заседание Синода и вновь сцепился с ненавистным Голицыным. Вернувшись, вскоре принял таинство елеосвящения. Незадолго до кончины владыка Михаил написал письмо государю, начинавшееся словами: «Когда вы его получите, меня уже не будет». Ему более незачем было сохранять дипломатию, и он смело писал об опасностях, которым Голицын подвергает русское православие, умолял Александра «оградить Церковь от слепотствующего министра». 24 марта на шестидесятом году жизни владыка Михаил скончался в покоях Александро-Невской лавры, где был с большими почестями погребен перед самым алтарем Духовой церкви, построенной по его инициативе, но освящения которой так и не дождался.

Филарет видел в митрополите Михаиле своего духовного единомышленника. Впоследствии, вспоминая его, он писал: «За несколько дней до его кончины некто видел во сне, что высокий столп с венцами наверху разрушился с громом. Сон, по моему мнению, очень справедливый... Впрочем, твердое основание Божие, конечно, не людьми поддерживается».

19 июня 1821 года новым митрополитом Санкт-Петербургским и Новгородским стал Серафим (Глаголевский), переведенный в Северную столицу из Первопрестольной. Надежд Голицына на то, что он будет вести себя не так, как его предшественник, Серафим не оправдал, он сразу же вступил в яростную схватку со всем, что было чуждо православной церкви — с явным и скрытым протестантизмом, с ересями всех разновидностей, с масонством и мистицизмом, с заморскими проповедниками, коих популярность внезапно выросла чрезвычайно. Таковых и мы видели во множестве еще совсем недавно, когда в девяностые годы прошлого столетия им подарили телевидение, их можно было слушать и лицезреть во всех клубах, домах и дворцах культуры рухнувшего СССР, на стадионах и в концертных залах. А в начале XIX века в одной из своих проповедей в Троице-Сергиевой лавре святитель Иннокентий (Смирнов) незадолго до кончины произнес о таких артистах-проповедниках убийственные слова:

— Любодей действует не ради деторождения, но для насыщения нечистой своей похоти. Так и проповедник слова Божия, когда проповедует не ради рождения духовных чад по закону, но чтобы, сказав слово, токмо движением рук, эхом голоса и произношения слыть за проповедника или почесать сердце свое щекотанием, слухом чести и отличия, то же он деет, что и любодей. Сей любодействует телесно, а той духовно... Видит Бог, коль во многих настоящих витиях-проповедниках бывает нечисть, нерадиво и суетно проповедуемое слово!.. Возможно ли брать в руки книги литературные, книги нового духа — сии яко гадины ядовиты, слышны гнусным кваканьем, яко жаб, духов злых!

А на Москве встречали нового владыку, коему суждено было надолго стать здешним архипастырем. В воскресенье 3 июля 1821 года, в день перенесения мощей святителя Филиппа Московского, архиепископ Филарет взошел на московскую кафедру.

Еще не прошло десятилетия после великого пожара столицы. Восстановление Первопрестольной в самом разгаре. Пока в божеский вид приведены только Кремль и Красная площадь. Архитектор Осип Иванович Бове, сам участник изгнания Наполеона, вернувшись с войны, возглавил возрождение города. Красную площадь расчистили, засыпали ров, проходивший вдоль Кремлевской стены, на его месте разбили бульвар, вдоль которого прошла дорога к набережной. Многочисленные лавки и ветхие строения, захламлявшие площадь, убрали вон, и отныне открывался величественный вид на Покровский собор Василия Блаженного, а кроме того, в 1818 году площадь украсилась памятником Минину и Пожарскому.

За спиной у них, стоящих лицом к Кремлю, вознеслись новые здания Торговых рядов.

Теперь, в 1821 году, когда на Москву приехал Филарет, огромное пространство к северо-востоку от Кремля расчищалось под новую площадь, на которой закладывался фундамент будущего Большого театра, а речку Неглинку спрятали в подземную трубу. К северо-западу, прямо под стенами Кремля шло строительство Александровского сада, также спроектированного Осипом Ивановичем. Продолжались благоустройство и застройка Бульварного кольца, были срыты укрепления Земляного вала и засыпан ров, а на их месте образовалось Садовое кольцо. Деревянное строительство внутри него настрого запретили. На местах пересечения этого кольца с радиальными улицами появились площади-заставы с кордегардиями для караула. Долгое время тут сохранялись сады и палисадники. Они и по сей день шелестят в названиях улиц — Большая Садовая, Садовая — Каретная, Садовая-Кудринская, Садовая-Самотечная, Садовая-Сухаревская, Садовая-Триумфальная...

В год прибытия Филарета Москва только начала расцветать после пожара. Дайте еще годик-другой, чтобы грибоедовский Скалозуб мог остроумно подметить: «По моему суждению, пожар способствовал ей много к украшению». Особенное лицо, которое потом будут именовать московским, столица получит благодаря продуманной разработке послепожарной комиссии восстановления новых фасадов зданий и улиц. Родился новый тип московского особняка — не очень большого, но и не маленького, красивого, но при этом довольно скромного, с колоннами, но без помпезности. А главное, необычайно милого и уютного. Комиссия выпускала целые альбомы «образцовых фасадов», по которым строились московские улицы. Оговаривалось все, начиная с этажности и вида отделки и кончая цветом окраски. Некогда застроенная в известной степени беспорядочно, Москва обрела стройность и ладность.

Трудно удержаться от одной весьма примечательной детали восстановления Москвы. Именно в годы воскрешения Первопрестольной был изобретен цемент — тот самый скрепляющий материал, которым человечество пользуется и по сей день. Нужно было быстро возродить сильно разрушенный французами Кремль. Водовзводная башня была уничтожена до основания, Никольская наполовину, остальные в разной степени. Приглашенный из Саратова талантливый инженер Егор Герасимович Челиев напряженно экспериментировал с различного рода материалами, стремясь найти состав, способный надежно скреплять кирпичи и камни. И им было совершено важное открытие: если смешать

известь с глиной и при температуре 1100–1200° Цельсия обжигать эту смесь в горне на сухих дровах до «белого жару», то получится спекшийся продукт, который затем при тщательном измельчении до состояния пыли обладает высокими механическими свойствами и способностью твердеть в воде. Свое изобретение Челиев обобщил в «Трактате об искусстве готовить хорошие строительные растворы», вышедшем в 1822 году в Петербурге, а затем еще и в книге «Полное наставление, как готовить дешевый и лучший мертель или цемент, весьма прочный для подводных строений». Слово «цемент» (*caementum*) по-латыни означает «измельченный камень».

Нового московского архипастыря, конечно, прежде всего заботило состояние храмов и монастырей Москвы. К его приезду они в основном уже были восстановлены. Он поселился на подворье Троице-Сергиевой лавры, еще не зная, что здесь отныне ему суждено прожить до самой смерти — целых сорок шесть лет, почти полвека!

Троицкое подворье возникло на севере Москвы в 1609 году при царе Василии Шуйском как своего рода гостиница для монахов Сергиевой лавры, приезжающих в Москву. После строительства в 1695 году Сухаревой башни оно стало называться Троице-Сухаревским. В превосходную загородную резиденцию московских архиереев место превратилось стараниями незабвенного Платона (Левшина), он выпросил у императрицы Екатерины деньги и благоустроил подворье. С конца 60-х годов XVIII века оно выглядело как обширная сельская усадьба с хорошей церковью. Сам Платон жил тут мало, в основном обретался либо в своих кремлевских покоях, либо в Петербурге, либо в Сергиевой обители.

О том, что произошло в 1812 году, красноречиво свидетельствует письмо лаврского казначея иеромонаха Арсения: «Троицкое Сухаревское подворье в Москве, неприятелем выжжено все, и потому теперь остается без крыш». Воскрешал подворье второй после Бове по значению руководитель восстановительных работ в Москве итальянец Доменико Жилярди. Петропавловскую церковь, отремонтировав, переосвятили в честь преподобного Сергия Радонежского. В 1815 году московских архиереев выселили из Кремля и подворье из загородной резиденции превратилось в основную. Первым постоянным жильцом здесь стал архиепископ Августин, вторым — Серафим (Глаголевский), третьим — Филарет.

Когда он прибыл сюда 13 августа 1821 года, подворье по-прежнему имело вид усадьбы, раскинувшейся на левом берегу реки Неглинной и питаемых ею Самотечных прудов. «Близ западной ограды подворья, над

крутым берегом пруда возвышалась богато изукрашенная резным узором белокаменная Троицкая церковь. За восточной, в нескольких сотнях метров, над верхушками деревьев и крышами домов видна была увенчанная двуглавым орлом граненая вертикаль Сухаревой башни. Возобновленный после учиненного французскими войсками разорения сад с прудом, убогонькие бревенчатые флигели, арендованные окрестными жителями огороды... Тихий, укромный и очень, очень далекий от шума «большой жизни» уголок».

Филарет поселился на втором этаже архиерейских палат, его личные покои заняли восточное крыло здания. Обстановка скромная. Такою она и оставалась на протяжении всех лет его здесь обитания. Пять комнат — гардероб, спальня, кабинет, столовая и молельня. «Простота и убожество его жилищ удивляли своим несоответствием с высотой его положения. Голые деревянные стены с простыми народными седалищами в Гефсимании, старинные, простые, не обширные и не во вкусе нынешнего века убранные келлии в Лавре и в Москве, сохранившие один неизменный вид едва ли не со времен митрополита Платона и вся прочая обстановка, в высшей степени простая, все это представлялось загадочным и труднообъяснимым для многих, знавших, что кафедра Московская и Лавра Троицкая имели полную возможность без малейших затруднений уготовать своему предстоятелю и настоятелю жилище, вполне соответствующее требованиям времени и его великому положению»^[7]. Рядом с покоем святителя располагались канцелярия, две комнаты секретаря и комната келейника, то бишь личного слуги и помощника. В западном крыле находилась домовая церковь. Обширные помещения, а именно: передняя, гостиная и зала предназначались для приема посетителей. Первый этаж занимали кельи насельников подворья, коих никогда не бывало более восьми человек, и кельи для монахов, приезжающих в Москву из лавры. Здесь же — служебные помещения и канцелярия эконома.

Вселившись, владыка завел распорядок, который не изменялся до конца его земного существования. Рано утром он совершал богослужение в домово́й церкви, затем пил чай. Этот напиток всю жизнь помогал ему наполняться бодростью. Он любил его в самых разных видах. В гостях ему обычно подавали три чашки — первую с лимоном, во вторую добавляли вино, третью владыка пил с вареньем. В конце жизни он полюбил пить чай «с миндалем», то бишь с соком миндального ореха, который назывался миндальным молоком.

На Троицком подворье после чая до двух часов пополудни владыка занимался делами — тщательно знакомился с приходившими на его имя

бумагами и давал им дальнейший ход. В два часа подавали обед — немного рыбы, немного хлеба, немного овощей и фруктов, чай. После обеда — отдых, но так Филарет называл час-два спокойного книжного чтения. А затем — снова дела, доклады, переписка. По вторникам и пятницам он работал с двумя vikариями. Кроме всего перечисленного в круг его занятий входили освящение храмов, совершение служб вне дома, подготовка к чтению проповедей, встречи с людьми, экзаменовка воспитанников академий и семинарий, посещение светских училищ. «Являясь на Троицкое подворье с недельным рапортом, — вспоминал архиепископ Амвросий, — обыкновенно в пятницу в четвертом часу, я не каждый раз видел владыку, а когда видел, всегда заставал его в тихом одиночестве и за делом: лежа на диване в черном подряснике и скуфейке, опоясанный кушаком из белого крепа, он просматривал духовные журналы или епархиальные ведомости, делая в них разные отметки карандашом; иногда писал письмо».

Так началась его московская жизнь...

На следующий день после прибытия в Москву, в воскресенье 14 августа, в канун праздника Успения Богородицы, архиепископ Филарет произнес в Успенском соборе Кремля «Слово при вступлении в управление Московскою паствою». Что же он выбрал в качестве темы для своей первой московской проповеди? Воздав должное граду Москве и Московско́й церкви, он стал говорить о желани́ях человеческих, о том, что мы прежде всего желаем себе телесного здравия и долгой жизни, а не спасения души. Мы все временные гости в мире, но при этом почему-то хотим как можно дольше задержаться в гостях.

— Желание долгоденствия, если не получает высшего значения в соединении с другими благороднейшими желаниями, не может принести нам ничего более, как только продолжение нашего земного изгнанничества и странствования... Кто более или менее усиливался возникнуть из сего рабства в свободу чад Божиих, тот, без сомнения, испытал и уразумел, как зло мира нападает на нас с оружием скорбей и страданий, дабы низложить нас унынием и отчаянием; как блага мира окружают нас, дабы взять в плен коварством похоти; как неудержанные желания плоти простираются, по-видимому, дабы покорить нам весь мир, но в самом деле покоряют нас всему, к чему они прилепляются... Благодать Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа есть единственный для нас источник истинного и совершенного духовного мира.

С этого началось многолетнее звучание проповедей нового московского Златоуста в храмах и монастырях Первопрестольной столицы Отечества нашего.

Вскоре у него появился помощник, коему суждено было тридцать пять лет верой и правдой служить владыке, — Александр Петрович Святославский, который сначала занял должность писца, а затем и секретаря Филарета. Его отец протоиерей московской церкви Сорока мучеников Севастийских священник Петр Вельяминов-Святославский погиб в 1812 году. Французы требовали от него ключей от храма, чтобы можно было там спрятаться вместе с лошадьми, то есть осквернить храм. Он отказался. Его стали пытаться и замучили до смерти. Этот герой войны с Наполеоном похоронен с южной стороны Екатерининского храма в Новоспасском монастыре. Его сын Александр Петрович в 1821 году закончил Московскую духовную семинарию, и консистория определила его к святителю Филарету. И он будет верой и правдой служить владыке целых тридцать пять лет.

Осенью отмечалась важная дата — ровно двадцать лет назад незабвенный митрополит Платон в Успенском соборе Кремля венчал на царство императора Александра Павловича. В юбилейный четверг 15 сентября здесь же Филарет произнес посвященное этому слово. Он начал с заповеди из Псалтири «Не прикасайтесь помазанным Моим» и напомнил о том, как европейцы, возглавляемые Наполеоном, нарушили сию заповедь:

— Не удивительно, что громовым гласом нужно было возвещать сию заповедь народам языческим, глухим для кроткого слова Божия. Кто бы подумал, что для христианских народов нужно будет вновь написать ее кровию и огнем на жесткой скрижали Европы; и в просвещенном веке есть мудрецы, которые донныне еще не умеют прочесть сих грозных и вместе спасительных писем!

Это было самое что ни на есть, как бы мы теперь сказали, проправительственное выступление верховного иерарха.

— Правительство, не огражденное свято почитаемую от всего народа неприкосновенностью, не может действовать ни всею полнотою силы, ни всею свободою ревности, потребной для устройства и охранения общественного блага и безопасности.

Никакой демократии! На народ, чья власть не в руках помазанников Божьих, но избрана по мимолетной прихоти народа, Филарет указывал как на «скопища беглецов или разбойников».

— Если, например, уподобим общество зданию, а власть сравним с основанием, которым все поддерживается, или со сводом, который все покрывает: здание ли полагает свои основания или возносит над собою свод?

«Не прикасайтесь помазанным Моим» — сквозным звуком летело

через всю проповедь Филарета, гремевшую под сводами древнего храма Фиораванти. Всего четыре года оставалось до восстания на Сенатской площади, до того события, коим доказано будет, что не все «умеют прочесть сии грозных и вместе спасительных писем». Уже разрабатывались планы умерщвления царственных особ и разделения России на множество самостоятельных государств со своими столицами.

В сентябре Филарет посетил Сергиеву обитель и прочитал здесь «Слово о нетлении святых мощей, на память преподобного Сергия». В нем он высказался о том, что воскрешение людей будет происходить в их земных телах, таинственно обновленных, а первое воскресение «состоит в чудесном на земли нетлении освященных телес» праведников.

— Сие нетление, сия целебная и живоносная сила, от них исходящая, внятнее и убедительнее слова поучают нас благочестию и побуждают подражать вере их.

В ноябре в Архангельском соборе Кремля Филарет читал проповедь в день собора архистратига Михаила.

— Удивительно, — говорил он, — что забвение о небесных Силах в некоторых из христиан простирается до того, что сомневаются даже в существовании невидимого мира... На всем видимом написано свидетельство и невидимом... Оглянитесь на самих себя: то, что в вас чувствует, желает, мыслит, не есть ли невидимое?.. Презрим земное и приблизимся к небесному. Очистим чувства и узрим сверхчувственное. Изгоним из души нашей плотские желания и суетные помыслы, и тогда посетят ее бесплотные Силы и поведут нас за собою от силы в силу, доколе наконец и Сам явится Господь Бог в Сионе духа нашего и сотворит в нем Себе обитель. Аминь.

Много вдов оставила война 1812 года. В Москве на Кудринской площади стояло большое здание. До войны в нем размещался дом инвалидов для доживающих свой век солдат. При отступлении русской армии от Бородина здесь разместили госпиталь на три тысячи коек. Ужасной оказалась судьба помещенных здесь раненых. Во время отступления из Москвы их не успели вывезти. Кутузов взывал к милосердию победителей, но о каком христианском милосердии он мечтал, если в Россию пришел враг безбожный и бессердечный! Французы развлекались тем, что ежедневно приходили в госпиталь убивать раненых, а когда несчастных осталось семьсот человек, пожар охватил здание и все они сгорели заживо. После войны здание отремонтировали, и отныне здесь разместился Императорский вдовый дом для вдов воинов, погибших в 1812 году.

В день святителя Спиридона Тримифунтского архиепископ Филарет служил здесь в Мариинской церкви обедню и прочитал проповедь. Затем он ознакомился с условиями жизни вдов и ужаснулся тому, в каком плачевном состоянии находятся их жилища. Он стал хлопотать, и вскоре архитектору Жилярди было поручено заняться капитальным ремонтом здания, которое, кстати, он же и построил в 1775 году.

Так начиналось не просто пастырское служение Филарета в столице, но и его неустанное попечительство о Москве и ее жителях. С самого первого года его пребывания здесь многое, если не сказать почти всё, возрождалось, восстанавливалось, расцветало под его благословением, благодаря его неустанным хлопотам.

В конце года Филарет побывал в родной Коломне. Повод для поездки был скорбный — скончался его дорогой дедушка Никита Афанасьевич Филиппов.

Рождество Христово владыка встречал в Кремле, в основанном святителем Алексеем Чудовом монастыре. Чудов монастырь в 1812 году подвергся осквернению. В нем располагался штаб Наполеона, а маршал Даву устроил себе спальню в алтаре соборной церкви, сюда ему приводили девок, здесь он справлял нужду... В 1814 году Чудов монастырь, как одна из главнейших кремлевских святынь, был восстановлен одним из первых. Здесь хранилось переведенное Алексеем с греческого Евангелие. И вот новый переводчик Священного Писания, Филарет, читал тут рождественскую проповедь, а затем и всю весну следующего года совершал богослужения и читал проповеди. На Масленице взывал к памяти святителя Алексея:

— Сохрани нас молитвами твоими от опасного небрежения и пагубной неверности пред Пастыреначальником!

Зимой надобно было отправляться в Петербург на зимнюю сессию Синода, участвовать в заседаниях, спорить по поводу необходимости лучшего просвещения и паствы и самих пастырей, подчас не вполне грамотных. В феврале 1822 года Филарет выдвинул предложение ввести в обязательном порядке произнесение проповедей в духовных школах ради научения будущих священников. Он также предложил, чтобы ректоры и преподаватели по воскресеньям произносили речи с толкованием Священного Писания в виде беседы, языком простым и вразумительным. И вновь он говорил о переводах, на сей раз — о переводах творений Отцов Церкви с греческого и латинского языков на современный русский.

Вернувшись в Москву, 5 марта, Великим постом в крестопоклонную неделю, Филарет в Чудовом монастыре говорил о христианской свободе:

— Как вождь и царь свободных, Иисус Христос не приневоливает никого к пути, который Он указывает, но приглашает желающих вступить в оный: *уже хочет по Мне ити...* Страшен путь Христов! Самые апостолы, которые, будучи непосредственно Им руководимы, за Ним следовали, не могли спокойно проходить путем сим... Но не напрасно ли открываю я весь ужас пути Христова, которого и без того страшатся многие? — Нет, христиане... Ибо куда наконец приводит путь сей? Он приводит на небеса, к самому Богу Отцу...

Почти каждую неделю звучали в Кремле проповеди Филарета, которые он старательно всякий раз подготавливал. Каждая из них — подлинное литературное произведение.

Москва продолжала отстраиваться, и архиепископа Филарета звали на освящение новых храмов, больниц, общежитий. Весь день его был расписан сверху донизу. Он рано вставал и поздно ложился. И все успевал!

В 1822 году с предисловием архиепископа Филарета был издан русский перевод Псалтири, выполненный протоиереем Герасимом Павским в сотрудничестве с Филаретом. Изданы «Исторические чтения из книг Ветхого Завета». Издано «Житие преп. и богоносного отца нашего Сергия», которое 4 июля он читал в Троице-Сергиевой лавре на всенощном бдении.

Радостно было ему, что от Москвы до Коломны гораздо ближе, нежели от Северной столицы, и можно иногда побывать в родном городе, повидаться с родной матушкой и прочей родней.

— Боголюбезный граде! Ради святых Церкви, которая есть дом Божий, ради православных чад ея, которые суть присные Богу, желаю я тебе благ! — говорил он в Успенском соборе Коломны в Неделю Всех Святых.

А из Коломны ехал в Серпухов. Из Серпухова — в Сергиев Посад. И далее по другим подмосковным местам, дабы всюду слышали его слово и знали, что есть архипастырь не только для самой Москвы, но и для всего Подмосковья.

И одновременно он продолжал работу над новым, своим вариантом православного катехизиса. В 1823 году с предисловием Филарета вышло издание полного русского Нового Завета. И в том же году издан его «Христианский катехизис Православный кафолическия восточныя греко-российския церкви», составленный в виде вопросов и ответов. Вот его начало: «Предварительные Понятия.

1. Что такое православный катехизис?

Православный катехизис есть наставление в православной христианской вере, преподаваемое всякому христианину для благоугождения Богу и спасения души.

2. Что означает слово «катехизис»?

Катехизис в переводе с греческого языка значит оглашение, устное наставление. С апостольских времен этим словом по традиции обозначается первоначальное учение о православной вере, необходимое каждому христианину (см. Лк. 1:4, Деян. 18:25).

3. Что нужно для благоугождения Богу и спасения души?

Для благоугождения Богу и для спасения души нужно: познание истинного Бога и правильная вера в Него; жизнь по вере и соответствующие ей добрые дела.

4. Почему вначале нужна вера?

Вера нужна потому, что, как свидетельствует слово Божие, без веры угодить Богу невозможно (Евр. 11:6).

5. Почему кроме веры нужны жизнь по вере и добрые дела?

С верой должны быть нераздельны жизнь по вере и добрые дела потому, что, как свидетельствует слово Божие, вера без дел мертва (Иак. 2:20).

6. Что мы называем верой?

По объяснению апостола Павла: вера есть... осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом (Евр. 11:1). То есть: уверенность в невидимом, как бы в видимом, и уверенность в желаемом и ожидаемом, как в настоящем.

7. В чем различие между верой и знанием?

Различие между знанием и верой заключается в том, что знание имеет предметом осязаемое и познаваемое, а вера — невидимое и даже непостижимое. Знание основывается на опыте и исследовании предмета, а вера — на доверии к свидетельству истины. Знание принадлежит уму, хотя может действовать и на сердце; вера принадлежит преимущественно сердцу, хотя начинается в мыслях.

8. Почему в учении благочестия нужны не только знания, но и вера?

В учении благочестия требуется не только знание, но и вера потому, что главным объектом изучения является Бог, невидимый и непостижимый, и премудрость Божия, окруженная тайной. Поэтому многое в этом учении не может быть охвачено знанием, а может быть воспринято только верой. «Вера, — говорит святой Кирилл Иерусалимский, — есть зрение, освящающее совесть; она дает человеку ведение. Если вы не верите, то потому, что вы не удостоверены» (Ис.7:9; Огласительное поучение, 5).

Святой Кирилл объясняет необходимость веры таким образом: «Не только у нас, носящих имя Христово, за великое почитается вера, но и все совершаемое в мире даже людьми, чуждыми Церкви, совершается верой.

На вере утверждено земледелие: не верящий в то, что соберет урожай, не станет трудиться в поле. Верой руководствуются мореплаватели, вверяя свою судьбу малому судну и волнующееся море предпочитая твердой земле, предаваясь неизвестным надеждам и имея при себе только веру, которая для них надежнее всякого якоря» (Огласительное поучение, 5:3)».

Выход катехизиса не остался незамеченным. 2 июня 1823 года архиепископ Филарет в награду за него получил орден Святого благоверного князя Александра Невского.

Глава одиннадцатая

ФИЛАРЕТ И АЛЕКСАНДР

1823–1825

Начинался закат эпохи Александра I.

Вместо Союза благоденствия возникли Северное и Южное тайные общества, которые приведут декабристов на Сенатскую площадь отметить окончание дней Александровых.

Сам государь становился все более религиозным, погружался в мистику, думал о своем уходе. Думал и о том, кому передать престол. У самого государя — ни детей, ни внуков. Следующий за ним по старшинству брат Константин женился на особе не царской крови, польской графине Грудзинской, и лишился прав на престолонаследие. Стало быть, надо было писать завещание в пользу Николая.

Летом 1823 года Филарета вызвали в Петербург. Ехать и хотелось и не хотелось — конечно, лестно получить из рук самого государя орден Святого Александра Невского, но снова видеть тамошний так называемый высший свет, общаться с вертлявым Голицыным... По приезде московский архиепископ встретился с министром духовных дел и народного просвещения, и Александр Николаевич сообщил ему о воле государя императора:

— Необходимо срочно написать манифест о переходе прав наследования российского престола от Константина к Николаю.

Филарет выполнил поручение, вскоре первый вариант манифеста вернулся к нему от Александра с поправками. Филарет переписал заново и вновь отправил государю. Александр поставил подпись под документом, составленным Филаретом. Можно было вернуться в Москву, поспешить к празднику Успения Богородицы, и 15 августа в Успенском соборе Кремля Филарет уже произносил «Слово по возвращении к своей пастве из Санкт-Петербурга». В нем выразилась вся радость возвращения из суетной Северной столицы в более спокойную Москву.

— Обращаюсь к вам, Боголюбезные братья и чада Церкви сия, не умолчу ныне о том, о чем умолчал здесь за год пред сим, — о скорби разлучения с вами...

И лишь после этого он перешел к разговору об Успении Богородицы и заговорил о страхе смерти, коего не должно быть у истинно верующего

христианина:

— Спроси себя, слушающий сие, умеешь ли ты таким образом праздновать Успение, или ты только боишься смерти, или совсем не хочешь думать о ней? Вопрос немаловажный; он может показать тебе, в каком состоянии душа твоя, и чего подлинно ты можешь надеяться или бояться. Если ты часто, хотя и без страха призываешь к себе смертный помысл, дабы поставить его судиею твоих дел и стражем твоей совести: благо тебе! Он может соделаться для тебя ангелом, которому заповедано будет сохранять тебя на всех путях твоих. Но если ты совсем не помышлял доньше о смерти, и бегаешь всего, что напоминает о ней: горе тебе! Сие расположение духа не обещает чистого добра в настоящей жизни и не предвещает блаженства в будущей, которого, впрочем, при употреблении средств, дарованных благодатию, всех нас да сподобит Господь наш Иисус Христос, истинная жизнь наша, предстательством Препоблагословенных Девы Марии, Матери жизни. Аминь.

Император последовал за архиепископом в Первопрестольную. 25 августа Филарет встречал Александра на ступенях Успенского собора Кремля приветственной речью:

— Пред Богом сретаем тебя, благочестивейший государь! И благодарим Его, что утешает нас тобою; и молим Его, да утешит и тебя нами. Воззри еще на сей царелюбивый народ и утешься его любовью, которая и сокрываемому в глубокой ноци пришествию твоему не допустила утаиться, но восприяла тебя гласом восторга.

Через два дня Филарет и Александр порешили спрятать оригинал документа в алтаре Успенского собора в Москве. На конверте, в котором был спрятан документ, Александр собственноручно начертал: «Хранить в Успенском соборе с государственными актами до востребования моего, а в случае моей кончины открыть московскому епархиальному архиерею и московскому генерал-губернатору в Успенском соборе прежде всякого другого действия». Николай Карлович Шильдер полагал, что это было сделано по предложению Филарета. По его же совету три копии манифеста были отвезены в Петербург для хранения в Государственном совете, Синоде и Сенате. Другой известный исследователь жизни Филарета и его эпохи Александр Николаевич Архангельский, сравнив черновик манифеста с его окончательным видом, пришел к выводу, что царь собирался добровольно отречься от престола, но затем передумал и согласился править до конца дней своих. Какие беседы велись у Филарета и Александра в те дни в Москве, остается только гадать. По предположению Александра Ивановича Яковлева, государь признавался московскому

владыке, что испытывает чувство вины, вызванное косвенной своей причастностью к убийству отца, императора Павла Петровича, и потому собирается добровольно покинуть престол. И не исключено, что Филарет, проникшись терзаниями государя, давал ему благословение на уход.

Логично было бы искать хоть каких-то ответов на эти вопросы в очередном слове на день венчания Александра на царство, которое Филарет произносил в Успенском соборе Кремля 15 сентября 1823 года, через две недели после приезда государя в Москву. Хоть как-то, но разговоры с Александром должны были отразиться в этой речи. И они отразились! Московский владыка говорил о том, что каждый должен молиться сам за себя, но и все должны молиться за других. По сути дела, он призывал царя молиться о своих грехах и паству молиться о царе, да простится ему. Он знал, что государь захочет ознакомиться с текстом этой проповеди, и говорил ему:

— Как может найти путь тот, кто не видит истины? Или как может идти путем тот, в ком нет жизни? А истиною и жизнью не прежде может для нас соделаться Иисус Христос, разве когда соделается путем: ибо в сем точно порядке обещал Он нам открыться, когда сказал: *Аз есть путь и истина и живот* (Иоанн. XIV, 6). Как же разрешить сей многосплетенный узел, которого все концы скрываются внутри его? Как отверзть сию заключенную сокровищницу, которая с первого взгляда не представляет ни ключа, ни отверзтия, где бы оный влагался? Главная нить, которою разрешается весь узел духовных Таин, и ключ, которым открываются все сокровища благодати, есть молитва. Молись с Давидом: *скажи мне, Господи, путь, в оньже пойду, яко к Тебе взях душу мою* (Псал. CXLII, 8): — и откроется тебе истинный путь Господень.

Это ли не благословение на новый путь Александру? Путь молитвы и ухода от мира ко Господу.

О том же Филарет говорил и в своей очередной проповеди в Троице надень преподобного Сергия Радонежского: не ищите царствия земного, *«ищите царствия Божия и правды Его»*.

— Не бойтесь, христиане, отлагать попечение о земном для попечения о небесном, ничто не будет потеряно; *вся ваша, если вы Христовы* (1 Кор. III, 22). *Ищите только прежде всего царствия Божия, и сия вся приложатся вам. Аминь.*

Вскоре в Петербурге против Филаретова катехизиса подняли восстание противники Библейского общества во главе с митрополитом Серафимом, личным докладчиком царя Аракчеевым, архимандритом Юрьевского монастыря Фотием (Спасским) и адмиралом Шишковым.

Фотий, приобретавший в глазах государя все больший и больший вес, в своем отзыве на катехизис не щадил Филарета, бил наотмашь, грубо, со всей силы: «...во граде святого Петра есть многа вода: 1) Едина река Нева, и как в ней добра и чиста вода! У ней три рукава главные, не беда, если есть и прибавка истоков ее. 2) Есть и канавы, три или четыре, или более, не ведаю. Но что в них за вода? Вода, но канавная. Какова? Всяк знает про то. 3) Что река Нева, то Катехизис Петра Могилы, яко в трех рукавах, в трех частях своих о вере, надежде и любви. А что канавная вода, то новоизданный Катехизис, но пьют люди и канавную воду...»

Шишков подал императору записку «О злых действиях тайных обществ, выдумавших Библейское общество в Европе и неусыпно чрез оное все к своей цели направляющих». В ней Александр Семенович ничтоже сумняшеся поставил знак равенства между библейскими обществами и масонскими ложами системы иллюминатов. А надо помнить, что еще в августе 1822 года Александр повелел закрыть все тайные общества и масонские ложи и требовал от своих подданных подписок, что они не состоят и впредь не намерены состоять в подобных организациях. По логике вещей, Шишков требовал закрытия и Библейского общества, которое он обвинял в распространении ересей и раскола. В этом он был прав, поскольку миссионеры Библейского общества, особенно иностранцы, и впрямь содействовали умножению религиозной смуты в умах. Александр Семенович обрушился и на переводы, сделанные Филаретом и под его руководством: «Перекладка Священного Писания с высокого и важного языка на простонародное наречие есть сильнейшее орудие революционных замыслов».

Митрополит Серафим поддерживал Шишкова, говоря государю, что Библейское общество пора закрыть как масонское, а «раздача Библии есть самое верное средство к введению реформации».

В канун нового, 1824 года над Филаретом сгущались тучи, и в Петербурге поговаривали уже, что скоро не возглавлять ему московскую кафедру. А он в день Рождества Христова вновь читал дивную проповедь в Чудовом монастыре. И вновь в ней при желании можно найти намеки на то, что Филарет советовал царю Александру уйти из царских чертогов — он обращает внимание слушателей, а значит, и одного отдельного известного слушателя на то, что Иисус родился не среди роскошных палат, а в яслях, в самом захудалом вифлеемском хлеву.

— Христос действительный, совершенный Помазанник Божий: но Его знамение — не венец и порфира, или — не увясло^[8] и риза святая в честь и славу, но пелены! Господь: но вместо престола в яслех! Спаситель

человеков: но человеки не дают Ему между собою последнего угла, чтобы спасти младенческую жизнь Его, и отсылают Его к бессловесным!

Не случайно он переходит к разговору о грехе, ведь летом сам царь жаловался ему, как терзают его душу грехи молодости.

— Грех лишает душу — мира, ум — света, тело — нетления, землю — благословения, всякую тварь — всякой доброты. Он начинает тем, что вселяет ад в человека, и оканчивает тем, что человека во ад вселяет. Итак, велия воистину радость, что наконец является Тот, Который спасет люди Своя от грех их. И что же Он делает для спасения грешников? Рождается! Из бессмертной Божественной жизни рождается в жизнь человеческую, смертную. Отлагает славу, оставляет блаженство, сокрывает святыню и приемлет на Себя все бедствия греха, кроме только самого греха.

Предположим, что Александру и впрямь суждено стать старцем Федором Кузьмичом. Разве это не следование проповеди Филарета? Для спасения от грехов царь «отлагает славу, оставляет блаженство, сокрывает святыню» и уходит в мир, чтобы претерпеть страдания, поругание, муки телесные, но избавляется от мук душевных, искупает грех свой и грех века своего, всех подданных своих.

Конечно, это проповедь не для царя одного, но для всей паствы, с благоговением внимающей гласу Московского Златоуста. Но — и для Александра тоже. Ведь он захочет узнать, о чем говорил на Москве Филарет.

В Москве у Филарета появился хороший друг — князь Сергей Михайлович Голицын. Вместе они работали в благотворительных комитетах, архиепископ любил бывать в доме Сергея Михайловича на Волхонке, частенько заезжал к нему попить чаю, поговорить о том о сем. Семейная жизнь у князя не удалась, и теперь он жил вместе со своей сестрой Анастасией Михайловной, скромной и обаятельной женщиной, с которой тоже так нравилось общаться владыке. Князь Голицын помог деньгами, необходимыми для открытия при Чудовом монастыре Попечительства о бедных духовного звания. И впредь всегда охотно открывал свой кошелек для помощи подобным начинаниям Филарета.

Наступил 1824 год. По всей России полетело, трепеща перышками своих крылатых выражений, грибоедовское «Горе от ума». В Одессе прославленный автор «Руслана и Людмилы» безуспешно пытался наставить рога своему начальнику — одному из великих людей России и ровеснику Филарета графу Михаилу Семеновичу Воронцову. Карамзин готовил в свет одиннадцатый том своей «Истории», в котором будет о

Борисе Годунове, о шатании русского трона, о начале Смутного времени — грозное пророчество о Смуте грядущего года!..

Много стало появляться такого, что русские люди толковали как предвестие грядущих новых бед. В феврале Москва пережила страшную снежную бурю, повалившую множество деревьев и не очень крепких домов. Филарет по этому поводу написал архимандриту Троице-Сергиевой лавры Афанасию: «Между тем и общее время что-то вдруг хмурит брови; кажется, слышится: «Горе живущим на земли!», а живущие на земли отягчают сердца свои объядением и пьянством...»

12 февраля Филарет в Чудовом монастыре вновь обратился со словом к памяти митрополита Алексея. 9 марта здесь же произнес проповедь в крестопоклонную неделю. Говорил о том, как многие христиане стараются в жизни ничем не проявлять, что они христиане.

— Они боятся, чтобы их не узнали как христиан и за то не поругались им сына века сего; чтобы им не сказали: *беседа твоя яве тя творит*. И так они таятся и молчат; и не примечают, что стыдятся Сына человеческого, и что их молчание иногда внятно говорит миру о Иисусе: *не знаю человека!*

Призывал паству нести крест свой:

— Не постыдись, когда крестом Христовым хочет стыдить тебя *род прелюбодейный и грешный*, да не будешь пристыжен *пред ангелами святыми, пред Сыном человеческим во славе Его и пред Отцем Его небесным...*

В марте архиепископ Филарет выступил на генеральном собрании членов московского отделения Библейского общества с отчетным докладом. В митрополичьих покоях Чудова монастыря он говорил о самом важном деле своей жизни — о переводе Библии:

— Слышу голоса: какую нравственную прибыль принесло Библейское общество? Един Сердцеведец может верно исчислить и оценить плод духовный, какой в сердцах рождается. Нам же следует думать не об оценке трудов, а прилежно возделывать порученный виноградник Господень. Если бы в стране, страждущей скудостью хлеба, составилось общество пропитания, собрало пособия, открыло по местам продажу хлеба по умеренной цене, а для неимущих безденежную раздачу — чего более можно требовать?.. Учитель наш святой Иоанн Златоустый прямо говорил о потребности чтения Священного Писания и поучения в нем и для мирских людей, а не для одних монахов. Почто не приемлете Слово?..

Об этом собрании было напечатано в «Московских ведомостях», и это, разумеется, вызвало новый всплеск негодования у противников Филарета в Петербурге — у адмирала Шишкова и архимандрита Фотия, к которым

тогда уже присоединилось и доверенное лицо государя — граф Алексей Андреевич Аракчеев. Вновь они в один голос заговорили о необходимости запрета перевода Библии, потрясая «Московскими ведомостями», в которых по распоряжению Филарета сообщалось о том, что Новый Завет в новом переводе расходуется стремительно и его покупают даже старообрядцы.

В Успенском соборе Кремля 6 апреля Филарет читал свое пасхальное слово, говорил о том, что Воскресение Христово — это праздник, который всегда в твоём сердце:

— Блажен, чье сердце обрело неотъемлемую радость Воскресшего Спасителя своего и не теряет ее!.. Пройдет праздник; настанут будни, которые будут нас рано будить на дела мирские и плотские, для потребностей и выгод нашей смертной жизни... Блажен, скажу паки, кому даровано *внити в сию радость Господа своего* (Мф. XXV, 21); кто и тогда, как угасают праздничные светильники, не остается во мраке духом своим; и тогда, как умолкает торжественное пение, не престаёт *воспевать и петь в сердце своем Господеву* (Ефес. V, 19).

Он говорил о малoverных и усомнившихся, стремящихся подвергнуть испытанию все, что говорится в Евангелии, — их ждёт то же, что апостола Фому, который «обратил кратковременное неверие в вечное доказательство истины, и оскверненные словом неверия уста апостольские очистились сильным исповеданием веры: *Господь мой и Бог мой!* (Ин, XX, 28)».

Для очень многих христиан, что тогда, в XIX веке, что сейчас, в веке XXI, остаются непонятными евангельские слова «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное» (Мф. V, 3). Все остальное перечисление блаженств не вызывает никаких вопросов: «Блаженны плачущие, ибо они утешатся. Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю. Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся. Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут. Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят. Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими. Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное. Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня» (Мф. V, 4—11). Здесь все понятно. Но почему блаженны нищие духом? Разве дух не должен быть богатым? И почему блаженство нищих духом стоит первым в чередe блаженств? Вероятно, владыку Филарета часто спрашивали об этом, и вот 9 мая, на Николу летнего, при посещении Николо-Перервинского монастыря он посвятил целую беседу вопросу о нищете духовной, объясняя ее как неимение гордыни, главного греха человека, от которого все прочие грехи нередко рождаются.

— Кто думает, что он богат, тот не чувствует нужды; кто не чувствует нужды, тот не просит, тот не приемлет... Что, если против нескольких динариев, которые ты считаешь в духовном твоём сокровище, Бог и ближние могут считать на тебе многие тысячи динариев долгов, то есть грехов и неправд? Не должно ли в сем случае признаться, что ты из нищих нищий?

15 мая в Архангельском соборе Кремля, в день Вознесения Господня, Филарет читал проповедь о том, какую пустоту в мире должны были испытать апостолы в те мгновения, когда Иисус вознесся на небеса. Но эта зияющая пропасть — в сердце всякого, кто не верит в Спасителя. Без Христа — всё суета, всё пустота. Однако благословение Господне — на верящих в Него. Он и возносился, благословляя.

— Какой бесконечный ток благословения Христова открывается пред нами, христиане! Он начинает благословение и, не окончив оно, возносится. *Бысть, егда благословляше их, — возношашеся* (Лк. XXIV, 51). Таким образом, и вознесшись, Он еще продолжает невидимо преподавать благословение.

В тот день, когда Московский Златоуст боговдохновенно говорил о чуде Вознесения Господня, в Северной столице случилось то, чего ревнители благочестия ждали с нетерпением многие годы. Падение князя Голицына. Наконец-то государь Александр внял гласу христианского разума и сместил этого во многом незаурядного, но вместе с тем пустого человека. Вмиг Александр Николаевич лишился поста министра духовных дел и просвещения. Отныне ему было поручено исполнять обязанности начальника Почтового департамента, и в этой должности он проведет еще около двадцати лет, почти до самой своей кончины. «Благовествую вам радость велию! Господь Бог услышал наконец вопль святыя Церкви своя и освободил ее от духовного министерства, сего ига египетского, под коим она несколько лет стенала», — сообщал в письме из Петербурга митрополиту Филарету митрополит Серафим.

Семидесятилетний президент Российской академии наук адмирал Шишков стал министром народного просвещения.

В 1815 году Пушкин писал свою известную эпиграмму «Угрюмых тройка есть певцов — Шихматов, Шаховской, Шишков». Сейчас во «Втором послании к цензору» Александр Сергеевич иначе написал об Александре Семеновиче и его новом назначении:

*Обдумав наконец намеренья благие,
Министра честного наш добрый царь избрал,*

*Шишков наук уже правленья восприял.
Сей старец дорог нам: друг чести, друг народа,
Он славен славою двенадцатого года;
Один в толпе вельмож он русских муз любил,
Их, незамеченных, созвал, соединил...*

Одновременно Шишкова назначили главноуправляющим делами иностранных вероисповеданий. Наконец-то в России началась борьба с иностранным засильем, с раболепным почитанием всего европейского и презрением всего русского. Во главе этой борьбы встал тот, кто еще тринадцать лет назад в своем «Рассуждении о любви к Отечеству» писал: «Воспитание должно быть отечественное, а не чужеземное. Ученый чужестранец может преподавать нам, когда нужно, некоторые знания свои в науках, но не может вложить в душу нашу огня народной гордости, огня любви к отечеству, точно так же, как я не могу вложить в него чувствований моих к моей матери... Народное воспитание есть весьма важное дело, требующее великой прозорливости и предусмотрения. Оно не действует в настоящее время, но prepares счастье или несчастье предбудущих времен и призывает на главу нашу или благословение, или клятву потомков». А еще раньше, в своем знаменитом «Рассуждении о старом и новом слоге российского языка»: «Какое знание можем мы иметь в природном языке своем, когда дети знатнейших бояр и дворян наших от самых юных ногтей своих находятся на руках у французов, прилепляются к их нравам, научаются презирать свои обычаи, нечувствительно получают весь образ мыслей их и понятий, говорят языком их свободнее, нежели своим, и даже до того заражаются к ним пристрастием, что не токмо в языке своем никогда не упражняются, не токмо не стыдятся не знать оно, но еще многие из них с им постыднейшим из всех невежеством, как бы некоторым украшающим их достоинством хвастают и величаются. Будучи таким образом воспитываемы, едва силой необходимой наслышки научаются они объясняться тем всенародным языком, который в общих разговорах употребителен; но каким образом могут они почерпнуть искусство и сведение в книжном или ученом языке, столь далеко отстоящем от сего простого мыслей своих сообщения? Для познания богатства, обилия, силы и красоты языка своего нужно читать изданные на оном книги, а наипаче превосходными писателями сочиненные».

Но он же был не только ненавистником Голицына, но и противником Филарета. Удивительно, как порой бывают врагами люди, коих потомки

почитают с одинаковым благоговением!

Шишков яростно выступал против перевода Священного Писания и Филаретовых катехизисов. Кстати, в том же ведь году вышел и краткий. Филарет назвал его так: «Начатки христианского учения, или Краткая Священная История и краткий Катехизис», предварив текст эпиграфом из первого соборного послания апостола Петра: «Яко новорождени младенцы, словесное и нелестное млеко возлюбите, яко да о нем возрастете во спасение». Труд небольшой по объему, но тем не менее весьма трудоемкий. Нужно было коротко изложить весь Ветхий и Новый Завет, всю историю христианства, дать ответы на главные вопросы, встающие перед христианином. Попробуйте в двадцатистрофном стихотворении изложить содержание «Евгения Онегина», и вы поймете, что значило написать сей краткий катехизис.

20 мая в Чудовом монастыре Филарет вновь обращался к памяти святителя Алексея и читал проповедь о втором блаженстве, но взял его в том виде, в каком оно описано не в Евангелии от Матфея «Блаженны плачущие, ибо они утешатся» (Мф. V, 4), а в Евангелии от Луки: «Блаженны плачущие ныне, ибо воссмеетесь» (Лк. VI, 21). Ему важно было именно слово «смех», чтобы поговорить о евангельском понимании смеха и плача. Там же, в Евангелии от Луки, он берет слова о каре за смех: «Горе вам, смеющимся ныне, яко возрыдаете и восплачете» (Лк. VI, 25). Но:

— Под именем смеха, — говорил Филарет, — Евангелие понимает, без сомнения, не один устный смех, и не собственно смех осуждает... Итак, смеющиеся, которых осуждает Евангелие, суть люди, которые преданы удовольствию чувственному так, что поставляют его предметом всех желаний, целью всей деятельности... Подобным образом не всякие слезы составляют плач евангельский... Плачущие в духе евангельском суть люди, которые чувственное удовольствие находят грубым, низким, недостойным и ничтожным, которым ничто земное не мило, ничто тленное не дорого, но возлюблен Един Бог и Его небесное царствие, драгоценна едина душа и ее вечное спасение; которые, углубляясь в познание себя, чувствуют душу свою полную грехов вольных и невольных, ведомых и неведомых, и горько плачут ныне...

Летом тепло, а потому хорошо ездить, и московский архиепископ посвящал это благодатное время для архипастырских поездок по Подмосковию. 6 июня был в Верее, через два дня — в Можайске, через четыре дня — в Волоколамске и так далее по подмосковным городам и весям.

В один из дней той пастырской поездки по Подмосковию нашла свое неожиданное окончание давнишняя история с избиением семинариста Дроздова. Двадцать два года прошло с той поры, как его, накрытого одеялами, колотили, пытая:

— Прорцы, Василий, кто ты ударяй?!

Неподалеку от Звенигорода располагалось село Караулово. В конце XVIII века владевшие им помещики переименовали его в Коралово, а в XX столетии блюстители правописания добавили вторую букву «л». Но во времена Филарета оно было еще с одной «л», и в том Коралове служил настоятелем храма его давний обидчик, организатор того избиения. Он уж, поди, и забыл про тот случай, мало ли кого в семинарии поколачивали... И вдруг к нему нагрянул сам московский архиерей. Проследовал в храм, внимательно все разглядывая, будто искал чего-то. Остановился перед образом Тихвинской Божьей Матери, провел пальцем по окладу и показал настоятелю толстый слой пыли:

— Прорцы мне, отче, почто у ти пыль здесь?!

Бывший обидчик все вспомнил, в глазах потемнело — неужто Филарет приехал мстить ему?

— Прости, владыко! — пав на колени, взмолился он.

Филарет ласково усмехнулся:

— Ты понял?

— Понял, владыко, все понял! Прости меня великодушно!

— Ну а коли так, то Бог простит.

Сей анекдот был весьма распространен среди москвичей. Документального его подтверждения нет, но многие авторы, включая святителя Иоанна (Снычева) и Александра Ивановича Яковлева, с удовольствием его воспроизводят. Не вычеркну и я его из моей книги.

Что бы ни открывалось в самой Москве и ее окрестностях, на освящение звали Филарета, и он старался всюду успеть, всех обогреть своим напутственным словом. Вот он произносит речь на открытии дома трудолюбия, в котором будут воспитываться бедные и бесприютные девушки. Вот освящает храм во имя святителя Николая в Котельниках. Вот рукополагает в Успенском соборе нового дмитровского епископа Кирилла. Вот освящает храм во имя святителя Димитрия Ростовского чудотворца в Борисоглебском общежительном монастыре. А вот он приглашен на открытие нового театра, который пока еще в Москве называют малым с маленькой буквы, а вскоре начнут называть Малым — с большой.

Но к театрам Филарет относится с большой долей иронии. В письме Екатерине Новосильцевой он писал: «О театре, в котором я отроду не был и

котором потому имею догадочное только понятие, трудно мне судить — до какой степени может быть невинно участие в этой забаве». Так что приглашение на открытие Малого театра он вежливо отклонил. Еще он называл театры «домами зрелищ» и причислял к «народным забавам», которые мудрое правительство обязано разрешать, «подобно тому, как снисходительные родители допускают детские игры» — это из «Слова в день рождения благочестивейшего государя императора Александра Павловича», сказанного спустя два месяца после открытия Малого театра, 12 декабря 1824 года.

Никто еще не знал тогда, что это последний день рождения Александра, который будет отмечаться в эпоху его царствия. Но то, что грядущий год принесет много перемен, люди понимающие догадывались.

В ноябре Филарет узнал о новых достижениях Шишкова в его борьбе с ним. Новый министр просвещения добился запрета на печатание как большого, так и малого катехизисов, а также потребовал остановки перевода Библии на современный язык и получил одобрение.

Стали ходить слухи, что вскоре Филарета переведут из Москвы в Грузию. 8 декабря он отправил в Петербург письмо митрополиту Серафиму. В нем он высказывает справедливое недоумение — ведь еще полгода назад труды по созданию катехизиса вызвали приветствие властей, и Александр, и Серафим одобрили сие деяние. Как же можно столь резко менять мнение?!

«Приступив к составлению катехизиса, первую часть читал я Вашему Высокопреосвященству при преосвященном Григории, епископе Ревельском, и в главном получил утверждение, а в некоторых подробностях, по сделанным замечаниям исправил. Потом весь катехизис рассматриваем был Вашим Высокопреосвященством в течение немалого времени — каждая ошибка, слово или выражение, которое подвигалось Вашему замечанию, исправлено не иначе как с одобрения Вашего. Затем катехизис был внесен в Святейший Синод, который, одобрив оный, испросил на издание Высочайшее повеление.

Непонятно, как, и кем, и почему приведено ныне в сомнение дело, столь чисто и совершенно утвержденное всем, что есть священного на земле.

Невелика была бы забота, если бы сомнение сие угрожало только личности человека, бывшего орудием сего дела, но не угрожает ли оно иерархии, не угрожает ли Церкви? Если сомнительно Православие Катехизиса, столь торжественно утвержденного Святейшим Синодом, то не сомнительно ли будет Православие самого Святейшего Синода?» — смело

и с вызовом писал московский архиепископ Филарет петербургскому митрополиту Серафиму.

Но письмо не возымело действия. Из книжных лавок стали изымать Евангелие с параллельными текстами и оба Филаретовых катехизиса. На кирпичном заводе полностью сожгли только что отпечатанный тираж Пятикнижия Моисея в переводе на современный русский язык. Заговорили и о планах Шишкова запретить распространение проповедей Филарета.

Митрополит Серафим в своем ответе на письмо Филарета ссылался на произвол Шишкова и сам во многом недоумевал: «Вы спросите, почему русский язык не должен иметь места в катехизисе, а наипаче в кратком, который предназначен для малых детей... На сие и на многие другие вопросы я удовлетворительно Вам ответить никак не могу. Надеюсь, что время объяснит Вам то, что теперь кажется темно, а время сие скоро, по моему мнению, настанет. Будьте уверены, что я принимаю в Вас дружеское участие и искренно желаю Вам добра.

Я чувствую, что положение Ваше тяжело, и скорблю о сем от всего сердца, что не имею возможности облегчить Вас от бремени.

Итак, потерпи, пастырь добрый! Терпение не посрамит. Оно доставит Вам опытность, которая впоследствии времени крайне полезна Вам будет, что я имел случай сам над собою узнать».

Потерпеть пастырю доброму придется совсем чуть-чуть — всего каких-то тридцать четыре года!..

Он готов был смиряться и терпеть, как подсказывало ему сердце христианина, но нет-нет да и прорывалась обида. Филолог, редактор «Сына Отечества» Николай Иванович Греч, выпустивший «Учебную книгу российской словесности» и «Опыт краткой истории русской литературы», собирал материалы для словаря российских авторов и прислал письмо святителю Филарету с просьбой дать ему автобиографический очерк, на что владыка ответил: «Простите меня, что я умедлил ответом на сие. Не употреблю обыкновенного извинения делами. Справедливо сказать, меня отталкивала от сего дела мысль, к чему годится моя биография!.. Если Вам угодно иметь мою краткую биографию от меня, то вот она: худо был учен; хуже учился; еще хуже пользуюсь тем, чему был учен и учился; многа милость Господня и снисхождение людей». В этом звучит даже что-то детское, обиженное на всех: сами же говорите, что я плохой, так чего ж вам еще от меня надо!..

Под угрозой оказалось главное дело Московского Златоуста — разъяснение христианского учения пастве. Ему дано было проникать в суть христианских евангельских понятий, и он горел желанием делиться своим

пониманием. Он видел, как часто люди, не понимая чего-то в Священном Писании, в некотором роде даже обижаются, если им, как малым детям, дают знать, что им не дано понимать всё. Это мало-помалу подтачивает основы веры, а в итоге может привести и вовсе к отращению от Церкви.

Не лучше и то, когда люди начинают по-своему и зачастую весьма неправильно, толковать непонятные места Библии. Как в случае с «нищими духом» — ничего не читай, ничего не понимай, будь невежествен, вот тебе и нищий духом. Получается, Царствие Небесное наследуют полные невежды и профаны! Еще хуже, когда толкователями становятся руководители тайных обществ, сект, масонских лож. Нет, необходимо было пастырское объяснение, и Филарет считал бы себя преступником, если бы не давал оно. Почти каждая его проповедь несет в себе евангельское просвещение. Часто он берет темой для проповеди места из Писания, вызывающие недоумение и споры. Так, в канун нового, 1825 года в «Слове на Рождество Христово» он взял на себя ответственность толковать, почему в пророчествах сказано, что мессии нарекут имя «Еммануил», а Христа называли «Иисусом».

— При сем рассуждении о точном исполнении пророческих слов, относящихся к Рождеству Господа нашего Иисуса Христа, может кто-либо спросить: почему не столь по-видимому точно исполнилось предсказание о Его имени? Поелику пророк Исаия преднарек Ему имя *Еммануила*: но вместо того ангел повелел нареци Ему имя: *Иисус*.

«Иисус», по-еврейски «Йешу'а», означает «Спаситель». Слово «Еммануил» по-еврейски означает «С нами Бог». Евреи много веков ожидали Спасителя, коего называли Мессией. «Мессия», по-еврейски «маши'а», означает «помазанник». Им должен был стать царь из рода царя Давида, который спасет евреев от международного плена. Его явление означает, что с нами Бог и Спаситель. Вот только спасение через Иисуса произошло совсем не такое, какого ожидали иудеи. Они ждали, что явится помазанник, освободит от поработителей и сделает евреев поработителями других народов. Иисус же освободил евреев, а за ними и остальные народы от древних заветов вражды и взаимного порабления, от закона «зуб за зуб, кровь за кровь», дав новый закон: «Возлюби ближнего», и даже более: «Возлюби врага своего».

И в своей проповеди Филарет проводит филигранную операцию по объяснению всего этого:

— В Сыне Девы сближается с нами Бог, или иначе сказать, что мы Им спасаемся!.. Приведите себе на мысль то, что Еммануил и предсказан, и пришел на землю по предсказаниям для верующих; а где вера, там не все

должно быть ясно видимо, но должно нечто предполагать сокровенное, поелику вера, по апостолу, *есть обличение невидимых* (Евр. XI, 1)... Разлучение от Бога и состояние греховное есть одно и то же. Следственно, приближение к Богу и спасение от грехов есть опять одно и то же. Следственно, *Еммануил — с нами Бог*, и *Иисус — Спаситель от грехов* так же есть одно и то же. Следственно, и пророчество точно, и событие верно пророчеству. *Еммануил есть Спаситель; Иисус есть с нами Бог...* О имени Господа нашего Иисуса Христа с нами Бог, христиане, всегда и во всем, чрез памятование о Нем, чрез молитву к Нему, чрез веру и любовь, чрез непрестанное упражнение в том, что угодно Богу, и что к Богу нас приближает. Аминь.

«С нами Бог» — на это оставалось уповать всей Руси православной, встречая грозный 1825 год, когда страна и народ встали на грань, за которой могла разразиться подобная Великой французской — Великая русская буржуазная революция.

Грозным предвестием грядущих бурь явилось в ноябре 1824 года наводнение в Петербурге, ставшее рекордным за всю его историю. Как нечто апокалипсическое описал эту катастрофу Пушкин в «Медном всаднике». Нева «как зверь остервенясь, на город кинулась», и «встал Петрополь, как Тритон, по пояс в воду погружен».

Узнав о петербургском бедствии, Филарет тотчас отправил три тысячи рублей князю Александру Борисовичу Куракину — председателю комитета по оказанию помощи пострадавшим, а затем обратился с призывом к московской пастве начать сбор средств. В итоге было собрано и отправлено в Северную столицу около 35 тысяч рублей.

Такие страшные явления всегда рассматривают как знаки свыше. Через год сей знак оправдывается в виде иного наводнения — политического.

Государь император, осматривая последствия наводнения, глотая слезы, услышал, как кто-то сказал в толпе:

— За грехи наши!

— Нет, за мои! — тихо, с болью в голосе, произнес Александр.

Глава двенадцатая

СМУТА

1825–1826

В Москве 1825 год ознаменовался открытием Большого театра. Первый такой театр, простояв четверть века, сгорел в 1805 году. Затем на Арбатской площади был отстроен новый, но он исчез в пожаре 1812 года. И вот Москва украсилась творением архитектора Осипа Бове, тем зданием, коему суждено было стать одним из главных символов Белокаменной.

Но это — храм муз, скорее языческий, нежели христианский, и увенчан он алебастровой скульптурой языческого божества Аполлона. Проповедям Филарета здесь не место. Им место в храмах единого Бога. Снова год начинается с его проповедей пред гробом святителя Алексея в Чудовом монастыре. Филарет никогда не пропускает без особого почитания дни памяти двух святых друзей — митрополита Алексея и преподобного Сергия Радонежского, именно их считая своими духовными покровителями и образцами для подражания.

На сей раз он говорил о случаях попущений в среде мирян и духовенства, с коими в свое время боролись Алексей и Сергей. Давно миновала гроза Двенадцатого года, когда вспомнили о строгостях христианских установлений и вновь стали их соблюдать. Теперь, особенно под влиянием иностранных учителей протестантизма, появилось мнение о не особой важности заповеди поста: что его можно или не соблюдать вовсе, или укорачивать, или сокращать число запрещенных яств.

— И здесь место совету апостола, если хотите принять оный: *не мнози учителя бывайте, братие моя*: не пренебрегайте древних, общих, освященных постановлений, не учитесь и не учите друг друга вместо того новым, разнообразным от мирского и плотского мудрования происходящим обычаям, последуйте матернему руководству Церкви с детским послушанием и простотою, — взывал Филарет в проповеди 12 февраля 1825 года.

В том году Пасха была ранняя, 29 марта, Вход Господень в Иерусалим отмечался перед праздником Благовещения, что случается редко.

— Вход Господень в Иерусалим не есть простое изъявление настоящего, но паче пророчество и предзнаменование будущего воцарения Его. Царство Его не есть сей Иерусалим, который вскоре разрушат, или

земля Иудейская, которую вскоре поработят и опустошат, но Церковь, которой и *врата адовы не одолеют* (Мф. XVI, 18), — говорил святитель в неделю Ваий 22 марта.

А через три дня в день Благовещения читал яркую проповедь, благословляя вкуче — и соблюдающих безбрачие, и живущих в браке; и отшельников, и тех, кто любит жить среди множества людей:

— Придите, девствующие, и от Девы Марии примите утверждение вашего подвига, созерцая в Ней беспрекословно высокое достоинство — девство, поелику оно Бога в себе носит. Придите, живущие в супружестве, и обрученной, но не сочетанной примите благословение ваших супружеств: поелику все человеческие супружества рождали бы только чад гнева и наследников ада, если бы Матерь-Дева не родила Сына, Который перерождает их в сынов и наследников Божиих. Придите, любящие уединение, и от размышляющей Марии вразумитесь, что зерно уединения есть смиренное богомыслие; а без сего уединение часто есть пустое упрямство или жестокое человеконенавидение, гнездо лукавых помыслов и виталище духа безумия. Придите пристрастные к сообществу и возьмите себе на замечание, что не в суете мирских дел, не в развлечении многолюдства, не в шуме праздных бесед посещают душу небесные силы и слово Божие сеется в сердце... Христианство не есть юродство или невежество, но *премудрость Божия в тайнах сокровенная*...

В праздник Пасхи в Успенском соборе Кремля Московский Златоуст вновь находил ярчайшие, понятные и ясные слова о вере и неверии, сравнивая их со светом и тьмою:

— Солнце, когда восходит, отверзает целый мир разнообразных красот... Закоптелый в неверии ум, как ночная птица, видит только во тьме неверия, любит только свои грезы и убегает от света истины, который жжет ему глаза...

Но совсем иное значение слова «свет» считалось главным в так называемом «свете». Только что вышла первая глава пушкинского «Евгения Онегина»:

*Вот мой Онегин на свободе;
Острижен по последней моде,
Как dandy лондонский одет —
И наконец увидел свет.*

Ведь не свет Христовой истины имеет здесь в виду гений русской

поэзии, не к евангельским истинам устремился навстречу остриженный по последней моде вертопрах Онегин! Он, как известно, по замыслу своего создателя, должен был окончить вместе с декабристами. Туда, в эти тайные общества, устремлялись ему подобные.

В противоположном направлении двигался государь, особенно после чудовищного наводнения, унесшего жизни нескольких тысяч его подданных. Летом он получил свидетельства о готовящемся заговоре. Теперь и это подталкивало его к уходу. Давняя мечта стать одним из множества многих и так провести остаток жизни окончательно созрела. Ему хотелось искупить все грехи молодости — равнодушие к Церкви, косвенную причастность к убийству отца, амурные похождения и многое другое. Пред ним открывались два пути к искуплению. Первый: дождаться революции и, возможно, быть вместе с супругой Елизаветой Алексеевной обезглавленным точно так же, как Людовик XVI и Мария Антуанетта. Случайно ли они обвенчались в тот самый год, когда в Париже слетели королевские головы?.. Говорят, заговорщики намереваются жестоко истребить весь царствующий дом. Умереть от их рук с именем Христа на устах — что может быть более искупительным? Вот и Филарет Московский в проповеди от 15 мая призывал не страшиться ненависти христоненавистников, радостно встретить страдания и муки за Христа:

— Научись же подлинно, христианин, не страшиться ненависти мира, восстающей против тебя за то, что ты последуешь Христу, что стараешься мыслить благочестиво и поступаешь добродетельно... Что страшиться? Утешая, глаголет тебе Иисус Христос. Твое состояние не есть необыкновенное; опасность твоя не есть нечаянная. Воззри на жизнь Учителя и Господа твоего, и познай, что с Ним произошло всё, что происходит или еще может произойти с тобою.

Второй путь: изобразить собственную смерть и уйти в мир под другим именем, в ином облике... Спасаясь самому, спасти мир. Своего рода отшельничество. Не ждать новой страшной беды, которая может оказаться куда более ужасной Наполеонова нашествия. Та беда всколыхнула Россию, заставила встрепенуться и вспомнить о своем христианстве. Но вновь вера угасает. В Москве Филарет, освящая храм Успения Богородицы в Казачьей слободе, прямо сказал:

— Спросите друг друга: что произвела в душевных расположениях и нравственной жизни большей части из нас бывшая година искушения и наказания? После столь грозного посещения Божия более ли прежнего страшимся мы грехов и беззаконий? Бывшее уничтожение научило ли нас паче прежнего смирению? Бывшие лишения и нужды обуздали ли роскошь,

прекратили ли склонность к излишествам, обратили ль нас к простоте и умеренности?.. Что ж, если подлинно признаться должно, что после общего наказания и дивного помилования от Бога мы опять таковы, каковы были, когда заслужили наказание. Какое в сем случае утешение в прошедшем? Какая радость в настоящем? Какая надежда в будущем?..

Грозные слова! О, он знает, сей Московский Златоуст, что говорит!

Александр выбрал уход. Сославшись на то, что врачи советовали для улучшения здоровья императрицы отправить ее на юг, царь решил ехать вместе с нею. Почему-то выбран весьма захолустный Таганрог. Впрочем, Крым тогда еще не был освоен для создания там великолепных курортов, великий Воронцов еще только начинал свое дело создания роскошной южной здравницы. Таганрог, берег Азова, неподалеку Ростов-на-Дону, казачьи места, множество спелых и свежих плодов земных...

Воскресенье 30 августа. Праздник перенесения мощей благоверного князя Александра Невского в Петербург, произведенного Петром Великим сто один год назад. В Северной столице царь готовился к отъезду. В Первопрестольной святитель Филарет в Успенском соборе произносил «Слово в день тезоименитства его императорского величества благоверного государя императора Александра Павловича»:

— В радости проводим мы настоящий день: потому что на нем написано возлюбленное имя Александра, верховного для нас на земли виновника победных и мирных радостей общественных, охранителя и распространителя непорочных радостей семейственных и личных, собственную радость и покой приносящего в жертву, да мы под его державою *тихое и безмолвное житие поживем во всяком благочестии и чистоте* (1 Тим. II, 2).

1 сентября Александр I в Александро-Невской лавре отстоял литургию, получил благословение митрополита Серафима и покинул Петербург. Он ехал почти инкогнито. По пути не устраивалось ни парадов, ни торжеств, ни смотров, ничего. Москву он объехал стороною. Ничего странного — он не желал никаких церемоний, без которых при посещении Первопрестольной никак было бы не обойтись. 13 сентября приехал в Таганрог. Еще через десять дней туда же прибыла супруга, которая вскоре стала стремительно выздоравливать. Вообще, он и она были вполне здоровы для своего возраста: ему — сорок семь, ей — тридцать шесть. Иногда Александра тревожили учащенные сердцебиения. Обнародованные результаты вскрытия не показали особых причин для смерти. Погода в Таганроге стояла теплая, в середине ноября было 15 градусов по Цельсию. И вдруг царь простужается и умирает...

Что же на самом деле произошло в тот день 19 ноября? Умер ли на самом деле император Александр или умерло только его имя, а сам он отныне стал Федором Кузьмичом? Исполнился ли его зарок, данный в 1812 году, когда Москва была в руках Наполеона? Пришло ли время отрастить бороду и уйти в сибирские недра?..

То, что он и впрямь умер, доказывается во множестве книг. То, что не умер, а ушел, доказывают лишь некоторые авторы. Но вот что примечательно: те, кто оспаривает легенду о старце Федоре Кузьмиче, пишут скучно, уныло. «Никакого базиса для самой постановки этого вопроса» (Николай Николаевич Кноринг). А главное, стараются убедить, но — неубедительно. Зато одна только книга Леонида Евгеньевича Бежина «Молчание старца, или Как Александр I ушел с престола», написанная блистательно, способна властно увлечь читателя, убедить его в восхитительном превращении императора в старца. Если же сие превращение лишь легенда, что ж... «Тьмы мелких истин мне дороже нас возвышающий обман», — гениально и на века сказано Пушкиным!

Касательно участия Филарета в уходе Александра Бежин пишет следующее: «...для Александра I было вполне естественно стать Феодором: это имя ему не чуждо и выбор не случаен. Исследователи указывают на дополнительную мотивировку выбора, оправданную в том случае, если духовным наставником, благословившим Александра на старчество, был митрополит Филарет: «...в славном 1812 году архимандрит Филарет, одновременно с утверждением в должности ректора Санкт-Петербургской духовной академии, был назначен настоятелем первоклассного Новгородского Юрьевского монастыря. Того самого, что позже получит в управление архимандрит Фотий. Именно в Софийском соборе Новгорода покоились мощи святого князя Феодора — старшего брата святого Александра Невского».

В эту осень Филарет много проповедовал. При гробе преподобного Сергия он беседовал «о упокоении труждающихся и обремененных». На освящении храма святителя Алексея в Черкизове говорил «о твердом и неразрушимом создании Церкви Христовой». При обновлении храма великомученика Никиты в Басманной слободе напоминал прихожанам о евангельском изгнании торгующих из храма Иерусалимского. В день архистратига Михаила в Архангельском соборе Кремля толковал евангельскую притчу о плевелах.

И вот наступило 19 ноября. Смерть или уход...

25 ноября отшельнику и затворнику Серафиму Саровскому было явление Пресвятой Богородицы, которая повелела старцу оставить затвор и

создать Дивеевскую обитель.

В Петербург известие о кончине Александра пришло только через восемь дней — 27 ноября, как раз тогда, когда шло молебствие о его здравии.

На Россию обрушились новые важнейшие исторические события. По всем законам право на престол переходило к следующему по старшинству брату Александра — Константину. Спустя полчаса после получения известия третий по старшинству августейший брат Николай Павлович присягнул Константину, а за ним — гвардия. К трем часам дня весь Петербург присягнул Константину. В то же время в Государственном совете вскрыли завещание Александра. Константин Павлович давно уже не помышлял о престолонаследии, заключив морганатический брак и проживая в Польше. Николай Павлович отправил ему в Варшаву письмо, в котором сообщал о кончине Александра и просил не мешкая прислать официальное отречение от престола. И не случилось бы никакого междуцарствия: Константин прислал бы отречение, в Москве и Петербурге огласили бы завещание Александра о передаче власти Николаю, и Николай — на троне. Но, получив письмо брата, Константин медлил с официальным ответом, а то, что он писал брату, публикации никак не подлежало... В общем, проявился его взбалмошный и вздорный характер. Он знал, что армия его любит за участие и в суворовских походах, и в войне 1812 года. А вот молодой Николай любви солдат и офицеров не успел заслужить. К тому же генерал-губернатор Петербурга граф Михаил Андреевич Милорадович, один из главных героев Отечественной войны, оставался сторонником Константина, с которым дружил еще с Альпийского похода.

В Москву известие о том, что произошло в Таганроге и что творится с престолонаследием, поступило 28 ноября. Московским генерал-губернатором тогда являлся другой суворовский герой и участник военных действий 1812–1814 годов — светлейший князь Дмитрий Владимирович Голицын. 29 ноября Филарет открыл ему тайну завещания, хранящегося в Успенском соборе, и они оба отказались присягать Константину. Однако на просьбу Голицына ехать в Кремль и вскрыть завещание владыка Филарет ответил:

— Не может быть двух государей, один в Петербурге, другой в Москве.

Сам он впоследствии объяснял это так: «На сие архиепископ не согласился, представляя, что из сего возникнуть могут молвы, каких нельзя предвидеть, и даже клевета, будто теперь что-то подложено к государственным актам или положенное подменено». «Дни, протекшие

между 30 ноября и 15 декабря 1825 года, конечно, ни для кого в Москве не были так тяжки, как для архиепископа, которому выпал странный жребий быть хранителем светильника под спудом».

Скорее всего, Филарет знал о существовании тайных организаций и опасался, что заговорщики воспользуются двоевластием, чтобы зажечь огонь мятежа. «Молитесь, отец наместник, да не внидите в напасть. Теперь особенно надобно молиться», — написал Филарет в Сергиеву лавру архимандриту Афанасию (Федорову). 30 ноября Константину присягнула и вся Москва. 3 декабря из Варшавы в Петербург вернулся великий князь Михаил Павлович, но официального отказа Константина он так и не привез. Однако Николай, зная о планах заговорщиков, решил действовать. Он поручил Карамзину написать манифест о своем вступлении на трон, а вскоре подключил к работе над документом Сперанского. 12 декабря Николай свел воедино проекты манифеста, составленные Карамзиным и Сперанским, и на 14 декабря была назначена новая присяга. На тот же самый день назначило свое выступление и тайное общество...

Наступило 14 декабря, роковой день русской истории.

В семь часов утра присягнули Сенат и Синод. В то же время в Зимнем дворце Николай Павлович зачитал завещание Александра командирам гвардейских частей. Затем все присягнули новому государю и отправились приводить к присяге вверенные им войска. Царь напутствовал гвардейских командиров следующими словами:

— После этого вы отвечаете мне головою за спокойствие столицы, а что до меня, если буду императором хоть на один час, то покажу, что был того достоин.

Первым взбунтовался лейб-гвардии Московский полк, о чем доложил Николаю начальник штаба гвардейского корпуса генерал Нейдгарт. Новый царь приказал встреченному им генералу Апраксину выводить кавалергардов, сам же возглавил 1-й батальон преображенцев, квартировавший близ Зимнего дворца. Перед выходом он открыл наугад Евангелие от Иоанна, которое переводил Филарет, и прочитал вслух находившимся рядом:

— «Я есмь пастырь добрый; пастырь добрый полагает жизнь свою за овец. А наемник, не пастырь, которому овцы не свои, видит приходящего волка, и оставляет овец, и бежит, и волк расхищает овец и разгоняет их. А наемник бежит, потому что наемник, и нерадит об овцах» (Ин. X, 11–13).

В полдень история России сосредоточилась в Петербурге на Сенатской площади. Генерал-губернатор Милорадович лично отправился к бунтовщикам и убеждал солдат в том, что их обманули: Константин

добровольно отказался от престола, его никто не свергал. И тут произошло неслыханное — «русский Брут» отставной поручик Петр Каховский подлым выстрелом убил великого героя войны с Наполеоном!

Этот отвратительный шаг во многом повредил самим декабристам. Народ обожал Милорадовича. Серб по национальности, Михаил Андреевич являл собой тот тип вояки, который мы называем гусарским. В чем-то он был даже Ноздрев. Хотя у Гоголя Ноздрев забавный узнаваемый фанфарон, вздорный, нелепый. Но он — пустышка. Милорадович при всех ноздревских качествах своего характера — выдающийся полководец. Участие Милорадовича в суворовских походах, особая любовь к нему Суворова, участие в войнах с Наполеоном после смерти Александра Васильевича, любовные похождения, пиры, необузданные неистовства и снова битвы... Фрондерство, фанфаронство, но и — неподражаемая отвага, полководческий гений, любовь к русскому солдату. Во время войны 1812 года Милорадович в основном руководил арьергардом, и именно благодаря арьергардным боям русским удалось измотать «Великую армию», а свою сохранить для будущих сражений. А потом Милорадович вместе с Витгенштейном и Барклаем гнал французов до самого Парижа.

Да, народ любил его самозабвенно, ибо и сам Михаил Андреевич самозабвенно любил русских людей. Вот почему, когда казнили декабристов, четверо из них обнялись на прощание между собой, а пятому — Каховскому — Пестель, Муравьев-Апостол, Бестужев-Рюмин и Рылеев даже не подали руки. Есть такая версия... Кстати, возможно, что если бы не это убийство прославленного полководца, то их бы и не повесили.

За всю свою жизнь, находясь всегда в самом пекле сражений, Милорадович ни разу не был ранен, хотя однажды французская пуля даже сбита с него эполет. И тут — смертельная рана нанесена соотечественником! Когда врач извлек пулю, Милорадович попросил показать ему ее и, умирая, вымолвил с облегчением:

— Слава богу — не солдатская!

Ему невыносимо было осознавать, что он погибает от руки русского солдата. Но виновником его гибели стал не русский солдат...

В половине двенадцатого на Сенатскую площадь пришел лейб-гвардии Конный полк и выстроился у Адмиралтейства. А вскоре, спеша на помощь восставшим, около Зимнего дворца оказалась рота лейб-гренадеров поручика Александра Сутгофа.

— Вы к бунтовщикам? — спросил у них император Николай.

— Да, — дерзко отвечал поручик.

— Тогда вам туда, — сказал Николай, указывая в сторону Сенатской.

К двум часам дня удалось полностью окружить восставших. Вскоре к ним пришел митрополит Серафим. Протягивая вперед крест, он воззвал:

— Воины, успокойтесь! Вы восстали против Бога и Церкви! Заговорщики-офицеры кричали в ответ:

— Какой ты митрополит?! Ты изменник! Константин закован. Не верим тебе! Не верьте ему, солдаты!

Видя, что мирно успокоить мятеж не удастся, в пять часов вечера Николай Павлович приказал дать картечные залпы...

Вскоре с восстанием было покончено. В большой церкви Зимнего дворца в тот же вечер совершилось молебствие с провозглашением многолетия новому российскому императору.

Почему в советские времена широко не печатались основополагающие политические документы, сочиненные декабристами и являвшиеся планом их действий? «Русская правда» Пестеля вышла в издании Главного архивного управления СССР «Восстание декабристов. Документы» в 1958 году. Много лет идеологи создавали прекраснотушный образ декабристов. И лишь теперь, когда одна за другой выходят книги, открывающие нам действительные факты, с ужасом понимаешь, что происходило бы в России, если бы господа декабристы осуществили задуманное и если их восстание не было бы подавлено.

Прежде всего, в России вспыхнула бы кровавая межнациональная и межрелигиозная война. Если бы пятеро декабристов не были повешены, а победили, они бы первым делом вырезали всю до единого человека царскую семью, всех царских родственников, включая самых дальних.

Предусматривалось укрепление русской нации. Но как! Декабристы были даже не предтечами большевиков, они были предтечами нацистов. Всем народам России запрещено было бы впредь иметь свою национальную особенность. А кто не подчинится — вон из страны! О двух миллионах евреев так и было заявлено: если не захотят стать русскими, то им грозит поголовное выселение в Малую Азию. Вероятно, имелась в виду Палестина, которая была тогда в составе Османской империи. Это означало бы, что как минимум половина этих несчастных евреев была бы уничтожена и по пути, и затем в Турции. Антисемитизм декабристов вылился в дальнейшем в истории восстания Черниговского полка под руководством Муравьева-Апостола, уже после бунта на Сенатской площади, когда восставшие, перепившись, устроили страшный еврейский погром. Пьяные бунтовщики танцевали с трупами убитых ими! И печальная усмешка истории, сохранившей некоторые имена погибших тогда евреев — Бродский, Троцкий, Бейлис...

Та же участь ждала татар, которым запрещалось бы сначала традиционное многоженство, а в дальнейшем и исполнение других мусульманских традиций. Финнам вменялось учить русский язык, а на своем родном разговаривать только дома. Словом, диктатура предусматривалась не только политическая, но и национальная.

Конечно, могут возразить, что главным выразителем этих чудовищных идей был только Пестель, остальные декабристы склонялись к более мягким переустройствам. Но Павел Иванович Пестель недаром считался русским Наполеоном, и вполне возможно, что в случае победы восстания он бы подмял под себя всех остальных...

Декабристы якобы страдали за крестьян, за народ. Но один из исследователей Оксана Киянская справедливо замечает: «Если бы главной целью декабристов действительно было крестьянское освобождение, то для этого им было вовсе не обязательно, рискуя жизнью, организовывать политический заговор. Им стоило только воспользоваться указом Александра I от 20 февраля 1803 года — указом о вольных землепашцах. И отпустить на волю собственных крепостных». Они же и этого не сделали!

Слава богу, меняется отношение к декабристам. Люди второстепенные, посредственные, не нашедшие применения в государственной службе, чаще всего по недостатку талантов и устремлений к ней, шли в масонские ложи, а через ложи дальше — в революцию, первым этапом которой и стало декабрьское восстание 1825 года. О том, что они собой представляли на самом деле, красноречиво свидетельствует их жизнь в Сибири, где самым ужасным было отсутствие развлечений. Они яростно боролись за то, чтобы им разрешили иметь свой театр, но на этом их духовная жизнь и ограничивалась. Вероятно, духовной жизнью в их среде и считались всевозможные увеселения.

Никакой особой каторги, условия приличные, работать по желанию, из России можно было получать значительные суммы денег, еда отменная, вино, а тем, к которым приехали в Сибирь жены, через два дня на третий можно было сутки проводить со своими благоверными. Затем для женатых были созданы особливые камеры, весьма роскошные для звания каторжанина. Рояль, кровать, ковры, книжные шкафы, стулья, кресла, обеденный стол...

Всю свою жизнь декабристы посвящали постоянному, еще большему смягчению условий своего и без того неплохого существования. В то время как их сверстники служили Отчизне, воевали, строили, развивали державу, эти неудачники надоедали местной администрации нескончаемыми жалобами и склоками. О декабристах сурово и точно выразился поэт Петр

Андреевич Вяземский: «Ни в одном из них нет и тени раскаяния и сознания, что они затеяли дело безумное, не говорю уже преступное. Они увековечились и окостенели в 14 декабря. Для них и после 30 лет не наступило еще 15 декабря, в которое они могли бы отрезвиться и опомниться».

Когда государь Александр Освободитель освободил декабристов от необходимости жить в Сибири, они ринулись в заграницы, где не было недостатка в желающих послушать про их нечеловеческие страдания.

Следствие по делу декабристов началось уже 17 декабря 1825 года с учреждения Особого комитета для следствия о тайных обществах. Удивительная насмешка судьбы: вскоре в планах мятежников обнаружилось списки предполагаемой революционной директории, и в тех списках рядом с полуопальным Сперанским значилось имя московского архиепископа! Заговорщики считали Филарета человеком разносторонне развитым и способным принять их «правду». Учитывали они и то, что он был обижен правительством, что в некоторой степени находился в опале, что запрещены были его труды. Надеялись, что он охотно согласится мстить за нанесенные ему обиды!

Слава богу, государь Николай Павлович несколько не усомнился в том, что сам Филарет ни сном ни духом не был причастен к замыслам бунтовщиков. Император мгновенно распорядился не вести в отношении Филарета никаких расследований.

17 декабря Москва получила манифест о вступлении Николая на престол. После литургии в Успенском соборе Кремля из распахнутых Царских врат в полном архиерейском облачении вышел архиепископ Филарет. Над головою он нес серебряный ларец. Остановился перед столом, стоящим возле предалтарного амвона:

— Внимайте, россияне! Третий год, как в сем святом и освящающем царей храме, в сем ковчеге, который вы видите, хранится великая воля благословенного Александра, назначенная быть последнею его волею. Ему благоугодно было закрыть ее покровом тайны; и хранители не смели прежде времени коснуться сего покрова. Прошла последняя минута Александра; настало время искать его последней воли; но мы долго не знали, что настало сие время. Внезапно узнаем, что Николай, с наследованною от Александра кротостию и смирением, возводит старейшего брата; и в то же время повелевает положить новый покров тайны на хартию Александра. Что нам было делать? Можно было предугадывать, какую тайну заключает в себе хартия, присоединенная к прежним хартиям о наследовании престола. Но нельзя было не усмотреть и

того, что открыть сию тайну в то время значило бы разодрать надвое сердце каждого россиянина. Что же нам было делать? Ты видишь, благословенная душа, что мы не были неверны тебе; но верности нашей не оставалось иного дела, как стеречь сокровище, которое не время было вынести на свет, как оберегать молчанием то, что позволено было провозгласить. Надлежало в сем ковчеге, как бы во гробе, оставить царственную тайну погребенною, и небесам предоставить минуту воскресения. Царь царствующих послал сию минуту. Теперь ничто не препятствует нам сокрушить сию печать, раскрыть сей, государственную жизнь сокрывающий, гроб. Великая воля Александра воскреснет. Россияне! Двадцать пять лет мы находили свое счастье в исполнении державной воли Александра Благословенного. Еще раз вы ее услышите, исполните и найдете в ней свое счастье.

Произнеся сию речь, Филарет извлек из ларца запечатанный пакет, вскрыл его и показал завещание Александра генерал-губернатору Голицыну. Дмитрий Владимирович объявил, что подтверждает подлинность печати и почерк руки покойного государя. Тогда владыка громко зачитал волю Александра и манифест о вступлении на престол Николая. Москва начала присягать на верность подданства новому государю.

В тот же день Филарет отправил в Петербург письмо с уверением Николая в своей полной преданности. Через неделю Николай ответил рождественской «Высочайшей грамотой на имя Филарета Московского»: «Преосвященный архиепископ Московский Филарет! Мне приятно было получить письмо Ваше от 18-го числа сего месяца и видеть в нем изъявление чувств преданности Вашей и усердия, по случаю восшествия моего на прародительский престол, и архипастырские молитвы ко Всевышнему Царю царствующих о благословении на начинающееся царствование мое. Примите благодарность мою за сие, равно как и за доставленное мне описание открытия хранившегося в Успенском соборе акта в Бозе почившего императора, любезнейшего брата моего. Достоинства Ваши были мне известны; но при сем случае явили Вы новые доводы ревности и приверженности Вашей к Отечеству и ко мне. В воздаяние за оные, всемилостивейшее жалую Вам бриллиантовый крест, у сего препровождаемый, для ношения на клобуке. Пребываю Вам всегда доброжелательный Николай. Санкт-Петербург. 25 декабря 1825 года».

Клобук — головной убор монаха, епископа, архиепископа или митрополита. Он состоит из камилавки, представляющей собой цилиндр без краев, и шелкового покрывала, которое называется омофором. Монахи

и епископы носят черные клобуки без креста, архиепископы — с металлическим крестом. За особые заслуги архиепископ может получить от государя алмазный крест. Что и произошло в Рождество Христово 25 декабря 1825 года. В сей день московский архиепископ изменил своему правилу и после литургии в Чудовом монастыре прочитал не собственную проповедь, а процитировал рождественскую речь святителя Григория Богослова, так обставив сие слово:

— «Мы, — говорит святой Григорий, — для которых предмет поклонения есть Слово, если должны дать некое пиршество, составим пиршество из слова, из закона Божия, из повествований, частью некоторых других, частью относящихся к настоящему торжеству». Я же к сему присовокуплю: если должны дать некое пиршество слова, чего не можем вам обещать от нашей скудости, то приступите с нами к готовой давно и еще не истощенной трапезе Богослова. Внемлите и вкушайте духом! Я буду только служитель трапезы, а угодитель ваш святой Григорий: мои уста, его слово.

На другой день там же, в Чудовом, Филарет приводил к присяге новоизбранных судей:

— Боящийся Господа не повредит суда по любви к другу или по ненависти к врагу; поелику он никого не любит паче Бога и по любви к Нему хранит суд... Боящийся Господа в суде не прельстится дарами; поелику он боится потерять благодать Божию и Царство небесное; где же найти такое сокровище, для которого бы он мог решиться на такую потерю?.. Со страхом Божиим приступите к клятве; с усугубленным клятвою страхом Божиим отыдите на служения ваши!

В это время в Москву каждый день приходили все новые и новые сведения о подробностях мятежа на Сенатской площади и о начале следствия по делу декабристов. Филарет писал архимандриту Афанасию в Троицу: «Более и более открывается, от каких ужасов и мерзостей избавил нас Бог, укрепив государя в 14 день декабря. Молитесь, чтобы зло сие правдою и мудростью совсем уничтожено было. Но есть люди, которые после бывшего посещения Божия, о котором предварительно говорили, теперь еще говорят о таящемся на нас гневе Божиим».

Новый, 1826 год начался с известий о новом восстании, на сей раз — на юге России, где взбунтовался Черниговский полк, поднятый на мятеж членами Южного общества декабристов.

— Теперь так и жди подобных вестей отовсюду! — говорили люди, со страхом всматриваясь в будущее. Но на том волнения и иссякли. Больше подобных вестей ниоткуда не поступало.

Конечно, московского владыку очень беспокоило, как обойдется новый царь с мятежниками. Найдет ли Николай в себе те душевные христианские силы не мстить, подобно тому как Александр не мстил Парижу? Но Николай Павлович был истинным христианином и не жаждал мщения. Лично следя за ходом следствия, он старался искать оправданий для бунтовщиков. Он бы и не повесил пятерых, если бы не убийство Милорадовича, совершенное Каховским, если бы не чудовищные планы Пестеля, изложенные в его «Русской правде», если бы не зверства Черниговского полка, организованные Муравьевым-Апостолом и Бестужевым-Рюминым, если бы не само восстание в Петербурге, коим руководил Рылеев, и если бы не его же сатанинская ненависть к христианству. К этим пятерым, безусловно, был бы причислен и полковник князь Трубецкой, которого избрали диктатором восстания. Но Сергей Петрович благоразумно не явился на Сенатскую площадь и тем самым спас себе жизнь. Смертную казнь ему царь заменил на пожизненную каторгу.

...Смутное время восшествия на престол императора Николая I уходило в прошлое.

Глава тринадцатая

АРХИЕПИСКОП СТАНОВИТСЯ МИТРОПОЛИТОМ

1826

На редкость красиво имя Филарет! В святцах оно переведено как «любящий добродетель», но у греческого слова «арете», составляющего вторую часть имени, простор прекрасных значений. В греческом словаре читаем: «ἀρετή — доблесть, добродетель; вообще совершенство, превосходство, достоинство (как физическое, так и нравственное); мужество, храбрость (в этом значении часто у Гомера и прочих писателей); доблестный поступок, заслуга, услуга; все благое, всякое благополучие».

Наступил 1826-й — год, в который носителю столь прекрасного имени архиепископу Филарету суждено было стать митрополитом Московским и Коломенским. И в этом сане потом провести вторую, большую, часть своей жизни — сорок один год! Дольше него никто не возглавлял московскую паству, ни до, ни после.

Этому важному событию предшествовали проводы двух таинственных гробов. Они проплыли мимо него, словно посылая приветствие от двух августейших особ, с коими связана была пора его юности, молодости, ранней зрелости. Кто был в тех гробах, сами ли те августейшие особы или не они, так до сих пор и покрыто завесой великой тайны. История, говорящая с нами языком фактов, свидетельствует, что 4 февраля 1826 года владыка Филарет встречал и провожал гроб с телом императора Александра Павловича, а 26 мая того же года — гроб с телом его супруги императрицы Елизаветы Алексеевны, так же безвременно и внезапно оставившей сей бранный мир.

В четверг 4 февраля архиепископ Филарет стоял у Серпуховской заставы и здесь встретил печальную процессию. По прибытии в Кремль гроб перенесли в Успенский собор, где московский архиерей отслужил литургию. Затем он произнес речь. Красивую, сильную. Предварил ее цитатой из библейской Книги Царств, где сказано о царе Иосии: «Подобен ему не бысть пред ним царь, иже обратися ко Господеви всем сердцем своим и всею душою своею, и всею силою своею. — Обаче не от-вратися Господь от ярости гнева своего великого» (4 Цар. XXIII. 25–26). Говорил о

том, что не способен в слове передать значение правления Александра:

— Дайте мне слово или научите меня молчанию. Не умею говорить и безмолвствовать не умею. Отрекаюсь от необъятного подвига хвалить Александра, уже Благословенного; но нельзя удержаться от печального пред Церковью размышления и слова о царе, который, подобно как Иосия, достоин, чтобы по нем рыдали пророки... Бог, который воздвиг Александра на время необычайных браней и подвигов, научил его противопоставлять оружием воинства плотским не одни плотские, но наипаче духовные... адским оружием — небесные, хитрости — правду, дерзости — твердость и терпение, надменности — кротость и смирение, надежде на искусство и силы человеческие — упование на помощь и провидение Божье. И что же последовало? Идол Франции сокрушился о грудь России!

Филарет в своей речи говорил о том, как после победы над Наполеоном русский царь привел Европу к миру:

— Неукротимый дотоле дух браней связан. Союзам царей и царств, для которых не находили дотоле более приличного закона, как закон своекорыстия и взаимной зависти, Александр сильным примером своим положил в основание закон бескорыстия и благоволения, словом, закон христианский. Несогласия народов или прекращены, или обессилены. Крамолы если не уничтожены, то приведены в отчаяние. Дела, которые решал меч, уже разрешаются советами.

По слову Филарета, Александр стал первым государем, создавшим в Европе союз — прообраз будущей Организации Объединенных Наций, призванный мирным путем решать то, что решалось силой, кровью, смертью, страданиями. Но Наполеона, виновника гибели сотен тысяч людей, в мире и сейчас знает каждый. А Александра?.. Сколько людей на нашей планете сейчас ответят, кем был этот человек? Один из тысячи? Один из десяти, из ста тысяч? А может, один из миллиона?.. Человеческая неблагодарность!

Мало того — в родной стране, в собственном доме заговорщиками было уготовано Александру убийство. И об этом сказал Филарет в своей речи:

— Царю царей! Ты воздвиг его на время; Ты воззвал его к вечности. Прими то, что Ты даровал; не остави тех, которых лишаешь. Ты взял сего царя как праведного от лица неправды, когда она готовилась вновь разродиться отступлением от царей... Умилосердися, Господи, возьми сию неправду от лица оставшихся праведных!..

Для сторонников легенды о старце Федоре Кузьмиче в слове Филарета не найдется доказательств их правоты. Филарет говорит об Александре как

о покойном. Хотя он, владея мастерством речи, сумел бы сказать так, чтобы обойти тему смерти как таковой. Стало быть, он был уверен, что в запечатанном гробе лежит именно Александр. И, оплакивая, отправлял Александра дальше, в Петербург, где лишь спустя три недели брата будут встречать Николай и Михаил.

Пройдет три с половиной месяца, и в Москву прибудет гроб с телом Елизаветы Алексеевны... Но не будем забегать вперед.

В своей очередной речи в день святителя Алексея, митрополита Московского и всея России чудотворца, 12 февраля 1826 года, святитель Филарет говорил о нетленной пище, которую в Апокалипсисе апостол называет «манной сокровенной»:

— Кто же знает, что то за новая пища, без сомнения, лучшая других родов, потому что не всякому дают оную, а берегут для угощения победителя? Для примера могу вам сказать, что сие знает сей, ублажаемый ныне победитель греха, увенчанный нетлением. Ибо как приемлющие тленную пищу предаются и сами тлению, так, напротив, преподобный Божий, которому не дано видеть истления, без сомнения, приготовлен к состоянию нетления нетленною и пищею, и следственно, предварительно дано ему *ясти и манны сокровенной* (Апок. II, 17).

Образность Филаретовых проповедей не могла тронуть только самых глухих сердец. Говоря о тех, кто не имеет жажды вкушать Божественное слово, Московский Златоуст сравнивал их с больными, утратившими вкус к обычной человеческой пище:

— Почему он не хочет принимать ее или, приняв, но не напитавшись, беспорядочно извергает? Неукрощенная чувственность и земные страсти расслабляют дух, заглушают его внутренние ощущения, повреждают его небесные желания. Посему-то и не всякому обещается манна сокровенная. Какая польза и как можно давать пищу тому, в ком болезнь произвела отвращение от нее и неспособность к питанию? Когда тело преодолет борющуюся с ним болезнь, тогда может воспользоваться пищею...

Неверие есть душевное заболевание, нарушение в человеке внутреннего лада и связи со всей Вселенной. Вера — здоровье. Вот о чем проповедь Филарета. Здоровые должны к больным относиться сочувственно, стремиться помочь им избавиться от болезни. Но плохо дело, когда больной человек не хочет признавать себя больным и не жаждет лечения.

Проповедь наравне с управлением главной епархией России и трудами по переводу Библии оставалась для Филарета наиважнейшей составляющей его жизнедеятельности, его пастырского служения. Каждый

раз, произнося речи, он осознавал, что должен как можно большее число слушателей своих спасти от душевного недуга безверия. И спасал очень многих!

В праздник Благовещения в кафедральной церкви Чудова монастыря Московский Златоуст говорил о твердом основании жизни человеческой, которое составляет Христос, и о том, что только со Христом способно человечество отступить от неправды. Оно же, увы, постоянно стремится отступить от правды, вернуться в свое древнейшее звероподобное состояние.

В Страстной понедельник 12 апреля государь Николай Павлович своим указом запретил деятельность Российского библейского общества. Для всей Русской церкви и для Филарета в частности это было радостное событие, поскольку оно означало, что власть в России отныне свое христианство основывает исключительно на православии, а миссионерам от иных конфессий более не будет предоставлено свобод для переманивания на свою сторону неустойчивых душ. Вместе с тем ради такой радости Филарету и его сторонникам приходилось мириться с большой жертвой — не скоро будет дозволено вновь продолжить работу по распространению Библии на современном языке. Но на всё Господня воля!

В праздник Пасхи 18 апреля 1826 года слово свое Филарет начинал сильнейшим риторическим оборотом:

— Христос воскрес! Сказав сие, что могу сказать вам более? Всё сказано.

Риторическим, поскольку дальше он все же продолжал говорить о воскресении и жизни вечной во Христе:

— Верует и язычник, но мертвым божествам или тварям, так же как сам он смертным и тленным... Верует иудей и верует Богу Живому, но по писмени закона, которое грешника убивает, а воскресить не может... Мы, христиане, веруем в Бога Живаго... Как известихомся? Всего вернее воскресением Того, Ему же веровахом...

И заканчивал тем же, чем начинал:

— Не стану далее изъяснять различные чудеса, какие производит одно чудодейственное слово: *Христос воскрес!* Если оно воскресит в нас святую любовь Божию, непрестанно убиваемую греховною любовью мира и плоти: довольно сего чуда для совершенства настоящей радости и для того, чтобы все прочие чудеса открылись нам сами собою.

25 апреля Филарет говорил об одном из важнейших высказываний, произнесенных Иисусом в Евангелии от Иоанна апостолу Фоме. В переводе Филарета это звучит так: «Иисус говорит ему: ты поверил, потому

что увидел Меня; блаженны не видевшие и уверовавшие» (Ин. XX, 29). В другом месте того же Евангелия Христос говорит: «...вы не уверуете, если не увидите знамений и чудес» (Ин. IV, 48). Это одно из главных мест в учении Христа. И одно из тяжелейших для восприятия, поскольку невозможно найти христианина, который не мечтал бы хоть раз увидеть подтверждения своей вере — в знамениях и чудесах, в зримом проявлении Божьей воли и Божьего всемогущества.

— А из нас иные, взирая на пример Фомы, — говорил Филарет, — могли бы подумать: почто мы так несчастливы, что не можем иметь непосредственного явления и утверждения в вере от Господа? Нет, глаголет Господь и нам, не видеть — не есть несчастье, когда и без того достаточно основания веровать; напротив, не видеть и веровать есть особенное достоинство веры, и потому особенное блаженство.

15 мая в Архангельском соборе в день святого царевича Димитрия Угличского Филарет посвятил свою проповедь толкованию слов Спасителя из Евангелия от Луки: «Горе вам, что строите гробницы пророкам, которых избил отцы ваши» (Лк. XI, 47). Эти слова многих смущают. Получается, если твои предки в чем-то провинились, ты не имеешь право это признать и воздать должное тем, перед кем осталась вина предков. Представьте, что ваш дед участвовал в расстрелах на Бутовском полигоне. И что же? Вам теперь предопределено оправдывать дела деда и потому отказываться от христианства, поскольку дед был гонителем христиан? Филарет стремился растолковать слова Христа, дабы не оставалось недоумений:

— Если вы чтите гробы мучеников, которые утвердили веру тем, что терпеливо за нее пострадали, но сами не столько расположены собственным терпением, и, когда нужно, страданием доказать непобедимость веры, сколько мучить других за любимые вами мнения, то берегитесь; и сие расположение духа не столько вас не обнадеживает радостью, которую святые находили в страданиях, сколько вам угрожает горем, которое предвещено подражателям избивших пророков.

Проповедь от 20 мая 1826 года Филарет посвятил другим весьма важным словам Спасителя, которые в Евангелии от Луки звучат так: «Блаженны вы, когда возненавидят вас люди и когда отлучат вас, и будут поносить, и пронесут имя ваше, как бесчестное, за Сына Человеческого. Возрадуйтесь в тот день и возвеселитесь, ибо велика вам награда на небесах. Так поступали с пророками отцы их» (Лк. VI, 22–23). Это тоже очень трудно, и всякий христианин хоть раз думал о том, чтобы миновала его чаша сия. Пострадать за Христа — блаженство, но, может быть, можно прожить с верою и упованием во спасение и притом ни разу за Христа не

пострадать?..

— Если ты истинный христианин, — говорил Филарет, — то ты верно не привязан душою ко временному благополучию; не пристрастен к земным наградам; поощряешь и утешаешь себя мыслию о награде небесной и вечной.

В этом христианство остается одинокой религией, ибо все остальные религии говорят: будь прилежным верующим, и получишь вознаграждение уже здесь, на земле. Мало того, и некоторые христианские исповедания, особенно протестантского толка, начали склоняться к этому: будь благочестивым христианином, и тебе уже здесь, в этом бренном мире, воздастся, будешь благополучным и процветающим, прославленным в своем окружении. Филарет обличал это, называя не христианством, а ветхозаветностью или даже язычеством:

— Кто управляется и одушевляется желанием только земной награды, тот есть земной ветхозаветник, далекий от совершенства духовного и от стяжания сокровища небесного. Кто делает добрые дела для временной корысти или для славы человеческой, тот еще не вышел из области язычества; он вырабатывает кумиры добродетелей на продажу или на зрелище, он восприимлет мзду свою от человеков, и потому небеса и Бог ничем более не должны ему... И если вы хотите держаться только естественного, то смотрите, не отпадаете ли чрез сие от благодатного, которое выше естественного...

И все же вдохновенный проповедник не впадает в чрезмерную строгость и допускает возможность некоторой малой награды здесь, на земле, но лишь такой, чтобы можно было продлить дни свои до положенных сроков:

— Когда наемник желает платы, достаточной для пропитания не только во дни работы, но и на дни необходимого потом отдыха, не спору, что естественно ему желать такого воздаяния. Но когда богатый не хочет ничего сделать без того, чтобы не извлечь из дела выгоды, даже, если можно, двойной и тройной выгоды: что тут естественного?

Христианскую аскезу Филарет продолжал проповедовать не только словом, но и образом своей жизни, всегда довольствуясь малым, самым необходимым для дальнейшего существования. Скромный стол, на котором еды и питья ровно столько, чтобы утолить голод и жажду, скромное жилье, скромная прислуга. Секретарь владыки Александр Петрович Святославский был во всем ему подобен и старался показать, насколько ему чуждо стремление к удобствам; например, когда надобно было что-то прочесть вслух, он делал это стоя и мог по несколько часов кряду читать,

не присаживаясь. А невольные зрители этого потом могли обвинять Филарета, что не дает своему секретарю даже присесть.

В мае 1826 года в Москву прибыла еще одна скорбная процессия — в Петербург везли гроб с телом покойной императрицы Елизаветы Алексеевны. Якобы она скоропостижно скончалась в Белеве по пути из Таганрога. То, что эта цветущая женщина тридцати шести лет от роду так быстро ушла из жизни следом за своим супругом, еще больше подпитало легенду об их совместном уходе в странничество и монашество. И если Александра отождествляли со старцем Федором Кузьмичом, то Елизавету — с Верой Молчальницей, затворницей Сыркова монастыря под Тихвином. Тому способствовало и то, что императрица при жизни отличалась немногословностью.

Так же как гроб с телом Александра, гроб с телом Елизаветы был наглухо закрыт, и его не открывали, когда Филарет и вдовствующая императрица Мария Федоровна встретили процессию в Можайске, а по пути в Москву четырежды в разных храмах при этом гробе совершались богослужения. 26 мая в Можайском Николаевском соборе московский архиепископ отслужил литургию и произнес трогательное за душу поминальное слово:

— Еще не почило сердце наше от прежней печали, как постигла нас новая. Вся земля наша от края до края, от столицы до столицы прочернела погребальными путями царскими.

А из Петербурга приходили все новые известия, так или иначе связанные с декабрьским восстанием. 22 мая там скончался Николай Михайлович Карамзин. Привыкший к постоянному сидению в рабочем кабинете и в архивах, 14 декабря он весь день провел на промозгом петербургском ветру, наблюдая за событиями, слег, да так и не смог поправиться.

30 мая следствие по делу декабристов окончилось. Следственная комиссия составила «Донесение о тайных обществах». А 1 июня создан Верховный уголовный суд по делу о мятежниках-декабристах. Привлечено около шестисот человек.

Не без влияния бунта произошло ужесточение цензуры. 10 июня адмирал Шишков протащил свой цензурный устав, вскоре прозванный чугунным. Отныне в печать не могло проникнуть решительно ничего, где хоть как-то критиковался бы существующий государственный строй, да и сама Россия, ее власть, ее народ, армия, порядки и обычаи.

А на Москве в день заговения на Петров пост 13 июня 1826 года архиепископ Филарет в Алексеевской церкви Чудова монастыря крестил

дочь великого князя Михаила Павловича, названную в крещении Елизаветой. Крестной матерью младенца стала родная бабушка — вдовствующая императрица Мария Федоровна. Событие не столько значительное, сколько трогательное. Жизнь крещеной девочки окажется короткой, выйдя замуж, она в девятнадцать лет скончается при родах, а в ее честь в Петербурге появится Елизаветинская детская больница. Родители, потратив бешеные деньги на чрезмерно пышную свадьбу, а затем пережив утрату, хоть и запоздало, но осознают смысл проповедей Филарета, осуждавшего всякие роскошь и излишества, и пустят деньги на благое дело.

Летом 1826 года Россия напряженно ждала решения суда по делу декабристов. Филарет, как пастырь добрый, желал бы направить сердце государя к милости падшим. 25 июня в Чудовом монастыре он произнес слово на день рождения императора Николая Павловича, коему исполнилось тридцать лет. Суть проповеди состояла в призыве проявить милосердие. Разумеется, московский архиерей не мог прямо сказать: «Государь, пощади их!» — но он напоминал о том, что высшим судьей остается Господь Бог. Окончил он такими словами:

— *Имей уши слышати, да слышит.* У кого внутренний слух сердца не загражден духовным нечувствием, тот да слышит, что при сих размышлениях говорит ему внутренний свидетель и судия правды и греха — совесть; и если она обличает в недостатке подвигов для правды, возвышающей язык, или в недостатке осторожности против грехов, умаляющих племена; то присоединим к молитве покаяние, к покаянию подвиги исправления, да примем или благое воздаяние от правды Божией, или помилование от милосердия Божия. Благословен Бог, который доньше правдою возвышал язык наш! Сила благодати его да умалит в нас умаляющие племена грехи! Аминь.

Суд приговорил к смертной казни тридцать шесть декабристов, из коих пятерых — четвертованием, прочих — отсечением головы; семнадцать человек — к политической смерти (то есть к лишению всех прав, включая права на собственность и права быть в браке), шестнадцать — к пожизненной ссылке на каторжные работы, пятерых — к ссылке на десятилетние каторжные работы, пятнадцать человек — к ссылке на шестилетние каторжные работы, пятнадцать — к ссылке на поселение, троих — к ссылке в Сибирь, одного — к лишению чинов и дворянства и разжалованию в солдаты до выслуги, девятерых — к лишению чинов с разжалованием в солдаты с выслугой.

Трудно было не содрогнуться при известии о таком решении!

Отрубанием тысяч и тысяч голов еще недавно удивили мир французские революционеры. И вот у нас, в России, над тридцатью шестью головами занесен топор. Можно ли поверить?! Не лишним будет заметить, что на четвертовании настаивал не кто иной, как либеральный Сперанский! Знал, что его имя мелькало в списках декабристской директории, хотел доказать, что он тут ни при чем.

Общество еще не ведало о решении суда. 5 июля в Троице — Сергиевой лавре архиепископ Филарет прочитал проповедь об очищении сердца, предпослав слова Христа из Евангелия от Матфея: «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят» (Мф. V. 8).

10 июля государь подписал указ о смягчении приговора. К смертной казни приговаривались только пятеро, и уже не к четвертованию или обезглавливанию, а к повешению. Остальным тоже по-разному было смягчено наказание. Большую роль в таком смягчении сыграли русские архиереи, включая Филарета.

Наступил финал трагедии, разыгравшейся на русской сцене по европейской пьесе. 13 июля пятеро молодых людей, самому старшему из которых было тридцать три, взойшли на эшафот, устроенный на кронверке Петропавловской крепости... Это произошло в день архангела Гавриила. Такая вот «Гаврилиада»... Казнь со всеми кинематографическими деталями — с обрыванием гнилых веревок, проклятиями Рылеева в адрес царя и площадной бранью Каховского...

«Экзекуция кончилась с должной тишиной и порядком», — читал царь в донесении о казни. На другой день, спустя ровно семь месяцев после ужасов Сенатской площади, в Зимнем дворце совершился очистительный молебен, после которого царский двор двинулся из Северной столицы в Первопрестольную на коронацию нового императора.

В то время как Николай ехал венчаться на царство, южные рубежи его империи воспламенились новой войной. Персы, никогда не питавшие особых ласковых чувств по отношению к России, еще в 1812 году проявили коварство, когда узнав о нашествии Наполеона, решили воспользоваться случаем и ударить нам в спину. И в то время, пока наш народ, напрягая все силы, сопротивлялся мощнейшему в мире неприятелю, нам приходилось еще и на юге отбиваться и держать там войска, которые можно было бы перебросить на отражение Бонапарта.

Когда разразилось декабрьское восстание, Персия снова встала в позу льва, выслеживающего ослабшую добычу. Но уж очень долго подкрадывалась и прыжок свой совершила, когда добыча успела встать на ноги и оглядеться по сторонам. Нападая на южные рубежи России, персы

были уверены, что в нашем отечестве продолжается смута междуцарствия. Войска численностью около сорока тысяч под командованием принца Аббас-Мирзы со стороны Карабаха напали на Елисаветполь, захватили его и осадили крепость Шушу. С нашей стороны им противостояла восьмидесятичная армия. Николаю выпала возможность начать свое царствование не только подавлением мятежа декабристов, но и маленькой победоносной войной в Закавказье.

Прибытие в Москву произошло 21 июля. Государь, его супруга Александра Федоровна и вдовствующая императрица Мария Федоровна остановились в Петровском дворце, где вскоре их встретило придворное и московское духовенство. Через четыре дня состоялся торжественный въезд в Москву. Войдя в Кремль, Николай поселился в Чудовом монастыре. До венчания на царство предстояло еще провести в Москве двухнедельный Успенский пост, отпраздновать Преображение Господне и Успение Богородицы. В отличие от своего старшего брата Александра, лишь с возрастом пришедшего ко Христу, Николай с молодости являл собой пример жизни воцерковленного человека, соблюдал посты и молитвы, постоянно исповедовался и причащался, вел аскетический образ жизни. Во время его пребывания в Чудовом монастыре он всегда много общался с Филаретом. На праздник Преображения святитель читал здесь проповедь о том, что «Божество Иисуса просияло сквозь Его человечество», и в том был намек на то, что божественная сила помазанничества призвана просиять и в государях, коих помазание есть ясный христианский символ.

И вот кончился строгий двухнедельный пост, отпраздновали Успение, и через неделю, в воскресенье 22 августа, царь с царицей, матерью и братом Константином входили в Успенский собор Кремля. Священное коронование и миропомазание на царство совершал митрополит Петербургский и Новгородский Серафим (Глаголевский), вторым при нем состоял митрополит Киевский и Галицкий Евгений (Болховитинов). А вот проповедником при короновании по собственному желанию государя назначили московского архиепископа Филарета.

— Благочестивейший государь! — обратился он к Николаю на ступенях Успенского собора. — Наконец ожидание России свершается. Уже ты пред воротами святилища, в котором от веков хранится для тебя твое наследственное освящение... Не спешил ты явить нам твою славу, потому что спешил утвердить нашу безопасность. Ты грядешь наконец яко царь, не только наследованного тобою, но и тобою сохраненного царства.

Говоря дальше о бурях, сопутствовавших восшествию Николая на престол, Филарет дал ответ тем, кто злословил, что царствование его

начинается с виселицы, а именно напомнил эпизод из библейской Книги Царств: при смерти царя Давида и восшествии царя Соломона случилось восстание в войсках, которое возглавили военачальники Иоав и Семей.

— В царствование Давида прозябли сии плевелы; а преемнику его досталось очищать от них землю Израилеву; что ж, если и преемнику Александра пал сей жребий Соломона? Трудное начало царствования тем скорее показывает народу, что даровал ему Бог в Соломоне.

Едва ли можно было сказать точнее, чем это сделал мудрый Московский Златоуст! Сравнить Александра с Давидом, а Николая — с Соломоном, найти столь яркое сравнение в тексте Библии мог, пожалуй, только он, и, слушая сии слова, Николай утверждался в своем намерении в сей же день объявить Филарета митрополитом.

— Вниди, Богоизбранный и Богом унаследованный государь император! Знамениями величества облеку свойства истинного величества. Помазание от святого да запечатлеет все сие освящением внутренним и очевидным, долгоденственным и вечным.

После этого приветствия Николай Павлович вступил в Успенский собор и короновался вместе со своей супругой Александрой Федоровной. Он восседал на алмазном троне царя Алексея Михайловича, а императрица — на золотом троне царя Михаила Федоровича. Священное миропомазание совершалось из крабицы римского императора Августа — сердоликовой чаши, подаренной еще князю Владимиру Мономаху византийским императором Константином. Затем государь поцеловал большой нательный крест Петра I, спасший того от шведской пули на поле Полтавской битвы. После совершения таинства Николай взошел на Красное крыльцо и троекратно поклонился народу, чего не бывало во время предыдущих коронаций.

За коронацией Николая вскоре в тот же день последовало радостное для Филарета объявление о возведении его в сан митрополита Московского и Коломенского. Так, в один день Николай стал императором, а Филарет — митрополитом! Очень хороший знак!

Но и на том его радости не завершились: Николай пожаловал новому митрополиту белый клобук с крестом, усыпанным драгоценными камнями, а также — средства на постройку нового корпуса Вифанской семинарии, тем самым почтив и память незабвенного митрополита Платона, чьим детищем являлась эта семинария.

Вечером вся Москва была великолепно освещена, в особенности Кремль. Все башни и колокольня Ивана Великого горели ярким пламенем; зубцы стен обвиты огненными полосами, а по оградкам сверкали широкие

узорчатые каймы. И в следующие дни иллюминацию несколько раз повторяли. Вечером 27 августа состоялся бал в Грановитой палате, 1 сентября в Большом театре прошел придворный маскарад, 3 сентября в честь государя дало бал московское купечество.

Филарета в эти дни всенародных торжеств ожидала еще одна радость. В августе, сразу после коронации состоялось в Москве заседание Святейшего синода, на котором он осмелился вновь поставить вопрос о переводе Библии. Митрополит Серафим ответил решительным отказом, его поддержал и митрополит Евгений. Но прошло две недели, и они, с согласия государя, решили поддержать нового московского митрополита в другом — Филарет получил указ Синода: «Поручить Вашему Преосвященству, дабы Вы, пересмотрев составленные Вами прежде сего Пространный и Краткий христианские катехизисы Греко-Российской Церкви, составили из них две книги». Это был прорыв блокады! Его катехизисы более не запрещены! Можно было временно забыть о запрете на перевод Библии.

Царь продолжал рассыпать милости. Следом за Филаретом он обласкал его давнего знакомого — поэта Пушкина. Того, у которого некогда Филарет принимал экзамены. Теперь это был известный на всю Россию автор стихов, поэм «Руслан и Людмила», «Кавказский пленник», «Бахчисарайский фонтан», уже вышла первая глава романа в стихах «Евгений Онегин», а всего написаны шесть глав. Александр Сергеевич был срочно вызван из села Михайловского, где отбывал ссылку. Три дня и три ночи он без отдыха трясся в коляске и 8 сентября добрался до Москвы. Усталого, немывтого и небритого, его доставили в Чудов монастырь в кабинет к государю. В кармане — стихотворение «Пророк». Два часа они беседовали, после чего, неожиданно для очень многих, расстались друзьями. С поэта была снята опала. Царь пообещал быть его личным цензором.

— Ну, теперь ты не прежний Пушкин, а мой Пушкин, — сказал Николай на прощание дружеским тоном.

А вскоре на балу у французского посла похвастался Блудову:

— Знаешь, я нынче долго разговаривал с умнейшим человеком в России. Угадай, с кем? С Пушкиным.

*Во мне почтил он вдохновенье,
Освободил он мысль мою,
И я ль, в сердечном умиленьи,
Ему хвалы не воспою?*

Так через пару лет вспомнит эту встречу Александр Сергеевич.

12 сентября уже в сане митрополита Филарет освящал храм Живоначальной Троицы у Покровских ворот и свою проповедь посвятил весьма важному спору с теми, кто говорил: «Мой храм в моей душе, а посему я не хожу в церковь». Филарет утверждал, что невозможно войти в храм небесный, где воистину обитает Господь, не посещая храмы земные, в которых совершаются таинства.

— Благо тому из нас, кто в сердце своем обрел благочестивое желание создать или воссоздать и обновить храм Богу христианскому... Благо и тому, кто любит созданный храм и охотно посещает его: ибо он любит дело благодати, посещает обитель благодати...

15 сентября на Девичьем поле прошел посвященный коронационным торжествам народный праздник. Чего там только не было! Неподалеку от павильона императорской фамилии размещались «четыре галереи с колоннами для особ первых трех классов и дипломатического корпуса; три галереи для военных штаб и обер-офицеров, четыре частные галереи для пяти тысяч человек, манеж, два больших фонтана с вином, две катальные горы, балаган для акробатов, балаган для гимнастических игр, несколько павильонов для хоров музыкантов, карусель, разные качели, эстрада для пускания трех воздушных шаров и, наконец, 240 столов, длиною в десять сажень каждый, покрытых скатертями и красиво убранных, унизанных яблоками, березками и разноцветными корзинками с калачами. На каждый стол поставлены были окорока, жареные птицы, студни, кондитерское пирожное в виде горшков с розами, целые жареные бараны с золочеными рогами, уложенные на блюдах, покрытых красною камкой; ведра с пивом и водкой; дубчики со сливами, грушами и яблоками. Император сам открыл народный праздник, прибыв на Девичье поле в первом часу. Здесь он пробыл около полутора часа. Как только государь с обеими императрицами вышел в павильон, взвился белый флаг и праздник начался. По рассказам очевидцев, народ, подобно морским волнам, гонимым ветром, хлынул к столам, на которых в одно мгновение не осталось ничего из поставленных на них яств. От столов народные толпы бросились к фонтанам, бившим белою и красною влагою. Фонтаны скоро скрылись под облепившим их народом и один за другим разрушились. Упавши в развалины, вытесняя один другого, иные черпали вино шляпами. Весельчаки гуляли по полю, таща с собою кто курицу, кто ногу барана, а кто ножку стола. По отъезде императора, подгулявший народ набросился на ложи зрителей и начал обдирать красный холст. Число участвовавшего народа простиралось до двухсот тысяч человек. Вообще, народный праздник на Девичьем поле, при

прекрасной обстановке самого места и особенно при прекрасной погоде, удался вполне и представлял собою единственное в своем роде зрелище» — так описал это событие очевидец.

Роскошными балами отметились английский и французский послы — герцог Девонширский и герцог Рагузский. Под занавес торжеств прошел самый пышный бал, устроенный графиней Анной Орловой-Чесменской, а закончилось все грандиозным фейерверком 23 сентября. Сто сорок тысяч ракет огненными буквами изображали в черном небе вензеля царя и царицы.

Из Москвы Николай поехал в Троице-Сергиеву лавру, где его встречал митрополит Филарет:

— Боговенчанный государь и помазанник Божий!.. Здесь, где Димитрий Донской искал совета к победе, Петр Великий — безопасности, многие твои предки и предшественники — подкрепления и ободрения духа для великих подвигов великого звания, — здесь являешься и ты, чтобы положить царственные советы души твоей пред алтарем Триипостасного Бога, при гробе избранного раба Божия.

Вскоре пришли радостные известия из-за гор Кавказа. Маленькая и победоносная война свершилась. Войска князя Мадатова и генерала Ермолова нанесли поражение в пять раз превосходящим им по численности войскам персов, сняли осаду Шуши, освободили Елисаветполь и все Закавказье. 28 сентября государь в Чудовом монастыре радостно сообщил митрополиту Филарету о победе. Совершив молебен, Филарет произнес краткое торжественное слово:

— Благочестивейший государь император! Богу, надеющихся на Него всегда победителями творящему, благоугодно было торжественное время священного коронования твоего непосредственно заключить и запечатлеть торжеством победы. Новое для нас радостное знамение, что Бог, благодатно преклоняясь к молитвам твоим и Церкви, действительно благословил тебя как мирною властью над народом твоим, так и победоносною силою на врагов. Сим паче и паче утверждаются надежды наши и восприемлют новое дерзновение молитвы наши, да благопоспешит тебе Бог всегда и во всем!

Словом, торжественная симфония коронации Николая Павловича удалась на славу. Но кто мог знать, что его царствование, начавшееся подавлением мятежа и маленькой победоносной войной в Закавказье, окончится катастрофой поражения в Крымской войне?

Итак, николаевская эпоха началась. В России стал править четвертый государь, при котором довелось жить Василию Дроздову — святителю Филарету Московскому.

Глава четырнадцатая

ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННЕЙШИЙ

ВЛАДЫКА

1826–1830

Какое блаженство услышать тишину после того, как отгремят шумные многодневные праздники! Аж в ушах звенит, до того стало тихо. Боже, как хорошо! Река жизни, все эти дни кипевшая и выплескивавшаяся из своих берегов, вновь вошла в привычное русло, обрела спокойное течение.

Отныне он митрополит.

Много ли от того менялось? Положение в обществе — да. Теперь он на равных с петербургским Серафимом и киевским Евгением. Как архиепископа его величали преосвященнейшим владыкой, как митрополита отныне стали величать высокопреосвященнейшим. И так было длинно, а теперь еще на шесть букв длиннее.

Но в расписании жизни почти ничего не меняется.

А в Москве — золотая осень. На Самотеке утопает в роскоши осенней листвы Троицкое подворье. От шелеста сухих листьев тишина становится еще более упоительной...

Сколько дел приходилось откладывать в течение июля, августа и сентября! Теперь можно было вернуться к ним и наверстать упущенное.

Встав затемно, в пять утра, владыка Филарет неспешно читал утреннее молитвенное правило. Затем, если не надобно было проводить богослужение в каком-нибудь из московских храмов, отправлялся в домовую церковь и там совершал раннюю литургию. Легкий завтрак — и за дела. Секретарь Александр Петрович докладывал о поступивших документах, а Филарет диктовал ему, что нужно ответить, или откладывал бумаги для обдумывания и последующего решения.

Святославский старательно зачитывал пришедшие из консистории постановления: в такой-то семинарии устроить борьбу с распространением пагубной привычки к курению табака; такую-то блудную жену развести с несчастным мужем, мужу разрешить вступить в другой брак, а жене семь лет исповедоваться по четыре раза в год и не причащаться; такого-то священника за драку внутри храма с пономарем оштрафовать, а пономаря отослать в монастырь; такого-то попа за буйство

нрава и чтение молитв о здравии декабристов подвергнуть лишению сана...

Надобно было дать делу архиерейское одобрение или отложить до полного разбирательства, если приводилось недостаточно «улик». И тому подобное. И так до обеда. Пообедав, читал книги и газеты, узнавал, что творится в дольном мире. Чаще всего сам, но зрение стало ухудшаться, и иногда ему уже читал вслух Александр Петрович. Затем до самого ужина — прием посетителей. Вечером после ужина владыка вновь садился за бумаги, нужно было отвечать на письма, обдумывать и записывать новые проповеди. Наступала полночь, а в окошке его кабинета все еще горела свеча. Лишь в час ночи Филарет совершал вечерние молитвы и ложился спать, чтобы через четыре часа проснуться и становиться на утреннее правило:

— Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Боже, милостив буди мне грешному. Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, молитв ради Пречистыя Твоея Матери и всех святых помилуй нас, аминь. Слава Тебе, Боже наш, слава Тебе... — и так далее.

В ноябре митрополит Филарет читал в Архангельском соборе Кремля проповедь о мире видимом и мире невидимом. 20 ноября в Успенском соборе произносил «Слово в день восшествия на всероссийский престол благочестивейшего государя императора Николая Павловича, по первом лете царствования его», напоминал сильным мира сего, что всё их величие от Бога и легко может разрушиться, если не соблюдать заповедей. В декабре, на Николу зимнего, в Мариинской церкви Императорского вдовьего дома произнес «Слово в день тезоименитства благочестивейшего государя императора Николая Павловича», но в этом слове — ни слова о государе, оно обращено к людям, взявшим на себя заботу о больных. Проповедник говорил о Господнем воздаянии за благие дела, о том, что воздаяние сие неизмеримо больше самих подвигов. Рождественскую проповедь Филарет читал в Чудовом монастыре:

— О, как умалил Себя Сын Божий в Своем воплощении!.. Надлежало избрать народ, в котором бы Ему родиться, и Он избрал для сего из всех народов земли малейший, не имеющий собственного правительства, многократно поработанный и близкий к новому порабощению, некогда благословенный, но уже едва не отверженный... Из сего видно, что учит нас апостол по примеру Иисуса Христа не ставить высоко самих себя и не превозноситься какими-либо преимуществами, но смиряться и в самих себе, и пред другими.

Свой сорок четвертый день рождения он встречал 26 декабря впервые в сане митрополита.

Октябрь, ноябрь, декабрь... До чего же не хотелось расставаться с тихой московской жизнью! А надо ехать в Петербург, на зимнюю сессию Синода. Попробовать опять прощупать почву по поводу перевода Библии.

Приезжая в Северную столицу, Филарет жил там тоже на Троицком подворье. Оно располагалось на набережной Фонтанки. Сие место определил еще Петр I в 1714 году. В 50-х годах XVIII века был построен большой каменный дом с двумя флигелями. В 1822 году он был капитально отремонтирован. При доме находилась церковь преподобного Сергия Радонежского. Поселившись на Фонтанке, Филарет жил здесь по московскому расписанию, нарушая его лишь выездами на заседания Синода. В январе 1827 года он вновь пытался заговорить с митрополитом Серафимом о возобновлении работ по переводу Библии на современный русский язык. Петербургский владыка гневался:

— Если вы будете настаивать на продолжении перевода Священного Писания, я выйду в отставку!

Филарет пожимал плечами:

— Перевод был бы полезен для Церкви. Наши духовные еще не столько образованны, чтобы могли в нужных случаях обращаться к самим подлинникам. Впрочем, я не дошел до такого безумия, чтобы считать служение вашего преосвященства излишним для Церкви.

Но вот окончена сессия, и можно, наконец, вернуться в милую Москву! Атам уже всю Масленица, гулянья, веселье... Тяжко только смотреть, когда объедаются да упиваются до скотского состояния.

— Что же суть наши столы, на которых трудно перечислить различные роды пищи, трудно угадать их состав, трудно упомянуть названия различных родов питания? Не хитросплетенные ли сети, которые мы расставляем друг другу, чтобы уловить в объядение, хотя иногда тонкое, и в пьянство, хотя по-видимому трезвое? И не заметишь, как перейдешь от ядения к объядению, как простое употребление питания превратится в пьянство... Сколько различных искусств, веществ, орудий употребляет разумный человек для того, чтобы наполнить малое и несмысленное чрево! Как унижается разум, когда истощается в изобретениях. Чтобы дань, ежедневно требуемая чревом, как неумолимым владыкою, была ему приносима как можно в большем изяществе и была им приемлема как можно в большем количестве! И как ругается над сим раболепствующим разумом чрево, концом всех его забот об изяществе полагая нечистоту и смрад!

Это в Чудовом монастыре гремит великолепная, чрезвычайно остроумная и суровая проповедь Филарета, заставляет устыдиться и

опустить глаза долу.

— Восклонись, несчастный поклонник чрева, и если ты не можешь вдруг выше себя вознести твоих очей, стань прямо перед зеркалом и посмотри, не написан ли на самом тебе закон против раболепства чреву? Не видишь ли, что выше чрева твоего есть грудь, в которой живет сердце, желающее добра, чувствующее любовь; что над нею еще возвышается глава, в которой царствует ум, созерцающий истину, разум, мыслящий о вероятностях; что под тою и другою, как бы под небом и землею ад, низвержено темное чрево, не умеющее ни мыслить, ни желать? Много ли нужно проницания, чтобы заметить, что оно не владычествовать должно над высшими областями, но быть в служении, в презрении? Если, напротив, ты стараешься более и более угождать чреву в том, чего оно слепо требует, для него желаешь, для него вымышляешь, то берегись, чтобы оно у тебя не сделалось выше головы и своею безобразною тяжестью не стало стеснять и подавлять благороднейших действий ума и сердца.

Сию проповедь он читал в день святителя Алексея, который в том году выпал на предпоследний день Масленицы. Завтра — заговение на Великий пост. Увы, как сейчас, так и тогда люди не понимали, что Масленица не для того, чтобы перед постом полнее набить себе брюхо, а чтобы уже начать подготовку к долгому воздержанию. Ведь уже запрещено все мясное, Церковь своими установлениями постепенно смиряет плоть человека. Печально видеть в храмах на Масленицу мало народу, зато много — на площадях, где кипит веселье, в ресторанах, в кабаках, где гудит пьяный пчелиный рой.

Наступает Великий пост, и смиряется плоть, хотя и с опозданием. Христиане начинают многодневный поход к главному празднику года — Пасхе Христовой. А после Пасхи, выдержав постное испытание, многие опять бросаются в неумеренное веселье, объедение, пьянство, разгул.

— Чистая радость есть благородная и целомудренная дева, которая имеет неразлучную спутницу чистую совесть, которая может быть в обществе только с теми, которых и поступки непорочны, и слова скромны, и намерения чисты и возвышенны, — учил митрополит Филарет в пасхальной проповеди 1827 года в Успенском соборе Кремля. — Если грубое и безумное веселье мира заступает ее место, тем хуже. Мщение небесное за оскорбление небесной радости посылает проклятие на все источники радости земной.

В 1827 году исполнялось пятнадцать лет Отечественной войне и изгнанию Наполеона. Новый император мечтал со своей стороны почтить

память той победы. Обветшавшие Триумфальные ворота, деревянные, поставленные на площади Тверской заставы в 1814 году, он приказал разобрать и на их месте спроектировать новые, каменные. А еще во время коронационных торжеств царь ознакомился с тем, как движется строительство храма Христа Спасителя на Воробьевых горах, и остался весьма и весьма недоволен. За почти десять лет там ничего не сдвинулось с места. Храм был заложен в 1817 году, но архитектор Витберг продолжал разрабатывать экономический проект строительства, в соответствии с которым на занятые в опекунском совете десять миллионов рублей предполагалось купить восемнадцать тысяч помещичьих крестьян с землей в Московской и близлежащих губерниях. Заработанные этими крестьянами деньги должны были поступать в казну, а та отпускала бы их на строительство храма. Кроме того, часть этих же крестьян предполагалось использовать на работах по возведению храма. А для доставки камня, найденного Витбергом в Верейском и Рузском районах Подмосковья, требовалось наладить судоходство. Однако Витберг оказался не лучшим руководителем, и многое из задуманного у него не получилось. Крестьян купили, камень стали заготавливать, но доставить его до места строительства так и не смогли. 300 тысяч рублей вообще оказались неизвестно где. История стара как мир, и там, где большие деньги, там и большие хищения. А в 1825 году Витберг лишился своего главного покровителя и крестного — императора Александра.

Узнав о неудачах первых лет строительства, новый государь приказал работы приостановить и 16 апреля 1827 года учредил так называемый «Искусственный комитет» под руководством инженер-генерала Карла Ивановича Оппермана, в который вошли видные архитекторы и инженеры — Александр Алексеевич и Андрей Алексеевич Михайловы, Август Августович Монферран, Василий Петрович Стасов, Карл Иванович Росси и другие. Все они признали работу неудовлетворительной, царь велел полностью свернуть строительство на Воробьевых горах, и без того находившееся в зачаточном состоянии, а против Витберга началось следствие.

С этого времени митрополит Филарет стал уделять все больше и больше внимания проектам будущего храма.

Год 1828-й начался для Московского Златоуста радостью — ему объявлена высочайшая благодарность за составление Краткой Священной истории, а также краткого и пространного катехизисов с прибавлением наставления для воинов.

Сей год начался и для всей России радостью — известием об

окончательном разгроме Персии и заключении с побежденной страной Туркманчайского мирного договора. После побед славного генерала Алексея Петровича Ермолова его сменил на посту командующего генерал Иван Федорович Паскевич, и при нем русские войска действовали столь же успешно, Паскевичу удалось взять Эривань (Ереван), далее передовой отряд генерала Эристова перешел через Араке и вступил на территорию Восточного Азербайджана (эти земли, так же как и Западный Азербайджан, и сейчас принадлежат Ирану). В середине октября Эристов взял Тебриз, столицу Восточного Азербайджана. В 1827 году наши войска заняли весь Западный Азербайджан, взяли Ардебиль и двинулись на Гилян. Дорога на Тегеран была открыта, и в случае продолжения войны русские войска могли захватить город, как еще недавно они овладели столицей Франции. В этих условиях правительство Персии пошло на подписание мирного договора.

В выработке договора принимал участие Александр Сергеевич Грибоедов, знаменитый драматург и прекрасный дипломат, с недавних пор привлеченный к службе в Закавказье. В деревне Туркманчай 10 февраля 1828 года встретились Иван Федорович Паскевич и Аббас-Мирза. Условия договора были самыми позорными для Персии и самыми славными для России. Персы полностью и навсегда отказывались от своих притязаний на все земли, лежащие к северу от Аракса, а держать свой военный флот на Каспийском море отныне могла только Россия. Персия не имела права объявлять наследников престола без согласия с Россией, и новым наследником престола наше правительство признало Аббаса-Мирзу. Русские купцы получали возможность свободной торговли на всей персидской территории. Кроме того, Персия обязана была выплатить денежную контрибуцию, равную всем затратам России на войну 1826–1828 годов. Вот на каком языке говорила тогда русская дипломатия с враждебными соседями!

Медалью за персидскую войну были награждены не только непосредственные участники боев, но и... святитель Алексей Московский, чьи мощи почивали в Чудовом монастыре с 1372 года. 28 мая митрополит Филарет возложил на раку Алексея нарядный покров и медаль. Что стало причиной столь необычного награждения? Святитель Алексей, коему всю жизнь благоговейно поклонялся Филарет, вдохновил Дмитрия Донского на борьбу с Ордой, он был постоянным защитником Руси от ордынцев и первым вывел из Кремля ханскую конюшню, построив на ее месте Чудов монастырь, где и нашел упокоение после смерти. В речи Филарета, произнесенной им в день возложения покрова и медали на раку, тоже

можно найти объяснение:

— Прежде всех к тебе ныне слово, святителю Алексие, и слово не мое, но цареву... Прими сие серебро памяти и чести, сей не только потом, но и кровью выработанный динарий за день брани персидской, ибо раздаятель оного верует, что и ты не праздным был зрителем брани сей, но хотя невидимо, тем не менее действительно подвизался пред Богом за верных сынов России против вероломных... подобно как некогда, еще живя на земли, очевидно подвизался ты за охранение Церкви и Отечества от иноплеменных, то чудодейственной молитвою, то покоряющим словом убеждения.

Далее он стал говорить о той пользе, которую приносят молитвы к Богу и праведникам, стоящим у престола Всевышнего:

— Где не призывают Бога в скорбях, где не прославляют Его за благодеяния, там пресекается общение человека с Богом, источником всякого блага и всякой премудрости; следственно, в удел человеку остается только зло и безумие.

Говорилось это не просто так, а потому, что время от времени в обществе всплывает идея о том, что «Бог знает наши нужды, а потому и не для чего молиться».

Проповеди Филарета никогда не бывали случайными, он откликался в них на все бродившие в обществе идеи, на все завихрения умов. Разгорелись споры о том, что существование человечества само по себе греховно, а потому не нужно и детей рождать, чтобы не размножать грех, и в день рождения государя в Успенском соборе Кремля митрополит Филарет читал проповедь, но не о Николае, а о благословенном рождении детей вообще. С одной оговоркой: «...желающие иметь достойных детей благоразумно поступят, если предварительно самих себя сделают достойными родителями».

Не умолкают речи о свободе человека, о необходимости бороться со всяким рабством. Немало таких, которые морщатся при слова «раб Божий»: «Я ничей не раб!»

И Филарет в Троице-Сергиевой лавре говорит о благом иге Христовом. Тот, кто не хочет именоваться рабом Божьим, легко становится рабом страстей, честолюбия, гордыни, людских мимолетных мнений, моды, завиральных идей.

— Слышим еще и ныне жалобу, на которую так давно уже отвечивал Божественный Учитель и Спаситель душ, — жалобу на тягость ига Его, на строгость Его учения, на трудности исполнять Его заповеди. На чем же основывается сия жалоба? В чем состоит сия

трудность? — без сомнения, в том наиболее, что учение Христово повелевает человеку идти против некоторых естественных склонностей, преодолевать их, умерщвлять, приносить в жертву... Истина не запирается, что она дает людям заповеди, не так легкие, как игрушки, но так тяжелые, как иго, коим обременяют работный скот... Люди, сколько-нибудь благоразумные и не совсем низкие в чувствованиях, конечно, не решатся объявить требование на то, чтобы всегда быть и оставаться только детьми, вечно заниматься только игрушками... Иго Христово благо, и бремя легко, потому что чем охотнее человек несет оное, тем более сам становится благим... тем легче для него становится исполнять благие заповеди, так что, наконец, он творит волю Господню с большею легкостью и удовольствием, нежели собственную, и таким образом иго на раменах его совсем исчезает или превращается в крылья, которые непрестанно несут его на небо.

Не умолкают речи о славе человека, о том, что нужно всеми мыслимыми и немыслимыми путями добиваться этой славы. Бесславный конец — что может быть хуже. Не прославиться — все равно что и не жить на свете.

И Филарет там же, при гробе преподобного Сергия в день рождения императрицы Александры Федоровны, читает проповедь, основанную на словах Спасителя из Евангелия от Матфея: «Туне приясте, туне дадите» (Мф. X, 8), что означает в переводе на современный язык: «Даром получили, даром давайте». Слава — та же корысть.

— Бескорыстен наставник, который в преподавании, наставлении и руководствовании послушника ищет только блага его, а не благодарности, спасения, уважения... Старайтесь не быть своекорыстны в делах ваших, чтобы всеблагий Бог умножил вам свою бескорыстную благодать. Не всё для своей выгоды или чести, не всё для награды; делайте что-нибудь доброе для самого добра, для любви к ближнему, для исполнения воли Божией... Не увлекайтесь потоком суеты, не сообразуйтесь веку сему.

Вновь митрополит Филарет подвергся нападкам со стороны адмирала Шишкова и его сторонников. От обиды он даже подал прошение на высочайшее имя об увольнении отдел, но, как и следовало ожидать, не получил согласия. Впрочем, поводом для прошения он выбрал случай с незаконной женитьбой императорского флигель-адъютанта Мансурова, который обвенчался со своей двоюродной сестрой, что не разрешено Церковью, но было разрешено самим императором Николаем. Филарет требовал, чтобы брак расторгли, а священника, совершившего таинство, строго наказали. Не добившись своего, он написал царю, что, имея

«внутренние недостатки и телесную немощь», не способен более возглавлять московскую кафедру и хочет удалиться на покой. Все прекрасно знали, что никаких внутренних недостатков и телесной немощи у московского митрополита не было.

— Ну что мне делать с этим упрямым? — досадовал государь. Филарету он отставку не дал, но и требований святителя по поводу Мансурова не исполнил, отправил того от греха подальше и с глаз долой за границу. А там молодая жена Мансурова внезапно скончалась. На том всё и завершилось само собой.

В 1828 году была Кириопасха — тот редкий случай, когда переходящий праздник Пасхи совпал с постоянным праздником Благовещения 25 марта. В такие годы православные ожидают особых милостей от Господа. 1828 год, начавшийся славным Туркманчайским договором, продолжился новой Русско-турецкой войной, которая развивалась весьма успешно. На Кавказе и в самой Турции русские войска под командованием Паскевича взяли Анапу, Карс, Ахалцих, Баязет. На Балканах Воронцов взял крепость Варну. Все говорило о том, что в следующем году успехи продолжатся. Так оно и случилось. В 1829 году Паскевич в направлении на Эрзерум наносил туркам одно поражение за другим, а другой генерал Иван Иванович Дибич громил их на Балканах под Бургасом, Айтосом и Сливеном, взял Адрианополь.

Персы, затаив злобу за поражение от Ермолова и Паскевича, 30 января 1829 года разгромили русское посольство в Тегеране, зверски убили тридцатичетырехлетнего посла России в Персии, поэта Александра Сергеевича Грибоедова, которого ненавидели за участие в написании Туркманчайского договора. Но видя, как под ударами русских штыков и прикладов трещит по швам Оттоманская порта, они устрашились собственной дерзости и прислали принца Хосрова-Мирзу с повинной и богатейшими дарами. 10 августа государь Николай Павлович, сидя с грозным видом, принимал его в Зимнем дворце. Среди подарков выделялся один из самых крупных алмазов мира «Шах», некогда в качестве оберега висевший над тронном Великих Моголов.

Спустя неделю после этого события в Москве митрополит Филарет освящал закладку Триумфальных ворот на площади Тверской заставы, нынешней площади Белорусского вокзала. Сим было отмечено пятнадцатилетие окончания европейского похода. В своей речи владыка говорил о значении памятников:

— Памятник есть безмолвный проповедник, который в некотором отношении может быть превосходнее говорящего, потому что не

прекращает порученной ему проповеди, и таким образом она доходит до целого народа и до многих последовательных родов. Памятник есть книга, которой не нужно искать в книгохранилище, потому что она лежит на пути; и таким образом читается и теми, которые не думали раскрывать ее... Таким образом уже мы находим, что есть памятники, в гражданском отношении священные... Да входит сими торжественными вратами многодетно в первопрестольный град свой благочестивейший государь наш со славою побед и с радостью мира. Да не внидет никогда сими вратами враг, да не убеagnet ими злоумышленник.

Слово Филарета сбылось: иноземный завоеватель никогда более не входил в Москву. Ни через эти врата, ни через другие.

А вскоре после закладки Триумфальных ворот пришла радостная весть: Россия одержала победу уже не в маленькой войне — в Адрианополе Турция признала свое поражение, согласилась платить огромную контрибуцию, уступила значительную часть побережья Черного моря, открыла нам Босфор и Дарданеллы, Греция получила независимость, а Дунайские и Балканские княжества — автономию, образовалось Сербское княжество. Герои этой войны Паскевич и Дибич получили звания генерал-фельдмаршалов и удостоились высших воинских орденов — Святого Георгия 1-й степени.

В своем «Слове на заключение мира с оттоманскою Портою» митрополит Филарет, осмысляя значение этой победы, говорил:

— Итак, слава в вышних Богу! Мир на земле Российской и чрез миротворство России мир на землях многих!.. Если бы могущественный самодержец жаждал только бранных побед, то, став одною ногою в Адрианополе, а другою в Эрзеруме, он не утерпел бы, чтобы не сделать еще шага, дабы до земли унизить высокую Порту. Но великодушный монарх, как решился в начале брани, так и среди успехов оружия остался при первоначальной решимости действовать не столько правом военной силы, сколько мирною силою правды... Правда договоров восстановлена и ограждена; неправды против россиян и против России заграждены вознаграждениями; христианским народам под нехристианским правительством оказано верное покровительство... Дела правды предписываются законом для того именно, что оные суть средство к миру. Мира благословенного, благополучия прочного, спокойствия истинного не иначе достигнуть можно, как путем правды... Ах, бедный искатель скороспелого и дешевого благополучия! Неужели ты подлинно можешь завидовать хитрости, лести, неправедным оборотам, злоприобретенному имению, низким удовольствиям, кратко сказать, неправде и пороку?..

Неужели приятно было бы тебе надеть красивую одежду как вывеску твоих обманов, построить великолепный дом как памятник твоему грабительству, сесть за роскошный стол и есть плоть и пить слезы и кровь разоренных твоими неправдами? Неужели ты назвал бы это благополучием? Неужели полагал бы тут найти мир хотя бы на краткое время, не говорю, надолго?.. Христианин! Никто, как ты, для достижения правдою — мира, добродетелью — блаженства, не имеет столь совершенного Подвигоположника, столь верного Вождя, столь могущественного Помощника. Он един паче всех показывает тебе, что если б дела правды повели даже путем смерти, то проведут до воскресения в жизнь и до вознесения в славу.

Славно начиналась николаевская эпоха! Славно продолжалась эпоха филаретовская!

Глава пятнадцатая

«ТВОИМ ОГНЕМ ДУША СОГРЕТА»

1830–1831

В жизни митрополита Филарета много значили трое князей Голицыных. Первый — Александр Николаевич. Он связан с петербургским периодом жизни святителя. Двое других — с московским. Светлейший князь Дмитрий Владимирович Голицын четверть века являлся военным генерал-губернатором Москвы, первым лицом в Первопрестольной. С ним Филарету приходилось много общаться по московским делам. Отношения у них были самые хорошие, хотя иной раз архиерею приходилось идти наперекор делам градоначальника. Например, в октябре 1829 года, находясь в Петербурге, Филарет узнал о затее Дмитрия Владимировича установить к Рождеству в большой галерее восковые фигуры, изображающие сцены из Ветхого и Нового Завета, и тотчас направил ему возмущенное письмо: «Если выставление священных и Божественных предметов на позорище для суетного любопытства противно чувству благочестия, то выставление оных, так сказать, на одной доске с предметами низкими, презрительными и отвратительными противно всякому чувству приличия». И градоначальнику приходилось мириться с мнением владыки.

Но самым душевным другом в Москве у Филарета оставался князь Сергей Михайлович Голицын, добрейший человек, добропорядочный христианин, умница. Он был на восемь лет старше владыки, восторгался его проповедями и с первых дней Филарета в Москве стал его опекать. Сергей Михайлович был весьма богат, дослужился до чина действительного тайного советника первого класса, удостоился всех высших орденов Российской империи... но в личной жизни несчастлив. В год рождения Пушкина Голицын женился на Евдокии Измайловой, считавшейся красивейшей женщиной России. Она и впрямь была очень хороша собой, блистала умом, образованностью, но притом бравировала излишней свободой поведения. Восемнадцатилетний пламенный Пушкин влюбился в тридцатисемилетнюю Евдокию Ивановну и посвятил ей одно из остроумнейших своих стихотворений:

*Краев чужих неопытный любитель
И своего всегдашний обвинитель,*

*Я говорил: в отечестве моем
Где верный ум, где гений мы найдем?
Где гражданин с душою благородной,
Возвышенной и пламенно свободной?
Где женщина — не с хладной красотой,
Но с пламенной, пленительной, живой?
Где разговор найду непринужденный,
Блистательный, веселый, просвещенный?
С кем можно быть не хладным, не пустым?
Отечество почти я ненавидел —
Но я вчера Голицыну увидел
И примирен с отечеством моим.*

Причем Пушкин и в черновом, и в чистовом вариантах этого стихотворения написал «Голицыну», обыгрывая слово «галл» и тем самым намекая на то, что *La Princesse Nocturne* владела французским лучше кого бы то ни было.

Гадалка Ленорман предсказала ей смерть ночью, и Евдокия Ивановна полностью перешла на ночной образ жизни. От заката до рассвета в ее доме устраивались шумные вечеринки, за которые красотку прозвали Принцессой Ночи — *La Princesse Nocturne*. Впрочем, это было уже в Петербурге и после развода с Сергеем Михайловичем, который состоялся в 1809 году, да и не мог не состояться, если учесть, что супруги прожили всего несколько дней после свадьбы, молодая жена сбежала за границу и больше муж ее не видел. Известный всему Петербургу салон Принцессы Ночи располагался на Миллионной улице.

А брошенный супруг проживал в Москве на Волхонке в роскошнейшем особняке. Сейчас в нем размещаются Высший институт управления и Институт философии Российской академии наук — Волхонка, 14, в непосредственной близости с Музеем изобразительных искусств.

Сергей Михайлович Голицын занимал в Москве множество должностей — и почетный опекун Воспитательного дома, и Московского опекунского совета, и член совета при Московском училище Святой Екатерины, и управляющий Александровским училищем, и главный директор Голицынской больницы, и президент Московского попечительского комитета, и вице-президент Московского попечительского комитета о тюрьмах. В 1830 году он стал председателем Московского

опекунского совета и попечителем Московского учебного округа.

Зимой в доме на Волхонке давали праздничный рождественский вечер. Среди гостей выделялась дочь покойного фельдмаршала Кутузова Елизавета Михайловна, в замужестве Хитрово, генеральша, держательница модного петербургского салона. Петр Андреевич Вяземский писал о ней: «В летописях Петербургского общежития имя ее осталось так же незаменимо, как было оно привлекательно в течение многих лет». А выделялась она, как всегда, своими смелыми декольте, за которые еще смолоду получила прозвище Лиза Голенькая. Теперь они совсем не шли к ее возрасту — Елизавете Михайловне было уже под пятьдесят. Особенно неприятно было на это взирать лицам духовного звания. Филарет едва мог скрыть отвращение.

Кроме своих декольте Лиза Голенькая славилась тем, что как девчонка влюбилась в Пушкина и пыталась его соблазнить, а он жег ее страстные письма, не читая. Ей все же удалось добиться если не любви, то дружбы и расположения поэта. Теперь Александр Сергеевич жил в Петербурге. Вести о нем приходили и хорошие, и не самые приятные. Вышли в свет упоительные новые главы «Евгения Онегина». В прошлом году Пушкин геройски участвовал в походе русской армии на Эрзерум. Написал поэму «Полтава». Издал свое собрание стихотворений. Но вместе с тем разразился безобразный скандал с его скабрешной поэмой «Гавриилиада», чудовищно кощунственной. Написанная еще в 1821 году, она распространялась в списках без имени автора. Теперь авторство было установлено, и Пушкин сам признался о том государю в письме от 2 октября 1828 года: «Будучи вопрошаемым правительством, я не почитал себя обязанным признаться в шалости, столь же постыдной, как и преступной — но теперь вопрошаемый прямо от лица моего государя, объявляю, что «Гавриилиада» сочинена мною...» Оставалось лишь уповать на то, что теперь поэт не лукавя считал шалость «постыдной и преступной», что он искренне раскаивался в написании гнуснейших стихов, не достойных его пера.

И вот генеральша Хитрово привезла в дом на Волхонке свежий номер «Северных цветов» с новыми стихами Пушкина. Раскрыв альманах, она с восторгом стала читать гостям Сергея Михайловича:

*Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана?
Иль зачем судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?*

*Кто меня враждебной властью
Из ничтожества воззвал,
Душу мне наполнил страстью,
Ум сомнением взволновал?..*

*Цели нет передо мною:
Сердце пусто, празден ум,
И томит меня тоскою
Однозвучный жизни шум.*

Эти стихи были написаны Александром Сергеевичем в день его рождения в 1828 году, но лишь теперь вышли в свет. Слушая горестные строки, Филарет ужаснулся бездонной глубине отчаяния и безверия, распахнувшейся перед ним. Выпросив экземпляр альманаха, он приехал вечером на Троицкое подворье и тотчас сел за перо. Привыкший проповедями исправлять людей, святитель принялся исправлять поэзию Пушкина:

*Не напрасно, не случайно
Жизнь от Бога мне дана;
Не без воли Бога тайной
И на казнь осуждена.*

*Сам я своенравной властью
Зло из темных бездн воззвал;
Сам наполнил душу страстью,
Ум сомнением взволновал.*

*Вспомнись мне, забытый мною!
Просияй сквозь сумрак дум,
И соиздается Тобою
Сердце чисто, светел ум.*

Вскоре стихотворный ответ московского митрополита полетел на берега Невы. Филарет мог лично привезти его в Петербург, отправившись на зимнюю сессию Святейшего синода. Но он поручил это сделать все той

же Хитрово.

Стихотворение «Не напрасно, не случайно...» получил совсем новый Пушкин, не тот, который писал «Дар напрасный». Тогда, в конце 1820-х годов, возвращенный из ссылки Николаем I, он оказался в петербургском свете, окунулся в его суету и ужаснулся не только самой этой суете, но и своей собственной сопричастности ей. Прошло время, Александр Сергеевич впервые по-настоящему полюбил, душа его открылась и засияла по-новому. Он побывал в действующей армии, увидел победоносную доблесть русского солдата, сам рвался в бой и осознавал его упоение. В наступившем 1830 году он готовился к свадьбе с Натальей Николаевной Гончаровой. Сей год станет годом Болдинской осени, но уже сейчас, в январе, из-под пера гения одно за другим выходили стихи, свидетельствующие о новом великом приливе его творчества. Он пишет:

*Что в имени тебе моем?
Оно умрет, как шум печальный
Волны, плеснувшей в берег дальный,
Как звук ночной в лесу глухом...*

Он пишет:

*Нет, я не дорожу мятежным наслаждением,
Восторгом чувственным, безумством, исступленьем...*

Он пишет:

*Пора! в Москву, в Москву сейчас!
Здесь город чопорный, унылый.
Здесь речи — лед, сердца — гранит...*

И вот из этой самой Москвы, куда душа его летит, ему вес-точка. Да от кого! От самого владыки Московского!

Если бы он получил письмо Филарета в ту пору, когда сочинял «Гавриилиаду», можно только с ужасом вообразить, какая усмешка, какая гримаса исказила бы его рот. Но Пушкин в свои тридцать лет — это уже именно тот гений, коим мы по праву можем и обязаны гордиться. Сейчас

это и впрямь уже «умнейший человек России». Он потрясен ответом святителя Филарета. Быть может, он даже целует бумагу, на которой светятся начертанные владыкой буквы. И в воскресенье 19 января 1830 года он садится писать ответное стихотворение:

*В часы забав иль праздной скуки,
Бывало, лире я моей
Вверял изнеженные звуки
Безумства, лени и страстей.*

*Но и тогда струны лукавой
Невольно звон я прерывал,
Когда твой голос величавый
Меня внезапно поражал.*

*Я лил потоки слез нежданных,
И ранам совести моей
Твоих речей благоуханных
Отраден чистый был елей.*

*И ныне с высоты духовной
Мне руку простираешь ты,
И силой кроткой и любовной
Смиряешь буйные мечты.*

*Твоим огнем душа согрета
Отвергла мрак земных сует,
И внемлет арфе Филарета
В священном ужасе поэт.*

Свое творчество он назвал лирой, Филаретово — арфой!

Позднее, публикуя эти стансы 12 февраля в «Литературной газете», Пушкин переделает последнюю строку, уйдя от определенного образа митрополита Филарета к обобщенному образу некоего серафима, с маленькой буквы:

*Твоим огнем душа палима
Отвергла мрак земных сует,*

*И вземлет арфе серафима
В священном ужасе поэт.*

Но в тот воскресный день он писал именному адресату — Филарету Московскому.

И главное, в чем признается царь русской поэзии, что его душа «отвергла мрак земных сует».

С этой очищенной душой он в марте отправится в Москву. 6 мая состоялась его помолвка с Натальей Николаевной, которой он пишет в это время:

*Прилежно в памяти храня
Измен печальные преданья,
Ты без участия и вниманья
Уныло слушаешь меня...*

*Кляню коварные старанья
Преступной юности моей,
И встреч условных ожиданья
В садах, в безмолвии ночей.*

В своем духовном прозрении Пушкин расстается с грешным прошлым. Он мечтает впредь сделаться верным мужем, избавиться от пагубного донжуанства. Не менее важно и то, что он вскоре произносит анафему безбожной толпе, анафему гордыне, анафему жажде славы. Эта анафема — в одном из самых лучших и главных его стихотворений:

*Поэт! не дорожи любовью народной.
Восторженных похвал пройдет минутный шум;
Услышишь суд глупца и смех толпы холодной,
Но ты останься тверд, спокоен и угрюм.*

*Ты царь: живи один. Дорогою свободной
Иди, куда влечет тебя свободный ум,
Усовершенствуя плоды любимых дум,
Не требуя наград за подвиг благородный.*

*Они в самом тебе. Ты сам свой высший суд;
Всех строже оценить умеешь ты свой труд.
Ты им доволен ли, взыскательный художник?*

*Доволен? Так пускай толпа его бранит
И плюет на алтарь, где твой огонь горит,
И в детской резвости колеблет твой треножник.*

Пушкин в Петербурге, Филарет в Москве. Филарет приехал в Петербург, Пушкин уехал в Москву. Филарет вернулся в Москву, Пушкин вернулся в Петербург. Будто судьба нарочно разводит их друг с другом. Но в сей год между ними — тесная духовная связь. «Твоим огнем душа согрета...»

И не будет преувеличением сказать, что на огне Филарета в сей год выпекался пирог, который мы все знаем под наименованием «Болдинская осень». Московский Златоуст вдохнул в душу царя поэтов новую жизнь.

В мае митрополит вернулся к своей московской пастве и по сему случаю обозначился проповедью «Надень обретения мощей иже во святых отца нашего Алексия митрополита Московского и всея России чудотворца». По сути это довольно пространная лекция о божественном происхождении всей природы. А закончил ее благословением Москве:

— Сам благочестивейший император посылает чрез мою мерность слово его высокого благоволения, привета, любви доброй Москве. Доброй Москве!., примите сию добрую весть, понесите ее из дома в дом, со стогны на стогну; пусть она выйдет и за врата обширного града; пусть пройдет по селам и градам, ближним и дальним...

А в это время по селам и градам, ближним и дальним, пошла не только благая весть Филарета, но и одна весьма неприятная путешественница. Персия отомстила нам за унижение коварным образом — оттуда на Русь пришла холера. В июле она уже гостила в Грузии, вскоре явилась в Астрахани и там особо свирепствовала, в августе ее встречали Царицын и Саратов, а затем и все Поволжье. В начале сентября Пушкин приехал в Болдино и оказался в плену у холеры. «У нас в окрестностях — Cholera morbus (очень миленькая особа). И она может задержать меня еще дней на двадцать!» — в отчаянии написал он невесте, но еще не знал, что холерный карантин продержит его в плену не двадцать, а более восьмидесяти дней, коим мы обязаны тем, что имеем несравненные шедевры русской литературы — «Выстрел», «Метель», «Гробовщик», «Станционный

смотритель», «Барышня-крестьянка», «Домик в Коломне», «Скупой рыцарь», «Моцарт и Сальери», «История села Горюхина», «Каменный гость», «Пир во время чумы», «Герой», «Моя родословная»... Вот сколько всего заставила написать Пушкина «очень миленькая особа» холера морбус!

В Москву сия незваная гостыя пожаловала еще в первых числах сентября, но официально ее визит значился с 16-го числа. Московский архиерей, как и подобает священнику и проповеднику, видел причину морового поветрия в новых заблуждениях соотечественников — слишком многие из них радостно встречали из Европы известия о новых революциях, во Франции вновь произошло падение династии Бурбонов, и в других странах вмиг запылали свободолюбивые сердца. Еще в слове на день рождения императора Николая, произнесенном в Успенском соборе Кремля 25 июня 1830 года, он призывал:

— Братия! В наши дни есть особенная надобность указывать на столь очевидную обязанность служения Богу и Его Царствию. *Се тьма покрывает землю, и мрак на языки* (Ис. LX. 2). Народы христианские, или чтобы говорить определеннее, люди, которым попущено быть языком сих народов, представителями и провозгласителями их мудрования, направителями их деятельности, большею частию не то, что не знают, но что гораздо хуже, не хотят знать христианства; царства земные не ищут, не призывают Царствия Божия и менее обращают внимания на оное, нежели на царство последнего из соседей... Сии строители нового Вавилона трудятся для того, чтобы все привести в смешение, чтобы, опровергнув принятые общественные понятия, утвержденные на самой истине вещей или упроченные обычаем и древностью, кончить тем, чтобы не понимать друг друга. Они хотят царей, не освященных Царем царствующих; правителей, поработенных своим подданным; напротив того, приписывают царскую и самодержавную власть народу, то есть рукам и ногам предоставляют власть головы; народ у них царствует мятежами, крамолами, разбоями, грабежами, сожигательствами; и достойный сего мнимого самодержавия народного плод есть отсутствие общественной и частной безопасности. Так *шатаются языцы*, потому что *поучаются тщетным*; потому что в своих неблагословенных сборищах *собираются на Господа и Христа Его*.

Итак, с 16 сентября Москва тоже сделалась холерным городом. Улицы, площади и дворы заволокло дымом — всюду жгли костры из листьев и всего, что дает больше дыму. Считалось, что это хоть как-то, но спасает от распространения болезни. Стали говорить, что не нужно ходить в храмы и

собираться там для общей молитвы. 17 сентября Филарет писал в письме своему викарию Игнатию: «Напрасно более бояться молитвы, нежели болезни. Неужели молитва вреднее болезни? Пережив три холеры прежде нынешней, я видел довольно опытов, что где усиливалась молитва, там болезнь ослабевала и прекращалась».

18 сентября на Тверской-Ямской открывался только что построенный храм Василия Кесарийского. Освятив его, Филарет заговорил о грехах царя Давида, которые повлекли за собой наказание — мор.

— Открылось наказание греха, и совершилось покаяние Давида. *И рече Давид ко Господу, егда виде Ангела биюща люди, и рече: се аз есмь согрешивый.* Давид совершенно покаялся во зле греха, и тотчас *раскаялся Господь о зле наказания. И рече Ангелу, погубляющему люди: довольно ныне, отъыми руку твою.* Примечайте спасительное действие покаяния... Братия! не видится ли нам нечто подобное грозному видению Давида?.. Губительная болезнь, несколько лет опустошавшая нехристианские страны Азии, простерлась и на христианские страны Европы... Что же нам делать? Я думаю, то же, что сделали Давид и жители Иерусалима при виде ангела погубляющего... Повергнем, братия, сердца наши пред Богом во смирении, в покорности неисповедимым судьбам Его.

Трудно предположить, что в этой проповеди скрывался намек на деятельность Николая, но вскоре в Зимний дворец пришла сплетня, будто московский митрополит обличал государя и на него взваливал вину за пришествие холеры. Николай Павлович обиделся, как ребенок, и вскоре отправил Филарету повеление срочно прибыть в Северную столицу. Неожиданно святитель ответил отказом. В письме своему наместнику в Троице-Сергиевой лавре архимандриту Афанасию он так выразился: «Я отложил путь в Петербург, чтобы умирать со своими». Он также отказался и от своей обычной в это время года поездки в обитель преподобного Сергия.

20 сентября Филарет послал предписание Московской духовной академии и семинарии о принятии необходимых мер для спасения от холеры. Занятия ограничивались всего одним часом в день, в остальное время следовало заниматься домашними упражнениями в комнатах. Учащимся, имеющим родственников или родителей в Москве, разрешалось вообще разойтись по домам. Вскоре Филарет составил распоряжения о том, как вести себя в ходе эпидемии монастырям.

По всем храмам Москвы стали совершаться молебны об избавлении от болезни, а 25 сентября святитель Филарет отслужил такой молебен в Успенском соборе, после чего вместе со всем духовенством прошел

крестным ходом вокруг Кремля. Первая коленопреклоненная молитва прозвучала на Лобном месте, вторая — в Иверской часовне, третья — по возвращении крестного хода в Успенский собор.

Граф Михаил Владимирович Толстой в своих воспоминаниях писал: «Никогда, ни прежде (насколько старики могли упомянуть), ни после не бывало такого благочестивого настроения между московскими жителями: храмы были полны ежедневно, как в святой день Пасхи; почти все говели, исповедались и причащались святых тайн, как бы готовясь к неизбежной смерти».

Вскоре прошел слух, что сам государь едет в Москву. А в седьмом номере «Ведомости о состоянии города Москвы» опубликовали письмо императора генерал-губернатору Голицыну, где было четко сказано: «Я приеду делить с Вами опасности и труды. Преданность в волю Божию! Я одобряю все Ваши меры. Поблагодарите от меня всех, кои помогают Вам своими трудами». В комментарии к письму говорилось: «Европа удивлялась Екатерине II, которая привила себе оспу в ободрительный пример для наших отцов. Что скажет она теперь, когда услышит о готовности Николая делить такие труды и опасности наравне со всеми своими подданными». Вечером 28 сентября император «как рыцарь без страха и упрека явился в своей первопрестольной столице. Родительское сердце не утерпело!».

Встретившись с Филаретом, Николай первым делом спросил:

— Не вредно ли, владыка, что ты собираешь массы народа и становишь их на коленопреклоненную молитву на сырой земле?

— Ваше величество, — ответил митрополит, — Господь оправдал церковное действие по крайней мере против сего сомнения. Число заболевающих после крестных ходов не больше, а несколько меньше, нежели во дни прежде крестных ходов.

Утром 29 сентября царь вышел к народу возле Иверской часовни и повел своих подданных в Кремль, где помазанника встречал святитель на ступенях Успенского собора с такими словами:

— Благочестивейший государь! Цари обыкновенно любят являться царями славы, чтобы окружать себя блеском торжественности, чтобы принимать почести. Ты являешься ныне среди нас как царь подвигов, чтобы опасности с народом твоим разделять, чтобы трудности препобеждать. Такое царское дело выше славы человеческой, поелику основано на добродетели христианской. Царь небесный провидит сию жертву сердца твоего и милосердо хранит тебя, государь, да идет с тобою воскресение и жизнь!

В то время распространились воспоминания Бурьена, личного секретаря Наполеона, в которых, в частности, рассказывалось о том, как Бонапарт в Яффе посетил чумной барак и пожимал руки своим солдатам, прежде чем отдать приказ врачам дать им яду, чтобы они не мучились от страшной болезни, а главное, ввиду того что к Яффе приближался неприятель. Восторженные поклонники Наполеона наперебой повторяли этот эпизод из жизни своего кумира, соотнося его с нынешней заразой в Москве и приездом государя в холерный город. Но уже имелись сведения о том, что воспоминания Бурьена — подделка. «Как же так? Ведь Бурьен еще жив!» — спорили восторженные. «Жив, но давно уже в доме для умалишенных и ничего не способен написать, — отвечали скептики. — Так что ваш Бурьен на поверку — Лжебурьен!» Действительно ли Наполеон посещал чумной барак, так и осталось неизвестно. А вот посещение Николаем холерной Москвы — неоспоримо.

Пушкин, сидя в Болдине в карантине, написал великолепное стихотворение, в котором спорил со скептиками:

*Да будет проклят правды свет,
Когда посредственности хладной,
Завистливой, к соблазну жадной,
Он угождает праздно! — Нет!
Тьмы низких истин мне дороже
Нас возвышающий обман...
Оставь герою сердце! Что же
Он будет без него? Тиран...*

У этого шедевра есть четко проставленная дата: «29 сентября 1830 года». Такое впечатление, будто поэт страстно говорил не только о Наполеоне, но и о русском царе. А может быть, и так. Может быть, Пушкин написал эти строки позже, узнав о приезде государя в Москву. А дату поставил, чтобы не слишком посмеивались над его преданностью Николаю. Вероятно, и в Болдине кто-то посмеивался: «Знаем, знаем, как он там среди холерных... Небось прикасаться ко всему боится!» Вот Александр Сергеевич и ответил им. Впрочем, это лишь предположение. Вернемся из Болдина в Москву.

Государя сильно волновал вопрос о мерах предосторожности, кои должно принимать. Не случайно он первым делом спросил Филарета о всенародных молебнах. И получил твердое уверение святителя в том, что,

когда речь идет о церковной соборности, одухотворенной истинной верой, меры предосторожности излишни. Особенно могло внушать опасение таинство причастия, когда все подходят к священным сосудам и причащаются от одной ложки. И тут Филарет заверил царя, что никаких случаев заражения после причастия не наблюдается.

Невольно вспоминаются недавние события, когда по миру прокатилась волна так называемого «свиного гриппа». В западной христианской церкви, где в последние времена и так-то не очень причащаются, вышли строгие запреты на причастие во время эпидемии. Православная церковь осталась тверда, никаких запретов, и в наших храмах число причащающихся нисколько не убавилось.

Осенью 1830 года причастников стало во много раз больше, нежели доселе. Люди строго постились, как во время Великого поста, исповедовались, раскаиваясь во всех своих грехах, как пред кончиной, и причащались с особенно распахнутыми сердцами. И причастники не заражались! В одном из своих многочисленных распорядительных документов, выпущенных во время холеры, Филарет писал: «В церковных поучениях с соблюдением приличия, упоминая, что праведный Бог послал сию губительную болезнь в наказание за грехи наши, возбуждать народ к молитве, покаянию, исправлению жития и к укреплению и освящению себя причащением святых Христовых Таин, что в самой Москве уже исполняется православными чадами Церкви с самого появления болезни доньше; кажется, и начинает здесь являться настоящее милосердие Божие в уменьшении числа занемогавших и силы болезни».

За время своего девятидневного пребывания в холерной столице император Николай тщательно проверил состояние дел, приказал в ежедневном бюллетене не смягчать правды о болезни, сколь бы прискорбной она ни была, и полностью поддержал действия митрополита Филарета, о котором ему доносили подчас нечто весьма нелицеприятное. Так, в распоряжении начальника Третьего отделения Александра Христофоровича Бенкендорфа, сопровождавшего царя в поездке в Москву, имелся гнусный донос некоего чиновника М. Я. фон Фока: «В последние годы прошлого царствования мистики и сектаторы овладели совершенно всеми путями, ведущими к власти: одна группа мистическая, под начальством Филарета, называемого вообще русским иезуитом; другая так называемая православная, под начальством Фотия (Спасского). Мистическую покровительствовал князь А. Н. Голицын, а православную, под конец, граф А. А. Аракчеев, которая и одержала победу... Ныне, по случаю открытия заразы в России, мистики снова подняли головы.

Мистики смущают легковерных предсказанием бед на Россию. Имя Филарета снова раздается между мистиками, и последняя речь его обнаруживает его планы. Речь сия такова, что изумила всех. Один военный генерал, прочитав эту речь, воскликнул: «Если б я был военным губернатором в Москве, то на свой ответ запер бы в монастырь этого якобинского пророка! Это совершенно манифест против государя, рекрутского набора, войны». Побывав в Москве, Николай I и Бенкендорф удостоверились, что доносчик фон Фок явно сгущал краски, и в годовом отчете Третьего отделения за 1830 год сказано гораздо мягче: «Партия мистиков усиленно старалась воздействовать на легковерных. Знаменитая речь митрополита Филарета по поводу появления холеры в Москве возмутила всех, а сектанты ей втайне радовались». Итак, царь смягчился в отношении московского митрополита. Хотя длительные коленопреклоненные молебствия на открытом воздухе все же строго воспретил, поскольку наступали холодные деньки, а холера особенно ловко хватается своими когтями людей простуженных.

В воскресенье 5 октября, в особый для Москвы день, когда празднуется память всех святителей московских — митрополитов Петра, Алексея, Ионы, Филиппа и патриарха Ермогена, в Успенском соборе Кремля митрополит Филарет и царь Николай после совершения литургии вместе молились об избавлении от губительной болезни. После этого Московский Златоуст произнес суровую проповедь:

— И в праздник теперь не время торжествовать, потому что исполняется над нами слово Господне: *превращу праздники ваша в жалость* (Амос. VIII. 10). И в день Господень в доме Божием несвободно богословствовать, потому что свет созерцания закрывается туманом скорби, и заботливые помыслы прерывают нить размышления и слова... Ангел погубляющий ходит по стогнам и по домам, большую часть обитателей оставляет неприкосновенными, не многих касается, некоторых поражает... Помыслим, братия, о важности для нас настоящего времени... Когда тут медлить? Куда откладывать спасительные намерения? У места ли дремать беспечно на краю пропасти? Надобно каждому из нас немедленно и ревностно попещись, как бы облегчить тяжесть прежних грехов своих покаянием и делами человеколюбия...

Зная о том, что царю злословили, будто Филарет его имел в виду, когда две с половиной недели назад говорил о наказании за грехи царя Давида, владыка не преминул возразить злой сплетне:

— Много должно утешать и ободрять нас, братия, и то, что творит среди нас помазанник Божий, благочестивейший государь наш. Он не

причиною нашего бедствия, как некогда был первою причиною бедствия Иерусалима и Израиля Давид... однако с Давидовым самопожертвованием приемлет он участие в нашем бедствии. Видит нашу опасность и не думает о своей безопасности...

Филарет знал, что скоро Николай отбудет, но в слове своем все повернул так, будто это он отпускал царя из Москвы или даже предлагал ему уехать, благословляя отъезд своим пастырским словом:

— Государь! Мы знаем, как близка к сердцу твоему твоя древняя столица, но Россия на раменах твоих; Европа предлежит заботливым очам твоим, Европа, зараженная гораздо более смертоносным поветрием безмерного и буйного мудрования; против сей язвы нужно тебе укрепить преграду; для сего потребно бдительное наблюдение происшествий, многие советы, дополнение рядов твоего воинства...

Во вторник по слову Филарета государь уехал из Москвы в Петербург. В следующее воскресенье отмечалась очередная годовщина освобождения Москвы от войск Наполеона. На крестный ход 12 октября владыка отдал распоряжения своему викарию Иннокентию (Сельнокринову): «Полагаю приходскому духовенству быть при своих местах и молебствовать о избавлении от болезни. Собирать все духовенство в ход и потому неудобно, что оно нужно повсюду для больных». Молебны на открытом воздухе, по слову царя, митрополит отменил. В слове своем, вновь произнесенном в Успенском соборе, он взывал к пастве:

— Покоримся судьбе Божией во всем; последуем всякому мановению Провидения... Ибо как посещает ныне нас Бог, без сомнения, по грехам нашим, то всего паче потребно для нас покаяние, а с покаянием сообразнее печаль, нежели радость, только бы печаль была по Боге, которого мы оскорбили грехами нашими...

Взывал к Богу:

— Не отвергни наших молений несовершенных и недостойных; не умножи гнева Твоего за наше маловерие и нечувствие или нетерпение... Виждь вдовиц, угрожаемых бесчадием; виждь младенцев, иже не познаша десницы своя, ни же шуйцы своя, не понимающих также ни вины, ни бедствия сиротства, им предстоящего. Виждь, и милосердствуй...

Увы, но чаша гнева Божьего еще не излилась полностью. Холера только усиливалась. К концу октября ежедневно умирало уже полторы сотни человек. Тяжело было видеть, как в иных богатых домах продолжается веселье, с объядением и пьянством. Освящая восстановленную церковь Троицы в странноприимном доме графа Шереметева, 26 октября Филарет призывал беспечных богачей опомниться

и тратить свои деньжищи не на балы и ужины, а на помощь в борьбе с губительным поветрием. Филарет учредил Московский архиерейский временный комитет помощи нуждающимся. Самыми большими пожертвованиями во время эпидемии отличились император Николай Павлович, дворяне Голицыны, Шереметевы, Самарины, Пашковы, купцы Аксеновы, Лепешкины, Рыбниковы. Но и от монастырей по требованию Филарета поступало много пожертвований.

Много приходилось посылать распоряжений по приходам, чтобы священники не ленились постоянно внушать народу о необходимости соблюдения мер предосторожности. Холерные бунты нередко возбуждались следующим образом: возле дома, где проявилась холера, стоят полицейские, дабы не впускать никого в сей дом; приходят родственники в гости и начинают возмущаться, что их не впускают проведать дорогих сердцу людей, возмущение перерастает в склоку, полицейским приходится применить силу, и тут вся улица выходит заступиться, но не за представителей власти, которых у нас в России всегда не уважают, такой уж в нашем народе *ндрав!* Или такие уж у нас представители власти, что их вечно недопонимают...

«Не любит она (холера) ни излишней дерзости, ни излишней робости, особенно невоздержания; следственно, учит осторожности, воздержанию, упованию на Провидение Божие», — писал митрополит Филарет епископу Екатеринославскому Гавриилу (Розанову).

Да, прежде всего он взывал к покаянию, молитве, причастию, но проповедовал не только это, но и чисто медицинские способы борьбы с болезнью. Всюду, куда только можно, посылал рецепты. Матушке своей в Коломну еще 27 сентября 1830 года писал следующее: «Здравия вам, милостивая государыня матушка, и всему семейству. Желая знать о вашем здравии. Я здоров, и у меня в доме благополучно. В городе же есть несколько больных и умирающих опасною болезнью. Посылаю некоторые записки о предосторожностях: *Способ очищать воздух в покоях*: насыпать в порошок 1 фунт хлоровой извести, 12 фунтов или три штофа воды и, смешав сей состав деревянную палкою, дать ему постоять полчаса, дабы он мог отстояться, а потом отделив верхнюю часть сего раствора хлоровой извести...» — и так далее, подробнейшее описание, что нужно делать помимо молитв и постов. Вред хлорки на организм человека и животных уже был известен и в то время, а посему предписывалось во время опрыскивания хлоркой на несколько часов удалять из помещения людей и всякую живность.

Немало было весьма неприятных случаев, когда излишне ревностные

христиане или раскольники находили в происходящем чересчур грозные знамения Божьи, грешным делом начинали вопить о наступлении Страшного суда, а карантинный билет называли печатью Антихриста. Горько было Филарету слышать, что особенно взялись за разжигание подобной смуты старообрядцы в его родной Коломне. «Болезненно, между прочим, слышать, что раскольники, рассеивая лжеучение, в подкрепление своих мнений, недостойнство православных священников стараются доказать тем, что они ничему не учат в настоящее время, — писал московский митрополит в очередном своем указательном воззвании. — И в отечестве нашем была заразительная болезнь в 1771 году, и тогда употреблялись карантинные предосторожности, по необходимости причинявшие некоторые затруднения народу; всякий видит, что то не было антихристово время, ибо время бедствия по благости Божией прошло и никакого антихриста не явилось...»

Как ни предостерегал святитель Филарет свою матушку, как ни молился о ее безбедственном коломенском житии, а в начале ноября 1830 года пришло известие о том, что и она заразилась холерой. К счастью, Евдокия Никитична Дроздова отличалась крепким здоровьем и выдюжила, переборола болезнь. Но волнений горячо любящему сыну доставила много.

В середине ноября наступила ранняя зима и холера пошла на спад. 15 ноября Филарет написал наместнику Афанасию: «Болезнь в Москве значительно уменьшилась и, если Бог продлит милость, кажется приближающейся к концу», а через пять дней в кафедральной церкви Чудова монастыря он говорил в слове, посвященном дню восшествия на престол императора Николая:

— Настоящий день Господь сотворил нам, сынове России, да возрадуемся о царе, нам дарованном: и благодарение Богу, что сему радостному дню довольно почтительно уступают дни скорби, внезапно нашедшие на град сей. Град царев выздоравливает, чтобы не проводить дня царева в неблаговременном унынии.

В этой проповеди он назвал холеру розгой в руке Божьей. Вероятно, немало приходилось слышать ему в эти дни сетований на несправедливость Творца, который вместе с грешниками наказывает невинных младенцев. И Филарет отвечал на эти горькие сетования, как и положено христианину, пастырю, говоря, что наказываются не младенцы, а их родня, сам же «безвинно умирающий ничего не теряет, а приобретает жизнь безопасную и лучшую», и в итоге «смерть невинного младенца от истребительной болезни не препятствует сей болезни оставаться общественным наказанием Божиим, и, может быть, сверх того в частности, наказанием или средством

духовного возбуждения для тех, которые лишились сего младенца и его будут оплакивать».

Тут же он спорил и с изуверами, которые возражали против медицинского врачевания болезни:

— В том самом случае, когда болезнь действительно есть наказание Божие, врачевания от болезни отнюдь не должно сравнивать с побегом от наказания.

Таким образом, он проповедовал современное православное понимание медицины как помощницы Бога в деле спасения человека, искупившего болезнью свои грехи.

В начале декабря эпидемия закончилась, и 6 декабря в день тезоименитства императора Николая в Чудовом монастыре митрополит Филарет поздравлял сограждан с открытием Москвы после карантина:

— Поздравляю тебя, от страха смертельного воскресший, от болезни смертной исцелевший, от трудностей жизни разрешенный град!.. Если ты воскрес, то умей беречь безопасность жизни, тебе возвращенную... Грешник, наказанный и помилованный, к удалению от греха, не сугубое ли побуждение, не два ли крыла имеет — в воспоминании наказания и в благодарности за помилование?.. Град возлюбленный! Горько тебе было; но много услаждена чаша твоя: благодарно сохрани дарованное; благоразумно заслужи лучшее; берегись грехов и погрешностей, *да не горше ти что будет*. Утвердим себе, братия, и не престанем исполнять обеты, которые вдохнуло нам спасительное время скорби.

В тот же день в Москву прискакал Пушкин с целым ворохом новых произведений, с душой, согретой лирой Филарета, с желанием поскорее начать приготовления к женитьбе на Наталье Николаевне.

Свадьба эта состоялась 18 февраля 1831 года в храме Большого Вознесения у Никитских ворот. Митрополит Филарет находился в Петербурге на очередной сессии Святейшего синода. Да и мог ли бы он венчать Пушкина? Хочется думать, что да: будь он в Москве, не кто иной, как он совершил бы таинство бракосочетания. Было бы хуже знать, что Филарет находился в Москве и не присутствовал на столь важном событии в жизни столь важного человека России. Впрочем, некое касательство к этому венчанию имел и Филарет. Известно, что он запретил совершать таинство венчания Пушкина и Гончаровой в домово́й церкви князя Сергея Михайловича Голицына и настоял, чтобы это произошло в храме Большого Вознесения у Никитских ворот. Сам Пушкин потом отметил в этом руку Провидения — ведь он сам родился в день праздника Вознесения Господня.

Россия гораздо больше внимания, нежели свадьбе Пушкина, уделяла иным событиям, развернувшимся в 1831 году. Накануне восстала Польша, из Варшавы бежал великий князь Константин Павлович, с трудом сумевший вывести из города русские войска и отступить с ними к Белостоку. Фельдмаршала Ивана Ивановича Дибича назначили главнокомандующим армией для подавления Польского восстания. Император посоветовал полякам угомониться. В ответ на это сейм лишил его польского престола. По всей Польше развернулись преследование и травля диссидентов, как в католицизме именуют своих православных сограждан. 24 января войска Дибича вошли в Польшу, 7 февраля доблестный Иван Иванович разбил поляков у Вавра и приблизился к Варшаве; 13 февраля на подступах к польской столице при Грохове состоялось крупное сражение. Наши войска потеряли десять тысяч человек, польские — двенадцать тысяч и отступили к Варшаве.

А в самой России множество развелось либералов, заявлявших:

— Царь — жандарм! Душителъ свобод! Европа должна прийти на помощь многострадальной Польше!

Соответственно, началась слежка за распространителями либеральных и полонофильских идей. Среди ревнителей русского самодержавия, как всегда, находилось и немало таких, кто, обжегшись на молоке, дули на воду. В январе 1831 года император получил донос от генерала Александра Борисовича Голицына. Возможно, того самого, который, по словам фон Фока, называл Филарета якобинским пророком. Храбрый вояка, адъютант Кутузова при Бородине, в мирное время он также рвался в бой, на сей раз — против врагов православия и официальной Церкви — масонов, старообрядцев, сектантов, еретиков. Но иногда ему начинало мерещиться бог вестъ что. В доносе содержалось сообщение о том, что в России зреет новый заговор масонского общества иллюминатов, основанного еще в 1776 году немецким мистиком Адамом Вейсгауптом, автором книги «О страхе смерти». Святитель Филарет обозначен в доносе храброго генерала как главарь заговора! «Главный из них, — писал Александр Борисович, — был нынешний митрополит Московский Филарет, вся Россия уже понимает, как есть, несмотря на его моральную скрытную наружность и постное лицо... Все его так называемые высокие проповеди дышат эклектической бестолковщиною и нетерпимым мистицизмом, простые же имеют направление не монархическое... Он есть начальник духовного правления и неутомимый покровитель учености, дает ход разлитию по всей России немецкого рационального учения и философии Вейсгаупта».

Где Филарет, а где Вейсгаупт! Основатель ордена иллюминатов

проповедовал, что человек изначально рождается хорошим, а плохим его делают религия и государство. Разве это созвучно Филарету? Иллюминаты мечтали о временах, когда во всем мире будут только республики. Год основания ордена тот же, что и год провозглашения США, где весьма распространен герб иллюминатов — пирамида с сияющим всевидящим оком. Разве Филарет мог мечтать о республиках, если он постоянно в своих проповедях утверждал божественную сущность монархий, возглавляемых помазанниками Божьими!

О масонах же Филарет высказывался без каких-либо экивоков: «Зачем пить из сокрытых и, может быть, нечистых кладезей, когда для нас всегда готовы душеполезные творения отцов Церкви?»; «Зачем заходить к Богу с заднего крыльца, если переднее открыто?» Лаконично и четко.

Как и в случае с наветами о причастности Филарета к декабристам, царь легко отмахнулся и от доноса о причастности владыки к иллюминатам.

А вскоре 19 апреля 1831 года митрополит Филарет «за ревностное и многодеятельное служение в архипастырском сане, достойно носимом, а притом за многолетние похвальные подвиги и труды в пользу Церкви и государства, постоянно оказываемые при всяком случае, всемилостивейше сопричислен к ордену святого апостола Андрея Первозванного» — наивысшей награде Российской империи! Это был пасхальный подарок государя. Чем еще лучше император мог выразить свое полное доверие и расположение к Московскому Златоусту? А ведь Николай мог подождать еще полтора года и приурочить орден к пятидесятилетию владыки. Но ему именно сейчас хотелось дать понять всем недоброжелателям Филарета, какое значение владыка имеет в государстве Российском.

А вот Дмитрия Брянчанинова император не отдал московскому митрополиту. Сей весьма одаренный во многих отношениях юноша, отпрыск знаменитого рода, ведущего свое происхождение от оруженосца Дмитрия Донского по прозвищу Бренко, совсем недавно с отличием окончил Главное инженерное училище, успел прославиться своими литературными сочинениями и умением вести занимательную беседу, и его приглашали на званые вечера к таким, например, столпам петербургского общества, как президент Российской академии наук Алексей Николаевич Оленин. Филарет видел людей насквозь и сразу подметил в Дмитрие Александровиче выдающегося человека. А тот к тому же открыто признавался в своем стремлении уйти в монашество. Отслужив один год в Динабургской крепости, поручик Брянчанинов подал прошение об отставке и подвизался в Александро-Свирском монастыре.

В феврале скончался наместник архимандрит Афанасий (Федоров), и Филарет подыскивал ему замену. Еще раньше, находясь в Петербурге, предвидя кончину Афанасия, он обратился в Синод с просьбой прислать Брянчанинова в Московскую епархию.

— Нет, я его Филарету не отдам! — сказал Николай Павлович, и через полгода блистательный молодой человек, приняв монашеский постриг под именем Игнатий, стал игуменом и настоятелем Свято-Троицкой Сергиевой пустыни близ Петербурга. Так судьба развела в разные стороны двух великих проповедников и религиозных мыслителей XIX столетия — Филарета (Дроздова) и Игнатия (Брянчанинова).

А новым наместником Троице-Сергиевой лавры и настоятелем Спасо-Вифанского монастыря стал архимандрит Антоний (Медведев). Филарет познакомился с ним еще в 1824 году, когда молодой иеромонах Высокогорской пустыни Антоний возвращался из паломничества по святым местам Киева и заехал в Москву. Он запомнился Филарету ясным умом, образованностью и одновременно сдержанностью, и когда встал вопрос о новом наместнике, святитель думал о нем в числе других соискателей. Далее, по словам самого Филарета, произошло следующее: «Но в это время явился странник, который и назвал мне наместником Лавры отца Антония». Антонию было под сорок, до монашества он был врачом, а теперь уже служил в должности строителя, то бишь настоятеля Высокогорского монастыря в Нижегородской епархии неподалеку от Арзамаса, пользовался советами старца Серафима Саровского... Почему бы и нет? Наведя справки, Филарет выяснил, что на самом деле Антоний не Медведев, а незаконный сын знатного и богатого князя Егора Александровича Грузинского. 26 февраля 1831 года московский митрополит отправил письмо в Высокогорскую обитель с приглашением Антонию стать наместником в лавре. С этого письма между ними началась переписка, составляющая наиболее обширную часть эпистолярного наследия Московского Златоуста.

Антоний прибыл на московское Троицкое подворье под благословение 10 марта и в тот же день в домовой церкви был приведен к присяге на служение наместником Троице-Сергиевой лавры. Позднее он поделился с Филаретом одной тайной — он уже знал о своем скором назначении. Еще в январе того года отца Антония стало угнетать постоянное предчувствие смерти. С этим он отправился к Серафиму Саровскому, и старец предрек:

— Не так ты думаешь, радость моя, не так. Промысел Божий вверяет тебе обширную лавру. Милостиво принимай из Сарова братию, если кто придет в лавру или кого я пришлю. Не оставь сирот моих, когда дойдет до

тебя время.

Вскоре Антоний был принят братией обители преподобного Сергия и посвящен в сан архимандрита Вифании. Через некоторое время он станет духовником Филарета, будучи на десять лет моложе своего духовного чада. Поначалу только Антоний во всем советовался с Филаретом, но со временем и Филарет все чаще стал искать советов и духовной поддержки Антония. Отныне и до конца своей жизни святитель исповедовался и причащался у наместника лавры.

Весной 1831 года Филарет захворал. До конца лета не звучали на Москве его несравненные проповеди. С наступлением теплых дней снова открылась холера. В Москве она уже не зверствовала, как в прошлом году, случаев не так много, зато пошла на запад и на север, свирепствовала и в Петербурге, и в Польше, где 14 мая Дибич снова разгромил повстанцев в крупном сражении при Остроленке, а через две недели сей доблестный фельдмаршал в возрасте сорока шести лет умер от холеры. На его место назначили Ивана Федоровича Паскевича.

В июне от холеры скончался в Витебске великий князь Константин Павлович. В Петербурге пустили слух о преднамеренных отравлениях, и доверчивые горожане устроили погром холерной больницы на Сенной, поубивали врачей. Император лично явился на Сенную площадь, предстал перед пятитысячной толпой со словами укоризны, затем встал с молитвою на колени перед церковью Спаса, и все вместе с ним пали на колени.

«Молитесь о петербургских, — писал Филарет Антонию 9 июля. — Холера там очень сильна. Однако в первых числах сего месяца, кажется, последовало облегчение. На нашем подворье больны Павел и Вениамин». О собственной хвори он писал немногословно, лишь извинялся ею за то, что не часто пишет письма и не может приехать в Троицу.

Наконец 22 августа Филарет смог выйти к московской пастве в Успенском соборе Кремля, чтобы произнести слово к годовщине коронации императора Николая. Он хвалил государя за то, что тот спас Отечество от мятежа декабристов, провел две победоносные войны против Персии и Турции, а теперь успешно воюет в Польше. Хвалил и за то, что не боится опасностей, не боится холеры, не боится укреплять государство твердой рукою. Хвалил за то, что царь уповаet на Бога.

— До Бога высоко, говорит простонародный ум. Да, высоко, для тебя, который низко мыслишь. В самом же деле до Бога ни низко, ни высоко, ни близко, ни далеко; поелику Он вездесущ, и потому ближе к тебе, нежели твоя душа к твоему телу; только умей найти сию близость верою и молитвою. *Близ Господь всем призывающим Его, всем призывающим Его во*

истине (Пс. CXLIV. 18). Но я сего недостоин, скажет кто-либо. Так отвергай скорее все, что делает тебя недостойным; а между тем веруй, и молись, и уповай на Бога.

Еще через несколько дней он вновь посвятил свою проповедь осуждению тяги людей к излишнему богатству. Он вспоминал евангельскую историю о юноше, который соблюдал все заповеди и надеялся войти в Царство Небесное, но когда Христос предложил ему раздать бедным свои богатые имения, юноша отошел, потому что не мог совладать со своей любовью к богатству. Предпочел истинное богатство — быть со Христом — богатству мнимому, временному, земному. Филарет растолковывал:

— Что же делать, скажет кто-либо, неужели всем бросать имение и сделаться нищими? — Нет, опять не о том дело. Ибо и Христос не от всякого требовал добровольной нищеты... Имей то, что иметь заставляет необходимость и правило твоего звания позволяет. Но берегись присваивать и удерживать что-нибудь сверх того; и не позволяй себе жаждать большего... Если ты не умеешь с сохранением имения сохранить твою душу, то подлинно не лучше ли уже погубить богатство, нежели чтобы оно тебя погубило?..

К тому же времени относится еще одна проповедь Филарета, посвященная телу человеческому, которое есть храм души, а посему к нему и надо относиться как к храму, а, стало быть, не осквернять:

— Примечай, душа христианская, священную и даже таинственную важность обыкновения тела усопших о Господе полагать при храме Господнем. Они достойны сей почести потолику, поколику сами суть храмы Божии, члены тела Христова, жилища Святого Духа. Помышляй о сем часто, со вниманием, пока носишь земное тело; и со тщанием очищай свое тело воздержанием, освящай упражнениями благочестия, устрой ему нетленную одежду из дел веры и добродетели...

В начале августа Пушкин написал по поводу Польского восстания свое мощное стихотворение «Клеветникам России», в котором высказался как русский патриот, а в конце месяца Паскевич взял Варшаву и лично возглавил временное польское правительство.

Кроме Антония в этом 1831 году Бог послал Филарету еще одного нового друга, с которым он будет дружить до конца своих дней. Из паломничества по Египту и Палестине вернулся двадцатипятилетний писатель Андрей Николаевич Муравьев. Он представил на суд московского митрополита свою книгу «Путешествие ко святым местам в 1830 году», изысканное по стилю сочинение, наполненное благоуханием подлинной

христианской веры, содержащее огромное количество примечательных сведений. Пушкин, прочитав эту книгу, отозвался о ней восторженно: «С умилением и невольной завистью прочли мы книгу г-на Муравьева... Он посетил Св. места, как верующий, как смиренный христианин, как простодушный крестоносец, жаждущий повергнуться во прах пред гробом Христа Спасителя... Молодой наш соотечественник привлечен туда не суетным желанием обрести краски для поэтического романа, не беспокойным любопытством найти насильственные впечатления для сердца усталого, притупленного... Ему представилась возможность исполнить давнее желание сердца, любимую мечту отрочества... о ключах Св. Храма, о Иерусалиме». Филарет внимательно прочитал рукопись, внес в нее некоторую существенную правку и с тем благословил в печать. С этого времени между ним и Муравьевым стала вестись постоянная переписка, мало того, Филарет задумал в будущем добиться, чтобы Андрей Николаевич стал обер-прокурором Святейшего синода.

Словом, на небосклоне русской словесности возшла еще одна звезда, и следом за Пушкиным Муравьев мог повторить: «Твоим огнем душа согрета...»

Глава шестнадцатая

ПАСТЫРЬ И МАРГАРИТА

1832

Согревать души людей — этим редким даром святитель Филарет обладал в полной мере. Это была одна из главных целей его жизни. Удивительно, как много дел ежедневно сваливалось на владыку, но как притом пространны его письма, адресованные людям, нуждающимся в утешении!

«Почему Вы думаете, что далеко радость? Она близко: позади скорби, как в Песне песней, жених за стеною близ невесты. Вечер водворится плач, а завтра радость. Далеко ли?» — писал он в 1820-е годы Маргарите Михайловне Тучковой, неутешной вдове героя Бородинской битвы генерал-майора Александра Алексеевича Тучкова. Добрый пастырь вел Маргариту, освобождая ее из плена скорби...

Крымский татарин Нарышка, выезжая на службу к московским государям, не знал, что от него пойдет род, весьма знаменитый в России. Нарышкины возвысились при царе Алексее Михайловиче, женившемся на Наталье Кирилловне Нарышкиной. Даже стиль архитектуры того времени получил наименование нарышкинского барокко. При Петре 1, сыне Натальи Кирилловны, род еще более обогатился, а царский стольник Матвей Нарышкин носил шутовской сан патриарха всепьянейшего собора.

Маргарита Михайловна Нарышкина была ровесницей митрополита Филарета, даже на год старше его, но он станет истинным духовным отцом этой женщины, которой досталась полная чаша и счастья, и страданий. В шестнадцать лет она вышла замуж за блистательного московского красавчика Павла Ласунского. Он ей не нравился, но своими утонченными манерами и букетиками ландышей сумел завоевать сердце матери, и та настояла, чтобы дочь дала согласие. Не заладилось с самого начала, и уже вскоре Павел стал пропадать по ночам из дома и не скрывал, что завел себе любовницу. Но и того мало — Ласунский оказался мотом и заядлым картежником. Однажды, проигравшись в пух и прах, он пытался похитить у жены ее фамильные драгоценности, чтобы рассчитаться с долгом. Маргарита увидела это, бросилась отнимать сокровища и получила от мужа такой удар, что свалилась без чувств, а потом долго болела. У нее развилась нервная горячка. Однажды ночью она проснулась, почувствовав

на лице приятную прохладу. У изголовья постели сидел некий молодой человек и прикладывал к ее горячему лбу холодный компресс. Она тотчас и узнала его. Это был знакомый ее мужа молодой полковник Александр Тучков, с которым она недавно познакомилась. Он был на три года старше. Поначалу Александр не обратил на нее внимания, но когда Маргарита стала петь, зачарованный ее чудесным голосом, он влюбился в нее. Весь вечер они играли в четыре руки, пели дуэтом, говорили о музыке, о любимых композиторах. И она почувствовала нежность к этому прекрасному человеку. Так началась их любовь. Они встречались время от времени на таких же вечерах, снова вместе пели и играли на фортепьяно... И вот теперь он тайно проник в ее спальню и сидел рядом...

Поведение Ласунского получило огласку, мать Маргариты добилась разрешения на развод, но когда Тучков тотчас после развода посватался к Маргарите, напуганная предыдущим браком мамаша решительно отказала, хотя дочь на сей раз отвечала согласием. Четыре года Тучков жил в Париже, куда родители отправили его на учебу, и все эти четыре года Александр и Маргарита переписывались. Видя, как дочь целует письма своего возлюбленного, мать смягчилась, и когда Тучков возвратился, дала согласие на новый брак. Венчание проходило в маленьком храме на Пречистенке. В первый раз, выходя за Ласунского, Маргарита была наряжена в пышное парижское платье. Теперь на ней был скромный подвенечный наряд. Она очень волновалась, и когда выходила из церкви, все видела как в тумане. Вдруг из этого тумана выскочил некий странник в лохмотьях и протянул ей сучковатую палку:

— Мать Мария! Возьми посох!

И она с благодарностью взяла палку, думая, что тот дал ее, дабы она могла опереться. Маргарита еще не знала, что это было за предзнаменование!..

Молодожены вскоре уехали в свое тульское имение и там целый год жили счастливо, упиваясь друг другом. Но начиналась новая война с Наполеоном, и Тучкову в конце 1806 года было предписано принять Ревельский мушкетерский полк. Любящим предначертано было расставание, но Маргарита столь сильно не хотела разлуки, что заявила мужу о своем решении отправиться вместе с ним на войну.

Тучков не сумел запретить жене сопровождать его, а в день отъезда даже не узнал ее в худеньком паренъке, усевшемся на козлах его экипажа в шинели денщика. Это был настоящий подвиг во имя любви. Изнеженная аристократка жила в походных условиях, ухаживала за ранеными, щедро помогала обездоленным местным жителям.

24 мая 1807 года Ревельский полк отважно бился с французами в сражении под Гутштадтом, находясь в авангарде князя Петра Ивановича Багратиона. Тучков получил орден Святого Георгия 4-й степени. Затем были бои на берегах Пасарги, у Янкендорфа, под Гейльсбергом и Фридданом. В 1808 году ревельцев включили в состав корпуса Михаила Богдановича Барклая де Толли и отправили в Финляндию сражаться со шведами. Полк Тучкова дрался при занятии Рандасальми и Куопио, где дважды сбрасывал шведский десант в море, при Иденсальми, где отбил ночную диверсию противника; 12 декабря 1808 года Александр Алексеевич получил чин генерал-майора. В мае 1809-го он уже командовал авангардом корпуса генерала Петра Андреевича Шувалова. И все эти годы Маргарита Михайловна находилась рядом с мужем. Лишь одно могло разлучить их — ребенок. Но прошло пять лет, а Господь все никак не давал его им. Лишь осенью 1810 года в Риге, через которую проходил полк Тучкова, обнаружилось, что Маргарита беременна. Но и тогда она не согласилась оставить мужа. В апреле Ревельский полк находился в Минской губернии. Здесь у Тучковых родился сынок Николенька. Александр требовал от жены возвращения в Москву, но Маргарита быстро научилась нянчить ребенка в походных условиях, и видя, что сынок растет крепеньким и здоровеньким, Тучков лишь удивлялся и не требовал, чтобы жена везла Николашу в Москву. Так прошел еще год. И лишь в мае 1812 года Александр Алексеевич строго потребовал, чтобы Маргарита Михайловна, взяв Николеньку, отправилась подальше от театра предстоящих военных действий. На сей раз он был непреклонен.

В ночь перед расставанием Маргарита вдруг закричала во сне: — Бородино! Тебя убьют при Бородине!

Тучков разбудил ее, успокоил. Достал походную карту, долго и внимательно изучал ее.

— Вот видишь, здесь нет никакого Бородина.

Но когда Маргарита уснула, ей вновь снился кошмар. Она бежала по улице и вдруг наткнулась на белую стену, из которой сочилась кровь, образуя буквы, а из букв — французские слова: «Участь твоя решится под Бородином». Она побежала дальше, вбежала в родительский дом, а навстречу отец нес ей Николеньку и говорил страшным голосом:

— Александра больше нет. Тебе одной придется воспитывать сына.

Утром Маргарита рассказала о своих снах и вновь умоляла мужа не отправлять ее в Москву. Но тщетно. Ее усадили в экипаж и повезли в Первопрестольную. Там, в родительском доме, она с ужасом встречала известия о том, как наступает Наполеон.

Сон оказался пророческим. Александр Алексеевич героически погиб на Бородинском поле. Первым Маргариту оповестил отец — как и в том пророческом сне, он вошел, неся на руках Николеньку. Потом Маргарите рассказали, как ее доблестный супруг шел со знаменем в руках, но был сражен картечью и тело его не смогли вынести с поля боя... Там же, при Бородине, на Утицком кургане, был смертельно ранен генерал-лейтенант Николай Тучков, родной брат Александра, который затем скончался в Ярославле и был похоронен в Толгском монастыре...

Едва представилась возможность — это было уже после изгнания Наполеона из Москвы, Маргарита Михайловна отправилась вместе с денщиком своего мужа на Бородинское поле. Тела погибших пролежали здесь уже два месяца! Тучкова приблизительно знала, где искать, и на протяжении нескольких дней с рассвета до заката старательно осматривала участок за участком, переворачивала трупы, заглядывала в лица... Страшно себе и представить, что она пережила в те дни! Но ей помогало то, что в предыдущие годы она уже привыкла и к запаху гниющих тел, и к виду обезображенных лиц. Насколько к этому вообще можно привыкнуть.

Найти ей так ничего и не удалось. Ходили волнующие слухи, будто она нашла кисть руки с рубиновым перстнем, который носил только Александр Алексеевич, и эту руку похоронила там же, на месте гибели супруга. Но, скорее всего, это лишь легенда. Иначе в своих письмах Маргарита Михайловна не преминула бы о том поведать. Впрочем, есть свидетельства, что она до конца жизни носила рубиновый перстень супруга — очевидно, генерал отдал его жене при прощании...

Все остальные свои ювелирные украшения Маргарита продала. Заложила и тульское имение. Ей нужны были деньги на строительство. В 1817 году военный министр генерал Петр Петрович Коновницын сообщил ей, где именно в последний раз видели Тучкова. На этом месте, возле средней Багратионовой флешки, Маргарита возвела поминальную часовню, а вскоре стала строить и храм-памятник, Спас на Крови, и это стало первой постройкой на Бородинском поле. Александр I выделил на это десять тысяч рублей.

Рос Николенька, рос храм, с каждым годом оба они становились выше и крепче...

В 1820 году храм Спаса Нерукотворного на Бородинском поле освятил московский архиепископ Августин (Виноградский). В храме была устроена символическая могила с белым мраморным крестом, на котором надпись: «Помяни, Господи, во царствии Твоем Александра, на брани убиеннаго». Над правым клиросом Маргарита Михайловна собственноручно

установила Ревельскую полковую икону Спаса Нерукотворного, впоследствии прославившуюся чудотворной. Вдова Тучкова добилась разрешения, чтобы в храме совершали службы монахи Можайского Лужецкого монастыря. Благословение на это дал прибывший на московскую кафедру тогда еще архиепископ Филарет.

После восстания декабристов горе вновь вошло в семью Маргариты Михайловны. Был арестован и обвинен в подготовке московского мятежа ее родной брат Михаил. Его приговорили к двенадцати годам каторжных работ.

Увы, недолгим оказалось и материнское счастье Маргариты! В четырнадцать лет сынок был определен в Пажеский корпус. Отучившись год в Петербурге, Николай Александрович перед Рождеством 1826 года приехал погостить в Москву и тут простудился, начался жар. Мать собрала лучших врачей, и они определили, что ничего страшного нет, скоро юноша поправится. Однако, три дня прометавшись в бреду, он скончался на руках у матери, которой только и оставалось, что горестно восклицать:

— За что?! За что?!

Потеряв мужа, теперь она потеряла и сына. Оставался только храм. Похоронив Николеньку в склепе Спасо-Бородинской церкви, Тучкова осталась жить там же рядом, в небольшой церковной сторожке, дабы отныне всегда находиться при том месте, где погиб Александр и где похоронен Николай. Вскоре вокруг Спасо-Бородинского храма зародилась небольшая община. Пригодились Маргарите навыки сестры милосердия — крестьяне окрестных сел приходили к ней подлечиться, а то и за добрым советом.

С 1821 года московским архиереем стал архиепископ Филарет. Его проповеди проникали в сердца всех безутешных, оплакавших своих павших в войне 1812 года, умерших в мирное время. Было и нечто созвучное душе Маргариты: пять с половиной лет вместе с мужем она находилась в Ревельском полку, а Филарет некогда являлся епископом Ревельским.

И вдруг от владыки приходит приглашение к нему в гости на Троицкое подворье. Маргарита знала, что многие вдовы и матери, потерявшие детей, находят у Филарета утешение. Известна была его дружба с графиней Екатериной Новосильцевой, крестницей императрицы Екатерины II и приемной дочерью графа Владимира Григорьевича Орлова. Осенью 1825 года ее постигло столь же тяжелое горе, как Тучкову, но скорбь утяжелялась тем еще, что Новосильцева была сама причастна к гибели любимого сына. Флигель-адъютант Владимир Новосильцев влюбился на балу в Марию

Чернову и легкомысленно просил ее руки и сердца. Гордая и спесивая мать была возмущена, что сын хочет жениться на девушке не столь высокого происхождения — хотя отец невесты был генерал, но выслужившийся из солдатских детей, да еще и с «простонародным» именем Пахом, — и решительно запретила сей брак. Брат оскорбленной девушки поручик лейб-гвардии Семеновского полка Константин Чернов вызвал Владимира на дуэль, которая окончилась трагически. Убиты были оба дуэлянта. Чернов скончался на месте, а смертельно раненного Новосильцева перенесли в какой-то постоялый двор, где он умер на бильярдном столе. Кстати, Чернов входил в Северное общество декабристов, а его секундантом на той злосчастной дуэли являлся не кто иной, как Кондратий Рылеев, которого менее чем через год повесят на кронверке Петропавловской крепости.

Филарет писал Новосильцевой письма, в коих пастырски утешал бедную виновницу гибели собственного сына: «Матерь Распятого за нас, испытывавшая величайшую из скорбей Матери, да примет молитву скорбящей матери, дабы принести оную к престолу Своего Сына и Бога». «Скорби дали Вам чувствовать нужду в утешении веры. Хорошо, что Вы ее заметили. Быв счастливее в мире, может быть, Вы не poznали бы сей нужды и не обрели бы сего утешения. Что же из сего? Признайте, что скорби суть благодеяние Божие, и благодарите за них Бога».

На сетования Новосильцевой, что свет ее порицает и что она за это стала презирать свет, владыка отвечал: «Презирать свет не надобно, так же как и уважать. Добро достойно уважения, зло презрения, а в свете есть и то и другое. Что тяжко быть в презрении, сия мысль должна быть предметом покаяния. Блажен, кому слава и бесчестие в мире — все равно. Скорбь, что не довольно уважают злополучных, предполагает мысль, что злополучие есть достоинство. А оно не есть ни достоинство, ни недостоинство, а посещение Божие, частью строгое, частью милосердное. Люди должны уважать злополучных, но злополучные не имеют права сего требовать... Как Вы говорите, что Бог не услышал молитвы Вашей о сыне? — Он услышал и исполнил ее лучше, нежели Вы понять можете... Господь да совершает в Вас дело Свое и да даст Вам в общении с Ним утешение, победу, силу и защиту».

На письма, в которых Новосильцева признавалась в своем отчаянии, Филарет отвечал очень строго: «Недавно читал я, что отчаяние есть порождение гордости. Итак, смирение да будет охранителем Вашим от помыслов отчаяния»; «Жертва Христова так велика, что при виде ее должны исчезнуть все малые жертвы человеческие»; «Жалею, что присутствие веселья и теперь еще усиливает уныние Ваше. Чем виновато

пред Вашим унынием невинное веселье или образ веселья в неодоушевленной твари, которую Бог украсил? Надобно ли сильнее огорчаться тому, что видимые нами дела Божии прекрасны».

Новосильцева жаловалась на то, что не знает, прощен ли дуэльный грех ее сыну, а Господь не дает никаких знамений. Филарет и тут был строг: «Не сетуйте, что не видали знамения, утверждающего надежду, а лучше обвините себя, что желали знамения. В Евангелии видите, что Господь не похвалил ищущих знамения»; «Когда Вы чувствуете, что могли бы умереть от радости, получив желаемое знамение, то тем самым произносите приговор, что не должно давать Вам знамения, которое приняли бы Вы не в порядке».

И вот теперь митрополит Филарет взял на себя труд утешать другую безутешную — вдову и мать Тучкову. В приемной у владыки Маргарита столкнулась с женщиной, которая привела под благословение трех своих здоровых цветущих сыновей. И сразу обида на свою судьбу вспыхнула в сердце. Войдя к Филарету и заговорив с ним, она вскоре не выдержала и воскликнула в отчаянии:

— Отчего же Господь отнял у меня всё?!

Владыка ответил неожиданно строго и даже сердито:

— Видно, недостаточно была смиренна.

Тут уж обида вдовы перекинулась на митрополита, и несчастная женщина, вскочив, выбежала вон вся в слезах. Что было причиной такой строгости? Во-первых, Филарет увидел, что в его посетительнице отсутствует понимание Божественных причин явлений жизни.

Возможно, была еще одна причина. Французистость. Безобразное явление русского высшего общества конца XVIII — начала XIX века. Многие люди вообще редко когда говорили по-русски. Галломании даже не повредило нашествие Наполеона. В 1812 году бывали случаи, когда русские мужики убивали дворян, только заслышав, как те говорят по-французски, ибо принимали их за французов. На какое-то время дворяне образумились. А потом — всё по новой. Была такая невеселая шутка: русский дворянин в Европе кажется переодетым татаринцом, а у себя в России — неведомо как родившимся французом.

Увы, к моменту своей встречи с Филаретом Маргарита Михайловна так еще и не избавилась от привычки говорить только по-французски. И вот она приходит, жалуется на то, что Бог отнял у нее мужа и сына, а жалуется-то на языке тех, кто стал причиной ее вдовства! Владыка сам превосходно владел французским. Возможно, и ответил ей тоже на этом языке.

Через некоторое время пастырь лично приехал к Маргарите, просил простить его за резкость слов. С этого времени началась их дружба и переписка. Филарет стал ее пастырем.

Маргарита жаловалась ему, что страдает от одиночества. Пастырь отвечал: «Одиночество дело не худое, когда умеют им пользоваться. Не хорошо ли, когда никто и ничто в мире не останавливает человека? Тогда он и помнит Бога, прямо идет к Нему. Одиночество на земле ведет в общество небесное». Он писал ей о целебных свойствах слез и этим тоже утешал бедную: «Господь и радость Его с Вами особенно ныне. Вода из иерусалимских роз что-то необыкновенное. Не для меня бы она; но к алтарю да принесется от Вас, как чистые благодатные слезы. Ах! Что-то теперь в Иерусалиме: вода ли чистая, как слезы, или слезы многие, как вода? Говорят, он ограблен...»

Маргарита писала о своей непреходящей тоске: «День походит надень: утренняя, обедня, потом чай, немного чтения, обед, вечерня, незначащее рукоделие, а после краткой молитвы — долгая ночь. Вот вся жизнь! Скучно жить, страшно умереть — вот предмет для размышления. Милосердие Господне, Его Любовь — вот мое упование!» Пастырь отвечал ей: «Зная Вашу веру и упование, заставляю себя мыслить, что печаль менее ныне властвует над Вами и изнуренное страданиями сердце начинает чувствовать утешения, которые, подобно каплям росы, точатся из Источника вечного блаженства. Два года мучительной, отчаянной скорби — довольная жертва миру и плоти. Не дивитесь сему названию: и плач святых о временном лишении не назван благоприятною жертвою Богу, а наше продолжительное и тяжкое сетование не только не богоугодно, но даже бывает грешно... Молитесь об исцелении скорби Вашей и вместе просите у Господа продолжения жизни временной, сколько потребно для приготовления к вечной. Супруг Ваш — с мучениками, сын — с девственниками, Вас Господь ведет тем и другим путем, чтобы соделать участницей той и другой радости... Наше дело — нести налагаемые кресты с любовью, детским смирением и христианским упованием, а не измерять их и не сравнивать с другими, не сетовать в лишениях... Не грешно мыслить, что, может быть, Вы избраны орудием для утешения тысячи страждущих».

Маргарита присылала ему подарки, в их числе и сделанные ее собственными руками. Пастырь благодарил: «Когда Вы присылаете мне простое и надобное рукоделие, тогда я имею истинное приобретение и охотно думаю, что во время холеры ноги мои сохранились от судорог помощью чулок, работанных добрыми и человеколюбивыми руками...»

Маргарита понимала высокую цену проповедей Филарета и стала составлять свой собственный сборник этих сочинений своего пастыря. Впоследствии многие из проповедей Московского Златоуста сохранились лишь благодаря их наличию в этом сборнике. Первая из таковых — «Беседа о благочестивом усердии», произнесенная 5 июля 1832 года в Троицком соборе. В ней Филарет затронул весьма важную тему истинного и показного следования религиозным обычаям. Он говорил:

— Пред святым образом ты возжигаешь свечу и полагаешь, что тем совершил некое служение Богу. Но ты знаешь, что Богу и святым Его, пребывающим во светлостях святых, небесных, нет никакой нужды в земном, вещественном светильнике; ты видишь, что и во храме иногда без него можно было бы обойтись при помощи великого, вседневного светильника Божия на небе. Что же значит твое служение возженной свечой и как оно может быть угодно Богу и святым Его? — Оно должно быть видимым знамением горящего в тебе духа, твоего благочестивого усердия... Церковь утешается, заключая по знамению, что ты горишь духом, и Бог благоугождается жертвою твоего сердца...

Пламенный пастырь призывал быть горячими в вере, находя яркие и точные сравнения:

— Когда котел кипит на огне, тогда не смеют к нему приблизиться ни насекомое, чтобы осквернить, ни наглое домашнее животное, чтобы похитить пищу, приготовляемую в нем для человека. Но когда снимется с огня и остынет, тогда насекомые роятся около него, и падают в него, и наглый пес или хитрый кот может приблизиться, осквернить, похитить. Подобно сему, когда душа человека кипит огнем Божественного желания, сей духовный огонь служит ей в одно время и силою для действия, и броней для защиты. Но если небрежение допускает угаснуть сему огню, и благочестивое усердие остывает, то суетные, лукавые, нечистые помыслы роятся и роятся в области чувственной, падают во глубину души и оскверняют ее, и может прийти наглая страсть и расхитить в душе, что в ней уготовлялось для благоугождения Богу.

Об истинном и показном Филарет продолжил говорить в своей успенской проповеди того же года:

— Помыслим, братия, сколь и неблагородно, и тягостно, и бесполезно жить только напоказ, как поступают многие и в нравственной, и в общественной, и в домашней жизни. Все показывают, все выставляют, о всем трубят, всякое ничтожное дело провозглашают, подобно как кокош свое новорожденное яйцо. Но провозглашение кокоши основательнее: она возвещает яйцо, которое подлинно родилось и остается; а тщеславные

возвещают то, чего нет, или провозглашением уничтожают провозглашаемое... Христианин! Будь, а не кажись: вот одно из важных для тебя правил. Познай несравненное достоинство скромной, тихой, сокровенной добродетели. Ей свойственно быть тайною для земли, потому что она небесной породы и для неба существует.

Маргарита стала задумываться о пострижении и спрашивала совета. Пастырь постепенно готовил ее к монашескому подвигу: «Можно вести жизнь монашескую и без обета... Что делается на всю жизнь, то лучше сделать не скоро, нежели торопливо... Еще говорят отцы: если нет сокрушения и умиления, должно подозревать, нет ли тщеславия...»

Год за годом в письмах Филарета к ней все меньше утешительных слов по поводу скорби о супруге и сыне и все больше бесед о том, как жить в монашеской общине. Созданное Тучковой на Бородинском поле благочестивое женское общество с благословения митрополита получило статус Спасского женского богоугодного общежительного заведения. Святитель Филарет составил его «Правила», в них он утверждал, что «особенная обязанность пребывающих в сем общежитии — приносить молитвы за православных вождей и воинов, которые в сих местах за веру государя и отечество на брани живот свой положили в лето 1812-е».

Так пастырь шаг за шагом подготавливал исчезновение Маргариты. Ее должно было не стать, как некогда не стало Василия Дроздова.

...Портрет Александра Тучкова, написанный Джорджем Доу, помещен в Военную галерею Зимнего дворца. По просьбе Маргариты Михайловны художник украсил грудь генерала медалью за 1812 год, которая вручалась только в 1813-м. Но разве он не заслужил сию награду?

Глава семнадцатая

ТРИУМФАЛЬНЫЕ ВРАТА

1832–1835

В проповедях 1832 года Московский Златоуст не случайно много говорил о суетном, напускном, о тщеславии. И о том, что нужно быть скромным, незаметным. Надвигался его юбилей — 26 декабря того года ему исполнилось пятьдесят лет.

По римской традиции словом «юбилей» называлась годовщина, число которой делилось на пятьдесят. В словаре Даля так и сказано: «Юбилей — торжество, празднество, по поводу протекшего пятидесятилетия, столетия, тысячелетия». Стало быть, дважды свой юбилей мог отметить лишь тот, кто доживал до ста лет, и для подавляющего большинства людей пятидесятилетие являлось единственным юбилеем.

Никаких сведений о шумном праздновании юбилея митрополита Филарета нет в природе. Можно предположить, что он вообще запретил праздновать сию дату. «Благодарю, отец наместник, за добрые о мне желания ради дня Господня», — писал он архимандриту Антонию 29 декабря. «Ради дня Господня», но не «ради моего дня рождения». Выходит, Антоний даже и не поздравлял его с юбилеем, зная, что владыка того не хочет. Поздравляли святителя с Рождеством Христовым. Еще раньше тому же Антонию он писал: «А о. Сергию скажите, что я, благодаря его за намерение сказать мне ласковое слово, не могу скрыть, что желал бы ему занятия более монашеского и архимандричьего, нежели латинские стихи». Речь, по-видимому, идет об иеромонахе Сергии, который был духовным чадом старца Серафима Саровского и служил связующим звеном между Саровской обителью и Троице-Сергиевой лаврой. Как видно, он хотел латинскими стихами прославить юбилей Филарета, а владыка ему в этом вежливо отказал.

О том, как он старался избегать внимания к своей особе, когда это не было сопряжено с какой-либо необходимостью, сохранилось немало воспоминаний. Преподобный Амвросий Оптинский писал, что Филарет «держался такой спрятанности, что келейные его не только не знали его сокровенной жизни, но и не могли видеть, как он умывался: «Поддай воды и иди». Случалось, келейный оставался и хотел помочь в этом старцу. Он повторял: «Ведь сказано тебе, иди!» И тот, делать нечего, хоть неохотно, а

уходил».

Резко отличались священнические облачения Филарета от его обыденной одежды. Во время богослужений он считал необходимым облачаться в красивые нарядные рясы, чтобы видно было: се иерарх Русской православной церкви! В обычной же обстановке он предпочитал в холодное время года шерстяные полукафтаны с отвернутыми обшлагами или просто с широкими рукавами, а летом надевал или простой белый льняной подрясник, или черный шерстяной, в зависимости оттого, какая погода. Ближе к пятидесяти годам он стал часто простужаться и потому одевался теплее, чем в молодости. Вместо обычного монашеского пояса он употреблял кушак, а на голову надевал либо плетеную сетку, либо черную скуфью. Морозные дни на нем можно было видеть меховую лисью шубу. Рыжую лисицу почитал наилучшей среди пушных зверей. Притом что лисья шуба считалась в России самой дешевой.

С годами он не утрачивал любви к скромности в домашней обстановке. Любил недорогую мебель и сердился, когда кто-либо желал украсить его быт. Митрополичий посох у него был простой, деревянный. Он вообще любил некрашеное дерево — стены, полы, потолки. Архимандриту Антонию приказывал ни в коем случае не красить полы в его покоях.

То же самое и в еде. Филарет любил обильно потчевать своих гостей, но сам довольствовался куском рыбы, кашей, а больше всего любил, когда нет поста, лесную ягоду с молоком — малину, чернику, землянику.

Внешний облик его мог показаться неказистым, если бы не искрометный ум, сверкающий в его живых глазах. Викарий святителя, епископ Леонид (Краснопевков) однажды записал: «Вчера долго молча смотрел на него, когда он рассматривал каталоги, и стоял перед ним. Пройдут века: имя его вырастет необыкновенно. Мысль будет искать в прошедшем его великого образа, и счастлив тот, кто увидит его несовершенный портрет, а я, недостойный, стою от него в полуаршине и смотрю на эту чудно-правильную, кругленькую головку, покрытую редкими, мягкими темно-русыми волосами, на это высокое выпуклое чело, этот резко очертанный нос и дивно-правильные губы, на эти бледные, худые, осанистой бородой покрытые щеки. Под прекрасно очеркнутыми бровями не вижу его глаз, но замечаю, что какую-то особенную выразительность придает его благородному лицу эта черепаховая оправа очков».

Роста он был невысокого, можно даже сказать, маленького. Но следует заметить, что ученые, изучавшие сей вопрос, утверждают, что на рубеже

XVIII–XIX веков вообще наблюдался странный феномен низкорослости. Данные о параметрах одежды показывают, что люди не отличались большими размерами. Такие гиганты, как Николай I, были исключением из правила. Зато миниатюрных и изящных, как Филарет или Пушкин, было множество.

Здоровье Филарета к пятидесяти годам несколько ухудшилось, он нередко хворал, стало слабеть зрение. Но, возможно, это являлось следствием некоего переживаемого им переходного возраста, который настигает мужчин в середине жизни. Кто-то переживает его ближе к сорока, кто-то — ближе к пятидесяти. До старости Филарету было далеко, после пятидесятилетия Господь отпустит ему еще добрых тридцать пять лет жизни.

Через неделю после этой оставшейся незаметной годовщины в своей келье в Дивеевском монастыре преставился ко Господу схимник Серафим Саровский. С этого времени упоминание имени Серафима стало появляться в письмах Филарета, который с каждым годом все более и более постигал значение святого старца, стал печься о том, чтобы появилось его житие.

Только что, в 1832 году, был причислен к лику святых Митрофан Воронежский, епископ, благоволивший Петру I в деле создания флота, помогавший первому российскому императору строить в Воронеже верфь. Митрополиту Филарету особенно нравился рассказ про то, как Митрофан явился во дворец к государю, но, увидев там изображения греческих и римских богов, тотчас развернулся и ушел. Когда Петру донесли об этом, царь пришел в ярость и потребовал от епископа немедленно явиться. Но Митрофан был непреклонен и отвечал, что придет только тогда, когда языческие истуканы будут убраны. В итоге на уступку пошел государь, статуи на время визита во дворец Митрофана были убраны.

Филарет не просто почитал святителя Митрофана, но и написал к его канонизации книгу «Сказание о обретении мощей св. Митрофана, еписк. Воронежского», вышедшую отдельным изданием в Петербурге. А в июне 1833 года в подмосковном Хотькове он освятил храм во имя святителя Митрофана и произнес проповедь о смысле и устройении христианских храмов, о приносимой жертве. Подобно первому русскому духовному писателю митрополиту Иллариону, он говорил о ветхозаветном законе и новозаветной благодати:

— Как чудно христианство! Иудейство представляло законный храм один только во всем мире, законное священство только в одном роде Аарона, жертвы только вещественные, безжизненные или умерщвляемые, в

крови, огне и дыме... В христианстве, напротив, не только повсюду храмы, не только из всех народов, по избранию благодати, священники, не только повсюду приносится бескровная жертва, заключающая в себе не преобразование Христа отдаленного и ожидаемого, но таинство Христа пришедшего, присутствующего, предающегося нам в пищу и питье жизни вечной... Есть жертва духовного сокрушения, которую еще во времена иудейства более вещественного всесожжения угодно Богу признавал Давид: *всесожжения не благоволиши; жертва Богу дух сокрушен; сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит* (Пс. L. 18–19).

Далее он перечислял прочие духовные жертвы — славословия и молитвы, милости, правды и истины, а высшей жертвой называл мученичество за веру христианскую.

Словотворец Филарет глубоко верил в силу слов, как добрых, так и злых. В Троице-Сергиевой лавре 5 июля он говорил в своей проповеди:

— Город создается — чем, думаете? Богатством? художеством? властью? многолюдством? — по мнению Соломона, не тем, а добрыми словами добрых людей: в благословении правых. И напротив, город разрушается — чем? оружием врагов? огнем? водою? землетрясением? — опять не тем, а злыми словами злых людей: усты нечестивых раскопается. Как могущественно и благотворно, по мнению Соломона, благословение! И как разрушительны слова злобные... Обыкновенный разум человеческий не знает духовного могущества слова и даже боится догадок об оном.

Объясняя высказывания из Библии, Филарет всегда находил простые, но весьма точные сравнения. Так, в успенской проповеди 1833 года, растолковывая слова апостола Филиппа, говорившего, что жилище наше находится на небесах, владыка сравнивал нашу жизнь с путешествием городского жителя по сельским местам:

— Если бы городского жителя во время путешествия в поле или в деревне спросили, где он живет, без сомнения, он не сказал бы: «Вот здесь на дороге или вот здесь, в сельской гостинице», но сказал бы, что живет в городе, где у него дом и семейство.

И далее он учил мудрому пониманию слов апостола и применению их во всех скорбных, тягостных или обидных случаях жизни:

— Обижают тебя, лишают собственности, чести, награды. Еще скажи себе: *житие наше на небесех есть*; там наши сокровища некрадомые, венцы нетленные, воздаяния вечные. Не нужно заботиться много, если отнимают лепту на пути; позаботимся лучше, чтобы сохранить бесценное наследие в доме Отца небесного.

Почитание Филаретом истории со святителем Митрофаном и

императором Петром неожиданным образом отразилось на недолгом омрачении отношений Филарета и Николая.

В 1833 году государь путешествовал по Австрии и Пруссии, где заключал новые договоры против Англии и Франции. И вдруг обратил внимание на то, что у России до сих пор нет своего официального государственного гимна. Вместо него обычно исполнялась музыка гимна Британии «God save our gracious King» — «Боже, храни нашего милостивого короля». Как-то это не соответствовало антианглийской направленности политики и восстановлению Священного союза между Россией, Австрией и Пруссией. Царь выразил желание иметь свой гимн. Придворный композитор Алексей Федорович Львов сочинил великолепную мелодию, в духе британского гимна, но более мощную и торжественную. Василий Андреевич Жуковский при участии Александра Сергеевича Пушкина сочинили к этой мелодии слова. Пушкин же предложил оставить от всего стихотворения только первую строфу, состоящую из шести строк:

*Боже, царя храни!
Сильный, державный,
Царствуй на славу, на славу нам!
Царствуй на страх врагам,
Царь православный!
Боже, царя храни!*

Полностью все семь строф впоследствии публиковались в собраниях сочинений Жуковского, а первая строфа с легкой руки Пушкина так и стала гимном Российской империи. Государь, прослушав новый гимн, остался весьма доволен и приказал устроить публичное слушание, которое состоялось 11 декабря 1833 года в Москве в Большом театре. Весь народ был в восторге. Не был на прослушивании лишь митрополит Филарет. На афише было указано название гимна как «Русская народная песнь», но ведь это была не просто песнь, а молитва, ибо ее наполняет обращение к Богу. Духовенство выражало недовольство. С тех пор «Боже, царя храни!» называли и так и сяк — и «Русская народная песнь», и «Молитва русского народа». Но главное, что Филарету претило идти в здание, увенчанное изображением языческого бога Аполлона, которому, между прочим, во времена гонений на христиан приносились в жертву многие христианские мученики.

— Уберите истуканов, и я приду, — говорил он, уподобляясь

святителю Митрофану Воронежскому.

Николай сердился, но больший его гнев был еще впереди. В 1834 году Москва украсилась Триумфальными воротами, воздвигнутыми на площади Тверской заставы главным архитектором Москвы Осипом Ивановичем Бове. Сооружение величественное и достойное памяти героев 1812 года, коим оно и было посвящено. Одно плохо — венчала сие превосходное сооружение статуя языческой богини Славы, несущейся на повозке, запряженной шестеркой резвых коней. Узнав об этом, митрополит Филарет заранее решил, что хотя пять лет тому назад он и освящал закладку арки, саму арку освящать не станет, покуда не снимут очередного истукана. Но в мае скончался Бове, а его соавторы — младший брат Михаил, Иван Петрович Витали и Иван Тимофеевич Тимофеев «из уважения к смерти главного архитектора» отказывались что-либо менять.

О том, что Филарету придется освящать Триумфальные ворота в таком, а не ином виде, святителю сообщил светлейший князь Петр Михайлович Волконский — министр императорского двора, генерал от инфантерии, герой войны 1812 года. Святитель Филарет впал в смятение. Он заявлял о том, что не может святить сооружение, украшенное языческим идолом, на что все вокруг, вздыхая, лишь разводили руками:

— Придется святить, владыко!

Тогда Филарет отправился в лавру к своему духовнику и прямо сказал:

— Как ты скажешь, так и сделаю.

— Не святить, — ответил Антоний.

— Будет скорбь.

— Потерпите.

Но как открыто заявить о своем отказе царю? И святитель Филарет решил отвечать Николаю как-нибудь иносказательно. Трудно судить, хорошо ли у него это вышло или не очень хорошо.

Пришло время торжеств, 8 сентября Филарет встречал государя перед Успенским собором Кремля речью, в которой сравнивал Николая Павловича с благочестивейшим израильским царем Иосафатом:

— Так на необъятном расстоянии времен и мест виден опыт одной и той же истины, что пути благочестивых царей имеют сходное между собой направление, потому что их направляет одна невидимая рука; потому что сердце царево в руке Божией. Посему пред сим святилищем Божиим приветствуем тебя, благочестивейший государь, не только по чувству любви радостным, но и по чувству благоговения священным приветствием: *благословен грядый во имя Господне!*

Через несколько дней на Троицкое подворье прибыл дежурный

флигель-адъютант с вопросом к митрополиту:

— Государь велел спросить: какое время будет угодно его высокопреосвященству назначить для освящения Триумфальных ворот?

Ответ Филарета оказался весьма странным:

— Слышу.

Флигель-адъютант не понял и переспросил.

— Слышу! — уже сердито ответил владыка.

— Так что же мне передать-то его величеству? — изумлялся царский посланник.

— А то, что слышали, то и передайте, — сказал святитель Филарет.

Когда Николаю сообщили, он некоторое время недоуменно размышлял, затем вспыхнул от гнева:

— А, так... Я понимаю... Приготовьте лошадей, я сегодня же покидаю Москву!

И уехал. А Филарет, еще более огорченный, вновь приехал в лавру.

— Вот какая скорбь пришла!

— Это и прежде было видно, — ответил Антоний.

— Да уж хорошо ли я поступил? Раздражил государя. Я не имею достоинств святителя Митрофана, — вздохнул Филарет.

— Да не берите их на себя, а помните, что вы епископ христианский, пастырь Церкви Христовой, которому страшно одно — разойтись с волею Иисуса Христа.

Об этом разговоре и о предыдущем приезде митрополита преподобный Антоний потом написал в своих воспоминаниях. Филарет так переживал, что захворал. На другое утро он прислал за Антонием. Тот испугался, думая, что святителю стало хуже. Однако, придя на зов, увидел Филарета веселым и бодрым и сам заулыбался.

— Что ты? — спросил Филарет.

— Да виден орел по полету.

— Пойдем, поблагодарим преподобного Сергия. Он мне явился чувственным образом. Я заснул, а был уже час пятый, как послышался шорох в двери. Я чуткий, проснулся, привстал. Дверь, которую я обыкновенно запираю, тихонько отворилась, и вошел преподобный — старенький, седенький, худенький и росту среднего, в мантии без епитрахили — и, наклоняясь к кровати, сказал мне: «Не смущайся, все пройдет». И скрылся. Спасибо тебе, Антоний, ты говорил мне против всех.

Утешительные слова преподобного Сергия вскоре сбылись. Триумфальную арку без особо пышных торжеств освятили военные священники. А государь, как оказалось, уехал не насовсем. Он отправился

по Подмоскovie, посетил и Троице-Сергиеву лавру, затем вернулся в Москву. При общении с митрополитом он делал вид, что ничего не произошло, восхищался тем, в какое превосходное состояние приведена лавра. Филарет же старался показать, что остается для помазанника Божьего любящим архиереем. В апреле этого года исполнилось шестнадцать лет наследнику престола Александру Николаевичу, а в те времена сей возраст считался совершеннолетием. Еще весной 1834 года Филарет сочинил чин богослужения на случай присяги наследнику цесаревичу. Об этом у Пушкина в дневнике можно прочесть: «Праздник совершеннолетия совершился. Я не был свидетелем. Это было вместе торжество государственное и семейственное... Всегда много смешного подвернется в случаи самые торжественные. Филарет сочинял службу на случай присяги. Он выбрал для паремии главу из Книги Царств, где между прочим сказано, что *царь собрал и тысящников, и сотников, и евнухов своих*. К. А. Нар.(ышкин) сказал, что это искусное применение к камергерам. А в городе стали говорить, что во время службы будут молиться за евнухов. Принуждены были слово евнух заменить другим». Государь тогда тоже поначалу гневался, а потом смеялся.

В октябре, встречая царя и наследника в Успенском соборе Кремля, митрополит Московский приветствовал их:

— Благочестивейший государь! Столица, радующаяся при одной мысли, что ей даровано быть колыбелью твоего первенца, естественно, с живейшею радостью видит в год совершеннолетия того, которого приняла она в день рождения от самого недра благочадная матери. Радость сия возвышается и еще — восхитительною мыслью, что твоя любовь дарит нам ныне сию нечаянную радость.

Болезни преследовали святителя Филарета, он просил у государя разрешения в грядущую зиму не приезжать в Петербург на сессию Синода, и Николай разрешил ему это, что свидетельствует о заботливом отношении царя к митрополиту Московскому и противоречит утверждениям некоторых исследователей, что в это время царь очень не благоволил к нему. В ответ Московский Златоуст в своем слове на день тезоименитства императора 6 декабря говорил о том, как добросердечный царь заботится о больных своих подданных. Начав с того, что великий государь получает прозвище народопобедителя, если побеждает народы, руководствуясь «троякою силою: мудрости, могущества и любви», он перешел к теме попечения о больных:

— Последуем, братия, христианскому движению сердца царева и помыслим о том особенном роде человеколюбия, который имеет предметом

болящих... При посещении больных неразлучною спутницею должна быть любовь христианская...

В зиму 1834/35 года на Москву снова напала эпидемия. На сей раз, по всей вероятности, это был грипп. Филарет писал, что половина жителей Москвы болеет и что болезнь, как и холера, пришла с востока, но о страшных делах нового поветрия не говорилось. Значит, если кто-то и умирал, то в небольших количествах. Болел и сам митрополит. Вот почему в его проповедях того времени много о врачах и болезнях. И о том, что все болезни суть последствия грехов. Даже Рождественское слово не обошлось без этого:

— Почему нужно нам знамение радости? — Потому что у нас недостает радости. Почему нам потребен Спас, Христос Господь? — Потому что мы страшимся погибели. От чего же недостаток радости, от чего страх погибели? От того, что мы находимся в удалении от жизни Божией; от того, что живем в растлении греховном. А если так, то не доброе ли знамение, что родившийся нам Спас начинает показываться там, где оказалось первое наказание греха, по изречению Судии: *в болезнях родиши чада!* Как премудрый Врач, Он приближается Своею врачбною, божественною силою к самому началу и корню нашей болезни, нашего греховного растления; какое же могло быть лучшее знамение чаемого исцеления? По сему глубокому и премудрому началу не трудно заключить, сколь совершенное готовит Он врачевание.

Проповедь Филарета на праздник Благовещения 1835 года почитается в филаретике^[9] как одна из его лучших. Хотя трудно выделять среди его проповеднического наследия, что лучше, а что хуже. В каждой его проповеди находишь жемчужные россыпи слов и мыслей. Благовещенское слово 1835 года — очередное, но и не лишнее архипастырское свидетельство о том, что зачатие Богородицей Сына Божия есть главнейшее событие всей мировой истории, расколовшее летопись человечества на до и после Христа. Тем не менее, вопреки очевидности, люди в большинстве своем не признавали и не признают этой истины.

— Вопреки усилиям мира тайна Бога во плоти превратилась, как я уже сказал, во всемирную славу. Но и теперь сколько еще людей, которые или не познали сей тайны, или, познав, не приняли! И что еще прискорбнее, даже между теми, которые получили оную по наследству от отцов и праотцов, или остаются, или вновь являются такие, которые не знают, что делать с сею непонятною тайною; спрашивают, то с любопытством, — почему для спасения человеческого рода употреблено столь необычайное средство — воплощение Божества; то с сомнением, — неужели без сего

невозможно спасение человека. А где любопытство, там еще нет чистого ведения; где сомнение, там еще нет полной веры.

Пройдя зенит своей жизни, Филарет мог не исключать при этом возможности дожить до глубокой старости, когда ему доведется венчать на царство нового государя. Таким мог стать цесаревич Александр Николаевич, который особенно произвел на владыку впечатление в год своего совершеннолетия. В день, когда цесаревичу исполнилось семнадцать лет, Московский Златоуст произнес в его честь вдохновенное слово в кафедральной церкви Чудова монастыря.

— Его жизнь является нам не только как цвет прекрасный, блистающий изящными качествами наследственными, но уже и как цвет, оплодотворенный достойным высоким рождением и назначения воспитанием.

В том же 1835 году случилось и такое, что могло вновь надолго отвлечь государя, да и самого наследника, от московского владыки. Николай назначил к присутствию в Синоде своего сына Александра. Епископат Русской православной церкви, который у нас и по сей день еще принято изображать во всем покорным воле царей, выступил противником такого рода семейственности, и во главе недовольных был святитель Филарет. Юноша Александр Николаевич в данном случае показал себя с наилучшей стороны — он внял мнению духовенства и сам отказался участвовать в заседаниях.

Между тем рассказ о том, как святитель Филарет отказался освящать Триумфальную арку, разлетелся по всей Руси великой. И этот случай в основном вызывал восхищение, особенно в среде священнической. Один из наиболее почитаемых в народе духовных наставников, архимандрит новгородского Юрьевского монастыря Фотий (Спасский), доселе холодно относившийся к Филарету, сильно изменил свое отношение к нему. Злые языки доносили до Фотия сплетни, будто Филарет наушничает на него петербургскому митрополиту Серафиму, и оттого Серафим творит свои козни против Фотия. В итоге к началу 1830-х годов вся Россия имела представление о разделении Церкви на два направления — филаретовское и фотиевское, как некогда в XV–XVI столетиях были иосифляне и ниловцы, то есть сторонники Иосифа Волоцкого и Нила Сорского. Филарет, любимый паствой, имел дар проповедования. Фотий, не менее любимый православным народом, имел дар чудотворения. Филаретовцы недолюбливали фотиевцев, а фотиевцы — филаретовцев. Сторонники Филарета упрекали Фотия в непочтительности к царю. Сторонники Фотия обвиняли Филарета в излишней покорности государственной власти.

К счастью, пройдя сквозь свои триумфальные врата, Филарет примирил с собою благочестивого Фотия. Примирил два направления в народе нашем. И вскоре он стал получать от Фотия добрые, теплые, восхищенные письма: «Близок я к тебе союзом любви не по плоти и крови, но во Господе, Его же ради ты меня напоил питием учения веры и облек в образ ангельский по плоти. Взыскую студенца воды живой от уст твоих... Ах! Владыко святой и мой благодетель о Господе возлюбленнейший! Аще ли ты не радость всех, и радость моя есть единая оная та, кто отрет слезы всех и твоих ближайших! Ты нужен в Церкви Божией! Да светится свет Господень в тебе всем и мне, да между всеми тень сладости светения твоего в деле благодати коснется и гортани сердца моего». Отныне Фотий стал филаретовцем и оставался им до самой своей смерти, незадолго перед которой писал своей духовной дочери графине Анне Алексеевне Орловой-Чесменской удивительные строки, посвященные Московскому Златоусту:

«Я за знамение Божией благодати полагаю в том, кто из москвичей своего пастыря наставника и учителя, святителя Филарета почитает по Бозе, истинно слушает. Я скажу то, что никогда иного слова не слышал от Филарета митрополита, как на пользу души. Я приемлю за истину, что сам видел и слышал от уст Филарета, а слуху мира не верю. Люблю я его за премудрость и разум, а целую его твердость любви. Он уже ежели кого любит, то ежели любимый впадет в некое прегрешение, — исправляет таковое духом кротости. Кто его судит, а не дано от Бога судить, — я презираю. Никтоже честь приемлет, как токмо званный от Бога. Филарет николи совета не дает на худо. Что мне сперва не нравилось его, после я находил прекрасным. Время открывало очи — и даже святому откроет. Преподобного Ефрема и блудница уму-разуму научила: то уста или Божия, каков есть Филарет, не даст нам, горячим настоятелям, смысла, разума?.. Никогда не нажить такого мудрого пастыря граду Москве, как Филарет. Жизнь его лучше Платона, как серебро олова. Его намерения всегда человеколюбцы и превосходны. Пастырь, ангел Господень. Есть некто настоятельница в пастве его и почитает его за святого; и я почитаю единственно за праведную в женах, что праведно поступает, тако почитая своего святителя.

Сия душа не погибнет, благословение архиерейское исполнит в ней меру совершенства во спасение... Правда, не всегда Филарет по природе развивается в чувствах нежных; но бывают черты премилые сердцу в светлости его лица и очес. Я об одном более всего Бога молю, дабы быть ему во святых. Пишу тебе, чадо мое, всегда почитай и тень своего пастыря Филарета... Век не забуду подвиги его, что врата не освятил и сказал об

них как пастырь, правящий слово Истины. Вот черта пастыря и святителя. Вечность его ублажит за слово истины вовремя».

Время пройдет, и пожелание Фотия сбудется — Филарета причислят к лику святых. Отказавшись освятить арку, увенчанную языческим символом, Московский Златоуст освятит тем самым свои триумфальные врата, увенчанные символами христианскими!

Глава восемнадцатая

КОНЕЦ СВЕТА

1836–1837

1836 год суеверные люди ждали со страхом. В очередной раз какие-то шарлатаны нагадали и напредсказывали в этом году конец света. Особенно много таких предсказаний было в трудах европейских мистиков, к примеру у Иоганна Альбрехта Бенгеля. Не случайно и то, что Гоголь в это время написал комедию «Ревизор», кончающуюся гротескным изображением конца света — знаменитой немой сценой. Она и воспринималась в начале 1836 года, когда Гоголь впервые читал друзьям «Ревизора», именно с этим апокалиптическим оттенком.

«Мне всегда казалось вероятнейшим, что гадания о 1836 годе не сбудутся, нежели что сбудутся, — писал святитель Филарет наместнику Антонию. — Ибо если апостолам не дано в собственность разумеать времена и лета, то мудрено, чтобы сие досталось в собственность нашим гаданиям и расчетам. Но теперь, когда 1836 год наступил, когда предшествовавшие ему годы не соответствовали гаданиям, не кажется мне, что можно дремать беспечно. Мне кажется, что наши дела не к золотому веку ведут».

Этот год Филарет встречал в Петербурге. В другом письме Антонию он с тревогой сообщал: «Учащаются беды. Читали Вы в ведомостях, как в воскресенье Страшного Суда среди Петербурга сгорело более ста человек в увеселительном деревянном здании. Накануне того же дня, того же фигляра, два строения в Москве также сгорели, но, слава Богу, без людей». Имелся в виду пожар в балагане Лемана 1 февраля в последнее воскресенье перед заговением на Великий пост, которое именуется неделей о Страшном суде. В этом пожаре заживо сгорело 126 человек. Далее: «В Серпухове сгорела значительная часть женского монастыря, только церковей близкая опасность не коснулась. О волке московском Вы, без сомнения, слышали».

Московским волком называли сбежавшую из зоопарка гиену, которая, бегая по Первопрестольной, перекусила уйму народа. Но в тональности писем Филарета сквозит опасение о том, что предсказания сбудутся, что мир стоит на грани Страшного суда. Вот мартовское письмо: «Вероятно, Вы слышали, что в Англии видели в воздухе конное войско. Недавно, говорят, в Венгрии было ужасное землетрясение, и одно озеро весьма

большое ужасно кипело и испускало пар или дым. Что-то принесет у нас после необыкновенно холодной зимы необыкновенно ранняя весна? Умножение волков около Смоленска, говорят, очень далеко от обыкновенного. Молитесь, да избавит нас Господь от всякия скорби, гнева и нужды».

В то время в Синоде шла «борьба за преобладание» — именно так назвал свою повесть, посвященную данным событиям, Николай Семенович Лесков. Эту борьбу развернул обер-прокурор Стефан Дмитриевич Нечаев, занявший сей пост в 1833 году. До него, после Голицына, с 1817 года обер-прокурором был князь Петр Сергеевич Мещерский. При нем в Синоде, как сказано у Лескова, «в каждом угле расстилались тишь, гладь и Божия благодать», «строго соблюдалась тишина и порядок, почти как во время народного церковного богослужения». С приходом Нечаева все резко изменилось. По-своему это был незаурядный человек. Он навел порядок в канцеляриях, провел ревизии в духовных консисториях, начал разрабатывать устав духовных консисторий, установил контроль над финансами Синода, много делал для улучшения духовно-учебных заведений и положения белого духовенства, подготовил присоединение униатов к православной церкви. Как историк Стефан Дмитриевич прославился своими трудами по исследованию истории Куликовской битвы, много сделал для увековечивания памяти героев этого сражения, именно его стараниями на поле Куликовом была воздвигнута величественная колонна в виде колокольни, увенчанной златоглавым куполом и крестом.

Приход нового обер-прокурора совпал с переездом Синода в здание на Сенатской площади, творение великого архитектора Карла Ивановича Росси. Прежде Нечаев вел себя по отношению к Филарету весьма почтительно, но теперь почему-то решил показать, что обер-прокурор Святейшего синода — фигура гораздо более важная, чем митрополиты, включая и Петербургского, и Московского. Филарет к тому времени считался уже столпом в Синоде, и вскоре на него появился жандармский донос, как полагают, организованный самим обер-прокурором. Владыка направил оправдательное письмо государю и неожиданно вызвал недовольство царя именно тем, что сам себя оправдывал.

Следующий удар пришелся против Андрея Николаевича Муравьева, которого после выхода в свет его «Путешествия по святым местам Востока» почитали как благочестивого православного писателя. К тому же назначенный в Синод государем и продвигаемый всячески Филаретом, Муравьев со временем обещал сам стать обер-прокурором, и Нечаеву

нужно было повалить соперника. Начали поступать доносы на Андрея Николаевича.

Зимой 1836 года, находясь в Петербурге, святитель Филарет чувствовал охлаждение к нему в обществе, вызванное интригами обер-прокурора. Старался не замечать происходящего. 18 января в Императорской академии наук он прочитал записку «О русской риторике XI века», которая и по сей день входит во все хрестоматии по риторике.

Борьба обер-прокурора за превосходство в Синоде внезапно окончилась, когда у Нечаева сильно заболела жена, ее отправили лечиться в Крым, там ей стало хуже, Стефан Дмитриевич вынужден был оставить дела и отправиться к супруге, быть при ней, покуда она умирала, а его должность 25 мая 1836 года передали товарищу министра народного просвещения графу Николаю Александровичу Протасову.

— Вот теперь-то и наступит конец света! — говорили синодалы, потому что тридцатисемилетний лейб-гусарский полковник Протасов имел репутацию «шаркуна и танцора».

Есть легенда, что Протасов, получив обер-прокурорское назначение, приехал к генерал-адъютанту Чичерину и сказал:

— Поздравь меня! Я — министр, я — архиерей, я — черт знает что!

Киевский митрополит Филарет (Амфитеатров), узнав об этом, остроумно заметил:

— Справедливо только последнее.

Филарет в Петербурге отсутствовал. Будь он в городе, возможно, ему удалось бы добиться назначения Муравьева. «Хотя смещение Нечаева и могло быть угодно Филарету, который не забывал обид и, конечно, помнил, как Нечаев сначала оклеветал его через жандармов, а потом подвел хитростью в немилость у государя, но что касается просьбы о назначении совершенно неподходящего к синодским делам гусара, то весьма трудно допустить, чтобы Филарет на это согласился», — пишет Лесков. Назначению Протасова способствовала императрица, которой он очень нравился. А петербургский митрополит Серафим (Глаголевский) не посмел воспрепятствовать, поскольку в свои семьдесят с лишним лет сделался весьма робким.

Об отношении Протасова к Филарету есть свидетельство Муравьева, что он «не имел к нему доверенности по старым наговорам о мнимом его мистицизме и что всего страннее, о про-тестанстве, когда по его единственному катехизису училась Православию вся Россия». Шлейф давнишнего покровительства Филарету со стороны расплодившего на Руси протестантов сумасброда Голицына так и тянулся за митрополитом

Московским.

Между тем Лесков доказывает, что Муравьев сам сопричастен к написанию от лица Синода записки к государю с просьбой вместо Нечаева назначить Протасова, и таким образом, получается, что друг Филарета способствовал назначению на должность обер-прокурора человека, который вскоре обрушится на московского архиерея с новой волной нападков. «Подведя церковь «под гусара», он увидал, что сплеховал, и, получив, что мог, от Протасова, отбыл в страны дальные, но не с пустыми целями обыкновенного туриста, а с серьезною заботою просветить Рим насчет восточного православия и разъяснить русским несостоятельность римского католицизма...» — пишет Лесков о Муравьеве.

А в то время как в Петербурге кипели страсти вокруг нового обер-прокурорского назначения, на Москве митрополит Филарет наслаждался дружбой со своим прежним соперником и почти врагом — архимандритом Фотием (Спасским). Отныне они стали друзьями, и Филарету доставляло особое удовольствие привечать у себя в гостях Фотия и его духовную дочь Анну Алексеевну Орлову-Чесменскую. Возможно, присутствовали гости и в Клину, где при освящении соборного храма Пресвятой Троицы Московский Златоуст произносил очередную проповедь о необходимости посещения храмов. Как видно, не умолкали голоса тех, кто, как не редко приходится слышать и теперь, говорил, что можно и в душе своей молиться, и дома, а в храмы ходить не обязательно.

— Но можно сказать, — говорил Филарет, — что первый на земле храм Божий был самый рай, в котором Бог благодатно являлся человеку, в котором человек, освященный образом Божиим, был непорочным священником, в котором видимою, таинственною святынею было древо жизни; поелику от сего древа человек таинственно вкушал нетленную жизнь, подобно как мы ныне, на трапезе Господней, от плода пшеницы и лозы, таинственно и существенно вкушаем бессмертную жизнь Божественного Тела и Крови Христовой. С тех пор как человек грехопадением сокрушил в себе образ Божий и перестал быть живым храмом Божиим, потребность видимого, образовательного, тайноводственного храма Божия очевидно сделалась более ощутительною, и священная история показывает, что сколько человек трудился над удовлетворением сей потребности, столько же еще более Сам Бог споспешествовал тому... Сам основатель христианства Иисус Христос не только посещал храм Иерусалимский, но и защищал его достоинство против оскорбления, когда изгнал из него продающих и купующих; это, без сомнения, не для того, чтобы поддержать храм, которого скорое падение

Сам Он предсказал, но для того, чтобы сохранить в христианстве мысль о святости храма Божия и о должном к нему благоговении.

И далее — уже о христианских храмах:

— Первоначальным образцом их послужила, без сомнения, та горница велия (Лк. XXII. 12), в которой Господь установил и в первый раз совершил таинство Тела и Крови Своея. Он Сам ее для сего назначил и, как верховный Архиерей, освятил... Посещайте храм Божий прилежно; пребывайте в нем благоговейно, участвуйте здесь в молитвах и славословиях сердечно; слушайте возвещаемое Слово Божие внимательно, не так, чтобы только слышать и на время занимать свое любопытство, но так, чтобы слышанное прилагать к своему сердцу, сохранять в памяти, возобновлять в размышлении, обращать в дело и жизнь... Церковь не требует, чтобы все вы отвергли ваши домашние дела; но желает, чтобы все привели в порядок ваши дела душевные... Но если и в праздник к утреннему богослужению храма не пускает вас леность и сон, к дневному — неуместное дело мирское, к вечернему — опять мирское веселие или леность и отвычка: отдаю на суд вашей совести, христианские ли это обычаи!

Наверное, слушали гости и проповедь Филарета в Чудовом монастыре о громадкости суетного мира, от которой нужно избавляться, если хочешь следовать за Христом:

— Если, не обманывая себя, желаешь спастись, то будь верным последователем Христа по пути истинной веры Его и заповедей Его, и как можно оставляй позади себя все, что не может или не хочет проходить с тобою путем тесным, но единым спасительным.

А отправляя своих дорогих гостей в лавру, он писал Антонию: «Примите, отец наместник, посетителей, графиню Анну Алексеевну и о. архимандрита Фотия, со всем вниманием. О. архимандрита возьмите в мои келлии или где покойнее отдохнуть ему. Исполните священное, чего пожелают. Между прочим, о. архимандрит желает слушать панихиду по схимонахе Михаиле. Предложите им и угощение от нашего усердия».

В июле произошло событие, которое долго подготавливалось мудрым Филаретом, знающим, что нельзя торопить людей с принятием монашества. Маргарита Тучкова наконец дождалась того дня, когда ей суждено было расстаться со своим именем. Вообще говоря, красивое имя Маргарита — только первая составная имени антиохийской великомученицы, которую полностью звали Марина Маргарита, что означает «морская жемчужина». Теперь Маргарита должна была исчезнуть, чтобы вместо нее появилась монахиня Мелания, что по-гречески значит

«черная». Постриг совершал в Троице-Сергиевой лавре наместник Антоний, а Филарет присутствовал при этом в качестве восприемника новой инокини. Отныне его письма к ней будут начинаться со слов: «Благословение и мир от Господа начальнице общежительствующих Мелании и сподвизающимся в послушании любви».

В 1836 году исполнилось десять лет со дня коронования императора Николая I, и в сей день 22 августа, приветствуя на Москве государя, приехавшего в Первопрестольную ради сего торжества, святитель Филарет произнес в Успенском соборе Кремля слово, в котором с огромным восторгом очертил успехи первых лет николаевского царствования:

— Смотрите. Враги внешние побеждены и укрощены. Враги домашние уничтожены. Союзы, особенно благоприятные миру царей и народов, укреплены особенно. Редким царским искусством враги переработаны в друзей. Силе бедствий, которые предупредить и отвратить не во власти человеческой было, не раз могущественно и благотельно противопоставлено личное присутствие благочестивейшего императора. Военные силы бдительным попечением непрерывно содержаны и содержатся в развитии, соответственном достоинству и безопасности государства; в особенности же морские, не только увеличены, но, не знаю, не сказать ли, воскрешены пристальным животворным царским взором. Просвещение, искусства, промышленность разнообразно поощрены. Законодательство и правосудие получило свой особенный венец в систематическом составе законов. Человеколюбивые заведения для воспитания, врачевания, призрения возвращены в число и цветут под незаходящим солнцем непосредственного царского призрения. Всякая нужда, бедность, несчастье, общественное, частное непрерывно находили и находят отверстою благоденствующую руку царскую. Соответственно потребностям святая Церковь, ее пастыри, ее храмы, ее обители частью умножены, частью облагодетельствованы. В областях, где в прежние несчастные времена Восточное благочестие стеснено было насилиями Запада, собственное око благочестивейшего государя усмотрело неблагообразие православных храмов, и особенная его воля облекла их приличным благолепием... Вот некоторые части высокой работы в венце царского десятилетия! Величественно и сладостно сияет он оку сердца русского; и не только в настоящее время, но и на будущее отражает свет благих надежд.

Столь высокой оценки пока еще никто не удостоивался в устах святителя Филарета. Подозревать его в неискренности — нелепо, из предыдущих проповедей видно, что он мог произнести слова о

необходимости послушания царю, мог сравнивать государя с библейскими царями и обойти стороной точное упоминание тех или иных деяний императора. Но он нарочито останавливается на том, что сделано помазанником Божьим «за отчетный период». Прямо, можно сказать, по пунктам желает подчеркнуть заслуги Николая.

Осенью 1836 года Россию взбудоражила публикация в московском журнале «Телескоп» первого «Философического письма» Петра Яковлевича Чаадаева, в котором он камня на камне не оставлял от русской истории, а также весьма скептически взирал и на религиозные христианские чувства россиян: «Сначала дикое варварство, затем грубое суеверие, далее иноземное владычество, жестокое и унижительное, дух которого национальная власть впоследствии унаследовала, — вот печальная история нашей юности. Поры бьющей через край деятельности, кипучей игры нравственных сил народа — ничего подобного у нас не было. Эпоха нашей социальной жизни, соответствующая этому возрасту, была наполнена тусклым и мрачным существованием без силы, без энергии, одушевляемым только злодеяниями и смягчаемым только рабством. Никаких чарующих воспоминаний, никаких пленительных образов в памяти, никаких действенных наставлений в национальной традиции. Окиньте взором все прожитые века, все занятые нами пространства, и Вы не найдете ни одного приковывающего к себе воспоминания, ни одного почтенного памятника, который бы властно говорил о прошедшем и рисовал его живо и картинно. Мы живем лишь в самом ограниченном настоящем без прошедшего и без будущего, среди плоского застоя. И если мы иногда волнуемся, то не в ожидании или не с пожеланием какого-нибудь общего блага, а в ребяческом легкомыслии младенца, когда он тянется и протягивает руки к погремушке, которую ему показывает кормилица». «Народы — существа нравственные, точно так, как и отдельные личности. Их воспитывают века, как людей воспитывают годы. Про нас можно сказать, что мы составляем как бы исключение среди народов. Мы принадлежим к тем из них, которые как бы не входят составной частью в род человеческий, а существуют лишь для того, чтобы преподать великий урок миру».

Забавно, что нашим первым западником стал человек, носящий такую уж очень восточную фамилию. Чаадай (иначе — Чагатай, Джагатай) — второй сын Чингисхана. От него произошло племя Чаадаев или чагатаев, которые создали свое государство в Средней Азии. Существовал чагатайский язык. А самым знаменитым чаадаем был Тамерлан.

Чаадаев расколол общество, дав два направления мыслей и пристрастий. Те, кто разделял точки зрения Петра Яковлевича, становились впоследствии западниками, а те, кто яростно критиковал его, — славянофилами. Уж очень резко разграничил он проклинаемую им Россию и обожаемый им Запад: «Опыт времен для нас не существует. Века и поколения протекли для нас бесплодно. Глядя на нас, можно сказать, что по отношению к нам всеобщий закон человечества сведен на нет. Одинокие в мире, мы миру ничего не дали, ничего у мира не взяли, мы не внесли в массу человеческих идей ни одной мысли, мы ни в чем не содействовали движению вперед человеческого разума, а все, что досталось нам от этого движения, мы исказили. Начиная с самых первых мгновений нашего социального существования, от нас не вышло ничего пригодного для общего блага людей, ни одна полезная мысль не дала ростка на бесплодной почве нашей родины, ни одна великая истина не была выдвинута из нашей среды; мы не дали себе труда ничего создать в области воображения и из того, что создано воображением других, мы заимствовали одну лишь обманчивую внешность и бесполезную роскошь».

В то время как Запад стремительно двигался к вырождению христианства, в России оно держалось, во многом благодаря таким столпам православной церкви, как Филарет Московский. Но Чаадаев высказывал крайне противоположное мнение на сей счет: «Вопреки имени христиан, которое мы носили, в то самое время, когда христианство величественно шествовало по пути, указанному божественным его основателем, и увлекало за собой поколения, мы не двигались с места. Весь мир перестраивался заново, у нас же ничего не созидалось: мы по-прежнему ютились в своих лачугах из бревен и соломы. Словом, новые судьбы человеческого рода не для нас свершались. Хотя мы и христиане, не для нас созревали плоды христианства».

Скандал с этой публикацией, естественно, не мог пройти мимо святителя Филарета. Он дал строгие и четкие оценки «Философическому письму»: «Статью Телескопа, оскорбительную для Церкви и для России, мне показали, ибо, впрочем, сего журнала я не имел и не читал. Правительство обратило внимание на сие безумие. Странно, что пропустил к напечатанию ректор университета. Мне казалось возможным сие не иначе, как разве пропустил не читав; но некоторые говорят, что даже поправлял. Найдите и прочитайте лист Северной Пчелы, вышедшей третьего дня. Тут есть хорошее противоядие против статьи Телескопа».

Император был куда более прямолинеен в оценке статьи Чаадаева: «Смесь дерзостной бессмыслицы, достойной умалишенного». «Телескоп»

закрыли, его издателя Николая Ивановича Надеждина сослали, Чаадаева объявили сумасшедшим и заставили пройти принудительное медицинское обследование. Poleмики не получилось. Тогда все видели славу России и ее истории, все видели себя христианами в лучшем проявлении, нежели европейцы, и большинство людей сочли нелепым спорить с тем, кто говорил, что у России нет истории, что мы народ дикий и варварский и что наше христианство невежественное. Poleмика станет развиваться постепенно, в будущие годы.

А противоядием статье «Телескопа» Филарет назвал опубликованный в болгаринской «Северной пчеле» отрывок из книги писателя и дипломата, албанца по национальности, Константина Михайловича Базили «Боспор и новые очерки Константинополя». В этом отрывке, озаглавленном «Восток и Запад», автор оценивал западное христианство как основанное на насилии, а восточное — как движимое любовью.

Московскому обер-полицеймейстеру Льву Михайловичу Цынскому пришлось отдуваться за статью Чаадаева перед высшим начальством. В его переписке с московским генерал-губернатором Дмитрием Владимировичем Голицыным сохранилось любопытное письмо. В нем Цынский уведомляет: «После статьи, напечатанной в XV номере Московского телескопа под заглавием философические письма, поступила ныне в редакцию статья под названием: «Несколько слов о философическом письме, напечатанном в XV книге Телескопа». Статью сию представляя при сем в копии на усмотрение Вашего сиятельства, я имею честь присовокупить, что как ныне издание Телескопа запрещено, то оную статью предполагают напечатать в Московском наблюдателе. Сей час я получил сведение, что статья сия вся уничтожена и не будет помещена в наблюдателе; корректурной же печатанной лист оной находится у меня.

Генерал Майор Цынский

Примечание: статья сия, как слышно, сочинена Митрополитом Филаретом».

Видимо, готовился мощный ответ Чаадаеву, но затем было принято решение поступить решительнее — объявить автора «Философического письма» психом, а с чокнутым спорить глупо. Так античаадаевская статья и не попала в печать. Сохранилась копия корректурного оттиска этой статьи, скорее всего, и впрямь принадлежащей перу Московского Златоуста.

Подражая манере письма Чаадаева, автор также пишет к некоей неизвестной адресатке. Причем, в отличие от той, к кому обращается Чаадаев, здесь в качестве собеседницы вполне можно увидеть саму Россию. Вот некоторые ключевые высказывания из сего «Античаадаева»:

«Тебя удивила, мой друг, статья философические письма, помещенная в 15 № Телескопа, тебя даже обидела она, ты невольно повторяешь: неужели мы так ничтожны в сравнении с Европой, неужели мы, в самом деле, похожи на приемышей в общей семье человечества? Я понимаю, какое грустное чувство поселяет в тебе эта мысль; успокойся, мой друг, эта статья писана не для тебя; всякое преобразование твоего сердца и твоей души было бы зло: ты родилась уже истинной христианкой...»

«Я знаю, как соблазняла тебя не христианская жизнь людей того общества, которое должно служить примером для прочих состояний. Ты устояла от соблазна, не увлеклась на путь не имеющей цели жизни, — и теперь сама видишь, что на избранном тобою пути нельзя ни потерять, ни расточить земного блага; ибо избранный тобою путь есть стезя, на которой человек безопасен от хищничества и ласкательства и по которой, со временем, должно идти все человечество».

«Если ты уже постигла один раз истину и следуешь ей, то не думай, чтоб истину можно было совершенствовать; ее откровение совершилось один раз и навеки, и потому слова: «сколько светлых лучей прорезало в это время мрак покрывавший всю Европу!» относятся только к открытиям, касающимся до совершенствования вещественной жизни, а не духовной; ибо сущность религии (не имеет форм она) есть неизменный вовеки дух света, проникающий все формы земные. Следовательно, мы не отстали в том отношении от других просвещенных народов; а язычество таится еще во всей Европе: сколько еще поклонников идолам, рассыпавшимся в золото и почести. Что же касается до условных форм общественной жизни, то пусть опыты совершаются не над нами: можно жить мудро чужими опытами; зачем нам вдаваться в крайности: испытывать страсти сердца, как Франция, охлаждаться преобладанием ума, как Англия; пусть одна перегорает, а другая стынет; одна от излишних усилий может нажать аневризм, а другая от излишней полноты — паралич. Россия же при крепком своем сложении, умеренной жизнью может достигнуть до маститых веков существования, предназначенного народам».

«Если бы мы не жили мощными впечатлениями времен прошедших, мы не гордились бы своим именем, мы бы не смогли свергнуть с себя имя монголов, поклонились бы давно власти какого-нибудь Сикста V или Наполеона, признали бы между адом и раем чистилище, и наконец давно обратились уже в ханжей, следующих правилу «нести зла в прегрешении тайном». Кому нужна такая индульгенция, тот не найдет ее в наших постановлениях Церкви».

«Наше общество действительно составляет теперь разногласие

понятий и все так от того, что понятия передаются нам разномысленными, приезжающими из Франции, Англии и Германии воспитателями, от того-то общество наше, долженствующее подавать собою во всем пример прочим состояниям, настроено на разный лад, и эта расстроенность не кончится до тех пор, пока не образуется у нас достаточное число наставников собственных, достойных уважения и доверия родителей».

«Таким-то образом чужие понятия расстраивали нас с своими собственными. Мы отложили заботу о совершенствовании всего своего, ибо в нас внушили любовь и уважение только к чужому, и это стоит нам нравственного унижения. Родной язык неуважен, древний наш прямодушный нрав часто заменяется ухищрением, крепость тела изнеживается...»

«Зачем вершины наши отрываются от подножий, зачем они часто живут как гости на родине, не только говорят, едят, но и мыслят не по-русски? Отвечай мне, мой друг, на эти вопросы — истинны ли они! Отвечай, — нужны ли соколу павлиньи перья, чтоб быть также птицей Божьей и исполнить свое предназначение в судьбе всего творения?»

«При разделении односемейности европейской на латинскую и тевтоническую сочинитель несправедливо отстранил семью греко-русскую, которая также идет в связи с прочим и, можно сказать, составляет средину между крайностями слепоты и ясновидения».

«От добровольного соединения Греции и Севера родилась Русь; от насильственного соединения Рима с Севером родились Западные Царства. Греция и Рим отжили. Русь одна наследница Греции, у Рима много было наследников. На три духовных владычества и по сие время разделяют христианский мир, истина еще в трех видах: в образе вещественном католичества, в образе духовном протестантства, и в образе слияния вещественности с духовностью Греко-русской Церкви».

«Смотрите только на Запад, вы ничего не увидите на Востоке, смотрите непрерывно на небо, вы ничего не заметите на земле. Положим, что мы «отшельники в мире, ничего ему не дали», но чтобы ничего не взяли у него, это логически несправедливо, мы заняли у него неуважение к самим себе, если согласиться с сочинителем письма».

«Покуда Русь переносила детские болезни, невольно покорствовалась истукану ханскому и была между тем стеной, защищавшей христианский мир от магометанского, Европа в это время училась у греков и у наследников их наукам и искусствам. Всемирное вещественное преобладание павшего Рима оснащалось снова в Ватикане, мнимо преображаясь в формы духовного преобладания; но это было новое

насилие человечеству. Это преобладание было не преобладанием слова, а преобладание меча, только скрытого. Россия устояла во благо общее — это заслуга ее».

«Мы принимали от умирающей Греции святое наследие, символ искупления, и учились слову; мы отстаивали его от нашествия Корана и не отдали во власть Папы; сохраняли непорочную голубицу, перелетевшую из Византии на берега Днепра и припавшую на грудь Владимира».

«Вечные истины, переданные нам на Славянском языке, те же, каким следует и Европа, но от чего же мы не знаем его? Наше исповедание не запрещает, как Бог Соломону, постигать таинства вселенной и совершенствовать жизнь общую ко благу. Христианская религия нигде не имеет нужды управляться миром посредством предрассудков».

«Религия есть одно солнце, один свет для всех, но равно благодетельные лучи его не равно разливаются по земному шару, а соответственно общему закону вселенной. Согласуясь с климатом природы, у нас холоднее и климат идей; с крепостью тела у нас могут быть прочнее и силы души, — и мы не обречены к замерзанию. Природа дала нам средства согреть тело; от нас зависит беречь и душу от холода зла.

Этим хотел я кончить письмо мое; но не мог удержаться еще от нескольких слов в опровержение мнений, будто Россия не имеет ни истории, ни преданий, не значит ли это, что она не имеет ни корня, ни основы, ни русского духа, не имеет ни прошедшего, ни даже кладбища, которое напоминало бы ей величие предков. Надо знать только историю Солонов (?), чтоб быть до такой степени несправедливым.

Виновата ли летопись русского старого быта, что ее не читают? Не ранее ли века все настоящие просвещенные царства стали образовываться из хаоса варварства. В XII веке у нас христианский мир уже процветал мирно, а в Западной Европе что тогда делалось? Овцы западного стада, возбужденные пастырем своим, думали о преобладании; но верно святые земли не им были назначены под паству; вера не требует ни крови, ни гонений за веру; мечом не доказывают истины; Бог слова покоряет словом. Гроб господень не яблоко раздора. Он достояние всего человечества.

Таким же образом мнимо великое предприятие должно было решиться. Мы не принимали в нем участия, и похвалимся этим. Мы в это время образовали свой ум и душу, и потому-то ни одно царство, возникшее из средних времен, не представит нам памятников XII столетия, подобных слову Игоря, посланию Даниила к Георгию Долгорукому и многих других сочинений на славянском языке даже IX и X столетий. Есть ли у кого из народов европейских, кроме шотландцев, подобные нашим легенды и

песни, у кого столько своей родной души, откуда льются эти звонкие, непостижимые по полноте чувств, голоса хороводов; прочтите сборник Кирилла Данилова древнейших народных преданий-поэм. У какого народа христианского есть Нестор? У кого из народов есть столько ума в пословицах, а пословицы не есть ли плод опытной, давней народной жизни?

Еще оставалось бы высчитать тебе природные свойства и прижитые недостатки наших и прочих просвещенных народов, взвесить их и по ним уже заключить: который из народов способнее соединить в себе могущество вещественное и духовное? Но это новый, обширный предмет рассуждения. Довольно против мнения — что мы ничтожны».

Стиль изложения очень похож на филаретовский. К тому же начало, почти пародирующее начало письма Чаадаева. Вспомним, что и Пушкину на его «Дар напрасный» Филарет ответил пародией на его стихи, но пародией, заключающей во всем возражение тому, что написано у Пушкина. Точно так же и тут, пародируя манеру Чаадаева, автор во всем спорит с создателем «Философического письма».

Итак. Если принять, что статья «Несколько слов о философическом письме» действительно написана московским митрополитом, то следует признать, что как Чаадаев — первый западник, так святитель Филарет — первый славянофил!

Славянофиларет. В переводе с греческого: «любящий славянскую добродетель».

И — реакционер. В том смысле, в каком человеческий организм проявляет себя реакционером, выказывая какую-либо откровенную реакцию на болезнь.

Филарет первым, не улюлюкая: «Сумасшедший! Ату его!» — вышел на бой с клеветником России, чтобы не силой государственной машины и не силой общественного выдавливания, а силой просвещенного ума одолеть силу клеветы.

Жаль, что статья «Несколько слов о философическом письме» так и не была издана и вместо полемики власти предпочли выбрать путь почти физического устранения и клеветника, и тех, кто его печатал. Мол, незачем раздувать угли, лучше тайком и как можно быстрее их затоптать, чтобы никто и не видел, и дыма не унюхал. Но дым-то пошел, его унюхали, и последствия покажут себя в ближайшем будущем. В цепочке между декабристами и Герценом важнейшее звено — Чаадаев. Статья Филарета могла бы эту цепочку разорвать.

А ему велено было временно умолкнуть. Одно из писем Антонию того

времени так и начинается со слов: «Как долго я молчу!» Но дальше он поясняет: болею. Опять зима в Петербурге, опять хвори. Там он всегда простужался, страдал от болей в ухе. Лечился, а от лекарств, как водится, что-то излечивалось, а что-то калечилось. Принимаешь лекарства от простуды, а они вызывают боли в желудке...

Но куда докучливее петербургских болезней — участие в работе Синода. На это время Московский Златоуст умолкает, не звучат его вдохновенные проповеди. Покуда не вернется в свою дорожную Москву.

В эту зиму в Петербурге произошло страшное.

Убили Пушкина.

Убили гения русской словесности, человека, в котором всю шло новое развитие в сторону России и православия. Вместе с Филаретом Пушкин стал первым славянофилом. Ответ Филарета Чаадаеву остался втуне. А вот письмо Александра Сергеевича, написанное Петру Яковлевичу 19 октября 1836 года, обрело известность: «Что касается мыслей, то вы знаете, что я далеко не во всем согласен с вами. Нет сомнения, что схизма (разделение церквей) отъединила нас от остальной Европы и что мы не принимали участия ни в одном из великих событий, которые ее потрясли, но у нас было свое особое предназначение. Это Россия, это ее необъятные пространства поглотили монгольское нашествие. Татары не посмели перейти наши западные границы и оставить нас в тылу. Они отошли к своим пустыням, и христианская цивилизация была спасена. Для достижения этой цели мы должны были вести совершенно особое существование, которое, оставив нас христианами, сделало нас, однако, совершенно чуждыми христианскому миру, так что нашим мученичеством энергичное развитие католической Европы было избавлено от всяких помех. Вы говорите, что источник, откуда мы черпали христианство, был нечист, что Византия была достойна презрения и презираема и т. п. Ах, мой друг, разве сам Иисус Христос не родился евреем и разве Иерусалим не был притчею во языцех? Евангелие от этого разве менее изумительно? У греков мы взяли евангелие и предания, но не дух ребяческой мелочности и словопрений. Нравы Византии никогда не были нравами Киева. Наше духовенство, до Феофана, было достойно уважения, оно никогда не пятнало себя низостями папизма и, конечно, никогда не вызвало бы реформации в тот момент, когда человечество больше всего нуждалось в единстве... Что же касается нашей исторической ничтожности, то я решительно не могу с вами согласиться. Войны Олега и Святослава и даже удельные усобицы — разве это не та жизнь, полная кипучего брожения и

пылкой и бесцельной деятельности, которой отличается юность всех народов? Татарское нашествие — печальное и великое зрелище. Пробуждение России, развитие ее могущества, ее движение к единству (к русскому единству, разумеется), оба Ивана, величественная драма, начавшаяся в Угличе и закончившаяся в Ипатьевском монастыре, — как, неужели все это не история, а лишь бледный и полузабытый сон? А Петр Великий, который один есть целая история? А Екатерина II, которая поставила Россию на пороге Европы? А Александр, который привел вас в Париж? и (положа руку на сердце) разве не находите вы чего-то значительного в теперешнем положении России, чего-то такого, что поразит будущего историка? Думаете ли вы, что он поставит нас вне Европы? Хотя лично я сердечно привязан к государю, я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя; как литератора — меня раздражают, как человека с предрассудками — я оскорблен, — но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог ее дал».

Пушкин 1830-х годов — это тот, чья «душа согрета огнем Филарета». Он уже семьянин, у него один за другим рождаются дети, и он поступает на службу. Он знакомится с министром народного просвещения и президентом Петербургской академии наук графом Сергеем Семеновичем Уваровым, реакционером, автором знаменитой триады «православие — самодержавие — народность», ставшей девизом всей николаевской эпохи. Пушкин открыто заявляет о себе как о русском патриоте стихотворением 1831 года «Клеветникам России»:

*Вы грозны на словах — попробуйте на деле!
Иль старый богатырь, покойный на постеле,
Не в силах завинтить свой измайльский штык?
Иль русского царя уже бессильно слово?
Иль нам с Европой спорить ново?
Иль русский от побед отвык?
Иль мало нас? Или от Перми до Тавриды,
От финских хладных скал до пламенной Колхиды,
От потрясенного Кремля
До стен недвижного Китая,
Стальной щетиною сверкая.
Не встанет русская земля?..*

Какого себе ответа после таких строк ждал от Пушкина Чаадаев?..

Пушкин пишет свою величественную «Осень». Он создает «Историю пугачевского бунта», отнюдь не такую, какую можно было бы потом учить в школах по советским учебникам. Он творит удивительные по силе народного звучания свои пушкинские русские сказки и дает «Песни западных славян», якобы перевод Мериме, но на самом деле настоящее славянское произведение.

И вот наступает год 1836-й, предсказанный как конец света... Вокруг Пушкина сгущаются тучи. Царь хочет его гибели? Увольте! Не хотят видеть его жизнь и дальнейшее взросление те, кого он именовал клеветниками России. Им не может нравиться то, как он с иронией отзывается о «правах человека», за которые они другим готовы рвать глотки — «Не дорого ценю я громкие права...».

Пушкин ходит в церковь! «Во дни печальные Великого поста» он восторгается канонам Андрея Критского:

*Но дай мне зреть мои, о Боже, прегрешенья,
Да брат мой от меня не примет осужденья,
И дух смирения, терпения, любви
И целомудрия мне в сердце оживи.*

Он начинает печатать свой журнал «Современник», коего успеет издать лишь четыре тома, пятый будет выпущен его друзьями в качестве посвящения погибшему поэту. Он заканчивает «Капитанскую дочку», свое последнее крупное произведение. Пушкин не собирается умирать:

*О нет, мне жизнь не надоела,
Я жить люблю, я жить хочу...*

Он затеял величественный труд «История Петра Великого». Но конец света все ближе и ближе. Он наступит не в 1836 году, а 27 января 1837-го, в день святителя Иоанна Златоуста, на Черной речке...

Умиравшему Пушкину император написал: «Если Бог не велит нам уже свидеться на здешнем свете, посылаю тебе мое прощение и мой последний совет умереть христианином. О жене и детях не беспокойся, я беру их на свои руки». Государево прощение — за государственное преступление, именно так тогда квалифицировалась дуэль. Николай I не

только простил Пушкина за поединок, но и постановил после кончины поэта: «1. Заплатить долги. 2. Заложенное имение отца очистить от долга. 3. Вдове пенсия и дочери по замужеству. 4. Сыновей в пажи и по 1500 рублей на воспитание каждого по вступлении на службу. 5. Сочинения издать на казенный счет в пользу вдовы и детей. 6. Единовременно 10 000 рублей».

Дуэль признавалась не только государственным, но и православным преступлением. В отношении дуэлянтов не существовало особых постановлений, они попросту приравнивались к самоубийцам, коих нельзя было отпевать в храме, хоронить внутри церковной ограды и поминать в купе со всеми христианами. На исполнении этой строгости в отношении Пушкина настаивал петербургский митрополит Серафим. Переменить его твердую точку зрения взялся московский митрополит. Возможно, Филарету в числе других, а возможно, лишь одному Филарету мы обязаны тем, что Александр Сергеевич удостоился христианского упокоения. Иначе каков был бы соблазн для тех, кто обожает Пушкина и не слишком тверд в вере, обидеться на Церковь и отойти от нее! Только представить себе, как благодаря подобной твердости Серафима (Глаголевского) радовался бы весь антиправославный мир, если таким образом ему бы «подарили» Пушкина! А при безбожной власти большевиков Александра Сергеевича и вовсе противопоставили бы Христу, превратили в образец деятеля антихристианского сопротивления! Ведь, как и на могиле Льва Толстого, на могиле Пушкина не стоял бы крест.

А сейчас? Тоже страшно представить. Скольких нынешних православных священников посмертное отлучение Пушкина ввело бы в соблазн проповедовать, что читать творения русского гения грешно!

Конечно, утверждать, что посмертным спасением великого поэта мы обязаны Филарету, преувеличение. Здесь, прежде всего, во многом сыграло свою роль доброе отношение государя императора. Вот если бы Николай Павлович уперся в букву гражданского и религиозного закона, тогда дело плохо. Но и мнение Филарета внесло свою важную лепту. И слава богу, что он в то время оказался в Петербурге!

Когда пишут о кончине и погребении Пушкина, постоянно укоряют, а то и проклинают власти за то, что не устроили пышных похорон. Но устроить такие значило отменить строгое отношение к дуэлянтам. И дуэли посыпались бы как горох! Митрополит Серафим запретил отпевать Александра Сергеевича в Исаакиевском соборе, и отпевание происходило в церкви, которую всегда обозначают как «Конюшенная», дабы подчеркнуть, что гения русской словесности отпевали чуть ли не на конюшне среди

лошадей. На самом деле это храм Спаса Нерукотворного Образа, расположенный неподалеку от Мойки на Конюшенной площади внутри довольно величественного здания Конюшенного двора. Пишут, что это очень тесный храм. На самом деле храм довольно просторный, в чем нетрудно сейчас убедиться, поскольку он восстановлен. При советской власти в нем размещался целый институт гидропроекта.

Когда говорят, что «царь запретил отпевание в Исаакиевском соборе», невольно возникает мысль о шедевре Монферрана. Но в 1837 году нынешний главный собор Петербурга еще только строился, заканчивалось возведение купола. И это был четвертый Исаакиевский храм города.

Исаакий Далматский — святой, память которого совершается 30 мая (12 июня), а это день рождения Александра Невского и Петра Первого. Вот почему главным храмом Северной столицы должен был стать именно собор во имя Исаакия. Ведь Петр построил свой град в тех местах, где Александр разгромил на Неве шведов.

Первая церковь во имя святого Исаакия Далматского, деревянная, маленькая, появилась возле Адмиралтейства на месте, где сейчас высится Медный всадник, еще при Петре. Вторая, каменная, была возведена на ее месте, в 1735 году она сгорела, и ее разобрали. Третий Исаакиевский собор строился там же при Екатерине II, закончен был при Павле I, а освящен при Александре I. По проекту архитектора Ринальдини это должно было быть высокое строение из мрамора, на мраморном основании, но император Павел пустил мрамор на строительство Михайловского замка, и на мраморном основании был возведен нелепый кирпичный собор, который довольно быстро стал ветшать и разрушаться. Судя по всему, в 1837 году именно в этом разрушающемся соборе хотели отпевать Пушкина. Но император повелел перенести отпевание в храм Спаса Нерукотворного Образа, являвшийся придворным храмом. Тем самым государь подчеркивал, что Россия прощается не только с великим поэтом, но и с государственным деятелем.

Отпевание совершали архимандрит и шестеро священников, что тоже немало. Пришли лучшие поэты, гроб несли Крылов, Вяземский, Жуковский. Присутствовали высшие чины, среди которых был и министр народного просвещения Уваров. Ну а то, что ни один из архиереев, включая Филарета, не почтил своим посещением сего отпевания... Следует, повторяю, учитывать, что отпевали дуэлянта, по церковным понятиям — самоубийцу, впрочем, успевшего покаяться перед смертью настоятелю храма Спаса Нерукотворного Образа, протоиерею Петру Песоцкому.

Затем, как известно, тело раба Божия Александра было отвезено в

Святогорский монастырь, который Пушкин очень любил посещать во время проживания в Михайловском. Здесь он похоронил мать и за десять рублей купил для себя место, чтобы тоже быть похороненным на родовом пушкинском кладбище. Это была его воля.

Конец света ожидали в 1836 году, а он случился в начале 1837-го — малый конец света. Перестал светить русский солнечный гений Пушкин.

Глава девятнадцатая

ДУША ИХ ВО БЛАГИХ ВОДВОРИТСЯ

1837–1839

А жизнь продолжалась.

В год смерти Пушкина начинались торжества, посвященные 25-летию Отечественной войны, Заграничного похода и ответного визита в Париж. На Москве готовились начать новое строительство храма-памятника во имя Христа Спасителя, посвященного воинам, одолевшим Наполеона. Поскольку изгнание «Великой армии» состоялось в Рождество Христово, то и храм решено было посвятить этому второму по значению после Пасхи православному празднику. Еще в 1831 году государь выбрал новое место для строительства — на высоком берегу Москвы-реки, «на том месте, где ныне существует Алексеевский монастырь, обратя в площадь сей постройки... ту гору против дому князя Сергея Михайловича, где пожарное депо и дом бывший Бекетова, что ныне Сипягина, образуя сию гору вплоть до Москвы-реки. Мысль дивная, достойная Николая I, который желает, чтоб новый памятник смотрел на древний Кремль», — сообщал великому князю Михаилу Павловичу сенатор А. А. Башилов, заведовавший Комиссией для строений города Москвы. Место для Филарета весьма удобное, ибо дом князя Сергея Михайловича Голицына он продолжал постоянно посещать и здесь его по-прежнему встречала обстановка домашнего уюта и огромной любви. Так что, когда спрашивали его мнения о месте строительства храма Христа Спасителя, владыка горячо поддерживал сей выбор. Кстати, сам Сергей Михайлович в 1837 году стал вице-президентом Комиссии по строительству храма-памятника. Президентом являлся военный генерал-губернатор Москвы Дмитрий Владимирович Голицын.

Единственной причиной возражений по поводу сего места мог стать Алексеевский женский монастырь, основанный митрополитом Алексеем Московским, родные сестры которого стали первыми монахинями сей обители. Алексей наравне с Сергием Радонежским особо почитался святителем Филаретом. Вернувшись из Петербурга в Москву, 20 мая 1837 года надень обретения мощей Алексея Московский Златоуст вновь и вновь говорил о значении этой личности в отечественной истории и, кстати, напоминал о том, что тот тоже переводил Библию, «так особенно

потрудились в чистом изглаголении слова Божия, когда славенское преложение святого Евангелия с греческим подлинником поверил, и от несовершенств старого наречия и от описок невнимательных переписчиков очистил и исправил». И далее Филарет возглашал:

— Сей подвиг важен, между прочим, потому, что чрез него святитель, Богом просвещаемый, предварительно обличил неправое мнение людей, явившихся после него, которые даже донныне утверждают, будто в священных и церковных книгах и описку переписчика исправить, и непонятное слово перевода заменить понятным, непозволительно и противно православию. Они говорят: по старым неисправленным книгам спасались и спаслись известные святые; такие книги поправлять, значит, портить. Если бы так рассуждал святой Алексей, то, конечно, не стал бы он ни верить перевод, ни поправлять рукопись Евангелия, а должен был взять книгу Евангелия, какая в его время находилась в Успенском соборе, и сказать: по сей книге спасался и спасся святитель Петр; нечего здесь верить и исправлять. Но он верил и исправлял, и потому, очевидно, не так рассуждал, как новые ревнители не очень старой старины, а точно так же, как и древле, и ныне рассуждает православная Церковь, то есть, что спасительная истина Христова и в неисправленных, и в исправленных книгах одна; но что для сохранения и распространения сей самой истины исправная книга лучше неисправной.

То есть он не просто почитал святителя Алексея, но и призывал его себе в помощники, не оставляя мечты вновь получить разрешение на дальнейшие работы по переводу Библии. Казалось бы, Филарет должен был возражать против перенесения монастыря, основанного тем, кому он всегда подражал в своей архиерейской деятельности. Но постройки Алексеевского монастыря пришли в ветхость, их так и так надобно было сносить и строить новые. И Филарет смирился с переносом монастыря на другое место — в Красное село, что и произошло в 1837 году.

Летом того года Филарет встречал в Москве и у себя в гостях на Троицком подворье наследника цесаревича Александра Николаевича, к которому чувствовал особенное расположение:

— Всегда светло для нас твое пришествие, как заря от солнца России...

12 сентября Филарет освятил домовый храм при Московском университете во имя святой мученицы Татьяны, в день памяти которой императрица Елизавета Петровна подписала указ о создании на Москве университета. Впоследствии частица мощей Филарета станет одной из святынь этой церкви. И сейчас она особо берегается здесь.

В октябре Филарет привечал на Москве самого императора, возвратившегося с Кавказа, где снова начиналась война против турок ради дальнейшего овладения Россией черноморского побережья:

— Благочестивейший государь! Слава Богу, ты возвращаешься. Ты перешел горы, и горы отнял от наших сердец, озабоченных трудностями твоих исполинских путей по землям и морям твоей исполинской державы...

Становилось добрым обычаем присутствие царской семьи летом и осенью в Москве. Зимой Филарету опять предстояло ехать в Петербург, он сумел выпросить у государя разрешение остаться в Москве, поскольку вновь часто простужался, отчего болели то ухо, то глаз, но в ноябре Николай все же попросил его прибыть в Северную столицу по неотложным делам. «Тяжко и заботливо сие для моей немощи, — писал Филарет наместнику Антонию, — ибо и теперь дома не могу избавиться от простуды; но надобно творить дело послушания. Помолитесь, чтобы Господь укрепил и сохранил меня от неблагоприятного действия разных стихий».

В Петербург он прибыл 17 декабря и застал печальное событие, о котором писал Антонию: «Вместо того чтобы в первую ночь отдыхать, надлежало увидеть зарево пожара Зимнего дворца и проводить время в печальных и заботливых размышлениях. Чудная судьба! Эрмитаж был под ветром, и, по распоряжению государя, спасен; три стороны дворца были над ветром, и весь четвероугольник сгорел». А в собственной записной книжке Филарет отметил: «Мы в Петербурге вечером. Болезненному от сильной стужи в дороге, всю ночь не дал мне успокоиться неутихающий пожар Зимнего дворца».

В январе 1838 года, размышляя о петербургском пожаре, он пришел к остроумному выводу, о котором сообщил Антонию: «Заметили ль Вы, что три страшных и много убыточных пожара у трех народов разрушили то, что которому больше любезно: в Петербурге дворец, в Лондоне биржу, во Франции театр?» Биржа в Лондоне сгорела в ночь с 10 на 11 января, в том же январе сгорел в Париже театр «Опера комик». Далее в том же письме Филарет писал: «Сказать ли Вам, что еще кажется мне очень худым предзнаменованием? — Петербург сходит с ума в идолопоклонстве пред французскою плясавицею. Говорят, в то самое время, как она в театре бросалась в огонь, от которого должен был избавить ее бесстыдный языческий божок, — сделался пожар, истребивший дворец. Господу помолимся, да простит людские неведения и да очистит наши грехи». Под «французскою плясавицею» митрополит Московский подразумевал Марию

Тальони, с сентября 1837 года сводившую Петербург с ума. В опере-балете «Бог и баядерка» она исполняла партию баядерки, то бишь публичной женщины и танцовщицы, Золое, которая отвергла любовь верховного судьи Кашмира и за то отправлена на костер. Пламя охватывает баядерку, но появляется бог Брахма, хватает ее в объятия и уносит в облака. И как раз, когда в Большом театре Петербурга шло это огненное представление, загорелся Зимний дворец. Филарет увидел в этом наказание высшему петербургскому обществу, включая и самого императора, ибо Николай Павлович, увы, также «сходил с ума в идолопоклонстве» пред танцовщицей Тальони и по возвращении из Москвы в Петербург не пропускал спектаклей с ее участием, усаживал к себе в ложу и самозабвенно ею восторгался.

Героизация публичной женщины, спасаемой языческим божеством, конечно же не могла радовать Филарета, да и все духовенство. Но с пристрастием света к театру, в котором язычество пело и плясало напропалую, приходилось скрепя сердце если не мириться, то хоть как-то уживаться. Ворчать, возмущаться, по мере сил бороться. И указывать: разве то не причина стихийных бедствий?

Празднование двадцать пятой годовщины изгнания Наполеона из России из-за пожара Зимнего дворца не состоялось с тем размахом, которого ожидали. Какое тут празднование, коли надобно латать дыры! 29 декабря перед Казанским собором совершилось открытие памятников Кутузову и Барклаю де Толли, и это стало самым крупным событием тех торжеств.

Весной 1838 года святитель Филарет возвратился в Москву. Под его руководством основанная Маргаритой Тучковой, а ныне монахиней Меланией Спасо-Бородинская община на Бородинском поле превратилась в Спасо-Бородинский второклассный женский монастырь. А в июне владыка участвовал в церемонии переноса памятников прежней закладки храма Христа Спасителя и произнес слово в Троицкой церкви на Воробьевых горах:

— Мы призваны сюда, чтобы окончить то, что почти не начато, для приготовления к новому началу... Александр Благословенный положил в сих местах начало созиданию храма во имя Христа Спасителя, в ознаменование царственной благодарности за спасение России. Составлен чертеж здания, избрано место, даны средства сооружения, прошло двадцать лет, в начале которых думали, что к концу сего времени мы увидим здание возрастающим. Во столько времени мог бы даже явиться целый храм... Но Божие всемогущество явилось над могуществом человеческим, судьбы

Божии превознеслись и над возвышеннейшими и над лучшими помыслами человеческими... И посему мы не с скорбью или смущением идем снять основание несозданного еще храма, но с молитвою и упованием веры, и со священной торжественностью, с какою оное было положено... Соединимся, братия, в молитве, да дарует Господь после благочестивейшего Александра благочестивейшему Николаю благодать храмоздательства, как даровал оную после Давида Соломону.

В 1838 году производителем и главным архитектором храма Христа Спасителя был назначен автор нового проекта Константин Андреевич Тон. Началось строительство, здания Алексеевского монастыря подверглись сносу, началась выемка земли под фундамент, 27 июля начали класть каменные фундаменты особым способом, чтобы все основание храма представляло собой однородную каменную массу. На сей раз владыка Филарет внимательно следил за ходом работ, чему способствовало и его частое гостевание в доме у Сергея Михайловича Голицына.

Здоровье владыки продолжало ухудшаться. С наступлением зимы он жаловался на частые простуды, онемение кожи на руках, зуд в глазах. Игумен Аарон, славившийся своим врачевательским искусством, обихаживал Филарета, когда тому нездоровилось.

В конце 1838 года владыка с радостью узнал, что после десяти лет запрета вновь разрешено издание краткого Катехизиса. А 26 марта 1839 года последовала царская милость в виде награждения орденом Святого равноапостольного князя Владимира 1-й степени Большого креста. По старшинству орденов Владимир стоял сразу после Андрея Первозванного. Кавалеры 1-й степени имели знаки: крест налейте, надеваемой через правое плечо, и звезду на левой стороне груди. Подписанный императором рескрипт к награждению звучал так: «Долговременное служение Ваше Церкви и Отечеству всегда украшалось разнообразными и многотрудными занятиями; всегда и словом убеждения, и действием надзора храня целостность вверяемых Вам паств и заботясь умножать число сынов Православия, Вы еще особенно приносили дань общему благу Церкви в звании члена Святейшего Синода опытным знанием нужд ее и неутомимым трудолюбием по разным частям высшего Духовного Управления».

1839 год стал настоящим годом торжеств, посвященных памяти великой победы над Наполеоном. Исполнялось двадцать пять лет взятию русскими войсками Парижа и Пасхе на площади Согласия. Начинались торжества на Бородинском поле; 23 июля святитель Филарет освятил в Спасо-Бородинской обители храм Святого Праведного Филарета Милостивого и дал благословение самому монастырю, основанному той,

которую некогда звали в миру Маргаритой, а теперь она носила имя Мелания. И она хотела, чтобы храм в ее обители был посвящен тому, чье имя носил ее добрый пастырь.

— Добрая была мысль посвятить храм Богу на месте, где столь многие тысячи подвизавшихся за веру, царя и Отечество положили временную жизнь в надежде воспринять жизнь вечную, — говорил Филарет в своем пастырском слове. — Мысль обитать здесь родилась, может быть, в недрах частной, семейственной печали. Что нужды? Довольно на первый раз, если печаль сия принесена Богу, и в Нем взыскано утешение...

В конце августа Филарет снова отправлялся на Бородинское поле, теперь уже по иному торжественному случаю. «Помолитесь, отец наместник, преподобному Сергию да благословит путь мой в Бородино, предполагаемый вскоре после следующей полуночи. И да благоуправится тамошнее служение в мире и благоугождении Богу. Молитва при открытии памятника здесь у места более, нежели когда-либо, потому что памятник имеет христианский характер: на нем образ Спасителя, род главы и крест», — писал владыка наместнику Антонию 22 августа, вспоминая, должно быть, как не стал освящать Триумфальные ворота, украшенные языческими символами. Теперь все было в порядке. Можно ехать и освящать. Только бы здоровье не подвело! «Но мне стужают помыслы трудностию, чтобы у меня достало сил и средств. Я представил проект церемониала, государь утвердил его в 5 день сего месяца; но теперь армейские священники говорят, что церемониал изменен, а меня никто не уведомляет о сем. Предположенный крестный ход едва мне по силам...»

К 1839 году земля в центральной части Бородинского поля и само село Бородино были выкуплены императором Николаем у местных помещиков на имя цесаревича Александра. Для размещения царственных особ и свиты усадебный дом в селе Бородине был перестроен в двухэтажный деревянный дворец. 26 августа огромное число народу пришло на Бородинское поле. Участников торжеств оказалось больше, нежели в 1812 году здесь сражалось воинов обеих сторон! Стодвадцатитысячное войско и двести ветеранов битвы выстроились на Курганной высоте и батарее Раевского, где уже возвышался монумент в память о подвигах доблестных предков. Это был первый памятник русским воинам из созданных по проекту архитектора Д. Адамини. Восьмигранный чугунный столп, суживающийся кверху, увенчанный главой в виде булавы, древнего оружия русских витязей. Ничего подобного еще не видела история мировой монументалистики. Тридцатиметровый памятник сочетает в себе формы триумфальной колонны и православного храма. Увенчан крестом,

сияющим над просторами поля, овеянного славой. На лицевой, западной грани основания памятника — рельефное изображение образа Спаса Нерукотворного с надписью славянской вязью «В Нем спасение».

Накануне торжеств рядом с памятником был перезахоронен с воинскими почестями прах Петра Ивановича Багратиона, одного из полководцев Отечественной войны, отдавшего жизнь за спасение Родины.

Утром 26 августа на Бородинское поле выехал сам император. Увидев настоятельницу Спасо-Бородинской обители, он воскликнул:

— Вот почтенная вдова храброго генерала Тучкова! Она предупредила меня, воздвигнув здесь бессмертный памятник.

Небо было закрыто тучами, но когда процессия во главе с Филаретом, императором и Тучковой вышла из церкви и двинулась к памятнику под гром барабанов и звуки духовых оркестров, под пение церковных песнопений, солнечный луч, будто саблей, рассек облака, и солнце воссияло над величественной картиной происходящих торжеств.

Открывая памятник, государь извлек из ножен свою шпагу и склонил ее к подножию монумента, затем произнес речь:

— Здесь, на этом месте, за двадцать семь лет перед сим, надменный враг возмечтал победить русское войско, стоявшее за веру, царя и Отечество. Бог наказал безрассудного: от Москвы до Немана полегли дерзкие пришельцы — и мы вошли в Париж...

После крестного хода освящение памятника совершал митрополит Московский и Коломенский Филарет. Затем состоялся парад войск.

Напротив батареи Раевского была построена сторожка для двух воинов-ветеранов, которые, согласно указу императора, должны были ухаживать за памятником и могилой Багратиона, вести книгу записей посетителей, показывать приезжающим план сражения, находки с поля битвы. Первым экспонатом стал план сражения, привезенный из архива военно-топографического депо. Родственники участников битвы приносили в новый музей награды, мундиры, личные вещи, а местные жители — найденные в окрестностях клинки, ядра, старинное оружие. Так началась история музея Бородинской битвы.

29 августа впервые была воспроизведена Бородинская битва. Войска были выставлены на тех же местах. И так же, как тогда, стояла холодная погода. Все события двадцатисемилетней давности были воспроизведены со всей точностью и последовательностью.

«Слава Богу, отец наместник, бородинское богослужение совершилось в мире, и нетрудно было».

4 сентября, встречая императора на крыльце Успенского собора

Кремля, Филарет приветствовал его:

— Благочестивейший государь! С благоговением слышал твой древлепрестольный град, как ты, воздая подвигам рода минувшего, в то же время поучал подвигам род настоящий и грядущий, как освящал славу благочестием, как чуждую неги жизнь воинского стана услаждал для воинов — твоим примером...

«Слава Богу, отец наместник, государя императора сретили мы в Москве благополучно. Остается для меня трудный день заложения храма. Помолитесь, да благословит Господь и сему служению совершиться в мире».

В воскресный день 10 сентября в качестве следующего события памятных торжеств происходила закладка храма Христа Спасителя на новом месте. Вокруг уже заложенного фундамента были выстроены подмости, на которых разместилось десять тысяч человек. Рядом стояла часовня, украшенная ликами святых. Три тысячи воинов трех сводных батальонов гвардейских полков, участвовавших в маневрах на Бородинском поле, и батальон кадет Московского корпуса также были выстроены вокруг поприща храма. Вдоль дороги, по которой намечалось провести крестный ход от Успенского собора, выстроились двадцать один пехотный батальон и шесть кавалерийских эскадронов. В Успенском соборе митрополит Филарет совершал литургию. Красную площадь сплошь запрудили москвичи и приезжие со всей страны. Наконец началось шествие. Впереди всех шли ветераны Отечественной войны 1812 года. За ними несли чудотворные иконы Иверской и Владимирской Божьей Матери. Далее — члены Комиссии по постройке храма, генералы, участвовавшие в войне 1812 года, сто диаконов, священников и протоиереев, девять архимандритов и три епископа. За епископами шел митрополит Филарет. Сразу за ним верхом на коне — император Николай и наследник Александр. Другие члены августейшей фамилии. Чины Государственного совета, министры, придворные и генералитет. Московские колокольни оглашали столицу торжественным звоном. Крестный ход двинулся мимо Сената, вышел через Никольские ворота и двинулся к Москворецкому мосту, затем по Кремлевской набережной дошел до Водовзводной башни, свернул направо, затем налево — на Волхонку и достиг места закладки. Здесь митрополит Филарет обратился к императору и народу с речью:

— Есть для некоторых важных дел особенная судьба Провидения Божия, по которой одному избранному дается возвышенная мысль, а другому предоставляется величественное исполнение.

Он напоминал ветхозаветное событие, когда царь Давид в

благодарность за утверждение своего царства помыслил создать огромный храм Богу в Иерусалиме, но исполнение этого замысла довелось осуществить другому великому царю — Соломону.

— Так Александр Благословенный, благодарный Богу за спасение своего царства, помышляет создать для священных воспоминаний и благодарных молитв храм Христу Спасителю, в столице, бывшей всеسوожжением за спасение Отечества и возрожденной из пепла. Мысль его провозглашена; Церковь благословляла начинание Благословенного. Ты един из братьев его стоял тогда подле него; и теперь мы видим, что тебе еще тогда указал Вседержитель исполнить священный обет державного брата державною рукою. Итак, россияне, мы в современных происшествиях читаем древнюю книгу богоправимых царств! Священные времена проходят пред нами в деяниях наших царей! Какое утешение для веры! Какая надежда для Отечества!..

Когда речь Московского Златоуста отзвучала, придворный и синодальный хоры грянули «Тебе Бога хвалим», затем спели многая лета всей императорской фамилии. Грянули залпы артиллерии, расставленной на набережной против Кремля.

Заложен был не только храм Христа Спасителя. Закладывалось новое направление русской архитектуры. По желанию императора Николая и митрополита Филарета зодчие стали следовать древним византийским образцам. Во главе нового направления встал на Москве архитектор Константин Андреевич Тон. «Древнее русское зодчество воскресает в церквах золотыми маковицами и под рукою искусного художника получает характер самобытный, русский, тоновский», — писала в 1841 году «Художественная газета». Одновременно с храмом Христа Спасителя были заложены в Кремле Большой Кремлевский дворец и Оружейная палата, а все новые московские здания стали выстраиваться фасадами вдоль набережных Москвы-реки.

Освящая закладку храма на новом месте, вряд ли святитель Филарет думал о том, что не ему и не царю Николаю суждено будет дожить до того дня, когда сей храм откроется для богослужений; что сей храм будет взорван русскими людьми спустя сто лет после торжественной закладки; что еще через полстолетия его начнут возрождать и поднимут заново над Москвой-рекою. И что его, Филаретовы, мощи найдут свое упокоение в возрожденном из праха и забвения храме Христа Спасителя!

Глава двадцатая

ПАСТЫРСКИЙ ПОСОХ

1840–1842

— Мать Мария! Возьми посох!

Вот когда сбылось пророчество неизвестного старца! Тридцать пять лет прошло. А она как сейчас помнила день свадьбы, туман, застилавший сознание, и этот посох, протянутый ей невесть откуда взявшимся странником, одетым в лохмотья. Вот он, сей посох, по-прежнему при ней. Только отныне суждено ему стать игуменским.

28 июня 1840 года митрополит Филарет совершил пострижение инокини Мелании в мантию. Мелания получила новое имя — Мария. Она могла бы стать Натальей, ведь Бородинское сражение проходило в Натальин день. Но, кроме того, битва происходила в праздник Владимирской иконы Божьей Матери, а 28 июня — праздник иконы Приснодевы Марии, именуемой «Троеручица», и новоявленная игуменья получила имя Богородицы. Тогда-то и припомнился выкрик странника: «Мать Мария! Возьми посох!» На другой день Мария была поставлена игуменьею Спасо-Бородинской женской обители, и отныне она всегда ходила со своим свадебным посохом.

Для Филарета это стало радостным событием — его любимая духовная дочь сделалась игуменьею! Ему так нравилось приезжать к ней в гости, беседовать с ней, глядя в ее дивные небесно-голубые глаза, так много проплакавшие в своей жизни. Любил он угощаться бородинским хлебом, пряным и душистым. Рецепт приготовления принадлежал самой игуменье Марии. Она придумала его во дни Великого поста, чтобы немного скрасить однообразие великопостного стола, побаловать монахинь.

Однажды во время очередного своего приезда в Спасо-Бородинскую обитель митрополит Филарет спросил игуменью:

— Ну что, матушка Мария, довольна ли ты своими сестрами?

— Жаловаться мне не на кого, — последовал ответ, — только в том беда моя, что я грешная.

Владыка весело и нежно улыбнулся:

— Наконец-то в моей епархии нашлась грешная игуменья, а то, с кем ни поговорю, все святые!

Начинались сороковые годы — время начала строительства в России железных дорог и развития пароходства, усовершенствования медицины, время начала новых революционных движений и покорения Кавказа, подавления восстаний в Польше и Венгрии.

В церковной жизни важным был новый подъем в Польше православия, возрождение которого началось после присоединения к России польских земель сначала во времена Екатерины, а затем в 1815 году. Наполеон был разгромлен, не сбылись связанные с ним мечты, и католики без какого-либо принуждения мирились с православными поляками. Красиво писал об этом белорусский архиепископ Григорий Конисский: «Укротились свирепевшие, помирились и содружились с гонимыми гонявшие. Пасется у нас ныне вкуче волк с агнцем и рысь почивает с козлицем; лев, привыкший к добыче, законодательницей российской в другое естество превращен, яст плевы трудов своих, аки вол; и самый аспид человеколюбивейшей повелительницей, не знаю, как обаян, и жало яд свой потерял, так что и младое отроча небоязненно возлагает руки на пещеру его... Чудное сие позорище кто и со стороны видит, удивляется, а мы в восторг приходим и недоумеваем, сон ли се сладкий нам или истинное событие, веками желанное, но никогда не чаянное». Польские православные управлялись Минской епархией. В двадцатые годы вновь начались гонения, закончившиеся после подавления восстания. В 1834 году в Варшаве уже было учреждено викариатство Волынской епархии, а в 1840 году — самостоятельная епархия. Епископ Варшавский возводится в сан архиепископа Варшавского и Новогеоргиевского.

Благодаря деятельности митрополита Филарета все больше старообрядцев переходило под омофор официальной Церкви. Развивалась единоверческая ветвь старообрядчества — оставаясь верными своим устоям, двуперстию и всему прочему, что отличало раскольников от остальных русских православных, старообрядцы-единоверы признавали себя в юрисдикции Русской православной церкви. При посещении 8 сентября 1840 года Свято-Троицкой единоверческой церкви, перед заложением на единоверческом кладбище храма Всех Святых святитель произнес веское слово, призывая старообрядцев к полному единению со всеми остальными православными. Он приводил слова апостола Павла из его послания к римлянам: «Желаю видети вас, да некое подам вам дарование духовное ко утверждению вашему, сие же есть, соутешитися в вас верою общюю, вашею же и моею» (Рим. I. 11–12). Сказав о том, что он прибыл к старообрядцам-единоверам по обоюдному его и их желанию,

Филарет продолжал:

— Итак, вот для чего апостол желает посетить Церковь римскую, видеть христиан римских: он желает найти у них общую веру и общение в вере, ближайшим образом дознать и открыть, что римляне точно единоверцы ему, и он единоведец римлянам. И в сем дознании он уповает обрести соутешение, то есть взаимное утешение, римлянам от него, и ему от римлян, и не просто утешение человеческое, но дарование духовное, дар Святаго Духа Утешителя. Если, братия, и мы хотим быть верными сему апостольскому направлению, сообразными сему первоначальному образу Церкви Христовы: то надобно, чтоб и ваше предварившее приглашение, и мое к вам настоящее пришествие имело не иную цель, как веру общую, вашу же и мою. Едино должно быть и у меня и у вас желание, да обрящемся точно друг другу единоверцы, по вере истинной, православной, чистой, непорочной, от Господа Спасителя чрез святых апостолов и богоносных отцев преданной, и непрерывным и неизменным преданием и до нас достигшей; да в общении мирных сердец и несмущенных совестей, соутешимся верою общою, вашею же и моею, и в сем утешении познаем и ощути́м благодатное дарование духовное. Не домогаюсь покорить вас моему слову: покоряюсь слову евангельскому и апостольскому, и в покорении ему желаю быть вместе с вами.

Речь Филарета красноречиво свидетельствовала о его страстном желании видеть всех христиан объединенными:

— Когда Господь наш, отходя на вольное за нас страдание, Своєю всемогущею к Единосущному Отцу Своему молитвою на веки утверждал Свою Церковь: тогда, помолясь прежде о Своих апостолах, проповедниках веры, столпах Церкви, строителях тайн, потом продолжал молитву Свою так: не о сих же молю токмо, но и о верующих словесе их ради в Мя, да еси едино будут (Ин. XVII. 20–21). Слышите: не о том только печется Начальник и Совершитель веры, чтобы верующие пребывали в вере, но и в особенности о том, чтобы верующие все были едино. Итак, если кто и мнится иметь веру, но не держится великого единства всех верующих; ходит самочинно, не заботясь о искреннем общении с единою, святою, соборною и апостольскою Церковию: за такового весьма надобно бояться, чтобы он не остался вне действия спасительной молитвы Христовой, а следственно и вне спасения; ибо нет сомнения, что спасутся токмо те, за которых принес молитву Свою Ходатай Бога и человеков, и над которыми она исполнилась... Подлинно, сколько причин, и каких сильных причин и побуждений к единству! Если для рабов бывает средоточием единения один общий господин, и еще более для домашних глава семейства, для детей

отец: то кольми паче для нас, братия христиане, единый над всеми нами Господь Вседержитель, единый у всех нас Отец небесный!.. Братия святого храма сего! чем удостоверительнее мы дознаем из Божественного слова, сколь важно и необходимо единение в вере: тем заботливее надлежит нам помыслить о том, действительно ли мы имеем сие благо, можем ли, при настоящем видимом общении, внутренно и духовно, по Апостолу, соутешитися верою общею, вашею же и моею... Не едину ли единосущную и нераздельную Троицу, одними и теми же догматами православия исповедуем и славим? Не единую ли крестную смерть и живоносное воскресение Иисуса Христа полагаем в основание нашей веры и нашего спасения? Не единую ли благодать Святого Духа приемлем, в одних и тех же таинствах? Не одни ли и те же имеем заповеди и правила евангельские, апостольские, соборные, свято-отеческие?..

Эта речь стала своеобразным трактатом о различиях между христианами и о том, что при различиях возможно единство:

— Во втором столетии по Рождестве Христовом, между обычаями Церквей восточных и западных, была разность в предмете важном: восточные праздновали Пасху в четвертый-надесят день марта, хотя бы он был и не воскресный, а западные — непременно в воскресный день. Но при сем единство веры и единение Церквей существовало и не подлежало сомнению. Римский епископ Виктор восстал было за сие против восточных и покушался на расторжение церковного общения с ними: но сему не мирному намерению противустал и западный же епископ, святой Иринея, который притом напомянул Виктору, что когда святой Поликарп посетил Римского епископа Аникиту, тогда каждый из них остался при своем обычае празднования Пасхи, но тем не менее они имели общение между собою, и Аникита ради чести предоставил святому Поликарпу в своей Церкви первенство в совершении святой евхаристии, и оба расстались в мире, и мир сохранялся во всей Церкви между держащимися одного, и между держащимися другого обыкновения. Вот доказательство, что единоверие может существовать при разнообразии обряда и доказательство сие представляют вам святой Поликарп и святой Иринея. Воспомните при сем, что, по установлении на первом вселенском Соборе для всей Церкви одного времени празднования Пасхи, и вслед за тем общего пасхального круга, непокорные сему определению не были извинены старым обычаем, но были осуждены: и вот вы имеете древний церковный пример того, как церковная строгость может падать на непокорных и враждующих за обряд или обычай, терпимый в миролюбивых и послушных. Кто размыслит о сказанном теперь, внимательно и беспристрастно: тот, надеюсь, ясно

увидит, как и ныне святая Церковь согласна сама с собою, когда к искренно желающим быть чадами послушания снисходительно простирает свои матерния объятия, и, твердо держа свои общие древние обряды и благочестивые обычаи, не поставляет однако же в преграду единоверию некоторых частных старого времени обрядов, при уверенности в единстве догматов, таинств и священноначалия. Итак, братия, нет нам препятствия соутешиться верою общею, как истинным дарованием духовным, если только искренно сего желаем и усердно взыскуем... Имейте христианскую любовь; это просто: а любовь умудрится, чтобы соделать вас единомудренными; ибо ей свойственно соединять, а не разделять...

Так слово Филарета объединяло христиан России.

Рукополагая дмитровского епископа Иосифа, Филарет так говорил о епископском посохе:

— После прочих, прими и знамение твоего более внешнего делания — пастырский жезл. Да напоминает он тебе и жезл Аронов, прозябший с цветом и плодом, и жезл Моисеев, пресекавший море. И твоего начальствования жезл да цветет и благоухает словом истины и благочестия, да изращает плоды дел благих, и да пресекает препоны, дабы открывать людям Божиим путь спасения. Внимай себе и стаду: и Господь да пасет тебя и пасомых на месте злачнем, на воде покойнее да питает нас!

Епископский посох — символ того, что архиерей не сидит на одном месте, что он вечный странник в этом мире. По примеру своего любимого русского митрополита Алексея, постоянно ездившего то в Орду, то в Литву, то в Киев, то в Константинополь, владыка Филарет никогда не сидел на месте. Помимо ежегодных перемещений из Москвы в Петербург и обратно, он ежегодно объезжал свою епархию. А мысль его простиралась от Троицкого подворья до берегов Америки!

Какое бы событие в русской жизни ни происходило в первой половине и середине XIX столетия, чаще всего в нем можно было найти хоть какое-то участие Филарета.

Со времен Екатерины русские стали осваивать западное побережье Американского континента. Великий русский путешественник Григорий Иванович Шелихов основал Русскую Америку на Аляске. В 1799 году была создана Российско-Американская компания. Аляска в ту пору называлась Американским уездом Иркутской губернии. В николаевскую эпоху освоение Аляски обрело новый размах. Естественным образом встал вопрос о распространении на американских землях православной веры. И взошла апостольская звезда отца Иоанна Вениаминова.

И здесь не обошлось без влияния Филарета!

Отец Иоанн родился 26 августа 1797 года в сибирском селе Ангинском Иркутской епархии, в небогатой семье Евсевия Попова, пономаря местной Ильинской церкви. В 1806 году он поступил в Иркутскую духовную семинарию. Поповых там оказалось в избытке, и ректор многим из них дал другие фамилии, вот почему Иван Попов тогда стал Вениаминовым, в память о недавно скончавшемся иркутском епископе Вениамине. Женившись на дочери священника Благовещенской церкви, Екатерине Ивановне, и сразу затем был посвящен в диаконы к той же церкви. Закончил он семинарию одним из лучших, а через четыре года был рукоположен во священника.

В конце 1822 года в Благовещенской церкви появился новый прихожанин Иван Крюков, сорок лет проживший в колониях Российско-Американской компании. Своими рассказами он вдохновил молодого батюшку искать апостольского служения на Аляске. А когда иркутский епископ Михаил получил указание Святейшего синода о том, что на Алеутские острова нужно послать священника, отец Иоанн решил отправиться туда и 7 мая 1823 года выехал из Иркутска вместе с семьей. Он изучал язык островитян, обучал алеутов столярному, плотницкому, слесарному и кузнечному делу, изготовлению кирпича и каменной кладке. Построив храм, он стал постепенно приучать своих новых друзей к христианству. Он переводил православные молитвы на алеутский язык, а потом начал переводить Евангелие от Матфея.

Проведя десять лет на алеутском острове Уналашка, отец Иоанн в 1834 году был переведен на Аляску — в Михайловский собор Новоархангельского порта, расположенного на западном берегу острова Ситка. Здесь продолжилось его апостольское служение. На Ситке отец Иоанн устроил школу для новообращенных и их детей, где обучал их Закону Божию, грамоте и разным ремеслам, сам составлял учебники. На островах он написал «Опыт грамматики алеутско-лисьевского языка», а теперь так же рьяно взялся за изучение колошенского и кадьякского языков обитателей Аляски.

В 1839 году батюшка Иоанн приехал в Петербург, где ему необходимо было провести беседы с высшим церковным начальством о необходимости материальной поддержки его апостольским делам. Его тепло встретили и в Санкт-Петербурге, и в Москве, его работы готовились к публикации, успешно шел сбор средств...

25 ноября 1839 года отца Иоанна постигло страшное горе — в Иркутске внезапно скончалась его супруга. Кто мог лучше утешить

горестного священника, чем святитель Филарет Московский, находившийся тогда в Петербурге на очередной сессии Святейшего синода! Встретившись с отцом Иоанном, владыка стал горячо убеждать его в том, что смерть Екатерины Ивановны есть несомненный знак Божий.

— Пришло время, отец Иоанн, принять монашество. Такой просветитель, как вы, должен быть архиереем.

Беседы с Филаретом сильно повлияли на батюшку. Покуда он готовился к принятию монашеского пострига, ездил молиться в Троице-Сергиеву и в Киево-Печерскую лавры, Филарет хлопотал об устройстве его детей. В итоге дочери отца Иоанна поступили в Патриотический институт, а сыновья — в Санкт-Петербургскую духовную семинарию.

Все это время отец Иоанн постоянно молился святителю Иннокентию Иркутскому, и когда 29 ноября 1840 года в Петербурге митрополит Филарет совершал постриг, он назвал новоявленного монаха Иннокентием. На другой день инок Иннокентий был возведен Филаретом в сан архимандрита. Вскоре с архимандритом Иннокентием по совету Московского Златоуста встретился государь император. Николай сообщил ему о новом назначении — епископом вновь созданной по решению Святейшего синода епархии. 15 декабря 1840 года Филарет совершил архиерейскую хиротонию, и Иннокентий стал епископом Камчатским, Курильским и Алеутским.

10 января 1841 года Филарет благословил Иннокентия, и тот отправился из Петербурга на другой конец бескрайней Российской империи. По пути он заехал в Москву, потом в Троице-Сергиеву лавру, передал от Филарета письмо архимандриту Антонию: «Примите, отец наместник, подобающим образом преосвященного Иннокентия Камчатско-Алеутского и образом от обители благословите. Он уполномочен брать с собою потребных ему людей и желающих служить при нем. Если у нас найдется желающий и ему угодный, не будем скупы. И не останавливайтесь за перепискою со мною. На многое не отвечаю еще Вам, потому что простуда не позволяет долго держать на земле ноги, а лежащий писать еще не выучился.

Мир Вам и братии.

СПб. Января 10. 1841».

11 марта епископ Иннокентий приехал в Иркутск, а 27 сентября сошел на берег своей епархии. В 1842 году епископ Иннокентий начал на Ситке сооружение Миссионерского дома с Благовещенской часовней. Сейчас это здание — старейшая постройка на Аляске.

Так по слову Филарета начался новый этап апостольского служения

замечательного светильника православной веры, коему суждено будет после смерти Московского Златоуста занять его место на московской кафедре! Но до этого события впереди было еще четверть века. Разделенные друг с другом немислимыми расстояниями, Филарет и Иннокентий продолжали дружить, постоянно переписываясь. В трудные минуты жизни Иннокентий всегда искал у Филарета духовной поддержки и получал ее.

Находясь зимой 1840/41 года в Петербурге, московский митрополит присутствовал при переходе в православие невесты цесаревича. Принцесса Максимилиана-Вильгельмина-Августа-София-Мария Гессен-Дармштадтская, помолвленная с наследником Александром Николаевичем еще в апреле, приехала в Петербург и 5 декабря 1840 года была миропомазана и наречена великою княжною Марией Александровной. На другой день праздновались именины Николая I, и в сей день Мария Александровна и Александр Николаевич торжественно обручились. В письме архимандриту Антонию Филарет так описал это событие:

«Вчера и сегодня мы были свидетелями важных и радостных событий Августейшего Дома: вчера миропомазания высоконареченной невесты государя наследника цесаревича, а сегодня обручения их высочеств. Благоверная княжна произнесла исповедание веры с величественною скромностию и благоговением и таким чистым словом, какого нельзя было ожидать от ее недавнего знакомства с Россией. Нынешний праздник исполнен был тихо-светлой радости».

А вот из Москвы к Филарету приходили тревожные известия о том, что его дорогой друг князь Сергей Михайлович Голицын склоняется к тому, чтобы помириться со своей нагулявшейся супругой Евдокией Ивановной. Владыка опасался, что, поселившись в доме у Сергея Михайловича, «ночная принцесса» устроит там свой порядок, все пойдет кувырком, и уже не будет у него в Москве такого родного уголка, куда можно всякий час приехать и получить уют.

Еще шесть лет назад осенью 1834 года Сергей Михайлович давал у себя в доме роскошный бал, на который соизволила прилететь перелетная птица Евдокия Ивановна. Она пыталась уговорить мужа простить ее и восстановить брак, но Голицын остался непреклонным.

И вот она снова пожаловала в Москву, пытаясь восстановить супружество с Сергеем Михайловичем. Филарет узнал об этом из письма заместника Троице-Сергиевой лавры и ответил: «Вы писали мне о желаемом примирении К.С.М. (князя Сергея Михайловича. — А. С.) с супругою. Мир благое дело, и миротворцы убажуются. При всем том я

недоумеваю, что тут можно сделать. Время исполнения всех обязанностей супружества для них, думаю, прошло. Нрав и образ жизни княгини таков, что если они и будут под одним кровом, мало будут видеть друг друга. Об одном можно позаботиться, чтоб испытали себя каждый, не имеют ли немирного расположения, и чтобы восприяли и изъявили друг другу расположения мирные».

Голицыну было уже шестьдесят шесть лет, Евдокии — шестьдесят. Супружеские отношения возможны и в этом возрасте. В письме видно, что Филарет в некоторой панике и очень не хочет примирения супругов. Но да этому примирению и не суждено было произойти. Голицыны до конца дней своих останутся «в разъезде». Евдокия Ивановна на закате жизни увлеклась писательством, но русской госпожи де Сталь из нее не вышло, сочинения ее не пользовались спросом, а после смерти «принцессы ночи» и вовсе были забыты. Проявила она себя и как математик, оставив некоторые математические сочинения. Но запомнилась прекрасная Авдотья конечно же своей вольной жизнью в начале XIX столетия, и слава ее была славой изящной, изысканной, обольстительной, великосветской блудницы. Для Петербурга тех лет такая слава была почти почетная. Падение нравов вновь беспокоило Отцов Церкви. Доходило до того, что в открытую сожительствовали друг с другом содомиты, как, например, барон Геккерен и Дантес, сделавшийся его приемным сыном ради того, чтобы было оправдание их совместного проживания. И в начале сороковых годов положение не улучшалось. Петербуржцев в большом количестве можно было увидеть в каких угодно увеселениях, включая сомнительного толка, а храмы пустовали. Филарет как о чем-то невероятном сообщал о богослужении, на котором присутствовало четыреста человек. А в письме наместнику Троице-Сергиевой лавры от 19 марта 1841 года московский митрополит жаловался: «Надежда корысти в Невской Лавре на сих днях немало потрясена. За одну покойницу взяли в Лавре 13 000 рублей; ропот на сие дошел до государя императора; велено сделать постановление для кладбищ обеих столиц, чтобы похороны не стоили дорого. *Закон преступлений ради прилагается* (Гал. 3.19), и для Москвы за преступления Петербурга. Впрочем, на долю Москвы достанется только неприятность, что дело свободы и усердия подвержено закону; а убыток будет Петербургу, и особенно Невской Лавре и ее монахам, для которых главный и почти единственный источник дохода в покойниках. Богомольцев слишком мало».

В Петербурге по-прежнему Филарету было куда хуже, чем в Москве, и болел он здесь постоянно, и верующих было куда меньше, чем в Первопрестольной, и допекал обер-прокурор Протасов со своей жаждой

подавлять архиереев, властвовать над ними, и чтобы все видели эту власть. И, тем не менее, приходилось иной раз чуть ли не пол года проводить на берегах Невы, как, например, зимой 1840/41 года. Приехал осенью, а в Москву вернулся лишь в конце апреля, после Пасхи! Застал похороны своего недруга — адмирала Шишкова, скончавшегося в Петербурге 9 апреля. В последние годы жизни Александр Семенович ослеп, у него прорезался дар предвидения, несколько раз он впадал в летаргический сон, который однажды продлился четыре месяца, и уж государю сообщили, что Шишков скончался, Николай приехал, а покойник возьми да и воскресни! Но 11 апреля 1841 года император присутствовал на похоронах бравого адмирала и великого радетеля о русском слове.

Кстати сказать, Шишков всегда оставался непреклонным противником перевода Библии на современный язык, утверждая, что старославянский и есть язык россиян. А сам все-таки перевел «Слово о полку Игореве» со старинного языка на новый! Но — мир его праху!..

Дождавшись торжественного бракосочетания наследника престола Александра Николаевича и великой княжны Марии Александровны, совершившегося 16 апреля, святитель Филарет к маю вернулся в Москву. Можно только себе представить, с каким выдохом облегчения он всякий раз покидал Северную столицу и с какой радостью въезжал в Первопрестольную!

А вскоре встречал в своей епархии императорскую семью, вновь прибывшую к лету в Москву в полном составе, теперь уже и с цесаревной. Царь Николай гораздо чаще, нежели его предшественник, приезжал в Москву, почти каждый год. Отношения с Филаретом у него были сложные. Порой его раздражала излишняя независимость владыки, стремление доказать, что власть церковная выше власти государственной. Но нельзя было не признавать, что к сороковым годам Филарет стал самым важным архиереем Русской православной церкви, петербургский Серафим состарился и одряхлел, а Филарет, хотя и страдал частыми простудами, оставался в целом здоров, бодр, дееспособен, полон жизни.

В мае 1841 года в Москве Филарет встречал и одногодовольно необычного гостя — англичанина Уильяма Палмера. Известный богослов, архидиакон Англиканской церкви, он был одним из деятельных участников «Оксфордского движения», стремившегося к унии с Русской православной церковью. Он дважды приезжал в Россию и просил Синод принять его в православие, но так, чтобы одновременно оставаться и в лоне Англиканской церкви. Такого никогда не бывало и быть не могло, о чем Филарет, безусловно, разъяснял Палмеру, но при этом очень гостеприимно

встречал его и отправлял в Троице-Сергиеву лавру с письмом: «Хотя ненадежно, чтобы лучшая мысль одержала решительную победу, однако надобно оказать внимание и начатку доброй мысли. Он желает быть в Лавре в праздник Пресвятыя Троицы и в продолжении нескольких дней потом, для усмотрения чина богослужения. Примите его и, по удобности, дайте ему помещение в Лавре или в гостинице; и познакомьте его с о. ректором Академии или с о. протоиереем Голубинским, которым удобнее будет с ним беседовать. Господь да устроит, чтобы небесполезно было ему увидеть святыню и ее служителей». Движение к православию свидетельствовало, скорее всего, об упадке англиканства да и всего протестантизма. Если в России, в Петербурге, в Александро-Невской лавре мало было прихожан и лишь приносили отпевать покойников, то можно себе представить, что творилось в Европе. Уильям Палмер так и не получил согласия сделать его православным при сохранении в англиканстве. Не получил он такового и в Константинополе и лишь в 1855 году вместе с группой Ньюмена добился такого униатского перехода в римское католичество.

Промчалось лето, осень принесла дожди и ветры, и новые простуды... А в конце октября, о-хо-хо! — опять в Петербург ехать. А там бог весть какие опять неприятности. Находясь в конце 1841 года в Северной столице, Филарет получил анонимное письмо, пришедшее из Владимира. Некто, не поставивший своей подписи, оповещал: «Высокопреосвященнейший владыко! Мысль, что Господь поставил Вас стражем Своей Церкви, дает смелость мне, последнему служителю Его...» — и далее шла суровая критика переводов Священного Писания, выполненных протоиереем Герасимом Павским. Отец Герасим пять лет назад был уволен с поста законоучителя великого князя Александра Николаевича и царевен Марии, Ольги и Александры. Его оставили при дворе в сане протопресвитера Таврического дворца. Получив много свободного времени, он возобновил работы над переводом книг Ветхого Завета. Преподавая в Петербургской духовной академии, отец Герасим распространял свои переводы среди студентов, те их переписывали, и вскоре образовалось большое количество списков. Лучшие из списков литографировались в Петербурге тиражом в сто пятьдесят экземпляров. То же, причем втайне от церковного начальства, случилось в Московской и Киевской академиях. Автор анонимного письма пылал гневом: «На русском языке едва ли когда являлось такое богохульство, как в литографическом переводе. Змий начал уже искушать простоту чад святой православной Церкви и, конечно, станет продолжать свое дело, если не будет уничтожен блюстителями православия, которым

Господь вручил водительство Своей Церкви... Самое действенное средство воспрепятствовать распространению перевода состоит в том, чтобы удовлетворить общему чувству нужды верным переводом, обнаружить в полном свете саму истину, которая имеет довольно силы состязаться с ложью и одержать над нею победу».

Прочитав письмо, Филарет не дал ему решительно никакого ходу, поскольку вообще презирал всякие анонимки. Зачем скрывать свое имя, ежели ты уверен в собственной правоте и настроен бесстрашно бороться со всем, что способно повредить православию? А если ты боишься назваться, стало быть, таишь в себе какое-то лукавство. Филарет не знал, что точно такие же письма, слово в слово, получили двое других высших архиереев — митрополит Петербургский Серафим (Глаголевский) и митрополит Киевский Филарет (Амфитеатров). Первый по своей немощи даже не удосужился прочесть письмо или прочитал, но не имел сил решить, что с ним делать. А вот второй отправился к обер-прокурору Протасову, вручил ему письмо, один экземпляр герасимовского литографированного перевода и свою приписку: «При самом поверхностном обозрении сего нечестивого творения нельзя не видеть с глубоким прискорбием, какое важное зло для православной Церкви и Отечества нашего может произойти от распространения его в духовных учебных заведениях и в народе». Протасов тотчас начал тайное расследование с целью выяснить, не получили ли таких же анонимных писем другие архиереи. Выяснилось, что и Филарет Московский, и Серафим Петербургский также стали адресатами послания. Обер-прокурор строго потребовал объяснений с их стороны, почему они, подобно Филарету Киевскому, не донесли ему о владимирской анонимке.

Митрополит Серафим оправдался своим тяжелым болезненным состоянием и умолял в письме обер-прокурора, «чтобы никто ни под каким видом и предлогом не отваживался посягать на переложение Священного Писания, долженствующего оставаться в том виде, в каком оно принято нами от наших благочестивых предков и донныне служило залогом нашего благоденствия».

Филарет Московский ответил рапортом от 11 февраля 1842 года: «Получив в одном из трех экземпляров известный Святейшему Синоду из Владимира неподписанный донос о существовании неправильного перевода некоторых книг Ветхого Завета с примечаниями, далеко уклоняющимися от истинного разума слов Божия и толкования святых отец, немедленно почувствовал себя озабоченным в отношении ко вверенной ему епархии, чтобы не населялись плевелы...» Далее он

сообщил, что отдал распоряжение провести дознание в академии, но такое, чтобы не вызывать лишнего шума. Эти распоряжения он отдавал в письмах архимандриту Антонию: «Помнится, и от Вас слышал я о литографированном переводе некоторых книг Ветхого Завета. Из Владимира прислан против него донос, и дело едва ли не откроет имена всех, к кому он из Петербурга послан. Не хорошо ли было бы, если бы имеющие сие издание не по требованию, а сами представили оное начальству, как такое, в котором оказались немаловажные неправильности? Мне еще до сих пор не случилось рассматривать сей перевод, кроме кратковременного взгляда, но погрешности, указанные в доносе, важны». И в другом письме: «Поелику открылось, что послушник Бегемотов купил незаконно литографированный и неправославный перевод некоторых книг Ветхого Завета, а из сего открывается потребность предусмотрительного внимания на братию Лавры по сему предмету, то наместнику Лавры поручается тщательно дознать, нет ли у кого из братии сей книги; и, если сие откроется, изъяснить незаконность сего и расположить, не ожидая формального изыскания, представить книгу для представления ко мне и для препровождения куда следует».

Обер-прокурор был вне себя. Николаю Александровичу, наконец, представилась возможность распекать сильного московского митрополита, выставить его виноватым в бездействии по поводу крамольного перевода Библии. Возможно, к этому-то времени и относится едкое замечание владыки Филарета по поводу гонений со стороны Протасова, уже ставшего генералом, числящимся в списках все того же лейб-гвардии Гусарского полка:

— Шпоры генерала цепляются за мою мантию.

Высказывание дошло до ушей самого Протасова, и тот в бешенстве докладывал о словах Филарета государю. Николай Павлович разделил гнев Николая Александровича, но когда обер-прокурор удалился из его кабинета, царь подошел к окну и, барабаня пальцами по стеклу, усмехнулся:

— А ведь хорошо сказано!

Остроумное выражение вмиг стало крылатым в архиерейской среде. Отныне всякий раз, чувствуя какое-либо притеснение со стороны светской власти, церковные иерархи спешили с улыбкой произнести: «Шпоры генерала цепляются за мою мантию».

Вместо того чтобы разумно и спокойно уладить дело, Протасов продолжал раздувать скандал. Филарет писал Антонию: «Трудны скорби церковные. Волны восстают, и тишины за ними не видно. Иона,

своеволием виновный в буре, обличен, — но буря не хочет оставить в покое сущих в корабле. Молитвами да помолимся Тому, Кто запрещает ветрам и морю».

Наконец владыка получил литографированный перевод и мог с ним ознакомиться. Некоторым облегчением стало для него то, что труд отца Герасима и впрямь оказался заслуживающим многой критики. «И перевод нехорош, а особенно худы приделанные к нему замечания или введения, противные достоинству священных книг и уничтожающие в них пророчества о Христе», — такую оценку дал Филарет переводу. Плохо было то, что Протасов и послушные ему члены Синода продолжали травлю и Филарета Московского, и даже Филарета Киевского. «Смотря на сие дело так, как оно теперь открылось, здесь смотрят не столько как на простой недосмотр или недоумение, что делать, сколько как не прикрытие неправославного дела, на получение экземпляров сего перевода и непредставление их начальству немедленно, — писал Филарет Антонию и далее горестно сетовал на то, что теперь его мечта о продолжении перевода Библии как никогда далека от осуществления: — Для уничтожения вреда, уже сделанного, и для удовлетворения нужде, конечно, надлежало бы доставить правильное пособие чтению Ветхого Завета с разумением. Но худой перевод сделал еще более страшную мысль и о хорошем переводе, которой некоторые и прежде боялись. Даже мысль издать славянский перевод с объяснительными примечаниями встречают недоумением и опасением. Один Господь может помочь людям Своим, да не страдают гладом слышания слова Божия и да не прельщаемы будут ложною пищею».

Понимая, что нескоро теперь придется снова ставить вопрос о переводе Библии, Филарет решил в сей момент добиться хотя бы издания всей Славянской Библии с объяснительными примечаниями. Он имел разговор об этом с киевским митрополитом, и тот поддержал его. Каким-то образом их беседа дошла до сведения Протасова, и тот не постеснялся спросить Филарета Московского, был ли такой разговор.

— Да, был, — признался святитель.

— В таком случае прошу изложить суть ваших бесед на бумаге, — приказал Протасов.

28 февраля 1842 года владыка Филарет написал проект, начинавшийся словами: «Ложное, несообразное с достоинством Св. Писания и вредное понятие о пророчествах и некоторых книгах В. Завета, которое выразилось и более или менее распространилось посредством литографированного перевода, требует врачебного средства. Одни запретительные средства не довольно надежны тогда, когда любознательность, со дня надень более

распространяющаяся, для своего удовлетворения бросается на все стороны, а тем сильнее прорывается на пути незаконные, где не довольно устроены законные. Посему нужно позаботиться о доставлении правильного и удобного пособия к разумению Св. Писания».

Далее он по пунктам предлагал издавать истолкование священных книг, положив в основание греческий текст семидесяти толковников, в особых случаях и еврейский текст, толкования писаний Ветхого Завета в Новом Завете, толкования Святых Отцов; «сделать издание всей Славянской Библии, приспособленное к удобнейшему употреблению и разумению», объяснить все непонятные слова и выражения, «в пророчествах кратко указать на главнейшие события», «на некоторые тексты, особенно вредным образом злоупотребляемые лжеучителями, сделать краткие предохранительные истолкования, например, текст: суть скопцы, иже скопиша себе царствия ради небесного, истолковать так, чтобы скопец, раскрыв Библию для защищения своего учения, нашел тотчас опровержение»; и, наконец, «издать Славянскую Библию с означением над каждою главою ее содержания, а на конце приложить словарь невразумительных слов, с истолкованием оных, который, впрочем, надобно признаться, трудно сделать удовлетворительным, потому что темнота не всегда состоит в слове, а часто в составе слов, которые порознь невразумительны, и потому, что читателю утомительно часто перекидываться от текста к словарю».

Получив сей документ, обер-прокурор прочитал его митрополиту Серафиму, и тот назвал намерения обоих Филаретов излишними и опасными. Протасов потребовал, чтобы Серафим письменно выразил свое суждение, после чего понес императору проект Филарета вместе с мнением Серафима. Император 7 марта высочайше одобрил резолюцию петербургского митрополита, потребовал дознания, кто именно из духовных лиц виновен в распространении переводов Библии, и приказал усилить «меры к охранению книг Священного Писания в настоящем их виде неприкосновенно».

Филарет снова сильно простудился, но 10 марта, преодолевая болезнь, вынужден был прибыть в Синод, где ожидалось объявление воли императора. Но к середине заседания ему стало совсем худо, и он покинул здание на Сенатской площади как раз накануне объявления решения царя. Оно и хорошо, иначе бы с ним мог случиться удар, потому что все сходилось к тому, что виноватее всех были он и митрополит Филарет Киевский. В своем дневнике Московский Златоуст написал: «Болезненность заставила меня прежде времени выехать из С<вятейшего>

С<инода>, и тем Бог сохранил меня от слышания несколько трудного».

После такого трудно было мириться с положением, когда «генеральские шпоры цепляются за мантию». Филарет стал склоняться к мысли о том, чтобы и вовсе более не приезжать в Петербург на синодальные сессии. «Помолитесь, чтобы Господь вразумил меня, что я должен делать, — писал он 3 апреля из Петербурга в Троице-Сергиеву лавру Антонию, — и скажите мне благое слово совета. Забота не о том, что случилось со мною лично, а о том, могу ли я сколько-нибудь быть полезен службе. — Не указывается ли мне время устраниваться, чтобы оплакивать мои грехи и вне мятежа дел молиться о благосостоянии Святыя Церкви? Если что захотите сказать мне, хорошо бы мне услышать скоро, потому что приближается время, когда я обыкновенно прошусь в Москву Здоровье мое просит избавления от путешествий в Петербург».

Примечательно, что истинный зачинщик всего скандала отец Герасим Павский нисколько не пострадал. Кстати, выяснилось и то, кто был автором анонимки — бакалавр Московской духовной академии иеромонах Агафангел (Соловьев), не любивший Филарета и разделявший мнение тех, кто считал владыку либералом, преданным членом Библейского общества и верным слугой бывшего обер-прокурора Голицына.

Владыка Филарет сильно огорчался по поводу обрушившихся на него немилостей со стороны Синода и государя. Он писал: «Дело не о том, чтобы уклониться от неприятностей, а о том, что в запутанных и темных обстоятельствах полезнее и безопаснее от нарушения долга. Подписанное полумертвою рукою представлено как написанное живою и сильною и Высочайше утверждено». Имеется ввиду полумертвая рука митрополита Серафима. «В таком случае молчать значит некоторым образом не давать свидетельства истине, а говорить значило бы дать ищущим вины вину к тяжкому обвинению, которое поставило бы еще более крепкие преграды против свидетельствования о истине. В таком положении дела я рад, что мои мысли, хотя похищенные у меня, вошли в акты с моим именем, и следственно, что по мере моего разумения представилось истинным, о том и свидетельствовано. Другие сказали, или умолчали свое мнение, или не имели благовременности сказать. Не мне их судить. Господь, Сам сый истина, да изведет Сам истину Свою, яко свет».

Лишь в середине мая того года Филарет получил разрешение государя вернуться в Москву. Перед отъездом из Петербурга святитель имел беседу с обер-прокурором и не сдержался, чтобы не выразить Протасову своей неуверенности в необходимом^{TM} участвовать в синодальных слушаниях. Николай Александрович надменно и удивленно вскинул брови:

— Что же, разве вы более не вернетесь в Синод?

— Прикажет государь — не могу послушаться, а сам по себе я бы уже никогда не вернулся в Петербург, — ответил Филарет.

— Почему?

— Потому что так вести дела нельзя, и опасно.

Знал ли святитель, что слова его окажутся пророческими? Пастырский посох никогда более не приведет его в Петербург!

Глава двадцать первая

ГЕФСИМАНСКИЙ СКИТ

1842–1844

Чем больше человек в своей жизни проявляет деятельности, тем больше у него друзей, соратников, но и врагов, завистников, недовольных его творениями. Немало вражды испытал на себе святитель Филарет. Кто-то был его недругом по непониманию, несогласию, как незабвенный Александр Семенович Шишков или его последователь граф Николай Александрович Протасов. Кто-то из откровенной зависти, как рижский епископ Филарет (Гумилевский). Жизнь есть жизнь. Увы, нередко приходится наблюдать, как двое достойных деятелей, одинаково радеющих на благо России и Церкви, не находят любви и смирения в отношении друг друга. Что поделать? Даже апостолы Петр и Павел иной раз враждовали друг с другом, хотя в памяти потомков навсегда останутся как двое неразрывных друзей...

Другом верным и бесценным всегда оставался для митрополита Филарета Московского наместник Троице-Сергиевой лавры архимандрит Антоний (Медведев). Удивительное дело: он был на десять лет моложе Филарета, а проживет ровно десять лет после него и, как и Филарет, скончается на восемьдесят пятом году жизни! Так им поровну отмерил Господь: тебе — столько, и тебе — столько же.

Архимандрит Антоний, в миру Андрей Гаврилович Медведев, родился 6 октября 1792 года в селе Лыскове Нижегородской губернии. Его родители были крепостными помещицы графини Головкиной, которым она, умирая, дала вольную. Отец Андрея служил по вольному найму поваром у богатого и влиятельного помещика князя Грузинского. Как мы помним, тайным дознанием Филарет выяснил, что на самом деле Андрей был сыном самого князя Грузинского. Он учился у аптекаря при местной больнице и проявил чрезвычайные способности к медицине. Врач Дебше перед смертью завещал ему всю свою библиотеку, а Грузинский поручил Андрею заведовать больницей. Так что впоследствии Андрей Медведев, став монахом, архимандритом Антонием, являлся не только настоятелем Троице-Сергиевой лавры, но и ее главврачом!

И. Хибяпин в своем очерке жизни архимандрита Антония (Журнал Московской Патриархии. 1954. № 7) пишет: «Уже через три года

наместничества о. Антония прежней Лавры нельзя было и узнать. За годы, прошедшие после смерти митрополита Платона, многое в Лавре пришло в упадок. Братии было менее 100 человек. Должная дисциплина отсутствовала; не было благочиния и благолепия при богослужении. Стенная ограда Лавры во многих местах стала непрочной, а корпуса и храмы требовали неотложного ремонта. Кровли башен грозили падением. По углам, с внутренней стороны ограды, были свалочные места. На территории Лавры по временам скапливалась такая грязь, что в иных местах невозможно было пройти. Иконописная мастерская влачила жалкое существование». «С самых же первых дней своего управления Лаврой о. Антоний занялся ее благоустройством. В течение первых 12 лет он положил много трудов, чтобы привести в порядок стены Лавры; все непрочные места в них были исправлены, причем часть стены, по 40 метров с южной и с северной стороны, была переложена до основания, а на башнях сделаны новые перекрытия. Жилые и служебные корпуса были также капитально отремонтированы. Восстановительные работы коснулись и всех без исключения храмов, которые украсились внутри и снаружи. До о. Антония лишь два храма — Трапезный и Больничный — имели отопление, а он утеплит и другие храмы, чем привлек большое количество богомольцев в зимнее время. Задние углы Лавры, служившие свалочными местами, были очищены, и по территории Лавры устроены мощные дорожки; а там, где была грязь и валялся мусор, появились древесные и цветочные насаждения (в особенности около храмов). У северной стены, ради приезжавших сюда крестьян, был выкопан обильный водой колодец; также и все Лаврские корпуса получили хорошее водоснабжение.

В то же время о. Антоний много заботился о том, чтобы упорядочить богослужебную жизнь, внести в нее благочиние и благолепие. На большую высоту было поставлено при нем и церковное пение, и церковное чтение.

По свидетельству современников, богослужения, совершаемые о. Антонием, производили неизгладимое впечатление. Его величественная наружность, умение держать себя, неспешное и немедлительное служение, приятный голос, превосходная дикция, богатство облачений, стройное и умиленное пение, хорошее чтение — все это создавало истинное благолепие.

Отец Антоний ввел в Лавре и специальные еженедельные богослужения в нарочитые дни и чтение акафистов за всеобщей под великие праздники. За редкими исключениями о. Антоний присутствовал при всех богослужениях, в какой бы час суток они ни совершались. Большею частью он сам принимал участие в совершении церковных служб.

От этого его не удерживала и развившаяся под старость болезнь ног.

Много трудов и средств положил о. Антоний на возрождение иконописного дела в Лавре. Иконописная мастерская превратилась при нем в образцовую. Вскоре была открыта и школа иконописи, давшая многих искусных мастеров своего дела».

Антоний был для Филарета и задушевным другом, и духовником, которому Филарет приносил свои исповеди и у которого из рук причащался Святых Тайн, и поверенным во всех делах, верным помощником, исполнительным подчиненным. Письма Филарета Антонию полны всевозможных распоряжений, поручений, советов, как и что обустроить. Вот, к примеру, одно такое письмо целиком, сколько в нем всего перечисленного: «Благодарю, отец наместник, за благословение от обители — просфору и благословенный хлеб.

Мой путь, хотя после болезни предпринятый, совершился благополучно.

Келлии при больнице нужно беречь. Я обещал их преосвященному Ярославскому, если понадобятся. Да продлится его здравие и зрение; но надобно, чтобы в случае надобности не был он обманут в обещанном.

Не знаю, что за секретарские келлии. Приготовьте их, а после посмотрим, будет ли преосвященный доволен. Если он доверил себя нашему попечению, надобно оправдать его доверенность возможным споспешествованием его спокойствию и удовольствию.

Яблони и вишни, если находите благонадежный случай, посадите. Но теперь, думаю, прошло уже время. Разве осенью?

Безмолвие, конечно, вещь хорошая. Но думаю, кто призван послужить в обществе, не должен уходить от сего без особого указания от провидения Божия. Если будет угодно Богу, поговорим о сем только усты ко устам.

Как же Вы поехали на Песношь, не предваря настоятеля? Разве тем сие изъяснить, что хотели видеть монастырь в таком виде, как он есть без приготовления и ожидания благочинного? В таком случае Вы правы; а настоятеля надлежало спросить, благословна ли вина его отлучки.

Забыл спросить эконома и, может быть, опять забуду — приехал ли Филарет в Лавру, как он обещал в консистории? — Ко мне не являлся. А поискать его еще не было досуга.

Мир и благословение Божие Вам и братии.

Поверзите меня к стопам преподобного отца нашего Сергия. Мая 28. 1838».

О каком безмолвии говорится в этом письме?

Имея много общего друг с другом, Филарет и Антоний оба ближе к

пятидесятилетнему возрасту стали часто болеть. Филарета мучили простуды, Антония — болезнь ног, либо артрит, либо варикоз. Чувствуя недостаток сил одновременно бороться с болезнью и нести груз забот по лавре, Антоний в 1838 году спрашивал совета, не уйти ли в затвор, не стать ли отшельником. Филарет отговорил его от такого намерения, но через два года Антоний вновь просил его освободить от многотрудной должности, и вновь не получил увольнения, 3 февраля 1840 года из Петербурга Филарет написал ему письмо, полное отчаяния: «Желание Ваше удалиться принесло мне такой помысл печали, который неохотно разрешается в рассуждении и слова.

Можете догадаться, что мне не легко Вас отпустить: во-первых, потому, что по благости Божией вижу Вас весьма полезным для обители, во-вторых, потому, что, имея к Вам полную доверенность и веря Вашей доверенности ко мне, нахожу в сем по управлению много облегчения и успокоения.

Кроме того, душа моя находит благо в общении с Вашею. Вспомните, что Вы просили моей дружбы, тогда как я уже имел ее к Вам и просьбу Вашу принял как залог и обещание с Вашей стороны искреннего со мною общения. При внезапном теперь намерении Вашем оставить меня и лишиться Вашей помощи не могу я роптать, и намерение Ваше уважая, и мое недостойнство признавая; но не могу не чувствовать глубокой печали».

Отдав должное своему дружескому неудовольствию, Филарет, понимая, что может потерять такого прекрасного наместника, далее перешел в своем письме на тон откровенно начальственный:

«Но отложим в сторону постороннее, и особенно меня, и станем рассуждать о деле так, как бы я обязан был решить Ваше увольнение или неувольнение от кого-либо другого, а не от меня.

Размыслив по мере моего разумения, нахожу, что я обязан не согласиться на Ваше увольнение, потому что надобность в служении Вашем очевидна; лета Ваши не те, в которые принятый ныне закон дает право на успокоение от службы; здоровье Ваше, при помощи Божией, может подержаться, при употреблении оно с бережливостью, без упущения по должности, в чем, надеюсь, нынешний казначей Вам поможет».

И вновь поворот к дружественной, сердечной интонации:

«Сделайте милость, примите сие с терпением, послушания ради. Господь примет жертву намерения Вашего, и даст Вам благословение и благодать, и не попустит Вам потерпеть лишение оттого, что отсрочите исполнение намерения ради послушания. Не бегите от преподобного

Сергия; милость его к Вам есть, и молитвы сильны, чтобы за терпение служения Вашего воздать и возмерить Вам тем, чего ищете в удалении».

И уже закончив письмо, поставив дату, Филарет написал в постскриптуме:

«Дние лукави. — Делателей мало. — Во время брани как не удерживать воинов, на местах требующих защищения и охранения?»

Рассудите и то, что я сам уволить Вас не властен. А если представлю Св. Синоду, то может случиться, что он припишет несогласию между мною и Вами Ваше желание удаления и даст Вам другую службу, а не увольнение».

Сила Филаретова письма оказалась такова, что преподобному Антонию хватило этой силы еще на тридцать лет служения в должности наместника Троице-Сергиевой лавры!

Получив столь трогательный и в то же время решительный отказ, Антоний с покорностью принял его, но замыслил создать при лавре отдельный скит, в котором можно было бы находить уединение, желаемое безмолвие, отдохновение от дел праведных. В двух с половиною верстах от лавры, за Корбушным прудом располагалось селение Корбуха. Корбой или корбухой в старину называлась низменность, поросшая ельником. В «Кратком описании Лавры» 1808 года говорится, что «на восток по Александровской дороге от лавры близ двух верст с половиною есть загородный дом с садом и березовою немалою рощею; при них два больших пруда. Все сие место, которое называется Корбуха, с южной и западной сторон до верхнего пруда (разумеется та часть верхнего пруда, которая составляет теперь особый средний пруд) и с восточной обнесено каменною оградю, слишком на 650 саженьях по нынешней 1808-й год, вышиною в 3 аршина с половиною, тщанием преосвященного митрополита Платона. Место сие прежде было незнатно: ибо на нем были, на ближней к лавре стороне, деревянной двор с чердаком и скотской двор; но с 1742-го года со времени настоятельства архимандрита Кирилла ближняя к лавре сторона начата приводима быть в порядок; на ней построен дом большой деревянной со службами, а по обе стороны того дома разведены регулярные сады и цветники и в пристойных местах сделаны беседки и все место обнесено палисадником; но бывший в лавре настоятелем архимандрит Гедеон в 1759-м году приказал сделать за прудом на дальней стороне Корбухи (понеже то место гораздо возвышеннее) деревянной дом на каменном фундаменте на 20 саженьях, которой и построен был в 1760-м году, а со всею внутреннею уборкою к окончанию приведен так, как он ныне есть, в 1762-м году уже при архимандрите Лаврентии. А

преосвященный митрополит Платон оное место украсил долгими просеками в рощах, поставив на концах оных беседки и пирамиды. Сие место во время высочайших в лавре присутствий блаженныя и вечной памяти достойныя государыни императрицы Елизаветы Петровны и государыни императрицы Екатерины Алексеевны всегда посещаемо было их императорскими величествами».

Антоний высказался за создание скита именно там, на что Филарет в письме от 18 сентября 1841 года ответил: «Мысль о ските очень вожделенная, но требует немалого размышления. — Корбуха не довольно безмолвна, хотя и ограждена была. Вифания была бы безмолвнее, если бы не Семинария. Если шум тростника, как заметил некто из отцов, не благоприятствует безмолвию, не больше ли многое слышимое на Корбухе, и из посада, и от близлежащей дороги, особенно когда едут по ней после торгова и винопития? — Желая говорить о сем более лично». Выраженные здесь сомнения оказались лишь косвенными, на самом деле мысль о ските на Корбухе понравилась Филарету. Просто он опасался, что кто-либо читает его письма к Антонию, донесет в Синод, а там, дабы лишний раз унижить московского митрополита, начнут строить препоны. Лично встретившись с Антонием и отправившись на Корбуху, Филарет осмотрел местность и одобрил замысел наместника, а новому скиту придумал наименование Гефсиманский на память о Гефсиманском саде под Иерусалимом, в котором любил бывать с учениками Христос. Там тоже много хвойных деревьев. Решено было поначалу устроить здесь кладбище для иноков Троице-Сергиевой лавры, при кладбище поставить часовню, потом церковку, устроить монашеское поселение, а уж потом объявить, что там родился скит.

Вернувшись в 1842 году из Петербурга, измученный простудами и передрыгами, связанными с делом о переводах протоиерея Герасима, а также фактической ссорой с Протасовым, Филарет еще больше стал думать о будущем устройении Гефсиманского скита.

В августе того года православная Москва оплакивала другого Филарета, знаменитого старца, подвизавшегося в Новоспасском монастыре. Да, доселе на Москве Филаретов было двое. Первый — архиерей, московский владыка, церковный властитель, несравненный проповедник. Второй — старец.

Федор Пуляшкин родился в день памяти чудотворца Николая 9 мая 1758 года в Вязьме в богатой купеческой семье. Он рано лишился отца, а его мать Матрона Никитична в 1786 году стала инокиней в московском Новодевичьем монастыре. Но Федор опередил ее в монашеском подвиге.

Еще в тринадцать лет он поступил на жительство в Александро-Невский монастырь, а через полгода по совету своего наставника перешел в Саровскую пустынь. Духовное становление его происходило под влиянием великих саровских старцев — преподобного Серафима Саровского, иеромонахов Ефрема, Пахомия, Питирима. Три года Федор был звонарем, три года трудился в хлебной и квасоварне, три года — в просфорне, а затем нес пономарское послушание. Из Саровской пустыни он перешел в московский Симонов монастырь и здесь 4 апреля 1786 года был пострижен в монашество с именем Филарет, так же как и Филарет (Дроздов) — в честь праведного Филарета Милостивого. С 1788 года иеродиакон Филарет — монах Александро-Невского монастыря, ставшего с 1794 года Санкт-Петербургской Александро-Невской лаврой, а в 1791 году его поставили управлять подворьем новгородского Юрьева монастыря, расположенного в московском Китай-городе. В сентябре 1794 года иеромонах Филарет был определен в Новоспасский монастырь для прохождения послушания при больнице, и вскоре он стал духовником этого монастыря. Но в 1799 году он тяжело заболел и «по причине крайнего изнеможения и телесной слабости» его освободили от всех должностей. Он готовился к смерти, но остался в живых, и с того года стал совершать подвиг безмолвия, постоянной молитвы и чтения творений Святых Отцов и других духовных книг. С 1810 года началось его старческое служение. Это означало, что он обрел дар провидения и мог давать людям полезные советы, как поступать в жизни, чего ожидать, от чего лечиться и т. д. Он почти не выходил из своей кельи, куда ежедневно к нему притекало множество народу со всех концов Москвы и окрестностей, приезжали из других уголков бескрайней России.

Болезнью, которая однажды едва не свела его в могилу, была грыжа. Она продолжала ежедневно мучить старца Филарета на протяжении всей его жизни. Но он никогда не отказывался принимать посетителей и часто, при особом наплыве страждущих, отказывался от трапезы, дабы не отвлекаться от своего ежедневного подвига.

Старец предсказывал возможные болезни и несчастья, мог сказать, можно ли надеяться, что отыщется пропавший человек, отваживал от гадалок, силой убеждения принуждал людей уходить из масонских лож, исцелял бесноватых. Иногда человек только придет о чем-либо спросить, а старец ему уже с порога объявляет: «Сделай так-то и так-то». Некоторые люди, получавшие советы у митрополита Филарета, в неотложных случаях, когда владыка отсутствовал в Москве, шли за советом к его тезке — старцу Филарету.

Одной из духовных дочерей старца была Наталья Петровна Арбенина.

В 1834 году она вышла замуж за Ивана Васильевича Киреевского, который в то время увлекался немецкой философией, был далек от церковной жизни, даже не носил нательного креста. Наталья Петровна постоянно упрашивала его хотя бы надеть крест. Однажды он ответил ей, что сделает это, если только крест пришлет ему ее старец-духовник. Наталья Петровна приехала к Филарету, а тот, уже снимая с себя крест, встречал ее такими словами:

— Да будет он Ивану Васильевичу во спасение.

Рассказ жены сильно подействовал на Киреевского, он упал на колени и, надевая крест на себя, признался:

— Теперь чаю спасения для души моей, ибо в уме своем положил: если отец Филарет снимет с себя и мне его пришлет, то явно будет, что Бог призывает меня ко спасению.

После этого он резко изменился, стал прилежным прихожанином церкви, исповедовался, причащался. Такая перемена в его жизни привела Ивана Васильевича к славянофильству и к осознанию того, что кризис так называемого европейского просвещения обусловлен отходом европейцев от христианства.

Старец Филарет предвидел и свою кончину. Ровно за две недели до смерти он сказал:

— Время мое близко. Я поболее недельки две и отойду.

Вскоре состояние его резко ухудшилось. В праздник Успения Божьей Матери митрополиту Филарету сообщили, что старец Филарет очень плох и, вероятно, вскоре отойдет ко Господу. На другой день владыка прибыл к старцу, а тот, предвидя его приезд, уже плакал от радости.

— Пора моим костям на покой. Что определено Богом, — сказал он.

Митрополит благословил старца, тот исповедался, приобщился Святых Тайн, а 28 августа, как и предсказывал, с молитвой на устах мирно и тихо скончался. Погребение его проходило 31 августа. В Преображенском соборе Новоспасского монастыря и вокруг него собралось великое множество почитателей старца. Не только внутренность монастыря, но и колокольня, крыши келий и ограды были наполнены народом. Для совершения заупокойной литургии и отпевания по монашескому чину прибыл сам митрополит. Когда запели антифон «На небо очи пуцаю моего сердца к Тебе, Спасе...», владыка Филарет не удержался и заплакал, так что и все видевшие это залились слезами.

— Было у нас два Филарета, теперь остался один, — говорили православные москвичи.

В те же дни, по-видимому, сожалея о том, что редко виделся и общался

с одноименным себе старцем, Московский Златоуст в Успенском соборе Кремля произнес проповедь о человеческом общении:

— Примечателен особенный образ выражения в Апостольском увещании: *да разумеваем друг друга в поощрении любве и добрых дел*. Сим указывается на нашу знаемость друг другу, и чрез нее пролагается путь взаимному поощрению к добродетели. В самом деле, сколько людей, которых мы знаем, с которыми знакомимся, видимся, проводим время, безотчетно предаваясь развлечению, часто не догадываясь даже спросить себя о пользе наших общений! Для чего ж бы не сделать сию знаемость более рассудительною? Для чего бы не дать знакомствам более возвышенного направления? *Да разумеваем друг друга*, не по образу только видимому, но паче по невидимому в нас образу Божию, не по ласковым приветствиям, но паче по словесам истины и целомудрия, не по родству только земному, но и по небесному родству чад Божиих, не только по связям временных нужд, выгод, удовольствий, но гораздо более по святому союзу в искании благ вечных, не по видам любочестия, но по стремлению к почести вышнего звания о Христе Иисусе. Так разумевая друг друга, сколько времени и деятельности, так небережно иногда расточаемых на праздные беседы, на увеселения, на суеты, могли бы мы сберечь, и обратить на употребление, сообразное с достоинством человека и сына Церкви и Отечества, на рассуждения о истинном благе каждого и всех, о нашем собственном и взаимном усовершении, на чтение назидательное и душеполезное, вместо бесплодного и раздражающего страсти, наконец на самые дела добрые, и других к добру поощряющие! Но это значило бы изменить направление господствующих в обществе обычаев? Кто может сие сделать? — Да, ты и я сделать сего не можем: потому-то мудрость апостольская и не обращается к тебе или ко мне с повелением поощрять других к добру, но всем совокупно заповедует: *да разумеем друг друга в поощрении любве и добрых дел*^[10].

В сентябре на день памяти преподобного Сергия митрополит Филарет прочитал проповедь, посвященную подражанию. В ней он говорил:

— Подражание есть одно из самых употребительных орудий для образования и направления жизни и деятельности, во всех видах. Это есть средство не менее действующее, как слово учения, иногда еще более, а иногда почти единственное. Подражание старше слова учения, и самое слово раскрывается и образуется посредством подражания... Кто в малолетстве по худому образцу образовал свою способность писать буквы: тот обыкновенно во всю жизнь худо пишет. Бывает и хорошему образцу худое подражание, когда подражание не внимательно, не рассудительно, не

постоянно. Если же избираем себе образцы деятельности достойные по предмету, совершенные или хотя приближающиеся к совершенству по образу и степени действия; и если следим их внимательно, рассудительно, постоянно: то и мы на пути к совершенству, открытому и верном... Братия! Подражательность так сродна человеку, что без нее не живет никто из нас. Разность в предметах и в ревности подражания. — Кто предписывает законы суеты, роскоши, своекорыстия, самочестия? — Никто. Как же усиливаются и распространяются суета, роскошь, своекорыстие, самочестие? — всего более посредством безрассудного подражания. Какую же силу должно иметь подражание, когда обращается на предметы законные и благословенные? — Да помышляем, братия, что добро ревновати в добром (Гал. IV. 18); и что как возвышенный образец возвышает подражателя, так низкий унижает.

Летом, как водится, в Москву приезжала царская семья, и владыка принимал наиважнейших гостей в своей епархии. Государь на сей раз ничего не сказал ему, надо ли ехать в Петербург осенью или можно не приезжать, и Филарет радовался, что его не зовут туда: «Встретили мы государя императора, кажется, благополучно. Слух о предстоящем мне путешествии в Петербург не подтверждается никакими признаками. Немошь моя сим довольна».

Храм апостола и евангелиста Иоанна Богослова в Бронной слободе был одним из любимейших для Филарета. Построенный в 1665 году в московском квартале мастеров-оружейников, к середине XIX века он оказался почти на Тверском бульваре, излюбленном месте прогулок москвичей. В 1838 году с благословения Филарета в нем появился придел святителя Митрофана Воронежского. В 1842 году в храме завершились ремонтные работы, и московский митрополит заново освятил церковь, произнеся проповедь о том, как нужно трепетно относиться к хождению в храм Божий:

— Нерадение о церкви Божией, или иначе, невнимательность и неуважение к ней, обличаемое апостолом в христианах коринфских... состояло в том, что богатые из них, принося в церковь хлеб и вино для трапезы Господней, употребляли оные в церкви на трапезе любви, без порядка, с излишеством, с пренебрежением бедных. Чтобы дать им почувствовать неприличность такого поведения, он обращает их внимание на высокое достоинство церкви Божией, противопоставляя ее простым домам... Если вы обыкновенно признаете, что дом господина требует почтения и уважения преимущественно пред домом раба, гостеприимная храмина дома преимущественно пред его преддверием, дом царский

преимущественно пред домом подданного: то не можете не признать, и не трудно вам восчувствовать, что дом Царя царствующих и Господа господствующих, требует уважения благоговейного, благоговения трепетного... Не случается ли у нас в церквах Божиих, что пришедшие на Богослужение, забыв о Боге, Которому предстоят, обращаются друг к другу, приветствуют, вступают в разговоры о мирских делах? Думают, что дело еще в порядке, когда говорят тихо; забываются иногда до того, что греховный шум празднословия сражается с святыми звуками церковного чтения и пения... Неужели у вас нет домов, для ваших свиданий, приветствий, разговоров и споров?

Радовался архиерей, радовалась Москва, что Петербург не отнял у нее владыку в сию зиму и что чаще обычного звучали его проникающие в сердце проповеди.

А из Петербурга до Москвы доносились раскаты новых громов. На сей раз гвоздили одного из любимых учеников Филарета — архимандрита Макария (Глухарева). Будь там Филарет, и ему бы досталось от Святейшего синода на орехи!

Архимандрит Макарий, в миру Михаил Глухарев, был, так же как и скончавшийся недавно Новоспасский старец Филарет, уроженцем Вязьмы. Попович Миша с детства удивлял всех тягой к иностранным языкам и уже в семь лет мог переводить с латыни на русский. В восемь лет его отдали в Смоленское духовное училище. Учась там, он пережил нашествие Наполеона. Затем он поступил в Петербургскую духовную семинарию, а окончив ее, — в академию. Одаренного ученика, естественно, сразу же заметил Филарет, бывший там тогда ректором. Это был тот самый студент, который приходил к нему продавать часы друга и которому ректор выдал 500 рублей взамен испрашиваемых двухсот.

Опекая Глухарева, Филарет следил за тем, чтобы тот, увлекаясь западной литературой, не попадал под дурные влияния, особенно не увлекался мистицизмом. Великолепно зная европейские и древние языки, Михаил по окончании духовной академии преподавал их в семинариях, сперва — в Екатерино-славской, затем — в Костромской. В 1818 году он стал иеромонахом под именем Макария, а еще через три года — архимандритом. В конце двадцатых годов он отправился с миссией на Алтай, где проповедовал христианство среди языческого местного населения. Здесь он на деле прочувствовал, что такое не иметь русского перевода Библии. Алтайцы способны были освоить русскую речь, но никак не старославянское письмо. Новообращенные христиане требовали Священного Писания, а оно имелось только на непонятном им древнем

наречии. Помощи миссионер мог искать только у своего наставника. В 1834 году Макарий прислал Филарету письмо, в котором выражал недоумение по поводу приостановки перевода Библии, а к письму приложил доклад о необходимости продолжения переводческой деятельности с просьбой к Филарету передать сей доклад в Синод. Это было как раз когда Филарет отказался освящать Триумфальные врата. Бессмысленно было хлопотать о рассуждениях алтайского миссионера. Филарет не дал хода докладу, а Макарию написал: «Беседу с Вами начать надобно, кажется, с мыслей Ваших о полном переводе Библии на русское наречие. Вы употребили немало трудов на изложение сих мыслей, но посев Ваш пришел не на готовую землю и не во время сеяния». Получив такой ответ, Глухарев не утешился, а решил самовольно продолжить перевод Библии с того места, на котором он был прерван после запрещения в 1826 году. Макарий перевел книги Иова и Иисуса Навина, после чего послал свой перевод в Петербург. «Российская словесность достигла уже того возраста зрелости, когда русская Церковь может и поэтому должна иметь полную Библию на русском языке», — заявлял он в сопроводительном письме. Но никакого ответа из Синода не удостоился. Тогда Макарий взялся перевести весь Ветхий Завет с древнееврейского текста, используя переводы Библейского общества и протоиерея Герасима Павского. 20 января 1839 года он отправил несколько новопереведенных книг и письма на имя императора Николая. В письме он гневно обвинял тех, кто отдаляет Библию от народа, во всех общественных и природных потрясениях последнего времени — кончине Александра I, восстании декабристов, петербургском наводнении, холерной эпидемии и пожаре Зимнего дворца. «Неужели Слово Божие, — восклицал он, — в облачениях славянской буквы перестает быть Словом Божиим в одеянии российского наречия?» В 1840 году Макарий приехал сам в Петербург лечить глаза и узнал, что его переводы и письма находятся на рассмотрении цензуры. Его вызвали в Синод, где он твердо заявил:

— Я совершенно убежден в том, что полная Библия на русском языке для церковных миссий весьма благопотребна.

Определение Синода от 11 апреля 1841 года гласило: «Архимандрит Макарий претупает пределы своего звания и противоречит высшей власти, обоснования предпринятого им труда неосновательны, погрешительны и нелепы, но, взирая со снисхождением на его дерзновенный и нелепый поступок, Святейший Синод оставляет его на миссионерском служении с назначением молитвенной епитимии с поклонами по силе и усмотрению преосвященного епископа Томского». Он вернулся в Сибирь, где епископ Томский наложил на него епитимью —

сорок дней подряд ежедневно служить литургию за «предоставление правительству мыслей и желаний своих в рассуждении полной Библии на русском языке в переводе с оригиналов».

Однако наказанный таким образом архимандрит не оставил своих трудов. В ноябре 1841 года московский генерал-губернатор Голицын получил от него рукопись избранных переводов из книг Ветхого и Нового Завета и письмо, в котором Глухарев просил Дмитрия Владимировича опубликовать все это в Москве. Семидесятилетний генерал-губернатор, естественно, сию просьбу не исполнил, а, как и полагалось, отправил все в Петербург обер-прокурору. Началось новое разбирательство, пик которого пришелся на осеннюю 1842 года сессию Синода, а 13 ноября 1842-го вышло решение по поводу неугодного алтайского просветителя, в котором вменялось «вновь подтвердить архимандриту Макарию через преосвященного Томского, что если он и впредь будет преступать долг смирения перед церковной властью с произвольным объяснением Священного Писания и по таковым совершенно духовным предметам обращаться мимо духовного начальства к посторонним властям, то за сие подвергнется неминуемо законному взысканию».

Филарет конечно же сильно переживал за судьбу своего любимого ученика. Но и многое из его взглядов ему не нравилось. Макарий слыл вольнодумцем и чуть ли не еретиком. Кто не мечтает о воссоединении всех христианских Церквей? Но Глухарев иной раз в этих мечтаниях заходил далеко. К примеру, он предлагал: «Отчего бы в Москве не построить такого храма, в котором бы, как в Иерусалимском, совершалось в трех приделах священнодействие трех главных христианских вероисповеданий: православного, римско-католического и лютеранского? Такая братская веротерпимость скорее и надежнее словопрений послужила бы общему христианскому единению». Филарет и другие пастыри Русской православной церкви гостеприимно встречали у себя иностранных священников, но соблюдая при этом необходимые рамки общения. Макарий с некоторым вызовом общался с лютеранским пастором Дитрихом, французским аббатом Отраном и английскими квакерами Алленом и Грелье. Кроме того, он общался в Тобольске с ссыльными декабристами, коих привлекал к своим идеям, и они даже помогали ему переводить тексты толкований Библии. И тем самым он еще больше навлек на себя гнев Синода, который с головы ученика переплескивался на голову учителя, и Филарету не раз приходилось слышать упреки: «Кого воспитал!»

А между тем подошла еще одна веха в жизни Филарета. 26 декабря 1842 года ему исполнилось шестьдесят лет. И вновь — никаких торжеств по этому случаю, никаких пышных поздравлений, празднеств. Хотя можно было бы, ведь Рождественский пост кончился, отпраздновали Рождество Христово, и никто бы не упрекнул московского митрополита, что он отмечает свой юбилей. Но никаких следов хоть какого-то празднования!

27 декабря в кафедральной церкви святителя Алексия он рукополагал дмитровского епископа Иосифа. Ни слова о том, что вчера ему исполнилось шестьдесят.

О праздновании дней рождения Филарет выскажется чуть позже, в 1844 году, в своей «Беседе о новом рождении свыше»: «Не удивительно, если рождение некоторых людей, которых жизнь особенно угодна Богу, и благотворна для прочих человеков, и предусматривается с обещанием радости, и воспоминается праздником. Так о рождении великого Предтечи Господня предрек ангел: *мнози о рождестве его возрадуются* (Лк. I. 14). Но когда видим, что и день рождения каждого человека обычай делает праздником личным или домашним: тогда рождаются помыслы недоумения, и даже удивления.

Рождение, за которым следует убегающая жизнь и неизбежная смерть, достойно ли быть предметом праздника? Человек, говорит Иов, *рожден от жены малолетен, и исполнь гнева* (Иов. XIV. 1): это ли праздновать? *В беззаконных зачат есмь*, говорит Давид, *и во гресех роди мя мати моя* (Псал. L. 7): что тут праздновать? — Блажен, кто может праздновать то рождение, которым восполняются недостатки, исправляются несовершенства, прекращаются бедствия сего первого рождения, — рождение новое, рождение духовное, рождение свыше. *Подобает вам родитися свыше'*, сказал Господь Никодиму в ночной, уединенной с ним беседе. Не сказал: надобно тебе родиться вновь, хотя говорил с одним только человеком; но сказал: *подобает вам'*, дабы видно было, что речь идет не о потребности сего или другого человека в особенности, но что изрекается закон всем вам, которые желаете быть истинными учениками небесного Учителя Иисуса Христа. *Подобает вам родитися свыше»*.

В дни шестидесятилетнего юбилея московский митрополит снова страдал от сильной простуды. Вот письмо Филарета Антонию от 28 декабря: «Благодарю, отец наместник, за слово, разделяющее со мною радость о Рождестве Спасителя нашего. Мир Свой да подает Он Вам и братии; а от Вас Ему слава да восстает рано, как возбуждает праведный Давид. Вы хотели написать мне побуждение к слову, а написали выговор за то, что не было моего слова в праздник. Приемлю и осуждаю себя, но

избежать сего не мог. Около трех недель простуда мешает мне во всем. Между тем в предшествовавшее празднику воскресенье имел я необходимость говорить в церкви Флора и Лавра, в которую государь наследник дал вкладом крест на престольный...»

И вновь ни слова о юбилее! Современному человеку, с особым трепетом относящемуся к дням рождения себя любимого, это может показаться диким. Филарету, судя по всему, казалось вполне естественным не выпячивать памятных дат своей собственной жизни.

А в Петербурге 17 января нового, 1843 года скончался митрополит Серафим (Глаголевский). Трудно назвать его другом Филарета, но в письме Андрею Николаевичу Муравьеву московский митрополит так откликнулся на эту смерть: «Кончина владыки Серафима, хотя жизнь его пред тем не представлялась уже довольно жизненною, произвела во мне чувство сиротства. Утешение нашел я в том, что незадолго пред тем он написал ко мне письмо, которое при получении обрадовало меня... Между тем я пригласил духовенство вверенной мне епархии совершить о нем четырехдесятидневное поминовение церковное, которое я в своей домово́й церкви начал днем ранее погребения его. Как будто в изъявление за сие благоволение, он повидался со мною чрез несколько дней во сне, вначале по-обыкновенному, а потом во время самого сна имел я сознание, что вижу преставльшегося, тогда как другие, находящиеся тут же, в алтаре Казанского собора, не видят его. Господь да вчинит его в Церкви написанных на небесах!»

На место скончавшегося Серафима назначили варшавского архиепископа Антония (Рафальского). Филарет давно знал его и сам в свое время благословил его принять монашество. В середине тридцатых годов, будучи наместником Почаевской лавры, Антоний прославился успешным обращением в православие униатов, в 1834 году возглавил Варшавскую епархию, где его слава еще более выросла — он не только продолжал обращать в православие, но и многое сделал для улучшения отношений между католиками и православными. Его полюбили и те и другие, но в Варшаве же эта слава стала губить владыку — он привык к добродушному общению с людьми за трапезами, которые становились с каждым годом все обильнее. Филарет пока еще не слишком был наслышан об Антониевых пиршествах и потому от души приветствовал назначение его митрополитом Новгородским, Санкт-Петербургским, Эстляндским и Финляндским. Тогда это была такая обширнейшая единая епархия.

Поначалу владыка Антоний деятельно взялся обозреть все петербургские храмы и подведомственные учреждения, сам совершал

литургии, много бывал в учебных заведениях, где проверял знания учеников. Но показав себя с самой лучшей стороны, после Великого поста вернулся к образу жизни, приобретенному в Варшаве — стал устраивать пышные застолья, вызывающе роскошно отделал митрополичий дом, населив его позолоченной мебелью. Особенно бросалась в глаза петербуржцам чрезмерно пышная жизнь владыки, когда он выезжал куда-либо на великолепном экипаже, запряженном шестеркой, а то и восьмеркой лошадей, с кучером, двумя форейторами и двумя гайдуками. Все сие стало вызывать недовольство, и очень скоро у митрополита Антония возникла вражда с обер-прокурором Протасовым. Николая Александровича хоть и обвиняли в неискренней религиозности, но он все же имел и много достоинств, к примеру, боролся с излишествами, терпеть не мог чрезмерного богатства, особенно когда оно выставлялось напоказ и особенно когда этим грешили лица духовного звания. И уже к середине 1843 года митрополит Антоний со своей невоздержанностью в роскоши и пиршествах перетянул на себя нелюбовь Протасова, которую тот испытывал к непокорному Филарету.

А Филарет, к счастью, был далек от всего этого, наслаждаясь московским житьем-бытьем. По пути из Варшавы в Северную столицу новый петербургский владыка проезжал через Москву и на Масленице гостил у московского архиерея, а как он уехал, так вскоре пришла радость Великого поста. В церквях перестали возжигать свечи, служба проходила в темных храмах — лишь пред иконами горели лампы. В те дни Филарет писал: «Духовный мир не легко входит в обычный снаряд наших земных понятий... После служения при свечах служение при иконах, кажется, есть некоторое восхождение, но что значат там сии здешние образы? То ли, что душа сперва засвечала себе свет, а потом при нем получила возможность созерцать образы небесные?» В храмах читался Великий канон Андрея Критского, после которого многожды становились на колени, произнося молитву, столь дивно переложенную в стихи Пушкиным в последний год его жизни:

*Владыко дней моих! дух праздности унылой,
Любоначалия, змеи сокрытой сей,
И празднословия не дай душе моей.
Но дай мне зреть мои, о Боже, прегрешенья,
Да брат мой от меня не примет осужденья,
И дух смирения, терпения, любви
И целомудрия мне в сердце оживи.*

В праздник Благовещения в Чудовом монастыре звучало полное поэзии божественное слово Московского Златоуста:

— Дивны дела Твоя, Господи! Дивны Твоя тайны, Богородице! Кто слышит Твой тихий глагол в Твоей затворенной молитвенной храмине? Кто провидит, какие огромные дела ведет за собою Твое малое слово? Мир ощущает ли сию минуту, в которую делается перелом всецелой судьбы его, в которую изменяются отношения между землею и небом? Знает ли мечтающий о всемирном владычестве Рим, что в одной из дальних областей его, некая дочь царей, называющая себя рабою Господнею, изрекла приговор, который готовит миру нового, лучшего, высочайшего Владыку, а Риму разрушение гордого и своенравного владычества?

А в день пасхальной радости в Успенском соборе Филарет призывал не превращать Пасху в удобный повод для чрезмерных увеселений и неистовых пиршеств:

— Советую и молю, благоговейно чтимую в начале радость не посрамлять в последствии. Прилично ли обращать в игру и забаву такую радость, которая нам приобретена жертвою и страданием?

Вновь и вновь приходилось ему бороться и с пышностью в церковном обиходе. Храм должен быть украшен и опрятен, но не подавлять верующего изобилием золота и драгоценностей. Французский писатель, историк литературы, переводчик и путешественник Ксавье Мармье, побывав в России, опубликовал критические заметки, на которые Филарет откликнулся в письме наместнику Антонию: «Послушали бы Вы, что написал один француз, бывший у Вас в Лавре в десятую пятницу, о нашем духовенстве и монашестве. В церквах, говорит, слишком много богатств. Белое духовенство необразованное и неблагонравное. Лаврские монахи сыты; послушники красиво убирают волосы. В пении мало благоговейного внимания. — Правительству искушение видеть сие читаемым в Европе; и может прийти мысль, не подлинно ли так. Для меня одно замечание француза кажется стоящим внимания: недостаток благоговейного внимания в пении. Едва ли не бывает сего греха, особенно в праздники, когда, стараясь петь хорошо, сим внешним вниманием вредят внутреннему. Надобно поговаривать поющим, что пение искусное приятно людям на краткое время, а пение благоговейное угодно Богу и людям полезно, вводя в них дух, которым оно дышит».

Антоний с обидой отвечал, что заезжий француз, как недавний маркиз де Кюстин, нагло врет, и Филарету пришлось оправдываться: «На француза

Вы, отец наместник, кажется, довольно прогневались, да и меня едва ли не подозреваете в том, что я сложился с помыслами француза», и далее он признал, что Мармье «написал на русских многое невежественно или несовестно», но кое к чему все-таки следует прислушаться, ведь дыма без огня не бывает. А чтобы загладить сердитость Антония, летом владыка приехал в лавру и заговорил с Антонием про их задушевный секрет — Гефсиманский скит. Наместник предложил устроить его как общежитное отделение лавры, и митрополит одобрил это предложение.

Пробыв в лавре несколько дней, Московский Златоуст прочитал в день обретения мощей преподобного Сергия проповедь о молитвенном общении человека с Богом. В ней он говорил:

— Молитва есть одна из высших потребностей души человеческой, одна из существенных принадлежностей богопочтения. Душа, погруженная в чувственность, рассеянная в мире, омраченная грехом, не чувствует, что, по своему началу, она есть дыхание из уст Божиих: но сила сего чувства, без ее ведома, возникает из ее глубины и движет сердце к Богу, хотя бы то было к неведомому, или только погрешительно знаемому. Потому во всяком богослужении, от духовного до чувственного, от просвещенного до невежественного, сущность и душу обыкновенно составляет призывание Божества, и следственно — молитва. Хотя в учреждениях ветхозаветных важнейшую торжественность богослужения составляли жертвы; но жертва была всегда или посредницею, или представительницею молитвы, и восходящий дым сожигаемой жертвы представлялся колесницею, на которой молитва хотела достигнуть до неба... Подлинно, есть в природе человеческой странная двоякость и противоречие направлений: с одной стороны, чувство нужды в божественном и желание общения с Богом, с другой — какая-то тайная неохота заниматься божественным и склонность убегать от собеседования с Богом. И не трудно понять, от чего это так. Первое из сих направлений принадлежит природе первоизданной, а последнее — природе, поврежденной грехом. Это есть продолжение доньше того движения, которое оказалось в прародителях по первом нарушении заповеди Божией... Почудимся, братия, Божиим щедротам и долготерпению. Устыдимся нашей лености и невнимания. Воздвигнем себя к духовному деланию, возбуждая ум от невнимания, собирая от рассеяния, очищая от помыслов лукавых и суетных, и сердце от страстей и порочных желаний. В молитве терпите, бодрствующе в ней со благодарением.

В то же лето Филарет еще не раз приезжал в лавру и всякий раз беседовал о будущем ските. Антоний сообщил, что хочет купить для скита деревянную церковь в соседнем селе Подсосенье, разобрать ее там,

привезти сюда и здесь собрать. Жители села согласны, поскольку собираются ставить у себя каменный храм. А церковка славная. И древняя — она являлась памятником некогда существовавшего Богородицкого Успенского женского монастыря, уничтоженного литовцами в Смутное время. На месте сожженной дотла обители преподобный Дионисий Радонежский в 1616 году и поставил эту церковь Успения Богородицы, а в 1619 году Авраамий Палицын устроил при ней придел во имя Господа Иисуса Христа.

На перевоз этого памятника старины в Гефсиманский скит Филарет также ответил согласием. Выбрал для церкви место. И все же он опасался, как бы ввиду опалы на него Синод не выразил какого-либо неожиданного недовольства по поводу скита. В сентябре владыка писал Антонию: «Добре было бы, если бы Мать Божия благословила быть Гефсиманскому скиту. Но можно ли успеть нынешнею же осенью положить начало? Если сего не можно, безопасно ли подождет деревянная церковь до весны? Есть и еще вопрос: просить ли разрешения на перенесение деревянной церкви? По применению к закону, не излишне было бы, но не безопасно, чтобы не запутали дела. Не лучше ли просто делать дело невинное, с намерением не гневаться после, если сделают выговор?» Шагу нельзя было сделать архиереям без согласия Святейшего синода!

Жителям Подсосенья за Успенскую церковь лавра выплатила две тысячи рублей. Очень этот деревянный храм приглянулся Филарету, он попросил сделать ее теплой, чтобы можно было и в зимнее время служить, а рядом захотел иметь свою келью: «Малые кельи для меня иметь желаю; нельзя ли привязать их близким и удобным сообщением к Успенской церкви, если другой не будет? Каменную кладку под моими келлиями нельзя ли сделать немного выше, нежели просто для фундамента, и устроить в ней нижнее жилье для келейника и для приготовления пищи?» Вероятно, владыка после прошлогодних петербургских неурядиц опасался дальнейших гонений со стороны Синода, предвидел возможность ухода с московской кафедры и вселения в Троице-Сергиевой лавре, о чем он когда-то в юности и мечтал. Гефсиманский скит, таким образом, он готовил как будущее место своего молитвенного подвига. В письмах постоянно оговаривал всевозможные подробности, каким деревом нужно подновлять Успенскую церковь, какой пол постелить, каким образом соединить ее с будущим его жилищем. Об Успенской церкви он волновался, право слово, как о невесте!

Осенью владыку опять стали преследовать опостылевшие простуды. А тут еще всполошила его юродивая в Серпуховском Владычном монастыре,

предсказала долгую поездку в Петербург. Блаженная Евфросинья в миру была княжной Евдокией Григорьевной Вяземской, окончила Смольный институт благородных девиц, стала фрейлиной Екатерины II, но вдруг исчезла, странствовала по монастырям, с благословения митрополита Платона (Левшина) приняла подвиг юродства. Когда в 1843 году Филарет посетил ее в Серпухове, ей было уже семьдесят пять лет. Увидев его, блаженная попросила благословения. Он благословил.

— А теперь еще раз благослови, владыко!

Он еще раз благословил.

— Еще раз!

Он опять благословил. Но когда она вновь попросила благословения, протоиерей, видевший это, стал ей прекословить. Филарет же спросил:

— Зачем тебе от меня так много благословений?

— Вот уедешь в Петербург и, может быть, долго не приедешь, — ответила Евфросинья.

В Петербург ехать не хотелось. Тем более надолго. «В Петербург не хочет, если не ошибаюсь, не оскорбленное самолюбие, но немощь и уверенность. Большая, нежели когда-либо, что для Путешествия в Петербурге пользой надобны достоинства и добродетели, которых у меня недостает и для здешней службы, а тем паче для тамошней. Мысль, что там не имеют во мне нужды, сколько убедительна для меня, столько же и успокоительна».

Выходит, не всегда предсказания юродивых сбываются — Евфросинья лишь напугала Филарета, а в Петербург его так и не призвали. Видно, обер-прокурору было на ком поупражняться в своем властолюбии — митрополит Антоний со своей широкой натурой с лихвой заменил Протасову Филарета.

Император, находясь в Москве, ни разу не обмолвился о своем желании видеть Филарета зимой в Петербурге. В присутствии Николая Московский Златоуст произнес речь к воинам, собранным из бессрочных отпусков — на Кавказе разгоралась война против успешно действовавшего имама Шамиля. Эта проповедь — одна из лучших проповедей, разъясняющих православное отношение к войне и миру:

— Равноапостольный царь Константин для чего первее всего употребил крест Христов, только что им познанный? — Для брани и победы. Итак — Бог любит добродушный мир: и Бог же благословляет праведную брань. Ибо с тех пор, как есть на земли немирные люди, мира нельзя иметь без помощи военной. Честный и благонадежный мир большею частью надобно завоевать. И для сохранения приобретенного

мира надобно, чтобы самый победитель не позволял заржаветь своему оружию. Итак, Православные воины, словом Давидовым говорит вам Святая Церковь, приглашая в то же время и вас говорить с нею: благословен Господь Бог наш, научаяй руки ваши на ополчение, персты ваши на брань! Любит мир самодержец России: но по сему самому крепко стережет его стражею сильного верного, искусного воинства... Не забывайте, что добрый воин, лев против врагов, должен быть агнцем между своими. Живите кротко и любовно: а гнев и грозу берегите для врагов Отечества. Наипаче не забывайте, что добрый воин царя благочестивейшего должен быть равномерно добр воин Иисус Христов... Тот воин истинно непобедим, которому венец мученичества за Веру, Царя и Отечество, так же любезен, как и венец победы. Тот лучший слуга царев, и надежнейший защитник Отечества, кто в верном Богу сердце, в чистой совести носит верную надежду Отечества небесного.

Оставшись весьма доволен такой речью московского архиерея, царь отбыл в Северную столицу, так и не позвав его за собой.

Несмотря на болезни, Филарет не оставлял писательских трудов. Помимо проповедей писал сочинения по истории Церкви, а той осенью завершил житие преподобного Никона игумена Радонежского.

Среди забавных происшествий, упоминаемых Филаретом в письмах, нельзя не оставить без внимания случившееся в 1843 году нашествие на Рязанскую епархию множества монахов из Иерусалима, которые весьма успешно собирали с местных жителей дань на строительство при Гробе Господнем большого русского монастыря. Кому-то это показалось подозрительным, и когда нескольких «иерусалимцев» задержали и подвергли допросу, они, как и следовало ожидать, оказались жуликами. Какой-то особо предприимчивый цыганский табор нашил себе монашеских одежд и занялся таким прибыльным «бизнесом». И долго еще в Рязанской губернии с недоверием относились ко всякому смуглому и черноокому монаху.

В канун Рождества 1843 года Филарет освятил храм Богородицы Взыскательницы погибших при замке пересыльных арестантов и обратился с проповедью к заключенным:

— Чистота и святость принадлежат дому Божию преимущественно пред всяким другим местом, хотя, впрочем, не лишенным своей чистоты. Напротив того темница, и особенно темница осужденных, не есть ли такое место, куда общество человеческое повергает от себя нравственную нечистоту? Итак, сохранится ли чистота, не оскорбится ли святость дома Божия, когда мы поставляем его в соприкосновенности с темницею

осужденных? Правила Святых удаляют от святых Христовых Тайн и едва допускают переступить чрез праг святого храма, людей, обремененных тяжкими грехами, доколе не очистят их совести покаяние, слезы и время, иногда довольно продолжительное. И не удивительна сия строгость, когда и человеческий закон тех же людей, за те же грехи, которые он, обнаружив, называет преступлениями, удаляет от домов и селений непорочных граждан, даже навсегда. Как же теперь святой храм, со святыми Тайнами, сам пришел к сим людям, которым строгость священных правил не дает права приступать к святым Тайнам и едва позволяет входить во храм? Милостив буди к немощным служителям Твоея святыни, Единый Святой, Единый Господь, Иисус Христос... Не в темницу ли, не к осужденным ли, не к изгнанникам ли, не к узникам ли пришел и Сам Ты на землю, чтобы основать Твой живой храм, Твою святую Церковь! Ибо, что такое вся земля, после рая, как не пространная темница? Что человек вообще, как не осужденный преступник райскаго закона, изгнанник рая, пленник греха, узник брэнной плоти, отягощающей душу? И не гнушалась чистота Твоя; не чуждалась святыня Твоя. Ты пришел; и в сей темнице, для сего преступника, изгнанника, пленника, узника, поставил Твой Голгофский крестный жертвенник; Твоим страданием и смертью совершил на нем Твою вселенскую Божественную литургию; принес Твою вечную жертву, которая одна и та же, и здесь, и ныне, совершается. И кто были ближайшие к сему Твоему жертвеннику? — Разбойник одесную; разбойник ошуюю... А вы, которых закон и правосудие сделали чуждыми для нас, но которых еще братьями называть побуждает нас любовь христианская! Поймите любовь сию, в ее опытах, которые перед вами. За чем пришли к вам, узникам, сии люди свободные, обилующие, люди почетных званий? Как вы с удовольствием исторглись бы из вашей темницы, так они с удовольствием отторглись от своих дел и занятий и поспешили к вам, в темницу. Не имеют ли они в вас какой нужды? — Без сомнения, никакой. Какая же сила привлекла их сюда? — Сила любви христианской. Видно, могущественна сия сила; видно, приятно следовать ее влечению... Для чего так торжественно явился среди вас и Церковный Собор, и так близко к вам водворил святыню храма христианского? Почему правосудие церковное не так для вас решительно и неумолимо, как гражданское, хотя Церковь требует не только непорочности во внешних отношениях, но и во внутренней святости, и потому могла бы строже судить виновных? Почему тогда, как гражданское общество изгоняет вас, Церковь как бы гонится за вами? Одно изъяснение сих неожиданностей — любовь христианская... Братия, и в сем уничиженном состоянии вашем, нам ради Христа

возлюбленные! Не будьте к сей любви невнимательны и холодны. Если есть в вас некоторое расположение к благодарности, как оно есть в общей природе нашей: неужели вы попустите себе оказаться не добрыми для тех, которые так деятельно добры для вас? Неужели не захотите доставить некоторое утешение тем, которые заботятся о вашем утешении? Заботьтесь же сколько-нибудь и вы, чтобы доставить им утешение, которого они ищут, — в вашем нравственном и духовном улучшении... Кто не слышал о юном, невинном Иосифе, отторгнутом от отца, проданном братьями в плен и в рабство, увлеченном в дальнюю страну, к иноплеменникам, оклеветанном, вверженном в темницу? — Знаете, конечно, и то, что столько бедствий не могли унижить духа юноши, ни поколебать его добродетели, но и в рабстве она была свободна, и в темнице просияла. Не видите ли, что и в темнице, и в заточении можно находиться, без упадка духа, не без надежды, и даже с достоинством и славою?

В Петербург не поехал, но и на московских холодах ловила Филарета жестокая простуда. И жаловался одному лишь своему духовнику — Антонию: «Простуда моя позволила мне праздновать праздники, а потом опять посадила меня дома, и не знаю, гожусь ли на что завтра. Лечиться не хочется, а между тем боль в зубах, в ухе и в левой стороне головы мешает и делать и спать». А спустя двадцать дней: «Со мною неохотно расстается простуда. Третьего дня вышел было на воздух, но в следующую ночь и вчерашний день опять боль в зубах и в голове оказалась жестокою». И лишь к Великому посту болезнь отступила.

Весной 1844 года по настоянию Андрея Николаевича Муравьева началось издание избранных проповедей Филарета. Сам Филарет некоторое время противился этому, говоря, что чаще всего писал слова и речи впопыхах за один присест, но затем, перечитав накопившиеся проповеди, он счел, что они не так уж плохи, и решил часть из них выпустить в свет в печатном виде. Почетный московский гражданин купец Алексей Иванович Лобков взял издание на свое попечение. «Охотники начинают и моих слов (если только не празднословия) издание, к которому Вы меня побуждали. Если сему не следовало быть, то и Вы в сем не безвинны. Пожелайте, чтобы не пустые плевелы посеялись», — писал Филарет Муравьеву 23 февраля 1844 года. Когда вышел первый том, обер-прокурор Протасов неожиданно отнесся к этому благосклонно и даже прислал письмо с предложением дальнейшее издание печатать за деньги Синода.

— Обижаешь, владыко, — сказал на это Лобков. — Я уж взялся, я уж и напечатаю.

И можно себе представить, какое удовольствие было Филарету вежливо ответить в Петербург, что он вполне может в данном случае обойтись без синодальных услуг.

Но многие завистники злословили по поводу этого издания. Об этом свидетельствует рижский епископ Филарет (Гумилевский), который в том году с горечью писал профессору Московской духовной академии А. В. Горскому: «Правда ли, что владыка решился издавать слова свои? «Москвитянин» возбудил ожидания, и меня спрашивают даже немцы. Они глубоко уважают его. А русские? Бросают в него грязью. Будет время, когда сильно будут каяться, но — без пользы для Церкви».

Тем временем продолжалось обустройство Гефсиманского скита. Привезли и собрали на новом месте деревянную подсосенскую церковь, начали ее возобновлять, как тогда говорилось вместо иностранного слова «реставрировать». Рядом с Успенской церковью стали строить большой дом для двенадцати человек братии с отдельными помещениями для владыки, а также домик поменьше — для наместника. Но то, что возводится Гефсиманский скит, знали лишь двое — Филарет и Антоний. «О ските чем меньше говорить, тем лучше, — писал владыка наместнику. — Если Бог благословит дело, оно скажет само за себя. Когда меня спрашивают о сем, я говорю, что сберегаю древнюю достопамятную церковь, найдя ей место, на котором было бы ей находиться прилично и полезно, вместо прежнего, на котором ей нельзя было оставаться. Некоторым сказал я и то, что есть мысли завести в ней непрерывное чтение псалтири. Иконы получил и благодарю. Желательно скорее закрыть Корбуху от праздноходящих. Можете приступить к работе канавы и вала».

В июне и июле митрополит снова мучился простудой, зубной и головной болью. Жалобно писал Антонию: «Здоровье мое худо поправляется, и обветшание храмины телесной постоянное прежнего ощущается». Но в августе почувствовал себя лучше и приехал в лавру — не терпелось посмотреть, как идут дела с Гефсиманией. Остался весьма доволен. Предложил совершать ежегодное главное празднование скита на третий день после Успения, 17 августа, когда празднуется Вознесение Богородицы. Установил в ночь на 17 августа совершать всенощное бдение по особому Иерусалимскому чину. Обещал отыскать текст этого последования. Это оказалось не просто, и обещание свое он выполнит только через два года.

Размышляя о том, какой дать скиту устав, Филарет и Антоний составили его частично из афонских установлений, частично из тех, что были приняты в молдавских монастырях. Не случайно в то время в лавре

частыми гостями стали монахи из Молдавии. Решено было, что скит будет закрыт для посещения женщинами.

Антоний не мог позабыть счастливых лет, проведенных им в Саровской пустыни под крылом у незабвенного старца Серафима, и просил ввести в скитские богослужения некоторые напевы, принятые в Сарове.

Осенью работы по возобновлению древней церкви окончились, и 28 сентября, в день памяти схимонаха Кирилла и схимонахини Марии, родителей Сергия Радонежского, Филарет освятил сей главный храм будущей Гефсимании.

— Двести двадцать семь лет простоял сей древний храм, быв создан Лаврою преподобного отца нашего Сергия, в начальствование преподобного отца нашего Дионисия, — говорил он в торжественном слове. — И тогда еще представлен в покровительство Пресвятыя Владычицы наша Богородицы, в память славного Ея Успения, дабы, по сей памяти, Она с благоволением призирала на него, как бы на Свою Гефсиманию.

Глава двадцать вторая

ВЫБОР СЮЖЕТОВ

1844–1846

Ныне гробница митрополита Филарета находится в Москве. Восточным фасадом она выходит на Пречистенскую набережную, западным — на Волхонку, северным — на Всехсвятский переулок, а южным — на Соймоновский проезд. У Московского Златоуста — самая большая усыпальница в Первопрестольном граде. Ею является главный собор Русской православной церкви — храм Христа Спасителя. Тот, кто здесь покоится, немало и сам потрудился для создания этого величественного памятника архитектуры. Редчайшего во всем мировом зодчестве.

По замыслу Константина Андреевича Тона все фасады над воротами и окнами, так чтобы можно было легко рассмотреть снизу, предполагалось украсить не только рельефами, но и совершенно необычными для русского храмового искусства горельефами, являющимися собой поучительные сцены из библейской и отечественной истории. Выбор сюжетов был предоставлен митрополиту Филарету Московскому. В 1844 году владыка исполнил заказ и сделал все назначения — дал полную роспись, где и какие горельефы должны быть размещены.

Западный фасад с главным входом в здание он предложил украсить следующим образом. Наверху, на высоте тринадцати сажен (около 28 метров), в медальонах изображения Христа Спасителя, благословляющего входящих в храм, а также Александра Невского и Николая Чудотворца как небесных покровителей императоров Александра I и Николая I, блаженного Николая и праведной Елизаветы. Над центральными воротами на высоте четырех с половиной сажен (около 10 метров) ангелы с распростертыми крыльями держат хартию с надписью: «Господь Сил с нами». Над арками боковых порталов: справа — ангелы с хоругвями московского ополчения, слева — ангелы со знаменами 1812 года. По сторонам оконных арок портала — архангелы Иегудиил с венцом в руке, Варахия с цветком, Гавриил с лилией и Уриил с пламенем. Справа от портала на западном фасаде Филарет предложил изобразить ветхозаветного царя Давида, передающего чертежи Иерусалимского храма своему наследнику Соломону. Слева — помазание Соломона на царство. Тем самым

подчеркивалась преемственность царя Николая его старшему брату Александру, при котором родилась мысль создать храм Христа Спасителя, а Николай эту мысль воплощает.

Переходим к южной стороне. Наверху в медальонах — Богоматерь Смоленская, чудотворный образ которой находился в войсках в 1812 году. Накануне Бородинской битвы Кутузов приказал обнести этой иконой все полки. По сторонам от Смоленской — святые, в дни памяти которых происходили важнейшие битвы 1812 года: Роман Рязанский — сражение при Клястицах 19 июля, апостол Фома — сражение под Полоцком и Тарутином 6 октября, Иоанн Креститель — сражение при Малоярославце 12 октября, Иона Новгородский — сражение при Красном 5 ноября. Внизу по сторонам арок трех крылец южного фасада — горельефы, изображающие события Ветхого Завета: явление архангела Михаила Иисусу Навину перед тем, как тот победил в битве с врагом, значительно его превосходящим, Моисей, освободивший свой народ от плена египетского, сестра его Мариам, с тимпаном в руках воспевающая: «Пойте Господу, ибо высоко превознесся Он, коня и всадника его ввергнул в море!», пророчица Девора и Варак, которому она предсказала победу над войсками язычников. Все они, по замыслу Филарета, являли собой истину, что истинно верующий не погибнет, ибо спасен будет Богом. В память о сражениях 1812 года на южном фасаде: Варлаам Хутынский — второй день сражения при Красном, 6 ноября, благоверный князь Гавриил Псковский — защита Пскова и святые Антоний и Феодосий Печерские — защита Киева. Здесь же, на южном фасаде Филарет очертил две ветхозаветные горельефные картины, посвященные триумфальному возвращению императора Александра из Заграничного похода: Давид, несущий своему народу голову поверженного Голиафа, и Авраам, встречаемый первосвященником Мельхиседеком после победы над языческими вождями.

Идем далее, на восточную сторону. Она располагается за алтарем. В центре наверху в медальоне — Владимирская Божья Матерь. Праздник этой иконы — 26 августа, день Бородинского сражения. В других медальонах — царица Александра, Мария Магдалина, Анна Пророчица и великомученица Екатерина. Внизу по назначениям, расписанным Филаретом, горельефы, изображающие первых московских митрополитов — Петра и Алексея. Петр держит хартию с изображением Успенского собора, Алексей благословляет церковь Архистратига Михаила в Чудовом монастыре. По сторонам от них — святитель Стефан Пермский с хартией изобретенного им письма зырянского языка, преподобный Сергей

Радонежский, московские митрополиты Иона и Филипп, преподобные Никон Радонежский и Иосиф Волоцкий, черниговские святые — благоверный князь Михаил и боярин Феодор.

На северном фасаде Филарет предложил в верхних медальонах положить изображения Иверской Богоматери, а также святых, в дни памяти которых происходили важнейшие события Заграничного похода: мученик Лавр — сражение при Кульме 18 августа 1813 года, мученик Сергей — Лейпцигская битва 7 октября 1813 года, Григорий Двоеслов — битва за Париж 12 марта и мученик Хрисанф — взятие Парижа 19 марта 1814 года. В нижнем горельефном ряду по росписи Филарета полагалось поместить изображения царицы Елены и ее сына — византийского императора Константина, княгини Ольги и ее внука — великого князя Владимира Красное Солнышко. Константин и Елена сделали Византию христианской страной, а Владимир и Ольга крестили Русь. Около оконных арок северного фасада — апостол Андрей, из уст которого впервые прозвучала на Русской земле христианская проповедь, Георгий Победоносец, изображенный на гербе Москвы, Даниил Московский — сын Александра Невского, при котором стала расти Москва, и Савва Сторожевский — основатель знаменитого монастыря в Подмосковье, под Звенигородом. На глухих боковых частях северного фасада Филарет предложил два важнейших сюжета русской истории, связанных с решающими сражениями нашего народа: Сергей Радонежский благословляет Дмитрия Донского на Куликовскую битву и архимандрит Троице-Сергиевой лавры Дионисий благословляет Минина и Пожарского на освобождение Москвы от поляков.

Всего по вдохновенному замыслу Филарета предполагалось выполнить восемь многофигурных горельефных композиций, сорок фигур, двенадцать икон в закомарах и в верхней части фасадов. Предписание московского митрополита в последующие годы было выполнено великолепными русскими скульпторами Александром Васильевичем Логановским, Николаем Александровичем Рамазановым и Петром Карловичем Клодтом. Логановский создал все многофигурные композиции и большинство фигур, Рамазанов выполнил медальоны, а знаменитый автор коней на Аничковом мосту Санкт-Петербурга исполнил статуи русских святых восточного фасада.

Выбор сюжетов для скульптурных изображений храма Христа Спасителя стал для Филарета торжеством православной справедливости после того, как, не спросив его совета, в Москве поставили Триумфальные врата, увенчанные языческой богиней и посему оставленные без владычного благословения.

Храм Христа Спасителя призван был стать подлинно русским храмом. Филарет убрал отовсюду изображения треугольника «Всевидящее Око», мелькавшие на предыдущих проектах — и у Витберга, да и у Тона. Собственно, ничего предосудительного в треугольнике, олицетворяющем Троицу, нет, и его можно видеть на множестве православных храмов, особенно тех, что построены в XVIII и XIX столетиях. Но ту же символику всегда охотно использовали и используют масоны, и святитель Филарет рассудил: можно обойтись и без этого.

Беседуя со многими людьми о построении храма, святитель немало думал о необходимости постоянного напоминания им, что не одной внешней церковностью живет христианство. Делание соборное, общее, соблюдение устава церковной жизни должно сочетаться с деланием духовным, душа должна быть исполнена высшей истины, а соблюдение правил — являться выражением этой исполненной™.

В 1844 году он провел важную беседу с прихожанами «О новом рождении свыше». Рождение человека, «за которым следует убегающая жизнь и неизбежная смерть», Филарет рассматривал как первый шаг к истинному рождению, которое, следуя за евангельским текстом, и называл «рождением свыше».

Термином «возрождение» мы приучены называть явление отхода от христианских догматов и возврат к идеалам языческой Греции, происходившее в Италии в XIII–XV веках и ставшее началом общеевропейского кризиса христианства. Филарет вкладывал в слово «возрождение» совершенно иной смысл. Как следом за появлением на свет идет крещение, так следом за телесным появлением на свет должно произойти духовное второе рождение — возрождение человека.

«Что такое возрождение? Что за мысль — человека в течение его бытия, производить вновь, тогда как он, без сомнения, должен оставаться одним и тем же лицом? К чему сие изысканное мудрствование, сия непонятная таинственность? Не довольно ли быть просто добрыми христианами? Такие слова против глубокого христианского учения не вырываются ли у некоторых, как камни, бросаемые наудачу, без сознания, что ими поразить желают? Знайте же, что дело идет не о произвольно возносящемся мудрствовании, поелику с апостолом, и я желаю *всякому существу в вас не мудрствовати паче, еже подобает мудрствовати* (Рим. XII. 3); не о пристрастии к темной таинственности, которую, впрочем, не знаю, кто захотел бы предпочесть ясности возможной; не об уклонении от простоты, о которой со апостолом, и я забочусь, *да не како истлеют разумы ваша от простоты, яже о Христе* (2 Кор. XI. 3): но дело идет о

том, чтоб или приобрести, или утратить царствие Божие. Возрождение требуется не для того, чтобы сделаться мудрецом или таинственником, но для того, чтобы приобрести царствие Божие. Если ты удаляешь от себя мысль о возрождении: то удаляешь от себя возможность видеть царствие Божие. *Аще кто не родится свыше, не может видети царствия Божия*, глаголет Господь. Итак повторяю: блажен, кто может праздновать свое рождение свыше».

Говоря о крещении, и тут Филарет отделил внешний обряд от внутренней истины. Да, таинство крещения священо: «Если бы оно было только крещение водою, то почти не разлилось бы от простых очистительных омовений, употреблявшихся во времена Ветхого Завета; оно было бы обряд и не заслуживало бы наименования таинства, которое отличительно дает оному Церковь; владычественное имя Отца и Сына и Святаго Духа представлялось бы в крещении странно бездейственным; утверждать, что мы крестились во имя Святаго Духа, но не крестились духом, было бы непримиримое само в себе противоречие». Но и крещение есть только шаг к будущему духовному возрождению, и само собою оно не произойдет, если не идти по жизни, усовершенствуясь духовно. «Иные думают: можно ли определить все шаги к царствию небесному? Может быть, спасемся как-нибудь и мы. — Это походит на то, как если бы кто, приметив трудность и неизвестную надежду земледелия, сказал: может быть, родится хлеб и без возделывания и без посева». «Иной, напротив, скажет: хорошо же; я непременно буду сеять в дух и сделаюсь возрожденным. — Нет, возлюбленный! И это не есть надежный путь. Ни беспечное: *может быть*, ни самонадеянное: *непременно* не годятся в делах духа. Кто как будто на заказ думает сделаться возрожденным: тот всего скорее сделается мечтателем. Не может младенец родиться, когда и как захочет: родить его должна мать, по порядку природы. Равным образом не может человек возродиться, когда и как захочет: возродить его должен Дух Божий, по порядку благодати. Между крайностями беспечной недеятельности и самонадеянной предприимчивости лежит скромный, но деятельный путь духа, который указывает Апостол следующими словами: *со страхом и трепетом свое спасение содевайте* (Фил. II. 12). *Содевайте спасение*, а не думайте, что оно соделается само собою, но *содевайте со страхом и трепетом*, не полагаясь на то, что делаете сами, и остерегаясь непрестанно, чтобы не противиться действию в вас Божию».

Тему духовного созидания Московский Златоуст продолжил в беседе «О молитве с должным приготовлением». Он начал ее с поэтического сравнения: «Как приятен вид нивы, покрытой колосьями, которые зыблет

тихий ветер, и полнота плода клонит долу: так приятен вид Церкви, наполненной молящимися...» Но далее он заговорил о том, что далеко не все молящиеся имеют в душе своей духовное наполнение. Большинство прихожан находятся в духовном младенчестве, а вспоминая предыдущую беседу, можно сказать, что они еще не достигли возрождения. Большинство не догадывается, что к молитве надо готовиться. «Если хочешь победоносно сражаться, приготовься приличным вооружением себя и обучением искусно владеть оружием. Если хочешь переплыть реку, приготовься снятием с себя одежды, которая связала бы тебя, отягчила и погрузила в глубину. Подобно сему, если хочешь молиться с пользой и успехом, *прежде даже не помолишься, у готовы себе*». Приготовлением к молитве Филарет называл осмысление Бога, как творца вселенной и постоянного пастыря нашего, осмысление ничтожества человека в сравнении с величием Бога, мысленное предстояние свое перед Богом, прощение врагов своих и примирение с ближними, желание избавиться от всех грехов. «Кто, не уготовав себя предварительно таковыми расположениями, приступает к молитве, кто просит от Бога милостей и благоденствий, не подумав о том, как бы завтра не оскорблять Его грехами, в которых виновен пред Ним сего дня: тот поистине, как изъяснялся премудрый, *есть яко человек, искушали Господа*». Молитву без предварительного приготовления Филарет сравнил с возжиганием светильника, в который предварительно забыли налить масло. «Наполни елеем светильник, чтобы он горел ясно и долго. Наполни миром сердце, чтобы молитва твоя была светла и постоянна».

Третья важнейшая беседа 1844 года — «О страхе Божиим». В ней Филарет торжественно утвердил человека в его жизни как бесстрашного пред чем бы то ни было в мире, в том случае, если человек боится одного Бога. Нет счастливее на земле тех людей, кто познал эту великую истину. Бояться Бога означает отвращаться от греха, от всего безобразного и постыдного, и это означает, что иметь страх Божий не безобразно и не постыдно. «Остановиться на степени страха одних наказаний, без сомнения, было бы низко для христианина: он должен подвизаться, чтобы очищать свой страх, и от рабского восходить к сыновнему». Здесь дано весьма важное указание на то, что такое жизнь человеческая, если она положена во служение Богу: она есть стремление к тому, чтобы из состояния раба Божия войти в состояние сына Божия. «Кто принес на землю и даровал человекам сыноположение Божественное? Не едиnorodный ли Сын Божий, Который для сего и воплотился, и кровию Своею написал нам отпущение из рабства греха, отягченного страхом

смерти, в свободу чад Божиих?»

Три беседы, произнесенные Московским Златоустом в 1844 году, стали для православных кратким и четким, ярким и образным путеводителем по жизни.

В том же году святитель Филарет перевез из Коломны свою престарелую матушку. Для нее он купил небольшой домик рядом с Троицким подворьем, поселил в нем, приставил надежных людей. Евдокия Никитична постоянно болела, иной раз бывала при смерти, и нередко можно было видеть взволнованного митрополита, спешащего из своей кельи в домик матушки.

В 1844 году исполнилось пятьдесят лет Чаадаеву. Восемь лет назад разразился скандал с печатанием его первого философического письма. С той поры многое изменилось. Петр Яковлевич, уже не тот кудрявый приятель кудрявого Пушкина, а изрядно облысевший, жил в своем доме на Басманной улице в Москве под надзором — время от времени к нему для освидетельствования являлись полицейский чиновник и врач-психиатр. Но с годами появился у него и более благоприятный надзор — со стороны святителя Филарета. Чаадаев не мог не знать о том, что Филарет отвечал ему после выхода первого философического письма, и не мог не заинтересоваться личностью своего оппонента. Он читал его проповеди, сначала выходявшие разрозненно и в списках, затем — собранные в издании, финансируемом Лобковым. Он стал навещать Троицкое подворье, познакомился и подружился с его главным обитателем, стал находить огромное удовольствие в беседах с митрополитом. И в Чаадаеве стали происходить очевидные духовные изменения. Если в нем и было доселе сумасшествие, то никак не такое, которое лечат психиатры. Человек верующий, Чаадаев в тридцатилетнем возрасте был ослеплен европейской «прогрессивной» мыслью о том, что путь ко Христу должен проходить мимо храма. Теперь он все больше и больше исцелялся от этой слепоты. Теперь из-под его пера выбегали строки, в которых он иначе рассматривал православную церковь: «Ее роль состояла в том, чтобы явить мощь христианства, предоставленного единственно своим силам; она в совершенстве выполняла это высокое призвание. Родившись под дыханием пустыни, перенесенная затем в другую пустыню, где, живя в уединении, созданном для нее окружающим ее варварством, она, естественно, стала аскетической и созерцательной. Самое происхождение отрезало ей путь к какому бы то ни было честолюбию. И она, надо сознаться, довела покорность до крайности; она всячески стремилась себя уничтожить:

преклонять колена перед всеми государями, каковы бы они ни были, верные или неверные, православные или схизматики, монголы или сельджуки; когда гнет становился невыносимым или когда на нее обрушивалось иноземное иго, редко умела она прибегнуть к иному средству, кроме как заливать слезами церковную паперть, или же, повергнувшись в прах, призывать помощь небесную в тихой молитве. Все это совершенно верно, но верно и то, что ничего иного она делать и не могла, что она изменила бы своему призванию, если бы попыталась облечься в иную одежду. Разве только в славные дни русского патриаршества она дерзнула быть честолюбивой, и мы знаем, какова была расплата за эту попытку противоестественной гордыни. Как бы то ни было, этой Церкви, столь смиренной, столь покорной, столь безропотной, наша страна обязана не только самыми прекрасными страницами своей истории, но и своим сохранением. Вот урок, который она была призвана явить миру: великий народ, образовавшийся всецело под влиянием религии Христа, — поучительное зрелище, которое мы предьявляем на размышление серьезных умов». Это уже не то мировоззрение, с которым Филарету следовало вступать в бой.

Социалистические идеи Чаадаев отныне увязывал только с Церковью: «Еще мгновение, и человек выйдет навсегда из сферы отвлеченности, став подлинно социальным существом; отдельные общества отрешатся от своего одиночества и добровольно присоединятся к великой семье народов; естественный строй, в котором народы еще живут противопоставленными друг другу, уступит место строю всеобщему; наконец, человечество, сама идея которого ранее была едва постижима, себя сотворит живым, конкретным, действительным и станет человечеством совершенным, истинным именем которого будет Церковь Господня. Таким же образом мировой разум, осуществляя себя в Красоте, в Истине, в Благе, утвердит себя как органическое целое и установится в Совершенстве».

Однажды в Английском клубе Чаадаев обронил фразу: «Есть только один способ быть христианином, это — быть им вполне». Такой христианский максимализм был близок и Филарету, не устававшему повторять, что невозможно одновременно служить и Богу, и мамоне. Но этот же максимализм мог отпугивать людей от христианства: если я не могу полностью отречься от мира, стало быть, должен отречься от Христа. Отречься от мира могут лишь единицы праведников, святые люди. Как же тогда быть остальным? Великолепное высказывание Петра Яковлевича нуждалось в пояснении: если ты хочешь стать вполне христианином, надо сперва стать хотя бы не вполне, но постепенно улучшая себя, стремиться к

желаемой полноте христианства в себе.

Совершенно иначе Петр Яковлевич стал взирать и на русскую историю, в которой он по молодости лет усматривал лишь некий зловещий урок всем остальным народам. Теперь, под влиянием общения с Филаретом, он писал: «С одной стороны — беспорядочное движение европейского общества к своей неведомой судьбе, на Западе колебание почвы, готовой провалиться под стопами новаторского гения; с другой — величавая неподвижность нашей родины и совершеннейшее спокойствие ее народов, ясным и спокойным взором наблюдающих страшную бурю, бушующую у нашего порога; таково величественное зрелище, представляемое в наши дни двумя половинами человеческого общества, — зрелище поучительное и которым не налюбуеться...»

В 1844 году Чаадаев перевел на французский язык проповедь Филарета, произнесенную при освящении церкви в московской пересыльной тюрьме, и отправил во Францию. Там отрывки из этой проповеди напечатал журнал «Le Semeur». Поскольку автором перевода был Чаадаев, французы присовокупили к публикации лестные высказывания в адрес Филарета, а проповедь назвали реформаторской. На это Петр Яковлевич ответил в письме графу Сиркуру: «Только что получил тот номер «Semeur», где напечатан отрывок из проповеди нашего митрополита... Было бы лучше, если бы проповедь была напечатана целиком и без странного комментария редакции. К счастью, владыка не обратил на него большого внимания... А насчет того, чтобы видеть в нашем святом владыке реформатора, то от этого нельзя не расхохотаться. Он сам от всего сердца смеется над этим...»

Дружба Чаадаева с Филаретом каждый год становилась все крепче и полезнее для Петра Яковлевича. 15 февраля 1845 года в письме Александру Ивановичу Тургеневу Чаадаев написал: «Митрополит тебе кланяется. Он также мил, свят и интересен, как и прежде». Тургенев был на два года моложе Филарета. Знакомство их давнее — еще со времен Библейского общества. Когда в 1817 году было образовано Министерство духовных дел и народного просвещения, Тургенев возглавил один из двух его департаментов — Департамент духовных дел. С середины 1820-х годов Александр Иванович много жил за границей, где собирал сведения подревней и новейшей истории России. В 1841–1842 годах собранные им материалы были изданы под заглавием «*Historiae Russiae Monumenta ex antiquis exterarum gentium archivis et bibliothecis deprompta ab A. I. Turgenevio*»^[11].

Приезжая в Москву, Тургенев непременно спешил на Троицкое

подворье повидаться и пообщаться с митрополитом. А когда он снова уезжал, они обменивались письмами. Впрочем, сам Филарет несколько настороженно относился к Александру Ивановичу, о чем высказывался в письмах архимандриту Антонию.

Совсем иное отношение у святителя Филарета было к Алексею Степановичу Хомякову, поэту, историку, богослову, одному из основателей славянофильского направления русской философии. С середины 1830-х годов Алексей Степанович становится постоянным гостем Троицкого подворья. Беседы с Филаретом наталкивают его на мысль о создании емкого, но лаконичного сочинения о необходимости всякого верующего быть прихожанином Церкви. Нередко можно было тогда на Руси видеть печальную картину полупустых, а то и вовсе пустых храмов, особенно в Петербурге. Притекающие с запада идеи о том, что Бог внутри нас и Церковь вовсе не обязательна, тешили многих, нестойких в вере. Особенное распространение получили мысли немецкого либерального богослова Фридриха Шлейермахера, в основном высказанные в его книге «Христианская вера». Главным в его теориях было утверждение индивидуализма — человек способен познать Бога только в собственном религиозном опыте, в сокровенном чувствовании, а церковная жизнь уводит его от такого познания, превращаясь в часть общественного бытия. Христос, в понимании Шлейермахера, не является искупителем грехов человечества, а только непревзойденным учителем нравственности. Это вполне укладывалось в протестантские рамки, облегчающие христианство, отсекающие от него и жертвенность, и мысль о воскресении, и страх перед вторым пришествием, а стало быть, и существование утверждаемой в Символе веры жизни будущего века. Под влиянием таких идей молодой Михаил Александрович Бакунин в 1836 году писал: «Цель жизни — Бог, но не тот Бог, Которому молятся в церквях, но тот, который живет в человечестве, который возвышается с возвышением человека».

Филарет в это время стал верховным церковным охранителем, выступая в защиту Церкви в своих великолепных проповедях. Под влиянием их и бесед со святителем в конце 1830-х годов Хомяков, приступая к написанию своего главного произведения «Записки о всемирной истории», написал статью «Церковь одна». Вот некоторые важнейшие извлечения из этой работы:

«Церковь видимая и земная живет в совершенном общении и единстве со всем телом церковным, глава которого есть Христос». «Все признаки Церкви как внутренние, так и внешние познаются только ею самой и теми, которых благодать призывает быть ее членами. Для чуждых же и

непризванных они непонятны, ибо внешнее изменение обряда представляется непризванному изменением самого Духа, прославляющегося в обряде». «Не знает Церкви и чужд ей тот, кто бы сказал, что могло в ней быть такое оскудение духа Христова». «Частное же восстание против ложного учения, с сохранением или принятием других ложных учений, не есть и не могло быть делом Церкви: ибо в ней, по ее сущности, должны были быть всегда проповедники, и учителя, и мученики, исповедующие не частную истину с примесью лжи, но полную и беспримесную истину». «В Церкви, то есть в ее членах, зарождаются ложные учения, но тогда зараженные члены отпадают, составляя ересь или раскол и не оскверняя уже собой святости церковной». «Впрочем, всякая христианская община, не присваивая себе права догматического толкования или учения, имеет вполне право изменять свои обряды, вводить новые, не вводя в соблазн другие общины; напротив, отступая от своего мнения и покоряясь их мнению, чтобы то, что в одном невинно и даже похвально, не показалось виновным другому и чтобы брат не ввел брата в грех сомнения и раздора». «Единством обрядов церковных должен дорожить всякий христианин, ибо в нем видимо проявляется, даже для непосвященного, единство духа и учения; для просвещенного же находится источник радости живой и христианской». «Любовь есть венец и слава Церкви. Всякий, ищущий доказательств церковной истины, тем самым или показывает свое сомнение и исключает себя из Церкви, или дает себе вид сомневающегося, и в то же время сохраняет надежду доказать истину и дойти до нее собственной силой разума; но силы разума не доходят до истины Божией, и человеческое бессилие делается явным в бессилии доказательств». «Не спрашивайте Церковь: какое Писание истинно, или какое Предание истинно, какой собор истинен, какое дело угодно Богу, ибо Господь Иисус Христос знает Свое достояние, и Церковь, в которой живет Он, знает внутренним знанием и не может не знать своих проявлений. Святая Церковь исповедует веру свою всей своей жизнью: учением, которое внушается Духом Святым, таинствами, в которых действует Дух Святой, и обрядами, которыми Он же управляет». «По преимуществу же исповеданием веры называется Символ Ни-кео-Константинопольский (или просто Символ веры)». «Исповедуя свою веру в Триипостасного Бога, Церковь исповедует свою веру в саму себя, потому что она себя признает орудием и сосудом божественной благодати, и дела свои признает за дела Божие, а не за дела лиц, по-видимому, ее составляющих». «Веруя в обетование слова Божьего, называвшего всех последователей Христова учения друзьями Христа и братьями Его и в Нем усыновленными Богу,

святая Церковь исповедует пути, которыми угодно было Богу приводить падшее и мертвое человечество к воссоединению в духе благодати и жизни». «О таинстве Евхаристии учит святая Церковь, что в нем совершается воистину преложение хлеба и вина в Тело и Кровь Христову. Не отвергает она и слова «пресуществление», но не приписывает ему того вещественного смысла, который приписан ему учителями отпадших церквей». «Преложение хлеба и вина в Тело и Кровь Христову совершается в Церкви и для Церкви». «...Церковь называется Православной, или Восточной, или Греко-Российской. Но все эти названия — временны. Не должно обвинять Церковь в гордости, когда она именуется Православной, ибо она же именуется Святою. Когда исчезнут ложные учения, излишним станет и имя православия, ибо ложного христианства не будет».

Филарет приветствовал движение лиц, не принадлежащих к духовному званию, к осмыслению христианской религии, и вместе с тем опасался, что в их рассуждениях немало обнаружится заблуждений. Внимательно следил за тем, что они писали, не советовал торопиться с публикациями.

Конец 1844 года ознаменовался кончиной Александра Николаевича Голицына, немало значившего для Филарета в первой половине его жизни. Много было от него худого, но много и хорошего. С ним связывались рухнувшие надежды на издание полного перевода Библии. Он был некогда человеком страстей, либералом; другие обер-прокуроры отличались строгостью, но нередко и самодурством. Но с Голицыным можно было как-то ладить, а с Мещерским и Нечаевым и в особенности с Протасовым у Филарета ничего не получалось. И дело перевода Священного Писания вот уже двадцать лет стояло на месте без движения.

В 1845 году родился будущий великий император Александр III. Его правление станет единственным в истории, когда Россия ни с кем не будет воевать, за что сей государь получит прозвище Миротворец. И год его рождения выдался в отечестве нашем каким-то на редкость мирным, спокойным. Даже на кавказском театре военных действий, потерпев неудачу в Даргинской экспедиции, главнокомандующий Михаил Семенович Воронцов перешел к строительству оборонительных рубежей, казачьих станиц, дорог, к развитию торговли.

Митрополит Филарет продолжал печатать свои проповеди и опекать благоустройство Гефсиманского скита; он прочитал сильные проповеди о молитве Господа Иисуса Христа в Гефсиманском саду, о чуде на горе Фавор, о словах, обращенных Иисусом к Богородице с креста на Голгофе;

он обосновал необходимость использования масоретского текста при переводе Библии на русский язык и составил слово «О догматическом достоинстве и охранительном употреблении греческого LXX толковников и славянского переводов Священного Писания».

Губернатором Москвы по-прежнему оставался Дмитрий Владимирович Голицын, человек, сделавший для Первопрестольной чрезвычайно много. Как настоящий христианин он не переставал заботиться о неимущих людях. При нем для них появилась глазная больница, находящаяся на попечении московского правительства. Она располагалась на углу Тверской улицы и Мамоновского переулка. Директором и главным врачом являлся видный офтальмолог Петр Федорович Броссе, немало продвинувший вперед глазную отрасль медицины. В 1845 году митрополит Филарет освятил при этой больнице церковь Христа Спасителя, отверзающего очи слепому, и прочитал проповедь, которую стоит процитировать постольку, поскольку многие из нас при виде нищих думают о том, надо ли подавать им, стоит ли оказывать помощь, ибо много среди них и жуликов. Вероятно, так же думали люди и тогда, в XIX веке. Филарет на примере евангельского события объяснял, что Господь разберется, а подавание, совершаемое нами, в любом случае делает нас лучше.

— Не видно, чтобы слепой призывал Его или просил о исцелении. Не было, по-видимому, причины останавливаться; не было нужды действовать. Но Господь Иисус останавливается и говорит: *Мне подобает делати*. Почему так? Потому что благодать побуждает; потому что человеколюбие требует; потому что есть случай сделать доброе дело; потому что доброго дела, которое можно сделать в нынешний день и в теперешний час, не должно отлагать до другого; потому что случай к добру может пройти, и с утраченным случаем утратилось бы добро, которому он благоприятствовал. Надобно ли напоминать вам, христиане, чтобы, по образу Христову, вы не проходили мимо нищего, или иным образом несчастного, не оказав ему помощи, если можете, и чтобы не дожидались вопля и слез, когда самый вид несчастья без слов напоминает о помощи? Или и без меня, при случае, напомнит вам о сем ваше сердце?.. При виде слепорожденного ученики спросили Господа: *сей согреши или родители его, да слеп родися!..* Но Господь немногими словами отверг догадки человеческие: *ни сей согреши, ни родители его:* и еще с более усиленною краткостью указал путь Божий: *да явятся дела Божия на нем...* Иногда, при виде нищего, испытующий помысел говорит нам: не сей ли согреши? Не от своего ли греха он нищ? Не от праздности ли? Не от невоздержания ли? Не притворно ли является

нищим? Кто легко предается таким помыслам, тот подвергает себя опасности осуждать невинных, и притом несчастных, пропускать случаи к благотворению и наконец потерять расположение к благотворению. Как же охранить себя от сей опасности? — Должно помнить, что в отношении к бедствующим долг и польза не в том состоит, чтоб испытывать и судить, а в том, чтоб благотворить: *подобает де-лати*. Лучше добродушное дело, нежели тонкое испытание. Лучше слепая лепта нищему от сердца, нежели пронизательная холодность сердца.

Как и подобает христианскому пастырю, Филарет не уставал повторять главную христианско-социалистическую заповедь о том, что богатство дается богатым для того, чтобы помнить о бедных.

— Богатый да не превозносится над бедными, — взывал он в другой своей речи того года, — но да нисходит подкреплять своею помощью сии смиренные подпоры его собственного благополучия. Есть время, когда признательность бедных лучше для богатого, нежели богатство. Наследственно или условно владеющий трудом или производением труда подвластных, да не будет невнимателен к сим смиренным земли. Человек не вещь, которую можно употреблять, и не быть ей ничем обязану. И государственный, и нравственный, и особенно христианский закон с правом власти соединяет обязанность к подвластным. Если они отдают вам половину своего рабочего времени: отдайте им часть вашего свободного времени. Если они доставляют вам избыток; вы доставляйте им необходимое: безбедную жизнь, защиту, средства потребного для них образования, руководство и охранение нравов и веры. Умейте приобретать от них не одну выгоду, но и благодарность, и любовь.

Еще одна зима радовала святителя тем, что не надобно было ехать в Петербург, и когда не болел, Филарет охотно ездил по Москве и Подмосковию. Освящая в Бронницах храм Иерусалимской иконы Божьей Матери, он говорил о том, что молиться можно и должно и в храме, и в уединении.

— Держитесь апостольского учения: молитесь на всяком месте. Особенно когда утром пробуждаешься от сна: помысли, что Бог дает тебе день, которого ты сам себе не мог бы дать, и отдели первый час, или хотя первую четверть часа даруемого тебе дня, и принеси ее в жертву Богу, в благодарной и в благопросительной молитве. Чем усерднее ты сие сделаешь, тем более освятишь свой день, тем крепче оградишь себя от искушений, каждый день встречающихся. Подобно сему, когда отходишь ко сну: помысли, что Бог дает тебе покой от трудов, и отыми начаток от времени твоего покоя, и посвяти его Богу, чистою и смиренною молитвою.

Ея благоухание приблизит к тебе Ангела, для охранения твоего покоя... Кроме молитвы домашней и уединенной, непреложное слово Божие и самое наше спасение требуют от нас еще молитвы церковной, во храме по богопреданному чину освященном тайнодействуемой...

В той же проповеди он не преминул сказать несколько слов о старообрядцах. Тема эта продолжала волновать Церковь, поскольку очень много оставалось раскольников.

— Удаляющиеся от святыни Церкви говорят, что сие делают они по старой вере. Удивительно, как люди могут извращать истину, если того пристрастно захотят. Где нашли они старую веру без священноначалия и без освященных храмов? Эта вера очень новая; двухсот лет не прошло еще, как она возникла. Истинно старая вера от начала христианства имела и имеет непрерывное священноначалие и освященные храмы... Слова говорят, по-видимому, благие: но в самом деле прельщают и отводят от истины... Держитесь древних, или, лучше сказать, вечных православных догматов веры, которые и в старых, и в новых книгах равно проповедуются: и с тем вместе держитесь установленного Богом священноначалия и освященного Богом храма.

Московский Златоуст снова имел возможность много творить проповеди, заниматься собственным богословием, волновать сердца слушателей прекрасным словом истины.

А в это же время рождалась и поднимала голову новая революционная мысль, пронизанная материализмом и отвергающая все, на чем стоял мир христианского понимания жизни. Тридцатилетние Белинский, Станкевич, Бакунин, Герцен, Огарев устремились верхом на этой мысли к полному отрицанию сперва православной церкви, затем — христианства, далее — бессмертия души, а в конечном итоге — и самого Бога. Их революционные атеистические взгляды оказались, безусловно, куда более «прогрессивными», нежели взгляды декабристов. Казавшееся еще пятнадцать лет назад ужасающим, теперь, по сравнению с этими новшествами, выглядело почти невинным. Все началось в конце 1830-х годов в кружке Станкевича и Белинского. Станкевич скончался в 1840 году, его дело уже более решительно продолжил Белинский. В 1845 году в «Отечественных записках» стали публиковаться «Письма об изучении природы» Герцена, смело писавшего под псевдонимом «Искандер» о примате человека надо всем, включая и природу, и историю: «Ни природа, ни история никуда не ведут и потому готовы идти всюду, куда им укажут, если это возможно». Насколько же это противоречило мировоззрению Филарета, основанному на понимании Промысла Божьего в развитии и

природы, и истории, и человека! Одновременно с печатанием крамольных статей Герцена продолжали выходить собрания проповедей Московского Златоуста, о которых князь М. А. Оболенский писал В. А. Поленову: «Вот приятная новость к празднику для всех москвичей: это новое издание назидательных слов и речей нашего архипастыря, преосвященнейшего митрополита Филарета, разбросанных по разным изданиям и большею частью выходивших отдельными книжками. Кто из нас не слышал его проповеди и кто не увлекался его назидательными беседами! Нет сомнения, что и самая словесность сделала в них значительное приобретение».

Русское общество раскалывалось на два лагеря. Европа готовилась к новой большой войне с Россией, которая разразится в 1850-е годы, и если лагерь, возглавляемый такими, как Филарет, укреплял Россию в ее нравственной и духовной готовности к грядущим новым тяжелым испытаниям, то лагерь, возглавляемый такими, как Герцен, неизбежно становился помощником Европы в ее безнравственной и бездуховной готовности к битве с русским самодержавием и русским христианством. Впервые этот второй лагерь пособников Европы стал обосновывать и само свое существование в Европе. Бакунин переселился на Запад уже в 1840 году. В 1847 году туда же последовал и Искандер со своим сердечным другом Огаревым. Формировалась заграничная ложа русских революционеров. Европа вновь олицетворяла антихристианскую революцию. Пройдет немного времени, и там разразятся раскаты новых потрясений, сопровождаемые выходом в свет «Манифеста коммунистической партии» Маркса и Энгельса, а старший цензор при особой канцелярии Министерства иностранных дел России поэт и дипломат Федор Иванович Тютчев категорически запретил печатание этой бомбы в нашем Отечестве. Он же в ответ на европейскую революцию конца 1840-х годов напишет свою великую работу «Россия и революция», которую напечатает в Париже на французском языке весной 1849 года. Из нее читатели узнают, что «для уяснения сущности огромного потрясения, охватившего ныне Европу, вот что следовало бы себе сказать. Уже давно в Европе существуют только две действительные силы: Революция и Россия. Эти две силы сегодня стоят друг против друга, а завтра, быть может, схватятся между собой. Между ними невозможны никакие соглашения и договоры. Жизнь одной из них означает смерть другой. От исхода борьбы между ними, величайшей борьбы, когда-либо виденной миром, зависит на века вся политическая и религиозная будущность человечества».

Глава двадцать третья

РЕЛИГИОЗНАЯ БУДУЩНОСТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

1847–1852

1 января 1847 года впервые праздновался День Москвы — ее 700-летний юбилей. Мысль об этом торжестве подал в своей статье Константин Сергеевич Аксаков. Предполагалось отметить славную годовщину либо весной, либо осенью. Но неожиданно из Петербурга пришло срочное указание отпраздновать всё 1 января. Сказалась ревность Северной столицы к славе Первопрестольной, и если город на Неве принято было именовать умом России, а Москву — сердцем, то, стало быть, ум отказал сердцу в празднике. Вместо пышных празднеств получились весьма куцые, и главным действующим лицом юбилея сделался митрополит, которому срочно сообщили, что надо в слове 1 января сказать о Москве, но времени для создания хорошей обзорной речи не хватало. Получилось довольно скромканно. Филарет говорил об особенностях цифры «7» — в седьмой день окончание седмицы, семь седмиц составляют Великий пост и т. д. И вот, мол, теперь семь веков стоит град Москва.

В письме Антонию он сокрушался, что не имел «несколько свободного времени, чтобы осмотреть семьсот лет и открыть, что не всегда открывается первым взглядом, и сказать малыми многая».

Можно только сожалеть, представляя себе, какую он мог написать статью, посвященную юбилею Москвы, если бы не скоропалительное указание из Петербурга урезать торжества, ограничив их одним только днем 1 января.

В январе русское общество всколыхнулось спорами по поводу только что вышедших гоголевских «Выбранных мест из переписки с друзьями». Равнодушных эта книга не оставила. Подавляющее большинство суждений оказалось резко отрицательным, на Гоголя посыпались обвинения со всех сторон — и откуда он ждал, и откуда никак не предвидел. Разумеется, как свора собак, набросилась на Николая Васильевича вся атеистическая либеральная общественность во главе с желчным, умирающим от чахотки Белинским и уже собравшим чемоданы за границу Герценом. Здесь и не стоило ожидать восторгов, а только одной озлобленной осатанелой брани.

«Статья о гнусной книге Гоголя могла бы выйти замечательно хорошо, если бы я в ней мог, зажмурив глаза, отдаться моему негодованию и бешенству», — клокотал Белинский. «По-вашему, русский народ самый религиозный в мире: ложь!.. — писал он в знаменитом письме Гоголю. — Приглядитесь пристальнее и вы увидите, что это по натуре своей глубоко атеистический народ. В нем еще много суеверия, но нет и следа религиозности... Мистическая экзальтация вовсе не в его натуре; у него слишком много для этого здравого смысла, ясности и положительности в уме: и вот в этом-то, может быть, и заключается огромность исторических судеб его в будущем».

С нападками на Гоголя набросились Т. Н. Грановский, И. С. Тургенев, В. П. Боткин, П. В. Анненков, Леопольд Брант, барон Розен, Фаддей Булгарин, Осип Сенковский и многие, многие другие, коих имен и упоминание излишне.

К удару слева Гоголь был заранее готов, но вот удар справа оказался совершенно для него неожиданным, удивительным и нестерпимо болезненным. Славянофилы разделились в своих суждениях. Хомяков защищал Гоголя, Иван Сергеевич Аксаков тоже: «Гоголь прав и является в этой книге как идеал художника-христианина». Его брат Константин Сергеевич, напротив, обвинял Гоголя во лжи: «Ложь не в смысле ошибки — нет, а в смысле неискренности прежде всего. Это внутренняя неправда человека с самим собою». Что же старший Аксаков? А Сергей Тимофеевич и вовсе стал назидательно выговаривать Николаю Васильевичу: «Вы грубо и жалко ошиблись. Вы совершенно сбились, запутались, противоречите сами себе беспрестанно и, думая служить Небу и человечеству, оскорбляете и Бога, и человека». Нетрудно представить себе, как темнело в глазах у Гоголя, когда он читал такое! Сергей Тимофеевич опомнится и резко изменит свой взгляд на «Выбранные места», но, увы! — только после того, как Николая Васильевича не станет на свете.

Аполлон Григорьев в своей статье «Гоголь и его последняя книга» называл «Выбранные места» странной книгой, написанной в болезненный момент духовного развития автора, ставя в заслугу лишь то, что великий писатель тем самым выразил болезненные моменты духовного развития всего русского общества.

В защиту Гоголя выступили три Петра — Чаадаев, Вяземский и Плетнев. Петр Яковлевич: «При некоторых страницах слабых, а иных и даже грешных, в книге его находятся страницы красоты изумительной, полные правды беспредельной, страницы такие, что, читая их, радуешься и гордишься, что говоришь на том языке, на котором такие вещи говорятся».

Петр Андреевич: «Как ни оценивай этой книги, с какой точки зрения ни смотри на нее, а все придешь к тому заключению, что книга в высшей степени замечательная. Она событие литературное и психологическое». Петр Александрович назвал книгу «началом собственно русской литературы», но оговорил, что она «совершит влияние свое только над избранными».

Пожалуй, это суждение по поводу избранных было самым точным. «Выбранные места из переписки с друзьями» — книга, в которой писатель, уже хорошенько приручивший своего читателя предыдущими сочинениями, внезапно давал ему иное направление, уводил к вере в Бога. Очаровав читающую Россию великолепием своего писательского дара, Николай Васильевич сплел сети из «Вечеров на хуторе близ Диканьки», «Миргорода», «Арабесок», «Петербургских повестей», «Мертвых душ», «Ревизора», заманил в эти сети огромную добычу и теперь пытался свой улов подарить Христу Спасителю. Почувствовав в себе «ловца человеков», он вдруг привел общество к выводу: все смешные и страшные типы в России, описанные им с таким мастерством, возможны лишь потому, что забыли Бога, забыли о своем христианстве, забыли о Церкви Божьей: «Владеем сокровищем, которому цены нет, и не только не заботимся о том, чтобы это почувствовать, но не знаем даже, где положили его». «Есть примиритель всего внутри самой земли нашей, который покуда еще не всеми видим, — наша Церковь, — писал он. — Уже готовится она вдруг вступить в полные права свои и засиять светом на всю землю. В ней заключено все, что нужно для жизни истинно русской, во всех ее отношениях, начиная от государственного до простого семейственного, всему настрой, всему направление, всему законная и верная дорога». Гоголь заявлял, что любить Россию и приносить ей пользу можно, только сделавшись христианином: «Тому, кто пожелает истинно честно служить России, нужно иметь очень много любви к ней, которая бы поглотила уже все другие чувства, — нужно иметь много любви к человеку вообще и сделаться истинным христианином, во всем смысле этого слова». «Общество образуется само собою, общество слагается из единиц. Надобно, чтобы каждая единица исполнила должность свою... Нужно вспомнить человеку, что он вовсе не материальная скотина, но высокий гражданин высокого небесного гражданства. Покуда он хоть сколько-нибудь не будет жить жизнью небесного гражданина, до тех пор не придет в порядок и земное гражданство». «По мне, безумна и мысль ввести какое-нибудь нововведение в Россию, минуя нашу Церковь, не испросив у нее на то благословенья. Нелепо даже и к мыслям нашим прививать какие бы то

ни было европейские идеи, покуда не окрестит их она светом Христовым».

Поэтому, разумеется, с наибольшим волнением Гоголь ждал оценки его труда со стороны Церкви. А духовенство в основном проявило сдержанность, осторожно относясь к сочинениям на религиозные темы, созданные автором сатир на русское общество. Пусть даже и сатир, в которых не доставалось оплеух только одному сословию — духовному.

Гоголь послал свою книгу разным лицам духовного звания. Большинство из них ответило одобрением без восторгов и легкой критикой, как, например, архиепископ Херсонский и Таврический Иннокентий, написавший в письме Погодину: «...скажите, что я благодарен за дружескую память, помню и уважаю его, а люблю по-прежнему, радуюсь перемене с ним, только прошу его не парадировать набожностью: она любит внутреннюю клеть. Впрочем, это не то, чтоб он молчал. Голос его нужен, для молодежи особенно, но если он будет неумерен, то поднимут на смех, и пользы не будет».

Но были и резкие суждения. Настоятель петербургской Троице-Сергиевой пустыни святитель Игнатий (Брянчанинов), считавшийся одним из наиболее авторитетных духовных писателей того времени, писал, что книга «Выбранные места из переписки с друзьями» «издает из себя и свет, и тьму», а о самом Гоголе, что «религиозные его понятия не определены, движутся по направлению сердечного вдохновения, неясного, безотчетливого, душевного, а не духовного... Книга Гоголя не может быть принята целиком и за чистые глаголы истины. Тут смешано. Желательно, чтоб этот человек, в котором заметно самоотвержение, причалил к пристанищу истины, где начало всех духовных благ».

Более всего Отцов Церкви возмущала внезапность превращения Гоголя. Еще недавно он был звездой в суетном свете и вдруг хочет встать вровень с духовными писателями. Из сатириков — в богословы! Тот же Игнатий (Брянчанинов) советовал Гоголю обратить внимание на опыт Святых Отцов, которые долгими годами, десятилетиями совершали духовное очищение и лишь после этого брались писать книги. Именно здесь крылась главная причина неприятия книги Гоголя большинством представителей Церкви.

Наиболее же радикальным оказался в своих суждениях ржевский протоиерей отец Матфей (Константиновский), в ближайшем будущем ставший духовным наставником Николая Васильевича. Он славился как яркий представитель воинствующей Церкви. Ближайший друг и покровитель Гоголя граф Александр Петрович Толстой посоветовал писателю отослать книгу отцу Матфею, что он скажет. Отец Матфей

написал, что книга эта вредная, что Гоголь даст за нее ответ Богу, что с именем Христа на устах нельзя идти в театр, что быть светским и духовным писателем одновременно невозможно, что нужно отречься от всей прошлой жизни, от всех своих книг.

Отца Матфея впоследствии представили как изувера, иезуита, вершившего суд над Гоголем и доведшего его до изнурения и смерти. Гоголь считал его своим главным благодетелем. «Отец Матфей был искреннейший христианин, — писал много лет спустя замечательный публицист, писатель, историк Евгений Николаевич Поселянин. — Через всю жизнь его проходит красною нитью убеждение, что «нельзя служить Богу и мамоне», что «желающий быть другом миру — бывает врагом Богу».

Об этом же, кстати, нередко твердил святитель Филарет, иной раз навлекая на себя недовольство со стороны сильных мира сего, как раз желающих служить и Богу, и миру одновременно. Под служением миру понималась, разумеется, не любовь к ближнему, а разделение с миром его грехов. Любовь к ближнему как раз и считается в христианстве одной из главных составляющих служения Богу.

«И Гоголям, и Достоевским оставьте их ненасытную тоску по Боге, их порывы туда, в светлую даль небес; предоставьте им, отравленным дыханием вашего мира, изнемогающим среди ваших хваленых радостей, предоставьте хоть в последнюю пору их жизни им, отдавшим всю, каплю за каплей, кровь свою на служение обществу — право искать и стремиться к той в ваших глазах презренной, ненужной и не могущей уже служить источником ваших художественных наслаждений, ваших развлечений, вашей забавы — праведности и святости, в которой опытом и размышлением всей жизни нашли они, наконец, единственный путь к счастью. Вы не поймете их души!» — писал тот же Поселянин спустя пятьдесят лет после кончины Гоголя.

И, наконец, для нас важно, как же отнесся к «Выбранным местам из переписки с друзьями» митрополит Московский и Коломенский Филарет. Не переставая внимательнейшим образом следить за всеми заметными явлениями русской литературы, он конечно же одним из первых прочитал и новую книгу Гоголя. До нас дошло одно-единственное суждение Филарета, пересказанное в письме Сергея Тимофеевича Аксакова сыну Ивану, датированном январем 1847 года. Старший Аксаков, встретившись с митрополитом, по-видимому, принялся резко критиковать Гоголя в том же духе, в каком он высказался самому Николаю Васильевичу. И святитель Филарет в свойственной ему мягкой, добросердечной манере и в то же время решительно ответил:

— Хотя Гоголь во многом заблуждается, но надобно радоваться его христианскому направлению.

И с годами именно это суждение Филарета стало приниматься Церковью как главное в отношении последних лет жизни Гоголя и в отношении его духовной прозы.

Филарет не мог не видеть, что многое из того, о чем написал Гоголь, созвучно его проповедям, многое, возможно, и написано под влиянием проповедей Филарета. Оба они, и великий проповедник, и великий писатель, зывали к своим слушателям и читателям: «Опомнитесь!»

— Тысячи христианского народа бегут по следам языческого легкомыслия; и находятся люди, которые о делах легкомыслия, как о достопамятностях, повествуют с торжеством и похвалами, — говорил Филарет в те же дни, когда общество с возмущением читало «Выбранные места из переписки с друзьями», в котором как раз и осуждалось все это языческое легкомыслие.

— Плоть хочет веселиться, рассыпаться в смехе, даже, может быть, скакать и произносить или с удовольствием слушать бесчинны кличи, и подобное сим; порази ее ударами не ножа или бича, но духовного слова, — зывал Филарет в то время, когда Гоголь ужаснулся тому, что заставлял людей «рассыпаться в смехе». — Плоть раздражается на оскорбившего и порывается на взаимное оскорбление: свяжи ее не узами вервяными или железными, но узами духовного рассуждения, и страха Божия... Плоть, не довольствуясь необходимым, жаждет приятного, ищет наслаждения и готова поставить оное целью жизни: укажи ей иной предмет и цель, — крест, водруженный на Голгофе для того, чтобы лишениями и страданиями очистить землю от нечистых наслаждений... — так Филарет утверждал закон о том, что невозможно служить одновременно и Богу, и мамоне.

Гоголя и Филарета роднило то, что оба много болели. Филарет часто жаловался, что из-за недугов своих не может успеть сделать все задуманное. Но не мог он не оценить и рассуждений Гоголя о благодати болезней: «О! Как нужны нам недуги!.. Не говорю уже о том, что самое здоровье, которое непрестанно подталкивает русского человека на какие-то прыжки и желание порисоваться своими качествами перед другими, заставило бы меня наделать уже тысячу глупостей... Не будь таких болезненных страданий, куда б я теперь не занесся! Каким бы значительным человеком вообразил себя!.. Принимайте же и вы покорно всякий недуг, веря вперед, что он нужен. Молитесь Богу только о том, чтобы открылось перед вами его чудное значение и вся глубина его высокого смысла».

В целом не получив благодарности от России за написание и публикацию «Выбранных мест», Гоголь стремился к святым местам. Впереди у него было паломничество в Иерусалим. В ближайшие годы он мог бы стать таким же православным писателем и паломником, каковым являлся друг митрополита Филарета Андрей Николаевич Муравьев. Другое дело, что на этом поприще они могли бы стать непримиримыми соперниками. Властный Муравьев, полный сил и здоровья, едва ли потерпел такого соперника, к тому же обладающего значительно большим литературным дарованием. Нередко Андрей Николаевич и самому Филарету высказывал замечания, и тому приходилось покорно их выслушивать. Представим себе, что теперь бы появился еще и Николай Васильевич!

Но история не терпит этого «бы»...

Гоголь снова уехал из России, и смерть его нам еще предстоит пережить. А вот в том 1847 году Филарет оплакал утрату своего любимого ученика. 18 мая скончался архимандрит Макарий (Глухарев). Три года назад его отстранили от миссионерской работы и направили в Троицкий монастырь Орловской епархии. Он не смирился с запретом на перевод Библии, где-то раздобыл перевод протоиерея Герасима Павского и сличал с ним свои новые переводы. Исправленный текст он снова послал в Синод. Одну за другой архимандрит Макарий переводил книги Ветхого Завета, завершил свой труд и намеревался издать его за границей. Они, кстати, могли с Гоголем оказаться вместе в Иерусалиме — двое непонятых и освищенных! В 1846 году с большим трудом Макарий выхлопотал себе поездку в Святую землю, в 1847 году намеревался отправиться туда, но внезапно занемог, слег и умер, в последние мгновения перед смертью произнес:

— Свет Христов просвещает всех.

После него не осталось никакого иного имущества, кроме книг, бумаг и чернил. Сожалея о кончине пятидесятипятiletнего просветителя алтайских народов, московский митрополит распорядился о том, чтобы портрет Макария поместили в Гефсиманском скиту в личной его Филаретовой келье.

«Постигшая некоторые места Отечества нашего и, может быть, угрожающая и нам губительная болезнь по справедливости дает особенное побуждение к принесению Господу Богу молитв о помиловании. Хорошо приступить к сим молитвам свободно, по чистому человеколюбию, о бедствующих братиях, прежде близкой опасности собственной, а не

поневоле, при близкой опасности, стесняющей сердце», — писал в конце августа 1847 года Филарет наместнику Антонию о новой эпидемии холеры, поразившей Россию. Начавшись в апреле, к осени холера добралась до Поволжья и центральных областей России.

— Итак, если угрожает нам скорбное посещение Божие, признаем в оном правосудие Божие, частью наказующее грехи, частью побуждающее к исправлению; и побудим себя к улучшению нашей жизни, в отношении к благочестию, благонравию, воздержанию, человеколюбию, — взывал митрополит Московский уже в середине сентября. — Да не медлим прибегать к Богу с молитвою, частью о избавлении братий наших, чад единыя Церкви и единого отечества, которых уже постигло скорбное посещение, частью о себе самих, да не приблизится к нам ангел смерти, или да не отягчит руку свою; ангелы же хранители наши да не преминут нас своим охранением, подкреплением и вразумлением, да повинемся всегда Отцу Духов, и да творим волю Его, и да обретаем у Него милость и благодать.

В той же проповеди призывал он не только молиться, но и «помогать Богу», принимая врачебные средства:

— Не леностны будем и в употреблении естественных средств и предосторожностей к сохранению здравия, и к недопущению вредоносных влияний. Как можем требовать, чтобы хранил нас Бог, если мы сами не бережем себя, и предаем действию разрушительных сил, малодушием и недостатком надежды на Бога, неумеренностию и невоздержанием и другими небрежностями? Внимательно храни себя малым возможным для тебя хранением, и Бог будет хранить тебя великим, всеблагим и всемогущим хранением.

Тем временем продолжалось обустройство Гефсиманского скита, и Филарету очень нравилось, как все делает наместник Антоний: «Гефсиманского скита не было бы, если бы на Вашем месте был другой, даже из пользующихся моею доверенностию; потому что, не доверяя себе, не имел бы я довольно доверенности к тому, что дело сделается порядочно, не будет затруднения в способах и можно надеяться некоторого духовного плода».

В том же году Филарет написал статью «О древнем образе крестного знамения». Споры о том, как накладывать на себя крестное знамение, оставались насущными в связи и с существованием разногласий на сей счет со староверами, крестившимися двуперстием, и с католиками, крестившимися слева направо, а не так, как православные — справа налево. Между тем вопреки строгим требованиям староверов креститься

двуперстием известно, что древние христиане и вовсе крестились одним пальцем. Что же касается католиков, держащихся крестного знамения слева направо, то они аж до середины XVI века крестились и так и сяк, причем в установлении римского папы Иннокентия III, вышедшем в конце XII века, креститься полагалось справа налево, но ничего страшного не усматривалось, если кто-то будет креститься слева направо. Кто сейчас помнит об этом?

Эпидемия все надвигалась. «Я что-то смотрю на приближение холеры, как просто на приближение осени, — признавался Филарет в письме Антонию в сентябре. — Это равнодушие не хуже ли? Господу помолимся о всех и за вся».

О том, как распространяется холера, знали в то время очень мало. Великий князь Михаил Павлович, гостя на Троицком подворье, развлекал Филарета рассказами о том, как, например, во время предыдущей эпидемии «шел по дороге отряд войска здоровый; но где он останавливался, там по его выбытии открывалась холера». А князь Вадбольский, приехавший из Воронежа, рассказывал, что он пробыл несколько дней с семьей в Воронеже, где холера особенно свирепствовала, жил там в монастыре, в котором умирали монахи и воздух наполнен был мертвенным запахом, но причащался и остался невредим.

В Москве заболеть начали в сентябре, к октябрю количество случаев приблизилось к ста. А в конце октября уже по сто человек в день заражалось. Лишь зимой холера резко пошла на спад, и 8 февраля 1848 года в Чудовом монастыре митрополит Филарет совершил благодарственный молебен за прекращение губительной болезни и произнес слово, вновь и вновь предупреждая паству о том, чтобы впредь грехами своими не навлекала на себя подобных тяжких испытаний:

— Если бы мы услышали, что искусный врач излеченному им больному говорит, например: не употребляй впредь такой или такой пищи, — что бы мы подумали? Конечно, мы бы подумали: видно, излеченный прежде употреблял сию пищу; она, видно, была и причиною болезни; видно, врач предвидит, что и опять она причинит болезнь, если излеченный не перестанет употреблять оную.

В это время в России уже знали о том, что во Франции снова свергнут король — Луи Филипп I. А вскоре, в том же феврале 1848 года, в Лондоне выйдет «Манифест» Маркса. Начиналась новая революция, которая в течение года охватит другие страны Европы: следом за Францией — Германию, Австрию, Венгрию. Франция вновь становилась республикой. Отныне в ней не будет короля. Будет еще император Луи Наполеон, но

королей уже не будет никогда. Сколько ни прислуживал последний Бурбон буржуазии, как ни старался быть «королем-гражданином» с хартией 1830 года в сердце своего герба, сколько ни провозглашал безбожный девиз «Обогащайтесь!», но и его — скинули. «Возникнув сперва во Франции, мятеж и безначалие скоро сообщились сопредельной Германии, и, разливаясь повсеместно с наглостью, возраставшею по мере уступчивости правительств, разрушительный поток сей прикоснулся, наконец, и союзных нам империи Австрийской и королевства Прусского», — провозглашалось в манифесте государя Николая I, решительно заявлявшего, что Российская империя будет противостоять новому потоку. В России сразу за получением известий о восстаниях началась мобилизация армии, части войск выдвинулись к границе — горький опыт показывал: сегодня революция горит в Европе, а завтра она явится жечь Россию. Это прекрасно понимал и Филарет и оттого в проповедях своих стремился донести мысль о том, что за грехи наши нас будет Господь наказывать не только в ином мире, но и в этом.

«Enrichissez-vous!» — «Обогащайтесь!» — несло к нам из Европы, и это многим нравилось, вопреки церковным призывам спасаться, спасти душу, а вовсе не захапывать богатства, не утопать в роскоши, которая опять расплзлась в обществе, как зараза. Роскошь одних при бедствиях многих других. Но не к богатым приходит Христос, а к бедным. Вот о чем вновь и вновь нужно было говорить пастве. Ведь и ангел Господень явился с благою вестью не в богатые дома.

— Куда же Архангел? В неславный Назарет, в малую храмину, к бедной Деве, не многим только известной тем, что Она необыкновенно любит Бога и девство. Она одна слышит, что говорит Архангел; одна сие знает после его беседы: и верный хранитель Ея, праведный Иосиф, не знает, что совершилось, — проповедовал Московский Златоуст в праздник Благовещения в Чудовом монастыре. — А что совершилось? Предвечное определение Божие о спасении падшего рода человеческого приведено в действие.

Шестидесятипятилетний пастырь не уставал писать и читать свои пламенные проповеди, а между тем болел все чаще и дольше и мечтал о покое, о мирном житии в своем Гефсиманском скиту. «Сегодня, уже вставши, я задремал вновь и видел себя едущим по последней зимней дороге в санях. Кто-то сидел впереди и остерегал правившего лошаадьми. Наконец мы приехали, и я иду к дверям церкви в ските, а Вы выходите из церкви. Желал бы, чтобы так было наяву; но теперь, кажется, уже некогда», — писал он 26 марта 1848 года преподобному Антонию.

В эти же дни Муравьев привез к Филарету сербского князя Михаила Обреновича, свергнутого у себя на родине с престола и жившего в Вене. Теперь волна революции выбросила его и из столицы Австрии — в Россию, где только и можно было найти спасение. Побывав у московского митрополита, гонимый серб получил от него утешительное слово и благословение пожить в тишине Троицкой лавры.

К лету снова вспыхнула эпидемия холеры, и снова Филарет взывал к благоразумию овец своего стада, взывая к очищению от грехов: «Грех есть болезнь, внедряющаяся в существо человека. Греховное впечатление и порочное услаждение оставляет, частью в душе, частью в теле, след, который становится глубже при повторении греховных действий и который, возобновляясь воспоминанием, образует склонность к греховному действию и некую жажду греха. Посему как иногда телесный врач внедрившуюся в тело и заражающую его язву болезненно выжигает или отделяет железом, и причиняет искусственную боль, чтоб излечить болезнь: подобно сему Врач душ и телес употребляет орудие скорбей, чтобы исторгнуть корни и изгладить следы греха, и огнем страдания выжигает заразу склонности к греховным услаждениям».

Он призывал не только к воздержанию, молитве и покаянию, но и одновременно — к мерам медицинской и гигиенической профилактики: «Как бы то ни было, то верно, что полезно не смущаться, надеяться на Бога и брать предосторожности. Нужны довольная теплота в одежде и в жилище, употребление пищи не тяжелой, не сырой и не такой, которая и в доброе время расстраивает». Поветрие косило людей, и приходилось ставить новых священников взамен «похищенных болезнью».

Еще худшее поветрие сотрясало Европу. В Вене изгнали императора Фердинанда, вынужденного спасаться бегством в Инсбрук. И русский царь готовился к новым войнам, а московский митрополит напоминал подданным царя, «что царство земное связано с небесным, что Царь воцаряется и царствует не без действия и содействия Царя царствующих».

— Когда темнеет на дворе: усиливают свет в доме. Береги, Россия, и возжигай сильнее твой домашний свет: потому что за пределами твоими, по слову пророческому, *тьма покрывает землю, и мрак на языки* (Ис. LX. 2), *шатаясь языцы, и людие поучишася тщетным* (Пс. II. 1). Перестав утверждать государственные постановления на слове и власти Того, *Кем царие царствуют*, они уже не умели ни чтить, ни хранить царей. Престолы стали там не тверды; народы объюродели. Не то чтобы уже совсем не стало понимающих: но дерзновенное безумие взяло верх и попирает малодушную мудрость, не укрепившую себя премудростию Божиею. Из

мысли о народе выработали идол: и не хотят понять даже той очевидности, что для столь огромного идола неостанется никаких жертв. Мечтают пожать мир, когда сеют мятеж. Не возлюбив свободно повиноваться законной и благотворной власти царя, принуждены раболепствовать пред дикою силою своевольных скопищ. Так твердая земля превращается там в волнуемое море народов, которое частью поглощает уже, частью грозит поглотить учреждения, законы, порядок, общественное доверие, довольство, безопасность, — говорил Филарет в Успенском соборе Кремля в день рождения императора Николая Павловича. — Призываемые к оружию для безопасности отечества да идут с любовью и самоотвержением, по гласу Цареву и по гласу Христову: *больши сея любве никтоже имеет, да кто душу свою положит за други своя* (Ин. XV. 13).

Не перестает удивлять, сколько он успевал делать ежедневно, сколь многим озабочена была его голова, как много он разъезжал, проповедовал, принимал экзамены, попечительствовал, совершал богослужения и при этом постоянно болел, без конца простужался, о чем жаловался своему другу Антонию в письмах, но перед всеми другими старался не показывать виду. Стоило где-то вспотеть, а потом проехать в коляске, обдуваемой легким ветерком, и — пожалуйста вам, простуда! А это значило кашель, насморк, невыносимую ломоту в ногах, руках, спине, головные боли. И, несмотря на это, нужно было каждый день вставать и куда-то идти, ехать, быть на людях, среди людей, над людьми.

Молитвами праведников и деяниями русских лекарей смирялась в России эпидемия, и осенью московский митрополит мог совершить благодарственный молебен о прекращении губительной болезни. И в своем слове поведать миру, что он думает о болезнях вообще:

— Прославим Бога и за самое бедствие и за род бедствия, которым мы посещены. Признаемся, что без сего бедствия мы меньше молились бы, меньше каялись, меньше смирялись. Итак, слава Богу, хотя и неприятным средством, умножившему в нас молитву, покаяние, смирение. А если сравним бедствие устрашавшей нас болезни телесной с бедствием умственной и нравственной болезни, какою в наше время заражены некоторые люди, и чрез них невольно поражены некоторые народы и государства до такой степени замешательства и превратности, что у них больные хотят лечить здоровых, обуявшие в своеволии составляют законы для царственной мудрости, забывшие Бога мечтают созидать новый мир, неукротимый дух беспокойства и тревоги одних приводит в воспламенение ярости, других в оцепенение недоумения; и стогны городов устилаются мертвыми от язвы междоусобия: — от сих тяжких зрелищ

обращаясь к себе, конечно, с глубоким убеждением присоединиться можем к образу мыслей Давида, и сказать: слава Богу, что мы *впали в руце Господни, яко многи суть щедроты Его зело; в руце же человеки не впали* (2 Цар. XXIV. 14).

О том же писал и Николай Васильевич Гоголь в статье «О болезнях», о прыжках человеческих и о смирении перед Творцом, к которому приводят нас хвори телесные.

В конце 1848 года Гоголь вернулся из паломничества в Святую землю и вновь поселился в Москве у графов Толстых в доме Талызина на Никитском бульваре, том самом, во дворе которого ныне он сидит в виде памятника. Начинался последний период жизни великого писателя. В декабре Николай Васильевич, наконец, поддался уговорам Александры Осиповны Смирновой, имевшей на него огромное влияние, и осмелился лично познакомиться с Московским Златоустом.

Гоголь давно уже шел к Филарету. 27 февраля 1844 года Николай Михайлович Языков в письме Гоголю рекомендовал ряд работ святителя: «Творений святых отцов, переведенных Троице-Сергиевой Лаврою, — теперь выходит третье издание за прошлый год — и «Москвитянина» за 1843 пришло; там есть отлично-прекрасная проповедь Филарета на освящение храма в оной Лавре — так, как в прибавлениях к переводам св. отцов, его же беседа на Благовещение и слово в 1-й день Пасхи!! Ты их прочтешь с большим удовольствием». В 1845 году Гоголь просил Ф. Н. Беяева прислать ему во Франкфурт стихотворный ответ Филарета на пушкинское стихотворение «Дар напрасный, дар случайный...» и вскоре получил его. Надо полагать, к декабрю 1848 года Николай Васильевич хорошо знал творчество святителя.

Великий писатель явился к великому проповеднику в сопровождении композитора Большого театра Алексея Николаевича Верстовского, с которым в то время крепко подружился. Увы, мы не знаем содержания той беседы, но можно предположить, что говорили много и о самом важном. Эту догадку можно было бы подтвердить словами Гоголя из письма С. П. Шевыреву, написанного позже, в 1851 году, когда Николай Васильевич снова собирался навестить Филарета, но так почему-то и не осуществил своих намерений: «К митрополиту я хотел ехать вовсе не затем, чтобы беседовать о каких-либо умных предметах, на которые, право, в нынешнее время поглупел. Мне хотелось только прийти к нему на две минутки и попросить молитв, которые так необходимы изнемогающей душе моей». Стало быть, вероятнее всего, что в первый визит он как раз беседовал с Филаретом «о каких-либо умных предметах».

Одно можно сказать точно: встреча произвела на Гоголя сильнейшее впечатление, что отразится в самые последние дни его жизни. Но об этом чуть позже.

Заканчивался грозный для Европы 1848 год, и в проповедях своих Филарет раз за разом призывал народ русский не поддаваться европейской заразе, благодарил Господа за то, что только холерою, а не революцией наказывал Он за грехи наши. Но то, что сей год был мирным, не означало, что следующие будут таковыми же. И в битве с греховным наваждением нельзя было уставать Московскому Златоусту. И он продолжал бороться с чрезмерной любовью людей к излишествам:

— У сириян был идол, который назывался мамона и суеверно почитался покровителем богатства. От сего и к самому богатству перенесено то же название: мамона. Господь, конечно, не без причины, вместо простого названия богатства употребил слово «мамона», в котором с понятием богатства соединяется понятие идолослужения: и причину сего не иную можно предположить, как ту, что хотел означить не просто богатство, но богатство, с пристрастием собираемое, с пристрастием обладаемое, делающееся идолом сердца.

Вспомним, как много закатывалось в те времена балов и всяких праздников, как молодые люди, да и не только молодые, соревновались между собой, кто в больших балах примет участие. И это притом что уровень нищеты в России хотя и был куда более утешительным, нежели в Англии, Германии, Франции и других странах Европы, но все же оставался довольно низким. В беседе о милосердии к бедным Филарет высказал и свое мнение о благотворительных увеселениях, часть средств от которых шла в помощь бедноте:

— Очень ли хорошо поступают, когда говорят: дай деньги на зрелище или на другое суетное увеселение; половина их издержится для твоего удовольствия, а другая обратится в милостыню. Что тут будет? Милостыня ли очистит суету? Или суета лишит чистоты милостыню? Найдется ли на сие ответ, который был бы приятнее вопроса? Но, конечно, не подлежит сомнению то, что если бы назначаемые на благотворительное увеселение деньги, с устранением увеселения и на него издержек, сполна были отданы на милостыню; то милостыня была бы вдвое больше и несравненно чище. Апостол учит нас *плакаты с плачущими* (Рим. XII. 15), а не ликовать с мыслию о несчастных и не переполнять чашу веселия, чтобы дрождие досталось плачущим.

Дрождие — это закваска, которая в виде осадка оставалась на дне бочек с пивом или квасом. Каково сказано! Мол, выпили сам напиток, а

гущу со дна роздали неимущим! Так мог говорить только он, вызывая неудовольствие веселящихся: «Опять скрипучий старик завел свою шарманку!» Ибо только он и такие, как он, понимали смысл жизни — быть в ладу со всем миром, а это значит, не хохотать беззаботно, когда рядом плачут, а идти к плачущим, дабы утешить, разделить с ними то, что имеешь. И тогда не будет ни холер, ни революций. Но кто хотел понимать это, жить этим? Единицы. Как тогда, так и сейчас, полтора века спустя.

Уходивший 1848 год отмечен еще и тем, что в журнале «Звездочка» был опубликован стихотворный ответ «Не напрасно, не случайно жизнь от Бога мне дана...», написанный некогда Филаретом на стихи Пушкина «Дар напрасный, дар случайный...». Этот журнал выходил в Петербурге с 1842 по 1863 год и предназначался для чтения воспитанниц институтов благородных девиц. Стихотворение Филарета появилось в нем под названием «Пушкин, от мечтаний перешедший к размышлению». Это была не первая публикация, но первую можно вполне назвать курьезной — она вышла в 1840 году в журнале «Маяк» под видом стихов Гёте. Полное название «Маяка» было «Маяк просвещения и образованности. Труды ученых и литераторов, русских и иностранных», и издавали его критик П. А. Корсаков и публицист, критик и прозаик С. А. Бурачок. Ходила едкая эпиграмма, сочиненная С. А. Соболевским:

*Просвещения «Маяк»
Издает большой дурак
По прозванию Корсак,
Помогает дурачок
По прозванью Бурачок.*

Теперь в «Звездочке» стихи Филарета уже не принадлежали никакому Гёте, но публикация тоже явно была предпринята без ведома и согласия митрополита. И неизвестно, знал ли он о ней вообще. А если знал, то как откликнулся? Скорее всего — никак.

Начинался новый, 1849 год. Филарет опять болел и лишь 30 января мог признаться: «Моя простуда уменьшилась, и я не считаю себя больным». Но в том, что его проповеди возымели сильное действие на новый Израиль, как он нередко именовал народ русский, признаться не мог. Много было верующих, но много и безумствующих. «Меня Господь сподобил принять в своей церкви к Трапезе Господней около ста человек,

— писал он в начале Великого поста преподобному Антонию. — Утешен я также был притекавшему к святителю Алексию в навечерие и в день его праздника, и на первой неделе поста на повечерия. Но что слышал о неистовстве зрелищ на сырной неделе, то очень печально. Европа безумствует и страждет; мы видим и не страшимся идти путем безумия, не вразумляясь ни тем, что уже нас постигло, ни тем, что может нам угрожать».

Увеселения не прекращались и во время поста. Филарет обратился к новому генерал-губернатору Москвы с просьбой запретить катания с гор, танцы, музыку и иллюминацию. После отставки Алексея Григорьевича Щербатова с прошлого года генерал-губернатором являлся Арсений Андреевич Закревский, он был на год моложе Филарета, сражался при Аустерлице, Прейсиш-Эйлау, Рущуке, прошел всю войну 1812 года, дрался под Лейпцигом, Кульмом, Дрезденом, брал Париж... Но взять московские ледяные горки так и не сумел. Запретил музыку и иллюминацию, а про горки ответил:

— Их и государь в Петербурге во время поста не отменяет.

Впрочем, Арсений Андреевич быстро сделался одним из друзей митрополита, покорно слушался советов своего мудрого сверстника. Он стал наводить строгости, запрещая излишние пышные праздники, проводившиеся по поводу и без повода. Многим это не нравилось, но нельзя было не признать, что в Первопрестольной стало куда больше порядка, нежели ранее, улицы стали чистыми, меньше пьяных дураков шаталось по ним, меньше слышалось разнузданной матерщины. Фанатам земных радостей это казалось верхом деспотизма, светское общество презирало Закревского, присвоив ему прозвище Арсений-паша. Одним из яростных врагов Арсения Андреевича стал известнейший острослов и балагур Александр Сергеевич Меншиков, светлейший князь, генерал-адъютант, адмирал, правнук Александра Даниловича Меншикова. Он-то как раз любил веселиться круглый год без передышки. Однажды, вернувшись из Москвы в Петербург, он встретился с императором. Николай I спросил:

— Ну что Москва? Святая Москва...

— Не только святая, — ответил Меншиков, — но с некоторых пор еще и великомученица. Какой там во всем порядок! Даже все собаки появляются на улицах в намордниках. И только собаку Закревского видел я без намордника.

Пройдет несколько лет, и на этого остряка свалится вся вина за неудачи России в Крымской войне, и уже не он, а ему будут лепить

малоприятные прозвища, главным из которых станет «Изменщиков».

Но дождемся Крымской войны, а пока возвратимся в 1849 год.

Накануне Страстной седмицы в Москву прибыл государь император. В Вербное воскресенье 27 марта московский митрополит встречал его торжественной речью в Успенском соборе Кремля:

— Во дни, необильные миром, твой народ в мире, потому что над ним бодрствует твой самодержавный дух.

А ровно через неделю, в день Светлого Христова Воскресения, самодержец вручил пастырю Москвы большую награду — святитель Филарет «за неусыпные попечения о вверенной Епархии, при многолетней опытности и назидательном проповедании слова истины, которые являют просвещенно-ревностного Пастыря стада Христова, и уважая сии отличные достоинства и неутомимо совершаемые в пользу православной Церкви и Отечества подвиги, Всемилостивейше пожалован алмазными знаками ордена Св. Андрея Первозванного».

Алмазные знаки являлись как бы высшей степенью ордена. В Российской империи один и тот же орден получить дважды было нельзя — только несколько его степеней, в строгой последовательности. У ордена Андрея Первозванного степеней не было, кавалер получал его за совокупность деяний на благо России. Первым кавалером этого учрежденного Петром Великим ордена стал создатель русского флота Федор Алексеевич Головин. Вторым после него — гетман Иван Степанович Мазепа, за то, что Украина стала полной союзницей России. Но, нарушив девиз ордена «За веру и верность!», Мазепа стал первым же, кто был с позором лишен высшей государственной награды Российской империи. Сам Петр I являлся лишь шестым по счету ее кавалером, а главный «птенец гнезда Петрова» Александр Данилович Меншиков — седьмым. Всех кавалеров ордена Святого Андрея Первозванного с 1699 по 1917 год было порядка тысячи, и в их числе — митрополит Филарет Московский.

Получив алмазные знаки, Филарет писал наместнику Троице-Сергиевой лавры: «Справедлива дошедшая до Вас весть, что благочестивому Государю Императору благоугодно было ущедрить меня новою милостию. Разделяю ее со всеми моими сослужителями, потому что если всемилостивейший Государь удостоил милостиво отозваться о моем управлении, то сие могло быть достигнуто не иначе, как при споспешествовании добрых сослужителей моим посильным попечением».

Главным московским событием, приуроченным к светлому празднику Пасхи, в том году стало торжественное освящение Императорского

Кремлевского дворца.

После переноса столицы из Москвы в Санкт-Петербург царское значение московских дворцов утратилось, помещения использовались московскими отделениями коллегий, некоторые строения ветшали, гибли от пожаров. Императрица Елизавета Петровна решила построить в Кремле новую императорскую резиденцию. На месте снесенных палат старинного дворца Растрелли возвел московский Зимний дворец в стиле барокко, похожий на Большой Петергофский дворец. Как известно, при Екатерине II архитектор Баженов спроектировал грандиозный план сноса всего Кремля до основания и построения на его месте распахнутой площади с Большим Кремлевским дворцом. В 1770 году даже приступили к претворению этого проекта в жизнь и разобрали всю кремлевскую стену, выходящую на Москву-реку, вместе с тремя башнями и Тайницкими воротами. 1 июня 1773 года произошла торжественная закладка нового дворца. Но архитектор впал в немилость, проект его пересмотрели и пришли к выводу, что столь грандиозное строительство чересчур дорого и денег взять будет неоткуда. Кремль был спасен от Баженова милостью Божьей. По проекту Казакова стену и башни отстроили заново. По проекту Николая Александровича Львова обновили дворец Растрелли, а после пожара 1812 года здание восстановили уже в формах классицизма.

С началом строительства храма Христа Спасителя возникла мысль о том, что неподалеку от собора должен встать в Кремле столь же величественный царский дворец. Как выразился император, «дабы в его пространстве сочеталось все, что в памяти народной тесно связано с представлением обиталища Государя». В 1837 году составление проекта дворца было поручено тому же, кто проектировал и храм Христа Спасителя, — придворному архитектору Константину Андреевичу Тону. Выходец из семьи обрусевшего немецкого ювелира, он с золотой медалью окончил Императорскую академию художеств, и первой его работой стал проект «Немецкого трактира» на Крестовском острове. Учился в Италии, где был принят в члены Флорентийской академии художеств, реставрировал античные памятники и особенно прославился как реставратор дворца Цезарей в Риме на Палатинском холме. Именно после этого Николай I обратил на него внимание и причислил к своему Кабинету. Вернувшись в Петербург, работал здесь некоторое время, устроил набережную со сфинксами, привезенными в Северную Пальмиру при содействии Андрея Николаевича Муравьева, построил собор Святой Екатерины в Царском Селе и храм Апостолов Петра и Павла в Петергофе, поставил памятник Державину в Казани, памятник Дмитрию Донскому на

Куликовом поле и многое другое весьма значительное, но все же главные творения Константина Андреевича ждали его в Москве и с благословения митрополита Филарета — храм Христа Спасителя и Большой Императорский Кремлевский дворец.

Дворец, предложенный им, в своих очертаниях соответствовал линиям и пропорциям Кремля, и в 1839 году Филарет освятил закладку, началось строительство, продолжавшееся десять лет. Главным художником дворца был назначен другой замечательный русский гений — Федор Григорьевич Солнцев. Родившийся в семье крепостного крестьянина в 1801 году, к тому времени он был уже академиком живописи. Солнцева и Тона объединяло с Филаретом одно — они не желали видеть в своих творениях модных, так называемых «классических» богов греческого и римского язычества, стремясь придать русской архитектуре и живописи русские очертания. И в итоге Большой Кремлевский дворец вышел таков, что святитель Московский мог с легким сердцем и радостью освятить новое величественное здание. Истории с Триумфальной аркой и Большим театром не повторились.

Поначалу в едином целом с Большим дворцом должна была строиться и Оружейная палата, но в 1842 году ее отделили. В единый комплекс вошли Грановитая палата, Теремной дворец, Золотая царицына палата и дворцовые церкви. Один из древнейших храмов столицы — собор Спаса на Бору был заключен во внутреннее пространство Большого Кремлевского дворца. Мотивы Теремного дворца Тон использовал в наружной отделке нового сооружения, своим главным фасадом смотрящего на Кремлевскую набережную. Окна выполнены в традиции русского зодчества и украшены резными наличниками с двойными арками и гирькой посередине. Так же, как и храм Христа Спасителя, по мысли императора, дворец должен был стать памятником славы русского воинства. Пять его парадных залов — Георгиевский, Андреевский, Александровский, Владимирский и Екатерининский — названы в честь орденов Российской империи, их внутреннее убранство выполнено в соответствии с мотивами регалий этих орденов.

И здесь, в новом сверкающем Георгиевском зале, в субботу Пасхальной седмицы 9 апреля 1849 года, совершив чин освящения нового дворца, святитель Филарет произносил торжественную речь:

— Между прочими царскими чертогами, сей чертог Георгия Победоносца самым наименованием своим не дает ли уже разуметь, о ком помышлял государь, нарекая ему сие имя? — Он помышлял о своих верных подвижниках браней, и не только помышлял, но и восхотел свою о них

мысль торжественно здесь проявить и увековечить. Как царский дух его живет в его воинстве непрестанным попечением о его благоустройстве и совершенстве: так хочет он, чтобы память и честь его воинства жила в его царском доме. Чертог Георгия Победоносца должен быть храмом славы победоносного Российского воинства, или, что равно справедливо, храмом царской любви к верному воинству. Имена полков, светлые испытанною верностью, мужеством, победами, — имена членов почетного сонма Георгиевских ратоборцев будут здесь навеки сиять и осияваться царскою славою. И сего-то царственного памятника полагает ныне начало благочестивейший государь; и сему-то начинанию призываем благословение свыше, при предстательстве святого Георгия Победоносца.

Здесь же стояли и слушали воины, коим вскоре предстояло идти в сражение — было уже известно о начале восстания в Венгрии, и он говорил им:

— Да поможет Бог Державной мудрости держать Российское воинство в таком, как ныне, положении, чтобы один грозный вид его достаточен был отражать войну и чтобы не было нужды поражать врагов. Но если когда дерзость врагов и царственное правосудие вызовут вас к брани: вы вспомните тогда особенно сей чертог, и каждый полк, и каждый воин скажут единым сердцем: станем подвизаться так, чтобы царь в своем Георгиевском чертоге веселым оком воззрел на имена полков наших!

Но с открытием и освящением Большого Кремлевского дворца связано не только светлое воспоминание в жизни Филарета. Он не мог забыть о сносе древнейшей кремлевской церкви, отданной в жертву дворцу. Храм Рождества Иоанна Предтечи был построен еще в XII веке, то есть был ровесником Первопрестольной. Дорог он был сердцу православного москвича тем, что являлся памятником низвержения язычества. На месте его некогда находилось языческое капище, при коем совершались обряды в честь божества Купалы и непотребные радения, сопровождаемые купанием в реке и свальным грехом. Принявшие истинную веру москвичи на месте разрушенного капища воздвигли храм в честь праздника Рождества Иоанна Предтечи, совпадающего по времени с днем Купалы. Так языческое купание было заменено почитанием Крестителя, «купавшего» Христа во время крещения в Иордане. Деревянная Предтеченская церковь простояла до времен Василия Темного, который возвел на ее месте каменную. Затем архитектор Але-виз Фрязин построил другую, она-то и простояла до 1847 года, когда выяснилось, что после возведения нового дворца ей грозит разрушение — езда на лошадях, неизбежная вблизи дворца, создаст вибрацию, и постройка не выдержит. Приняли решение храм перенести

внутри Боровицкой башни. Но Филарет, узнав об этом, загоревал и возмутился. Пришлось его долго уговаривать. В итоге он смирился, но лично составил таблички, объясняющие причину переноса, и эти таблички с разрешения императора были помещены на стенах башни.

В башенном храме отныне один раз в год совершались богослужения — в праздник Иоанна Предтечи. Снос стариннейшей церкви создал некое незаконченное пространство, и впоследствии все тот же Тон установил здесь массивную чугунную решетку с воротами. Пройдет шестьдесят лет, и большевики равнодушно уничтожат храм внутри Боровицкой башни — прошлое России для них будет пустой звук.

Летом 1849 года русские войска вступили в Венгрию для участия в подавлении мятежа. У нас принято однобоко, «по-венгерски», трактовать те события. Мол, гордый венгерский народ боролся за свою независимость от Австрии и уже, было, достиг ее, но тут пришел плохой русский царь Николай Палкин и все испортил благороднейшим Лайошу Кошуту и Шандору Петефи. При этом почему-то забывают о других народах, которые также в это время боролись за свою независимость. Это словаки, хорваты, трансильванские румыны и воеводинские сербы. И боролись они за то, чтобы выйти из состава Венгрии. Право венгров на независимость от Австрии признается теми, кто против политики Николая I, а право народов, входивших в состав Венгрии, почему-то презирается. Но главное же то, что смысл революции заключался не столько в борьбе за независимость от австрийской короны, сколько за независимость от так называемых феодальных устоев, в число которых попадали и христианские, церковные постановления.

Не вдаваясь в политические смыслы событий, митрополит Филарет призывал паству молиться о русском воинстве. 21 июня русская армия под командованием Паскевича вошла в восточные области Венгрии и в течение полутора месяцев подавила восстание. Хорватские, сербские, словацкие и румынские области, не желавшие подчиняться Венгрии, отныне стали подчиняться единому центру в Вене. Порядок монархического правления был восстановлен. Увы, в этой схватке погиб национальный венгерский поэт двадцатилетний Шандор Петефи. Любопытно, что он не имел венгерских корней, по отцу — серб, по матери — словак, и настоящее его имя Александр Петрович. Начав писать стихи по-венгерски, он перевел на венгерский и свое имя, так и получился псевдоним Шандор Петефи, или, точнее, как принято у венгров, Петефи Шандор. Не менее примечательно, что почти все руководители восстания остались живы. Лайош Кошут доживал свой век в эмиграции в Турции, а погиб сербо-словак Александр

Петрович. Да еще был казнен граф Лайош Баттяни, коему Ференц Лист посвятил свой знаменитый Похоронный марш...

1 августа русский генерал от кавалерии Федор Васильевич Ридигер принял капитуляцию венгров под Вилагошем. В нашей истории было два знаменитых Ридигера. Второй — наш незабвенный патриарх Алексей II.

Либеральная публика яростно клеймила позором Россию и ее государя, «душителя венгерских свобод». Точно так же, как спустя сто с лишним лет будут проклинать советские войска, подавившие восстание в Венгрии 1956 года, закрывая глаза даже на то, что это восстание, помимо всего прочего, носило и ярко выраженный антисемитский характер и резня начиналась страшная.

В России бурлили споры, одни защищали свободу, другие — реакцию. Православное духовенство во главе с такими, как Филарет, разумеется, стояло на реакционных позициях. Реакция есть ответ действием на некое воздействие. Скажем, человеческий организм, обладающий иммунитетом, реагирует на болезнь, борется с ней. Не обладающий — не реагирует, поддается болезни и погибает.

17 августа 1849 года вышел царский манифест «О благополучном окончании войны с Венгрией». Заметим: не о подавлении восстания, а об окончании войны. Государь подчеркивал не карательный и не подавительный, а именно военный характер действий. Через пять дней в Успенском соборе Кремля митрополит Московский произнес слово:

— Наше воинство понесло труд долгих и трудных путей. Боролось не только с врагами, но и с природою. Проникло сквозь ущелья гор, которые сколь легко было врагам преградить, как уже почти загражденные природою, столь трудно было нам сделать проходимыми. Дало несколько битв против врагов, которые не имели недостатка ни в воинах, ни в предводителях, ни в оружии, ни в предприимчивости, словом, ни в чем — кроме справедливости и законности. Города, селения, пути — все надлежало воинству нашему оспаривать у оружия врагов; а где они не полагались на свое оружие, там обращали убийственную руку на свою землю и свою собственность, чтобы опустошение и лишение обратить в оружие против нас. Так, по их расчетам, самая победа, которая вела бы нас внутрь их земли, должна была вести к неисходной пропасти... Бог дал Свое покровительство законности и справедливости, и Русское воинство превозмогло все трудности; его верность, мужество, непоколебимость над всем восторжествовали... Мечта самодельного народодержавия, взволновавшая многие народы, многих царей приведшая в недоумение, некоторых поколебавшая, некоторых даже низринувшая, обличена

державною властью, сущюю от Бога, и возвращается из неудачной действительности в область мечтаний... Путь Божий есть воля Божия и закон Божий. Лежит он в сердце, боящемся и любящем Бога, и отсюда пролегает в дела и жизнь. Ведет он сперва к царствию Божию, которое внутри нас есть, потом к царствию Божию, которое на небесах.

В 1849 году под руководством святителя Филарета закончилась реставрация, или, если по-русски, обновление храма Архистратига Михаила в Чудовом монастыре. Храм этот имел важнейшее историческое и символическое значение в русской истории. Как мы знаем, Филарет глубоко чтит память святителя Алексея митрополита Московского и ежегодно сочинял речь ко дню его церковного поминания. Святитель митрополит являлся вдохновителем освобождения Руси от ордынского владычества. По велению хана Джанибека он ездил в Сарай, где совершил чудо исцеления ханши Тайдулы от слепоты. В качестве награды он выпросил у хана разрешение на то, чтобы из Московского Кремля убрать ордынское посольство и конюшню, располагавшиеся в самом сердце русской столицы. Посольство и конюшня перебрались в Замоскворечье, и там появились улицы Ордынки. А на том месте в Кремле, где они располагались, святитель Алексей воздвиг храм в честь чуда Архистратига Михаила, поскольку исцеление Тайдулы произошло именно в день воспоминания об этом чуде. Вокруг храма затем возник и Чудов монастырь. Так святитель Алексей стал первым вытеснителем ордынцев из пределов Отечества нашего. Вот почему так важно было хранить память о русской свободе, выраженную в этом храме. Первое обновление совершилось в последние годы жизни Ивана III Великого по приказу его сына Василия, точнее — на месте обветшавшей церкви поставили такую же новую. И вот спустя три с половиной столетия архитектор и реставратор Михаил Доримедонтович Быковский под покровительством Филарета совершил второе обновление этой святыни. 6 сентября в своем слове Филарет напомнил москвичам о значении сего храма. Послушаем и мы, как дивно он говорил:

— Ныне, по милости Божией, мы видим сей храм возобновленным во внутренности его со всевозможным сохранением древнего образа его, и возобновленным не столько по надобности в употреблении его, сколько по уважению к его древности. Ко времени теперь еще возобновление, — возобновление в наших мыслях древней, и от древних до новых времен простирающейся, судьбы сего места. За четыреста восемьдесят лет, и несколько более, пред сим место сие принадлежало татарскому хану: потому что татарская власть тяготела тогда над Россиею. Нет сомнения, что

как великому князю неприятно было видеть в самом Кремле своем, недалеко от дворца своего, владение ордынского царя; так и святителю Алексию неприятно было видеть недалеко от соборной церкви гнездо читателей лжепророка. И если великий князь не находил еще средств переменить сие, то, конечно, еще менее архиерей. Но Алексий обрете благодать пред Богом, и она дала ему средство превратить двор врагов христианства в дом и селение Бога христианского. Владетеля сего места, хана Джанибека, жена Тайдула подверглась тяжким припадкам и лишилась зрения. Как некогда у язычника Неемана жестокость болезни вынудила веру к духовной силе пророка Елисея, так случилось и с магометанкою Тайдулою, по слухам о духовной силе святителя Алексия. Хан требовал, чтобы он пришел и исцелил ее. Святитель не поколебался в вере: пришел в орду и исцелил царицу. Благодарная Тайдула подарила ему сие место, и он, за двенадцать лет до своего преставления, создал здесь обитель и храм во имя святого Архистратига Михаила, — по откровению Божию, как говорит древнее повествование; но какое то было откровение, нам неизвестно. Святой преставился и, по его завещанию, погребен здесь, в созданном от него храме.

И далее он переходит к своей любимой проповеди о том, что тело человека есть тоже храм Божий, который необходимо беречь от поруганий и соблюдать в идеальной чистоте:

— Не всякому человеку дается жребий создать или возобновить храм Богу, каменный или деревянный; но каждый из нас имеет одушевленный храм Божий, более или менее ветхий, который может и должен возобновить. Сотворением человека Бог создал Себе одушевленный храм и поставил в нем Свой образ. Человек, прельщенный духом лестчим, не удовольствуясь честью быть храмом Божиим, захотел сам быть богом: и затмил в себе образ Божий, и храм Божий привел в запустение и ветхость. Всеблагий Бог Отец, не уступая своего дела злу, послал Единородного Сына Своего, Которым *создана быша всяческая* (Колос. I. 16), пересоздать храм Свой в человеке; и чтобы возобновить в нем Свой образ, ввел посредством воплощения в человечество единосущный образ *Ипостаси Своея* (Евр. I. 3)... Созидай себя в духовный храм: не трудное ли это требование? — Подлинно, братия, трудное, — скажу больше: даже невозможное к исполнению, если вздумаем созидать себя только своим умом, только своею силою... И каждый из нас, дабы устроить себя в храм духовный, да не полагается на собственное мудрование, да не надеется на собственную силу, да ищет благодати Божией; да просит милости Божией; Христа, и веру в Него, и любовь к Нему да полагает в основание своих

мыслей, дел и жизни...

У России было две столицы — Москва и Петербург. Так же и в сердце Филарета было два престола — в Чудовом монастыре у святителя Алексея и в Троицкой лавре у преподобного Сергия Радонежского. Алексей и Сергий были друзьями, и оба звали Русь к освобождению от ордынского ига, благословляли Дмитрия Донского на ратные подвиги. Вот почему так много в творческом наследии Московского Златоуста речей, произнесенных в дни памяти Алексея и Сергия.

Впрочем, и он же сам в том же 1849 году в слове в день памяти преподобного Сергия не благословлял особенное почитание какого-либо одного святого:

— Все святые суть присные чада Отца Небесного, все составляют одно великое семейство Христово. Если вы, в добром и единомысленном семействе, любя одного, другого не любите, то сим оскорбится, конечно, и тот, которого любите: подобно сему, если, имея особенную любовь к одному из святых, о других вы помышляете без благоговения, то и чтимый вами в своем лице бывает оскорблен вашею холодностью в лице других; потому что все святые не только единомысленны между собою, но и совершенно едино суть в Господе.

Здесь же он в очередной раз напоминал о том, что праздник церковный — это прежде всего душевная радость, немислимая без посещения храма и общей молитвы, но вполне допустимая без пиршеств и возлияний. И они, конечно, не возбраняются в меру, но не они главное в празднике христианском. Говорить это приходилось постоянно, ибо люди не слушались, и прискорбно видеть было, как напиваются, объедаются во время православных праздников, а объевшись и облившись, теряют не только подобие Божие, но и облик человеческий, сквернословят, ссорятся с ближними, наносят обиды, бьют домашних, дерутся между собой.

«У вас, попов, каждый день праздник» — эта присказка появилась в России не при большевиках, а гораздо раньше. Но в ней заключена истина. Не только у попов, но и у всех христиан каждый день — праздник, поскольку христианин благословляет каждый день как дар, ниспосланный свыше. Проснулся, помолился, приветствовал ближних, разделил с ними трапезу — уже радость, праздник. Трудисься, добываешь хлеб свой в поте лица, а не из воздуха, не отбирая у других, — тоже радость и праздник. Одолевают тебя болезни и скорби, мучения и лишения, ты страдаешь, ты гоним, тебя истязают — и это праздник, потому что Господь тем самым посылает тебе очищение от грехов, а значит, страдая — радуйся!

Христианство, имеющее своим главным символом крест страданий,

является при этом самой радостной религией, потому что, соблюдая церковные постановления, христианин осознает близость своего спасения, видит будущее после смерти и осознает смысл жизни в действии во благо этого будущего спасения и жизни вечной. Потому и страдания, и сама смерть видит в радостном свете. При всей сложности в христианстве в главном все очень просто: если ты веришь, что ты — это не телесная оболочка, а бессмертная душа, обитающая в этой оболочке, значит, ты будешь стремиться к спасению этой души после того, как телесный механизм откажет и разрушится. И тогда телесный механизм будет обслуживать душу в ее прекрасных стремлениях, а не душа служить телу в плотских утехах. А главное, ты будешь понимать, что смерти нет, а есть переход из временного бытия в вечное. И станет понятным, почему говорят, что нет ничего лучше, чем положить жизнь свою за други своя.

Конец 1849 года прошел под знаком подавления «маленького венгерского восстания» внутри России. Кружок Петрашевского, будь он разоблачен в другое время, наверняка получил бы куда менее суровые наказания. Но как в сталинские времена, когда в столицах разоблачали и судили по-крупному, а на местах нужно было найти и обезвредить своих малых вредителей, примерно то же случилось и с петрашевцами. Вся вина их состояла в том, что они собирались и вели запрещенные речи, а также с восторгом и упоением читали запрещенных авторов, в особенности Белинского. Его объятые пламенем сатанинской ненависти к христианству письмо Гоголю петрашевцы знали едва ли не наизусть. Подвергнутые аресту и разоблаченные члены кружка были обвинены в том, что готовили в будущем нечто подобное тому, что готовили декабристы, а в самом ближайшем прошлом — революционеры Европы. Потому и наказали их с такой несообразной жестокостью — приговорили к расстрелу, заставили пережить минуты перед казнью на Семеновском плацу, а затем вместо казни отправили в каторгу. Чтобы все в России увидели, ужаснулись и не брали пример с плохих мальчиков.

Кто знает, стал бы Достоевский именно тем писателем, которого мы знаем, если бы не попал тогда в эти страшные жернова и не пережил бы минуты перед смертью, а затем каторгу.

Буря миновала, отгремела, и наступил год тихий, напуганный. В январе, приехав в очередной раз в гости к Сергею Михайловичу Голицыну, митрополит узнал о смерти его бывшей супруги. Сорок лет уж прошло, как они развелись, а Сергей Михайлович все не мог забыть ни ее пленительной красоты, ни нанесенных ей ему жгучих обид. Филарет наставлял его

молиться о душе усопшей рабы Божьей Евдокии, тем паче что, по слухам, в последние годы «принцесса ночи» весьма изменилась в лучшую сторону, стала очень набожной, искренне и старательно замаливала грехи молодости. Что и говорить, жизнь ее была яркой и прошла стремительной кометой через судьбы многих выдающихся людей России. Галломанка до 1812 года, после нашествия Наполеона она перестала говорить по-французски, на балы являлась в русских сарафанах и кокошниках. Затем завела ночной салон, в тридцать семь лет могла вскружить голову юнцу Пушкину, да и не только ему. После пятидесяти остепенилась, увлеклась науками, под руководством знаменитого профессора Михаила Васильевича Остроградского стала заниматься математикой и даже опубликовала собственный математический труд «Анализ силы», а главное, к концу дней своих всей душой обратилась к Богу. Скончалась непостыдно и мирно, чуть-чуть не дожив до семидесяти.

— Упокой, Господи, душу усопшей рабы Твоей Евдокии!

Кроме Голицына он продолжал дружить с Андреем Николаевичем Муравьевым, который все ездил по миру и писал свои превосходные путевые заметки, вызывавшие ненависть среди либеральных журналистов — светский писатель и все-то у него про веру, про Христа, про святыни христианские! Ладно бы уж «долгополый» был, а то ведь нет. Он, да еще Гоголь стал такой же. Травля Муравьева в печати не прекращалась. Почитывая то, что пописывают в прессе, и духовные лица стали не доверять Андрею Николаевичу. Филарету приходилось заступаться за друга: «А для меня непонятно, как мог путешественник написать о Грузии целую книгу, в которой было бы почти все ложно. Разве он почитает живущих в Грузии слепыми, а всех живущих в России глухими и потому смело пишет ложь? И что за удовольствие писать почти целую книгу лжи? Журналисты не очень благосклонны к этому писателю и делали ему замечания относительно слога и содержания его книг, но не обвиняли его во лжи. Было, помнится, какое-то замечание от армян на его изложение их догматов или обрядов, но в сем случае сомнительно: он ли чего не понял, или они стараются прикрыть то, что у них действительно неблаговидно».

В Иерусалиме архиепископ Фаддей Севастийский подарил Муравьеву небольшой камень от святого Гроба Господня, и тот привез его в Москву. Филарет, посетив Андрея Николаевича, внимательно рассматривал привезенные им разные реликвии, а когда развернул воздух, в котором был завернут камень от Гроба Господня, почувствовал сильное волнение и со слезами припал губами к камню. Муравьев не собирался никому дарить реликвию, но слезы святителя тронули его сердце, и тут ему ничего не

оставалось, как только отдать камень Филарету. И это притом что он привез ему в подарок несколько старинных икон, иорданскую воду и часть мощей святого великомученика Пантелеймона, которую просил передать Филарету иерусалимский патриарх Кирилл. Кроме того, от патриарха святого града были привезены две грамоты, благословляющие Гефсиманский скит. В праздник отдания Пасхи митрополит Московский привез грамоты и святыни в Троице-Сергиеву лавру. Во время малой вечери под пение пасхальных стихир Филарет возложил камень на дискос и, держа его над головой, перенес, как пишет Муравьев, «с престола Троицкого в палатку преподобного Сергия, где для него было устроено особое место, близ иконы явления Богоматери; там и доселе он хранится, обложенный бриллиантами». Камень сей и сейчас находится в Троицком соборе лавры. А в тот день, радуясь, как ребенок, такому приобретению, Московский Златоуст оповещал народ православный:

— Ублажаю с пророком тех, которые благоволят о камени Сиона, которые предпринимают дальний путь, чтобы благоговейно узреть и облобызать камень, на котором, близ которого, под сенью которого (ибо это все один камень) лежало погребенное тело Христово, который был озарен и проникнут светом воскресшего тела Христова. Но что, если скажу, что мы можем благоговейно узреть и облобызать сей камень, и не предприемля путешествия в Иерусалим? — Это кажется мечтою; но, по устройению Божию, это есть истина. В лето Господне 1808, по неисповедимым судьбам Божиим, храм Гроба и Воскресения Христова в Иерусалиме посещен был пожаром. Все, что к первобытному, не рукозданному, но естественному каменному гробу Господню присоединено было искусством для украшения, более или менее от огня пострадало, и требовалось возобновление. По сему случаю, зодчий, имевший полномочие в сем возобновлении, из уважения к благоговейному иерею храма, Фаддею, который еще живет в сане архиепископа Севастийскаго, дерзнул над самым ложем Господним отделить от стены часть священного камня и вручить иерею. Богу было угодно расположить сердце архиепископа Фаддея к тому, чтобы сия священная достопамятность, с его письменным о ней свидетельством, перешла в Россию и соделалась здешним церковным достоянием, в благословение и утешение сынам веры, которые хотя и знают, что *блажени не видевшии, и веровавши* (Иоан. XX. 29), однако по любви вождедевают хотя следы Господа, в Котораго веруют, осязать и облобызать. Таким образом имею возможность пригласить вас, без путешествия в Иерусалим, ныне здесь приблизиться к части Иерусалимскаго живоприемнаго Гроба Господня и почтить оную благоговейным лобзанием... К предостережению

себя вспомним, что приближались к Гробу Христову и воины стражи; но поелику в сердцах их было неверие и корысть, а не любовь к истине и не желание спасения, то и от явившегося им света Воскресения они отражены были в смерть. К предостережению себя вспомним, что прикасались Гробу Господню и иудейские старейшины и фарисеи; но поелику их привели к нему не истина, а лицемерие, не вера, а неверие, не любовь, а вражда, то они не проникли до внутреннего света Гроба Господня, а только снаружи положили на нем печать, и ни для кого более, как только для себя; неверием и враждою они сами себе заградили вход в тайну Христову, которой не могли скрыть от мира. Христе Господи, Иже во гробе плотски, во аде же с душою, яко Бог, в рай же с разбойником, и на престоле был еси со Отцем и Духом, вся исполняяй неописанный, и с нами до скончания века пребыти обещал еси! Даруй нам из созерцания Твоего живоносного гроба выну почерпать внутренний свет, и радость, и благодать, и надежду нашего воскресения, не в суд, но в жизнь вечную. Аминь.

Во всей этой речи — искреннее ликование перед святыней и радость от того, что он может предоставить возлюбленным своим чадам возможность прикоснуться ко Гробу Христову здесь, в глубине России, а не в Иерусалиме, в коем ему и самому ни разу не доведется побывать. А Муравьев, поди ж ты, хотел себе оставить!..

Митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский, а им с 1848 года являлся Никанор (Клементьевский), получив список речи Филарета в день отдания Пасхи, одобрил к печати, но все, что касалось камня, вычеркнул, показав тем самым, что не очень-то доверяет достоверности святыни: точно ли, что это камень от самого Гроба Господня, а может, подделка, обман? Такое недоверие оскорбило Филарета. Получалось, в Петербурге не верили не только Муравьеву, но и ему, который так искренне восчувствовал святыню. Никанор вскоре спохватился и разрешил напечатать текст полностью в «Творениях святых отец» за 1850 год.

Осенью дом Романовых отмечал двадцатипятилетие восшествия на престол государя Николая Павловича. Подумать только! — вот уже и четверть века миновало с той тревожной поры, когда отошел его брат Александр и прокатилась декабрьская смута. Очерчивая эту целую эпоху, Филарет говорил о том, что и двадцатипятилетие «пребывания, деятельности, подвигов в известном состоянии жизни представляет такое поприще, которое пройти значит одержать не малую победу над всеизменяющею силою времени», хвалил государя за прекращение смуты и победы в войнах, отметил подавление недавних мятежей и уже отдаленных во времени польских восстаний, «когда народ, не совсем иноплеменный,

утраченное им достоинство царства получивший только по милости русского царя и доведенный до беспримерного в прежней истории его благоустройства и благосостояния, воздал за благодеяния неблагодарностью, и за благоуправление — мятежом. Грозен и неотвратим был громовый удар Царской правды, поразивший крамолу и своеволие...». Святитель отметил успехи в законодательстве. Упомянул о возвращении двух миллионов униатов в лоно православной церкви. И пожелал народу чтить своего царя.

То есть вновь выступил как ярый реакционер. Знал, какую ненависть вызывает в стане поборников демократии и свободы.

Свобода! Пьянящее, окрыляющее, летучее слово. Сколько уж десятилетий из всех углов, из всех щелей слышалось: «Свобода!» Будто весь мир пребывал в тюремном заключении и мечтал о том дне, когда окончится срок. И вся религиозная будущность человечества заключалась в двух разных полярных пониманиях свободы.

Летом 1851 года в Успенском соборе Кремля святитель Филарет выступил с проповедью, которую можно вполне назвать манифестом свободы в его христианском понимании. Он взял эпитафией слова из Первого послания апостола Петра, где говорилось о свободных рабах Божьих и о тех, кто использует свободу для прикрытия зла. Он говорил:

— Некоторые под именем свободы хотят понимать способность и невозбранность делать все, что хочешь. Это мечта; и мечта не просто несбыточная и нелепая, но незаконная и пагубная. Знаете ли, кто первый на земле прельщен был сею мечтою? — Первый человек, Адам. Получив при сотворении высокие способности и могущественные силы, быв поставлен владыкою рая и земли, он пользовался обширнейшею свободою, какую может иметь сотворенное существо... Удивительно покушение праотца незаконно расширить область свободы, и без того почти всемирную; впрочем, оно может быть объяснено недостатком знания опытного, хитростью искуителя и самою обширностью действительного владычества, при которой легко было не остановиться перед пределом по видимому ничтожным... Поймите, мечтатели безграничной свободы, губительное безумие ваших мечтаний, — поймите, наконец, хотя после жестоких опытов, когда сокрушавшая свои пределы свобода не раз обагряла лице земли неповинною кровью и, проливая потоки крови человеческой, утопляла в них и сама себя!.. Но как же правильнее понять и определить свободу? — Любомудрие учит, что свобода есть способность и невозбранность разумно избирать и делать лучшее и что она по естеству есть достояние каждого человека. Чего бы, кажется, и желать более? Но сие

учение имеет свой свет на высоте умозрения природы человеческой, как она должна быть; а нисходя к опыту и деятельности, какова она есть, оно встречает темноту и преткновения... Что сказать о свободе людей, которые хотя не в рабстве ни у кого, но покорены чувственности, обладаемы страстью, одержимы злою привычкою? Свободен ли корыстолюбец? Не закован ли в золотые оковы? Свободен ли плотоугодник? Не связан ли, если не жестокими узами, то мягкими сетями? Свободен ли гордый и честолюбивый? Не прикован ли, не за руки и за ноги, но головою и сердцем, не прикован ли к своему собственному истукану?.. Наблюдение над людьми и над обществами человеческими показывает, что люди, более попустившие себя в сие внутреннее, нравственное рабство — в рабство грехам, страстям, порокам, — чаще других являются ревнителями внешней свободы, — сколь возможно расширенной свободы в обществе человеческом пред законом и властью. Но расширение внешней свободы будет ли способствовать им к освобождению от рабства внутреннего? — Нет причины так думать. С большею вероятностью опасаться должно противного. В ком чувственность, страсть, порок уже получили преобладание, тот, по отдалении преград, противопоставляемых порочным действиям законом и властью, конечно, неудержимее прежнего предастся удовлетворению страстей и похотей и внешнею свободою воспользуется только для того, чтобы глубже погружаться во внутреннее рабство. Несчастливая свобода, — которую, как изъяснился апостол, имеют, *яко прикровение злости!* Благословим закон и власть, которые, поставляя, указуя и защищая по необходимости поставленные пределы свободным действиям, сколько могут, препятствуют злоупотреблению свободы естественной и распространению нравственного рабства, то есть рабства греху, страстям и порокам... Здесь вновь представляется вопрос: что же есть истинная свобода, и кто может ее дать, и особенно — вернуть утратившему ее грехом? — Истинная свобода есть деятельная способность человека, не поработенного греху, не тяготимого осуждающею совестью, избирать лучшее при свете истины Божией и приводить оное в действие при помощи благодатной силы Божией... Возлюбим свободу христианскую, — свободу от греха, от страсти, от порока, свободу охотно повиноваться закону и власти и делать добро Господа ради, по вере и любви к Нему.

Глава двадцать четвертая

ЖАТВА СМЕРТИ

1852-1856

«Свобода или смерть!» — девиз многих столетий. Как будто человек вечно выбирает, на ком из двух этих сестер жениться. А порой приглядишься — сестры-то близнецы! Как только где-то крикнут: «Свобода!» — тут же вскоре жди, что прокричат: «Смерть!» И пойдет страда.

На сей раз Россию ждала страда севастопольская. Она начнется вот-вот, но уже несколько лет птицы свободы и смерти мельтешили в воздухе, приглядываясь, кого клюнуть.

Эта гибельная жатва началась Великим постом 1852 года, когда умер Гоголь. Пять лет со дня выхода «Выбранных мест из переписки с друзьями» продолжался его медленный и в то же время стремительный уход из жизни временной в жизнь вечную. Освистанный и непонятый, он отправился в Иерусалим. Там в награду за молитвенное усердие наместник патриарха митрополит Петрас Мелетий наградил его маленькой частью от камня Гроба Господня и частью дерева от двери храма Воскресения, которая сгорела во время пожара 1808 года. Из святых мест Николай Васильевич вернулся еще более уверенный в своем призвании. «Всякому человеку следует выполнить на земле призвание свое добросовестно и честно, — говорил он в 1850 году. — Чувствуя, по мере прибавленья годов, что за всякое слово, сказанное здесь, дам ответ там, я должен подвергать мои сочиненья несравненно большему соображенью и осмотрительности, чем сколько делает молодой, не испытанный жизнью писатель». Говорят о болезни, которая якобы охватила Гоголя и свела в могилу, говорят о психическом расстройстве. Нужно же говорить о его излечении от той болезни, которой заражено подавляющее большинство человечества, и болезнь эта — суета мира.

Многие отмечали некое необыкновенное спокойствие, поселившееся в Николае Васильевиче. «Четвертого дня приехал сюда Гоголь, возвращаясь из Иерусалима, он, кажется, очень и очень успел над собою, и внутренние успехи выражаются в его внешнем спокойствии», — писал из Киева живописцу Александру Иванову предприниматель, славянофил Федор Васильевич Чижов.

«Лицо его носило отпечаток перемены, которая воспоследовала в душе его. Прежде ему были ясны люди; но он был закрыт для них, и одна ирония показывалась наружу. Она колола их острым его носом, жгла его выразительными глазами; его боялись. Теперь он сделался ясным для других; он добр, он мягок, он братски сочувствует людям, он так доступен, он снисходителен, он дышит христианством», — писала в своих воспоминаниях княжна Варвара Николаевна Репнина-Волконская.

«По его действиям, как я замечала, видно, что он обратился более всего к Евангелию, и мне советовал, чтобы постоянно на столе лежало Евангелие. «Почаще читай, ты увидишь, что Бог не требует долго стоять на молитве, а всегда помнить Его учение во всех твоих делах». Он всегда при себе держал Евангелие, даже в дороге. Когда он ездил с нами в Сорочинцы, в экипаже читал Евангелие. Видна была его любовь ко всем. Никогда я не слыхала, чтобы он кого осудил. Он своими трудовыми деньгами многим помогал...» — вспоминала сестра Гоголя Ольга Васильевна Гоголь-Головня.

Сам же Гоголь понимал свое путешествие в Иерусалим как отправную точку к как можно скорейшему усовершенствованию. Вот что он писал Жуковскому в конце февраля 1850 года: «Мое путешествие в Палестину точно было совершено мною затем, чтобы узнать лично и как бы узреть собственными глазами, как велика черствость моего сердца. Друг, велика эта черствость! Я удостоился провести ночь у Гроба Спасителя, я удостоился приобщиться от Святых Тайн, стоявших на самом Гробе вместо алтаря, и при всем том я не стал лучшим, тогда как все земное должно было бы во мне сгореть и остаться одно небесное». И далее два года он сжигал не только и не столько свои рукописи, сколько сжигал в себе все земное, дабы оголить небесное. Он будто из последних сил плыл сквозь бушующее море, стремясь дотянуться до желанного берега, и этим берегом был Христос. Весь последний год своей жизни Николай Васильевич много и жадно читал изданные проповеди святителя Филарета, поскольку никто другой так не соответствовал его желанию усовершенствоваться, никто другой не уверял столь несокрушимо, что если мы христиане, то должны служить небу, а не миру, что служить Богу и одновременно мамоне нельзя. Однажды, будучи в гостях, когда предложено было вслух читать Пушкина и ожидалось, что Николай Васильевич горячо поддержит такое предложение, он неожиданно для всех воспротивился, напомнил, что идет Великий пост, и стал читать филаретовскую «Беседу о прикосновении веры ко Христу». В ней Московский Златоуст вспоминал евангельское событие, как народ толпился вокруг Спасителя, мечтая прикоснуться к нему, и не каждому

удавалось, поскольку толпа была огромна, но тем, кто горячо верил, удавалось. «В чем же состоит сей особенный образ приближения ко Христу, сопровождаемый не мертвым приражением, но живым прикосновением, извлекающим из Него спасительную силу? — Сие также ясно показывает Господь в лице кровоточивой, которая из множества теснящегося к нему народа одна умела к Нему приблизиться и прикоснуться, и чрез прикосновение получила исцеление. Ибо что говорит Он ей? — *Дерзай, дщи, вера твоя спасе тя* (Лк. VIII, 48)». И Гоголь остро ощущал себя, как та кровоточивая.

О последних днях Гоголя много написано, и не здесь пересказывать их в подробности. Смерть Екатерины Михайловны Хомяковой, супруги великого мыслителя-славянофила Алексея Степановича Хомякова, произошедшая 26 января 1852 года, как принято считать, потрясла и придавила Гоголя, стала причиной его душевной болезни. Я бы сказал иначе: эта смерть *позвала* его за собой. Он любил Екатерину Михайловну, но не в том обычном смысле слова «любил», то есть желал бы, пусть втайне, стать ее любовником или мужем. Любил как идеал женщины, матери семерых детей, любящей и заботливой супруги. Так мы любим солнце, но не желаем обладать им, не стремимся вписать его в перечень своего движимого имущества. Со дня панихиды, на которой Гоголь сказал Хомякову: «Все для меня кончено», Николай Васильевич ежедневно ходит в церковь, сознательно готовит себя к смерти. Это не было самоубийством.

Он понимал, что скоро его возьмут из этой жизни, и вскоре действительно был взят.

Гоголь умер не от болезни. Его душа была изъята из телесной оболочки, как созревший для райского сада плод.

Мы привыкли горевать: жаль, что Пушкин погиб на дуэли, мог бы еще жить да жить; жалко, что Гоголь отказался от решительного лечения, жил бы еще долго... А зачем? Зачем жить, если жизнь уже состоялась, если дальше могут возникнуть такие соблазны, что останется лишь пожалеть, что такой-то и такой-то не умер в свой час. И Льву Толстому, возможно, стоило покинуть сей мир до своих завихрений, да вот наказал Господь долгой жизнью, в конце которой так и не наступило покаяния, не исторглась гордыня.

Гоголь вошел в Великий пост 1852 года, с тем чтобы Пасху встречать уже не в брэнном мире. В Прощеное воскресенье 10 февраля, последний предпостный день, он добровольно пытался вверить себя в руки духовной цензуры — вручил свои рукописи графу Александру Петровичу Толстому, на квартире у которого жил. Просьба такова: передать эти бумаги

митрополиту Московскому, дабы тот мог определить, что нужно печатать, а что должно истребить. Толстой испугался, что Гоголь тем самым прощается и если он возьмет рукописи, то приблизит кончину любимого друга. И не принял доверенного ему поручения. Думается, что напрасно. Вообразим: он является к Филарету с таковой просьбой Гоголя. Филарет наверняка бы умилился и сам примчался бы к Николаю Васильевичу, чтобы приободрить. Вместо этого Гоголь взял бумаги, предназначенные для прочтения Филарета, и в ночь с 11 на 12 февраля сжег их в печи. В первую великопостную субботу Гоголь сначала позволил доктору Тарасенкову осмотреть его: «Я знаю, врачи добры, они всегда желают добра». Тарасенков заметил: «Он смотрел, как человек, для которого все задачи разрешены, всякое чувство замолкло, всякие слова напрасны». Затем раб Божий Николай причастился Святых Тайн.

Граф Толстой, вероятно, уже раскаялся в том, что не отвез бумаги Гоголя митрополиту и тем самым стал косвенным соучастником их сожжения. Александр Петрович поехал-таки к Филарету, был принят им, рассказал все как на духу. Митрополит посочувствовал и прослезился, услышав о христианском усердии писателя.

— Передайте ему, что сама Церковь повелевает в недугах предаться воле врача, — ответил он. — Убедите его, что спасение не в посте, а в послушании. И пожалуйста, докладывайте мне ежедневно о состоянии Николая Васильевича. Не вы, так отец Алексей, не он, так отец Иоанн.

Отец Алексей Соколов являлся приходским священником в церкви, куда в последнее время ходил Гоголь, а отец Иоанн Никольский и вовсе был духовником Николая Васильевича.

Толстой передал Гоголю слова Филарета, и тот разрешил врачам проводить курс лечения, который, однако, как доказано, не столько помог выздороветь, сколько ускорил кончину. Но дело, повторяю, было не в болезни, и исцелением Гоголя явился сам уход его из жизни, совершившийся около восьми часов утра 21 февраля 1852 года, в четверг на второй седмице Великого поста.

Здесь же важно было показать, как игла этой смерти заметным стежком прошла через судьбу нашего главного героя. Нам бы, конечно, хотелось видеть его и на отпевании Гоголя в Татъянинском университетском храме, и в траурной процессии, и при погребении на кладбище Свято-Данилова монастыря, хотелось бы прочесть проникновенные строки, посвященные этой удивительной, хотя и болезненной, но непостыдной и христианской кончине великого русского писателя. Но, увы, ничего этого нет, а придумывать и домысливать для

пущей красоты — не позволяет строгий стиль документального жизнеописания.

Да и Гоголь не был духовным чадом Филарета, в отличие от ясноглазой игуменьи, смерть которой последовала в том же году, вскоре после Пасхи.

Не прекращалась дружба пастыря и Маргариты — Филарета с настоятельницей Спасо-Бородинского монастыря Марией (Тучковой). В нем она видела главную отдушину своей жизни и в письмах постоянно жаловалась на что-нибудь, а иначе сказать — плакалась. Как для Филарета был Антоний, чтобы было кому поплакаться о своих болезнях и печалях, так для Марии — Филарет. В переписке встречаются очень трогательные эпизоды. Так, в 1846 году игуменья Мария жаловалась Филарету на червя, который агрессивно истреблял монастырские посеы, а он ей отвечал: «Состражду скорби Вашей о полях Ваших. Да запретит Господь червю потреблять злак, созданный *на службу человекам* (Пс. 103,14) и во уготовление хлеба для них. Здесь уже несколько дней морозы. Кажется, они должны убить червя. Между тем надлежало Вам прибегнуть к наказующему и милующему Господу общей молитвой. Мне сказывал один очевидец, что, когда помещику в селе донес управитель, что червь повреждает поля, помещик тотчас пригласил священника, собрал весь народ; пошли на поля, совершили освящение воды с молитвой, положенной на сей случай, окропили поля и края их, где опустошение означало след червя. На другой день управитель принес помещику с поля множество мертвых червей в доказательство, что бедствие кончилось. Это было не в нынешнем году, но Бог и Господь наш *Иисус Христос вчера и днесь Тойже, и во веки* (Евр. 13, 8). Взывайте ко Господу, да не до конца прогневается и не по грехам нашим воздаст нам, но да призрит на смирение наше и нищия Своя *да насытит хлебы* (Пс. 131, 15). Припадем Ему вкупе».

Болезни все больше преследовали игуменью Марию, и Филарет, сам постоянно болевший, утешал ее в своих письмах. В 1851 году он благословил архитектора Быковского строить на Бородинском поле Собор во имя иконы Владимирской Божьей Матери, в день празднования которой состоялось великое сражение. Монастырь к тому времени уже достаточно расширился, чтобы иметь при себе большой храм. Вдовы героев не только войны 1812 года, но и других войн приходили сюда, становились послушницами, находили утешение и приют. А вот основательница славной Бородинской обители стремительно угасала, и если совсем недавно пастырь увещевал ее в отношении смирения пред болезнями, то теперь уже в своих письмах он старался укрепить ее в преддверии смерти.

«Христос воскрес! Да утвердится сие слово и сила его в сердце рабы Божией игумении Марии! Слышите также слово святого Златоуста и стремитесь исполнять оное: «Никтоже да боится смерти, прощение бо от Гроба воссия» (из Слова на Пасху). Премудро и утешительно наставляет нас вселенский учитель. Если б он сказал только: «Не бойтесь смерти, потому что от Гроба воссияла жизнь», — мы были бы еще в сомнении, можем ли быть в общении с сею жизнью по грехам нашим. Но когда он не велит бояться смерти потому, что «прощение от Гроба воссия», то нам грешным надобно только покаянием и верою отворить души наши и видеть в них воссиявших от гроба Христова свет прощения, с тем вместе и свет жизни Господа Воскресшего. Итак, послушайтесь святого Златоуста и не предавайтесь страху смерти в уповании на прощение Христово, а если страх сей приходит, несмотря на желание Ваше удалить его, терпите его без смущения как от Господа посылаемое средство к смирению помыслов», — писал пастырь Маргарите 31 марта 1852 года.

А вот последнее его письмо к ней от 18 апреля: «Преподобной игумении Марии — благословение, мир, благая помощь и спасение от Источника жизни и спасения, Христа Бога нашего... Исцеление — от Господа, Ему и вручайте себя. Но и за то Его благодарите, что имеете добрых врачей. Он их посылает и через них действует. Если же болезненность продолжается — принимайте и сие как посещение Божие благое, на пользу, хотя, может быть, теперь невидимую, и пребывайте в послушании воле Его с миром. В случае страдания поминайте спасительные за нас страдания Господа Иисуса, и общением веры да облегчатся и да соделаюся благоугодною Господу жертвою и Ваши страдания. Аще с Ним страждем, с Ним и прославимся (Рим. VIII, 17). Следуйте советам врачей дома, а если рассудят, приезжайте к нам. Ибо спасение — во мнозе совете (Притч. XI, 14). Господь да не оставит милостью Своею Вас и сущих с Вами».

Получив это письмо, она смирялась с болезнью и страданиями, примеряя их на страдания Спасителя. День за днем болезнь усиливалась. В последний день апреля она проснулась, почувствовав на лице приятную прохладу. У изголовья постели сидел молодой полковник Александр Тучков и прикладывал к ее горячему лбу холодный компресс. Она поднялась, он взял ее за руку и повел за собой далеко-далеко, туда, где не было ни битв, ни страданий, ни болезней, ни печалей, ни вздыханий.

— Спой мне, я давно не слышал твоего чудесного голоса, — попросил он, и она запела, но не итальянскую арию и не французскую песню, а «Воскресение Христово видевши...», устремляясь с ним к сияющим

высотам, а потом они вместе прикоснулись к небесным клавишам и счастливо стали играть на них в четыре руки. И их сын Николушка присел с ними рядом и тоже стал играть, и они уже играли в шесть рук...

Со дня кончины настоятельницы Бородинская обитель переходила в новое качество — теперь у нее была своя история, и, понимая это, митрополит Московский повелел домик упокоившейся игуменьи Марии превратить в музей монастыря.

В своих проповедях того времени он говорил о том, что человек создан по образу и подобию Бесконечного, а потому, добившись какой-то желаемой цели на земле, вскоре начинает испытывать душевное угнетение от того, что достигнутое и некогда казавшееся великим теперь видится малым. Душа человека, осознавая свою бесконечность, не довольствуется конечным. А потому сокровища нам надо собирать не на земле, а в небесах, дела свои устремлять к Богу, не желать славы среди людей, она преходяща, а думать о славном пред лицом Бесконечного Творца.

В Баден-Бадене скончался еще один давний друг и адресат Филарета — Василий Андреевич Жуковский. Он был на год моложе московского митрополита, а еще в бытность архимандритом в Петербурге Филарет выступал в защиту возможного брака Жуковского с Машей Протасовой, однако мать девушки все равно отказала Василию Андреевичу, и эта пылкая любовь осталась безбрачной, Маша вышла за другого. Вся жизнь Жуковский переписывался, а при случае общался с Филаретом лично. Ему, как и Тютчеву, была родною мысль о том, что поэзия бессмысленна, если она не обращена своим сердцем к Богу.

Смерть пролетела и над Гефсиманским скитом. Там отошел ко Господу почитаемый как старец схимонах Матфей. В книге «Монастырские письма» архимандрит Антоний оставил воспоминание, как во время своего пребывания в Гефсиманском скиту в июне 1851 года Филарет задумал однажды вечером прогуляться. Монахи все уже сидели в кельях, и лишь старец Матфей повстречался митрополиту, подошел к нему под благословение и на вопрос: «Как поживаешь, отец Матфей?» — ответил:

— Плохо, лености много предаюсь, мало молюсь, по слабости зрения не могу читать акафисты.

— Замени это сердечною молитвою: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного», — посоветовал Филарет читать молитву Иисусову.

— Давно, батюшка, — отвечал схимонах, — молитва во сне не отходит от моего грешного сердца, но, милостию Господа, всегда во мне.

Тогда Филарет благословил его и сказал:

— Довлеет тебя.

Что означало: тебе довольно и этого, имея в виду, что если и во сне молитва не отходит от сердца, так чего еще можно желать?

«Мир душе отца Матфея, — писал Филарет 2 мая Антонию. — Мы его помянули ныне на литургии и панихиде вместе с новопреставленною игумениею Мариною и монахиною Агниною».

— Учащаемое со вниманием воспоминание о Боге постепенно переходит в постоянное о Нем памятование; с постоянным о Боге памятованием естественно соединяется ощущение себя в присутствии Божиим и помышление о совершенствах и делах Божиих; от помышления о совершенствах и делах Божиих, при ощущении присутствия Его, восходят и растут благоговение к Богу, вера, молитва, любовь, желание благоугождать Ему и страх нарушить Его заповеди, — произносил Филарет в проповеди от 5 июля, вспоминая сердечную молитву отца Матфея, не покидавшую его и во время сна. А в августе он приехал в Гефсиманский скит, почтил могилу усопшего старца, здесь, в Гефсимании, отпраздновал Успение и в проповеди своей говорил о смерти и о радости, которая должна сопровождать смерть христианина:

— После усопших обыкновенно бывает время плача, потом время утешения печальных; и далее того и другого продолжается время, в которое дети и присные пользуются праведным наследием отшедших... Плакали Апостолы, когда жизнь Матери Света, как тихая заря после Божественного Солнца Христа сиявшая для Церкви, угасла пред их очами. Плакали горькими слезами естественной печали, но вместе и сладкими слезами благодатного умиления: потому что вера в неумирающую благодать Матери Господней и чувство благоговейной любви к Ней господствовали над чувством лишения... Если радость, которую подает воскресшая Мать Божия, имеет своим источником присутствие Матери Божией с нами во вся дни: то очевидно, что и радость, как поток из сего источника, должна протекать по всем временам, до впадения в море вечного блаженства... И Церковь Христова прияла от Матери Божией сие наследие и хранит, и от дней до дней, от лета до лета, от века до века не престаёт разделять оно... Итак радуйтесь, души, подвизающиеся в вере, по образу Петра, который ускорил прежде других исповедать Христа Сына Божия, и, по вере в Него, и по водам ходить отваживался!.. Радуйтесь, души, стремящиеся к совершенству любви, по подобию возлюбленного Ученика, который и Бога созерцал преимущественно в Его качестве любви, оком любви, и в любви же заключал все учение жизни! Радуйтесь, хранящие девство и целомудрие! Приснодева с вами есть; и как девство приблизило к Ней

Иоанна, так оно приблизит Ее к вам... Радуйтесь, и благословенно супружествующие! Обрученная Дева и невестная Матерь, Которая не только удостоила посетить жениха и невесту в Кане Галилейской, но и первое открытое чудо для них от Божественного Сына Своего испросила, не чуждается вас; Она любит девство, но не унижает и супружества; и вас, молящихся Ей, не лишит благопотребной помощи, если взираете на супружество, как на союз не только естественный, но и духовный, имея высокий таинственный образ его в союзе Христа с Церковию. Радуйтесь, благочестивые родители и во благочестии воспитываемые чада!.. Радуйтесь, хотя сквозь слезы, испытываемые различными скорбями, но крепящиеся в терпении и уповании на Бога!.. Чего могут ожидать те, которые не подвизаются в вере, не стремятся к совершенству духовной любви, не ревнуют о истине и правде, не чтят девства, не освящают супружества, чадородия и детоводительства, не благословляют Бога в счастья, ропщут в несчастьи? Должно сказать правду: не им воскресшая Божия Матерь изрекла Свое бессмертное: радуйтесь, не им обещала Свое благодатное присутствие... Тем, которые не приблизились к Матери Божией подвигом веры, усердием любви, не подражали примеру Ее добродетелей и потому не приобрели права наследовать от Нее благодатную радость, Она оставила, как последнюю милость, раскаяние — наследие несладкое вначале, но спасительное впоследствии, если направлено будет к исправлению жизни...

Смерть летала вокруг, словно осенний вихрь, срывающий листья, вот оторвался рядом, вот еще ближе сорвало листок с ветки, и только ты еще трепещешь на ветру и не срываешься. Не так давно Филарет потерял еще одного верного друга и ровесника, Григория Яковлевича Высоцкого, который был на год его постарше, учился в Духовной академии, а затем стал врачом. Профессор Медицинской академии, президент Физико-медицинского общества, главный врач московской Мариинской больницы, он считался на Москве лучшим доктором. «Не имею теперь врача, к которому бы доверие мое утверждено было такими опытами, как к покойному Высоцкому, — горестно сокрушался Филарет. — Потому, когда Вы отсылаете меня ко врачу, я не знаю, куда идти, и мне не хочется двинуться с места».

По возвращении из лавры митрополит снова захворал. Больного владыку в те дни посетил с особою миссией генерал-адъютант его императорского величества, вице-адмирал Ефим Васильевич Путятин. Шла подготовка к войне, которая, как понимали благоразумные русские политики, была неизбежна. Через тридцать лет после великого

наполеоновского грабежа Европе снова нужно было идти к нам, грабить Отечество наше, ибо грабительство — неискоренимая повадка в характере западного человека. Путятин намеревался совершить кругосветное путешествие, имевшее не столько научные цели, сколько дипломатические и разведывательные. Это путешествие описано будет впоследствии в книге «Фрегат «Паллада», автором которого выступит великий русский писатель, секретарь Путятина Иван Александрович Гончаров, участвовавший в плавании на «Палладе».

Посетив митрополита, Путятин сообщил ему о грядущем путешествии и в числе прочих целей предприятия назвал просвещение Христовым светом народов, сидящих во тьме невежества. Название корабля особо понравилось Филарету, ведь после кончины игуменьи Марии в Спасо-Бородинской обители настоятельницей стала ее ближайшая сподвижница монахиня Палладия. Путятин просил снабдить экспедицию различными церковными предметами, необходимыми для равноапостольской деятельности епископа Камчатского, Алеутского и Сахалинского преосвященного Иннокентия. Просил также и миссионера в помощь Иннокентию. Филарет с огромной любовью благословил Путятина и его предстоящее плавание, собрал необходимые предметы, по просьбе Ефима Васильевича составил особую ектенью для употребления в корабельной церкви, а в качестве миссионера на «Палладу» был определен по совету Антония троицкий иеромонах Арефа. Другим миссионером на фрегате являлся замечательный востоковед, китаист архимандрит Аввакум (в миру — Дмитрий Семенович Честной). Арефа проведет в миссии святителя Иннокентия шесть лет, немало потрудится, но в 1860 году отпросится восвояси в Троице-Сергиеву лавру. Аввакум будет на «Палладе» священнослужителем, потом отправится в Китай, в Приамурье, будет служить у графа Муравьева-Амурского и возвратится, как и Арефа в 1860 году, с восточных рубежей России в европейскую часть и тоже в лавру, только не в Троице-Сергиеву, а в Александро-Невскую.

Монахиня Палладия оказалась неспособной к руководству большой Спасо-Бородинской обителью, надобно было ее заменить. В свое время игуменья Мария говорила, что хорошо бы сделать настоятельницей послушницу Софью. Теперь о том припомнили и стали готовить Софью к постригу. Софья Васильевна Волконская, урожденная княжна Урусова, была некогда замужем за князем Александром Андреевичем Волконским. Двадцать лет в браке принесли ей и счастье, и горе — за это время у нее родились и в разное время умерли четверо детей, а в 1847 году не стало мужа. Видя в этих горестных потерях перст Божий, Софья Васильевна

ушла в Спасо-Бородинский монастырь послушницей, проявила там свои деловые качества. Осенью 1852 года она была пострижена в монахини под именем Сергии, а затем сам святитель Филарет совершил чин посвящения ее в сан игуменьи.

26 декабря 1852 года митрополиту Московскому Филарету исполнилось семьдесят лет. И вновь нет упоминаний о торжествах по сему поводу, коих, судя по всему, не было никаких. В письме Антонию юбиляр сообщал, что на второй день праздника, то бишь Рождества, «сильно болел простудю, особенно головы, отчего и зрение не мог употреблять». Вот и все про второй день праздника, когда у него был юбилей.

В новом, 1853 году смерть унесла еще один сухонький листочек — не стало родной матушки митрополита. Евдокии Никитичне шел восемьдесят седьмой год. Как было заведено, сразу же по совершении ранней литургии часам к восьми, к половине девятого любящий сын навещал ее, дабы спросить о самочувствии. Она уже была так слаба, что почти и не вставала с мягкой лежанки. Смерть не стала неожиданностью, ее уже ждали — вот-вот. 20 марта Филарет, как обычно, пришел к ней из церкви и застал последний час жизни родительницы. Она отошла ко Господу на его руках. Он записал в дневнике: «Преста-вися раба Божия Евдокия, мати моя, в 9 ч. утра».

В последнее время частым гостем Филарета стал драматург, поэт и журналист Николай Васильевич Сушков, вспоминая потом те дни, он написал, что Филарет «без рыданий принял последний вздох усопшей, без рыданий отдал последний долг от-шедшей из времени в вечность. Твердо бодрствуя на молитве поминовений и погребения, обрел в душе своей силы встретить гроб на кладбище, проводить до могилы, посыпать перстию персть, и кротко-сиротливо возвратиться в свою келлию к обычным трудам и подвигам».

Рыданий и слез не было. Их никто не видел. Но своему духовнику Антонию святитель писал: «Житие и кончина ее дают уверение, что она скончалась в блаженном уповании. Число лет ее и последний болезненный год приготовляли меня к лишению. С благоговением смотрю на ее отшествие, однако часто хочется плакать. Слава Богу, что я сподобился отдать ей последний долг. Утомленный занятиями с обер-прокурором, в последние дни ее должен я был нередко приходить к ней, иногда ночью, и иногда проводить при ней несколько часов; и уже чувствовал расстройство в здоровье прежде кончины ее; однако Бог устроил так, что и пред кончиною ее при ней я молитвословил, и последних тихих дыханий ее свидетелем был, и, непосредственно по прекращении их, принес молитву о

преставившейся. Но два дня приходя на панихиду в дом ее, от простуды ног получил я боль в голове и внутренностях такую, что в воскресенье большую часть дня пролежал и ночь на нынешний день имел трудную; однако ныне должное исполнить мог. Утешили меня сослужители, по доброй воле, в довольном числе собравшиеся на ее вынос и погребение, и множество народа не только от дома до церкви, и в церкви, но и на кладбище загородном. Довольно любви и молитвы».

По просьбе Андрея Николаевича Муравьева известный русский шахматист князь Дмитрий Семенович Урусов, присутствовавший на похоронах Евдокии Никитичны, оставил подробное описание похорон, из которого мы знаем, что отпевание проходило не в приходской Троицкой церкви, а в храме Адриана и Наталии. Он был куда более вместительный, отличался пышным убранством, располагался неподалеку от Троицкой слободы на 1-й Мещанской улице, ныне это проспект Мира. В 1936 году этот памятный для москвичей храм был уничтожен безбожниками. Митрополит Филарет сам совершал литургию, а надгробное слово предоставили духовнику усопшей, приходскому протоиерею. Когда он говорил, глаза Филарета наполнились слезами. После отпевания гроб повезли на Пятницкое кладбище. Там совершилось погребение, и владыка, как полагается, произнес праху родной матери:

— Земля еси и в землю отыдеши.

«В сие время я стоял близ владыки, — пишет Урусов. — Лицо его было покрыто матовой светлостью. Без сомнения, целый крест разнородных чувствований был водружен на Голгофе сердца его; он не плакал; прошло время сетования и плача; он молился и размышлял...»

После смерти матери Филарет распорядился посчитать все ее потомство — детей, внуков, правнуков, праправнуков. Всех, кто был жив в том 1853 году. Насчиталось немало — девяносто три человека! Вот какая ближайшая родня была на то время у Московского Златоуста!

В своем письме Антонию Филарет упоминает о том, что в те дни был сильно утомлен занятиями с обер-прокурором. Протасова направил в Москву государь, снабдив его рескриптом, в котором предписывалось неожиданно объявиться в Первопрестольной и провести тщательную проверку всего церковного имущества, древностей и драгоценностей, поскольку до сведения императора дошли слухи, будто древности и драгоценности в Москве не имеют описей, а потому легко исчезают из церковного имущества в частных собраниях. Протасов прибыл 11 марта, и с этого дня Филарет ежедневно после литургии и посещения матушки отправлялся на Поварскую в дом Протасова и там проводил время до

вечера, совершая предписанную проверку. К счастью, в Протасове к тому времени произошла сильная перемена, и он уже не отличался прежней грубостью и высокомерием, военный мундир заменил гражданским сюртуком, и шпоры генерала — а в 1848 году он был произведен в чин генерал-лейтенанта — более не цеплялись за архиерейскую мантию, то бишь он уже не наваливался на митрополита всей своей массой, был учтив, приветлив, вежлив, спокоен. Деловито и без нервотрепки обер-прокурор и митрополит производили ревизию московских ценностей.

Это была не просто придирка Санкт-Петербурга к Москве. По всей России проводились ревизии ценностей, потому что война вот-вот могла нагрянуть. Теперь ее приближение ожидалось не с года на год, а с месяца на месяц. Николай I публично не признал восшедшего на престол Луи Наполеона императором Франции — в своем приветствии он наименовал его не братом, как полагалось в случае признания, а другом. В декабре 1852 года разразилась ссора с Францией из-за ключей к храму Рождества Христова в Вифлееме, которые турки, владевшие Святой землей, забрали у русских и передали французам, тем самым подразумевая, что условия Кючук-Кайнарджийского мирного договора с Османской империей более не признаются ими и они не намерены защищать интересы православных христиан. Ключом от яслей Господних французы и турки и открыли ящик Пандоры, из коего выскочила новая война с Россией. Война, которую мы привыкли называть Крымской, европейцы — Восточной, но которая изначально называлась в России иначе — войной за ясли Господни.

23 февраля 1853 года князь Александр Сергеевич Меншиков прибыл в Константинополь и вручил султану ультиматум с требованием признания всех православных христиан в Османской империи находящимися под особым покровительством российского императора. Православные христиане составляли треть населения Турции, их насчитывалось около двенадцати миллионов, в основном они жили на Балканах. Узнав об ультиматуме, французы направили свои военные корабли в Эгейское море, а английский посол уверил султана в том, что в случае войны Англия выступит против России. В мае султан отверг русский ультиматум, в ответ на это Николай I расторг с Турцией дипломатические отношения и ввел войска в Молдавию и Валахию. 22 июня по европейскому стилю войну России объявил в Лондоне Герцен, запустив станок своей «Вольной русской типографии». А 25 июня по православному календарю, в день рождения Николая I, митрополит Московский выступил в войне на стороне России:

— Слышим от благочестивейшего самодержца нашего во всенародный

слух исшедшее слово, которым он, соединяя миролюбие с твердостью в правде, ограждает права и спокойствие православного христианства на востоке, и особенно в Святых Местах Святой земли. Не утешительно ли видеть его здесь на том пути, который пророчество предначертало царям благочестивым, — на пути царя охранителя и защитника Сиона Божия?

4 октября турецкий султан Абдул-Меджид объявил России войну, через пару недель вышел царский манифест «О войне с Оттоманскою Портою». Под селом Ольтеницей в Румынии произошло первое сражение с турками. Но все понимали, что война будет не только с Турцией, но и со всей Европой. И вскоре объединенный англо-французский флот вошел в пролив Босфор.

«Подлинно это может быть брань библейская, брань народа Божия с язычниками, — писал в эти дни Филарет преподобному Антонию, — только, если бы мы менее заразились языческими обрядами Запада! — Господи, прости нас и защити славу твоего имени пред языками!»

События войны за ясли Господни поначалу развивались так, что приносили русским только радость. 12 ноября в битве при Ахалцихе войска генерала Андроникова разгромили вторгшуюся в Грузию армию Али-паши; 18 ноября — грандиозная победа! — на Синопском рейде адмирал Нахимов уничтожил весь турецкий флот и взял в плен вице-адмирала Осман-пашу; на другой день генерал-майор Бебутов разгромил турок под Башкадыкларом; а на Рождество Христово в Румынии у села Четати русские войска нанесли поражение восемнадцатитысячной турецкой армии. Но вскоре англо-французская эскадра вошла в Черное море, тем самым уже нисколько не скрывая своих намерений воевать на стороне Турции.

Видя разворачивающиеся тревожные события, Московский Златоуст составил молитву, которая отныне читалась в Троице-Сергиевой лавре при совершении особого молебствия о силе и славе русского оружия: «Христе Царю, велий по всей земли! В руце Твоей вси концы земли. Твое есть море, и Ты сотворил еси й. Ты владычествуеши державою морскою, смущение же волн его ты укрощаеши, Твоя мышца с силою: да вознесется десница Твоя. Восстании на помощь нашу. Ты зриши сердца наши и помышления врагов наших. Мы ни против кого не враждовали, царь наш мирным словом желал дать мир Твоим святым местам и православным читателям Твоего имени, но против нас восстали враги Твоего имени, и, что более неожиданно, именующиеся христианами явились друзьями врагов и мучителей христианства и, мирные с нами, ничем не оскорбленные нами, подвигли против нас ухищрения клеветы и, наконец, оружие на суше и море.

Владычествующий державою морскою! Воздвигни руце Твои на гордыни их! Да вознегодует на них вода морская! Да супротив станет им дух силы! Сокруши оружие их, разруши единомыслие неправды! Аще же что согрешихом и мы пред Тобою (ибо кто жив будет и не согрешит?), покрый милосердием Твоим нам пред Тобою грехи, которые смиренно исповедуем пред Тобою. Помози нам, Боже, Спасе наш, славы ради имене Твоего: да не когда рекут языцы: где есть Бог их? Призри и на единовѣрных нам сынов Православного Востока, ныне тягчае прежнего под чужим игом страждущих безвинно, безоружных, мучимых и убиваемых от бесчувственных, неверных утеснителей, пред столь же бесчувственными взорами неправославного Запада. Помози, Господи, благочестивейшему царю нашему не только свое достояние защитить, но и братьев наших за пределами Отечества нашего исторгнуть от сети смертныя и узы их растерзать».

В такие тревожные времена, как те, что нависли над Европой и Россией в самой середине XIX века, люди всегда склонны к мистицизму, желают знать ближайшее будущее и по дикости своей обращаются ко всякого рода прорицателям, гадалкам, ворожеям. А тогда, в 1850-е годы, вспыхнуло ярким пламенем новое еретическое учение — спиритизм, основанный на признании способности общения людей с душами умерших с помощью гениев, наделенных особым даром и называемых медиумами. Какой простор распахнулся для всевозможных шарлатанов и жуликов!

Вера в то, что можно общаться с духами умерших, — древнейшая в истории человечества. И вот теперь это первобытное верование вспыхнуло с прежней силой. Причем в среде образованных людей, представителей высшего общества! В конце 1847 года спиритизм возник в Америке, которая к этому времени стала заявлять о себе, как о гнездилище всех современных ересей. Быстро перелетев через океан, спиритизм мгновенно распространился по Европе, охваченной новым революционным опьянением, которое всегда сопровождается помрачением ума. Во Франции ученик Песталоцци Ипполит Ривайль, взявший себе псевдоним Аллан Кардек, дал спиритизму оболочку некоей новой христианской доктрины, во вступлении к своей «Книге Духов» новый ересиарх заявил, что вводит термин «спиритизм» для обозначения своей доктрины, поскольку «новые понятия требуют новых названий». Развивая идеи Месмера, он начал изучать паранормальные явления, происходившие на спиритических сеансах, и взял на себя роль нового спасителя человечества, великого медиума и т. д. Разумеется, он стал сочинять собственное «священное

писание» в виде диалогов с духами умерших и вскоре объявил о том, что создал «совершенно новую теорию существования человечества, его судьбы и предназначения». Согласно этой теории, люди после смерти испытывают новые воплощения в других телах, и цепь этих перевоплощений продолжается до тех пор, пока человек не достигнет высшего совершенства. После этого его душа поселяется на какой-либо из планет Солнечной системы и там вкушает райские радости, время от времени отправляясь в путешествие на грешную землю, чтобы по возможности оказать помощь тем душам, которые еще далеки от совершенства.

Очень действенная жульническая уловка со стороны врага рода человеческого! Люди в большинстве своем слабы, и если даже верят в Бога, то продолжают нарушать заповеди. Если по-настоящему верят, их пугает грядущая расплата за грехопадения. А тут приходит некто и с ученым видом доказательно пропагандирует перевоплощения. Как хорошо! Моя душа еще не совершенна, и мои грехи приведут лишь к тому, что она попадет после смерти в другое тело, а уж там мы начнем все заново и станем стремиться к совершенству и тем самым искупим грехи нынешней жизни. Фу-х, можно расслабиться, не переживать о том, что будет за гробовой доской. Можно даже и погрешить еще малость. Да что там малость, грехи, все равно уж нагрешил в этой жизни! В следующей всё исправим!

Во Франции спиритизм так сильно полюбился, что приверженцем новой ереси стал сам император Наполеон III. Из Франции спиритическая ересь перелетела в Англию и Германию, и вот уже — хоп! — она в России, и в лучших домах Москвы и Петербурга по вечерам собираются люди за круглыми столами, дабы войти в таинственное, страшноватое, но такое развлекательное общение с духами умерших. И медиум, — разумеется, хорошо оплачиваемый, — ведет их, адептов новой религии, к неизведанным «высшим» мирам...

Пройдет еще двадцать лет, прежде чем наука ответит ударом по спиритизму. В семидесятых годах XIX века по инициативе Дмитрия Ивановича Менделеева будет создана Комиссия для изучения медиумических явлений, в которую войдут многие авторитетные ученые и которая вынесет приговор: «Спиритические явления происходят от бессознательных движений или сознательного обмана, а спиритическое учение есть суеверие». В «Материалах для суждения о спиритизме» Менделеев окончательно разгромит спиритическую ересь с научной точки зрения.

Но это будет через двадцать лет, а пока первыми вступили в борьбу с ересью христианские деятели, и впереди всех — митрополит Московский Филарет. Он в 1853 году сочинил статью против столоверчения, которое ввиду начавшихся военных действий приобрело особенно огромное число приверженцев, и более всего в среде так называемого «высшего света», всегда готового ринуться от христианского благоразумия к самому постыдному и глупому невежеству и обману.

Что говорить, если даже такой умнейший человек, как Владимир Иванович Даль, увлекся спиритизмом и вызывал дух умершего Жуковского! Дабы удостовериться, что перед ним дух самого Василия Андреевича, Владимир Иванович задал ему вопрос, на который мог ответить только Жуковский, и дух ответил. Приятель Даля, глубоко православный человек Николай Михайлович Потулов, исследователь древнего богослужебного пения, узнав об этом, четко возразил Владимиру Ивановичу:

— Правильный ответ твоего «духа» лишь подтверждает способность врага рода человеческого выведывать наши секреты и принимать образы любимых нами людей, чтобы совратить нас с истинного пути.

Особенно ярким приверженцем спиритизма оказался другой неглупый человек, причем где — в славянофильской среде! — родной племянник Сергея Тимофеевича Аксакова Александр Николаевич.

Разумеется, Церковь должна была первой дать отпор ереси. В Библии сказано: «Когда ты войдешь в землю, которую дает тебе Господь Бог твой, тогда не научись делать мерзости, какие делали народы сии: не должен находиться у тебя проводящий сына своего или дочь свою чрез огонь, прорицатель, гадатель, ворожея, чародей, обаятель, вызывающий духов, волшебник и вопрошающий мертвых; ибо мерзок пред Господом всякий, делающий это, и за сии-то мерзости Господь Бог твой изгоняет их от лица твоего; будь непорочен пред Господом Богом твоим» (Второзак. XVIII, 9—13). И, опираясь на эти слова, православные проповедники обличали ересь спиритизма, как внушенную людям злыми духами, предрекали, что занятия спиритизмом могут приводить к одержимости бесами, что и на самом деле нередко случалось. Полагая, что он общается с душами умерших, участник спиритического сеанса входит в сношение с бесами, являющимися в человеческом облике.

В своей обличительной статье митрополит Филарет писал: «О стологадании печально слышать, что многие, как дети на новую игрушку, бросались на оное, не подумав, что это за игрушка и чем кончиться может игра». Он призывал поддавшихся новому соблазну одуматься и осознать, «с

кем имеют дело и от кого хотят узнать сокровенное». Он задавал вопрос: «Действительно ли стологадателям отвечают духи умерших, которых имена им объявляются, или имена сии употребляются ложно, и под ними скрываются некие неизвестные?» И сам же отвечал на него: «В сем последнем случае, сии неизвестные суть лжецы, приписывающие себе чужие имена: но ложь не принадлежит чистым существам; отец лжи есть диавол». Ниспровергатель новой ереси, пользуясь своею глубокою образованностью, ниспровергал и саму новизну ее: «Для тех, которые смотрят на стологадание как на новое открытие неизвестной донныне силы в природе и на сем, может быть, думают основать для себя законное право продолжить над нею исследования, небесполезно заметить, что их делу не принадлежит честь не только разумного, но и случайного открытия в природе: они только каким-то образом пробрались в область старого языческого суеверия. Тертуллиан в 23-й главе своей апологии христианства, обличая мечты языческой магии (*magiae phantasmata*) и приписывая их действию демонов, говорит: *per quos et caprae et mensae divinare consueverunt*: чрез них и козлы и столы обыкновенно производят гадания».

Прежде чем выпустить статью о стологадании отдельной брошюрой, Филарет отправил ее своему личному цензору — наместнику Антонию, с припиской: «Слышите, думаю, о ворожбе столами. В Петербурге, в Париже и в Москве столы говорят, что чрез них говорят умершие. Посылаю Вам выписку из письма, которое мне случилось писать о том в Петербург. Скажите мне, как это Вам покажется и не годится ли, чтобы сделать сие известным для остережения могущих принять остережение. На сих днях мне попала французская книга, в которой пишется, что в Америке стологадатели считаются многими тысячами и соединены в общества и что столы проповедают преобразование христианства и государств так, как мудрецы 1848 года».

В ноябре записка о столоверчении попала в Петербург и была не только прочитана при дворе, но и вызвала большую поддержку. Слава богу, государь и государыня, а также и всё их семейство не впади в модную ересь, оставаясь верными христианами. А статья Филарета вскоре вышла отдельной брошюрой или, как он сам выражался, «печатной тетрадкой». И вот уже приходили письма о том, что многие, прочитав наставление Филарета, вразумились и отреклись от ереси. Но и после этого святитель старался узнавать все, что было о спиритизме, боролся с ним. Он выявил происхождение стологадания от американской секты мормонов.

Франкфуртский раввин Левисон, перебравшись в Петербург, принял

православие под именем Василий Андреевич, крестным отцом у него был Андрей Николаевич Муравьев, но с появлением спиритизма сей Василий Андреевич пламенно проникся ересью и, как с возмущением выразился Филарет, «написал статью о столах, в которой говорит о путешествии душ из тела с звезды на звезду на магнитной нити нервного духа». «Дух прелести дышит сильно!»

К появлению фотографии Филарет поначалу отнесся как к чему-то, что сродни спиритизму, и решительно отказывался фотографироваться. Андрей Николаевич Муравьев уговаривал его согласиться, чтобы был сделан дагеротипный портрет, но святитель назвал такой портрет адским. О фотографировании отозвался следующим образом: «В какое-то необычайное раздражение приводят материю, чтобы она от падения обыкновенных лучей света от предмета страдала и принимала напечатление».

Внимательнейшим образом он следил за всем, что происходит в мире, а особенно — за событиями войны. В ноябре 1853 года турки овладели фортом Святителя Николая. Генерал Алексей Петрович Ермолов не жалел об этой крепости, давно обветшавшей и, по его мнению, недостойной оплакивания. Филарет отнесся к этому иначе: «Жаль, что и такое великое имя положено на вещь, теперь попираемую неверными». Его тревожило развитие событий. Он и без всяких там ложных духов и столоверчений предвидел, что разворачивается крупная война, начало которой князь Михаил Семенович Воронцов уже сравнивал с началом Отечественной войны 1812 года.

Из казны Чудова и Перервинского монастырей, а также Троице-Сергиевой лавры на укрепление русской армии Филарет распорядился выделить большую сумму — 50 тысяч рублей золотом. 10 января 1854 года святителю Филарету была объявлена высочайшая благодарность и благодарность Святейшего синода — за это пожертвование и за труды, понесенные в деле обращения рогожских раскольников.

В то же время его беспокоило, что многие полководцы, идя в бой, не имеют в сердце такого же христианского воодушевления, каким обладали непобедимые Суворов и Ушаков. «Жаль, конечно, — писал он, — что военачальники в самонадеянии думают найти силу, а не в надежде на Бога». Его обрадовало известие о том, что перед Синопским сражением Павел Степанович Нахимов приказал на всех своих кораблях провести молебен, а затем всему флоту дал пароль: «Бог и слава!» И победил. «Хотя и славу не забыл, — ворчал Филарет, — но, слава Богу, что вос-помянул и Бога; и вот ему дано истребить турецкий флот. Примечательно, что когда от

взрываемых турецких судов горящий материал падал на город и зажигал его, и, следственно, уже не искусство производило пожар, горел весь турецкий город, а христианская часть осталась цела».

Для возбуждения христианского чувства в воинах Филарет лично присутствовал на проводах отправляемых из Москвы на театр военных действий, совершал молебны о славе русского оружия, окроплял водой полки, обходя строй за строем, чтобы ни один воин не остался неокропленным.

О том, как тонко Филарет разбирался в международной политике, например, во взаимоотношениях королевы Виктории с тогдашним министром внутренних дел виконтом Пальмерстоном, свидетельствует отрывок из его письма Антонию от 14 декабря 1853 года: «После истребления турецкой эскадры все английские газеты возопили против России. Говорят, королева требовала от министров дознания, отчего это, когда Россия в союзе с Англией и ничем не оскорбляет Англии. По дознанию оказалось, что это по возбуждению от лорда Палмерстона^[12]. Королева, говорят, поблагодарила его за службу и сказала, что не имеет в ней больше нужды. Теперь пишут, что он выходит из министерства, якобы по несогласию с прочими министрами относительно парламентской реформы. Если это правда, да спасет Бог королеву. Но можно опасаться, что Палмерстон составит сильную оппозицию и низвергнет нынешнее министерство; и тогда могут быть последняя горше первых». Все подтвердилось точь-в-точь. Пальмерстон вскоре сверг правительство Абердина и сам стал премьер-министром. Именно благодаря неутомимым действиям этого человека Англия от умеренно-враждебной политики в отношении к России перешла к резко-враждебной.

Новый, 1854 год начался с прекращения политических отношений России с Англией и Францией, которые объявили ультиматум, требуя выведения русских войск из Молдавии и Валахии, и заключили военный союз с Турцией. В ответ войска Ивана Федоровича Паскевича форсировали Дунай и начали военные действия в его устье, стремясь освободить западное побережье Черного моря от турок. Реакция европейцев не заставила себя долго ждать — 15 марта войну России объявила Англия, а на следующий день и Франция. Но если бы только Англия да Франция! «Мир все не дается нам, а война все злее смотрит, — писал Филарет. — Одна Голландия сказала, что она остается в прежнем союзе со всеми. Прочие почти все государства пересылаются тайными посольствами, как будто заговор составляют».

Императору приснился во сне старец в иноческой, но белой одежде,

который спросил:

— Для чего война?

— На защиту христиан, — ответил Николай Павлович. Услышав ответ, старец благословил его крестом.

Вскоре государя ждал удар — Пруссия и Австрия подписали с Англией и Францией протокол о единомыслии, тем самым узаконив единство Европы в борьбе против России. И это после того, как русский царь спас Австрию и Пруссию от революции, заслужив навсегда ненависть венгров, которые и по сей день поминают нам гибель прекрасного Петефи!

Царь еще ждал, что европейцы одумаются, не спешил объявлять ответную войну и лишь в праздник Пасхи 30 марта вышел его манифест «О войне с Англией и Франциею». Через десять дней англо-французская эскадра подошла к Одессе и провела мощную бомбардировку, но высадиться десант не смог. Началась основательная подготовка к высадке десанта в Крыму. Английские корабли подвергли бомбардировке Соловецкий монастырь и Петропавловск-Камчатский. Но ни там, ни там им не удалось высадиться на берег и развернуть боевые действия, и там, и там враги ушли восвояси несолоно хлебавши.

В день рождения императора в Успенском соборе Кремля митрополит Московский произнес речь, в начале которой говорилось:

— Чему время ныне? И ныне время благодарить Бога за победы на суше и на море: но сии победы еще не завоевывают нам мира, и даже некоторые из них бесстыдными лжеумствованиями обращены в предлог к умножению нам врагов. Посему ныне время особенно взирать на твердость царя нашего в правде пред возрастающим числом врагов. Изъявив решимость оградить спокойствие православия на востоке, по возможности без нарушения мира, он никому не объявил войны, хотя и вызывали к тому поступки не только открывающихся врагов, но и мнимых миротворцев. Но когда враги христианства объявили России войну, наш царь принял ее с упованием на Бога. И когда две христианские державы, которых ничем не обидела Россия и которые в посторонней для них распре признавали Россию правою, сверх ожидания объявили ей войну, наш Царь не колебался принять и сию войну с упованием на Бога. Мысль о подвиге за правду он поставил выше мысли о возрастающем числе врагов.

Летом 1854 года русские войска продолжали одерживать победы над турками, взяли важную крепость Баязет в Закавказье. Севастополь, ставший к тому времени главной базой русского флота на Черном море, не был еще в сознании наших соотечественников тем, чем он стал ныне. Его имя не успело засиять славой, застонать болью в русском сердце. Именно

после обороны города во время Крымской войны он стал для нас — Севастополем. Враг стремился к овладению городом, поскольку здесь располагалась самая лучшая акватория на всем море. Здесь удобнее всего держать крупную флотилию. Союзники разработали план обоюдного штурма города и с суши, и с моря. Для наступления с суши необходимо было высадиться где-то севернее. Выбрали другой порт — Евпаторию.

Армаду противника составляли пароходы, огромные двухпалубные и трехпалубные парусные линейные корабли, бриги, корветы, фрегаты, большие, средние и малые транспорты. Везли они семьдесят тысяч полевых войск с расчетом по тысяче артиллеристов на восемь тысяч пехоты. Один только английский океанский пароход «Гималая» мог везти два полка пехоты с артиллерией и обозом. При артиллеристах на кораблях флотилии находились в огромном количестве осадные орудия, пушки и мортиры, а также бесчисленное множество снарядов к ним. Вместе с английскими и французскими двигались остатки турецкого флота и корабли Египта. Впрочем, и турки, и египтяне, по свидетельствам европейцев, имели вид весьма затрапезный. Да и в предстоящей войне им отведена была роль прислуги.

Во главе французских войск стояли генералы Канробер и Сент-Арно, оба прославившиеся неслыханной жестокостью во время подавления Парижского восстания 1852 года, когда они приказывали стрелять не только по баррикадам, а просто по толпам прохожих, по подъездам и балконам, по паркам и скверам, дабы напрочь запугать парижан. Бывший актер Сент-Арно страдал неизлечимой болезнью желудка, изо рта у него исторгался адский смрад, он знал, что дни его сочтены, и люто ненавидел все человечество, желая спровадить на тот свет как можно больше двуногих тварей, прежде, чем он сам туда отправится.

До подавления Парижского восстания Канробер и Сент-Арно отличились в Алжире, где еще беспощаднее истребляли целые деревни арабов. От них пошла ненависть алжирцев к французам, не иссякшая до наших дней. Теперь Луи Бонапарт надеялся, что оба эти головореза достойно отомстят России за взятие Александром I Парижа в 1814 году.

Главнокомандующие английскими войсками также пылали ненавистью к русским по той же причине, хотя и в другом ракурсе. Дело в том, что генералы Раглан и Броун оба были адъютантами и учениками Веллингтона, причем первый потерял при Ватерлоо правую руку. Они привыкли всюду твердить, что именно Англия в свое время свернула башку Наполеону. Но взятие русскими Парижа оставалось как бревно в глазу у каждого из них. Как ни крути, а столицу Бонапарта взяли эти дикари.

Нужно было доказать восточным варварам, кто в мире хозяин!

Высадка войск союзников в Евпатории 15 сентября 1854 года являлась крупнейшей десантной операцией на протяжении девяти лет, и лишь открытие «второго фронта» в 1944 году побило «мировой рекорд», поставленный англичанами и французами в Крыму. По свидетельствам очевидцев, к берегам Евпатории подошел не просто военно-морской флот, а настоящий плавающий город, в котором домами являлись грозные корабли. На берег высадилось семьдесят тысяч солдат и офицеров да около тридцати тысяч всевозможной obsługi.

Евпаторийская операция 1854 года оказалась совершенно безобидной для союзников. Ведущий британский журналист Рассел поспешил отправить в лондонскую газету «Таймс» бравую депешу о том, что войну уже можно считать выигранной, поскольку русские корабли так и не осмелились атаковать на море, а русские войска при одном только приближении англо-французской армады к берегам Крыма бросились врассыпную, не произведя ни единого выстрела.

На самом деле основная сила русских была в это время сосредоточена гораздо южнее, в долине реки Альмы, на полпути от Евпатории до Севастополя. Командовал войсками генерал-адъютант Александр Меншиков, правнук знаменитого генералиссимуса, птенца гнезда Петрова. Меншиков еще в июне наметил Евпаторию как наиболее возможный участок высадки вражьего десанта. Позицию на Альме он считал превосходной для успешного оборонительно-наступательного боя. То, что он не встречал врагов на месте высадки десанта, а стал ожидать их в более удобной позиции на Альме, впоследствии почти единодушно было признано роковой ошибкой.

Нужно добавить: никто вообще не рассчитывал, что союзникам удастся высадить столь огромный десант. В России был тогда весьма популярен военный теоретик и историк Генрих Вениаминович Жомини. Начальник штаба у маршала Нея и французский комендант Смоленска в 1812 году, он с 1813 года находился на русской службе, и его мнение считалось авторитетнейшим. Жомини доказывал невозможность высадки крупного десанта, однако его теоретические выкладки были опровергнуты действиями союзников.

Сент-Арно и Раглан послали в Евпаторию послов с требованием сдать город, но, как оказалось, русский гарнизон уже успел покинуть свое расположение и двинуться на юг, к Альме. Отныне все повторяли фразу генерала Боске: «Да эти русские вовсе не желают драться с нами!» Высадившиеся союзники принялись в спешном порядке грабить окрестные

деревни, сплошь населенные крымскими татарами. Они подчистую вытаскивали запасы продовольствия, приготовленные на зиму, насиловали татарок, уводили скот. Несчастные татары бежали толпами в Евпаторию, где, по слухам, уже была провозглашена власть турецкого султана, но и там их встречали хохочущие лица европейских гяуров. О Аллах! Для того ли они так ждали прихода этих освободителей? Для того ли в мечетях Константинополя были совершены кощунственные молебны ко Всевышнему, да пошлет он успех одним гяурам против других?..

После высадки в Евпатории союзники успешно развили наступление, имея двойное численное превосходство, нанесли русским войскам поражение в битве на реке Альме, взяли Балаклаву, подошли к Севастополю. Для преграды противнику на севастопольском рейде по приказу адмирала Корнилова были затоплены семь кораблей. Армия союзников приступила к осаде города с суши.

Началась севастопольская страда, великая жатва смерти!..

В конце сентября в Крым отправились государевы сыновья — великие князья Николай и Михаил. По пути заехали в Москву — получить благословение от Филарета. Встретив их в Чудовом монастыре и благословив, святитель сказал:

— Благоверные Государи! Слышим, что любовь к Отечеству влечет вас туда, где может предстоять сильный подвиг на защиту Отечества, и что августейший родитель благословил сие желание ваше. Так все сынове царя нашего, каждый на своем поприще, по своей мере дают сынам России пример деятельной любви к Отечеству и ревности к подвигам. И Россия благословит вашу ревность. Господь сил с вами. Ангелам своим да заповедает Он сохранить вас во всех путях ваших. Да ополчится ангел Господень окрест боящихся Его на спасение, победу и славу.

Впереди были страшная осень, чудовищная бомбардировка Севастополя, гибель адмирала Владимира Алексеевича Корнилова, Балаклавская битва, кровопролитное Инкерманское сражение.

В ноябре митрополит Филарет благословлял в Мариинской церкви Императорского вдовьего дома женщин, отправляющихся на войну в качестве сестер милосердия:

— К вам слово Церкви, сестры христианского сердоболия о болящих, которые царским человеколюбием призываетесь ныне к особенному подвигу христианского попечения о болящих от ран, полученных на брани за веру, царя и Отечество. Подвиг, сколь необыкновенный для вас и трудный, столь же благословенный и способный возбудить неослабевающее усердие. Война — страшное дело для тех, которые

предпринимают ее без нужды, без правды, с жаждою корысти или преобладания, превратившеюся в жажду крови. На них лежит тяжкая ответственность за кровь и бедствия своих и чужих. Но война — священное дело для тех, которые принимают ее по необходимости, в защиту правды, веры, Отечества. Подвизающийся в сей брани оружием совершает подвиг веры и правды, который христианские мученики совершали исповеданием веры и правды, страданием и смертью за сие исповедание; и, приемля раны, и полагая живот свой в сей брани, он идет в след мучеников к нетленному венцу... Рана верного воина, которую вы облегчаете обязанием и врачевством, светит доблестью теперь и будет сиять в вечности. Если при попечении вашем он возвратится с пути смерти, вы заслужите благодарность не только его, но и Отечества, которому возвращаете драгоценного сына. Если же суждено ему окончить земной путь и прейти в отечество небесное: вы будете иметь на небесах благодарного вам и призывающего на вас благословение Отца небесного. Так размышляя, вы можете с благоговением смотреть на предмет вашего подвига и тем умерять скорбь и страх, естественно производимые зрелищем страданий... От вас не так много требуется; не требуется участие в деле брани; требуется только довольно твердости духа, чтобы вы не смущались мыслию о брани, делая дело мира и человеколюбия... Христу, Врачу душ и телес, мысленно предлагайте язвы поручаемых вашему попечению болящих и могущие случиться ваши собственные скорби... Матери Господней, радости всех скорбящих вы представлены в особенное покровительство: имейте постоянную веру в действительность, близость, всегдашнюю готовность сего покровительства... Внутреннюю молитвою вашу при самом одре болящих, а, по мере потребности и удобства, и словом кроткого напоминания старайтесь споспешествовать и им в том, чтобы они взирали ко Врачу душ и телес... О всех болящих имейте равномерное нелицеприятное попечение; особенно же бдительный труд употребляйте по особенному требованию болезни, а не по предпочтению лица. Для больного, для требующего помощи, будьте как родные, но для лица оставайтесь чужими, чтобы чистота христианской любви не была затемнена пристрастием, чтобы предпочтение одного не было неправдою в отношении к другому.

Радуемся, что на путь и подвиг вы пожелали приять и прияли ныне Божественное напутствие, — приобщились Тела и Крови Христовы. Идите в мире: Господь с вами.

Насколько легче было им отправляться на жатву смерти и переносить все ужасы войны после такого мощного напутствия!

В середине декабря вышел новый манифест императора «О воззвании к России по случаю настоящей войны». Отзываясь о нем, Филарет позволил себе подпустить и критики в адрес военной политики государя и главнокомандующего войсками в Крыму Меншикова: «Слава Богу, что в новом манифесте есть воззвание к Богу. А может быть, лучше было бы, если бы яснее исповедовали, что не раз найдены были малоготовыми для отражения врагов, и только заступление Господне спасло нас. Говорят, что в сражении при Альме силы наши были так неуравнительны с неприятельскими, что если бы они сие знали, могли бы тотчас броситься на Севастополь с большею надеждою. Господь сокрыл от них сие».

Жатва смерти была не только на полях брани и на севастопольских редутах и фортах. Летом и осенью снова была на Москве и в других городах России холера, будь она неладна. «На сих днях умерли в Москве от холеры протоиерей, священник и диакон...», «У нас умер от холеры певчий. Это первый случай с 1830 года» — мелькает в письмах Филарета Антонию. И вновь он молился непрестанно об окончании эпидемии, а в конце осени читал благодарственные молебны, когда холера ушла.

Новый, 1855 год начался на Москве празднованием столетнего юбилея университета, и 12 января в Татьянинской университетской церкви владыка Филарет радовал студентов и преподавателей своей торжественной речью, благословляя на труды будущих философов и историков, астрономов и филологов:

— Чего ищет наука в неизмеримом пространстве вселенной и в тайных хранилищах природы человеческой? — Истины. Утвердите, что нельзя найти ее: вы поразите науку смертельным ударом. Но можно ли действительно находить истину? — Должно думать, что можно, если ум без нее не может жить, а он, кажется, живет и, конечно, не хочет признать себя лишенным жизни... Но я по призванию любомудр и естествоиспытатель; какое же должно быть мое отношение к истине Откровения? — Не мечтай, что ты можешь создать мудрость; помышляй лучше, что мудрость может прийти и пересоздать тебя... Я изыскатель истины бытописаний человеческих; чем должен я истине Божией? — Не попусти себе тупым взором видеть в бытиях человечества только нестройную игру случаев и борьбу страстей, или слепую судьбу; изощри твое око и примечай следы провидения Божия, премудрого, благого и праведного... Я исследователь звезд, планет и их законов; чего требует от меня истина Божия? — Ты очень искусно возвысил проницательность своего зрения, чтобы видеть в небесах невидимое простому оку: потщись возвысить также искусно проницательность твоего слуха, чтобы ты мог

ясно слышать и возвестить другим, как небеса поведают славу Божию... Я любитель и возделыватель изящного слова; должен ли и я свободу и красоту слова поработить строгости высшей истины? — Рассуди, велико ли будет достоинство твоего дела, если красивые цветы твоего слова окажутся бесплодным пустоцветом? Не лучше ли, чтобы в них скрыто было плодотворное семя назидательной истины и чтобы они издавали благоухание нравственной чистоты?.. Так теки царским путем, царская обитель знаний, от твоего первого века в твой второй век.

В день святителя Алексея Московский Златоуст призывал русских людей к совершенствованию самих себя, дабы являться достойными славы предков:

— Сынове России! Бог Владимира, Бог Александра Невского, Бог Петра, Алексия, Ионы, Филиппа, Сергия чрез роды и веки предал и сохранил нам чистую, святую, православную веру Христову и чрез веру посеял и возрастил в жизни предков наших добрые семена, способные взаимно питать веру и простирать ее действие в потомстве. Тщательно ли мы пользуемся сим наследием? Бдительно ли храним сие сокровище?.. Наши благочестивые предки в праздники и посты участием в церковном вечернем, утреннем и дневном богослужении благоговейно приносили жертву Богу; и находили в оном собственное услаждение. Признаем благословенное наследие сих расположений в тех, которых с утешением видели мы наполнявших сей храм во все дни сей седмицы поста. Но не много ли между нами и таких, которые часы предпраздничного вечера отдают зрелищам и забавам, а часы праздничного утра сну, после ночи, превращенной в день, недостойный солнца? Наши предки, может быть, не всегда умеренно пиршествовали в праздник; но в день непраздничный обыкновенно были воздержны и трудолюбивы и строго соблюдали пост; ныне можно нередко встретить людей, которые роскошь прославляют, как добродетель; дни работные проводят в игре и праздности и оскорбляют святость поста, одни, покрывая именем поста несколько измененный вид роскоши, другие, нередко совсем забывая о посте... Указать ли на раболепство чуждому непостоянству и нескромности в одежде? Указать ли на страсть к искусству Иродиады, сделавшуюся для многих почти законом? Указать ли на неизвестное природе лакомство прахом и дымом хутородного зелья? Указать ли на обычай многих без нужды употреблять чуждый язык, как будто некое отличие высшего звания и образованности? Может быть, меня обвинят, что обращаю внимание на мелочи? — Обвиняйте, если угодно: вам от сего не будет пользы; полезнее же вам помыслить, можете ли оправдать себя, когда с чужой земли собираете, конечно, не мудростью

указанные, мелочи и наполняете ими ваше недро, извергая из него доброе, положенное добрыми предками?

Кто-то и впрямь усмехался: «Опять ворчит наш старичок!» — а кто-то, быть может, впервые задумывался: «Почему я, когда мы воюем с Англией и Францией, щеголяю в английских да французских нарядах и больше, чем по-русски, говорю по-французски да еще и по-английски? Почему я не брошу курить это «худородное зелье», не соблюдаю поста и вчера опять танцевал до упаду?.. И мы еще хотим, чтобы Бог дал нам победы над врагами?!»

В начале нового, 1855 года смерть, продолжая жатву, один за другим скосила два колоса. Гибель первого потрясла своей неожиданностью. Гибель второго заставила содрогнуться всю страну, настолько и неожиданной, и зловещей она явилась. В январе умер глава Церкви. В феврале умер глава государства. Два Николая.

Николай Александрович Протасов, обер-прокурор Святейшего синода Русской православной церкви скончался в возрасте пятидесяти шести лет 15 января 1855 года, как написал Филарет, «по болезни, продолжавшейся, как говорят, только несколько часов». Умер он в Петербурге, а хоронить тело привезли в Москву, где оно упокоилось на кладбище Донского монастыря. В синодальном периоде истории Русской церкви окончилась целая эпоха, когда «генеральские шпоры цеплялись к архиерейским мантиям» и когда глава Церкви беспрекословно подчинялся царю. «Я знаю лишь одного государя» — таков был девиз Протасова во все годы его правления. Оставалось только гадать, какого нового вояку определит император на эту должность, учитывая, что страна находится в состоянии тяжелой войны, которая пока складывалась не в нашу пользу. Временно обязанности обер-прокурора исполнял Александр Иванович Карасевский — тайный советник, директор Духовно-учебного управления при Святейшем синоде, в 1825–1826 годах он являлся помощником правителя дел Следственной комиссии по делу декабристов, потом служил чиновником особых поручений при министре финансов, правителем дел Комиссии духовных училищ, членом хозяйственного комитета при Синоде, директором вновь учрежденного Духовно-учебного управления. При нем и через него проведена была реформа духовно-учебных заведений графа Протасова. Не раз ему приходилось замещать обер-прокурора, вот и теперь он стал исполнять его обязанности, причем все знали, что ненадолго, поскольку Александр Иванович страдал неизлечимой болезнью и тоже готовился покинуть сей бранный мир.

Император Николай Павлович Романов скончался в возрасте пятидесяти восьми лет 18 февраля 1855 года. Болезнь его продолжалась дольше, чем у Протасова, но тоже была весьма скоротечной. Ненавистники царя мгновенно распустили подлые слухи, будто, видя неудачи войны, император наложил на себя руки, приняв яд. Иначе, мол, как объяснить, что столь здоровый человек и вдруг так быстро угас. Находили подтверждение в том, что тело покойного быстро разлагалось и не помогали никакие бальзамирования. И мало находилось тех, кто давал благоразумный отпор клеветникам. Прежде всего, надобно понимать, что Николай Павлович был человеком верующим и понимающим, какой страшный грех — самоубийство. Второе: он давно готовился к этой войне и прекрасно понимал, что она затянется и поначалу может оказаться очень даже неудачной, а потому готовился к долгой осаде со стороны Европы, уповая на будущее великое контрнаступление, как в 1812 году. Третье: больших поражений к тому времени Россия в войне и не имела. Да, потери у нас были выше, чем у союзников, поскольку те подвергали Крым неслыханным доселе бомбардировкам, и вооружение наше оказалось хуже, но Севастополь пока еще держался крепко. Так что и с этой стороны видеть в кончине императора самоубийство было бы опрометчиво. И, наконец, четвертое: здоровым Николай Павлович только казался со стороны. Близкие знали, что его давно уже преследовали недуги. Ему еще не было и тридцати, когда стали подмечать внезапные приступы сильной усталости, лицо его становилось бледным, губы синели, под глазами появлялись темные круги. Он страдал тем, что сейчас в медицине называют вегетососудистой дистонией, и здоровье его с каждым годом расшатывалось. Он же прилагал все усилия, чтобы подданные сего не видели. Лишь самые близкие люди знали о том, что он болен. Дистония сопровождается периодическими приступами головной боли. Великая княжна Ольга Николаевна оставила воспоминания: «Когда папа страдал головной болью, в кабинете ставилась походная кровать, все шторы опускались, и он ложился, прикрываясь только шинелью. Никто не смел тогда войти, пока он не позволит. Это длилось обычно двенадцать часов подряд. Когда он появлялся, только по его бледности видно было, как он мучился». Во время вскрытия выяснилась весьма существенная патология внутреннего строения царя — у него с рождения была одна почка вместо двух, причем увеличенная в размерах. Простуды, позвоночные ломоты, горячечные припадки, окоченение конечностей, дикие головные боли постоянно преследовали этого мужественного человека, не показывавшего виду, что он нездоров. «Жаловаться, — вспоминала Ольга Николаевна, —

было не в его характере...» Когда становилось плохо, он лишь позволял себе «ложиться только на диван, в шинели, всегда заменявшей ему халат, и в сапогах, которые вдобавок были еще со шпорами». Лечение принимал со смехом, показывая всем, вот, мол, глупости какие.

В праздник Крещения Господня 6 января 1855 года во время водосвятия государь простудился. Старался не обращать внимания, но болезнь усиливалась, и 27 января врачи поставили диагноз: грипп. В последнее время Николай Павлович ежедневно работал по шестнадцать часов в сутки. Переутомленный организм перестал сопротивляться болезни. Но он еще трудился, еще старался быть действующим монархом, 10 февраля лично провожал полки, отправляющиеся в Крым, и произнес свою последнюю речь солдатам и офицерам:

— Идите, дети мои! Пусть русские орлы будут вам путеводителями по дороге чести и славы. Мне не позволяют идти и умереть вместе с вами, но мои думы и сердечные пожелания всегда будут с вами на тех геройских преградах и тяжелых испытаниях, которые вам придется преодолеть. Когда Отечество и Вера вас призывают, я не могу вас задерживать — ступайте с Богом!

17 февраля врачи констатировали обширнейшее внутреннее воспаление и паралич левого легкого. Николай Павлович спокойно спросил:

— Скажите, я умираю?

— Да, — ответили медики.

— И у вас достает духу так решительно объявить мне мой смертный приговор? — усмехнулся государь. — Ладно! Бог вам судья! Позовите старшего моего сына! Не забудьте послать и за другими моими детьми, но поберегите императрицу.

На глазах у великого князя Александра Николаевича, которому вскоре предстояло заменить его, Николай Павлович исповедался, причастился и приготовился к смерти.

— Учись умирать, — сказал он сыну.

18 февраля император Николай I скончался.

«Да утешает тебя воспоминание, как знаменательно Господь благословил его жизнь в его последних днях и часах, в которых светлые черты царя и отца семейства, христианина, несмотря на изнеможение внешнего человека, сияли так сильно, так назидательно и благотворно! Твоя молитва соединилась с его последнею молитвою. Над сим союзом не имеет власти смерть. Он простирается от времени в вечность», — писал митрополит Филарет овдовевшей императрице Александре Федоровне.

«Утешительны последние часы покойного государя, — писал святитель преподобному Антонию. — Напечатанное о сем верно. Мне случилось слышать от бывших в сие время во дворце».

На престол России вступил тридцатишестилетний государь Александр Николаевич. В первый же день своего правления он убрал с поста главнокомандующего русской армией в Крыму остроумного весельчака Меншикова и на его место поставил генерала от артиллерии Михаила Дмитриевича Горчакова, двадцать два года до этого прослужившего начальником штаба у Паскевича в Польше.

«Утешительны также вести о новом государе, — оценил это Филарет, — как он в первые часы явил себя царем в полной силе и мудрости».

К тому же Александр, вступив на престол, первым делом объявил Филарету благодарность за пожертвованные недавно деньги от Московской епархии на военные нужды. Деньги немалые — 110 тысяч 600 рублей.

Увы, беды русских в Крыму не прекращались. Следом за Корниловым пал другой герой обороны Севастополя — контр-адмирал Владимир Иванович Истомин. Европа жила предвкушением скорого падения Севастополя и дальнейшего развития победы над Россией. То, что ненавистный европейским либералам монарх скончался, ничего уже не значило — добить гадину в его потомстве! Любимец Наполеона III римский папа Пий IX, тот самый, который в 1870 году проведет в жизнь догмат о папской непогрешимости, сейчас призывал к новому крестовому походу против России. В базилике Святой Агнессы в Риме с ним произошел казус: едва он обмолвился с веселой улыбкой о грядущем миссионерстве в Россию, пол под ним провалился и понтифик ухнул под землю вместе со стоявшими поблизости, отделавшись легким испугом. Этот анекдот Андрей Николаевич Муравьев поспешил опубликовать в петербургских газетах. Однако Филарет не одобрил его остроумия и приструнил друга: «Не мирюсь с мыслию напечатать статью о падении Папы. Мне представляется в сем неприятная черта, как будто обрадовались случаю поглумиться над владыкою Запада. Мир ему, когда и с ненавидящими мира быть мирными учит Псаломник».

На Светлой пасхальной седмице европейцы нанесли по Севастополю второй массированный бомбовый удар, а в конце мая и начале июня — третий и четвертый, но Севастополь не сдавался. В праздник Петра и Павла погиб адмирал Павел Степанович Нахимов. Не принесло счастья и новое назначение: Горчаков потерпел неудачу в сражении на реке Черной. Тогда же, в августе, европейцы нанесли пятый и шестой бомбовые удары. Конец месяца стал концом обороны героического города — 27 августа дивизия

генерала Мак-Магона захватила Малахов курган, и на другой день русские войска оставили южную часть Севастополя.

«Праздники наши Господь обращает в плач, — писал в эти дни святитель Филарет. — Вчера священнослужение совершил я с миром, не зная вести, уже распространяющейся. Но, вошед к генерал-губернатору к обеду, встречаю слова: какая печальная весть! Спрашиваю, что это значит, и узнаю о падении Севастополя. Хотя это не совсем неожиданное, и я думал и прежде, что ненадежно устоять ему по чрезвычайно сильным разрушительным средствам врагов, действующих на одно средоточие, но тем не менее сильно поразила меня сия весть, с возникающими от нее мыслями о последствиях». Много скорбей принесла России середина 1850-х годов. Новый император опять вступал на престол среди обильного плача.

Жатва смерти унесла еще одного замечательного человека — в сентябре умер граф Сергей Семенович Уваров, государственный деятель, провозгласивший триаду «Православие — самодержавие — народность», ученый, филолог, археолог, президент Санкт-Петербургской академии наук, основатель Московского исторического музея. В 1786 году его крестила императрица Екатерина II. В 1855 году его отпевал митрополит Филарет. Хоронить увезли в село Холм Смоленской губернии — в родовую усыпальницу.

Жатва смерти сорвала еще один колосок и в самом доме Филарета — 4 января 1856 года скончался его верный и самоабвенно преданный слуга и друг — домашний секретарь Александр Петрович Святославский. Это был человек, который незаметно и тихо исполнял свое дело, не имея никаких нареканий. Люди злые зубоскалили над его «рабской покорностью», но он просто понимал, какое счастье быть верным слугой такого человека, как Филарет, и безропотно служил. Имя Святославского постоянно мелькает в письмах Филарета, он либо ссылается на него: «Святославский мне прочитал...», «Святославский доложил...», «Святославский советовал...», либо обвиняет в чем-то: «Письмо это я получил только через год по милости Святославского», либо заступает за него: «...в поступках Святославского не открывается ничего, кроме нелепого стыда обнаружить свою неисправность или медленность», «Что новое распоряжение о контроле до Вас не дошло, виноват не Святославский. Виноватые в Петербурге». И вот в мае 1853 года тревожное: «...не легко занемог Святославский...», через пол года еще хуже: «Святославский же для дел уже умер: он мало ходит, мало помнит и ничего не делает».

Филарет привык к секретарю, как к собственной тени, как к части самого себя, и как себя он не просил никого награждать, так и не пекся о

наградах для Александра Петровича. Граф Александр Петрович Толстой однажды обиделся за своего полного тезку:

— Что же вы, владыко, ничем не наградите Александра Петровича?

Он взял на себя хлопоты, Филарет подал прошение, и Святославского незадолго до смерти успели порадовать орденом Святой Анны 3-й степени.

— Успел-таки я такую штуку обломать! — радовался Филарет, как ребенок.

И вот — Александра Петровича не стало, умер верный Санчо Панса, преданный до гроба... Сколько времени понадобится, чтобы привыкнуть к новому секретарю-то?.. И ведь не стар еще был милый Петрович, до шестидесяти не дожил. Вот беда-то!..

После падения Севастополя к союзникам присоединилась и Швеция, стало очевидно, что Австрия и Пруссия могут вступить в войну против России, если русский император не согласится на мирные переговоры. «Кажется, Австрия хочет исполнить в совершенстве предсказание умершего первого своего министра, что она удивит мир своею неблагодарностью», — писал Филарет, имея в виду знаменитое высказывание бывшего министра иностранных дел Австрии Феликса Людвиг фон Шварценберга. Но России для того, чтобы садиться за стол переговоров не в качестве битой державы, нужна была какая-то победа. Слава богу, в ноябре такая победа состоялась — старший брат Андрея Николаевича Муравьева, герой войны 1812 года генерал от инфантерии Николай Николаевич Муравьев, взял в Турции важную стратегическую крепость Карс, за что получил Георгия 2-й степени и приставку к фамилии — Муравьев-Карский.

А в это же время другой Николай Николаевич Муравьев, не имеющий родства с этими Муравьевыми, осваивал дельту Амура и договорился с китайцами о праве сплава русских войск по этой реке, тем самым укрепляя дальневосточные рубежи Отечества. Через несколько лет этот Николай Николаевич станет Муравьевым-Амурским.

Ефим Васильевич Путятин заключил в 1855 году с Японией Симодский договор о мире и дружбе, по которому, кстати, тогда-то впервые японцы получили те самые острова из Курильской гряды, о которых теперь твердят, что они принадлежали им испокон веков.

Имея такие достижения в войне и дипломатии, новый император мог уже садиться за стол переговоров.

Святитель Филарет непрестанно и с волнением следил за событиями на мировой арене. В начале января 1856 года к нему приехал генерал князь

Горчаков, недавно уволенный с поста главнокомандующего в Крыму и замененный генерал-адъютантом Александром Николаевичем Лидерсом. Филарет жадно расспрашивал его обо всем, тот охотно рассказывал о причинах поражений, о бездарном руководстве и беспечности Меншикова. Потом перешли к обсуждению мировой политики. «Я спросил: устоит ли Австрия в этом, хотя неверном авторитете, — вспоминал сей разговор Филарет. — Он говорит: устоит в том случае, если мы не потерпим значительного проигрыша в войне; один из первых министров грубый, а другой демократ, которого тайная мысль, конечно, есть благоприятствовать демократии и, следственно, не благоприятствовать России, которая есть главное препятствие для демократии».

Австрия не вступила в войну стараниями еще одного Горчакова — великого русского дипломата Александра Михайловича, лицейского друга Пушкина. Они вместе поступили в Царскосельский лицей в год его основания; Пушкин посвятил Горчакову три стихотворных послания.

*Мой милый друг, мы входим в новый свет;
Но там удел назначен нам не равный,
И розно наш оставим в жизни след.
Тебе рукой Фортуны своенравной
Указан путь и счастливый и славный, —
Моя стезя печальна и темна...*

Если сравнивать эти две судьбы, то и впрямь Александр Михайлович Горчаков был в житейском смысле куда счастливее Александра Сергеевича Пушкина. Но главный итог жизни обоих весьма и весьма славен. Это высвечивается в том, как обоих окрестили современники и потомки. Окрестили навечно. Одного — солнцем русской поэзии, а другого — звездой русской дипломатии.

Горчакову суждено было долгие тридцать девять лет служить под началом министра иностранных дел, который не умел даже говорить по-русски — таков был Карл Васильевич Нессельроде, занимавший этот наиглавнейший дипломатический пост России с 1816 по 1856 год. При этом его дипломатические способности оценивались всеми как весьма посредственные.

Горчаков поступил в Министерство иностранных дел сразу после окончания лицея в 1817 году и уже через три года стал секретарем министра. Но вскоре излишне независимый в своих мнениях Горчаков

становится одним из врагов Нессельроде. Долгое время ему приходилось работать в посольствах в Лондоне, Риме, Берлине, Тоскане, Вене, Штутгарте.

Конечно, вступление в войну Австрии не случайно так беспокоило Филарета, столь чуткого к внешней политике. За Австрией потянулась бы и Пруссия, и тогда... Страшно представить, что было бы! А между тем все висело на волоске. Новый австрийский император Франц Иосиф получил корону из рук русского императора и вместо благодарности за это испытывал ненависть к России, ибо всяк мог за спиной шептаться: «Если бы не русские...» В 1856 году жатва смерти могла набрать новые обороты.

Но Господь распорядился иначе.

Глава двадцать пятая

МИЛОСТИ господни

1856–1860

«Отцу наместнику и братии мир духовный.

Поздравляю и с миром внешним, который подписан в Париже в прошедшее воскресенье. Услышав о нем, я почувствовал некоторое успокоение от скорби, заботы и опасения, но не радость. Вчера узнав о нем, вчера же прочитал я, что английский министр почитает его не миром, а чем-то похожим на мир. Бог мира да дарует нам истинный и совершенный мир», — писал святитель Филарет преподобному Антонию 21 марта 1856 года.

Закончилась военная страда. В Париже был подписан мирный договор. Завершилась сорокалетняя эпоха трудного первенства России в Европе, продолжавшаяся после разгрома Наполеона и Венского конгресса с 1815 по 1856 год. Можно сказать, столица Европы из Петербурга вернулась в Париж.

Принято считать, что Россия проиграла Крымскую войну. Однако внимательное изучение Парижского трактата никоим образом этого не подтверждает. Да, России запрещалось иметь флот в Черном море, но так же и никакое другое государство не могло его иметь здесь, включая Турцию, поскольку в статье XI сказано: «Черное море объявляется нейтральным: открытый для торгового мореплавания всех народов вход в порты и воды оно формально и навсегда воспрещается военным судам как прибрежных, так и всех прочих держав». Стало быть, здесь мы ущемлялись наравне с другими. Статья II предусматривала: «Вследствие счастливого восстановления мира между их величествами, земли, во время войны завоеванные и занятые их войсками, будут ими очищены». Россия отдавала туркам Карс, а французы и англичане, согласно статье IV, возвращали «императору всероссийскому города и порты: Севастополь, Балаклаву, Камыш, Евпаторию, Керчь-Еникале, Кинбурн, а равно и все прочие места, занимаемые союзными войсками». Согласно статье IV, все военнопленные всех сторон возвращались. Мало того, в статье IX удовлетворялось русское требование относительно христианских подданных Оттоманской империи: «Е.и.в. султан, в постоянном попечении о благе своих подданных, даровав фирман, коим улучшается участь их без

различия по вероисповеданиям или племенам и утверждают великодушные намерения его касательно христианского народонаселения его империи, и желая дать новое доказательство своих в сем отношении чувств, решился сообщить договаривающимся державам означенный, изданный по собственному его побуждению, фирман». Валашское и Молдавское княжества закреплялись за Турцией, но в статье XXIII оговаривалось: «Блистательная Порта обязуется оставить в сих княжествах независимое и национальное управление, а равно и полную свободу вероисповедания, законодательства, торговли и судоходства». То же касалось и Сербии. Расходы на исполнение всех статей Парижского трактата ложились поровну на все страны. Такого не бывает, если одна какая-то страна проиграла.

Утверждение о поражении России в Крымской войне выгодно было только антигосударственным силам внутри самой России и Герцену в Лондоне как удостоверение несостоятельности правящей монархии. На самом деле никакого поражения не было, если не считать взятия южной части Севастополя. Парижский мирный договор равноправен и не ущемляет ни чью сторону.

Мало того, более всех считал себя проигравшим народ Англии! Во время торжеств в Лондоне по случаю заключения мира люди шли с лозунгами о том, что война проиграна с позором. Англичане считали, что русская оборона уже трещала по всем швам, но свисток Небесного Судьи об окончании матча прозвучал за несколько секунд до победного гола при счете 1:1. (Футбол уже развивался, и в 1848 году появились первые записные правила.)

В России первым о том, что Европа не добилась победы, заявил Московский Златоуст. Через десять дней после выхода высочайшего манифеста об окончании войны митрополит Филарет встречал Александра II в Успенском соборе Московского Кремля с такой речью:

— Благочестивейший государь! К тебе очи наши и сердца, как прежде; тогда как не прежнее видим в твоём втором царском лете. Ты наследовал войну, упорную против нас и против мира; и даровал нам мир. Твоя правда и мужество не отказывались от войны; твоё человеколюбие не отказалось от предложенного мира. Не победили России враги — ты победил вражду. Христианскою мыслию одушевлял ты войну; христианскою мыслию осуществляешь мир. Благодарно тебе Отечество, и чуждые отдают тебе справедливость и отдадут полнее, когда утихнут страсти. Крепко должны мы молить и молим Бога, чтобы благопоспешал тебе искусством и попечением у врачевать раны, без которых не могла быть война, чтобы, по

слову пророка, правда и мир облобызались в державе твоей и чтобы плодом их было совершенное благоденствие.

Но всюду продолжали твердить о поражении России в войне. Филарет яростно спорил. «Неверно, — писал он своему другу Сергею Михайловичу Голицыну. — Англичане побеждены нами; и для французов невелико торжество, когда они от нескольких укреплений отбиты и только одно взяли... Они немало наказаны: их много погибло собственно от войны, много истреблено болезнями и бурями на море. Следственно правосудия не только ожидать должно в будущем, но частью оно уже явилось».

Новый император не переставал радовать Филарета. Впервые в жизни святитель чувствовал, что от представителя верховной власти исходит полноценное желание во всем или почти во всем следовать церковным установлениям. Царь Николай сам постился, но стол у него не был постным, ибо большинство придворных не считали посты необходимыми, беря в том пример с Европы. Об Александре Николаевиче Филарет в те дни Великого поста с удовольствием писал: «Стол у его величества постный, частью точно по уставу нынешнего воскресного дня, частью точно по уставу благовещенскому. Желательно, чтобы сим примером воспользовались многие, кому он нужен». Тогда же государь объявил Филарету, что будет восстанавливаться древний характер иконописания, и обратился с просьбой изготовить для него и императрицы достаточное количество икон по древнему изографическому уставу.

Каждый день нового царствования приносил радости. Находясь в Москве, 30 марта Александр II выступил перед московским дворянством с речью, в которой выразил надежду на отмену крепостного права в обозримом будущем. Многим это пришлось не по душе, другие вздохнули: «Наконец-то!»

Наконец-то был смещен со своего поста Нессельроде. К этому времени деятельность Горчакова, сумевшего в Вене добиться неучастия Австрии в войне против России, получила высшую оценку императора. Александр II наградил его орденом Святого Александра Невского, а 15 апреля 1856 года Александр Михайлович был назначен новым министром иностранных дел. Принимая должность, он сразу дал понять, что все силы приложит к тому, чтобы устранить итоги Парижского мира, вернуть России первенство в европейской дипломатии. Горчаков отныне всюду сопровождал Александра II во время его поездок к иностранным государям. Благодаря его дипломатическому гению Россия на протяжении многих лет имела возможность отдохнуть от войн, набраться сил, перевооружиться и окрепнуть настолько, чтобы затем провести весьма

успешную кампанию в Туркестане, расширить свое влияние на Дальнем Востоке и в Китае, а в конце 1870-х разгромить Турцию в Балканской войне.

Уезжая из Москвы, государь назначил коронацию на август, и с этого времени Филарет с волнением готовился к грядущему важному событию — ведь на сей раз не на петербургского владыку будет возложена честь короновать императора, а на московского! Это тоже не могло не радовать. Государь дал понять, что хочет вернуть Москве ее былое древнее значение как православной столице государства Российского.

Определенное назначение получил и Филаретов друг Сергей Михайлович Голицын — его определили верховным маршалом коронации. То есть в Москве он стал главным, кто отвечал за все приготовления к торжественной церемонии. Выработку церемониала они проводили вместе — Голицын и Филарет.

Особой радостью наполнена была Пасха того года. Исчезли военные тревоги, впереди было царствование, обещавшее стать лучше предыдущих. В светлый вторник отмечался день рождения Александра II, и в Чудовом монастыре Московский Златоуст обращался к пастве своей:

— Еще раз обращаюсь к вам, нынешние ученики Христовы, чада Церкви апостольской, и к вашей совести, дабы она недремлющим оком рассмотрела, соответствует ли ваш воскресный день воскресному дню апостольскому. Действительно ли посвящено Христу ваше время, ваши мысли, ваши чувствования, ваши собеседования, ваша деятельность? Воспоминаете ли страдания и смерть Христову с умилением и благодарностию, как претерпенные за нас? Воспоминаете ли воскресение Христово не только с радостью для себя, но и с желанием подобной радости и спасения всем? Любовь ко Христу да одушевляет и да возвышает вашу радость. Любовь к миру да не превращает вашей радости в легкомысленное веселие. Впрочем, дух Христов не враг и человеческих благозаконных радостей. Так, Он благословляет нынешнюю радость нашу при воспоминании благословенного рождения благочестивейшего самодержца нашего.

В те дни почти незамеченной прошла смерть человека, коего Филарет четверть века назад стал первым оппонентом. За несколько часов до наступления праздника Пасхи на Ново-Басманной скончался Петр Яковлевич Чаадаев. Под влиянием Филарета жизнь его изменилась в лучшую сторону, он все больше открывал в себе христианина, говорил, что будущее человечество соединится именно в христианстве. Кончина его чем-то отдаленно напоминала гоголевскую. Чаадаев утратил аппетит, почти

ничего не ел и с каждым днем стремительно состаривался. В свои шестьдесят два года он выглядел девяностолетним стариком. Перед смертью Петр Яковлевич вызвал священника, исповедался, хотел куда-то ехать, передумал и — умер. Говорят: если скончался на Пасху, это знак того, что прощен Господом...

А Москва от Пасхи до Успения жила одним — предвкушением торжеств коронации. Само событие было назначено на особенный день — воскресенье 26 августа, день святых мучеников Адриана и Наталии, праздник Сретения иконы Владимирской Божьей Матери в память об избавлении Москвы от Тамерлана. И это же — день Бородинской битвы.

Как и договаривались заранее, 14 августа, в канун праздника Успения Богородицы государь прибыл в Москву и по обычаю, заведенному Павлом I, поселился в Петровском путевом дворце. Впервые царь приехал по железной дороге и без особой помпы. А в Кремль были доставлены Большая и Малая короны, скипетр, держава, порфиры, коронные знаки ордена Андрея Первозванного, государственная печать, меч и знамя. Отпраздновав Успение и разговевшись после двухнедельного поста, в пятницу 17 августа Александр Николаевич в сопровождении семьи и свиты переехал из Петровского дворца в Кремль. На сей раз его шествие по Тверской улице отличалось пышностью, вся Москва звонила в колокола, гремели залпы орудий. Государь и его приближенные ехали верхом, императрица — в карете. У часовни Иверской иконы Божьей Матери царь спешился, царица покинула экипаж, все приложились к иконе и вошли в Кремль.

Более недели велись приготовления, отработывался весь сложный церемониал. Наконец наступил долгожданный день. Взвод кавалергардов выехал на Соборную площадь и выстроился по обе стороны паперти Успенского собора. Двадцать четыре камер-пажа и столько же пажей прошли следом, вступили в собор, чтобы затем ожидать окончания церемонии в Синодальной палате. Шестнадцать генерал-адъютантов вынесли балдахин, под которым шествовали император и императрица, и таким образом они подошли к Успенскому собору. Здесь уже стоял в ожидании митрополит Московский и Коломенский Филарет.

Все лето он старался не простужаться, и в письмах его почти нет ничего о болезнях, но за несколько дней до коронации он все-таки простыл, и когда теперь Московский Златоуст обратился с приветственной речью, можно себе представить, что он говорил так же, как незабвенный патриарх Алексей II в последние годы своей жизни, с трудом преодолевая хрипоту:

— Благодетельнейший великий государь! Преимущественно велико

твое настоящее пришествие. Да будет достойно его сретение. Тебя сопровождает Россия. Тебя встречает Церковь. Молитвою любви и надежды напутствует тебя Россия. С молитвою любви и надежды приемлет тебя Церковь. Столько молитв не проникнут ли в небо? Но кто достоин здесь благословить вход твой? — Первопрестольник сей церкви, за пять веков донныне предрекший славу царей на месте сем, святитель Петр, да станет пред нами, и, чрез его небесное благословение, благословение пренебесное да снидет на тебя, и с тобою на Россию.

Все вошли в собор. Александр Николаевич сел на трон Ивана III Великого, Мария Александровна — на трон Михаила Федоровича Романова. Свершилось таинство миропомазания из сердоликовой крабицы римского императора Августа, государь поцеловал крест Петра I, который спас того от пули во время Полтавской битвы, и перешли к коронации. Святитель Филарет возложил на главу императора Большую корону Российской империи, а в руки — скипетр и державу. Во время коронации случился казус — прежде, чем перейти в левую руку императора, державка побывала на полу. Дело в том, что несший ее на подушке генерал Петр Дмитриевич Горчаков от волнения и жары, царившей в те дни в Москве, почувствовал головокружение и упал. Тяжелая державка покатила по полу. Горчаков был героем всех войн этого века, начиная с Наполеоновских и кончая Крымской, где не жалел себя. Пятнадцать лет до того занимал пост генерал-губернатора Западной Сибири. Стойкости ему было не занимать. И надобно же было так оконфузиться! И какое нехорошее предзнаменование!..

Александр Николаевич разрядил возникшее напряжение и, покуда поднимали державку, промолвил весело:

— Не беда, что свалился. Главное, что стоял твердо на полях сражений!

Все улыбнулись, и коронация продолжилась. Совершив таинство, Филарет вновь произнес речь:

— Бог венчал тебя, ибо Его Провидение привело тебя к сему законом престолонаследия, который Он же положил и освятил, когда, прияв царя в орудие Своего Богоправления, изрек о нем Свое определение: *от плода чрева твоего посажду на престоле твоем* (Пс. СXXXI. 11). Бог венчал тебя: ибо Он *дает по сердцу* (Пс. XIX. 5), а твое сердце желало не торжественного только явления твоего величества, но наипаче таинственного осенения от Господня Духа владычнего, духа премудрости и ведения, духа совета и крепости. Мы слышали твою о сем молитву ныне: Сердцеведец внял ей ранее; и когда ты медлил приять твой венец, потому

что продолжал защищать и умиротворять твое царство, Он ускорил утишить бурю брани, чтобы ты в мире совершил твою царственную молитву и чтобы венец наследия был для тебя и венцом подвига. Итак, Господа силою возвеселися, боговенчаный царь, и *о спасении Его возрадуйся зело* (Пс. XX. 1). Возрадуйся также и ты, благочестивейшая государыня, о славе твоего всепресветлейшего супруга, свыше освещаемой и освящаемой и лучом священным и тебя озаряющей. Утешься и возрадуйся благочестивейшая мать царя. Се уже зрел плод чрева твоего и сладок для России. Светло возрадуйся Православная Церковь, и твоя соборная молитва веры, любви и благодарности да восходит к престолу Всевышнего, когда Он на избранного от людей Своих полагает священную печать Своего избрания, как на вождя первенца твоих сынов, на твоего верного и крепкого защитника, на преемственного исполнителя древнего о тебе слова судеб: *будут цари кормители твои* (Ис. XLIX. 23). Светися радостью, Россия. Божие благоволение воссияло над тобою в священной славе царя твоего...

Из Успенского собора нововенчаные император и императрица в сопровождении митрополита Филарета отправились в Архангельский собор, где поклонились всем государям московским. А уж оттуда — на торжественный обед в Грановитую палату.

К сожалению, наместник Троице-Сергиевой лавры Антоний лично присутствовал при всех коронационных торжествах. Почему к сожалению? Если бы его не было, Филарет наиболее подробным образом описал бы ему все происшедшее. А так — нет.

После коронации государь не спешил покидать Москву, тщательно осматривал Первопрестольную, продолжались торжества. 30 августа — день Александра Невского, и царь справлял свои именины, отстояв в Успенском соборе литургию и причастившись из рук московского первоиерарха, а затем устроил пиршество снова в Грановитой палате.

10 сентября в Москве состоялось заседание Святейшего синода, на котором присутствовали все его члены, кроме митрополита Новгородского и Санкт-Петербургского Никанора (Климентьевского). Он был все это время в Москве и даже участвовал в богослужениях, читал в соборе Евангелие в Александров день, но чувствовал себя плохо и на заседание Синода прийти не смог, уехал в Петербург и 17 сентября там скончался. А в этот день 10 сентября святителя Филарета ждала долгожданная радость — все собравшиеся единогласно решили возобновить работы по переводу книг Священного Писания на русский язык! Пользуясь сильной благосклонностью к нему императора, Филарет заведомо составил и подал

записку о необходимости продолжения работ по переводу, доказывая, что русский язык не уступает в выразительности старославянскому. И вот записка возымела действие! Московскому митрополиту было поручено незамедлительно представить в Синод решение собрания, что он, разумеется, мигом исполнил.

Александр Иванович Карасевский по болезни просил освободить его от исполнения обязанностей, и 20 сентября Филарет узнал радостную новость — кто стал новым обер-прокурором Синода. Прекрасный человек, тот самый, у которого в последнее время жизни имел приют и ласку Гоголь. Граф Александр Петрович Толстой. Ему было пятьдесят четыре, в молодости он ходил в походы по обозрению Каспийского и Азовского морей и истреблению морских разбойников, принимал участие во всех военных действиях отряда и был награжден орденом Святого Владимира 4-й степени с бантом. Оставив военную службу, поступил в Коллегию иностранных дел, был причислен к посольству в Париже, ездил с дипломатическими поручениями в Константинополь, откуда выезжал, как сказано в его послужном списке, «в окрестные страны для военно-топографических описаний и с секретными поручениями». По объявлении в 1828 году войны Турции Александр Петрович снова поступил на военную службу, воевал под командованием генерала Дибича. За отличие при взятии турецких крепостей Айдаса и Бургаса он был награжден орденами Святой Анны 3-й степени с бантом и 2-й степени и золотой шпагой с надписью «За храбрость», назначен флигель-адъютантом к императору Николаю I, однако после окончания войны решил продолжать службу по Министерству иностранных дел и вышел в отставку. В 1830-м получил придворное звание камергера и назначение первым секретарем русской миссии в Греции. Это назначение не устроило его, и он перешел в Министерство внутренних дел, в 1830-е годы являлся сначала тверским гражданским губернатором, а затем одесским военным губернатором и в сентябре 1837 года переименован в генерал-майоры. В 1840-е годы от государственной службы отошел, жил то за границей, то в Москве, где нередко дружески общался с митрополитом Филаретом. Когда разразилась Крымская война, Толстой принял должность начальника нижегородского ополчения и в 1856 году получил чин генерал-лейтенанта.

И вот он — обер-прокурор. Давно не было таких обер-прокуроров, от которых не жди подвоха. «Трудно найти человека, более преданного Церкви, более готового на всякое улучшение и в то же время менее склонного проводить какие-нибудь личные расчеты в управлении столь важною частью... Он принадлежит к разряду тех людей, которых я не

умею иначе охарактеризовать, как назвать их оптинскими христианами. Это люди, глубоко уважающие духовную жизнь, желающие видеть в духовенстве руководителей к духовной высоте жизни, жаждущие, чтобы православное христианство в России было осуществлением того, что читаем в Исааке Сирине, Варсонофии и прочих. И он сам в своей жизни именно таков. Никто менее не способен мириться с казенностью, с формализмом и с мирскою суетой в деле христианства», — писал об Александре Петровиче философ и публицист, духовное чадо Филарета, Никита Петрович Гиляров-Платонов в письме Александру Васильевичу Горскому, профессору, а впоследствии ректору Московской духовной академии.

Тертий Иванович Филиппов, будущий государственный контролер, служил при Толстом чиновником особых поручений по вопросам восточных православных церквей и оставил такие воспоминания: «Назначение гр. Александра Петровича обер-прокурором Св. Синода последовало (20 сент. 1856) во время пребывания государя в Москве по случаю венчания на царство и, при всей своей неожиданности, никого не изумило, напротив, всем показалось совершенно естественным: так успел уже сложиться и отпечататься в общем представлении вполне соответствовавший этому назначению его нравственный образ. Сам он принял это внезапно и мимо его воли совершившееся назначение за призвание, которому он обязан был повиноваться, и в этой мысли находил успокоение от тех внутренних тревог, которых он не мог не испытывать при живом представлении сопряженных с его избранием многообразных и трудных задач, при его утонченной добросовестности и при ясном сознании неправильности установившихся отношений обер-прокурора к Св. Синоду». По свидетельству Филиппова, «он усердно исполнял все постановления Церкви и в особенности был точен в соблюдении поста, которое доводил до такой строгости, что некоторые недели Великого поста избегал употребления даже постного масла. На замечания, которые ему приходилось нередко слышать о бесполезности такой строго-ста в разборе пищи, он обыкновенно отвечал, что другие, более высокие требования христианского закона, как, напр., полной победы над тонкими, глубоко укоренившимися от привычки страстями, он исполнить не в силах, а потому избирает по крайней мере такое простое и ему даже доступное средство, чтобы выразить свою покорность велениям Церкви...». Известный славянофил, философ и публицист Иван Васильевич Киреевский говорил о Толстом: «Легче становится жить после встречи с таким человеком, как граф Александр Петрович».

Новый обер-прокурор первым делом решил взяться за такую важную тему, как переводы Священного Писания. Для того чтобы еще больше заручиться поддержкой, он отправил проект протокола Синодального собрания другому Филарету (Амфитеатрову) — митрополиту Киевскому. А тот вдруг ответил резким отказом. И в октябре Филарет Московский писал заместителю Троице-Сергиевскому горестно: «А дело о переводе Священного Писания, кажется, подвергнется возражениям нового синодального обер-прокурора. Владыка Киевский объявил ему свое решительное мнение, что переводить не должно, дабы сие не повело к забвению славянского языка, который есть богослужебный. — Воля Господня да будет. — Господь да устроит полезное для Церкви Своей, Ему Единому непогрешительно ведомое».

Что тут скажешь? Конечно, можно понять опасения тех, кто выступал против перевода. Но, в конце концов, перевод совершился, и мы уже скоро как полтора века живем, имея Библию как на старославянском, так и на русском языке, и сие нисколько не привело к забвению старославянского языка!

Как бы то ни было, в конце 1856 года, принесшего больше радостей, нежели печалей, Филарет был в некотором недоумении, хорошо ли, что больного Александра Ивановича сменил на посту обер-прокурора живой и деятельный Александр Петрович. О том думал он, вероятно, на погребении Карасевского, который умер в канун Рождества Христова. Думал и о собственной кончине, которая была уже не за горами. Сколько ж можно болеть да мучиться?

Неверующему не понять, как можно с любовью думать о смерти. Да и веруя, все равно поражаешься тому, как Филарет говорит о кончине. Как о рождении. Разумеется, не в том понимании, как у спиритов, не в смысле переселения души в другое тело, а о рождении — в мир невидимый: «Вчера мы воспели погребальная над Александром Ивановичем Карасевским. Он благонамеренно напутствовал себя таинствами, кончался около суток и родился в невидимый мир в день и близко к часу, в который Христос Спаситель родился в видимый мир».

Не забудем же и мы наименовать главу о кончине самого митрополита Филарета — «Рождение».

Весь 1857 год шла борьба за разрешение перевода Библии. Столкнулись два Филарета. Столкнулись не враги, а искренние друзья и единомышленники во всем, кроме этого вопроса. Филарет Киевский не без основания боялся, как бы не случилось то же, что в Европе, как бы перевод не послужил отправной точкой к появлению у нас некоего подobia

лютеранства. Филарет Московский нигде не проявлял беспокойства на сей счет, а значит, был уверен — в России зарождение лютеранства невозможно. В необходимости перевода он не сомневался. Сия необходимость вытекала из миссионерских потребностей на просторах бескрайней империи. Обер-прокурор Толстой, любя обоих Филаретов, все же склонился к мнению Киевского.

Митрополит Филарет Киевский, в миру Федор Григорьевич Амфитеатров, был на три с половиной года старше Филарета Московского и в то время по уважительности стоял наравне с ним. Когда Филарет (Дроздов) получил Московскую кафедру, Филарет (Амфитеатров) являлся еще только епископом Калужским и Боровским, затем стал епископом Рязанским, возведен в сан архиепископа, переведен в Казань, а 18 апреля 1837 года он был назначен митрополитом Киевским, решительно боролся с униатством и содействовал массовому переходу униатов в лоно Русской православной церкви. При нем пышно расцвела Киевская духовная академия. Поселившись в Киево-Печерской лавре, митрополит Филарет занялся устройством внутренней жизни лаврской обители по правилам монашеского жития, установленного основателями лавры — преподобными Антонием и Феодосием Печерским.

Филарет (Амфитеатров) весьма уважал своего московского тезку, но в деле перевода Библии изначально стоял против него и свою позицию выдержал до конца дней. После 1855 года он сильно хворал и любил говорить, что число дней его сочтено. Действительно, жить ему оставалось мало и его борьбу против перевода Священного Писания в 1857 году можно назвать предсмертной. Он выдвинул семь возражений. Первое: несмотря на то, что еврейский язык постоянно менялся, книжники оставили текст Ветхого Завета без изменений, ограничиваясь его истолкованием для народа, а стало быть, и нам следует поступать так же. Второе: ввиду возможных повреждений еврейского текста Господь сохранил его в образе греческого перевода, Септуагинты, и сей перевод сделан «под несомненным руководством Духа Божия». Третье: Восточная греческая церковь, приняв Септуагинту, не переводила ее на новогреческий язык, а толковала народу Библию по старому переводу. Четвертое: перевод Российского библейского общества «сделан не только не с благословения иерархов греческих, а решительно без их ведома и вопреки их воле». Пятое: славянский перевод, осуществленный святыми Кириллом и Мефодием, основан на Септуагинте. Шестое: другие славянские церкви не делают переводов на языках своих народов. И седьмое: мысль о русском переводе родилась не в среде иерархии и не в народе, а пришла из Англии,

«гнездилища всех ересей, сект и революций». Последнее было несправедливо, получалось, что она пришла из Англии, но и Филарет (Амфитеатров) ее прогнал, и тогда она напрямик — к святителю Филарету (Дроздову), который либо не знал, какова Англия, либо, что еще хуже, знал и стал сторонником мысли, явившейся из «гнездилища всех ересей, сект и революций».

Итак, схлестнулись две правды — правда осторожная и правда смелая. И это хорошо. Не было бы первой, возможны были бы вольности. Не было бы второй, невозможным стало бы миссионерство на просторах империи. Полемика двух Филаретов подобна полемике в XV–XVI веках между Иосифом Волоцким и Нилом Сорским о монастырском стяжательстве и нестяжательстве и об отношении к еретикам — миловать или жечь, где правы оба и в споре не уничтожают один другого, а этим спором с двух сторон мощными подпорками держат Истину.

«Будучи обязан дать по настоящему делу отзыв, призываю Бога, Творца Священного Писания, давшего в лице святых апостолов Церкви Своей дарование языков и наречий, дабы все народы сперва слышали проповедуемое, а потом и читали написанное слово Его каждый на понятном языке и наречии; Бога призываю, чтобы Он не попустил моей мысли и слову уклониться от того, что Ему благополучно и полезно Церкви Его вообще и душам христианским порознь», — писал Филарет Московский, вступая в полемику с Филаретом Киевским по каждому из семи возражений. Дать ответы на возражения киевского владыки его попросил сам император, и ответы эти были очевидны: евреи не переводили древние тексты, но на греческий-то был сделан перевод; греки не переводили с древнегреческого, но на славянский-то был сделан перевод Кириллом и Мефодием, а теперь старославянский столь далек стал от русского, и особенно в последние полвека, что не только паства, но и духовенство далеко не всё понимает из того, что есть в Священном Писании. Есть языки, надолго замедляющиеся в своем развитии, а есть развивающиеся стремительно. Французский XVIII века мало чем отличается от нынешнего. Русский сильно переменялся. Прозу XIX столетия наш современник понимает без труда, а написанную в XVIII веке уже не так легко, не говоря уже о той, что отстоит от нас на пять-шесть веков. Язык Шекспира в целом понятен англичанину, а язык русских современников Шекспира нынешним русским кажется диковинным.

На возражение, основанное на том, что другие восточные православные церкви не стремятся к новым переводам, Филарет Московский справедливо отвечал, что, находясь под игом мусульман, они

не имеют переводчиков, оттого-то и не переводят.

Теперь оставалось терпеливо ждать, на чью же точку зрения встанет царь, а следом за ним и обер-прокурор. А государь тем временем уже был поглощен мыслями о Крестьянской реформе, и с 3 января 1857 года приступил к работе особый негласный комитет под личным председательством Александра II.

В царском семействе произошло пополнение — родился сын Сергей, будущий московский генерал-губернатор и председатель Императорского палестинского православного общества, тот самый, которого в 1905 году взорвет в Кремле эсер-террорист Каляев. Митрополит Филарет распорядился, чтобы новорожденному отправили большой образ преподобного Сергия, чтобы мог быть поставлен у него в комнате, и другой малый, который был бы у колыбели его и, «может быть, по времени на персях его».

Тревожные дни пережил в начале 1857 года святитель. Тяжело заболел его лучший московский друг — князь Сергей Михайлович Голицын. Ему уж было за восемьдесят, но он старался держаться бодро, ежедневно совершал длинные пешие прогулки по Москве, принимал во множестве гостей и оставался тем московским баринном, которых уж не оставалось более. Последний московский барин — так и называли его москвичи. Что подразумевалось под этим понятием, объяснял в своих записках московский почт-директор Александр Яковлевич Булгаков: «Кончились торжественные приемы московских бояр, нет уже ныне открытых домов, потому что дворцы все проданы, а бояре исчезли также. Часто слышим мы поговорку, всеми повторяемую, что со смертью князя Сергия Мих. Голицына исчезнет последний русский барин». «Он дает праздники, балы Государю и Царской фамилии, когда двор осчастлививает Москву присутствием своим. Он угощает иностранных принцев и знаменитых путешественников, навещающих древнюю российскую столицу. Он поддерживает полезные заведения. Он щедро помогает бедным и пр. Перевелись у нас совершенно баре, вельможи, этот отборный, особенный класс людей, соединяющих в себе: знатность, богатство, заслуги; людей, которых одно уже имя напоминало знаменитых предков, людей, отличающихся радушным гостеприимством, с ласкою, сопровождаемую всегда какою-то не гордою, но величавою осанкою, внушавшей уважение. Таковы были в царствование Екатерины II Разумовские, Орловы, Потемкины, Румянцевы, Воронцовы, Чернышевы, Репнины и многие другие, но с того времени фортуны при постепенном раздроблении от перехода в разные руки начали разрушаться, не быв заменяемы новыми».

В марте Сергей Михайлович отметил пятидесятилетие своей безупречной службы в качестве почетного опекуна Московского опекунского совета. Московский Златоуст отметил речью в его честь:

— Мужичи чтимых званий, избранные служители Царского человеколюбия, сочли пятьдесят лет деятельности своего сотрудника и старейшины; взором уважения и сочувствия измерили необыкновенно долгий на одном возвышенном поприще ряд подвигов... Но если вы ожидаете, чтобы я вошел в ваш труд и увенчаваемому вами также сплетал венец из слова, не исполню ожидания вашего: ибо знаю, что исполнением сего не удовлетворен, а отягчен был бы тот, кто при своих деяниях всегда имел и имеет в виду не похвалу и славу от человеков, но обязанность, правду, пользу, человеколюбие, верное исполнение Державной воли, наконец Самим Христом для человеческой деятельности предпоставленную цель — *славу, яже от единого Бога* (Иоан. V. 44). Не колеблюсь сказать, что торжество, вами составленное, не было бы очень возвышенным, если бы в нем заключалось только желание сделать нечто приятное одному досточтимому лицу. Высшее достоинство вашего торжества заключается в том, что вы чрез него выражаете общественное мнение, благоговяющее пред испытанною временем и созревшею добродетелию; и таким образом произносите сильное поучение себе и другим.

И вот после торжеств он занемог. В иные дни находился в преддверии кончины. На сей раз Бог не захотел рождения Сергея Михайловича в мир невидимый, князь выздоровел и теперь вместо него снова болел Филарет. К простудам, головной и зубной боли прибавились теперь еще и частые кровотечения из носа.

Прошли весна, лето, наступила осень, а решения относительно перевода Библии так и не было. Святитель печалился, сердился... 31 мая ему была объявлена благодарность Святейшего синода за особенное, постоянное попечение о благоустройстве Московской духовной академии, но лучше бы вместо благодарности — давно ожидаемое разрешение!

Когда Филарет узнал о решении ставить в Новгороде памятник «Тысячелетие России», не очень одобрил, написав Антонию, что сие «предприятие не от высокого мудрствования произошло», выделил от епархии весьма скромное пожертвование на этот монумент. По-своему он был прав. Сейчас мы уже привыкли, что в Новгороде стоит микешинский шедевр^[13], а тогда идея создания памятника с множеством фигур из десяти столетий русской истории вполне могла отпугивать: о многих персонажах не было единодушного мнения — включать ту или иную фигуру в русский

пантеон или не включать. Взять, к примеру, Ивана Грозного, которого, как известно, на памятнике вообще нет — наше общество до сих пор расколото на два полярных лагеря: одни проклинают первого русского царя, сочиняя новые его злодеяния, другие готовы хоть сейчас провозгласить Ивана Васильевича святым. Так что идея была хорошая, но не безупречная...

Зато не переставало радовать продолжение строительства храма Христа Спасителя, которое святитель мог наблюдать и из окон дома Сергея Михайловича, и лично посещая стройку. Константин Андреевич Тон во всем советовался с Филаретом, вносил изменения в проект по ходу работ, окружил окна барабана большой главы купола аркадой, сами купола и малые и большой сделал ребристыми, появились раковины, подобные тем, что на закомарах Архангельского собора Кремля. По поводу формы алтарных окон Филарет лично давал письменное пояснение генерал-губернатору: «В древних соборных храмах, например, в Успенском соборе, на восточной стене три окна, конечно, с мыслью о троичном свете пресвятой Троицы, и в но-возданном храме Христа Спасителя на восточной стороне три окна. Следовательно, сие согласно с древним церковным обычаем и заделывать сии окна не нужно. Да и для света в алтаре они полезны. Вставить в них цветные стекла с изображениями святых или святым крестом в среднем окне тоже будет соответственно месту и благолепию алтаря».

В 1851 году храм Христа Спасителя был окончен вчерне, но еще несколько лет стоял в лесах — продолжалась отделка его с внешней стороны, устанавливались знаменитые горельефы, которые первоначально предполагалось делать из бронзы способом гальванопластики, поскольку каррарский мрамор в московском климате подвергался бы разрушению, однако до этого в цоколе, базах, пилястрах, колоннах, карнизах и фасадных арках попробовали использовать протопоповский мрамор, он оправдал надежды, так что решили остановиться на нем и при изготовлении горельефов.

Храм, снаружи уже почти готовый, оставался в лесах. И «в лесах» оставалось дело о переводе Библии, хотя чаша уже склонялась в пользу Филарета. Мнение государя склоняло чашу сию. А следом за царем готов был примириться и обер-прокурор. В конце октября он встретился с Филаретом и сказал, что не будет поддерживать точку зрения киевского владыки.

— Только я думаю, что это поведет к упадку славянское наречие, и о том жалею, — все же при этом вздохнул Александр Петрович.

Владыка Киевский той осенью приблизился к рождению в мир

невидимый, 26 ноября 1857 года его московский тезка получил прощальное письмо, в котором Филарет (Амфитеатров) спешил засвидетельствовать свою любовь, которой не могли помешать разногласия. «Владыка Киевский от 26 ноября в последний раз писал ко мне и сказал моему недостойнству, что любит меня любовью Христовой», — сообщил московский владыка своему духовнику. 21 декабря митрополит Киевский Филарет (Амфитеатров) отошел в иной мир, приближению которого радовался все последнее время.

В доме у Сергея Михайловича не раз заходили разговоры о готовящейся Крестьянской реформе. Ни сам Голицын, ни его высокопреосвященнейший гость не разделяли восторгов по поводу замыслов царя отменить крепостное право. Оба были в этом вопросе заядлыми ретроgrадами.

— Одно меня утешает в моей близкой кончине, — говаривал Сергей Михайлович, — это то, что я не увижу готовящейся эмансипации крестьян, сего переворота, который, по моему убеждению, не пройдет спокойно.

«Приезжающие из Петербурга сказывают, что там сильный говор об изменении положения крестьян, — писал Филарет в лавру. — И дважды мне сказывали, но не знаю, из какого источника почерпнули сведения, что преподобный Сергей явился к государю императору и дал наставление не делать сего. Господь да сохранит сердце царево в руце Своей и да устроит благое и полезное».

Перед тем как начать реформу, царское правительство провело очередную, десятую по счету ревизию. Первые девять ревизий проходили в отрезке времени с 1747 по 1837 год, и все они показывали устойчивую цифру — 45 процентов населения России составляли крепостные. Ревизия 1857–1858 годов показала новую цифру — 37 процентов, то есть крепостных уже было меньше, нежели свободных.

К этому времени остатки крепостного права уже были истреблены и в Германии, и в Польше, и в Австро-Венгрии. Рабовладельческой страной являлись Соединенные Штаты, где в пятнадцати штатах, не отказавшихся от рабства, на двенадцать миллионов населения приходилось четыре миллиона негров-рабов, то есть из трех человек один был — раб. При этом надо помнить, что положение негров в Америке было значительно хуже, чем положение крепостных в России середины XIX века.

В 1857–1859 годах в России прошла перепись населения. Оказалось, что подданными Александра II являются семьдесят четыре миллиона человек, из которых двадцать миллионов — крепостные крестьяне, два миллиона — удельные, то есть проживающие на землях, принадлежащих

императорской семье, и восемнадцать миллионов государственных крестьян, то есть прикрепленных к земле, но имеющих личную свободу. В Эстляндии, Курляндии, Лифляндии, в Земле Черноморского войска, в Приморье, в Семипалатинской области, в области Сибирских киргизов, в Дербентской области и Прикаспийском крае, в Эриванской, Архангельской и Шемахинской губерниях, в Забайкалье и Якутии крепостных крестьян не было вообще. В остальных местах наименьший процент был в Бессарабии — один, а наибольший — шестьдесят девять — на Смоленщине.

Как бы то ни было, проблема оставалась. Среди тех, кто выступал против, в основном были не противники реформы как таковой, а противники предлагаемых мер решения вопроса. За три года до манифеста об отмене крепостного права Филарет писал: «В Австрии новое устройство крестьян, которому наше хочет быть подобным, не оказалось удачным. Некоторые земли, которые по власти помещиков обрабатывались, по свободе крестьян остаются необработанными. Усвоенные крестьянам усадьбы продаются с аукциона за неуплату податей; следственно, умножается нищенство. Но у нас, кажется, могло бы быть лучше, если бы добрые помещики хорошо растолковали дело крестьянам и постановили с ними обдуманное соглашение. Один помещик призвал старшин своих крестьян, дал им прочесть, что предложено от правительства; и хотя первое слово их было: лучше по-старому, но, видя необходимость, они стали рассуждать о соглашении. Помещик предложил им усадьбы не с выкупом, а в дар; потом назначил, сколько им дает земли для обрабатывания, с какою платою за десятину, а находившуюся у него помещичью запашку вызвался обрабатывать наймом, и они, соглашаясь на прочем, о последней статье сказали: нет, барин, разоришься; наем вольных тебе будет дорог; и скажи, чтобы мы сию долю обрабатывали тебе как прежде; это нам не тяжело. Так, продолжая соглашение, они составили правила, в которых взяли предосторожности и против расстройства от своеволия. Если бы так вошли в дело лучшие, и у худших оно могло бы устроиться с меньшим опасением вреда. Но многие ли поймут и постараются?»

Откуда-то взялись слухи, что Филарет тоже призван участвовать в разработке реформы. Он решительно отрекся: «Дела крестьян касаться я и не думал. И не мое дело, и трудно представить, что можно было бы благонадежно сделать, когда дело получило ход, возвратиться неудобно, призванные действователи не видят, что делать, и между ними нет единства. Надобно молиться, чтобы Господь наставил их на истинное и полезное».

Да, в это время Филарет пока еще никоим образом не участвовал в делах о реформе. Он был занят множеством иных своих привычных дел — храмом Христа Спасителя, хлопотами о переводе Библии, борьбой за обращение раскольников и многим, очень многим другим. Не забывал он время от времени выступать со своими проникновенными проповедями, учил паству прежде всего думать о божественном и небесном, а уж потом о земном, временном. Учил, что главный пример для подражания — христианские святые:

— Говорят, что в нынешние времена уже неудобно подвизаться в подражании святым. Какие это времена? Когда они начались? Найдется ли на это твердый ответ? И могли ли какие-нибудь времена изменить обязанность, возложенную на нас Богом, для нашего спасения? Если есть для освящающих подвигов неудобства в настоящие времена: разве не было их и в древние времена? Удобнее ли нынешнего было в первые веки христианства подвизаться в христианском благочестии, в добродетели, в святости, среди соблазнов от мира идолопоклоннического, безверного, в крайней степени развращенного, среди гонений от властей, враждебных христианству? Признаем с горестью, что нынешний мир, именуемый христианским, слишком обилует примерами суеты, роскоши, плотоугодия, неправды, частью даже неверия; и что соблазны его сильны: но разве мир, соблазняющий нас на зло, сильнее Бога, подающего нам вся Божественные силы Его, яже к животу и благочестию? Бог имеет и дает силы; мир имеет и дает слабости: кто велит нам принимать не силы от Бога, а слабости от мира? Наше произвольное маловерие не возвышается к Богу, чтобы принять от Него силы благие и победоносные над злом; наше малодушие унижается пред миром и заимствует у него слабости, пролагающие путь пороку и злу. Соблазны мира сильны не сами собою, но нашею произвольною слабостью.

1858-й стал годом освобождения от лесов.

На Москве засиял во всем своем внешнем величии храм Христа Спасителя, окончился первый важнейший этап его строительства, и с него сняли леса. Предстояла внутренняя отделка, и до дня освящения собора оставалось еще много лет, но величественный храм отныне уже стал неотъемлемой частью общего вида Москвы, на него можно было свободно взирать отовсюду, и отовсюду он поражал своей державной красотой.

А в Петербурге «сняли леса» с решения о переводе Библии. 20 марта Святейший синод окончательно определил издать русскую Библию. Радости по поводу этого события не найти в письмах и высказываниях Филарета, и причиной тому, думается, то, что он не верил в

окончателность, опасался, что кто-то вновь решительно выскажется против и Синод пересмотрит решение. Сколько уж раз такое бывало! Но тем не менее работа по переводу Священного Писания получила ход, и теперь нужно было «не спеша, поспешая» эту работу сделать.

Если в Москве главный храм еще предстояло достраивать изнутри, то в Северной столице Исаакиевский собор был готов к освящению. После митрополита Никанора, скончавшегося в 1856 году, в Петербурге архиереем стал любимый ученик Филарета во время учебы в Духовной академии Григорий (Постников). Он и по сию пору глубоко почитал своего учителя, во всем с ним советовался и горячо поддерживал стремление к переводу Библии на русский и другие языки империи. Будучи архиепископом Казанским и Свияжским, являлся деятельным миссионером, лично переводил Священное Писание на татарский язык. Между московским и петербургским митрополитами велась постоянная переписка. В частности, большую известность имеет письмо от 30 июля 1857 года, в котором, отвечая на вопрос Григория, Филарет пишет, что поименное поминание всех членов царской семьи на литургии вполне можно было бы и сократить: «При благословении Божиим, императорская фамилия возросла до 23 лиц. Сей ряд имен в царский день, при служении архиерея, на одной литургии с молебном (кроме вечерни и утрени или всенощной) возглашается 12 раз и еще 2 раза воспоминается в молитвах тайно. Уже прежде нынешнего времени некоторыми особами самой высочайшей фамилии замечалось, что частое повторение одних и тех же имен без существенной нужды длит богослужение и не благоприятствует вниманию молитвы. Настойт нужда помыслить о некотором сокращении, и для сего требуется не нововведение в богослужении, а возвращение к более простому порядку древних богослужебных книг».

В связи с этим нельзя не упомянуть анекдот про то, как император, по всей видимости, это был еще Александр Благословенный, спросил Филарета:

— Нельзя ли сократить утомительно длинное богослужение?

— Можно, — ответил святитель. — Можно сократить на пятнадцать минут, если уменьшить поминовение всей императорской фамилии.

Другое яркое послание Филарета Григорию касается перевода Библии: «Благодарю за внимание к писанному мною о молитвослове и о переводе Священного Писания. Граф А. П. примерно не разделяет нашего мнения по последнему предмету; и сего первую виною покойный владыка Киевский. Но если дело угодно Богу, люди не остановят его. Лучше ли, чтобы

распространялся по России возвещенный в Лондоне печатным объявлением русский перевод Библии, в котором обещают для ясности уничтожить характеристические выражения и слова, как, например, апостол, завет, при каковом направлении конечно и догматы пощажены не будут?»

Это напоминает мнение иных нынешних православных писателей о том, что люди, верующие во Христа и находящиеся в лоне Церкви, но не имеющие духовного звания, не имеют и права писать что-либо на православную тему, касаться личностей православных святых, сочинять книги о духовных подвижниках... Неужели следует ждать, чтобы это, ничтоже сумняшеся, делали авторы, вообще чуждые православию, но четко улавливающие конъюнктуру рынка и готовые писать на любую тему?!

А в мае 1858 года владыка Григорий прислал владыке Филарету проект церемониала освящения Исаакиевского собора, получил от него исправления и все учел с благоговением. Как радостно было Московскому Златоусту, что наконец-то наступила симфония между Москвой и Санкт-Петербургом!

Заслуживает внимания и возникший в 1858 году спор между Филаретом и его духовником. Преподобный Антоний вдруг — и совершенно справедливо! — взбунтовался против того, что одним посетителям в лавре оказывается один прием, другим — другой, третьим — и вовсе по высшему разряду. В общем-то, он был прав, монастырь есть монастырь, сюда люди уходят из мира, спасаются от мирской суеты, а градация приемов гостей что есть такое, как не мирская суета? И сами православные цари должны понимать, что духовенство и монахи хотя и остаются подданными их империи, но в гораздо большей степени являются подданными империи Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа. И являясь во всем блеске в тихие обители, они нарушают безмолвие.

Филарет несколько лукаво, но нельзя не признать, что блестяще, отвечал своему духовнику: «Преподобный Сергей не заботился о принятии гостей, даже и высоких, говорите Вы. Правда. Он был не то, что мы; и гости иначе расположены были; и не те были обычаи, которых нельзя же совсем пренебрегать. Позаботимся, как умеем, от доброго расположения к добрым гостям. Что касается до безмолвия, надеюсь, что Вы и его не лишены и что внешняя молва не много проникает во внутреннюю клетвь. Понести тяготы братии есть дело терпения; а в терпении, думаю, есть зерно безмолвия». И Антонию следовало бы понимать, что сейчас не время поучать императора и его семью, как должно приезжать в монастыри и какого ожидать в них приема, ведь Филарет имел основания опасаться

царской немилости и нового запрета на перевод Священного Писания.

Другой спор возник в том году по поводу «обливанцев» и «погруженцев». Христианская традиция требует во время обряда крещения троекратно и полностью погружать крещаемого в купель. Это символизирует тридневное пребывание Спасителя во гробе накануне великого чуда Его воскресения. И само греческое слово «рйлтюца» означает именно «погружение». Но в Западной церкви завелся обычай упрощения формы таинства, и вместо погружения стали обливать освященной водой. В середине XIX века перекинулось и к нам. Многие недобросовестные батюшки, стремясь облегчить свои пастырские задачи, тоже стали не погружать, а обливать. Возникло недоумение. Константинопольская патриархия выступила с решительным осуждением обливания и даже с требованием считать обливание недействительным крещением. Православные, стоявшие твердо на сохранении устоев, изобрели презрительное слово «обливанец». С одной стороны, они были полностью правы — любое упрощение ведет к дальнейшим упрощениям, сегодня вместо погружения обливают, завтра вообще скажут, что достаточно прочесть молитву, послезавтра сократят чин совершения таинства и т. д., дойдет до того, что станут крестить заочно, а потом и вовсе перестанут крестить, объявят, что Господь и так разберется, кто верующий, а кто нет. С другой стороны, «погруженцы» дошли до того, что требовали признавать «обливанцев» некрещеными, а стало быть, нуждающимися в повторном, правильном крещении. Святитель Филарет, соглашаясь с тем, что нужно соблюдать обычай полного погружения, отстаивал точку зрения, что и «обливанцы» тоже крещены, только с нарушением формы таинства. Перекрещивать их не нужно, а нужно уповать на волю Господню.

К сожалению, спор сей до сих пор не изжит, и во множестве современных православных храмов батюшки допускают недобросовестное отношение к данному вопросу, крестят не полным погружением, а упрощенным обливанием, которое по обычаю допускается только в тех случаях, когда погружение невозможно — например, человек решил покреститься перед смертью и лежит на одре болезни или чем-то болен таким, что не позволяет окунать его. Допускающие обливание священники вводят людей в соблазн, сеют распрю между «погруженцами» и «обливанцами», вместо того чтобы просто дать себе труд до конца исполнить обычай во всех его установлениях.

Императорская семья завела себе обычай в конце лета гостить в Москве и Троице-Сергиевой лавре. Встречая Александра Николаевича и Марию Федоровну в Успенском соборе Кремля 26 августа 1858 года,

Московский Златоуст говорил:

— Благочестивейший государь! За два лета пред сим с радостью видели мы тебя в сей день в твоей царской славе: с радостью и ныне видим тебя среди твоей царской деятельности. Отвне — продолжаешь охранять мир; и в особенности обновляешь мир на Дальнем Востоке; открываешь мирный путь истине Христовой к людям, сидящим во тьме язычества; поставляешь новый, твердый, широкий предел твоего царства на берегах и на водах Амура, и, к удивлению, чего другие державы домогались оружием, того, предваряя их, достигает твое мирное слово. Внутри — подвигаешься о возвышении благоустройства и благоденствия твоего царства. Что значат сии путешествия твои по областям твоего Царства, простертые и до глубокого Севера? — Разумеваем, что ты желаешь знать твое царство не только по сведениям, восходящим к твоему престолу, но и по непосредственным личным наблюдениям, и в сем усматриваем действующую ту царственную истину, что, дабы благонадежно управлять, нужно точно знать управляемое.

16 ноября 1858 года владыка Филарет впервые позволил себе отметить собственный юбилей — пятидесятилетие монашеского пострига. Полвека прошло с того дня, как Василий стал Филаретом. Он принимал поздравления и отвечал на них: «Благодарю, отец наместник, что братолюбно обратили внимание на мое летоисчисление, и притом утверждаясь на письменных доказательствах, о которых я не знал, существуют ли. Долготерпелив Господь. Лет много...»

Зимой смертельно заболел старший лучший друг Филарета — князь Сергей Михайлович Голицын, два месяца перед кончиной он сильно страдал от опухолей. Владыка навещал его часто, сидел рядом, беседовал, и этими беседами умел отвлечь страдальца от нестерпимых болей. 13 февраля 1859 года Сергея Михайловича похоронили. Душа его родилась в мир невидимый. Святитель Филарет проводил друга в последний путь и чувствовал себя сам так плохо, что не поехал в Петербург, где отмечался пятидесятилетний юбилей Духовной академии. Да и не любил он юбилей!

«Я доволен, что не мог ехать. И мысль о юбилее для меня непривлекательна, — признавался он в письме Антонию. — У евреев юбилей был важный закон и в отношении Церкви, и в отношении к гражданскому порядку. Он освобождал впадших в рабство и возвращал заложенные земли. Папы в средние века ввели его в Римскую Церковь, чтобы получать доходы от посещающих Рим и от индульгенций. Почему и зачем юбилей пришел в Духовную академию? А пример одной Академии, вероятно, поведет тем же путем и другую».

Не ездить ему теперь в гости к любезному другу Сергею Михайловичу, не сиживать за чашкой чая у окон, из которых открывается вид на храм Христа Спасителя... Сколько лет уж все строится и строится это величественное сооружение, а не видно в обозримом будущем дня, когда можно будет совершить освящение собора. Он уж и не мечтал дожить до той радости. С внешней стороны храм был уже полностью готов. Со всех концов Первопрестольной издалека сияли его купола, отражались в плавном течении Москвы-реки, а внутри до сих пор не приступили как следует к отделке интерьера. Вроде бы уж и решили отказаться от отделки в стиле классицизма, вняли голосу деятелей Церкви, включая и Филарета, предпочли византийский стиль, но до сих пор не утвердили окончательно проект росписей. Филарет многие годы потратил на борьбу с первоначальным замыслом, по которому нижнюю часть интерьера предлагалось облицевать мрамором, а верхнюю расписать изображениями святых и сценами библейских событий. Это опять-таки была дань классицизму. Московский митрополит решительно противился этому. Еще в 1855 году он писал генерал-губернатору Закревскому: «Зритель, только поднимая голову, может видеть настенные изображения, но в таком положении он долго быть не может. Стоя же в обыкновенном положении, он будет иметь перед глазами только мрамор. Православный, обыкновенно взирая на икону, полагает на себя крестное знамение и молится, но если вместо икон перед глазами его будет только мрамор, то он будет в необычном и неприятном положении. Кроме настенных священных изображений, кроме царских, северных и южных дверей, видны места только для двух икон Спасителя и Божьей Матери близ царских врат. Не видно даже места для храмовой иконы Рождества Христова. Такая скудость икон неудовлетворительна для столь огромного храма. Не только приличным, но и нужным признано быть может, чтобы в мраморе, особенно на восточной стороне по местам, устроены были рамы и в них поставлены были иконы на такой высоте, чтобы удобно доступны были взору предстоящих...»

Мысль о том, чтобы в будущем главном храме Москвы поставить не обычный иконостас, а Кувуклию, родилась у Филарета еще когда только-только отгремела гроза 1812 года, только-только заговорили о создании такого храма. Кувуклия — часовня Гроба Господня в Иерусалимском храме Воскресения, в ней находятся смертное ложе Спасителя и придел Ангела. Идея создания иконостаса в виде часовни сближала Москву с Иерусалимом. И Филарет еще в 1813 году высказал ее обер-прокурору Голицыну. Тогда же он написал родителям в Коломну о том, что открыл

Александр Николаевичу «свои мысли о несовершенстве иконостасов по новейшему образу строения, которые, будучи малы и скудны, противоречат мысли величия, которую должен бы подавать алтарь. Но как здесь не вижу я ни одного иконостаса, в котором бы с огромностию была соединена правильность и красота, соответствующие вкусу нынешнего времени, и который мог бы объяснить и оправдать мою мысль, то желал бы иметь рисунок иконостаса Коломенского собора». Он имел в виду храм Вознесения Господня в Коломне.

С конца XVIII века вошло в моду рассматривать иконостас как архитектурное сооружение, и икона, главное, ради чего ставится иконостас, стала из него вытесняться в угоду архитектурным деталям. Филарет решительно боролся с этим, по его указу был уничтожен один из иконостасов Баженова, в котором иконе вообще почти не оставалось места. Вот что он имел в виду, говоря о «несовершенстве иконостасов по новейшему образу строения». Филаретовский замысел создания иконостаса-часовни, Кувуклии, нашел множество сторонников, и когда началось устройство интерьера в храме Христа Спасителя, иные проекты, кажется, и не рассматривались. Так в главном московском соборе появилось сие уникальное сооружение, по высоте превосходящее на три с половиной метра Успенский собор Кремля. Воистину — храм в храме! И это придумал он — Филарет.

Он же выполнил работу по выбору сюжетов для росписей центральной части собора, с которой должна была начаться отделка всего интерьера.

Автор фундаментальной книги «Храм Христа Спасителя в Москве» Евгения Ивановна Кириченко называет Филарета одним из «идейных творцов программы храма Христа Спасителя». Говоря по-русски, Московский Златоуст — крестный отец этого величественного памятника, воспитатель его проектировщиков и строителей, архитекторов и художников. Каков этот храм, таков и внутренний храм души Филарета. Владыка Филарет из глубин своей души вдохнул душу и в облик, и в интерьер храма.

Другим духовным детищем Филарета стал собор Владимирской иконы Божьей Матери в Спасо-Бородинском монастыре. Он также внимательно следил за его строительством и давал указания, что и как делать. Увы, ни пастырь, ни Маргарита не присутствовали на освящении храма. Душа игуменьи Марии уже отлетела ко Господу, вкусив изрядно земных страданий, а Филарет, как ни мечтал совершить освящение собора, не смог этого сделать, поскольку все лето и осень 1859 года сильно болел, о чем постоянно жалобно оповещал своего духовника Антония в письмах. Болели

зубы, глаза, уши, суставы, пальцы рук и ног, постоянно мучила жажда и сухость во рту. Врач духовной семинарии Владимир Иванович Рахманов ежедневно навещал владыку, и тот отзывался о нем с огромным теплом. Можно было перенести освящение церкви на Бородинском поле до выздоровления, но, видно, владыка чувствовал себя очень плохо: «До весны отлагать освящение Спасо-Бородинской церкви какая польза? Разве могу сказать: отложу я умирать до весны?» В итоге он послал vicария Леонида (Краснопевкова), и 5 сентября тот совершил освящение собора.

А вот во встрече с государем, несмотря на болезнь, московский митрополит не мог себе отказать. 22 августа 1859 года на Москве происходило знаменательное событие — открытие музея «Дом бояр Романовых». По преданию, в этом доме в Зарядье родился основатель династии Романовых — царь Михаил Федорович. С середины XIX века все более возрастал интерес русских людей к старине, к древней архитектуре, появилось само понимание, что необходимо сохранять и реставрировать древние памятники архитектуры. Император Александр Николаевич выкупил у Знаменского монастыря постройки, некогда принадлежавшие роду Романовых, а под руководством придворного архитектора Федора Федоровича Рихтера они были основательно восстановлены и превращены в один из первых московских музеев. Полностью утраченный верхний деревянный этаж достроили в виде теремка с высокой крышей, восстановили крыльцо, в комнатах поставили богатые изразцовые печи, настелили паркет, стены обили дорогой парчой с царскими вензелями. В комнатах разместили серебряную и расписанную эмалями посуду, шитье, женские украшения, сундуки, старинную мебель, стены украсили прекрасными росписями.

Открытие этого музея Московский Златоуст использовал для того, чтобы лишний раз возвестить своей пастве о необходимости помнить и хранить славу русской истории:

— Вот скромный древний дом, который может считать своими потомками великолепные дворцы, и это потому, что в нем обитали благочестие, правда, любовь к Отечеству. Вот невысокие храмины, из которых вышли высокие души. Романовы доблестно действовали для Отечества, великодушно страдали для Отечества, и всеправедный Отец, из Него же всяко отечество на небесех и на земли именуется, судьбами Своими устроил то, что род Романовых привился к древнему роду царей и произвел Отцов Отечества. Сии воспоминания встречать будет каждый сын России, при воззрении на Романовский Дом, и сердце его скажет ему: честь и слава царю, чтущему доблестных предков! Научимся от него и мы чтить

и хранить древнюю доблесть, которую может украсить, но не заменить новый блеск.

К зиме болезнь только усилилась. Вероятно, святитель мог не дожить до своего очередного дня рождения, но миновал кризис, болезнь отступила, а весной, как он сам выразился, «инстинктуальное желание» подсказало ему есть кислые капустные щи; Рахманов разрешил, но без употребления самой капусты, и случилось чудо: «Щи из кислой капусты оказались для меня действительным лекарством». Вернулись вкусовые ощущения, полностью утраченные во время болезни, вернулись силы.

Болезни не позволяли ему только покидать жилье, но работал он по-прежнему много, переписку вел обширнейшую, ежедневно по несколько длиннейших писем, с подробными ответами на все вопросы, считал нужным высказать свое мнение о политических и церковных событиях, продолжал следить за тем, как переводится Священное Писание, спорил по этому поводу с Муравьевым. Находил силы в самый разгар болезни писать Андрею Николаевичу пространный ответ на вопрос о том, как понимать молитву о соединении Церквей, доказывая, что православные обязаны мечтать о дне, когда католики придут к ним и станут тоже православными: «Не стесняйте же христианской любви Православной Церкви, не утверждайте, что она не молится о соединении Римской Церкви».

В свои семьдесят семь он сохранял ясность ума чрезвычайную, и хотя уже редко, но сочинял и произносил свои прекрасные проповеди. Смирился с достижениями прогресса. Смирился с железными дорогами, хотя и называл их «изобретением нетерпеливости человеческой». Дозволил вести железнодорожную ветку к Троице-Сергиевой обители. Смирился и с фотографиями, принимал фотографические изображения икон, храмов и каких-либо святынь и незадолго до кончины даже, наконец, разрешил его самого сфотографировать в полном архиерейском облачении. И этот снимок дивной красоты дошел до нас.

1860 год принес большую радость — вышел в свет русский перевод Четвероевангелия. Под ведением Филарета продолжались переводы остальных книг Библии. Борьба была не напрасной, и в итоге победителями вышли обе противоборствующие стороны. Переводы выходили с параллельными текстами на старославянском языке. Так и надо было сделать. Это наилучшее решение. Старославянский текст непередаваемо поэтичен, но наполовину непонятен тому, кто не изучал древний язык русичей. Перевод понятен, но как ни старайся, в нем все-таки что-то теряется неуловимое, трепетное, глубинное...

Летом 1860 года владыка вновь на ногах, вновь ездил по своей

епархии, освящал Успенский храм в селе Горбунове, ехал в Угрешский монастырь, где освящал больничную церковь... Тогда стояла страшная засуха — он совершал молебен о дожде, и дождь обрушился на Москву после семнадцати дней испепеляющей жары.

Тем же летом в Сирии арабы-мусульмане устроили чудовищную резню арабов-христиан. Филарет тотчас организовал сбор средств и в течение месяца собрал восемнадцать тысяч рублей, которые были отправлены в помощь пострадавшим. Синод для той же цели выделил пять тысяч.

В праздник Успения Божьей Матери в Успенском соборе Кремля митрополит Московский вновь приветствовал государя императора, коего венчал на царство:

— Благословенно твое благоволение к твоей древней столице. Благословенно твое благоговение к ее древней святыне. Единение царя и народа в истинной вере есть животворный источник их государственного единства и силы. Воздвигший тебя от благословенного корени царей, помазавший тебя свыше и поставивший тебя защитником Церкви Своей, да споспешествует всегда тебе, и в сохранении мира ее в отечестве нашем, и в восстановлении разрушенного мира ее за пределами оною, и все царственные дела твои да благоуправит к истинному и неколебимому благоденствию всех верноподданных.

На сей раз при Александре II был наследник цесаревич Николай, вступивший в свое совершеннолетие. После литургии царь принимал митрополита в своем кабинете в Большом Кремлевском дворце, а затем, во время праздничного обеда, усадил его за столом между собой и старшим сыном, всячески угождал, угощал. «Прожил я вчерашний день не без труда, но с удовольствием», — писал Филарет Антонию. А на другой день наследник навел его на Троицком подворье.

В сентябре владыка посетил Троице-Сергиеву лавру, где состоялось торжественное освящение храма Святого праведного Филарета Милостивого в Гефсиманском ските. Совершив его, Московский Златоуст произнес задушевную и красочную речь:

— Место, где мы теперь находимся, в продолжении шестидесяти лет знаю, как очевидец: и сверх того, когда пришел я сюда в первый год текущего столетия, встретил здесь ясные следы и воспоминания прошедшего столетия. Да не покажется то праздным словом, если возобновлю теперь некоторые из сих воспоминаний. Это будет не мимо нынешнего праздника. Здесь был дом изящного зодчества, который устройством своим показывал, что он назначен был не для постоянного

жительства, а только для летних увеселительных посещений. Здесь был сад, в котором растительная природа слишком много страдала от искусства, ухищрявшегося дать ей образы, ей несродные. Для чего это сделала обитель монашествующих? Как взирал на сие преподобный Сергей, любитель простоты, и никак не любитель роскоши и чувственных удовольствий? Как допустил он сие в своей области, так близко к нему? Во-первых, думаю, он снисходительно смотрел на дело потому, что имел в виду намерение, которым или оправдывалось, или извинялось дело. Урочище сие было украшено для царских посещений. Тогда как высота царская смирялась пред смирением святого; тогда как благоговение меньших сынов преподобного Сергея соединялось с благоговением державных, в молитве о спасении душ их и о благе царства их; верноподданническая любовь желала проявить себя и в том, чтобы представить царским взорам некие черты обычного для них благолепия и великолепия. Во-вторых, преподобный Сергей без прещения допускал, чтобы в области его являлись некоторые виды мирского великолепия, думаю потому, что смотрел на них, как на пробегающую тень; и, как таинник провидения Божия, предоставлял себе в последствии времени открыть здесь иные, духу его свойственные виды. Внешние обстоятельства Сергиевой лавры изменяются. Ее древнее достояние возьмется от нее, и чрез то снимаются с нее многие мирские обязанности и заботы. Прежнее великолепие становится не нужным, так как и не возможным. Здешний царский дом и сад делаются местом скромного отдохновения наставников и учеников духовного училища, которое лавра основала в своих стенах, на своем иждивении, во дни своего изобилия. По времени увеселительного дома не стало: сад, уступленный искусством природе, обратился в лес. Таким образом преподобный Сергей достиг того, что упразднилось здесь мирское, допущенное на время; и, как бы желая вознаградить себя за сие допущение, благоизволил, чтобы здесь водворилось духовное. Родилась мысль, в уединении сего урочища устроить малый храм, при котором поселились бы несколько братьев, особенно расположенных к безмолвию и к более строгому отречению от своих желаний и собственности, и в котором, сверх обычных молитвословий и тайнодействий, псалтирь Давидова день и ночь издавала бы свои святые и освящающие звуки, сопровождаемые молитвою о мире и благе Церкви, царя, Отечества, великой обители и благотворящих ей... Наконец, не должен ли я особенно взять во внимание то, что покровителем храма сего избрали вы праведного Филарета, моего покровителя? Без сомнения, должен. Усвояя ему сей храм, и его сему храму, конечно любовь ваша желала, чтобы он умножил о мне

свои молитвы, много мне благопотребные: благодарю любовь вашу.

Глава двадцать шестая

БЕЛЫЙ АНГЕЛ

1861–1867

Конец пятидесятих годов XIX века — время подготовки в России отмены крепостного права, и в этой подготовке были задействованы все лучшие умы государства, включая митрополита Филарета Московского. Он — один из тех, с кем важно было посоветоваться, и к нему обращались за советом при каждом новом изменении проекта реформы.

Учрежденный 3 января 1857 года десятый по счету Комитет по крестьянскому делу через полгода представил первый официальный проект реформы. 20 ноября 1857 года император издал и разослал всем губернаторам рескрипт, в котором изложил правительственную программу. Предусматривалось уничтожение личной зависимости крестьян при сохранении всей земли в собственности помещиков, предоставление крестьянам определенного количества земли, за которую они обязаны будут платить оброк или отбывать барщину, и со временем — права выкупа крестьянских усадеб, состоящих из жилого дома и хозяйственных построек. Юридическая зависимость уничтожалась не сразу, а только по истечении переходного двенадцатилетнего периода. В 1858 году для подготовки крестьянских реформ были образованы губернские комитеты, в них развернулась борьба за меры и формы уступок между либеральными и реакционными помещиками. Вместо негласного комитета создан был Главный комитет по крестьянскому делу. Он выработал новую программу, утвержденную императором 21 апреля 1858 года и предусматривавшую не упразднение крепостной зависимости, а лишь ее смягчение. Но 4 декабря 1858 года была принята другая программа Крестьянской реформы, выработанная генерал-адъютантом Яковом Ивановичем Ростовцевым и предполагавшая получение крестьянами личной свободы, обеспечение крестьян наделами земли в постоянное пользование с правом выкупа по предоставленным правительством кредитам, утверждение переходного «срочнообязанного» состояния.

После смерти Ростовцева в 1860 году бразды правления при подготовке реформы взял в свои руки граф Виктор Никитич Панин. Образованнейший человек, он слыл консерватором и крепостником и действительно, возглавив редакционные комиссии по проведению

реформы, добился уменьшения наделов и увеличения повинностей будущих освобожденных крестьян.

В октябре 1860 года готовый проект реформы рассматривался в Главном комитете по крестьянскому делу. Один из его списков попал на стол митрополиту Филарету. Ознакомившись с ним, он высказал свои замечания. В частности, в письме преподобному Антонию от 4 декабря 1860 года он писал, что ему не нравится мысль о том, чтобы прежде объявления правил об освобождении крестьян с ними были ознакомлены священники «для приготовления прихожан к пониманию оных», он жалуется на многосложность представленного проекта, опасается, что большинство священников не поймут многого и станут худо растолковывать прихожанам суть реформы. «Например, в правилах положено дать крестьянам *самоуправление*. Поймет ли сие с точностью священник? И если, хотя неточно, поймет, поймет ли сие крестьянин?» Кроме того, он опасался, что «священник, став посредником между начальством и крестьянами, подвергнется опасности с обеих сторон». Опасения его были не напрасны. Деятели реформы хотели несколько оградить себя от возможных недоумений, и в случае, если бы возникли в крестьянской среде волнения, можно было бы свалить часть вины на попов — мол, плохо растолковали суть реформы своим прихожанам!

Окончательная разработка манифеста об отмене крепостного права была возложена на Самарина и Милютина. Юрий Федорович Самарин, один из талантливейших представителей славянофильства, ученик Хомякова, доказывавший, что в православии сливаются отсутствующее в католицизме единство свободы и отсутствующее в протестантизме единство общности, при этом высоко ценил достижения западной цивилизации и мог найти золотую середину, в частности, и в крестьянском вопросе. Его сверстник Николай Алексеевич Милютин являлся также и его единомышленником. Так что выбор этих двух деятелей реформы в качестве создателей манифеста был сделан царем правильно.

Новый, 1861 год владыка Филарет снова встречал на одре болезни. «Простуженная рука мешает писать, тогда как это всего нужнее». А на него тем временем свалилась работа высочайшей государственной важности — прислали написанный Самариним и Милютиным манифест с требованием отредактировать его по своему усмотрению. Император оказывал владыке полное доверие и намеревался опубликовать сей документ только после его редактуры. Панин сопровождал текст манифеста собственным письмом, в коем с благоговением обращался к святителю Филарету: «Государь полагается совершенно на высокий дар красноречия вашего

высокопреосвященства и на ревностное усердие ваше к делу, столь важному для Отечества, столь близкому к сердцу первого пастыря нашей Церкви. Руководимый сими чувствами и сим доверием, государь представляет вашему высокопреосвященству сделать все те изменения или прибавления, кои бы вы признали соответствующими чувствам его величества и собственно вашим, для лучшего успеха в достижении положенной цели».

Весь конец января в Троицком подворье Московский Златоуст работал над окончательным вариантом манифеста. Перечитывал, обдумывал. Разделил на три части и в течение трех суток полностью все переписал. Наконец закончил и 5 февраля отправил манифест государю в Петербург, приписав, что «в исполнение поручения его ввело верноподданническое повиновение, а не сознание удовлетворить требованию». Грядущая реформа пугала его. Не случайно среди прочих исправлений им были вычеркнуты слова «в сей радостный для нас и для всех верноподданных наших день». Он говорил, что ожидаемому новшеству «радуются люди теоретического прогресса, но многие благонамеренные люди ожидают оно с недоумением, предусматривая затруднения». А за три дня до подписания манифеста Филарет с волнением произнес:

— Господи, спаси царя и пощади всех нас.

Антонию он написал: «Теперь из Петербурга пишут об опасениях и, между прочим, что первый удар падет на высшее духовенство, монастыри, церкви».

19 февраля 1861 года в Петербурге император Александр II подписал отредактированный Филаретом манифест «О всемилостивейшем даровании крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей» и Положение о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости, состоявшее из семнадцати законодательных актов. Земля полнилась слухами и тревогами. «Говорят, что в Государственном Совете, — писал в те дни Филарет, — было большинство голосов в пользу малого надела земли крестьянам; но утверждено мнение меньшинства в пользу большего надела. Готовятся к объявлению. Оскудение, надолго или ненадолго, кажется, неизбежно. Да спасет Господь от большего нестроения».

Наступило 5 марта 1861 года, Прощеное воскресенье. После совершения литургии в Успенском соборе Кремля манифест был объявлен народу. В тот же день — в других городах Российской империи...

Реформа 1861 года, как известно, вызвала ряд крестьянских выступлений по всей России. Думается, однако, что участие лучших умов

государства, включая митрополита Филарета, в разработке документов реформы все же содействовало более мягкому прохождению вводимых государством изменений.

Свое отношение к происшедшему сам Филарет выразил в возвышенной приветственной речи царю 18 мая 1861 года, обращаясь к Александру в преддверии Успенского собора:

— Благочестивейший Государь! Приветствуем тебя в седьмое лето твоего царствования. У древнего народа Божия седьмое лето было летом законного отпущения из рабства (Исх. XXI. 2). У нас не было рабства, в полном значении сего слова: была однако крепкая наследственная зависимость части народа от частных владельцев. С наступлением твоего седьмого лета ты изрек отпущение. Обыкновеннее сильные земли любят искать удовольствия и славы в том, чтобы покорить и наложить иго. Твое желание и утешение — облегчить твоему народу древние бремена и возвысить меру свободы, огражденной законом. Сочувствовало тебе сословие благородных владельцев; и в добровольную жертву сему сочувствию принесло значительную часть своих прав. И вот более двадцати миллионов душ обязаны тебе благодарностью за новые права, за новую долю свободы. Молим Бога, чтобы добрый дар был разумно употреблен; чтобы ревность к общему благу, справедливость и доброжелательство готовы были всюду для разрешения затруднений, иногда неизбежных при новости дела; чтобы получившие новые права из благодарности порадели уступившим древние права, чтобы приятная мысль о труде свободном сделала труд более прилежным и производительным, к умножению частного и общего благоденствия; да будет твоя к твоему народу любовь увенчана неувядающею радостью под осенением Провидения, благодатно простираемым, вместе с тобою, над совенчанною тебе твоею супругою и твоими благословенными чадами.

Со дня опубликования манифеста прошло почти три месяца. За это время случилось лишь одно сильное волнение — в селе Бездна Казанской губернии. Там молодой грамотный крестьянин Антон Петров вдруг решил сделаться главой восстания и заявил, будто он читал подлинный текст царского манифеста, в котором говорится о полной и безграничной воле крестьян и об их праве не выполнять никаких распоряжений помещиков. Он утверждал, что помещики и чиновники скрыли от народа подлинный текст манифеста, заменив его собственным. Крестьяне стали требовать оглашения «настоящей воли», возмутились, и бунт, охвативший несколько уездов Казанской губернии, пришлось подавлять силой, и в итоге девяносто человек были убиты и умерли от ран, более трех с половиной

сотен ранены. В числе погибших оказался и сам Антон Петров. Герцен в Лондоне зазвонил в свой «Колокол»: «О, если б слова мои могли дойти до тебя, труженик и страдалец земли русской!., как я научил бы тебя презирать твоих духовных пастырей, поставленных над тобой петербургским синодом и немецким царем... Ты ненавидишь помещика, ненавидишь подьячего, боишься их — и совершенно прав; но веришь еще в царя и архиерея... не верь им. Царь с ними, и они его. Его ты видишь теперь, ты, отец убитого юноши в Бездне, ты, сын убитого отца в Пензе... Твои пастыри — темные как ты, бедные как ты... Таков был пострадавший за тебя в Казани иной Антоний (не епископ Антоний, а Антон безднинский)... Тела твоих святителей не сделают сорока восьми чудес, молитва к ним не вылечит от зубной боли; но живая память об них может совершить одно чудо — твое освобождение». Все русские либералы пророчествовали о новой пугачевщине, ждали и призывали ее, но «всероссийского бунта» не произошло, и теперь можно было спокойнее говорить о пользе проводимой реформы и менее опасаться потрясений.

21 мая 1861 года митрополиту Филарету всемилостивейше пожалована была золотая медаль, установленная за труды по крестьянскому делу. На аверсе этой награды изображен профиль Александра II, над ним надпись «Благодарю», под ним число «19 февраля 1861 года», на реверсе надпись «За труды по освобождению крестьян». Носилась она на Александровской ленте, золотых медалей было отчеканено две с половиной сотни, серебряных — полторы тысячи, но награжденных было меньше, чем медалей. А 6 июня император пожаловал владыке наперсный крест, украшенный драгоценными камнями, тем самым еще более подчеркнув заслуги московского митрополита в подготовке крестьянских преобразований.

К лету святитель Филарет уже гораздо меньше заботился о проводимых в стране реформах. С июля он много внимания уделял предстоящему прославлению святителя Тихона Задонского, изучал многие материалы, подготовленные к его канонизации, редактировал присланное ему житие святителя и службу, сократил один из двух тропарей. 13 августа произошло прославление святителя Тихона. Филарета приглашали, но он снова болел и не в состоянии был никуда ехать из Москвы. Митрополит Новгородский и Петербургский Исидор (Никольский) присутствовал при этом событии и, приехав в Москву, подробно рассказал Филарету, о чем тот в свою очередь писал Антонию: «Утешительно было сказание владыки об открытии мощей святителя Тихона. Когда на всеобщей пред величием открыли раку, в переполненной народом церкви сделалась такая тишина

благоговения, что летящую муху можно было бы слышать. Много было исцелений. — Да помолится святитель об исцелении России». И в другом письме: «Он сказывал, что были получившие зрение, даже слепые от рождения, и получившие слово. Одного скорченного так, что ноги приведены были к затылку, когда приложили к святым мощам, он распрямился и стал на ноги».

Новый петербургский архиерей Исидор, ровесник Пушкина, был на семнадцать лет моложе Филарета и весьма почитал его, во всем стараясь быть подобным Московскому Златоусту. Господь воздал за это — Исидор прожил долгую и счастливую жизнь, скончался в возрасте девяноста двух лет и возглавлял петербургскую кафедру тридцать два года.

Лето 1861 года вновь было засушливым и необычно жарким, и митрополит Московский неожиданно открыл для себя напиток, приносивший ему и прибавление сил, и утоление жажды, — пиво. Он даже написал об этом своему духовнику и получил от Антония благословение. «Благодарю и за пиво, хотя это и стыдно, — написал Филарет в лавру. — Мне приходило на мысль попросить у Вас немного, потому что оно мне казалось по вкусу и по требованию природы; но посоветился прибавлять еще прихоть ко многим моим прихотям. Теперь буду употреблять, как полученное с благословением».

Близился закат его жизни. Он уже редко сам читал свои проповеди, чаще посылал кого-либо, кто прочитал бы написанное им. Самое время уйти бы на покой, поселиться в Гефсиманском скиту и в уединении и покое ждать непостыдной и мирной кончины живота своего. Но сил еще хватало на очень многое, и он оставался при своих делах, по-прежнему много переписывался, вникал во все дела, был в курсе всех внешнеполитических и внутренних событий, много, очень много читал, видел, как все хуже и хуже печатаемое в России: «Если хотя за один год взять все худое из светских журналов и соединить, то будет такой смрад, против которого трудно найти довольно ладана, чтобы заглушить оный. Надобно по частям взять нездоровое и предлагать врачевство. Говорю о сем собратиям, но язык нововводителей скорее движется, нежели язык охранителей». Реакционностью Филарета и таких, как он, еще держалось здание миропорядка, человеколюбия, целомудренности, чести и величия России. Он уповал на цензуру, что она еще какое-то время будет сдерживать поток безумства, бесчиния и беспорядка, который с каждым годом становился все сильнее. «В Отечестве нашем, — писал митрополит Филарет обер-прокурору Толстому, — существует цензура, — учреждение, в котором есть доброта, какой нет в неограниченной свободе книгопечатания. При

отсутствии цензуры вредная книга издается и производит вред в обществе; потом ее сочинитель и издатель страдают от суда. При разумной и благонамеренной цензуре вредная книга не допускается до издания и, следовательно, не допускается до общества вред, а сочинитель безопасен от суда и наказания».

Цензура была введена в России с распространением книгопечатания еще в 1720 году Петром I. В XIX веке существовало входившее в Министерство народного просвещения Главное управление цензуры. Александр II, продолжая свои реформы, упразднил его, передав функции цензуры в Министерство внутренних дел.

Новшество при Александре II было много. Какие-то огорчали Филарета, другие — радовали. Не могла не тревожить идея передачи сельских школ из ведомства духовной власти в ведомство власти светской, проводимая новым министром просвещения Александром Васильевичем Головинным, сыном знаменитого флотоводца. А вот сокращение церковной службы за счет перечисления всего царствующего дома он одобрил. Это, собственно говоря, была и его идея, ее он высказывал предыдущим государям. «В древних изданиях греческих в великой ектений сказано только: о *благочестивейших и богохранимых царех наших*. Не предписано даже имя царя произносить. А о царском семействе и намека нет».

Ослабление государственных строгостей давало и добрые плоды, и худые. Всюду безбожники поднимали голову. В Петербурге толпа молодых озорников ввалилась в церковь, выкрала священный сосуд для причастия и распивала из него шампанское. Образовалось общество «Земля и воля», поставившее себе целью все неудачи, которые потерпит Крестьянская реформа, использовать для пропаганды революции. В Москве, у самых стен Кремля, революционеры навзрыд кричали о страданиях народа и о том, что церковники жиреют, указывали на обилие золота в храмах, призывали не ходить в церковь, а если и ходить, то чтобы бить попов и забирать себе церковные драгоценности. Тревожась о будущем России и Церкви, митрополит Филарет узнавал о все новых и новых случаях подобных умопомрачений.

В феврале 1862 года граф Александр Петрович Толстой ушел с поста обер-прокурора Святейшего синода. Новым руководителем Русской православной церкви стал сорокапятилетний Алексей Петрович Ахматов. По его просьбе Филарет написал подробнейшую записку о состоянии церковной собственности в настоящий момент. Новый обер-прокурор в большей степени являлся единомышленником Филарета, в том числе и в отношении переводов Библии, и владыка писал о нем, что он «подает

благую надежду, что будет пецися о благе Церкви в ее соприкосновении с государством».

В конце мая 1862 года в Петербурге случился один из самых страшных пожаров за историю города. Огонь пожирал один квартал за другим. Десятки тысяч пострадавших, небывалый ущерб. Святитель Филарет организовал сбор средств от Московской епархии в пользу погорельцев. Было собрано более десяти тысяч рублей, и за это он получил благодарность от царицы.

26 декабря 1862 года владыке Филарету исполнилось восемьдесят лет. И вновь нигде никаких упоминаний о юбилее. О чем же он пишет в эти юбилейные дни, скажем, своему неизменному и почти ежедневному адресату Антонию? «Представление о водопроводе я утвердил. Но еще прошу тщательно осмотреться. Я посылая на Сухареву башню смотреть тамошнее водохранилище. По углам палаты есть сырость; а весной и осенью, говорят, и все стены покрываются водою. Красная башня не так толста стенами, как Сухарева: не будет ли больше сыра? И не будет ли промерзать, и вода в ней замерзать?» Это одно из многочисленных указаний по поводу хозяйственных дел Троице-Сергиевой лавры, которую он, любя безмерно, продолжал и продолжал обустривать вместе со своим другом и духовником. Письма Филарета Антонию на треть заполнены подобными указаниями. «Писали Вы о печи для Троицкого собора. Под северным притвором, кажется, менее удобно устроить ее, нежели под южным углом трапезы, где, кажется, она и теперь. Здесь есть готовое место и вход. Может быть, нужно будет только углубиться в землю». «Нельзя ли теперь положить трубу, которая вела бы воду к Успенскому колодезю, не давая ей разливаться к собору? Воду другого худого пруда желательнее было бы, сколько можно, истребить». «Дома, которые внутри границы лаврской площади, должны быть снесены; или, если их владельцы хотят некоторое время жить на том же месте, то должны землю под ними взять у Лавры по контракту на аренду на срок». И так далее и тому подобное. Живя в Москве, святитель всегда знал, что там и как в обители аввы Сергия. Душой он был там и всегда сетовал на невозможность приехать: «Очень желаю в Лавру, но трудно освободиться от уз дел. Для ежедневных едва достает времени, а нужно разобрать многие, вступившие прежде».

Он вообще не был равнодушен ко всему устройению мира, не только в его основных составляющих, но и в разного рода вещах, кажущихся иному мелочами. К примеру, терпеть не мог не только сам театр, но и рукоплескания, свойственный театру способ выражения удовольствия, одобрения или восторга. Аплодисменты, известные еще в Древнем Риме,

вошли в моду в России лишь в конце XVIII века. Во времена Филарета рукоплескали исключительно в театрах и очень редко в аудиториях — часто выступающий ученый или политик мог оскорбиться: «Я вам не актер!» Однажды Филарет разрешил лучшим певчим участвовать в светских концертах, исполняя духовное пение, но узнав, что им при этом рукоплещут, в дальнейшем запретил подобное участие певчих в концертах.

Приходилось ему бороться и с такими «мелочами», как изображение Христа и Богородицы, а также ангелов или креста Господня на табакерках. Ведь кощунство? Кощунство.

И уж конечно же он был дотошен в вопросах церковного устройства, следил, чтобы все совершалось безукоризненно. Давал, к примеру, указания о том, чтобы во время причастия держащий пелену (платок, которым утирают губы причастнику) следил, чтобы причастник проглотил причастие прежде, нежели отойдет от пелены. Многим причастникам знакомо чувство, когда хочется некоторое время с благоговением подержать святыню во рту, прежде чем проглотить. А это неправильно, ибо причастие — не еда. Кроме того, безверие продолжало распространяться, и бывали случаи, когда богохульники выплевывали Святые Дары, едва отойдя от храма, а то и от чаши! Если причастие или хотя бы малая его доля упадет на пол, Филарет предписывал вынуть из пола камень и погрузить его на дно реки там, «где не будет попирать его никакая нога».

Пришлось ему участвовать в антиправительственном выступлении против намерения ввести в пользу Церкви налог на вино. Митрополит горячо доказывал, «что неприлично такой грязный доход назначать в пользу Церкви. И подлинно это походит на *цену пещию*, которую запрещено было приносить в дом Божий. Притом государство само так нуждается, что уже начинает жить на счет Церкви, как показывает налог на церковные дома и земли. Пусть бы оно для себя увеличило цену пьянства».

В Москве создано Общество любителей духовного просвещения — организация, которая в дальнейшем сделала очень многое для изучения православной культуры, церковного искусства и быта. Филарета избрали попечителем. Понимая, что у него не будет ни сил, ни времени заниматься еще и этим предприятием, он все же не отказался от попечительства: «Что скажу в ответ на сие избрание? — Уже не время мне обещать вам удовлетворительную, в отношении к вашему Обществу деятельность; и потому, может быть, справедливо было бы отказаться от вашего избрания. Однако не отказываюсь потому, что не могу по сердцу оставаться в отношении к вам чуждым. По мере сил и возможности будем пещись об общем деле и друг о друге».

Внимательнейшим образом до конца жизни святитель Филарет следил за всеми историческими событиями, современником коих ему довелось быть. В январе 1863 года снова вспыхнуло восстание в Польше. Филарет в Москве жадно изучал все поступающие новости: «Горьки, если верны, польские вести». Поводов к возмущению не было. Начало очередного рекрутского набора и массовое уклонение от него поляков стали не поводом, а сигналом к восстанию, которое подготавливалось уже давно, и на протяжении нескольких лет русские получали письма с угрозами, срывались вывески на русском языке, чудовищно осквернялись православные кладбища, а главное, тайно готовилась программа вооруженных действий. Причина оставалась все та же — нежелание большинства поляков жить в составе Российской империи при нежелании русского правительства дать независимость стране, где продолжали мечтать о возврате русских земель, некогда принадлежавших Речи Посполитой.

Встал вопрос о поддержке политики России в Польше со стороны духовенства. Неожиданно Филарет выступил против таких официальных заявлений, ссылаясь на то, что даже в тех странах, где Церковь более сближена с государством, и то не делается ничего подобного. «Трудно слову церковному вступить в политическую сферу, не соступя с поприща духовного, — писал Филарет Антонию в самый разгар Польского восстания. — Но, вступивши на сей путь однажды, окажется некоторая необходимость продолжить идти по нем, и могут даже повлечь, куда неудобно следовать. В войну 1806 или 1807 годов Св. Синод, думая сильно поддержать правительство, назвал Наполеона антихристом; а потом с антихристом заключили мир. Адрес Св. Синода был бы выступ из ряда, потому что и Государственный Совет и Сенат не пишут адресов». Однако в личной переписке Филарет полностью поддержал императора в польском вопросе. А 8 августа 1863 года, встречая Александра II у входа в Успенский собор Кремля, Филарет обратился к нему с речью, которую любой либерал и сторонник Польши имеет полное право назвать самодержавно-реакционной, а то и милитаристской:

— Благочестивейший государь! Пред лицом Бога мира (Евр. XIII. 20) тебя приветствуя, по долгу и по сердцу, призываем свыше мир твоему духу, озабоченному царственными попечениями, твоему дому и твоему царству. Но Бог мира именуется Себя также Богом воинств и Богом народа, усвоенного ему верою. Мир твоего народа нарушен нестроениями, происходящими на одном из пределов твоего великого царства, в малом народе, который уже не однажды был осужден за его нестроения, который

существует в качестве царства только по милости твоих предшественников и который за твои умноженные к нему милости воздаст неблагодарностью, мятежом, крамолами. И, что всего неожиданнее, из некоторых стран, даже несопредельных нам, слышится голос, будто для их спокойствия это гнездо беспокойств надобно укрепить и расширить. Оскорблена твоя правда и благость! Оскорблено достоинство России! Любовь к Отечеству, верность престолу могут ли при сем быть равнодушны? И потому дух сынов России воздвигается и отовсюду взывает к тебе, представляя готовность всего народа на защиту правды. Дух сынов веры воздвигается и взывает к Богу православной России, к Богу правды, да изведет, яко свет, правду твою и России, и судьбу твою с нею...

Польское восстание продолжалось более года, к маю 1864 года оно было подавлено. Вопреки ожиданиям руководителей мятежа ни одно европейское государство не поддержало их. В итоге Польша лишилась главных атрибутов автономии, строгости были наведены такие, каких не было и при Николае I. Началась русификация, в людных местах запрещалось говорить по-польски, шляхта не имела права устраивать сборища даже по поводу семейных праздников. Тысячи причастных к восстанию поляков были сосланы в Сибирь, где появились целые польские поселения. Из таких семей переселенцев выйдут Дмитрий Шостакович и Александр Грин.

Зато польское крестьянство, которое в своей основной массе не поддержало мятежников, получило гораздо больше прав в соответствии с продолжавшейся реформой, нежели крестьянство на всей остальной территории Российской империи.

Известия о польских событиях Филарет получал, можно сказать, из первых рук — от своего старого друга Андрея Николаевича Муравьева, ведь тот был родным братом генерала Михаила Николаевича Муравьева-Виленского, непосредственно руководившего подавлением мятежа в Польше. Европейская печать прозвала его людоедом. Удивительно, но к мнению европейцев присоединился внук великого Суворова — светлейший князь Александр Аркадьевич, тогдашний петербургский военный генерал-губернатор! Он не только назвал Муравьева-Виленского людоедом, но и приказал не устраивать никаких почестей Михаилу Николаевичу при его приезде в Петербург. Даже около дома «душителя польских свобод» были выставлены полицейские, чтобы те не пускали кого-либо с подарками и приветствиями. Тем не менее, как отметил в одном из своих писем Филарет, «Михаил Николаевич приехал в Петербург больной, и гвардейскими офицерами, с восклицаниями «Ура!» вынесен из вагона на

стуле, вопреки запрещению петербургского генерал-губернатора, который также запретил купцам поднести хлеб-соль и к дому Михаила Николаевича послал городских служителей, чтобы не собрался народ встретить его. Не скажете ли: невероятно?».

Таким же жгучим реакционером, как возмущенный сим фактом Филарет, оставался и Федор Иванович Тютчев, написавший внуку Суворова стихотворный памфлет:

*Гуманный внук воинственного деда,
Простите нам, наш симпатичный князь,
Что русского честим мы людоеда,
Мы, русские, Европы не спросясь!..*

*Как извинить пред вами эту смелость?
Как оправдать сочувствие к тому,
Кто отстоял и спас России целость,
Всем жертвуя призванью своему?*

*Кто всю ответственность, весь труд и бремя
Взял на себя в отчаянной борьбе —
И бедное, замученное племя,
Воздвигнув к жизни, вынес на себе?..*

*Кто, избранный для всех крамол мишенью,
Стал и стоит, спокоен, невредим —
Назло врагам — их лжи и озлобленью,
Назло — увы — и пошlostям родным.*

*Так будь и нам позорною уликой
Письмо к нему от нас, его друзей!
Но нам сдается, князь, ваш дед великий
Его скрепил бы подписью своей.*

Не зря, не зря советский агитпроп вычеркивал Тютчева из школьных учебников! Тот еще был защитник самодержавия Федор Иванович!

Пленение Шамиля и покорение Кавказа, усмирение Польши... Теперь Александр II приступил к завоеванию Средней Азии, отряды генерала Михаила Григорьевича Черняева выступили против Кокандского ханства.

В августе 1864 года Филарет вновь приветствовал государя в преддверии Успенского собора, и на сей раз — как триумфатора:

— Благочестивейший государь! В предшествовавшее настоящему посещению твое, приветствуя тебя здесь, мы желали твоей державе мира и — победы, если потребуется брань. При помощи Божией, ты сохранял мир, и в мире одержал победу над сильными противниками, которые повели было войну, хотя не мечом, но словом и письмом, вызывающим меч. Остры и многочисленны были стрелы, но не пробили твоего щита, ибо твоим щитом была твердость в правде. Потом, верностью и мужеством твоего народа, ты низложил в землю и на нашей земле возникшую брань от людей, недостойных чести называться врагами, потому что они воевали крамолами и злодеяниями. Наконец, твоему царствованию даровано Провидением победоносно окончить вековую войну, крепко, но без окончательного успеха веденную твоими предшественниками, и ты умиротворил обширный край кавказский, который казался вечною отчизною войны. И так приветствуем тебя миром, не только желанным и ожидаемым, но и обладаемым. Бог мира да благословит вождельными успехами твои подвиги для мира внутреннего, — для охранения и возвышения благочестиво-нравственного и нравственно-гражданского устройства твоего народа. И с сим вместе да продолжит Отец небесный и умножит свои благословения над твоим благословенным семейством, дабы в семейных утешениях ты находил облегчение от трудов царственных.

Он не зря говорил о семейных утешениях, поскольку упорно ходили слухи, что царь охладел к царице, и митрополит желал своим словом вновь связать распадающуюся августейшую семью. Увы, ему это не удастся. В мае 1866 года государь вновь встретится с Екатериной Долгоруковой, и она станет его возлюбленной, а после смерти императрицы — и женой.

Горестно наблюдал святитель Филарет продолжающееся падение нравов в русском обществе, распространение «безверной и безнравственной литературы», выплеснувшейся на читательские прилавки после цензурного ослабления, взывал к Синоду и государю принять охранительные меры. Но у царя, как и у нынешних наших правителей, не хватало времени следить еще и за литературой. После Крестьянской начиналась грандиозная Военная реформа, Россия должна была встать на один уровень военной развитости с другими государствами Европы.

1865 год принес горе в царскую семью. 12 апреля в Ницце от воспаления спинного мозга скончался наследник цесаревич Николай Александрович. Филарет счел своим долгом отправить скорбящему родителю утешительное письмо: «Для чего из благолепного сада внезапно

унесено младое древо, тщательно выращенное, уже готовое к плодоношению, обещавшее вожделенные плоды? Для чего невидимая рука угасила светлые надежды, которые должны были обеспечивать продолжение света для будущего России? Неужели не услышаны молитвы благочестивейших родителей о своем первенце, молитвы верного народа?

Не дадут на сие собственного ответа ни испытующая мысль, ни оставленное самому себе чувство скорби.

Успокоительное разрешение сих дум да ищется лучше в священном слове истины: Кто познал ум Господень? Как непостижимы судьбы Его и неисследимы пути Его (Рим. XI, 33, 34). Но при сей непостижимости, несомненно известно, что все пути Господни — милость и истина к хранящим завет Его (Пс. XXIV, 10).

Посему несомненно, что верен Господь и в услышании молитвы. Он услышал ее, принял и исполнил, только не по мысли родительской и отечественной любви, которая желала удержать благоверного царевича для трудных в трудные времена подвигов земного царства, но исполнила по разумению Своего Божественного ума, который предзрел, как лучшее, то, чтобы скоро призвать его в Царство Небесное. Премудрость и любовь Господня присутствовали при сем решении».

Неведомо, каким был бы государем старший сын Александра II, зато ведомо, что в лице Александра III, ставшего императором в результате смерти своего брата, Россия обрела великого государя, подлинного хозяина, подарившего ей тринадцать с половиной лет счастья, мира, процветания, могущества и спокойствия.

Но в те дни все искренне оплакивали безвременно угасшего наследника престола, чистого, порядочного, красивого юношу, доброго христианина, коего митрополит Филарет видел в будущем истинно православным царем.

Летом того года святитель сам был почти при смерти. Он приехал в лавру, там сильно заболел и прожил, находясь на одре болезни, с июня до середины октября в Гефсиманском скиту, который и строился-то им для того, чтобы проводить здесь тихие и мирные дни своего заката. Впервые он не встречал августейшую семью во дни очередного визита в Москву, а лишь послал свое приветствие в письменном виде: «...по милости Божией, мне еще оставлено утешение — из глубины пустыни простираться к Тебе слово благоговейного сочувствия и из глубины сердца вознести ко Вседержителю молебный глас»... Зато теперь государь приехал к нему в лавру, посетил Гефсиманский скит, получил архиерейское благословение в обители преподобного Сергия. А в день осеннего празднования памяти

Александра Невского из Гефсиманского скита Филарет писал государю: «В имени святого Александра заключается воспоминание благоверного князя, который пред лицом неверного властителя, при угрозе смерти не поколебался исповедать свою веру, который мудростью отражал от православия покушения не православных, который Невскою победою из дали веков предуказал твою Невскую столицу». «Сии воспоминания займут внимание соименного тебе, твоего благоверного наследника: и к ним благознаменательно присоединится имя Александра II, Освободителя». С легкой руки Московского Златоуста прозвище «Освободитель» навеки прикрепится к имени императора Александра Николаевича.

Осенью, выздоровев, святитель вернулся в Москву, причем впервые не ругал железную дорогу, а весьма хвалил, восторгался спокойствием движения поезда и признал правильным, что «не решился на путешествие по земляной дороге»: «Я не мог бы так долго переносить тягостного ощущения, в котором начал путь, и не имел бы средств облегчить оное. Напротив того, в подвижном доме железной дороги я отложил теплую одежду, встал и в сем положении оставался почти во всю дорогу, постепенно чувствуя облегчение».

Наступили последние годы; солнце земной жизни святителя Филарета уже коснулось горизонта и стало тихо погружаться за окоем, даруя миру последние прекрасные лучи, теплые и ласковые.

И в этих живительных лучах появились на свет два младенца, коим в грядущем XX столетии суждено будет стать двумя первыми патриархами возрожденного русского патриаршества — 19 января 1865 года в окрестностях Торопца родился Василий Иванович Белавин, а в самый год кончины Филарета 11 января 1867 года в Арзамасе родился Иван Николаевич Страгородский. Первый в 1917 году станет патриархом Тихоном, а второй в 1943 году — патриархом Сергием.

Тем временем началась настоящая охота на государя. Примечательно, что совсем недавно, в апреле 1865 года, был убит освободитель американских рабов Авраам Линкольн. Теперь начались покушения на жизнь освободителя русских крепостных. Но если Линкольна убил сторонник южан актер Бут, то травлю Александра Освободителя развернули те, кто как раз провозглашал себя поборниками освобождения народа! 4 апреля 1866 года революционер Дмитрий Каракозов в Петербурге у ворот Летнего сада стрелял в императора, промахнулся, был схвачен крестьянином Осипом Комиссаровым, посажен в Петропавловку, началось следственное дело. Комиссию по расследованию преступления возглавил

все тот же «людоед» Михаил Николаевич Муравьев-Виленский, прозванный своими врагами «Вешателем» за то, что однажды, когда кто-то спросил его, не родственник ли он повешенному декабристу Муравьеву, он ответил:

— Я не из тех, кого вешают, а из тех, кто вешает.

Узнав о петербургском злодеянии, митрополит Филарет отправил царю верноподданное письмо: «Сколько преступная, столько же безумная дерзость подняла против тебя руку; но ее невидимо отразил ангел (хотя видимо чрез человека), и твоя жизнь и здравие сохранены, а преступлению попущено сделать только то, чем оно обличило само себя и повергло позору и правосудию. Благословен Бог, совершивший над тобою, благочестивейший государь, свое древнее слово: не прикасайтесь помазанным Моим! Ужас верноподданных и скорбь о том, что нашелся в России такой человек, умягчается только живейшею радостью о твоём сохранении и благодарною к Господу молитвою...»

В честь избавления царя от гибели повсюду устраивались крестные ходы. В иных местах по окончании ходов устраивалось угощение для народа. Митрополит Филарет выступил против таких угощений, ибо получалось, что люди не сами выражают свою приверженность монарху, но их заманивают ястием и питием.

Следственная комиссия признала Каракозова полностью виновным и приговорила к смертной казни. Муравьев-Виленский не дожил совсем немного и до этого события и до своего семидесятилетия, скончавшись 31 августа 1866 года. Герой войны с Наполеоном, храбро сражавшийся на Бородинском поле и потом всю жизнь не жалевавший себя во благо России, он так и остался в памяти неблагодарных потомков «Муравьевым-Вешателем», благодаря стараниям либералов XIX века и советских историков века XX. Святитель Филарет особо чтит его за его подвиги, за то, что Михаил Николаевич вернул в лоно православия огромное количество белорусских униатов и католиков.

28 октября 1866 года состоялось бракосочетание наследника Александра Александровича с датской принцессой Дагмарой, ставшей Марией Федоровной. Филарет послал поздравительное письмо. На той свадьбе своеобразно произошло окончание Кавказской войны — на торжество был приглашен из Калуги плененный имам Шамиль. К тому времени он был пленен и особенным любезным обращением, которое оказывалось ему русскими. Явившись на свадьбу, он произнес свои знаменитые слова:

— Старый Шамиль на склоне лет жалеет о том, что он не может

родиться еще раз, дабы посвятить свою жизнь на служение белому царю, благодеяниями которого он теперь пользуется.

В том же 1866 году на острове Крит вспыхнуло восстание православных греков против притеснений со стороны турок, владевших островом. Турки в ответ начали резню кандиотов, как принято было тогда называть критян по венецианскому названию Крита — Кандия. Митрополит Филарет стал вдохновителем сбора средств в пользу «страждущих христиан Востока», выступил с воззванием к новому обер-прокурору Синода Дмитрию Андреевичу Толстому и тем самым обратил внимание правительства на необходимость поддержать критян. В этих заботах он и встретил последний год своей жизни.

Чувствуя близкий уход, Московский Златоуст вновь обратился к поэзии и совершил стихотворный перевод «Увещательной песни» святителя Григория Богослова:

*Близок последний труд жизни, плавань злое кончаю.
И уже вижу вдали казни горького зла:
Тартар ярящийся, пламень огня, глубину вечной ночи,
Скрытое ныне во тьме, явное там в срамоте.
Но, Блаженнее, помилуй, и, хотя поздно, мне даруй
Жизни остаток моей добрый по воле Твоей.
Много страдал я, о Боже Царю, и дух мой страшился
Тяжких судных весов, не низвели бы меня.
Жребий мой понесу на себе, переселяясь отсюда.
Жертвой себя предал скорбям, снедающим дух.
Вам же, грядущие, вам заветное слово: нет пользы
Жизнь земную любить. Жизнь разрешается в прах.*

А жизнь все еще стучалась и стучалась в эту начавшую закрываться дверь! Вдруг пришло возмущенное письмо от лучшего друга Андрея Николаевича Муравьева, который гневался на святителя, что тот не вмешался и не предотвратил продажу Аляски американцам. Вот те раз! Да ведь он и сам узнал об этой продаже уже по свершении сделки.

«Американский уезд Иркутской губернии» — Аляска вместе с прилегающими к ней островами с 9 июля 1799 года находилась под управлением Русско-американской компании. Разговоры о том, что это уж слишком отдаленная территория и содержать ее невыгодно, велись на протяжении всей первой половины XIX века. Наконец нашелся весомый

повод для продажи. Для выплаты компенсации помещикам в соответствии с Крестьянской реформой в 1862 году Александр II был вынужден занять у Ротшильдов 15 миллионов фунтов стерлингов под пять процентов годовых. Долг надобно возвращать, а денег нет. Тогда-то младший брат государя великий князь Константин Николаевич и предложил продать Аляску. К тому же во время Крымской войны стало ясно, что есть возможность и вовсе даром потерять эту территорию, официально никак не закрепленную за Россией. Да и никаких великих доходов с Аляски пока не предвиделось.

16 декабря 1866 года в Санкт-Петербурге прошло совещание Александра II и великого князя Константина Николаевича с министрами финансов и морским, а также российским посланником в Вашингтоне бароном Эдуардом Андреевичем Стеклем. Участь Аляски была решена и 18 марта 1867 года состоялось подписание договора, согласно которому территорию в полтора миллиона квадратных километров продали американцам за 7 миллионов 200 тысяч долларов. В пересчете на нынешние деньги это около восьми с половиной миллиардов долларов. Печально, что всего через пять лет после продажи Аляски на ней были обнаружены колоссальные запасы золота, и за первые пятьдесят лет владения огромным полуостровом Америка получила доход в сто раз больший, чем истратила на покупку «золотого пирога». Неизвестна и судьба полученных от Америки денег за проданную Аляску. Есть легенда о том, что они были переведены в золотые слитки и переправлялись на корабле «Оркней», который бесследно затонул в Балтийском море. По другим данным, деньги были переправлены в Англию, где на них закупались паровозы для стремительно развивающихся российских железных дорог.

К митрополиту Филарету вся эта история имеет отношение лишь в том смысле, в каком ее применил к святителю Андрей Николаевич Муравьев, что тот не вмешался и не предотвратил продажу. В письме Антонию митрополит жаловался на Муравьева: «Продажа российских владений в Америке, кажется, окончательно совершилась. Андрей Николаевич восклицает: *какой тяжкий ответ лежит на стражах Израилевых!* — Может быть, мы дремлющие стражи, но что можно было сделать? Недавно услышал, что продают; трудно было верить; вдруг говорят, что дело сделано. Разве можно было стражам Израилевым вломиться в государственное решение, состоявшееся и исполненное?»

16 апреля 1867 года Филарет в последний раз праздновал Пасху на земле — «во имя Господа воскресшего, целование радости и любви».

На Светлой седмице в последний раз обращался с приветствием к

императору, вновь не устно, но письменно.

В мае в Москве проходила этнографическая выставка, приехали представители всех европейских славянских народов. Восемьдесят человек, причем в основном не православного вероисповедания. После приема, оказанного им императором, славяне пришли под благословение митрополита Филарета. Он обратился к ним со словом, ставшим последней официальной речью и проповедью Московского Златоуста. И как знаменательно, что эта речь обращена ко всему славянству!

— Имею неожиданное утешение приветствовать вожделенных гостей и братий, которых здесь вижу и которых также сверх ожидания видит ныне Москва. Благословен Бог и Господь наш Иисус Христос, посетивший и посещающий бедственно-разделенное человечество и направляющий оное к единому спасению и спасительному единству. Славяне и славяно-россы — род един. Но его начало затемнено временем. Движением дел человеческих разделены отрасли его. Это разделение неблагоприятно было единству языка его. Бог воздвиг двух святых братий по плоти и по духу, которые сделались нашими отцами по духу, родив нас благовествованием Христовым, и наше естественное братство обновил и возвысил братством духовным. Нет сомнения, что любовь родственная усовершенствована и укреплена любовью христианскою. Единство духа и языка охранено тем, что язык славянский сделался языком веры и церкви. Мы, россияне, наследовали сей дар Божий от старейших в христианстве братий наших и не престаем быть благодарными. Состраждем скорбям, сорадуемся надеждам братий и сквозь разделение зрим к единству. И вот нечаянный случай из различных, из отдаленных стран подымлет ревнителей славянского братства и соединяет их в средоточии русского единства, чтобы непосредственно из сердца в сердце излить братское чувство и, вопреки внешним разделениям, найтись в живом внут-рением единении. Видев знамения Провидения в нашем прошедшем, осмелимся и в настоящем видеть знамение во благо. В духе христианства да растет общее наше единение, и в таком единении сила, способная победоносно созидать и распространять общее и частное благо. Приветствуем вас искреннею любовью и благою надеждою, по вере во всеблагое Провидение Божие.

Из Москвы славяне отправились посещать Троице-Сергиеву лавру, где по приказанию Филарета им был оказан самый лучший прием. Вернувшись в Москву, они вновь посетили Филарета и горячо благодарили.

Силы иссякали. В июне святитель вновь отправился в лавру и на все лето заперся в Гефсиманском скиту. Написал завещание с просьбой похоронить его здесь же, но получил от наместника Антония решительное

возражение. Смысл его заключался в том, что Гефсиманский скит был закрыт для посещения особ женского пола за исключением 17 августа. Антоний предвидел, что большое количество женщин захочет побывать на могиле святителя и в таком случае каждый год 17 августа будет немислимое женское столпотворение. Антоний уговорил Филарета согласиться на то, чтобы его гробница была устроена в особой часовне на южной стороне церкви Сошествия Святого Духа.

Меж тем приблизился юбилей, избежать которого святитель Филарет при всей его нелюбви к юбилеям уж никак не мог. Пятьдесят лет тому назад 5 августа 1817 года в Троицком соборе Александро-Невской лавры архимандрит Филарет был хиротонисан во епископа Ревельского. В день юбилея пастырь пребывал в своем любимейшем месте — в Гефсиманском скиту. Силы его угасали. А в лавру с разрешения Синода приехали семеро епархиальных архиереев, неслыханное доселе собрание. Явился и обер-прокурор Толстой. Он передал решение Синода о торжественном праздновании юбилея и о том, что на этом собрании архиереев не должны обсуждаться никакие дела церковные. А также Дмитрий Андреевич вручил владыке государственную бумагу: «Высочайшим рескриптом за многолетнюю просветительскую, благотворительную и пастырскую деятельность митрополиту Филарету предоставлено право, по киевскому обычаю, предношения креста в священнослужении, ношение креста на митре и двух панагий на персях. При сем всемиловитейше пожалована украшенная драгоценными камнями панагия на бриллиантовой цепочке с изображением на оборотной стороне вензелей его величества и двоих предшественников его, при которых проходил свое служение, и с надписью вокруг нее: «Преосвященному митрополиту Филарету, в память пятидесятилетнего служения Церкви и Отечеству, 5-го Августа 1817 — 5 августа 1867 г., в царствование Александра I, Николая I и Александра II»; а в вознаграждение заслуг собственно государственных пожалованы портреты императора Александра II и двух его предшественников, соединенные вместе, осыпанные бриллиантами и украшенные большою императорскою короною».

Торжественный акт чествования юбиляра проходил в митрополичьих палатах. Сам Московский Златоуст не был в состоянии прочесть приветственную речь, он лишь присутствовал и тихо взирал на происходящее, в то время как викарий Леонид зачитывал последнее в жизни обращение святителя Филарета к Отцам Церкви и к монахам, ко всей пастве:

— Досточтимые отцы и братия! Достопочтенные господа и братия!

Нынешний день представляет для меня такие неожиданности, что мне трудно определить и изъяснить мои мысли и чувствования, и я пребыл бы в безмолвии недоумения, если бы уважение и благодарность ко вниманию, с так многих сторон теперь мне оказываемому, не обязывали меня к слову... Прежде всего удивляюсь тому, что вижу нынешний день. Скучные и в ранних годах силы, при немалых трудностях служебной деятельности, не обещали мне поздних лет. Неисповедимую волю Божию ниспослан мне дар пятидесятилетнего служения высшему строению тайн Божиих. Знаю только, что это дар не воздаяния, а неизреченного милосердия и долготерпения. Видно, хотя *имного пришедьствова душа моя* (Псал. СХІХ. 6), но еще не уготовала себя и еще требует уготовления, чтобы из пришедьствия перейти в Отечество, в которое всех нас призывает Отец небесный. Долготерпеливе! Слава Тебе, Всемилосерде! Не отыми Твоя милости! К неисповедимой воле Божией отношу и то, что на нынешний предел совершившегося пятидесятилетия моего священноначальственного служения обращены благовольтельные взоры, даже от высочайшего престола, даже от верховного священноначалия Российской Церкви, еще же и от преосвященных сопастырей, и от начальств и сословий деятелей человеколюбия и наук, и от общественных учреждений, и, что менее неожиданно, от духовенства и вообще братий Церкви Московской. Может быть, угодно Провидению Божию, чрез сие частное явление в церковной жизни, *сотворить знамение во благо* (Псал. LXXXV. 17) вообще для поощрения подвижников веры и Церкви особенно благопотребного во дни, в которые более и более омрачающий себя западный дух непрестанно усиливается простирает мрак и поднимать бури и на светлый, святой Восток... Господи, сотворивший для меня день сей! Твое да придет слово, благое и действенное! Благослови и благословляй святую ко святой Церкви любовь благочестивейшего самодержца нашего; и да будет она всегда охранительною силою для благоденствия царства его и народа... Да будет, Господи, в Российской Церкви Тебе слава вовеки!

17 сентября архимандрит Антоний явился с ежедневным докладом о состоянии обители. Филарет внимательно выслушал его, а затем сказал:

— Я ныне видел сон, и мне сказано было: «Береги девятнадцатое число».

Антоний ответил:

— Владыко святой! Разве можно верить сновидениям и искать в них какого-нибудь значения? Как же можно притом обращать внимание на такое неопределенное указание? Девятнадцатых чисел в каждом году

бывает двенадцать.

Помолчав, Филарет возразил:

— Не сон я видел. Мне являлся родитель мой и сказал мне те слова. Я думаю с этого времени каждое девятнадцатое число причащаться Святых Таин.

— Это желание доброе, — ответил Антоний.

Через два дня было 19 сентября, и святитель Филарет причастился, как перед кончиной. Но наступил новый прилив сил, и он отправился в Москву. «Путешествие мое совершилось безбедно, хотя и небеструдно. Две версты или около я ехал по железной дороге сидя; потом почувствовал необходимость встать и достигло Москвы по железной дороге пешком, то есть ходя и стоя в вагоне. Усталость была велика, но, казалось, безвредна. В понедельник был я в Кремле и посетил князя генерал-губернатора, который встретил меня на железной дороге в субботу».

5 октября Филарет написал Антонию: «Да сохранится безмолвие Гефсиманского скита, и да не будет от меня причины к нарушению оногo. Преподобный отец наш Сергей да призрит милостиво и да благословит мой последний покой в обители его, под кровом молитв его и других по нем здесь богоугодно подвизавшихся. Прошу о сем и завещаю сие». Это значило, что он полностью согласился с предложением Антония относительно будущего погребения.

19 октября святитель вновь причащался, уже в своей домово́й церкви. Чувствовал он себя лучше, чем во все последнее время, вновь бросился в бездонную пучину дел. Жить на земле ему оставалось один месяц, и в этот месяц не переставал допекать ему юродивый Филиппушка, с которым в течение многих и многих лет святителя складывались, мягко говоря, весьма не простые отношения.

Филипп Андреевич Хореев был на двадцать лет моложе святителя Филарета, изначально путь его был мирской, обычный крестьянин, он обзавелся семьей, но после рождения четвертого ребенка жена его скончалась, и, по мнению односельчан, он несколько повредился в уме, стал замкнутым, все чаще и чаще ходил в церковь, перестал заниматься домашними делами и хозяйством. Родители заставили его еще раз жениться, и у него даже родилась дочь во втором браке, но внезапно он сбежал из родного села и десять лет скитался по свету, превратившись в настоящего юродивого — зимой и летом босиком, с обнаженной головой, в веригах и с посохом в руках. Посох железный, тяжеленный, к нему прикреплен литой из меди голубок.

— Дух Святы́й птичку любит, вид ее приял, — ворковал Филиппушка.

— У голубка головка не величка, да умна, носок востер, на добро шустер. А у нас голова величка, да дурочка, и нос туп адский нюхает путь.

С посохом он ходил, с посохом спал, обнимая его, не давал никому даже прикоснуться, говоря о посохе:

— Это вес грехов моих! Что чужую тяготу греховную пытаться?!

Юродивого Филиппушку Голубя, как прозвали его в народе, нередко арестовывали как беспаспортного бродягу, держали в тюрьме, отправляли под конвоем по этапу, но он все терпел и как-то ухитрялся снова быть на свободе и бродить по свету.

Первое упоминание о нем у Филарета относится к 23 мая 1847 года: «Бог благословит раба своего Филиппа и да сотворит благое душе его». Написано сие после того, как Филиппушка побывал у святителя и получил у него благословение пожить в Троице-Сергиевой лавре. Далее письма и записки Филарета так и пестрят постоянными упоминаниями о юродивом. Очевидно, этот человек был для него одновременно и как бельмо в глазу, и весьма интересен. Как озорной, но необычный и всеми любимый в семье ребенок.

Достоин примечания то, что юродивые, не щадившие никого и запросто разоблачавшие самых высокопоставленных деятелей что государства, что Церкви, никогда ничего дурного не высказывали в адрес митрополита Филарета. Напротив, наделяли его самыми превосходными прозвищами. Так, известный на Москве юродивый Иван Яковлевич Корейша, живший в Преображенской больнице на двух квадратных аршинах, которые сам себе очертил мелом, обращаясь к Филарету, называл его: «Луч великого света!»

Юродивый Филиппушка святителя Филарета называл Белым ангелом, а тучного архимандрита Антония — Широким. Поселившись в лавре, Голубь стал заметной фигурой в обители преподобного Сергия. Народ его обожал. Почитатели украшали тяжелый посох лентами, и с такими украшениями на своей главной регалии юродивый являлся в храм, и все на него пялились, и это мешало богослужению. «Кажется, надобно посоветовать Филиппу удерживаться от таких поступков, которыми он как бы сам себя выставляет на зрелище, — строго писал в 1848 году митрополит наместнику лавры. — Надобно терпеть искушение, когда оно найдет, а не вводить самого себя в искушение и с тем вместе других, когда нам заповедано молиться: не введи нас во искушение. Посему и предложенное им путешествие в Новый Иерусалим я советовал бы отложить до усмотрения. Если же мое юродивое мудрование не понимает мудрости юродства, то прошу прощения».

Последнее примечание весьма важно. Филарет понимает, что Бог неспроста посылает время от времени юродивых, подобных Филиппушке. Ведь таков был и Василий Блаженный, который не посохом, а своей полнейшей наготой тоже искушал молящихся в храмах и на улицах, и тем не менее в появлении таких причудливых персонажей есть некий таинственный смысл. Юродивые необыкновенным образом оживляли жизнь христианскую, переворачивали с ног на голову устои брэнного мира, показывая зыбкость всего, что есть на земле. А это было по сердцу Филарету, всю жизнь проповедовавшему нашу странность в этом мире.

Чего стоило, к примеру, излюбленное развлечение Филиппушки, когда он мог подойти к торговцу калачами, взять у него лоток и начать раздавать всем желающим, особенно нищим, голодным! И торговцы не смели препятствовать этому. А к тому же Филиппушка тотчас мог подыскать в толпе богатого зеваку и приказать тому:

— Заплати-ка, милейший, за калачи!

И богач, краснея от неудовольствия, тем не менее со смехом оплачивал торговцу ущерб. Торговцы зазывали юродивого в свои магазины, и если Филиппушка выбирал себе что-нибудь, толпа, видевшая это, тотчас расхватывала сей товар. Словом, Филиппушка в конце 1840-х еще годов стал всенародным любимцем. Случалось, что он чем-то допекал полиции и его вновь арестовывали, но вскоре выпускали под давлением разгневанных масс. «Филиппа Бог благословит совершить путешествие, — писал по этому поводу Филарет Антонию. — Но поговорите ему, чтобы не домогался быть взят под арест; а если ему это нравится, сказал бы нам, и мы арестовали бы его с любовью, а не с гневом, как полиция».

Живя в лавре, Филиппушка продолжал время от времени совершать путешествия, окруженный народом, задерживаемый полицией, которую особенно любил дразнить. «Филиппа определить указом будет ли надежно? — задумывался Филарет в 1850 году, имея в виду, не запретить ли юродивому путешествия из лавры и не определить ли его в качестве послушника. — Перестанет ли он желать странствия? После путешествия в Москву, слышу, он еще ходил куда-то в иную сторону. В теперешнем положении если и возьмут его с его медною или железною птичкою и посадят в клетку, он сим доволен, и нам беды нет. Если можем, извлечем из клетки; а за то не отвечаем, не имея его своим официально. А за определенного послушника должны будем отвечать...»

Однако и этому артисту надоела слава, Филиппушка стал искать уединения. Архимандрит Антоний поселил его не где-нибудь, а в Гефсиманском скиту, что было бы невозможно без разрешения Филарета и

свидетельствует о том, что, внешне высказывая строгости в адрес юродивого, святитель любил его.

Филиппушка поселился не в самом скиту, а рядом — в ветхой сторожке, затерянной в густой чаще за прудом. В сентябре 1850 года он сильно заболел, был при смерти. Антоний, посетив его, предложил Голубю принять монашеский постриг, и тот согласился:

— И если можно, то под именем Филарета. Хочу быть как наш Белый ангел!

Так совершился постриг, и юродивый Филиппушка Голубь превратился в монаха Филарета.

Он вскоре поправился и явился к архимандриту:

— Широкий, благослови меня выкопать погреб.

Тот разрешил, и вскоре монах Филарет вместе с другими монахами стал копать пещеры под Гефсиманским скитом. Антоний обратился к святителю Филарету с вопросом, не запретить ли, но Белый ангел разрешил пещеры, и так благодаря стараниям его новоявленного тезки в лавре завелась еще и пещерная жизнь. Вскоре здесь работали уже лаврские землекопы, плотники, каменщики.

Однако натура брала свое. Его опять тянуло в народ. Здесь уж митрополиту приходилось проявлять строгость: «Скажите брату Филарету, что пока он был странствующим Филиппом, он отвечал за себя, а теперь мы за него отвечать должны. Тогда управляло им желание; положим, что оно было по духовному человеку, но теперь необходимо должно управлять им послушание. Он в сем дал священный обет и обязался исполнить оный. Потому если и можно ему благословить путешествие в Москву, то не на продолжительное время и с тем, чтобы он не делал себя предметом любопытства и не обращал на себя внимание полиции, то есть не заставлял бы нас отвечать за него... Не очень в порядке то, что сделали гласным в Москве его пещерное монашество».

Филипп-Филарет являлся на Троицкое подворье и требовал разрешения провести в Москве двадцать дней для того, чтобы снова быть, как прежде, среди толп народа и снова юродствовать. Митрополит увещевал его, говоря, что отныне он монах, а не просто юродивый. Тот даже готов был отречься от монашества, до того влекло его к прежнему образу жизни. Владыка не уставал бороться с его произволом, к тому же вышло постановление Синода никому из монастырей не отлучаться без особой разрешительной бумаги. Вновь и вновь он внушал, «что он теперь уже не птица без гнезда, летающая куда хочет, как это было прежде». И Филипп-Филарет оставлял свои помыслы, среди которых было и вовсе

уйти куда-нибудь подальше и жить в неизвестности. А потом снова стремился к юродству, к нему в пещеры Гефсиманского скита являлись посетители, он перед ними «выступал». Митрополит отчитывал за это уже архимандрита: «Вы говорите, что он многих принимал, и даже без письменных видов или с сомнительными. Но для чего сие было попущено ему? Где же послушание? Он не настоятель». В 1852 году Филипп-Филарет отправился в Киев, причем откуда-то при нем оказалось много денег, что привело многих в смущение. Раздраженный митрополит даже склонялся к тому, чтобы не принимать его обратно в монастырь. Но смилостивился и принял. Все-таки он благоволил к нему, несмотря ни на что. Филипп-Филарет терпеть не мог обуви, а вся братия Свято-Троицкой лавры обязана была ходить в сапогах. Владыка разрешил ему вместо сапог просторные ботинки.

Выросли дети юродивого монаха, двое сыновей Игнатий и Василий в конце 1851 года явились к отцу и поселились в Гефсиманском скиту в качестве послушников, через год из Оптиной пустыни пришел и старший сын Порфирий, дети сами себе ископали пещеры. Митрополит сомневался, хорошо ли это: «Но и здесь мне хочется спросить: у места ли дети? По ним ли одинаковый с отцом путь?» Однако при детях Филипп-Филарет неожиданно остепенился и уже не стремился к странствиям и юродству. С этого времени он меньше стал доставлять беспокойства владыке.

Впрочем, народ продолжал в большом количестве ходить к своему любимцу, так что скитская братия восстала против нарушаемого спокойствия, и тогда наместник велел монаху Филарету с сыновьями оставить пещеры и поселил его в двух с половиной верстах от Гефсимании возле пруда. Антоний распорядился поставить для Филарета с сыновьями келью. На чердаке кельи они совершали свое обычное правило и церковные службы.

В сентябре 1855 года во время посещения лавры государь Александр Николаевич пожелал увидеть монаха Филарета, которого уже называли старцем. Увидев его в монашеском облачении, царь спросил:

— Да ты монах теперь?

Тот ответил, как и полагается старцу и юродивому:

— Не знаю, монах ли, а хотел бы монахом побыть хоть один час.

Одна из богатых почитательниц московская купчиха Логинова пожертвовала деньги на храм, и 27 сентября 1859 года митрополит Филарет совершил освящение верхней церкви в честь Боголюбской иконы Божьей Матери. При церкви построили братские кельи, и образовалась новая обитель, известная впоследствии под именем Боголюбивая киновия. Тогда-

то все три сына старца и приняли монашество. Порфирий с именем Прокопий, Игнатий — Галактион, а Василий — Лазарь.

В последний год жизни святителя Филарета на схимонаха Филиппа поступил донос, что в его келье печатаются фальшивые кредитные билеты. Произвели обыск, донос не подтвердился, но слух пошел по всей Руси. «Дело схимонаха Филиппа, — писал Филарет Антонию, — после открывшихся неприятностей угрожает другими. Жаль, что слишком много ему попускаемо было, по избытку снисхождения». Имелось в виду то, что посетители приносили Филиппу деньги, коих у него всегда было в избытке, и он передавал их нуждающимся. Вот от какого огонька пошел смрадный дым клеветы о фальшивых кредитных билетах. Снова стали требовать выселения его из лавры, и схимонах получил благословение владыки отправиться с сыновьями странствовать по российским монастырям.

И вот теперь, всего за десять дней до кончины святителя, Филипп явился к нему с запиской, в которой значились имена людей, коим нужно платить долги. Сумма огромная — более двух тысяч рублей. Эти деньги юродивый брал займы и передавал нуждающимся людям. Теперь же нужно было долги возвращать, и Филипп решил, что это должен сделать митрополит. Филарет велел сказать ему, что коли он сам делал долги, то пусть сам и расплачивается, но на другой день заимодавцы стали являться на Троицкое подворье, мол, Филипп сказал, что долги можно получить здесь.

«Филипп начинает насылать на нас своих заимодавцев. Один уже подал прошение в палату, что из сего произойдет затруднение и неприятность», — с тревогой и возмущением писал Филарет 10 ноября в лавру.

Предметом особой гордости владыки было то, что, став архиереем, он обрел возможность не прикасаться собственными руками к деньгам, и если надо, всегда мог дать приказ своим келейникам выдать такому-то столько и столько. Но при этом он не настолько пренебрегал деньгами, чтобы не вести им счет, и всегда внимательно следил, как бы его не облапошили. А тут такая неслыханная наглость со стороны Филиппа! Я, мол, сделал долги, а ты оплати! Но не мог он и не понимать, что тут кроется некий особый смысл, просто так юродивый ничего не делает. Говоря всем: «Ступайте к владыке Филарету, он теперь со всеми долгами рассчитывается», юродивый схимонах намекал на некий расчет по высшему разряду. В свои последние дни человек отдает последние долги миру...

Случайно ли, что в закатных лучах Филаретовой жизни мелькает беспокойная и взбалмошная тень юродивого? Случайно ли, что даже самые

последние строки, написанные Филаретом, посвящены Филиппу? «Обратите внимание, чтобы твердо и осторожно составлена была резолюция по прошению заимодавца Филиппова. Могут встретиться затруднения по сему делу; и за сим могут прийти подобные». Случайного ничего не бывает.

В эти последние дни как раз и запечатлел Филарета фотограф, и снимок, который не может не вызывать восторга, был сделан накануне ухода в мир иной! В последнем своем письме архимандриту Антонию владыка тоже выразил восторг: «Портрет, как я и прежде сказал, при избытке украшений, кажется мне гордым». Судя по всему, это похвала, поскольку далее он прибавляет: «Чем бы поблагодарить фотографа?»

А тем временем уже приближалось очередное девятнадцатое число, выпадавшее на воскресенье. Один из почитателей, пришедших навестить владыку в эту последнюю неделю, передал ему просьбу одной дамы разрешить ей явиться к нему под благословение.

— Пусть приедет, — сказал Филарет, — только прежде девятнадцатого числа.

Наступила суббота 18 ноября. В тот день владыка сказал своему келейному иеродиакону Парфению:

— Завтра я буду служить литургию в своей домово́й церкви, приготовь все к служению.

Старый келейник решил возразить:

— В таком случае, владыко, вы утомитесь и не сможете, пожалуй, служить во вторник, а ведь будет праздник, Введение Богородицы.

— Это не твое дело, — сердито ответил Филарет. — А иди и скажи всем, что я завтра служу...

Глава двадцать седьмая

РОЖДЕНИЕ

1867 — ...

Опасения келейника были не напрасны. Филарет уже давно, более двух месяцев по немощи не служил литургию. Но утром 19 ноября все тревоги развеялись. Владыка явился в домовый храм бодрый, словно в него вдохнули свежие силы. Еще недавно у него не было голоса, чтобы читать приветствие на своем юбилее, а тут откуда-то вернулся голос, причем довольно громогласный! Все смотрели на него и с удивлением видели в нем человека, для которого все только начинается в жизни! Литургия прошла радостно и легко, словно птичий полет в поднебесье. По совершении таинства преосуществления святитель в последний раз приобщился Святых Тайн. И это была его самая последняя служба Господу на земле. На ней присутствовал московский гражданский губернатор генерал-майор Александр Иванович Баранов — последний из высокопоставленных чиновников, кто видел живым Московского Златоуста. Выпив две чашки чая с миндальным молоком, владыка побеседовал с Александром Ивановичем, тот откланялся, получил архиерейское благословение и удалился, а Филарет отправился в свой кабинет и стал разбирать бумаги. Как ни в чем не бывало.

Повар сообщил келейнику Парфению, что обед готов, тот сообщил Филарету. Владыка сказал, что еще немного, и он придет. Но так и не пришел. Иеродиакон Парфений снова отправился звать его. Он увидел митрополита стоящим на коленях в узком проходном помещении без окон рядом со спальней. Но это уже было тело, разлученное с душой...

19 ноября 1867 года Московский Златоуст святитель митрополит Филарет, совершив Божественную литургию и приобщившись Святых Тайн, в половине второго часа пополудни ушел в жизнь вечную — родился в мир невидимый. Он преставился так, как подобает христианским праведникам, и принял кончину, о которой каждый православный человек молится ежедневно — безболезненную, непостыдную и мирную. Из путешествия по миру, длившегося почти восемьдесят пять лет, душа его отправилась в свое Отечество, завещанное Богом.

Узнав о кончине святителя, в Кремле ударили в большой колокол

колокольни Ивана Великого. Следом за первым ударом печально прозвучали еще одиннадцать. Услышав этот звон, раздавшийся в неподобающее время, москвичи спрашивали друг друга, что случилось, какая беда, какое событие. Тревожились. Затем стала распространяться и печальная весть о смерти их любимого архиерея. К Троицкому подворью потекли толпы народа, желающего отдать ему последний поклон. Воспоминания об этом оставил архиепископ Амвросий Харьковский:

«По приезде на подворье введен был в кабинет в Бозе почившего святителя и там я земно поклонился ему. На него (он положен был на диван) надет был подрясник из материи муар-антик, скромного дикого цвета, и пояс с шелковыми цветами по белому фону. Владыка казался необыкновенно мирен: вот истинный угодник Божий, столь славно и полезно потрудившийся для православной церкви!

Честное тело его перенесено мною вместе с другими в большую залу, где облачено было во все архиерейское облачение — то самое, в котором он совершал того же дня (воскресенье) последнюю божественную литургию...

Панихида была совершена преосвященными викариями в присутствии генерал-губернатора, а на другой день (20 число), по внесении тела маститого святителя в крестовую церковь, литургия и панихида в ней отслужены соборно мною с протоиереями, иеромонахами и священниками».

Архимандрит Антоний привез из лавры кипарисный гроб, изготовленный уже давно по просьбе самого митрополита Филарета. Сей гроб поставили в домовый церкви подворья, уложили туда легкое, почти невесомое тело усопшего. И три дня в первый час пополудни и в восемь часов вечера совершались здесь панихиды.

В эти дни Иван Сергеевич Аксаков написал: «Упразднилась сила, великая, нравственная, общественная сила, в которой весь русский мир слышал и ощущал свою собственную силу, — сила, созданная не извне, порожденная мощью личного духа, возросшая на церковной народной почве... Угас светильник, полстолетия светивший на всю Россию не оскудевая, не померкая, но как бы питаясь приумножением лет и выступая ярче по мере продвижения вечернего сумрака».

В десять часов утра 23 ноября митрополит Киевский Арсений начал литургию в присутствии всего московского духовенства в черных облачениях. В полдень зазвонили колокола церкви преподобного Сергия: Троице-Сухаревское подворье прощалось со своим великим насельником. После литургии и отпевания гроб был перевезен в Троице-Сергиеву лавру,

где и упокоен в приделе Филарета Милостивого храма Сошествия Святого Духа.

В первые же годы после кончины владыки в народе стал складываться целый эпос о его привычках, характере и о его чудесах. Сколько в том эпосе правды, а сколько выдумки, то только Бог ведает.

В своей книге о святителе Филарете архимандрит Григорий написал: «В годовщину кончины его, то есть 19 ноября 1868 г., в крестовой подворской церкви совершена мной, по распоряжению преосвященного Игнатия, заупокойная литургия и панихида соборно. В ночь на это число почивший владыка, виденный мною в рясе и белом клобуке, благословил меня, а по сторонам его находились какие-то другие два иерарха, покрытые белым облаком».

Любили вспоминать о том, как владыка всюду забывал свои очки, и потом их искали по всем местам, где ему случилось побывать накануне — у Сергея Михайловича Голицына, у купчихи Тимофеевой или в каком-нибудь московском храме, обследовали в очередной раз все Троицкое подворье, заодно и наводя в нем порядок, а очки оказывались где-нибудь на сиденье в карете или в ином самом неожиданном месте.

С благоговейным ужасом вспоминали случай с одним московским озорным барином, который в угоду своим прогрессивным идеям решил однажды посмеяться над прозорливостью Филарета и явился к нему на подворье с лживой просьбой — мол, сгорело имение, нужны деньги, не знаю, где взять... Владыка велел подать просителю 300 рублей, и тот удалился, предвкушая, как завтра пропечатает в газете, что никакой Филарет не прозорливец. Каково же было его потрясение, когда он узнал, что в ту самую минуту, когда он получал у святителя деньги, его имение и впрямь загорелось и выгорело дотла! Пошатнулись либеральные идеи, и вскоре перепуганный шалун вновь явился на Троицкое подворье.

— Высокопреосвященнейший владыко! — пал он на колени перед Филаретом. — Прости великодушно! Я тебя обманывал... А когда ты велел мне вынести денег, имение-то и сгорело! Вот они, триста рублей...

— Оставьте их себе, они теперь-то уж точно пригодятся. Бог простит вас, да больше уж так не поступайте, — отвечал ему святитель.

Вспоминали случай, как Филарет исцелил немую девушку. В семь лет она увидела волка и так испугалась, что потеряла дар речи. До двадцати лет изъяснялась только знаками, ни словечка не могла вымолвить. Мать привезла ее к святителю, и тот спросил:

— Как тебя зовут?

И вдруг девушка, тринадцать лет молчавшая, тихо выдохнула свое

имя. Он встал с нею вместе на колени перед образами и прочел молитву Иисусову: «Господи Иисусе Христе Сыне Божий, помилуй мя грешного». Заставил повторить. Девушка с трудом, но справилась.

— А теперь давай вместе, да смелее!

И они вместе несколько раз прочитали ту же молитву. С той поры девушка навсегда избавилась от немоты.

В письмах святителя Филарета к преподобному Антонию, за какой год ни возьми, постоянно мелькают просьбы о финифтяных иконках, производившихся в Троице-Сергиевой лавре: «Имею нужду в финифтяных иконках, прошу по возможности прислать побольше». Маленькие и изящные финифтяные иконки он любил самозабвенно, любовался ими, а главное — дарил. Если кто-то приходил к нему не как тот шаловливый прогрессивный барин, а с настоящей нуждой, с тяжкой бедой, с неизбывным горем, владыка как мог утешал, помогал словом или деньгами, советовал что-то или запрещал необдуманные поступки и всякий раз в таких душевных случаях дарил финифтяную иконку:

— В честь какого святого крещен? Иоанна Воина? Вот тебе Иоанн Воин, не расставайся с этим образком, молись ему, он всегда будет тебе защитой и помощью.

— Как звать? Евфросиния? В честь Евфросинии Полоцкой? Получи от меня ее образок, будет тебе оградой от злых дел.

— Как, говоришь, фамилия того, кто тебя обижает? Львов? Вот тебе иконка первоотшельника аввы Павла Фивейского, коему два льва служили. Он их укрощал, да так, что они других львов от его обители отгоняли.

И тому подобное.

У одного московского купца в руке началась гангрена, или, как тогда говорили, антонов огонь. Врачи назначили день, когда руку отрезать. Но пришла знакомая раскольница и с усмешкой спросила:

— А чего это вы не попросите своего митрополита, чтобы он чудо совершил? Вы же говорите, что он чудотворец!

Родные несчастного купца отправились на Троицкое подворье. Филарет, выслушав их, тотчас призвал приходского священника и приказал тому совершить литургию и приобщить больного Святых Тайн, а руку не отрезать. Так и сделали. И помогло — антонов огонь стал стихать. Сорок дней усердно молились, и за это время рука полностью выздоровела.

У одного священника дочь страшно страдала головными болями. Тот отправился к Филарету, святитель дал ему свою скуфью, чтобы надеть на голову больной. Так и сделали, и вскоре девушка чудесно исцелилась.

Многие люди просто перед своим исцелением видели во сне святителя

Филарета, который приходил к ним с благословением. Многие рассказывали о том, как они подходили к святителю под благословение и прикладывали его руку к больным местам на лице, плечах или груди и вскоре получали исцеление. Многие пьяницы, получив благословение владыки на трезвый образ жизни, переставали пить на всю жизнь. Точно так же исцелялись от него и бесноватые.

Некий крестьянин по дороге в Москву попал в метель, сбился с дороги, в изнеможении упал и находился в сильном страхе быть замерзшим. Но вот он увидел приближающуюся к нему тень и, полагая, что это какой-нибудь зверь хочет его растерзать, начал творить молитву Богу. По приближении тени он увидел старца небольшого роста в черной рясе и шапочке, который спросил его, кто он и откуда. И когда крестьянин объяснил ему все подробно, старец взял его за руку и сказал:

— Что ты так упал духом, встань, я доведу тебя.

Крестьянин, чувствуя, что его силы обновились, встал, и они вдвоем легко дошли до селения. Здесь старец произнес:

— Оставайся, Господь с тобою, теперь ты вне опасности.

Крестьянин со слезами благодарности, упав на колени, спросил, за кого он должен молиться. Старец ответил:

— Молись за Филарета Московского, — и с этими словами стал невидим.

На другой день крестьянин пришел в Москву, ходил по разным монастырям, искал своего избавителя, покуда один купец не надоумил:

— Вероятно, тебя спас наш митрополит, — и указал ему дорогу на Троицкое подворье. Там, увидев святителя, выходящего из кареты, он упал перед ним на колени:

— Вот мой избавитель!

Владыка велел ему замолчать и следовать за собою в комнаты, где крестьянин рассказал ему все подробно. Выслушав его, Филарет сказал:

— Не приписывай этого мне, но молись преподобному Сергию — это он тебя сохранил.

И подарил ему финифтяной образок Сергия Радонежского.

Во время пасхальных праздников пришли как-то к владыке великосветские дамы, и одна из них спросила митрополита:

— Почему Спаситель по воскресении Своем явился сперва женам-мироносицам?

Святитель ответил:

— Потому что женский пол очень болтлив, а надо было, чтобы это событие стало известно всем как можно скорее...

Таких рассказов было много, все они передавались московскими жителями из уст в уста, расходились по всей Руси великой.

Точно неизвестно, когда именно святитель Филарет составил свою собственную молитву ко Господу, ведомо лишь, что все последние годы жизни он постоянно читал ее, добавляя к общему чину православных молитв:

«Господи: не знаю, чего мне просить у Тебя! Ты один ведаешь, что мне нужно. Ты любишь меня паче, нежели я умею любить себя. Отче! Дажь рабу Твоему — чего сам я и просить не умею. Не дерзаю просить — ни креста, ни утешения! Только стою пред Тобою; сердце мое — отверсто. Ты зриши нужды, которых я не знаю. Зри! — и сотвори со мною по милости Твоей: порази и исцели, низложи и подыми меня. Благоговею и безмолвствую пред Твоею святою волею и непостижимыми для меня Твоими судьбами. Приношу себя в жертву Тебе. Предаюсь Тебе. Нет у меня желания, кроме желания — исполнить волю Твою... Научи меня молиться. Сам во мне молись».

Сейчас молитву Филарета все чаще можно увидеть во вновь издаваемых православных молитвословах.

Достоинейшим преемником святителя Филарета на московской кафедре стал Иннокентий (Вениаминов), «добрый служитель Божий», как называл его сам Филарет. Он был на пятнадцать лет моложе Филарета, родился в Сибири и большую часть своей жизни посвятил Сибири, Дальнему Востоку, Америке. По настоянию Филарета он, после кончины жены, стал монахом. Затем сделался епископом Камчатским, апостолом Америки и Сибири. Переводил Священное Писание на языки народов, обитающих там.

В год кончины Филарета архиепископу Иннокентию исполнилось семьдесят лет, он плохо видел, слабел и просился на покой в монастырь, но московский митрополит ответил ему отказом: «Господь да скажет Вам, что Ему благоугодно, и Вам и Церкви Его полезно». 5 января 1868 года владыка Иннокентий был назначен вместо скончавшегося владыки Филарета митрополитом Московским и Коломенским, известие об этом прибыло через две недели в Благовещенск, где он находился. 25 мая 1868 года своего нового святителя встречала Первопрестольная Москва.

Во всем подражая своему предшественнику, митрополит Иннокентий оставался московским архиереем до самой своей кончины 31 марта 1879 года, и похоронили его в Духовском храме Троице-Сергиевой лавры, рядом с могилой его друга и наставника митрополита Филарета. Там же рядом

был похоронен и преподобный Антоний, родившийся в мир невидимый 12 мая 1877 года, прожив ровно столько же, сколько его друг и духовный сын Филарет.

Дело святителя Филарета продолжилось, полный перевод Библии на русский язык был осуществлен. Каждый год издавались его сочинения. В январе 1883 года прошло празднование столетнего юбилея Московского Златоуста. Основные торжества проходили в Чудовом монастыре в Кремле. Вскоре после этого Синод под редакцией архиепископа Тверского Саввы выпустил в свет многотомное «Собрание мнений и отзывов митрополита Филарета по учебным и церковно-государственным вопросам».

Тела Филарета, Антония и Иннокентия мирно покоились в своих гробах, к которым ежегодно притекало множество верующих. И многие получали исцеление или душевное утешение, побывав рядом с их святыми останками.

Но наступило безбожное время и произошло то, о чем в кондаке святителю Филарету сказано: «от безбожных поругание и поношения приял еси». В годы кампании по вскрытию святых мощей безбожники прошли мимо захоронения Филарета, Антония и Иннокентия, но перед самой войной их нечестивые руки добрались и до этих могил. В 1938–1940 годах все пристройки вокруг Духове кой церкви были разобраны. Все три погребения были вскрыты и разорены. Остались воспоминания свидетелей о том, что глава митрополита Филарета оказалась нетленной, а человек, совершивший святотатство, спустя всего несколько дней трагически погиб.

Останки снова были зарыты, а место, где стояла церковь, сровняли с землей. И это уже происходило в те дни, когда вся страна трещала под железным натиском фашистской Германии. В августе 1941 года все работы были завершены. Отныне трудно было догадаться, где именно находятся останки трех святых XIX века. После войны место вдобавок ко всему и заасфальтировали, а еще позже покрыли бетонными плитами. Полвека фундамент храма Сошествия Святого Духа и три священные могилы скрывались под толщей земли, асфальта и бетона. Над ними ходили люди.

В XX столетии человеком и пастырем, равновеликим святителю Филарету, безусловно, стал святейший патриарх Алексий И. Он и начинал свое епископское служение, как Филарет, с ревельской кафедры. Именно по его благословию начались поиски останков и подготовка к канонизации митрополита Филарета. Проведение работ патриарх поручил своему научному эксперту по вопросам истории и археологии Сергею Алексеевичу Беляеву. В своем отчете о проделанной работе он писал: «Перед началом раскопок наместник Лавры архимандрит Феогност обратился с вопросом о

судьбе могил к одному из участников реставрационных работ в Духовской церкви В. В. Балдину. 10 марта 1994 года от него был получен официальный ответ, в котором говорилось: «При устройстве выстилки вокруг Духовской церкви захоронения митрополита Филарета специально не искали и не вскрывали — это я свидетельствую как участник проводившихся здесь до августа 1941 года работ. <...> Уже после раскопок ко мне в руки попали архивные фотографии, на которых поэтапно фиксировано разрушение могилы митрополита Филарета. На последней фотографии представлено содержимое гроба, включая нетленную главу святителя. Народное предание не ошиблось. Время надругательства над могилами на фотографиях не указано, и мне оно не известно, однако есть основания полагать, что разорение произошло в период разрушения церкви во имя Филарета Милостивого... Думается, что после возрождения в Лавре монашеской жизни в 1945 году такое надругательство было невозможно, тем более что, как явствует из фотодокументов, оно было совершено после разбора стен Филаретовской церкви. В действующем монастыре на виду у всего народа сделать это, на наш взгляд, было бы невозможно, да и обстановка в стране в это время была совершенно иная, чем в тридцатые годы. На снимках же Лавра совершенно пустая, безлюдная...

После удаления Филаретовской церкви и других пристроек пространство вокруг Духовского храма превратилось в ровную, ничем не застроенную площадь, покрытую до недавнего времени асфальтом, а в настоящее время вымощенную небольшими бетонными плитами. Никаких видимых следов ни от Филаретовской церкви, ни тем более от могил не осталось. Таким образом, на первом этапе работы задача сводилась к локализации никак не обозначенных на современной поверхности контуров Духовской церкви и находящихся в ней могил. Ее решению очень помогли существующие описания мест захоронения и предоставленный В. В. Балдиным обмерный чертеж Духовской церкви».

Помимо патриаршего эксперта и наместника лавры в раскопках принимал участие архимандрит Кирилл (Павлов) — тот самый знаменитый сержант Павлов, герой Сталинградской битвы, в честь которого назван «дом Павлова». Кроме них при раскопках присутствовали архимандриты Георгий (Тертышников), Матфей (Мормыль), Наум (Байбородин), эконом игумен Георгий (Данилов), иеромонах Викентий (Мазур), иеромонах Иоасаф (Подгоров), представители Московской духовной академии и семинарии. Все они поставили свои подписи под составленным актом вскрытия:

«Мы, нижеподписавшиеся, свидетельствуем, что 10–14 октября 1994

года были произведены раскопки к югу от церкви Сошествия Святого Духа на месте церкви Филарета Милостивого, снесенной в 1938–1940 годах. На тех местах, с которыми письменные свидетельства и церковное предание связывают погребение святителя Иннокентия (Вениаминова) и наместника Свято-Троицкой Сергиевой Лавры архимандрита Антония (Медведева), действительно были обнаружены могильные сооружения (склепы). Но они были полуразрушены и опустошены. На месте, где, по свидетельству разного рода источников, должна была находиться могила митрополита Филарета (Дроздова), была обнаружена яма неправильной формы, суживающаяся книзу. Примерные размеры: глубина около 2,7 м от уровня современной поверхности, по линии В-3 — около 2,5 м, по линии С-3 — около 1,5 м. Яма была заполнена строительным мусором и землей, среди которых находились человеческие останки, святительское облачение и гробовые доски с ручками трех типов. 12 октября из нее были извлечены останки трех человек: черепа, большие кости, ребра и ряд других фрагментов. 13 октября обнаруженные костные останки были омыты по чину омовения мощей и разложены по порядку. После анализа останков и сопоставления их с портретами митрополита Филарета (Дроздова), митрополита Иннокентия (Вениаминова) и архимандрита Антония (Медведева), находящимися в Патриарших покоях, была признана принадлежность останков святителю Иннокентию, митрополиту Филарету и архимандриту Антонию. В дальнейшем справедливость этого утверждения, равно как и правомерность отнесения определенных останков конкретным лицам, была подтверждена специалистами-антропологами. Большинство из найденных фрагментов облачения принадлежит митрополиту Филарету (Дроздову). Принадлежность деревянной панагии пока не определена. Черная мантия принадлежала, по видимому, архимандриту Антонию».

Далее Сергей Алексеевич Беляев более подробно рассказывает: «Раскопки начались 10 октября 1994 года и продолжались до 14 октября. За это время были произведены земляные работы и первоначальная разработка обнаруженных материалов; работа над облачениями и их фотофиксация продолжалась еще две недели. Исходя из имеющихся данных были выбраны три места раскопок, соответствующие могилам святителя Иннокентия, митрополита Филарета и архимандрита Антония, естественно, с некоторым допуском. Могилы действительно оказались в границах намеченных участков, и расширения площади раскопок не потребовалось.

11 октября духовник Лавры архимандрит Кирилл (Павлов) отслужил в

Духовской церкви литию по погребенным. Во время раскопок литии и панихиды совершались регулярно по нескольку раз в день братией Лавры и священнослужителями Духовной академии и семинарии. Утром 11 октября по старой лаврской традиции в Духовской церкви началось непрерывное чтение Псалтири (до закрытия Лавры неусыпная Псалтирь читалась именно в Духовской церкви), и это чтение не прекращалось до окончания работ.

Земляные работы велись одновременно на четырех участках — в предполагаемых местах расположения трех могил с наружной стороны южной стены Духовской церкви и внутри Духовской церкви, около ее южной стены, — там, где находится гробница митрополита Филарета.

Первой была обнаружена могила архимандрита Антония — именно там, где и ожидалось, исходя из известных литературных источников. Были также раскрыты фундаменты стен притвора Филаретовской церкви и самого храма. Кроме того, чтобы исключить малейшую ошибку, была раскопана дополнительная площадь к югу от могилы, где не было никаких фундаментов. На этой площади никаких могильных сооружений не найдено — только земляная насыпь. Северо-восточный край могилы отстоит от пилястра Духовской церкви всего на 25 см, а верхний край кирпичной кладки склепа — всего на 20 см ниже современной поверхности. Перекрывающая могилу прослойка толщиной 20 см состоит из чистого песка и щебня.

Стены склепа архимандрита Антония, выложенные из большемерного кирпича толщиной в один кирпич, довольно хорошо сохранились. Три стены — восточная, северная и западная — по-видимому, сохранились в полную высоту (1,3 м) и состоят из 12 рядов кирпича, и только часть южной стены немного разрушена в центре (высотой на 1–2 кирпича). Размер могилы (по внутренним параметрам): длина (по линии восток — запад) — 2,5 м, ширина (по линии север — юг) — 1 м, высота — 1,3 м. Дно могилы песчаное, возможно, оно также было выложено кирпичом, но при разграблении могилы он был удален. Перекрытие полностью отсутствует. Обычно в монастырских могилах такого типа перекрытие делается в виде кирпичного свода, в могиле же митрополита Филарета оно состоит из плит. Надо полагать, что в могиле архимандрита Антония перекрытие тоже было либо плитовое, либо сводчатое.

Могила архимандрита Антония оказалась на всю высоту засыпана строительным мусором, однородным по плотности и составу. Грунт засыпи — земля темно-коричневого цвета, возможно, с незначительной примесью глины. Гроба в могиле не нашли, только на самом дне были обнаружены

фрагменты гробовых досок, два из них — с металлическими ручками. При расчистке дна могилы в западной части найден деревянный параманный крест.

Никаких сомнений в том, что обнаружено захоронение именно архимандрита Антония, нет, причем совершенно очевидно, что оно было осквернено и разграблено. Однако ничего, что хотя бы косвенно указывало на время разграбления, — обрывков газет, монет или каких-либо иных предметов — найдено не было.

Могила святителя Иннокентия, вернее то, что от нее осталось, была обнаружена в месте, которое полностью соответствует указаниям в имеющихся описаниях. По конструкции она полностью совпадает с могилой архимандрита Антония. На ее плохую сохранность могли повлиять два обстоятельства. Во-первых, то, что она расположена ближе к современной поверхности, и, во-вторых, то, что она оказалась рядом с вновь построенным южным крыльцом Духовской церкви и даже частично под ним. А это означает, что при восстановлении крыльца кирпичные стены могилы могли оказаться помехой и были разобраны.

От могилы святителя Иннокентия сохранились части западной торцевой и южной продольной стен, а также кирпичная кладка около южного фундамента Духовской церкви — возможно, часть северной стены могилы, хотя не исключено, что это просто остатки фундамента Филаретовской церкви, вплотную примыкавшего к фундаменту Духовской церкви. Видимая длина могилы — 2 м, причем захоронение частично уходит под южное крыльцо Духовской церкви, которое разбирать не стали, поскольку ничего принципиально нового это не дало бы. На глубине 0,86 м от современной поверхности в центральной части могилы сохранилась кирпичная вымостка; ее длина — 1,35 м (по линии восток — запад), ширина (по линии север — юг) — 1 м. По-видимому, это остатки дна склепа.

Могила на всю высоту была засыпана строительным мусором. Никаких останков в ней не оказалось.

С захоронением митрополита Филарета все оказалось сложнее. Раскопки, как и в двух предыдущих случаях, начались на том месте, которое было определено по описаниям и плану, предоставленному В. В. Балдиным. Однако при первых же ударах лопаты выяснилось, что в западной части этого участка проходит современная теплоцентраль; впоследствии удалось установить, что она была сооружена в 1956–1957 годах.

Доведя раскопки до глубины около 0,3–0,4 м, мы поняли, что никаких

остатков погребального сооружения найти не удастся — могила была полностью уничтожена.

Примерно на этом же уровне стали выявляться контуры ямы. Ее границы довольно четко прослеживались по характеру заполнения: раскапываемая площадь была заполнена строительным мусором, включающим битый кирпич, куски асфальта, отески камней, куски извести и другие строительные материалы, а грунт вокруг состоял из довольно чистой земли темного цвета с небольшой примесью глины. Отличались эти грунты и по плотности: грунт в яме был относительно рыхлый, а вокруг нее — плотный, слежавшийся, с примесью глины и без каких-либо включений.

Примерно на глубине 0,4–0,5 м стали попадаться человеческие кости, доски от гробов, а также куски облачений. Это продолжалось до самого дна ямы. Человеческие останки находили в виде отдельных костей и небольших групп костей. В одном случае удалось зафиксировать кисть руки с правильным расположением всех малых костей, сохранивших не только правильное анатомическое положение, но и идеально выдержанный порядок взаимного расположения, к тому же эта кисть находилась почти в строго вертикальном положении. Совершенно ясно, что человек так расположить кости не мог. Объяснить этот факт можно только тем, что кисть была сброшена в яму нетленной.

Многие доски были с металлическими ручками; в процессе раскопок было найдено три разных типа таких ручек.

В двух случаях на досках от гроба были большие пробоины. Ниже досок с пробоинами были обнаружены большие камни, а под ними — выбитые части досок. Это может свидетельствовать только об одном: камни с силой бросали в яму, когда в ней уже лежали сброшенные человеческие останки и доски от гробов. Всего в яме было найдено 14–15 таких камней, из них по крайней мере 3–4 камня весом не менее 100 кг — четверо сильных мужчин еле-еле подняли их наверх.

В толще мусорного слоя на разной глубине было обнаружено два разбитых черепа, причем осколки одного из них позднее были найдены на самом дне ямы. В восточной части ямы на самом дне оказался череп с хорошо сохранившимися на затылочной части волосами, который еще до расчистки был идентифицирован как принадлежавший митрополиту Филарету. Впоследствии это полностью подтвердилось.

В западной части яма частично заходила под теплоцентраль, но с соблюдением всех мер предосторожности и этот участок был расчищен.

Дно ямы оказалось песчаным, три стенки — восточная, северная и

западная — земляными, а южная — кирпичной, но это не стена могилы, а кирпичный фундамент Филаретовской церкви. В верхней части яма имеет размеры 2,25 x 1,6 м, книзу сужается, и размеры ее по дну значительно меньше верхних. Глубина ямы от современной поверхности составляет около полутора метров.

Разборка нижней части раскопа, где было обнаружено большинство человеческих останков, досок и епископских облачений, пришлось на вторую половину дня 12 октября 1994 года. Братия Лавры и учащиеся Духовных школ все время находились рядом. Особенно много народу собралось к вечеру того дня, когда количество находок стало увеличиваться. После окончания вечерней службы к братии и учащимся присоединились еще и богомольцы, так что общее число пассивных участников раскопок достигало порядка 200 человек.

Все находимые в яме доски и части архиерейских облачений (последние иногда вместе с комьями земли, от которых их подчас было трудно отделить) переносились в Духовскую церковь. Там все это раскладывалось в строгом порядке по определенным местам. Что же касается человеческих останков, то, вынув из мусорного заполнения ямы, их клали на разостланную у края ямы чистую простынь; в храм уносили только мелкие кости.

По мере углубления и нахождения все большего количества мощей становилось ясно, что обнаружена значительная часть трех человеческих скелетов, являющихся святыми мощами святителя Иннокентия и мощами митрополита Филарета и архимандрита Антония. На это указывало и наличие архиерейских облачений, и ряд других признаков. В частности, глава митрополита Филарета была как бы завернута и неотделима от одежды фиолетового цвета, которая во время раскопок была принята за архиерейскую мантию, а впоследствии оказалась подрясником.

Когда стало ясно, кому могут принадлежать обнаруженные мощи, началось непрерывное совершение заупокойных служб — литий и панихид. Службы совершались попеременно духовенством Лавры и Академии. Богослужение продолжалось все последние два часа раскопок. Во время кратких перерывов пел народ.

После того как показалась глава митрополита Филарета, я попросил принести блюдо, покрытое воздухом, и, после соответствующей расчистки, глава была вынута и на приготовленном блюде передана братии Лавры. Это была последняя находка. Затем инспектор Московской Духовной академии архимандрит Сергей (Соколов) с хором воспитанников и всем собравшимся народом совершил последнюю литию перед лежащими на

краю ямы только что обретенными мощами.

По окончании литии мощи были подняты и, сопровождаемые всенародным радостным пением «Святый Боже», перенесены в Духовскую церковь, где и были положены в центре на заранее приготовленный щит, покрытый покрывалом.

Одновременно с раскопками могил вне Духовской церкви были проведены раскопки внутри ее, у южной стены, в том месте, где находилась беломраморная плита с надписью, посвященной митрополиту Филарету. Целью этих раскопок было выяснить, была ли плита в свое время установлена на данном месте произвольно, просто, чтобы увековечить память приснопамятного святителя, или для этого имелись иные причины.

После удаления мемориальной плиты, плиток пола и слоя песка было обнаружено находящееся в грунте сооружение прямоугольной формы, вытянутое по оси храма (длиной около 1 м, шириной около 0,7 м), сложенное из современного кирпича.

После необходимой фиксации были разобраны кирпичное перекрытие и западная торцовая стенка, за которыми оказался фанерный ящик примерно вдвое больше стандартного посылочного ящика, обитый парчой с нашитым на верхней крышке крестом из галуна. Снова была проведена фиксация, теперь уже местоположения ящика.

После совершения литии ящик вынули с большими предосторожностями, поскольку фанера была очень ветхой и буквально рассыпалась.

Затем была снята крышка, под ней обнаружили черную мантию с малиновыми скрижалями, в которую были завернуты две большие кости ног (от колен до стопы) и деревянная панагия с изображением на лицевой стороне Богоматери «Знамение» и Креста с орудиями страстей — на тыльной. Панагия хорошо сохранилась, утрачено только ушко. Мантия, хоть и ветхая, оказалась по большей части сохранной: уцелели две нижние скрижали, галуны от верхних и довольно большой фрагмент ткани.

Тот факт, что мощи были завернуты в мантию архимандрита, дал основания предположить, что они принадлежат архимандриту Антонию, что впоследствии и подтвердилось (хотя узнать, на каком основании, не удалось).

Во время извлечения ящика и разборки его содержимого высказывались различные предположения относительно времени, способа и обстоятельств появления этого тайника и его содержимого, однако действительно обоснованное объяснение можно было дать только по окончании раскопок ямы с основными мощами.

Когда яма была расчищена до дна и выяснилось, что в ней находились честные мощи, ранее покоившиеся в Филаретовской церкви, стало совершенно очевидно, что при прокладке теплоцентрали в Духовскую церковь на захоронение наткнулись и затронули его верхний слой. Что при этом обнаружили рабочие, в настоящее время с определенностью сказать невозможно. Проводить какие-либо поиски или исследования в то время было невозможно. Тогда, по-видимому, и были вынуты обнаруженные человеческие останки и сооружен тайник в Духовской церкви, куда поместили честные мощи. А о том, что все это было сделано втайне, свидетельствует то, что ни старожилы Лавры, ни старожилы музея ничего не знали ни о находке, ни о каких-либо работах в Духовской церкви.

Удалось установить и время, когда это могло быть сделано, — не позже октября 1957 года, когда состоялась епископская хиротония наместника Лавры, будущего патриарха, архимандрита Пимена (Извекова).

13 октября 1994 года после литии архимандритом Наумом (Байбородиним) и иеромонахом Викентием (Мазуром), ризничим Лавры, был совершен чин омовения мощей.

В Духовскую церковь были приглашены те насельники Лавры и воспитанники Духовных школ, которые имели медицинское образование. Особенно следует отметить монаха Гавриила (Богачихина) и воспитанника Семинарии Сергея Забелича, которые внесли существенный вклад в дело определения и идентификации мощей; ими же впоследствии было составлено описание мощей.

К этому времени из Патриарших покоев в Духовскую церковь были принесены портреты всех трех лиц, похороненных в Филаретовской церкви.

После омовения мощей приступили к их отождествлению с конкретными лицами. Начали с черепов. Череп митрополита Филарета был уже идентифицирован до этого. С Божией помощью удалось правильно определить и другие.

Следующим этапом было отождествление останков. Здесь все оказалось сложнее. Быстрее и легче других были идентифицированы мощи митрополита Филарета, поскольку он, как известно, был маленького роста, и это, естественно, сказалось на размерах костей. Сложнее оказалось определить святые мощи святителя Иннокентия и мощи архимандрита Антония. Нойс этим, слава Богу, справились.

К концу дня эта часть трудов была закончена. Отождествленные мощи клались на тот же расположенный посередине храма на возвышении и покрытый пеленой щит, на который их поместили после внесения в храм и

с которого потом сняли для омовения.

Мощи располагались в правильном анатомическом порядке по лицам: слева — архимандрита Антония, в центре — митрополита Филарета, справа — святителя Иннокентия. Потом мощи святителя Иннокентия и митрополита Филарета были покрыты архиерейскими мантиями, мощи архимандрита Антония — архимандричьей, а главы — белыми воздушками. Затем были возжены лампы, свечи на поставленных в изголовье подсвечниках и кадила с благовониями.

Поздно вечером, около 22 часов, Духовскую церковь посетил Священноархимандрит Лавры Святейший Патриарх Алексий. Святейший Патриарх сначала осмотрел раскопанные гробницы и яму, из которой были извлечены честные мощи. Потом он вошел в храм и выслушал подробный рассказ о проделанной работе. После этого была пропета «Вечная память» митрополиту Филарету и архимандриту Антонию и «Величание» святителю Иннокентию. Так первый раз после многих десятилетий глумления были прославлены святые мощи святителя Иннокентия и мощи митрополита Филарета и архимандрита Антония.

Однако, хотя никто из присутствовавших не сомневался в принадлежности обретенных мощей святителю Иннокентию, митрополиту Филарету и архимандриту Антонию и в том, что мощи правильно идентифицированы, для большей убедительности следовало пригласить специалистов-антропологов. Святейший Патриарх дал на это свое благословение.

Тогда я обратился к члену-корреспонденту Российской Академии наук Татьяне Ивановне Алексеевой, возглавляющей антропологическую лабораторию МГУ и антропологическую лабораторию в Институте археологии РАН. Т. И. Алексеева любезно согласилась провести экспертизу, и дважды — 25 октября и 2 ноября — приезжала в Лавру с группой специалистов, среди которых была кандидат биологических наук, заведующая лабораторией реконструкции лица Института этнологии РАН Г. В. Лебединская, правнучка митрополита Московского Леонтия (Лебединского), скончавшегося в 1893 году.

Перед антропологами были поставлены две задачи: во-первых, на основании сопоставления найденных мощей и имеющихся портретов высказать аргументированное суждение о принадлежности обнаруженных мощей изображенным на портретах лицам и, во-вторых, проверить правильность соотнесения черепов и скелетов. На оба вопроса антропологи дали положительные ответы. Лишь около 10 % костей были переидентифицированы.

Оставалось еще привести в порядок обнаруженные части облачений и досок. Эту кропотливую работу тщательно и аккуратно, ничего не повредив, выполнил в течение двух недель иеродиакон Иоанн (Макаров), клирик Патриаршего подворья в Переделкине. Иногда куски облачений вынимались прямо с землей, ткань была сырая, очень хрупкая, и обращаться с ней приходилось крайне осторожно. Кроме того, зачастую фрагменты облачений были чрезвычайно малы и требовалось большое внимание, чтобы определить, к чему именно они относятся. Отец Иоанн блестяще справился с этой задачей.

Сейчас можно с уверенностью сказать, что сохранилась большая часть облачения митрополита Филарета (естественно, в виде фрагментов). Суждение это основано на сходстве рисунка и фактуры найденных деталей с изображением облачения митрополита Филарета во гробе на гравюре из Патриарших покоев Лавры. Сохранились части саккоса, омофора, епитрахиль, поручи, подсаккосник и другие фрагменты. Из других облачений была обнаружена только одна епитрахиль, причем определить, принадлежала ли она святителю Иннокентию или архимандриту Антонию, в настоящее время не представляется возможным.

По форме ручек и структуре дерева удалось определить принадлежность досок от гроба. Фигурные бронзовые (или латунные) ручки принадлежали гробу митрополита Филарета, сделанному из кипарисовых досок. Вторые ручки, по-видимому, являются деталью второго наружного гроба митрополита Филарета, который был сделан из дуба; еще одни ручки — от гроба святителя Иннокентия. Так, путем кропотливой работы удалось установить принадлежность большинства находок.

Когда была обнаружена яма и начались ее раскопки, взору присутствовавших предстала жуткая картина надругательства над дорогими каждому верующему человеку мощами: мощи трех угодников Божиих были перемешаны, забросаны мусором, трудно было понять, какая часть из них сохранилась, и слабо верилось в то, что раскопки завершатся благополучно. Но, слава Богу, почти все находки удалось идентифицировать.

Еще три святые возвращены Русской Православной Церкви. Это воистину милость Божия. Слава Богу!»

С 29 ноября по 2 декабря 1994 года в Даниловском монастыре заседал Архиерейский собор Русской православной церкви, на нем святитель Филарет был причислен к лику святых; установлено отмечать память его 19 ноября по юлианскому календарю или 2 декабря по григорианскому.

Одним из известнейших филаретиков является заслуженный профессор Московской православной духовной академии Константин Ефимович Скурат, автор книги избранных мыслей Филарета «Алфавит духовный». Вот как он вспоминает те дни:

«В четверг, 1 декабря, прочитав лекции, я сразу ушел в город по разным хозяйским делам. Дел было немало, и я рассчитывал вернуться в святую обитель только около 16 часов. Но все шло удивительно быстро, и в 14 часов 53 минуты я уже был в гостинице. Возле дверей меня встретила матушка Анастасия вопросом:

— А вы пойдете?

— Куда? — в недоумении спросил я.

— На перенесение останков митрополита Филарета из Духовской церкви в Трапезный храм.

— Когда это будет?

— А вот сейчас, ровно в 15 часов!..

Ровно в три часа я уже стоял возле Духовской церкви. Через несколько минут дверь в церковь открылась. Специально прибывшие в Лавру, по указанию святейшего патриарха Алексия II, епископ Истринский Арсений и епископ Тихвинский Симон с братией обители отслужили заупокойную литию, и под перезвон колоколов останки митрополита Филарета были перенесены и положены в уготованную раку между двумя боковыми алтарями, после чего была совершена панихида...

В субботу, 3 декабря... панихиду совершил архиепископ Тамбовский и Мичуринский Евгений в сослужении заместника Обители архимандрита Феогноста. Пел студенческий хор под управлением великого мастера своего дела, архимандрита Матфея (Мормыля)...

Я знал, что 4 декабря в Успенском Патриаршем соборе Кремля состоится сам акт канонизации митрополита Филарета. Знал и то, что в Кремль и, соответственно, на богослужение можно попасть только с пригласительным билетом. Достать в Академии его я не смог. И тем не менее, когда воспитанники спросили меня, буду ли я на торжестве канонизации, я ответил:

— Уже два раза Святитель позвал меня и, если ему угодно, позовет и в третий раз.

Услышав мои слова, воспитанники улыбнулись. И что же? Возвращаюсь из семинарского корпуса, захожу в гардероб раздеваться, а за мной входит студент первого курса Академии и, передавая пригласительный билет на богослужение в Кремль, говорит:

— Из Москвы вам прислал иеродиакон Вениамин...

И я на канонизации святителя Филарета был!»

Деяние Освященного Архиерейского Собора Русской Православной Церкви

«О канонизации святителя Филарета (Дроздова) 1782–1867, митрополита Московского и Коломенского», Свято-Данилов монастырь, 29 ноября — 2 декабря 1994 года, г. Москва

Во имя Отца, Сына и Святого Духа!

Освященный Архиерейский Собор Русской Православной Церкви, исследовав жизнь и святительское служение митрополита Московского и Коломенского Филарета, стяжавшего своей молитвой и подвигами обильные дары Божественной благодати, находит ныне благовременным прославить во святых этого великого и богомудрого архипастыря Церкви Российской. В народе его почитают великим светильником православной веры, который и поныне в своих многочисленных творениях излучает свет истины Христовой. Благодаря значительному вкладу святителя Филарета в перевод Священного Писания на русский язык христиане России и поныне имеют возможность внимать Слову Божию на доступном им языке.

В полном убеждении истинности высокой духовной жизни и деятельного церковного служения митрополита Филарета Собор ОПРЕДЕЛЯЕТ:

- 1. Причислить к лику святых митрополита Московского и Коломенского Филарета для общецерковного почитания.*
- 2. Честные останки святителя Филарета считать святыми мощами.*
- 3. Память его праздновать 19 ноября по Юлианскому календарю.*
- 4. Писать новопрославленному угоднику Божию честную икону для поклонения, согласно определению VII Вселенского Собора.*
- 5. Напечатать житие святителя Филарета, а также начать издание его творений для назидания чад церковных.*
- 6. От лица Освященного Собора объявить о прославлении святителя Филарета всероссийской пастве.*
- 7. Имя новопредставленного святого сообщить Предстоятелям братских Поместных Православных Церквей для включения его в святцы. Предстательством и молитвами святителя Филарета да укрепит Господь православную веру среди чад церковных. Аминь.*

С этого дня святитель Филарет вошел в сонм русских святых.

Ежегодно 19 ноября (2 декабря) стали отмечать память его как святого.

Воскрес и вновь засиял над Москвой величественный храм Христа Спасителя, созданный архитекторами и художниками, вдохновленными идеями святителя Филарета. Храм сей — одно из его главных детищ, и Богом внушена была мысль патриарху Алексию II о том, чтобы мощи святителя Филарета покоились именно здесь, чтобы они стали главной святыней храма.

9 июня 2004 года состоялось торжественное перенесение честных мощей святителя Филарета Московского из Свято-Троицкой Сергиевой лавры в храм Христа Спасителя. Крестный ход возглавили архиепископ Тернопольский и Кременецкий Сергей (Украинская православная церковь Московского патриархата), архиепископ Верейский Евгений и епископ Сергиево-Посадский Феоност. Мощи святителя с пением молитв были вынесены из Троице-Сергиевой лавры и помещены в специальный автомобиль. По прибытии кортежа в Москву честные мощи святителя Филарета были установлены в храме во имя иконы Божьей Матери «Державная». Затем они были перенесены крестным ходом в храм Христа Спасителя, где их встретил Патриарх Московский и всея Руси Алексий. Он возглавил праздничное всенощное бдение, а после богослужения поздравил собравшихся в храме Христа Спасителя с праздником и обратился к ним со словом, посвященным митрополиту Московскому Филарету:

— Дорогие братья и сестры, я поздравляю всех вас с праздником! Сегодня мы совершили перенесение святых мощей святителя Филарета, митрополита Московского, из Троице-Сергиевой лавры в храм Христа Спасителя. Во время архипастырского служения святителя Филарета строился храм Христа Спасителя. Сорок шесть лет святитель был митрополитом Московским и Коломенским. Он не оставлял без своего Первосвятительского внимания не только церковные события, но и государственные дела. Так, манифест об освобождении крестьянства подготавливался при непосредственном участии митрополита Московского Филарета. Святитель был великим богословом и проповедником, мудрым архипастырем Церкви. К сожалению, он не дожил до освящения храма Христа Спасителя, принял мирную кончину 19 ноября 1867 года и был похоронен в приделе Свято-Духовского храма Троице-Сергиевой лавры. После революции этот придел был снесен, могила святителя Филарета осквернена. Когда состоялось общецерковное прославление святителя Филарета, мы вместе с учеными-антропологами изучали останки святителя, которые подверглись поруганию в тяжелые годы испытаний для нашей Церкви. Святитель еще при жизни был сильным молитвенником, и

мы верим, что и ныне он молитвенно предстательствует пред Господом за всех нас, почитающих его честную память. Отныне мощи святителя Филарета будут находиться в храме Христа Спасителя, и у жителей нашего Первопрестольного града всегда будет возможность помолиться перед этой святыней. Да благословит всех вас Господь, по молитвам святителя Филарета, митрополита Московского, перед мощами которого мы сегодня совершали Всенощное бдение и испрашивали его святого предстательства за всех нас пред Господом Богом! С праздником всех вас!

С тех пор ежегодно патриарх Алексей II поминал святителя Филарета в своих речах. Удивительно и одновременно весьма знаменательно то, что последней речью, произнесенной святейшим патриархом всего за три дня до кончины, стала речь именно о святителе Филарете 19 ноября (2 декабря) 2008 года после того, как он совершил молебен в кафедральном соборном храме Христа Спасителя у мощей Московского Златоуста:

— Собратия архипастыри, всечестные отцы, дорогие братья и сестры! Сегодня мы совершаем память и молимся перед святыми мощами святителя Филарета, митрополита Московского и Коломенского. Сорок шесть лет он был святителем Московским. В его бытность строился первый храм Христа Спасителя, в строительство которого он вложил свои силы, свой архипастырский опыт. Есть свидетельство о том, что особый иконостас, напоминающий кувуклию, был разработан святителем Филаретом, митрополитом Московским. Ни одно событие церковной или государственной жизни не обходилось без проникновенного внимания святителя Филарета. Он являлся автором манифеста об освобождении крестьян, он был великим богословом-догматистом, проповедником Слова Божия. Пять томов его проповедей являются свидетельствами его проповеднической деятельности. Целый ряд томов с его резолюциями по самым разным вопросам свидетельствуют о его вдумчивом отношении к проблемам церковной, монастырской, приходской жизни. Он был подвижником и молитвенником. Он среди тех немногих архипастырей, кто дожил до пятидесятилетнего юбилея своего архиерейского служения. За несколько месяцев до своей кончины он увидел в сонном видении своего отца, который заповедал ему «хранить девятнадцатое число». В этот день он всегда причащался Святых Христовых Таин, и кончина его случилась 19 ноября 1867 года. Согласно его завещанию он был похоронен в приделе Свято-Духовского храма Свято-Троицкой Сергиевой лавры. В годы богоборчества этот придел был разрушен, могила святителя была осквернена. После прославления в лике святых были обретены его святые мощи, которые пребывали в Свято-Троицкой Сергиевой лавре. Но когда

был воссоздан храм Христа Спасителя, который строился на протяжении десятилетий во время святительства митрополита Филарета, я почел справедливым, что его святые мощи должны находиться в том храме, в строительство которого он вложил свои силы, опыт, свои архипастырские труды. Не дожидаясь до освящения первого храма Христа Спасителя; в течение всего своего архипастырского служения он считал своим кафедральным храмом Архангельский собор Московского Кремля. Часто ему приходилось служить в Успенском соборе Московского Кремля, но он никогда не восходил на горнее место, считая Успенский собор патриаршим, а горнее место в нем считая местом российских патриархов. Совершая память святителя Филарета, мы вспоминаем его подвижническую жизнь, и мы имеем возможность у его святых мощей молиться, чтобы он и нас утвердил в святой православной вере. Чтобы он помог в преодолении тех разделений, которые существуют в жизни людей, в жизни общества, в жизни народов — чтобы все мы были носителями звания православного христианина не только по имени, но и по жизни. Я поздравляю архипастырей, пастырей, вас всех, братья и сестры, с московским праздником. Потому что день памяти святителя Филарета является московским праздником. Мы верим, что молитвы святителя Филарета пребывают со всеми нами в ответ на наши молитвы к нему. Сегодня после общей соборной молитвы с архипастырями, пастырями, с православными верующими нашего града мы уйдем в свои дома к своим семьям и близким с благословением великого святителя Филарета, митрополита Московского и Коломенского, память которого мы сегодня совершаем. С праздником всех вас!

Спустя три дня после этой речи патриарх Алексей II родился в мир невидимый.

Филарет построил храм Христа Спасителя. Алексей перенес его мощи в этот главный московский собор. И сейчас, когда мы входим под эти гулкие своды, мы первым делом должны устремиться туда, где справа от алтаря покоится Московский Златоуст. Хозяин этого храма. Небесный владыка и заступник града Москвы.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Тропарь святителю Филарету, митр. Московскому, глас 4:

Духа Святаго благодать стяжав, богомудре святителю Филарете, истину и правду разумом просвещенным людям проповедал еси, мир и милость сердцем умиленным страждущим явил еси, яко учитель веры и страж неусыпный паству Российскую жезлом правости сохранил еси. Сего ради, ко Христу Богу дерзновение имея, моли даровати Церкви утверждение, людям и душам нашим спасение.

Приложение 2

Кондак святителю Филарету, митр. Московскому, глас 2:

Яко истинный подражатель преподобнаго Сергия, добродетель измлада возлюбил еси, богоблаженне Филарете. Яко пастырь праведный и исповедник непорочный, по святем преставлении от безбожных поругание и поношения приял еси, Бог же знаменми и чудесы тя прослави и заступника Церкви нашае яви.

Святителю отче Филарете, моли Бога о нас, чтущих память твою верно и научающихся правде от словес твоих.

Приложение 3

Молитва святителю Филарету

О преславне и богомудре святителю Христов Филарете, Российския

Церкве светильниче, земли наша похвало и граду Москве украшение! Ты житием и служением твоим трием вселенским святителем был еси подобник: Великому Василию — яко бытие сущих изъяснил еси, Церкви Божия и тайн Христовых строитель добрый явился еси, иноческих уставов быв ревностный исполнитель и покровитель; Богослову Григорию — яко, неботаинственных созерцаний о Святей Троице и о Бозе Слове сподобивыйся, сих искусный провозвестник явился еси; Златоустому Иоанну — яко неустанный проповедник и учитель покаяния народа Божия был еси. И ныне, вкупе с ними предстоя во славе Престолу Божию и ходатайствуя о нас, моли: Церкви Российской на камени исповедания Православныя веры утвержденней быти, стране нашей мир и единение даровати, пастырем слово Божественныя Истины право правити, град Москву и паству твою от всяких напастей сохранить. Святую обитель, идеже почивают честныя мощи твоя, по заветом преподобнаго Сергия, яко ученик его присный, добре управи; иноки в подвизех укрепи; наставники умудри; званныя к пастырскому деланию, учащияся вере и благочестию в вертограде твоём духовнем, соделай избранны и достойны служения сего. Призри с Небесе, святителю, на ны, чада твоя, и даруй теплым твоим ходатайством ко Господу в заповедех Его нам преспевати, веру твердо, любовь нелицемерну и благочестие до последняго часа смертнаго сохраните, да непостыдно предстанем Спасителю нашему Господу Иисусу Христу, Ему же со Отцем и Святым Духом подобает слава, честь и поклонение, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Приложение 4

Из послужного списка Высокопреосвященнейшего Филарета митрополита Московской епархии

Святейшаго Правительствующаго Синода член Филарет Митрополит Московский и Коломенский, Свято-Троицкой Сергиевой Лавры архимандрит. Сверх сего, член Императорского человеколюбиваго общества, вице-президент Московскаго попечительнаго о тюрьмах Комитета, Действительный член Конференции Московской духовной академии, ординарный академик Императорской академии наук, почетный член Общества истории и древностей Российских, Императорской Санкт-Петербургской медико-хирургической академии, Императорских

Московского и Новороссийского университетов, Императорских обществ — Археологического, Географического, Конференции духовных академий — Санкт-Петербургской, Киевской и Казанской.

Имеет алмазные знаки ордена Св. Ап. Андрея Первозванного, ордена: Св. Владимира 1-й ст. Большаго креста, Св. Александра Невского и Св. Анны 1-й ст.; алмазами осыпанную Панагию и осыпанный драгоценными камнями посох, Докторский крест, наперсный, украшенный драгоценными камнями, золотую медаль по крестьянскому делу и знаки Греческаго ордена Спасителя Большого креста, бронзовые наперсные кресты на Владимирской ленте — первый за 1812 г., второй в память войны 1853—56 г.

Получал: 1) по штату Моск. Епарх. кафедры жалованья 428 р. 85 к., на содержание 1283 р. 31 к.; итого 1712 р. 16 к.; 2) по званию архимандрита Свято-Троицкой Сергиевой Лавры жалованья 285 р. 90 коп., на содержание 571 р. 80 коп.; итого 857 р. 70 коп.; 3) по званию присутствующаго Московской Свят. Синода Конторы жалованья 1143 р. 60 коп., а всего 3713 руб. 46 к. серебром.

Родился 1782 г., 26 Декабря, Моск, губернии, в г. Коломне, сын соборнаго диакона Михаила Феодоровича. В мире назывался Василий Дроздов.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СВЯТИТЕЛЯ ФИЛАРЕТА, МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКОГО

1782, 26 декабря — в подмосковной Коломне в семье диакона Михаила Федоровича Дроздова и его супруги Евдокии Никитичны родился сын.

1783, 1 января — когда отмечается память святителя Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийской, младенец крещен в коломенской Богоявленской церкви и назван в честь означенного святого — Василием.

1791, 20 декабря — Василий Дроздов поступил учиться в Коломенскую семинарию.

1800 — Василий Дроздов сдал испытательный экзамен и в марте зачислен в философский класс Троицкой лаврской семинарии в Сергиевом Посаде.

1803, 21 ноября — Василий Дроздов окончил семинарию и после проведенного лично митрополитом Платоном экзамена был назначен преподавателем греческого и еврейского языков.

1806, 12 января — Василий Дроздов впервые выступил с проповедью, произнес речь на день освобождения обители преподобного Сергия от нашествия поляков и литовцев в 1612 году.

30 августа — Василий Дроздов стал в семинарии учителем поэзии и проповедником.

1807 — Василий Дроздов написал посвященное митрополиту Платону стихотворение «Старость».

1808, 14 января — Василий Дроздов начал преподавать в семинарии высшее красноречие и риторiku.

16 ноября — в Свято-Духовской Трапезной церкви Троице-Сергиевой лавры Василий Михайлович Дроздов принял монашеский постриг под именем Филарета в честь праведного Филарета Милостивого.

21 ноября — монах Филарет рукоположен митрополитом Платоном в иеродиакона.

29 декабря — вызванный в Санкт-Петербург иеродиакон Филарет покинул лавру.

1809, 1 марта — иеродиакон Филарет определен учителем риторики и

инспектором Санкт-Петербургской семинарии.

28 марта — митрополитом Амвросием (Подобедовым) иеродиакон Филарет рукоположен в иеромонахи.

9 августа — иеромонах Филарет определен на должность ректора Александро-Невского уездного училища, учрежденного при той же семинарии, с оставлением в прежних должностях в семинарии.

1810, 8 февраля — иеромонах Филарет получил должность преподавателя церковной истории Санкт-Петербургской духовной академии в звании бакалавра богословских наук.

25 марта, Благовещение — первая проповедь иеромонаха Филарета в Петербурге.

1811, 30 июня — иеромонах Филарет «всемилоостивейше пожалован, за отличие в проповедовании Слова Божия» наперсным крестом с драгоценными камнями.

8 июля — иеромонах Филарет возведен в сан архимандрита.

1812, 11 марта — архимандрит Филарет определен ректором Санкт-Петербургской духовной академии и профессором богословских наук.

27 марта — архимандрит Филарет определен настоятелем новгородского Юрьева монастыря.

1813, 13 июня — в Казанском соборе Санкт-Петербурга проповедь архимандрита Филарета при погребении Михаила Илларионовича Кутузова. Опубликовано написанное им «Рассуждение о нравственных причинах невероятных успехов наших в настоящей войне».

29 июня — Филарет награжден орденом Святого Владимира 2-й степени Большого креста со звездой.

1814 — Филарет возглавил переводной комитет Российского библейского общества. Им написано «Молебное пение об избавлении Церкви и державы Российския от нашествия галлов и с ними двадцати язык».

13 августа — ректор Петербургской академии архимандрит Филарет стал первым действительным доктором богословия в России. *27 августа* — ему была назначена пожизненная пенсия в размере 1500 рублей в год.

30 августа — Филарет был назначен членом Комиссии духовных училищ.

1815, 4 и 8 января — архимандрит Филарет присутствовал на экзаменах в Царскосельском лицее, где впервые увидел юного Александра Пушкина.

Июнь — июль — архимандрит Филарет ревизовал Московскую духовную академию и семь семинарий: Новгородскую, Тверскую,

Владимирскую, Ярославскую, Костромскую, Спасо-Вифанскую и Московскую, а также ряд уездных и приходских училищ.

1816, 18 января — скончался отец Филарета протоиерей Михаил Дроздов.

Март — архимандрит Филарет определен настоятелем московского Новоспасского монастыря, но при этом оставлен при Санкт-Петербургской духовной академии. Он стал вице-президентом Российского библейского общества и приступил к началу труда всей своей жизни, связанного с переводом Ветхого и Нового Завета на русский язык.

8 апреля — император наградил Филарета панагией.

2 июня — архимандрит Филарет назначен членом Комитета для решения судебных дел о лицах духовного звания греко-российского исповедания в Финляндии.

16 июля — утвержден членом совета Императорского человеколюбивого общества.

1817, 3 марта — архимандрит Филарет назначен членом Строительного комитета при Санкт-Петербургской духовной академии.

7 апреля — назначен членом Главного правления училищ.

23 июля — архимандриту Филарету поведено быть епископом Ревельским, викарием Санкт-Петербургской епархии с оставлением за ним должности ректора академии и управляющего Новоспасским монастырем.

5 августа — в Троицком соборе Александро-Невской лавры архимандрит Филарет был хиротонисан во епископа Ревельского.

1818 — вышло второе издание Филаретова Евангелия.

26 августа — Филарет награжден орденом Святой Анны 1-й степени.
1819, 15 августа — епископ Филарет назначен на тверскую кафедру в сане архиепископа; тогда же стал членом Синода. К Филарету приехала для беседы настоятельница православной женской общины на Бородинском поле вдова генерала Маргарита Тучкова. Она стала духовным чадом святителя.

1820, 26 сентября — Филарет назначен архиепископом Ярославским и Ростовским; Главным правлением училищ изданы Филаретовы «Чтения из четырех евангелистов и из книги Деяний апостольских, для употребления в гражданских училищах».

1821, 3 июля — архиепископ Филарет назначен на московскую кафедру.

Он же — священноархимандрит Свято-Троицкой Сергиевой лавры и присутствующий в Московской синодальной конторе.

13 августа — Филарет прибыл в Москву и поселился на подворье

Троице-Сергиевой лавры.

1823 — вышло издание полного русского Нового Завета с предисловием архиепископа Филарета.

2 июня — Филарет получил орден Святого Александра Невского. В Петербурге архиепископ Филарет составил акт завещания императора Александра I о престолонаследии в пользу брата Николая Павловича.

1825, 18 декабря — архиепископ Филарет привел Москву к присяге Николаю I.

25 декабря — император пожаловал Филарету бриллиантовый крест для ношения на клобуке.

1826, 12 апреля — запрещена деятельность Российского библейского общества.

22 августа — архиепископ Филарет участвовал в коронации императора Николая I и в тот же день стал митрополитом Московским и Коломенским.

6 сентября — снято запрещение с катехизисов Филарета.

1828, 7 января — святителю Филарету объявлена высочайшая благодарность за составление Краткой священной истории, а также краткого и пространного катехизисов с прибавлением наставления для воинов.

1829, 17 августа — митрополит Филарет освятил закладку Триумфальных ворот в Москве.

1830, январь — святитель Филарет откликнулся своим стихотворением «Не напрасно, не случайно...» на стихотворение А. С. Пушкина «Дар напрасный, дар случайный...», опубликованное в альманахе «Северные цветы».

Осень — во время эпидемии холеры в Москве святитель Филарет в проповедях взывает к вере во имя спасения, проводит постоянные совместные молебны, крестные ходы.

1831, 19 апреля — митрополит Филарет награжден высшим орденом Российской империи — Святого Андрея Первозванного. Начало его многостраничной переписки с новым настоятелем Троице-Сергиевой лавры Антонием (Медведевым).

1833 — святитель Филарет составил «Правила» для Спасского женского богоугодного общежительного заведения на Бородинском поле.

1836, 4 июля — в Троице-Сергиевой лавре святитель Филарет постриг в монахини Маргариту Михайловну Тучкову, под именем Мелании. Осень — полемика Филарета с Чаадаевым, напечатавшим свое первое «Философическое письмо».

1837, январь — гибель Пушкина. Святитель Филарет добивается, чтобы погребение поэта прошло по христианскому обряду.

12 сентября — Филарет освятил храм Святой мученицы Татьяны при Московском университете.

1839, 26 марта — святитель Филарет награжден орденом Святого равноапостольного князя Владимира 1-й степени.

23 июля — Филарет освятил Спасо-Бородинский женский монастырь.

26 августа — освятил памятник на Бородинском поле.

10 сентября — Филарет освятил закладной камень храма Христа Спасителя на Волхонке.

1840, 28 июня — святитель Филарет совершил пострижение инокини Мелании (Тучковой) в игуменскую мантию с принятием имени Марии. На другой день она стала игуменьей Спасо-Бородинского монастыря.

1842, весна — новая волна нападков на святителя Филарета со стороны обер-прокурора Святейшего синода Н. А. Протасова.

Май — Филарет вернулся в Москву и в Петербург на синодальные слушания больше не ездил.

1843 — устроение в Троице-Сергиевой лавре Гефсиманского скита.

16 ноября — святитель Филарет прочитал на всенощном бдении сочиненное им Житие преподобного Никона, игумена Радонежского. 1844, весна — на средства московского купца А. И. Лобкова началось издание избранных проповедей Филарета. Московский митрополит сделал все назначения сюжетов для барельефов и горельефов храма Христа Спасителя.

28 сентября — состоялось торжественное освящение церкви Успения Богородицы в Гефсиманском скиту.

1848 — в журнале «Звездочка» напечатано стихотворение, написанное в ответ на стихи Пушкина «Дар напрасный...», под названием «Пушкин, от мечтаний перешедший к размышлению».

Конец года — к Филарету приехал знакомиться Н. В. Гоголь.

1849, 3 апреля, день Пасхи — император Николай I пожаловал святителя Филарета алмазными знаками ордена Святого Андрея Первозванного.

9 апреля — торжественное освящение Императорского Кремлевского дворца.

1851, 22 августа — по случаю исполнившегося тридцатилетия архипастырской деятельности и двадцатипятилетия в сане митрополита Филарет награжден осыпанной алмазами панагией.

1852, 21 февраля — скончался Н. В. Гоголь, отпевание его в храме

Святой Татьяны.

29 апреля — скончалась игуменья Мария (Тучкова). По настоянию митрополита Филарета ее домик на Бородинском поле стал музеем.

1854, 10 января — святителю Филарету объявлена высочайшая благодарность и благодарность Святейшего синода за приношение от Свято-Троицкой лавры и от Чудова монастыря 50 тысяч рублей на воинов и за труды, понесенные в деле обращения рогожских раскольников.

1855, 12 января — святитель Филарет произнес слово на торжествах, посвященных столетию Московского университета.

18 марта — ему объявлена благодарность императора за пожертвованные 110 тысяч 600 рублей на военные надобности от Московской епархии. Святителем Филаретом написан «Акафист Пресвятой Богородице», а также «Изъяснение о проклятии, наложенном от собора 1667 года».

8 апреля — Филарет пишет возражения по поводу проекта росписей интерьера храма Христа Спасителя и сам проектирует сюжеты росписей.

1856, 26 августа — святитель Филарет совершил священное коронование Александра II и награжден осыпанным драгоценными камнями посохом. Вскоре он вновь поднял в Святейшем синоде вопрос о переводе Библии на русский язык, составил записку, доказывая, что русский язык не уступает в выразительности старославянскому. Мнение московского святителя оказалось решающим, и дело русского перевода Священного Писания получило ход. Скончался секретарь Филарета А. П. Святославский.

1857, 31 мая — святителю Филарету объявлена благодарность Святейшего синода за особенное, постоянное попечение о благоустройстве Московской духовной академии.

1861 — святитель Филарет редактирует «Манифест об отмене крепостного права» и отправляет его государю (5 февраля).

21 мая — за труды по подготовке Крестьянской реформы Филарет награжден медалью, посвященной сугубо этому событию.

6 июня — Филарет всемилостивейше пожалован наперсным крестом, украшенным драгоценными камнями.

7 сентября — король Греции наградил его знаками ордена Спасителя Большого креста.

1862, 31 октября — святитель Филарет получил благодарность от императрицы за пожертвованные 10 тысяч 100 рублей от духовенства Московской епархии в пользу пострадавших от пожара жителей Санкт-Петербурга.

1863, 11 сентября — святитель Филарет избран попечителем Общества любителей духовного просвещения.

1867, 5 августа — отмечалось пятидесятилетие служения святителя Филарета в епископском сане.

19 ноября — святитель Филарет совершил последнюю в своей жизни Божественную литургию. На исходе второго часа пополудни митрополит Московский и Коломенский Филарет отошел ко Господу. Погребение состоялось в Троице-Сергиевой лавре, в храме Сошествия Святого Духа, где некогда он принял монашеский постриг.

1883, январь — на Москве праздновался столетний юбилей со дня рождения московского владыки. Основные торжества проходили в Чудовом монастыре в Кремле.

1885–1888 — Святейшим синодом, под редакцией архиепископа Тверского Саввы, издано многотомное «Собрание мнений и отзывов митрополита Филарета по учебным и церковно-государственным вопросам».

1938–1941 — в Троице-Сергиевой лавре снесена церковь Сошествия Святого Духа; могилы святителя Филарета, святителя Иннокентия и преподобного Антония осквернены.

1994 — по благословению патриарха Алексия II проведены раскопки и обретены честные мощи святителя Филарета, святителя Иннокентия и преподобного Антония. Архиерейским собором Русской православной церкви святитель Филарет причислен к лику святых; память — 19 ноября по юлианскому календарю.

1996 — близ храма Святых апостолов Петра и Павла в Мемориальном парке Коломны поставлен памятный крест погребенным здесь родственникам святителя Филарета.

2004, 9 июня — состоялось перенесение мощей святителя Филарета из Троице-Сергиевой лавры в кафедральный собор Рождества Христова в Москве (храм Христа Спасителя).

ИЛЛЮСТРАЦИИ

архиепископъ св. Московскій

Домик в Коломне, где проживали Дроздовы. Фото 2-й половины XIX в.

Евдокия Никитична Дроздова

Вид с южной стороны на Свято-Троицкую Сергиеву лавру. Литография неизвестного художника середины XIX в.

Митрополит Платон (Левшин). Неизвестный художник. 1780–1790 гг.

Чудов монастырь в Кремле

*Подворье Троице-Сергиевой лавры в Москве. 1840-е гг. Литография неизвестного художника.
Государственный исторический музей. Москва*

Император Александр I

Обер-прокурор Святейшего синода А. Н. Голицын

Санкт-Петербург, здание Святейшего синода

«Пушкин на лицейском экзамене».

Картина И. Е. Репина

Александрo-Невская лавра в Санкт-Петербурге

Генерал-майор Александр Тучков 4-й

Игуменья Мария (Тучкова)

Спасо-Бородинский женский монастырь

Александр Пушкин и святитель Филарет Московский.

Миниатюра работы архимандрита Зинова

Император Николай I

Въезд императора Николая I в Москву во время холеры 1831 года

Александр Сергеевич Пушкин

Николай Васильевич Гоголь

Петр Яковлевич Чаадаев

Андрей Николаевич Муравьев

Митрополит Киевский и Галицкий Филарет (Амфитеатров)

Преподобный Антоний (Медведев), наместник Троице-Сергиевой лавры

Архиепископ Черниговский и Нежинский Филарет (Гумилевский)

Святитель Иннокентий (Попов-Вениаминов)

Предметы обихода и облачения святителя Филарета: наперсный крест, митра

Святитель Филарет (Дроздов). 1-я половина XIX в. Мастерская П. П. Семечкина

*Святитель Филарет совершает миропомазание императора Александра II в Успенском соборе
Московского Кремля 26 августа 1856 года*

БОЖІЮ МИЛОСТІЮ
МЫ, АЛЕКСАНДРЪ ВТОРЫЙ,
ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ
ВСЕРОССИЙСКІЙ,
ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ, БЕЛІНСКІЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКІЙ,
и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ НАШИМЪ вѣрноподданнѣмъ.

Божію Промыслию и священной заповѣдью престолонаследія бывъ призваны на императорскій Всероссийскій Престолъ, въ соответствии съему призванію МЫ исполнили въ сердцѣ СВОЕМЪ обѣтъ обиднаты ЦАШЕЮ Царскю любовью и пожеланіемъ всѣмъ НАШИМЪ вѣрноподданнѣмъ всецѣло забота и составили, отъ благородно казвощаго нечестія на зачету Отечества до твердо работающаго ремесленнѣмъ орудіемъ, отъ продолжала высшюю службу Государственную до привелишило на полъ борозду сѣваю или плугонъ.

Въвиду съ исполненіе землѣи в составѣ Государства, МЫ усмотрѣли, что Государственнымъ законодательствомъ, дѣятельно благоустроилъ высшій и средній сословія, опредѣли ихъ обязанности, права и преимуществъ, не достигло равновѣсной дѣятельности въ отношеніи къ людямъ крѣпостнымъ, такъ казвощаиъ хотѣли, что они, частію старыми казвощаиъ, частію облычжи, потонстѣилю укрѣдичиы полъ властїи помѣщичьихъ, на которыхъ съ таиъ жебѣтъ лежить обязанность устроить ихъ благоустройство. Право помѣщичьихъ было допачѣиъ обширны и не опредѣлены съ точностію закономъ, жѣсто котораго заступали предѣлы, обычаи и добродѣиъ похощаилю. Въ лучшѣихъ случаяхъ или сего

Манифест 19 февраля 1861 года

Гетсиманский скит. Середина XIX в. Литография

Святитель Филарет в Гетсиманском скиту

Гетсиманский скит с южной стороны. 1865 г.

Храм Христа Спасителя

Один из горельефов храма Христа Спасителя

Икона праведного Филарета Милостивого. Современная икона

Святитель Филарет. Современная икона

Катехизис святителя Филарета (Дроздова).

Современное издание

Храм Христа Спасителя —

место погребения святителя Филарета Московского

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Основные издания сочинений святителя Филарета

Житие преподобного и богоносного отца нашего Сергия Радонежского и всея России чудотворца. М., 1836.

Житие преподобного Никона, игумена Радонежского. М., 1844.

Из воспоминаний покойного Филарета, митрополита Московского. М., 1868.

Избранные труды. Письма. Воспоминания. М., 2003.

Исторические чтения из книг Ветхого Завета для употребления в училищах. СПб., 1822.

Келейный дневник Московского митрополита Филарета. М., 1908.

Краткий катехизис православной католической греко-русской церкви. СПб., 1824.

Меч духовный. М., 2010.

Перевод Евангелия от Иоанна на русский язык. СПб., 1819.

Письма к А. Н. Муравьеву (1822–1867 гг.). Киев, 1869.

Письма митрополита Филарета к родным (1800–1866 гг.). М., 1882.

Письма преподобному Антонию наместнику Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. Т. I–III. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2007.

Полное собрание резолюций Филарета, митрополита Московского. Т. I–V. М., 1903–1916.

Призовите Бога в помощь. Письма. М., 2006.

Разговоры между испытующим и уверенным о Православии Восточной Греко-Русской Церкви с присовокуплением выписки из окружного послания Фотия, патриарха Царе градского, к восточным патриаршим престолом. СПб., 1815.

Рассуждение о нравственных причинах невероятных успехов наших в настоящей войне (т. е. в войне 1812 г.). СПб., 1813.

Собрание мнений и отзывов Филарета митрополита Московского и Коломенского по учебным и церковно-государственным вопросам. Т. I–V. СПб., 1885–1888.

Сказание об обретении мощей святителя Митрофана, епископа Воронежского. СПб., 1832.

Таблица чтений из Священного Писания, церковной и гражданской

печати. СПб., 1819.

Творения. Слова и речи. Т. I–V. М., 2003–2007.

Христианский катехизис православных кафеолических восточных греко-российских церкви. СПб., 1823.

Чтения из четырех Евангелистов и из книги Деяний апостольских для употребления в гражданских училищах. СПб., 1820.

Литература о святителе Филарете

Архангельский А. Н. Первый и последний. Старец Феодор Козмич и царь Александр I. М., 1995.

Виноградов В. П. Платон и Филарет, митрополиты Московские (сравнительная характеристика их нравственного облика). Сергиев Посад, 1913.

Вислоцкий А. Митрополит Филарет и Библейское Общество. Троице-Сергиева Лавра, 1852.

Геннадий (Гоголев), архимандрит. Святитель Филарет (Дроздов) и его роль в создании русского народного языка. Кострома, 2008.

Дмитриев Д. Гефсиманский скит: Памяти незабвенного иерарха Церкви Московской, митрополита Филарета. Свято-Троице-Сергиева Лавра, 1898.

Зарницкий И. И. Филарет митрополит Московский, как проповедник. СПб., 1858.

Иоанн (Снычев), митрополит. Жизнь и деятельность Филарета митрополита Московского. Тула, 1994.

Канонизация святых в XX веке. М., 1999.

Козлов Максим, протоиерей. Заветы святителя Филарета митрополита Московского русской культуре. Саратов, 2009.

Корсунский И. Н. Святитель Филарет митрополит Московский, его жизнь и деятельность на Московской кафедре. Харьков, 1894.

Лебедев А. П. Черты нравственного облика Московского митрополита Филарета. М., 1905.

Лесков Н. С. Борьба за преобладание. Собрание сочинений. Т. VI. М., 1998.

Поселянин Е. Н. Русские подвижники XIX века. СПб., 1910.

Скурат К. Е. Алфавит духовный. Избранные советы и наставления святителя Филарета Московского. М., 2010.

Смирнов А. А., протоиерей. Детство, отрочество, юность, годы ученья

и учительства в Троицкой Лаврской семинарии митрополита Филарета (1782–1808 гг.). М., 1893.

Смолич И. К. История русской Церкви. 1700–1917. М., 1997.

Сушков Н. В. Записки о жизни и времени святителя Филарета, митрополита Московского. М., 1868.

Шемякин В. И. Москва, ее святыни и памятники. М., 1896.

Яковлев А. И. Век Филарета. М., 2010.

Яковлев А. И. Светоч Русской Церкви: Жизнеописание святителя Филарета (Дроздова), митрополита Московского и Коломенского. М., 2007.

INFO

Сегень А. Ю.

С 28 Филарет Московский / Александр Сегень. — М.: Молодая гвардия, 2011. — 431 [1] с.: ил. — (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1310).

ISBN 978-5-235-03425-9

УДК 27-772(092)»18»

ББК 86.372

Сегень Александр Юрьевич
ФИЛАРЕТ МОСКОВСКИЙ

Редактор *А. Ю. Бондаренко*

Художественный редактор *Н. С. Штефан*

Технический редактор *В. В. Пилкова*

Корректоры *Т. И. Маляренко, Г. В. Платова*

Лицензия ЛР № 040224 от 02.06.97 г.

Сдано в набор 10.11.2010. Подписано в печать 30.03.2011.
Формат 84x108/32.

Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура «Newton». Усл. печ. л. 22,68+0,84 вкл. Тираж 5000 экз. Заказ 10460

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства: 127994, Москва, Сущевская ул., 21. Internet: <http://gvardiya.ru>. E-mail: dse1@evardiva.ru

Типография АО «Молодая гвардия». Адрес типографии: 127994, Москва, Сущевская ул., 21

---

notes

Примечания

1

Второе четверостишие представлено в одном из авторских вариантов.

2

О переходе с ориентализма на окцидентализм.

Утомленный всем этим, зову я смерть, успокоительницу... (англ.).

По другим данным — 1747-го.

Септуагинта (Septuaginta) — перевод Библии на греческий язык семьдесятю двумя избранными старцами в III–I веках до Рождества Христова.

Знаменский П. В. Руководство к русской церковной истории. Казань, 1870.

Очерк жизнеописания высокопреосвященнейшаго Филарета, митрополита московскаго и коломенскаго. М., 1868.

Увясло — церковная повязка.

Филаретика — собрание материалов о жизни и деятельности митрополита Филарета; филаретик — ученый, занимающийся изучением этих материалов.

10

Так в оригинале.

«Акты исторические, относящиеся к России, извлеченные из иностранных архивов и библиотек А. И. Тургеневым».

Так в оригинале.

Михаил Осипович Микешин (1835–1896) — скульптор, автор проекта памятника «Тысячелетие России».